А. П. ГРИЦКЕВИЧ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ РСФСР 1918 – 1920

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ

Анатолий ГРИЦКЕВИЧ

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ РСФСР. 1918–1920.

БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ ЗА БЕЛОРУССИЮ

Под общей редакцией А.Е. Тараса

Минск
Харвест

УДК 947.6
ББК 63.3(4Беи)
Г 85

Серия основана в 2005 году

Рецензенты:

Доктор исторических наук, профессор З.В. Шибеко.

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник В.Г. Мазец

Грицкевич А.П.

Г 85 Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. / Научное редактирование А.Е. Тараса. — Минск: Харвест, 2010. — 496 с. — (Серия «Неизвестные войны»).

ISBN-978-985-16-6650-4

В книге подробно рассмотрены события советско-польской войны 1919–1920 гг. В отличие от прежних публикаций коммунистических историков по этой теме, ограниченных рамками статей Ленина и мемуаров командиров РККА периода 1920-х годов, автор использовал в первую очередь исследования польских и белорусских ученых, неизвестные русскоязычной аудитории.

О многом читатели узнают впервые, например, о жестоких сражениях на рубеже рек Неман и Щара в сентябре 1920 года, о Полесском походе армии Булак-Балаховича, о Слуцком вооруженном выступлении.

Помимо собственно боевых действий, автор достаточно подробно описал общественно-политическую ситуацию на территории Белоруссии и вокруг нее с конца 1917 по весну 1921 года. Значительное внимание он уделил советско-польским мирным переговорам.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN-978-985-16-6650-4

Предисловие автора

Предлагаемая книга рассчитана в первую очередь на российского читателя, которому мало что известно о перепетиях войны между Советской Россией и Польшей в 1919–20 гг. Официальная советская историография всегда определяла эту войну как «поход Антанты», несмотря на то, что реально она была борьбой за установление новых границ между Россией и Польшей. Оба государства претендовали на территории Белоруссии и Украины, ссылаясь при этом на исторические факты, на этнический состав местного населения, а также на его политические ориентации. Как известно, вооруженное столкновение «красных» русских и «белых» поляков завершилось компромиссом: западные области Белоруссии и Украины на 20 лет достались Польше, восточные — России.

После окончания советско-польской войны 1919–20 гг. ее анализировали и в СССР, и в Польше. Советские военные историки 20-х годов, это бывшие офицеры царской армии, поступившие на службу в Красную Армию и ставшие командующими фронтами, армиями, корпусами, дивизиями Они освещали события прошедшей войны с сугубо военной точки зрения, не забывая время от времени подчеркивать свою приверженность новому строю. Территория Белоруссии и Украины была для них исключительно театром военных действий, обширным пространством полей и лесов, водных рубежей, железнодорожных линий, шоссейных и проселочных дорог. Местное население интересовало военных историков только как потенциальный людской резерв для пополнения войск.

Кроме того, они рассматривали территории Белоруссии и Украины как неотъемлемую часть России. Это было естественным для имперского мышления бывших царских офицеров. К тому же, такой подход соответствовал имперской политике большевистского руководства РСФСР и СССР, осуществлявшейся под лозунгом мировой революции.

Однако большевистское хвастовство военных донесений, приукрашивание действий своего командования, замалчивание неудач было им чуждо. Они также не привыкли ритуально упоминать «единственно верные» высказывания партийных вождей, чем с конца 30-х годов грешили абсолютно все советские историки.

Наиболее серьезным исследованием советско-польской войны того периода стала книга Н.Е. Какурина и В.А. Меликова «Война с белополяками. 1920», изданая в 1925 году. Написали свои мемуары бывшие командующие фронтами М.Н. Тухачевский и А.И. Егоров,

командующие армиями или корпусами В.К. Путна, Е.Н. Сергеев, Г.Д. Гай, С.А. Меженинов и некоторые другие.

Особенностью советской военно-исторической литературы являются постоянные ссылки на директивы партийно-политического руководства и приказы своего командования, при полном отсутствии ссылок на документы бывшего противника, на исследования зарубежных авторов.

Первыми польскими исследователями советско-польской войны тоже стали ее участники — генералы В. Сикорский, Л. Желиговский, Т. Кутшеба, М. Кукель и другие. В 1920-е годы они использовали в основном польские источники, но после публикации советских работ обратились и к ним. Так, маршал Юзеф Пилсудский издал книгу «Война 1920 года», поместив в качестве приложения к ней перевод книги М.Н. Тухачевского «Поход на Вислу». Для книг польских генералов характерна критика авторами действий не только своих командующих фронтами и армиями, но даже главнокомандующего — Пилсудского.

В 1937–38 годах большинство советских командиров высшего ранга, командовавших войсками в период советско-польской войны, были репрессированы (казнены), а их книги изъяты из библиотек. В связи со становлением культа личности Сталина начался тотальный пересмотр его роли в истории гражданской войны. В частности, требовалось затушевать ошибочные решения Сталина в бытность его членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта во время Львовской операции. Надо было также вычеркнуть из истории Троцкого — создателя Красной Армии, народного комиссара по военным делам, председателя Реввоенсовета РСФСР. Целенаправленные исследования советско-польской войны прекратились.

Не было таких исследований и после 1945 года. Советские «друзья» силой навязали Польше коммунистический режим сталинского образца, враждебно воспринятый польским народом. Поэтому напоминать полякам о попытке лишения их независимости в 1920 году было невыгодно и советским, и польским коммунистическим правителям.

В работах общего характера события советско-польской войны излагались предельно кратко, причем в пропагандистском стиле, согласно жестким большевистским канонам. За основу брались при этом непреложные цитаты из сочинений Ленина и Сталина, из документов партийных съездов, конференций, пленумов ЦК. Именно они послужили источником мифов, сохраняющихся до сих пор.

Например, в 39-м томе «Большой Советской Энциклопедии» (1956 г.) есть статья на трех страницах «Советско-польская война 1920», содержание которой сводится, в основном, к ссылкам на выступления Ленина, его доклад на X съезде РКП(б), и на статьи Ста-

лина. Этот том был напечатан во время заседаний XX съезда КПСС, поэтому Сталина не успели вычеркнуть. Общая оценка войны дана в начале статьи:

> «Война буржуазно-помещичьей Польши против Советской России в апреле — октябре 1920... была развязана правительством Пилсудского с целью выхода из раздиравших страну противоречий и в соответствии с замыслами польских империалистов и империалистов стран Антанты» (с. 506).

Сходное определение дает небольшая статья в 13-м томе «Советской исторической энциклопедии» (1971 г.):

> /Советско-польская война, это/ «отражение Советским государством агрессии буржуазно-помещичьей Польши в апреле — октябре, представлявшей собой «...одно из звеньев длинной цепи событий, означающих... бешеную попытку международной буржуазии задушить Советскую Россию». (Ленин В.И. ПСС, том 41, с. 112).

Советские историки после 1956 года по сути дела лишь повторяли фактологию и выводы военных исследователей 20-х годов, густо добавляя к ним, помимо некоторых новых данных, извлеченных из архивных документова, цитаты из речей Ленина и выдержки из партийных документов. Слабостью таких исследований являлось игнорирование польских источников, а также некритическое отношение к переписываемым трудам репрессированных авторов.

Все характеристики советско-польской войны в работах на русском языке, опубликованных до 1992 года, мало различаются между собой. Они напоминают шаманские заклинания, основанные на цитатах из выступлений советских вождей во времена гражданской войны. Казалось бы, что в 1970-е годы можно было уже по-новому подойти к освещению этого вопроса. Однако в статье «Война с буржуазно-помещичьей Польшей 1920» (с. 314–315) во 2-м томе «Советской Военной Энциклопедии» (1976 г.) сказано:

> «Война, развязанная польскими милитаристами при поддержке международного империализма против Республики Советов в период Гражданской войны и военной интервенции в России. Организаторами и вдохновителями агрессии польских милитаристов были империалисты Антанты и США».

Словом, в той войне было виновно исключительно польское руководство, поддержанное лидерами стран Антанты и даже США. О подготовке вторжения Красной Армии в Польшу, о попытках экспорта революции в Германию, Венгрию, Чехословакию и Румынию не сказано ни слова.

Кроме того, всячески затушевывался тот факт, что в кампании 1920 года Красная Армия была разбита вдребезги. Вместо этого в советской литературе, как научной, так и пропагандистской, муссировались выражения типа «крах очередного похода Антанты». Лишь вскользь говорилось о «поражении войск Тухачевского под Варшавой», что же касается второго такого же поражения в битве на реке Неман, то о нем до сих пор хранится молчание. Например, в 10-м томе «Советской исторической энциклопедии», изданном в 1967 году, вслед за статьей «Нельсон» помещена статья «Неманичи». А во 2-м томе «Военного энциклопедического словаря» (2001 г.) рассказывается о Неманской армейской пушечной артиллерийской бригаде. О Неманском сражении — ни слова!

В советский период все исследования по истории войны 1919–20 гг. концентрировались в Москве. Московские историки стали своего рода монополистами и «законодателями» в данной сфере, тогда как в БССР и УССР она фактически была закрыта. Более того, соблюдалась неформальная договоренность с польской стороной о возможно меньшем освещении этой темы.

Отношение к Белоруссии и Украине у большинства советских историков, занимавшихся проблемами гражданской войны и интервенции, было таким же, как у военных, — это театры военных действий, рассматривавшиеся с точки зрения военного командования. Но главный их недостаток был в том, что все они рассматривали и оценивали события исключительно с точки зрения интересов РСФСР и РКП(б). Все национальное они подвергали осуждению.

Не проводились специальные исследования и в Польской Народной Республике. Так, в польском энциклопедическом справочнике (Варшава, 1974 г., с. 896) статья «Война польско-советская» занимает всего лишь 16 строк в одной из трех колонок. В ней причиной войны назван отказ польской стороны от предложений Советской России мирным путем решить спор о границах между Россией и Польшей (без упоминания о Белоруссии).

С иных позиций рассматривали советско-польскую войну польские авторы-эмигранты. Первой среди таких работ стала историко-публицистическая книга Станислава Мацкевича «История Польши от 11 ноября 1918 до 17 сентября 1939 года», изданная в Лондоне в 1941 году (после 1985 года ее несколько раз переиздали в Варшаве и Кракове). Следует также отметить двухтомный труд Богдана Скарадзиньского «Польские годы 1919–1920», изданный под псевдонимом за границей в 1987 году и переизданный с фамилией автора в Варшаве в 1993. Это книга аналитического характера содержит много ссылок на документы, массу цитат из мемуаров и исторических трудов.

Интерес к событиям 1918–20 годов оживился в Польше после падения власти коммунистов. Так, в 1994 году Мечислав Прушиньский опубликовал книгу «Драма Пилсудского. Война 1920 года» (в 1997 ее издали в Киеве в переводе на украинский язык). Издаются в Польше и другие книги, посвященные советско-польской войне. Польская военно-историческая литература, естественно, освещает события в аспекте польских национальных и государственных интересов. Но ее выгодно отличает от советских исследований критическое отношение к своим политикам, генералам и даже к главнокомандующему (Пилсудскому). Однако польские историки, как и российские, фактически не касаются судеб народов тех стран, на чьей территории происходили военные действия. Все же объективности у них намного больше, чем у современных российских авторов.

Белорусские советские историки советско-польскую войну не исследовали по указанным выше причинам, а связанные с ней вопросы определяли согласно партийным канонам. Некоторое внимание они уделяли лишь вопросам партизанской борьбы против «белополяков». Ни одной капитальной работы о советско-польской войне белорусские советские историки не создали.

В 1970-е годы появились статьи о советско-польской войне в многотомной «Белорусской Советской Энциклопедии». Естественно, там фигурируют стереотипные характеристики: «война, вызванная агрессией Польши, которую спровоцировали государства Антанты и США»...

В белорусской национальной историографии установились совершенно иные воззрения на эту войну. Например, в книге Я. Найдюка и И. Косяка «Беларусь вчера и сегодня» (1993 г.) война 1919–20 гг. названа «польско-большевистской». В ней отмечено, что «польская армия... несла с собой для Белоруссии полонизацию» (с. 167), а большевики — с другой стороны — «создали государство /БССР/ колониального характера, да еще и поделили с Польшей белорусские земли» (с. 205). В статье А. Грицкевича «История геополитики Белоруссии» сказано, что правительство Ленина считало территорию Белоруссии российской и приведены многочисленные доказательства тому.

С середины 1990-х годов в Москве начали выходить новые книги о советско-польской войне 1919–20 годов, но и они мало отличаются от прежних изданий. Правда, нынешние российские историки уже не цитируют ни Ленина, ни Сталина. Зато общий тон изложения остался прежним: «польская агрессия против Советской России» и ничто иное. Рассматривая эту проблему, росийские историки по-прежнему «воюют» за большевистскую Россию против «белополяков» и против «кулацких банд» (т.е. против антибольшевист-

ски настроенного белорусского и украинского крестьянства). Стремление патриотов Литвы, Белоруссии и Украины к достижению независимости своих стран они категорически осуждают. Герои национальных движений для них всего лишь «бандиты» (например, С. Петлюра, Н. Махно, С. Булак-Балахович, В. Прокулевич). Иначе говоря, в освещении событий на Западном и Юго-Западном фронтах РСФСР большинство российских историков осталось на старых позициях советской историографии.

Так, книга М.И. Мельтюхова «Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.» (2001 г.) является не столько научной, сколько агитационной. К тому же ряду относятся книги И.Н. Михутиной «Польско-советская война 1919–1920 гг.» (1994 г.), А.Б. Широкорада «Польша: Непримиримое соседство» (2008 г.) и другие*.

Ныне можно выделить следующие группы авторов, освещающих историю советско-польской войны 1919–20 гг.,

Прежде всего, это российские историки из Москвы и Петербурга. Они стоят на прежних советских позициях, разве что заменили классовый подход к оценке исторических событий российским имперским. Данная группа историков использует прежние аргументы и даже лексику большевистских вождей, но без ссылок на них. Они не интересуются ни военными документами, ни литературой польской стороны, как и положением дел в тогдашней Белоруссии.

Вторая группа — польские историки, которыми детально и более объективно разработали военную историю, но почти не исследовали внутреннюю историю Белоруссии в период польской оккупации.

Третью группу составляют те белорусские историки, которые стоят на платформе национальной концепции истории Белоруссии, принятой Институтом истории Национальной Академии наук в первой половине 1990-х годов. Однако военную историю советско-польской войны они тоже по существу еще не рассматривали.

Предлагаемая книга является первой среди русскоязычных исследований советско-польской войны 1919–1920 годов, где учтены дипломатические отношения того периода, борьба политических сил в Белоруссии и Польше, политические действия советского российского и польского правительств. Ее важной особенностью является также симпатия к национальным движениям в бывших российских колониях — Литве, Белоруссии и Украине.

---

* Последняя из указанных книг поражает, помимо прочего, невежеством автора в вопросах, известных в нынешней Белоруссии любому выпускнику исторического факультета, но сочетающимся с апломбом при освещении самых запутанных исторических проблем. Вдобавок А.Б. Широкорад, рассуждая о польской политике и политиках, о действиях польской армии, в отличие от Мельтюхова и Михутиной прекрасно обходится без польских источников!

От редактора

О сокращениях

Автор представил в издательство весьма объемный труд (около 1.600.000 знаков, примерно 930 книжных страниц). Вряд ли нашлось бы много желающих читать столь внушительный фолиант. Поэтому издательству пришлось произвести существенные сокращения.

Во-первых, мы сняли материалы, посвященных событиям в Украине и боевым действиям на Юго-Западном фронте. В настоящее время профессор Грицкевич готовит новую книгу «Борьба за Украину в 1918–1920 гг.»

Во-вторых, удалось сделать ряд сокращений в тексте.

В-третьих, редактор снял не менее половины постраничных сносок автора.

В результате удалось добиться приемлемого объема книги.

О названиях

В настоящее время в независимом суверенном государстве Республика Беларусь официально приняты следующие термины: 1) Беларусь, а не Белоруссия; 2) беларуский (ая), а не белорусский (ая). Но с учетом того, что в исторический период, рассматриваемый автором, повсеместно употреблялись термины «Белоруссия» и «белорусский», издательство решило сохранить старую транскрипцию.

По поводу термина «Беларусь» надо отметить следующее. Историческим предшественником Республики Беларусь является Великое княжество Литовское (ВКЛ), существовавшее более 550 лет — с 1248 по 1795 год. Это государство было многонациональным, но этнически в нем весьма значительно преобладали литвины — предки нынешних беларусов. С 1569 года ВКЛ входило в состав конфедеративного государства Речь Посполитая (Rzecz Pospolita). В Речи Посполитой ВКЛ сохраняло свои органы власти всех уровней и полное самоуправление, собственное законодательство и судопроизводство, финансовую систему, вооруженные силы, полицию, другие атрибуты государства.

После захвата Россией земель Речи Посполитой (в 1772, 1793 и 1795 гг.), по решению чиновников императрицы Екатерины II, восточную часть территории ВКЛ стали именовать Белоруссией (Смоленская, Витебская, Могилевская губернии), а западную — Литвой (Ковенская, Виленская, Гродненская, Минская губернии). С 1863 года за обеими этими частями власти Росийской империи закрепили название Северо-Западный край Российской империи. Наряду с ним сохранилось неофициальное употребление терминов Белоруссия и Литва.

Столицей ВКЛ во все времена являлся город Вильня. Поляки называли его Вильно, а жемойты — Вильнюс (точно так же по-беларуски Гародня; на польском — Гродно; на жемойтском — Гардинас). В тексте этой книги используется беларуское названия — Вильня.

Аббревиатуры и сокращения, используемые в книге

БНР — Белорусская Народная Республика

БССР — Белорусская Советская Социалистическая Республика

ВКЛ — Великое княжество Литовское

ВЦИК — Всероссийский исполнительный комитет советов рабочих, крестьянских, солдатских и казачьих депутатов. Это верховный законодательный, распорядительный и контрольный орган РСФСР (СССР), действовавший в периоды между съездами советов, с ноября 1917 по 1936 год. В 1937 году его сменил Верховный Совет СССР.

ВЧК — Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Главный карательный орган большевиков, созданный в декабре 1917 года.

Главковерх — Верховный главнокомандующий вооруженными силами России (РСФСР)

Запфронт — Западный фронт РСФСР

ЗУНР — Западно-Украинская Народная Республика

Исполком — Исполнительный комитет

Лит-Бел — Литовско-Белорусская Советская Республика

МБД — Министерство белорусских дел в правительстве Литовской республики

Нарком, наркомат — Народный комиссар, Народный комиссариат

РВС — Революционный военный совет

Ревком — Революционный комитет

РКП(б) — Российская коммунистическая партия (большевиков)

РСДРП(б) — Российская социал-демократическая партия (фракция большевиков)

СД — стрелковая дивизия в Красной Армии

Совнарком, СНК — Совет Народных Комиссаров

ССРБ — Советская Социалистическая Республика Белоруссия

УНР — Украинская Народная Республика

ЦБВР — Центральная Белорусская Войсковая Рада (рада — совет)

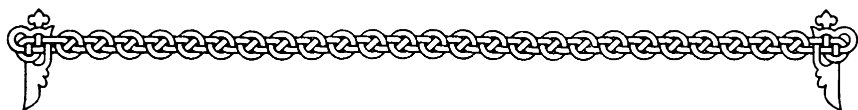
ЦИК — Центральный исполнительный комитет (советов)

ЦК — Центральный комитет (партии)

ЦРБО — Центральная Рада (совет) белорусских организаций

ЧК — Чрезвычайная комиссия

ЮЗФ — Юго-Западный фронт РСФСР

Часть I

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СОВЕТСКО-ПОЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

Глава 1

СИТУАЦИЯ В БЕЛОРУССИИ В 1917—1919 гг.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССИИ

В самом начале мировой войны, 19 июля (1 августа)* 1914 года было создано оперативно-стратегическое соединение российской армии в Прибалтике и северной части Польши — Северо-Западный фронт. В тот же день был создан и Юго-Западный фронт в южной части Польши и на границе с Галицией (частью Западной Украины, принадлежавшей Австро-Венгрии).

В связи с мощным наступлением германских войск летом 1915 года 4 (17) августа 1915 года верховное командование разделило Северо-Западный фронт на два фронта — Северный (в Прибалтике) и Западный (для прикрытия стратегического направления Смоленск — Москва). С октября 1915 года и до февраля 1918 Западный фронт стабилизировался по линии Двинск (Даугавпилс) — Поставы — озеро Нарочь — Сморгонь — Крева — Барановичи — Пинск.

Штаб фронта был переведен из Бреста (тогда Брест-Литовска) в Минск. С 22 февраля 1918 года он находился в Смоленске, а 24 марта перебазировался в Тамбов. 30 марта 1918 года штаб Западного фронта был расформирован согласно условиям Брестского мирного договора.

Ставка Верховного главнокомандующего российской армией находилась сначала в Барановичах, а с 21 (8) августа 1915 года — в Могилеве.

Западный фронт протянулся примерно на 500 километров, от местечка Видзы (ныне в Витебской области, у литовской границы) до полесского города Лунинец.

В состав фронта в разное время входили несколько армий. В 1917—18 гг. линию фронта занимали (с севера на юг) 3-я армия (штаб в Полоцке), 10-я армия (штаб в Вилейке) и 2-я армия (штаб в Слуцке). В феврале 1917 года на этом фронте находилось более 1,5 миллиона солдат и офицеров, а вместе с тыловыми и запасными частями — до 2 миллионов. С немецкой стороны фронта было около миллиона военнослужащих.

После февральской революции в войсках Западного фронта возникли 7284 солдатских комитетов, в том числе 3 армейских, 15 корпусных, 60 дивизионных, 57 хозяйственно-технических, 484 полко-

---

* Первая дата — по новому стилю, вторая — по старому.

вых, 6665 ротных. В соответствии с приказом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов № 1, эти комитеты давали согласие на проведение военных операций, контролировали деятельность командиров всех уровней. Большевики, которых было немало на фронте, использовали солдатские комитеты для антивоенной агитации. Фактически на Западном фронте уже летом 1917 года создалось двоевластие, а приказы командования солдатские комитеты очень часто отвергали.

К моменту большевистского переворота в Петрограде 7 ноября (25 октября) 1917 года созданный большевиками Военно-революционный комитет (ВРК) Западного фронта сместил командующего фронтом генерала от инфантерии П.С. Балуева* и назначил вместо него подполковника В.В. Каменщикова (большевика), а через две недели избрал командующим Западным фронтом большевика, прапорщика А.Ф. Мясникова.

Отметим, что мобилизованных в Белоруссии солдат верховное командование в 1914–17 годы специально отправляло на другие фронты (Северный, Юго-Западный, Румынский, Кавказский). Поэтому как солдатская масса в целом, так и ее и большевизированная часть на Западном фронте были чужды интересам белорусского народа.

ВОЗОБНОВЛЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БЕЛОРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Мировая война показала банкротство российской имперской модели государства. Для преодоления глубокого социально-экономического и политического кризиса требовалось ликвидировать не только самодержавие в России, но и саму империю.

Февральская революция 1917 года повсюду пробудила к активной жизни национальные движения. Активизировалось и белорусское национальное движение. До начала войны его главным культурным и политическим центром был город Вильня (ныне Вильнюс). Но к осени 1915 года Вильню и западную часть Белоруссии оккупировали немецкие войска, в связи с чем центр культурной

---

* С 1918 Балуев служил в Красной Армии, умер в 1923.

Прапорщик — самый младший офицерский чин в русской армии до 1918 г. Понятно, что младший офицер не имел и не мог иметь ни знаний, ни опыта, ни авторитета, необходимых для командования хотя бы полком, не то что армией или целым фронтом. — *Прим. Ред.*

и политической жизни края переместился в губернский город Минск.

Политическую деятельность местного населения оккупационные власти резко ограничили. А в восточной части Белоруссии с марта 1917 года возобновилась политическая деятельность революционных и национальных организаций, прекращенная царскими властями в период войны, когда в прифронтовой зоне был установлен жесткий военно-полицейский режим. Теперь в Минске и других белорусских городах, несмотря на близость фронта, начали действовать различные политические партии и общественные организации. Так, в марте возобновила свою деятельность Белорусская Социалистическая Громада (БСГ), левая партия, действовавшая в период революции 1905–07 гг.

Существовавшее в Минске отделение Белорусского товарищества помощи пострадавшим от войны, куда входили белорусские интеллигенты и литераторы, объявило себя Временным Белорусским национальным комитетом. Этот комитет 25–27 марта 1917 года провел в Минске съезд белорусских национальных организаций. На съезде белорусских национальных организаций был создан Белорусский национальный комитет (БНК), который возглавил бывший депутат российской Государственной Думы Роман Скирмунт (1868–1939), либеральный помещик из Пинского уезда. В состав комитета вошли 18 человек.

По поручению съезда, БНК должен был договориться с Временным правительством России о провозглашении автономии Белоруссии и провести демократические выборы в Белорусскую краевую раду (совет). Съезд также высказался за создание школ с белорусским языком обучения. В мае 1917 года в Минске начала выходить газета «Вольная Белоруссия», орган комитета.

После Февральской революции повсеместно активизировались и левые российские партии — большевики, меньшевики, социалисты-революционеры (эсэры), анархисты. Много их было на Западном фронте, а также в советах рабочих и солдатских депутатов в городах. Поскольку сразу после революции большевиков в Белоруссии было мало, то первые несколько месяцев они входили в объединенные социал-демократические организации («объединёнки»), где поначалу составляли меньшинство. Но по мере усиления своего влияния и радикализации настроений масс населения, большевики с осени 1917 года выходили из «объединенок», чтобы проводить самостоятельную политику и готовиться к захвату власти.

Между тем, 24–25 мая 1917 года в Минске состоялся съезд белорусского католического духовенства. Он постановил добиваться широкой автономии для Белоруссии и введения белорусского языка в католических храмах. В костёлах Минска ввели дополнительно

проповеди на белорусском языке. Была принята резолюция о преподавании в школах ряда предметов на белорусском языке.

21–23 (8–10) июля 1917 года в Минске прошел съезд белорусских политических партий и общественных организаций. Большинство делегатов высказалось за политическую автономию Белоруссии в составе Российской федеративной демократической республики. Вместо БНК съезд избрал Исполнительный комитет Центральной рады белорусских организаций (ЦРБО), созданной на съезде. 18–19 (5–6) августа 1917 года в Минске состоялась первая сессия ЦРБО, которая утвердила устав рады и объявила ее руководящим органом всего белорусского национального движения.

Одновременно на разных фронтах начали возникать белорусские национальные организации. 31 октября — 12 ноября (18–24 октября) 1917 года в Минске прошел съезд белорусов-военнослужащих Западного фронта. На съезде присутствовали представители воинов-белорусов Северного и Румынского фронтов, Балтийского флота. Делегаты высказали готовность защищать белорусские земли и российскую демократию, избрали Центральную Белорусскую Войсковую Раду (ЦБВР).

В условиях демократизации общественной жизни, Временное правительство России, по соглашению с деятелями национальных движений, разрешило создавать национальные воинские части. Появились первые украинские, латышские, польские, кавказские формирования. Позже стали создаваться белорусские, татарские, башкирские и другие воинские части. Из числа военнопленных австро-венгерской армии формировался чехословацкий корпус*.

Однако процесс создания белорусских полков запаздывал по сравнению с организацией украинских, польских и латышских национальных воинских формирований, тем более что большинство белорусов служили не на Западном фронте. Нужно было не только организовать национальные части, но и доставить их в Белоруссию, что в условиях военного времени являлось сложной задачей.

Несомненно, что решение Временного правительства о создании национальных частей было чисто политическим. Перевес сил стран Антанты над странами Центрального блока в 1917 году уже не вызывал сомнений. Поэтому Временное правительство России прилагало усилия к тому, чтобы в условиях революции обязательно сохранить фронт. Таким образом оно рассчитывало, во-первых, ока-

---

* Одновременно на фронте и в тылу, под влиянием антивоенной агитации большевиков, происходил распад российской армии, особенно усилившийся после подавления мятежа генерала Л.Г. Корнилова (мятеж происходил с 7 по 12 сентября /25–30 августа/ 1917 года). В крупных тыловых городах появились многочисленные дезертиры с фронта. — *Прим. Ред.*

заться в лагере победителей, а во-вторых, уберечь бывшую империю от распада на национальеные государства. Партия же большевиков, стремившаяся к захвату к власти, всячески препятствовала этому стремлению Временного правительства.

До конца 1917 года, без согласия Совнаркома РСФСР, были проведены белорусские съезды армий и фронтов: Северного фронта 28 ноября — 2 декабря (15–20 ноября) в Витебске, Румынского фронта 16 — 21 (3–8) декабря в Одессе, Юго-Западного фронта 30 декабря 1917 — 3 января 1918 года (17–22 декабря 1917) в Киеве. Состоялась также конференция белорусов — военнослужащих Петроградского гарнизона. Именно в военной среде с наибольшей силой проявилось желание белорусов (офицеров, унтер-офицеров, рядовых) создать независимую Белоруссию, которой для защиты независимости требовалась своя армия.

Больше всего белорусов оказалось на Румынском фронте — в северо-восточной части Румынии и в Бессарабии. Румынский фронт занимали войска российской и союзной ей румынской армии. Формально командовал фронтом румынский король Фердинанд, который Совнарком в Петрограде законной властью, естественно, не признал. Поэтому его российский заместитель, генерал от инфантерии Д.Г. Щербачев мог свободно разрешить создавать белорусские части с целью последующей их отправки на родину. Генерал был уверен в том, что большевиков они не поддержат.

В январе — феврале 1918 года на Румынском фронте, в районе Одессы, приказом Д.Г. Щербачева были учреждены несколько национальных частей: Белорусская дивизия из частей 4-го армейского корпуса (с артиллерий и бронеавтомобилями), 1-й Белорусский гусарский полк, 357-я Витебская и 401-я Минская белорусские дружины. Все эти части подчинялись Белорусской военной комиссии Румынского фронта во главе с генерал-майором Пожарским. Те офицеры и солдаты данных частей, которые не желали «белорусизации», переводились в русские подразделения.

Однако формирование воинских эшелонов и подготовка их к отправке в Белоруссию сильно затянулись. Тем временем власть в Украине взяла в свои руки УЦР — Украинская Центральная Рада (социалисты). Вскоре здесь начались столкновения между войсками УЦР и российскими вооруженными отрядами, прибывшими в восточные районы Украины по приказу Совнаркома РСФСР. А в середине февраля 1918 года германские и австро-венгерские войска перешли в наступление по всему фронту. В результате переброска белорусских воинских частей не удалась, что повлекло самые пагубные последствия в деле становления белорусской национальной государственности. В конечном итоге они были расформированы в процессе демобилизации армии по условиям.

28 октября — 5 ноября (15–24 октября) 1917 года состоялись новые заседания Центральной Рады белорусских партий и организаций. В этой сессии приняли участие и военные — представители ЦБВР. Центральная рада взяла на себя функции главного политического органа на территории Северо-Западного края (т.е. Белоруссии). В ее исполком вошли представители белорусских партий — БСГ, Белорусской партии народных социалистов, Христианско-Демократической партии.

В данной связи Центральная рада приняла название Великая Белорусская Рада (ВБР), так как являлась теперь общебелорусским народным представительством.

А в ноябре 1917 года в Петрограде был учрежден Белорусский Окружной Комитет при Всероссийском Совете крестьянских депутатов, входившем в систему власти большевиков. Он имел пророссийскую направленность.

ЛИКВИДАЦИЯ СТАВКИ ВЕРХОВНОГО ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕГО

Успех большевистского переворота в Петрограде 7 ноября (25 октября) 1917 года повлек за собой повсеместный развал администрации Временного правительства, в том числе в Белоруссии. Но «триумфального шествия» власти советов здесь не произошло. Положение большевиков в Белоруссии оставалось непрочным вплоть до 1921 года. Но они были лучше организованы, чем белорусские национальные партии, и весьма решительно стремились к захвату власти на местах.

Уже 8 ноября (26 октября) Минский городской совет рабочих и солдатских депутатов объявил о прекращении полномочий городской думы, демократически избранной в августе, и своим постановлением занял ее место.

ВБР откликнулась на события в Петрограде «Грамотой белорусскому народу», в которой оценила большевистский переворот как проявление анархии и призвала к объединению вокруг своей организации. Против большевистского экстремизма выступили левоцентристские силы и представители старой власти в Минске, Могилеве и Орше. В Минске, в противовес большевистскому совету, был создан орган революционно-демократической власти — Комитет спасения революции Западного фронта.

Но попытка сопротивления не удалась. Большевики умело использовали социальную демагогию, их поддерживала люмпенизированная войной часть населения. Антибольшевистское сопротивление прекратилось 15 (2) ноября, когда с фронта прибыли в Минск

войсковые части, в том числе бронепоезд. Таким же решительным образом была установлена власть советов и в других городах восточной Белоруссии. На западную часть Белоруссии, находившуюся под немецкой оккупацией, эти события не распространялись.

Свою власть большевики смогли установить только в городах. На деревню им не хватало кадров. Поэтому в деревне наблюдалась революционная «самодеятельность», нередко связанная с захватом имущества помещиков, хотя и не повсеместно.

Быстрее всего советы победили на Западном фронте, где имелись сильные организации партии большевиков. Первыми признали власть советов солдатские комитеты 2-й армии (на южном участке фронта), затем комитеты 10-й и 3-й армий. До 1 декабря (18 ноября) 1917 года во всех частях и соединениях фронта была установлена власть советов солдатских депутатов. Но фронт быстро размывался, так как после победы большевиков в Петрограде и, особенно, после заключения перемирия с немецким командованием (2/15 декабря 1917 г.) солдаты в массовом порядке и с оружием в руках стали уезжать в российские губернии. Они спешили явочным порядком захватить помещичьи земли у себя на родине.

Последним городом восточной Белоруссии, где власть узурпировал местный совет, оказался Могилев. Здесь с 1915 года находилась Ставка Верховного главнокомандующего вооруженными силами России, а при ставке — штаб. К 14 (1) ноября 1917 года в составе штаба и подчиненных ему подразделений насчитывалось более 2-х тысяч генералов, офицеров, военных чиновников и солдат. При штабе находились военные миссии союзников России.

За два месяца до октябрьского переворота Ставка явилась центром корниловского мятежа. После отстранения Л.Г. Корнилова от должности Верховного главнокомандующего и его ареста, с 11 сентября (30 августа) функции Верховного главнокомандующего взял на себя председатель Временного правительства А.Ф. Керенский. Но в Могилеве он почти не бывал, так как ему хватало дел в Петрограде. Поэтому фактически Ставкой руководил генерал-лейтенант Николай Николаевич Духонин, назначенный 22 (9) сентября начальником штаба Верховного Главнокомандующего.

14 (1) ноября 1917 года, в связи с бегством А.Ф. Керенского из Петрограда, Н.Н.Духонин на основании Положения о полевом управлении войск временно принял на себя обязанности Верховного главнокомандующего

Совнарком В.И. Ульянова-Ленина не имел сил на то, чтобы подчинить себе Ставку, а управлять фронтами и всеми вооруженными силами было необходимо. Поэтому Совнарком 17 (3) ноября утвердил Духонина в должности Верховного главнокомандующего. Правда, в переходный период взятия власти Духонин формально подчи-

нялся еще не расформированному военному министерству (управляющий — генерал от артиллерии А.А. Маниковский), которое, в свою очередь, подчинялось наркому по военным делам прапорщику Н.В. Крыленко*.

20 (7 ноября) Совнарком радиотелеграммой приказал Духонину немедленно предложить перемирие всем воюющим странам — и Антанты, и Центрального блока. Этот приказ был получен в Ставке в 5.05 утром 8 ноября. Но Ставка весь день не отвечала. Одновременно 21 (8) ноября народный комиссар иностранных дел РСФСР Л.Д. Бронштейн (Троцкий) обратился с нотой о перемирии к послам стран Антанты в Петрограде. Естественно, ответа от них не последовало, так как столь серьезный вопрос решают не дипломаты, а правительства.

Не получив ответа из Ставки, Ленин в ночь с 21 на 22 (с 8 на 9) ноября вызвал Духонина по прямому проводу и запросил его, почему от него нет сообщения об исполнении предписания Совнаркома. Генерал ответил, что радиограмма не была оформлена по правилам, она не имела даты и номера, не была зашифрована, поэтому надо было проверить ее подлинность.

Тогда Ленин предложил ему немедленно начать переговоры о перемирии. Духонин отказался вести переговоры с Германией и ее союзниками. Тут же Ленин именем РСФСР по телеграфу уволил Духонина с поста Верховного главнокомандующего, но... поручил продолжать выполнение функций главковерха до тех пор, пока в Могилев приедет новый главнокомандующий прапорщик Н.В. Крыленко и примет дела от Духонина. Одновременно во все фронтовые дивизии была послана телеграмма с предложением солдатам самим, без участия командиров, начать переговоры с немцами о перемирии. Конечно, такое предложение вело к полному развалу воинской дисциплины.

Известие о смещении Духонина распространилось по Петрограду 22 (9) ноября. В тот же день дипломаты союзных стран собрались в Петрограде на совещание. Они решили игнорировать ноту Совнаркома от 21 (8) ноября. Руководителям союзнических военных миссий при штабе Верховного главнокомандующего было предложено поддержать Духонина. Духонина поддерживал и Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов, где большевики находились в меньшинстве.

---

* Мясников — прапорщик, Крыленко — прапорщик, но один — командует фронтом, другой — всеми войсками страны. Один только этот факт свидетельствует, что главной задачей большевиков являлся развал вооруженных сил, а не защита России от вражеских войск. — *Прим. Ред.*

Севежеиспеченный Совет народных комиссаров РСФСР подозревал Верховного главнокомандующего в подготовке удара на Петроград, так как Духонин производил переброску войск из района Полоцка — Витебска в Псков и Лугу. Сам Духонин объяснял эту переброску оперативной необходимостью.

Совнарком принял решение о ликвидации Ставки. Для этого в Петрограде был сформирован отряд из большевизированных солдат и матросов, а также красногвардейцев (более 1000 человек)*. Вместе с отрядом в Могилев направился и новый главковерх Н.В. Крыленко. Кроме того, в Могилев были отправлены два отряда с Западного фронта (Северный и Южный) и из нескольких городов. Но основной силой, которая должна была ликвидировать Ставку, являлся петроградский отряд.

Н.В. Крыленко выехал в Ставку, но сначала решил посетить штаб Северного фронта в Пскове, чтобы убедиться в поддержке солдатами власти Совнаркома, в чем в Петрограде сомневались. 26 (13) ноября Крыленко отправил в Могилев телеграмму:

> «Сегодня высланы мною парламентеры с предложением начать переговоры о перемирии на всех фронтах. Армейские комитеты должны взять всю власть в армии в свои руки, принудить к подчинению себе командования и предоставить им право отстранения от должности и ареста. Все распоряжения Духонина ни передаче, ни исполнению не подлежат. Дело снабжения продовольствием не должно прерываться ни на одну минуту. Общеармейский комитет распускаю впредь до новых выборов. Прошу Могилевский совет рабочих и солдатских депутатов и губернский совет крестьянских депутатов принять все меры к отстранению от должности Духонина без насилия. Принять дела временно поручаю Дитерихсу. Командармов всех армий и фронтов прошу иметь в виду, что я не допущу никакого противодействия»**.

Генерал Дитерихс исполнял обязанности генерал-квартирмейстера, т.е. был первым по должности генералом после Духонина.

В ответ на эту телеграмму, в тот же день, общеармейский комитет при Ставке и Станкевич, комиссар Временного правительства при Ставке, послали Крыленко следующую телеграмму:

---

* Красногвардейцами в 1917 — начале 1918 гг. называли членов вооруженных отрядов, сформированных большевиками в городах. Формально они состояли из рабочих, фактически в них преобладали люмпены и криминальные элементы. Весьма характерен тот факт, что другие революционные партии (эсэры, меньшевики, народные социалисты) требовали создания Революционной армии вместо вооружения части гражданского населения. — *Прим. Ред.*

** Лелевич Г. Октябрь в Ставке. Гомель, 1922, с. 55.

«Общеармейский комитет, опираясь на постановления армейских и фронтовых комитетов, считает необходимым впредь, до создания общепризнанной власти, каковой не является совет народных комиссаров, охранять всеми мерами Ставку. Не считая совет народных комиссаров признанной всей демократией и армией властью, общеармейский комитет не может признать вас главковерхом. Поэтому ваш приезд в Ставку является совершенно излишним, если вы не намерены приехать в качестве частного лица. В последнем случае мы не возражаем против вашего приезда как гражданина, пользующегося правом свободного передвижения, но самым энергичным образом протестуем против какой бы то ни было попытки с вашей стороны проникнуть в Ставку в сопровождении вооруженного конвоя. Такая попытка грозит вызвать в районе Ставки гражданскую войну и нарушит нормальную работу Ставки, что принесет неизмеримый вред армии и стране»*.

В ночь с 30 ноября на 1 декабря (с 17 на 18 ноября ст. стиля) Духонин и Станкевич созвали совещание представителей воинских организаций для обсуждения вопроса об эвакуации Ставки, ибо к Могилеву приближался эшелон из Петрограда. Было решено перевести Ставку в Киев, где у власти была Украинская Центральная рада. Однако было уже поздно. Могилев окружил отряды, присланные большевиками с фронта. Большевики усилили агитацию в городе и воинских частях.

1 декабря (18 ноября) поздно вечером состоялось расширенное заседание Исполкома Могилевского совета рабочих и солдатских депутатов. В ночь на 2 декабря (на 19 ноября) Исполком признал власть Совнаркома РСФСР. Власть в городе и контроль над Ставкой перешли в руки Военно-революционного комитета (ВРК), созданного из представителей могилевского гарнизона и Западного фронта. ВРК объявил себя высшей властью в Могилеве.

2 декабря (19 ноября) приказом Могилевского ВРК № 8 генерал Н.Н. Духонин был взят под домашний арест, с исполнением служебных обязанностей до вступления в должность нового Верховного главнокомандующего — прапорщика Н.В. Крыленко.

Но перед этим генерал Духонин успел послать приказ в город Быхов об освобождении находившихся там под арестом участников мятежа в августе 1917 года: генералов Л.Г. Корнилова, А.И. Деникина, других генералов и офицеров. Они с четырьмя эскадронами текинцев (бывшим конвоем главковерха Корнилова, а после — охраной его тюрьмы, здания женской гимназии) сельскими дорогами стремительно прошли в Украину, а оттуда железнодорожным эшело-

* Лелевич Г. Цит. Соч., с. 56.

ном уехали на Дон. Таким образом, Духонин спас Корнилова и его соратников от самосуда матросов и красногвардейцев.

Утром 3 декабря (20 ноября) 1917 года Крыленко прямо с вокзала прибыл в помещение ВРК, где был встречен оркестром, исполнившим «Марсельезу». После этого он отправился в Ставку для фактического вступления в должность.

Вечером 3 декабря (20 ноября) в штабной вагон Крыленко привезли Духонина, якобы «для обеспечения его безопасности надежным караулом матросов с крейсера «Аврора». По поводу дальнейших событий газета «Правда» (центральный орган партиии большевиков) писала 5 декабря (22 ноября) 1917 года:

> «Возбужденная толпа окружила вагон главноверха и потребовала выдачи Духонина. Крыленко с чинами своего штаба выехал на вокзал, решительно прорвался в вагон и произнес горячую речь против самосуда. Убежденная доводами толпа разошлась. Но через полчаса снова возбужденные группы матросов и солдат собрались около вагона, и вскоре многотысячная толпа, возбужденная известием о побеге Корнилова и других контрреволюционеров, стала осаждать вагон. Защищавшие своей грудью генерала Духонина с риском для жизни Крыленко и чины его личного штаба генерал Одинцов и матросы «Авроры» были смяты, обезоружены, оттеснены. Генерал Духонин вытащен разъяренной толпой и убит».

Так писала «Правда». А.Г. Лелевич сообщает другие подробности, ссылаясь на воспоминания железнодорожного служащего Евгения Прокопца, который в тот вечер был на вокзале:

> «Когда я вышел на перрон, мне сразу бросился в глаза поезд, состоящий из классных вагонов. Перед ним волновалась толпа, залившая перрон. В толпе то тут, то там мелькали бурые папахи матросов. Говорили, что в одном из вагонов находится арестованный генерал Духонин. Раздавались угрожающие возгласы, требующие немедленного расстрела пленника. После одного такого восклицания группа матросов зарядила винтовки и подступила к вагону, в котором помещался Духонин. Однако стоящий у вагона матросский же караул не пустил их в вагон. Я обошел поезд и подошел к вагону с другой стороны. Здесь тоже волновалась громадная толпа. Обращало на себя внимание почти полное отсутствие так называемой «чистой публики». Толпу составляли крестьяне, матросы, солдаты, всё прибывавшие с воинской платформы.
>
> И тут раздались восклицания, требующие расстрела Духонина. При этом ссылались на только что полученное известие о побеге Корнилова из Быхова. Товарищи, командующие караулом вагона, просили толпу ничего не предпринимать до приезда товарища Калинина и мичмана Павлова. Вскоре на площадке вагона появился молодой бритый человек в форме морского офицера — мичман Пав-

лов. Он произнес несколько слов, пытаясь успокоить толпу. Далее на той же площадке появился тов. Крыленко, произнесший речь. Он говорил медленно, отчеканивая каждое слово, пытаясь успокоить толпу. Его речь была удивительно популярна, проста и понятна для всех. Он говорил, что Духонина надо отвезти для суда в Петроград, что самосуд будет носить характер простого убийства, пятнающего честь советской власти, что к Духонину они ворвутся только через его труп.

Толпа потребовала, чтобы ей показали Духонина. И вот рядом с тов. Крыленко появилась фигура со взъерошенными волосами, красным мясистым лицом и черными усами. Плачущим голосом Духонин начал: «Дорогие товарищи!» Но буря криков, свист, хохот толпы не дали ему продолжать. Тогда он снова исчез в вагоне. Ушел и товарищ Крыленко. Толпа начала расходиться.

Неожиданно на площадке, где только что стоял Духонин, появился здоровенный матрос в огромной папахе и обратился к толпе с речью: «Товарищи, — говорил он, — мы дали бежать Корнилову, мы выпустили его из своих рук. Не выпустим по крайней мере Духонина».

...Очевидцы рассказывали, что после разжигающей страсти речи матроса, толпа снова потребовала Духонина, его вывели, с него сорвали погоны, и тот же высокий матрос ударом немецкого штыка сбросил его в толпу, которая с каким-то стихийным неопределенным криком растерзала бывшего главнокомандующего»*.

Это было первое убийство генерала в охваченной революцией России. В годы гражданской войны имя Духонина стало нарицательным. Когда красные войска брали в плен белых офицеров, то после боя их в лучшем случае расстреливали, в худшем — перед расстрелом еще и пытали. Это называлось «отправить в штаб к Духонину».

С 22 (9) ноября 1917 до 5 марта 1918 года главнокомандующим оставался Н.В. Крыленко, а начальником его штаба с 3 декабря (20 ноября) 1917 до 21 февраля 1918 года был генерал-лейтенант Михаил Бонч-Бруевич (1870–1956), старший брат большевика, сподвижника Ленина — Владимира Бонч-Бруевича (1873–1955), управляющего делами Совнаркома.

В связи с приближением к Могилеву немецких войск в конце февраля 1918 года новые власти покинули город. Должность главковерха была ликвидирована 5 марта, а 16 марта того же года расформирована и Ставка**.

---

* Лелевич Г. Цит. Соч., с. 90–92.

** Н.В. Крыленко, ставшего впоследствии наркомом юстиции СССР, в 1938 году казнили как «врага народа».

ВСЕБЕЛОРУССКИЙ СЪЕЗД И РАДА СЪЕЗДА

Важным событием в истории Белоруссии стало проведение в Минске 18–31 (5–18) декабря 1917 года Всебелорусского съезда, или Первого Всебелорусского конгресса. Это действительно был первый в белорусской истории общенациональный форум. Делегатов на съезд избрали белорусские общественные организации (около двух третей делегатов), причем оккупированные немцами западные земли были представлены выходцами из этих областей. Широкое представительство имели белорусы-военнослужащие (примерно треть делегатов).

Организаторами созыва Всебелорусского конгресса стали Великая Белорусская Рада (в Минске) и Белорусский областной комитет при Всероссийском совете крестьянских депутатов (в Петрограде). Целью работы съезда было заявлено определение государственно-политического и национально-культурного статуса Белоруссии в условиях распада бывшей Российской империи, ускоренного переворотом 7 ноября (25 октября) в Петрограде. Кроме того, делегаты съезда учитывали угрозу утраты западной части Белоруссии в пользу Германии в случае заключения большевиками сепаратного мирного договора.

Всебелорусский съезд должен был избрать орган власти, к которому все демократические партии и власти Белоруссии (Северо-Западного края) относились бы с доверием и входили бы в его состав.

Однако инициаторы съезда по-разному подходили к решению главных вопросов. Великая Белорусская рада объединяла сторонников национальной идеи, среди которых преобладали члены партии Белорусская Социалистическая Громада. Они хотели провозгласить на съезде независимость Белоруссии.

В отличие от них, Белорусский областной комитет представлял сторонников автономии Белоруссии в составе РСФСР. И если сторонники ВБР рассматривали ситуацию с национальных позиций, то «областники» — с общероссийских. Они боялись потерять в лице России своего могущественного опекуна.

Между тем, признав власть советов в России, ВБР не признала ее в Белоруссии. Она имела к тому достаточные основания. Созданные здесь после переворота в Петрограде органы советской власти — Исполком советов Западной области и Западного фронта (Облисполкомзап) и его органы, представляли в основном фронтовых солдат (из российских губерний), которым как элементу пришлому и временному были чужды интересы белорусского народа, вопросы его общественной, экономической и культурной жизни. В составе

Исполкома советов Западной области РСФСР (бывшего Северо-Западного края) военнослужащих Западного фронта было в полтора раза больше, чем представителей крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний и советов рабочих и солдатских депутатов городов Белоруссии (включая Смоленскую губернию). А президиум Облисполкомзапа состоял исключительно из представителей фронта, среди которых не было ни одного белоруса. Поэтому Великая Белорусская рада и не считала эту власть законной.

Что же касается членов Белорусского областного комитета, то они были лояльными по отношению к Совнаркому РСФСР, Исполкому Западной области и Облисполкомзапу, но надеялись при установлении новой (белорусской) власти получить должности в ее руководстве.

Совнарком РСФСР (председатель В.И. Ленин) и его орган — народный комиссариат по делам национальностей (комиссариат возглавлял И.В. Сталин) поддержали «областников», так как их позиция больше отвечала интересам большевиков. 15 (2) декабря 1917 года Совнарком под председательством Ленина постановил выделить Белорусскому областному комитету 50 тысяч рублей для организации съезда. Сталин поставил условием, что Всебелорусский съезд собирают совместно Белорусский областной комитет и Облисполкомзап, а Великая Белорусская рада в этом соглашении вообще не упоминалась*.

Таким образом, большевики с самого начала стремились расколоть белорусское национальное движение и предотвратить демократическое решение вопроса о самоопределении белорусского народа, хотя в своих декларациях они формально провозгласили такое право. Большевики из кругов местного руководства в Минске с большим подозрением отнеслись к словам «Беларуская Рэспубліка», несмотря на то, что на съезде было много сторонников автономии Белоруссии в составе России и они (эти сторонники) не выступали против власти советов.

Часть делегатов (300 человек) собралась уже 18 (5) декабря в городском театре Минске. В последующие дни продолжали прибывать делегаты из разных мест Белоруссии, а также из России и Украины. Их направляли белорусские воинские формирования, губернские земства, уездные и волостные органы самоуправления, советы крестьянских, рабочих и солдатских депутатов, профсоюзы, комитеты беженцев и т.д. Всего к 27 (14) декабря на съезде были зарегистрированы 1872 делегата, в том числе 1167 (62%) с правом решающего голоса и 705 (38%) с правом совещательного голоса. Большинство участников съезда происходило из социальных низов (крестьян, рабо-

---

* Нарысы гісторыі Беларусі. Часть 2. Мінск, 1995, с. 53.

чих, солдат и матросов), остальные представляли средние слои общества.

Общее число участников съезда не было постоянным: вплоть до последнего дня работы съезда прибывали новые делегаты. В то же время некоторые делегаты, в основном из крестьян, по разным причинам досрочно покинули съезд и уехали. Делегаты объединялись в землячества (по белорусским губерниям) — Виленское, Витебское, Гродненское, Минское, Могилевское, Смоленское.

Политическая ориентация делегатов Всебелорусского съезда соответствовала господствующим настроениям в обществе, которое в тот период склонилось в сторону левых радикалов. Подавляющее большинство участников съезда было охвачено социалистической идеей в разных ее оттенках. Голоса либералов едва были слышны, а представителей консервативных кругов на съезде вообще не было.

В первые же дни работы съезда выделились фракции. В тот период среди делегатов преобладали сторонники Великой Белорусской рады и Центральной Белорусской войсковой рады. Среди них наибольшим стремлением к созданию белорусской государственности выделялись члены партии Белорусская Социалистическая Громада и близких к ней социалистических групп, которые объединились в Социалистический блок.

Другая часть делегатов заявила о своих симпатиях к партии левых эсэров (входивших в то время вместе с большевиками в состав Совнаркома в Петрограде) и к партии большевиков. Эта группа делегатов создала Левую фракцию. Ее руководители Ф.Г. Шантырь, В.С. Фальский, М.М. Костевич и другие, оставаясь белорусскими патриотами, наивно рассчитывали на паритетные соглашения с центральными и местными органами большевистской власти.

По мере прибытия новых делегатов, особенно из России, усиливалась фракция «областников», состоявшая из членов российских партий социалистов-революционеров (эсэров), народных социалистов и меньшевиков. Эта группа представляла преимущественно православных белорусов, выступавших за тесную связь с Россией.

Официально съезд открылся вечером 20 (7) декабря. Но еще неделю шло согласование основных документов между разными фракциями. Только 28 (15) декабря съезд приступил к обсуждению и принятию основных резолюций и постановлений. До 30 (17) декабря продолжались споры между сторонниками Великой Белорусской Рады — с одной стороны, и Белорусского областного комитета — с другой.

---

* Шантырь был казнен большевиками в мае 1920 г., Фальский репрессирован в 1921 г., Костевич репрессирован в 1939 г.

Представитель Социалистического блока и военной секции съезда Томаш Гриб выступил с предложением — «Провозгласить Белорусскую Демократическую Республику как составную часть Федеративной Российской Республики». С такими же предложениями выступили и другие сторонники ВБР. Ни один из них не предлагал отделение Белоруссии от России. Однако «областники» резко протестовали против самого понятия «Белорусская республика» — пусть даже как субъекта Российской Федерации.

Большевистское руководство в Минске во главе с А.Ф. Мясниковым с тревогой наблюдало за работой съезда. Оно боялось потерять контроль над ситуацией и утратить власть. В свою очередь, делегатам съезда придавали уверенность в противодействии большевикам письменное заверение наркома по делам национальностей И.В. Сталина, согласно которому постановления съезда будут обязательно признаны Совнаркомом и другими органами власти советов.

Справка: Мясников Александр Федорович, точнее — Мясникян Александр Аствацатурович (1886–1925). Родился в Нахичевани-на-Дону. В 1903 окончил Нахичеванскую армянскую духовную семинарию. В 1905–06 учился в Лазаревском институте в Москве. Вступил в РСДРП. Летом 1906 работал в рабочих кружках Ростова-на-Дону, был арестован и выслан в Баку, где работал в революционных кружках до 1908. В 1908–09 вел работу в революционных кружках Тифлиса. В 1909–11 учился на юридическом факультете Московского университета, в 1912–14 - работал в Москве помощником присяжного поверенного, занимался литературной и пропагандистской деятельностью.

С 1914 прапорщик в запасном полку. После Февральской революции 1917 — член Минского комитета РСДРП(б) и редактор газеты «Звезда». С сентября 1917 председатель Северо-Западного областного комитета РСДРП(б), с октября также член Военно-революционного комитета Западного фронта.

В ноябре 1917 года Минский съезд советов солдатских депутатов Западного фронта избрал его командующим фронта. С января 1918 председатель Исполкома советов Западного фронта. С января 1919 председатель Центрального исполкома и Центрального бюро РСДРП Белоруссии.

В 1919–21 член Московского горкома РКП(б), секретарь горкома, член президиума Моссовета. Летом 1920 начальник политуправления Западного фронта. В 1921 председатель СНК и нарком по военным делам Армении. С лета 1922 в Тифлисе, председатель Союзного Совета Закавказской федерации, затем секретарь Закавказского краевого комитета РКП(б), член РВС Кавказской армии. Далее член РВС СССР и член президиума ЦИК СССР. На XII (1923) и XIII (1924) съездах партии избирался кандидатом в члены ЦК РКП (б). 22 марта 1925 погиб в авиационной катастрофе.

Автор ряда трудов по теории и истории революционного движения, а также об армянской литературе. Редактор газет «Коммунистический труд» (Москва), «Советская Армения» (Ереван, на армянском языке), «Заря Востока» (Тифлис).

В ночь с 30 на 31 (с 17 на 18) декабря делегаты съезда приступили к обсуждению вопроса о провозглашении Белорусской Республики. Они были обеспокоены ходом мирных переговоров делегации РСФСР с делегациями Германии и ее союзников, начавшихся в Бресте 22 (9) декабря 1917 года и проходивших без участия представителей белорусского народа.

Из-за накала прений был объявлен перерыв для выработки компромиссной формулы организации власти, которую выработала Рада съезда. Во втором часу ночи 31 (18) декабря 1917 года в зале заседаний был зачитан текст проекта постановления съезда. Делегаты, особенно крестьяне, пожелали прослушать резолюцию трижды, настолько она была важной для всех. Затем началось голосование по пунктам. Под бурные аплодисменты единогласно был принят первый пункт:

«Закрепляя свое право на самоопределение, провозглашенное российской революцией и утверждая республиканский демократический строй в пределах Белорусской земли, для спасения родного края и ограждения его от раздела и отторжения от Российской Демократической Федеративной Республики, 1-й Всебелорусский съезд постановляет: немедленно образовать из своего состава орган краевой власти в лице Всебелорусского совета крестьянских, солдатских и рабочих депутатов, который временно становится во главе управления краем, вступая в деловые сношения с центральной властью, ответственной перед советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»*.

Такая формулировка объединяла все политические силы, представленные на съезде. Она отвечала тогдашним настроениям белорусского общества — не выходить из состава Российской демократической федерации народов. В то же время совершенно определенно создавалось государственно-административное образование, со своими органами власти в виде системы советов разного уровня. Белорусы избрали демократический путь развития. Появлялась возможность достижения компромисса с местными органами большевиков.

Но как раз компромисса и не хотело большевистское руководство Западного фронта и Западной области. Интернациональная, чуждая интересам белорусского народа группировка во главе с Мяс-

---

* Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921, с. 106.

никовым стремилась парализовать работу съезда, так как успех съезда означал для них утрату своей власти в фактически чужой стране. Поэтому Совет народных комиссаров Западной области и фронта ночью 30 (17) декабря 1917 года принял решение разогнать съезд. В постановлении наркомата внутренних дел, которое подписал председатель Совнаркома Западной области и Западного фронта Карл Ландер (1884–1937), латыш по национальности, было сказано:

> «Оцепить здание, где происходит заседание Белорусского съезда, арестовать президиум съезда, а равно избранный им орган краевой власти, созвать со съезда т.т. большевиков и стоящих на точке зрения советской власти, и самый съезд объявить распущенным».

В ночь с 30 на 31 (с 17 18) декабря этот приказ руководства большевиков был выполнен. Член временного бюро ВРК Западного фронта Н.И. Кривошеин ворвался с подчиненными ему солдатами в зал, где происходило заседание съезда, и начал разгонять делегатов съезда*.

Разгон съезда описал свидетель:

> «Около 3 часа ночи Рада съезда закончила работу над резолюцией. Председатель начал ее читать перед всем съездом. В этот момент подошли к столу президиума два солдата и, назвав себя, первый «комиссаром Западной области», а второй — «начальником минского гарнизона», сказали, что пришли арестовать президиум и разогнать Съезд.
>
> Тогда, при них же, председатель Съезда огласил первый пункт резолюции, где Белоруссия провозглашалась республикой. Пожалуй, весь съезд единогласно утвердил этот пункт.
>
> Вдруг откуда то послышался голос: «Товарищи, наш дом окружен войском! Около него стоят пулеметы и броневики!» В зале поднялся шум. Тогда обратился к Съезду с речью «начальник гарнизона» Кривошеин. Покачиваясь на ногах, крепко выпивши, он начал говорить. Но из-за шума сначала нельзя было ничего разобрать. Только потом, когда немного утихло, послышались бессвязные фразы «начальника», которые он закончил вот так: «А теперь я распускаю ваше собрание».

При этих словах в зал вошли вооруженные солдаты. Общими силами их вытянули за двери и после звука «Марсельезы» кто-то громко сказал: «Братья белорусы! Мы видели жандармов Николая II, сегодня мы увидели жандармов в свободной революционной стране, под маской большевистских комиссаров, на свободном съезде свободного народа!».

---

* 11 июля 1936 года Николай Иванович Кривошеин был расстрелян как «троцкист».

Вновь ворвались солдаты, разбирая баррикады из стульев и скамеек, набросанные делегатами Съезда, крестьянами и солдатами. Под пение траурного марша выводили арестованный президиум и многих из видных работников Съезда. Арест продолжался всю ночь. Приклады работали направо и налево. Постепенно пустел зал. Гасли лампы. А в темном углу сидел седой дед-крестьянин. Плечи его вздрагивали. Он плакал, как дитя»*.

Но съезд не закончился. Вместо арестованного президиума делегаты немедлено избрали новый президиум, и съезд успел принять еще одну резолюцию против диктаторских действий большевиков. После этого были арестовано еще 26 человек, а последние делегаты разошлись только утром.

В это время на съезд приехала из Петрограда еще одна делегация, представлявшая только что созданную в Петрограде Белорусскую СДРП (большевиков). Эта делегация по телеграфу послала свой протест главе Совнаркома Ленину, а не получив от него ответа, по телефону обратилась к наркому по делам национальностей Сталину, но он тоже не ответил на жалобу большевиков-белорусов. Разочаровались в политике руководства большевистской партии и «областники» (члены Белорусского областного комитета из Петрограда), которые после разгона съезда прекратили активную деятельность.

Несмотря на разгон съезда, на следующий день, 31 (18) декабря в 10 часов утра делегаты съезда, не афишируя его продолжение, собрались в минском депо Либаво-Роменской железной дороги, где под охраной белорусской милиции и железнодорожников продолжили заседание. Была принята новая резолюция:

1. Считать, что Первый Всебелорусский Съезд разогнан силою.
2. Раду (Совет) Съезда (в составе 67 человек) признать исполнительным органом Съезда.
3. Считать Раду Съезда высшим учреждением Края и поручить ей всю полноту власти в Белоруссии.
4. Пополнить Раду делегатами земств.
5. Считать распущенными все белорусские организации, существовавшие до этого, кроме Центральной Войсковой рады, которая существует как орган, подчиненный Раде Съезда.

В качестве легального органа власти продолжала действовать Рада Всебелорусского съезда во главе с социалистом Язэпом Лёсиком (1883–1940), специалистом в области белорусского языка (Лёсик был дядей известного белорусского поэта Якуба Коласа). Рада про-

* Газета «Вольная Беларусь», Минск, 1917, № 36.

должала заседать полулегально в помещениях депо под охраной рабочих. Она стала юридической преемницей всей полноты власти съезда.

3 января 1918 года (22 декабря 1917) рада создала Исполнительный комитет Рады Всебелорусского съезда из 10 человек во главе с Язэпом Воронко (1891–1952). Ему поручили заняться белорусизацией советов на территории Белоруссии, а в подходящий момент взять власть в свои руки. Этот Исполком стал прообразом белорусского правительства. Но в начале 1918 года, когда в Белоруссии восторжествовали большевики, он действовал в полулегальных условиях.

Власть большевиков фактически установилась только в городах и крупных местечках, и особенно — на фронте. Так, в Минске большевистские власти не успели до весны закрыть даже Дом губернского дворянского собрания, это учреждение продолжало действовать.

Глава 2

БЕЛОРУССКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

ПЕРЕГОВОРЫ О МИРЕ

Тем временем в Брест-Литовске (ныне просто Брест), оккупированном немецкими войсками, велись переговоры о мире между делегацией РСФСР, с одной стороны, и делегациями стран Центрального блока — Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии, с другой.

Германия требовала от большевиков отказа от части территории, в том числе Прибалтики и большей части Западной Белоруссии. Советская Россия серьезных вооруженных сил уже не имела. Ее армия, носившая название «революционной», буквально разваливалась. Солдаты массами бежали с фронта домой, торопясь делить конфискованные помещичьи земли, либо скапливаясь в Петрограде, Москве и крупных городах. Линия фронта в условиях перемирия с германской стороной обнажалась, остатки фронтовых частей были небоеспособны.

Часть руководства большевиков надеялась на скорое начало пролетарской революции в Германии. Поэтому делегация РСФСР в Бресте во главе с Л.Д. Троцким во время переговоров занималась демагогической пропагандой, призывая противника к миру «без аннексий и контрибуций». Она требовала ухода немецких войск с оккупированных территорий. Троцкий фактически сорвал переговоры, объявив, что Россия мира с отказом от части территории не подпишет, но вести войну не будет (известный тезис «ни мира», «ни войны»).

В ответ немецкая сторона 16 февраля 1918 года (в РСФСР в феврале 1918 года декретом Совнаркома был введен новый стиль, т.е. после 31 января по старому стилю наступило сразу 14 февраля по новому стилю) объявила, что уже 18 февраля в 12 часов дня начнется немецкое и австрийское наступление по всему фронту от Балтийского до Черного моря.

В Петрограде началась борьба в ЦК партии большевиков за подписание мира на любых условиях, только бы не утратить власть. На этом настаивал Ленин, преодолевая яростное сопротивление «левых коммунистов», сторонников «революционной» войны. С большим трудом, угрожая своей отставкой, Ленин смог получить один лишний голос в ЦК, а затем во Всероссийском центральном исполнительном комитете, добиться согласия на заключение мира, который был подписан 3 марта 1918 года в Бресте и с не меньшим

трудом ратифицирован 15 марта на IV Всероссийском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов*.

Эти переговоры прямо касались Белоруссии, территория которой оказалась разменной монетой. За событиями в Бресте внимательно следили белорусские политические деятели. Делегация РСФСР на переговорах о мире не приняла их предложения включить представителей Рады Всебелорусского съезда в свой состав. Большевики не считались с интересами белорусского народа и готовы были, если потребуется, поступиться частью территории Белоруссии ради собственных интересов.

НАСТУПЛЕНИЕ ГЕРМАНСКОЙ АРМИИ

Как только было получено сообщение 16 февраля, что немецкие войска начнут наступление днем 18 февраля, солдаты «Российской революционной армии» (на Западном фронте их еще было до 70 тысяч человек) в панике бросились на восток. Те, кто был ближе к железной дороге, садились в эшелоны и заставляли железнодорожников немедленно отправлять их в Россию. Другие отступали по шоссе и дорогами, по пути грабя вместе с крестьянами дворянские имения и нередко убивая их владельцев.

Кроме того, большевистское руководство, используя перемирие, в декабре 1917 — январе 1918 года сняло с позиций на Западном фронте и отправило на «внутренний фронт борьбы с контрреволюцией» 15 пехотных полков и три артиллерийские бригады, солдаты которых поддерживали большевиков.

В условиях всеобщей паники никакого сопротивления противнику оказано не было. Германские войска захватили штаб 2-й армии в Слуцке, штабы гренадерского и 9-го армейских корпусов 2-й армии, а также штабы, тяжелое вооружение и склады многих других соединений и частей. Фактически Западный фронт русской «революционной армии» прекратил свое существование. Штаб Западного фронта поспешно эвакуировался в Смоленск.

---

* Большевики осуществили государственный переворот в России на деньги, предоставленные Ленину и Зиновьеву германским Генеральным штабом. С ноября 1917 по октябрь 1918 руководство их партии (ЦК) и правительство (Совнарком) фактически являлись немецкими марионетками, получали из Берлина прямые инструкции относительно своей внутренней и внешней политики. Однако этот факт требовалось скрывать как от народов России, так и от рядовых членов партии. Отсюда — спектакль в Бресте под названием «переговоры о мире без аннексий и контрибуций». — *Прим. Ред.*

Столь же поспешно покинули белорусские города руководители большевиков и местных советов. Большевистское руководство Западной области и Западного фронта во главе с А.Ф. Мясниковым срочно уехало поездом в самую восточную губернию Западной области — в Смоленск. Так, газета «Известия» в номере от 26 (13) февраля 1918 года (№ 34) привела сообщение из Минска от 19 февраля с заседания областного Совнаркома:

> «На экстренном заседании Совета Народных Комиссаров было постановлено эвакуировать областной Совет, ...в 4 часа дня Совета уже не было».

Убегая, комиссары забрали с собой все деньги, которые смогли захватить в государственной казне.

Немецкие войска 20 февраля заняли Полоцк, 21-го — Оршу. Большевистское руководство в панике покинуло Витебск, губернский центр. Но немцы в Витебск не пошли, и большевики вернулись туда через две недели. 21 февраля 1918 года в 15 часов первый немецкий эшелон прибыл в Минск. В тот же день немцы заняли Борисов. А 25 февраля в Минск вошли основные силы Х-й немецкой армии.

БРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР И БЕЛОРУССИЯ

Переговоры о мире между РСФСР и державами Центрального блока начались через неделю после заключения перемирия между ними 15 (2) декабря 1917 года. Заседания мирной конференции начались 22 (9) декабря в здании инженерного управления Брестской крепости.

Делегация РСФСР демагогически предложила взять в качестве основы для переговоров принцип мира без аннексий и контрибуций. Это звучало прекрасно, но было совершенно нереально. Статс-секретарь германского министерства иностранных дел Р. фон Кюльман 25 (12) декабря от имени Германиии и ее союзников не без юмора заявил о согласии с основными тезисами декларации российской стороны, но лишь при том условии, что к ним присоединятся правительства стран Антанты. Понятно, что ни о чем подобном в лагере Антанты даже не помышляли. Ответа с Запада на столь странное предложение не последовало. Поэтому 9 января 1918 года (27 декабря 1917) Кюльман заявил, что Центральный блок считает себя свободным от рассмотрения указанного предложения российской делегации.

Германская сторона требовала от Совнаркома РСФСР значительных территориальных уступок и выплаты контрибуции. Большевики же стремились затянуть переговоры. Во-первых, им приходилось маскировать свою зависимость от германского руководства. Во-вторых, они учитывали полуголодное существование населения в Германии и надеялись на скорую революцию в этой стране.

Германские представители требовали признания Россией права самоопределения наций в Курляндии, Лифляндии, Эстляндии, Литве и Польше. Российская сторона утверждала, что в условиях германской оккупации такое самоопределение невозможно. Более того, несмотря на то, что российская армия была почти полностью разложена (что было прекрасно известно немцам) российские делегаты озвучили требования о выводе Германией своих войск с оккупированных ею территорий. В обычной жизни такое поведение называют наглостью.

В декабре 1917 года Совнарком РСФСР признал автономную Украинскую Народную Республику (УНР), возглавляемую социалистами. В Брест прибыла официальная делегация УНР. Приехали также белорусская делегация (С. Рак-Михайловский, И. Середа, А. Цвикевич) и польская делегация. Глава делегации РСФСР на этом этапе переговоров Л.Д. Троцкий согласился признать полномочия украинской делегации, но отказался признать полномочия белорусской и польской делегаций и выступил против участия их в конференции, как не признанных Совнаркомом.

18 (5) января 1918 года германская делегация потребовала отказа России от территорий общей площадью более 150 тысяч квадратных километров. Новая государственная граница должна была пройти по линии восточнее эстонских островов (Моонзундского архипелага), восточнее Риги, западнее Двинска (нынешний Даугавпилс), возле местечка Видзы и далее до Брест-Литовска. Южнее Бреста границу предлагалось установить по соглашению между Германией, Австро-Венгрией и Украиной. Таким образом, под контроль Германии должны были перейти вся Польша и Литва, западная часть Белоруссии и значительная часть Латвии.

В тот же день Троцкий попросил перерыва в переговорах и уехал в Петроград для консультаций с большевистским руководством. Там он предложил объявить войну законченной, армию демобилизовать, но мир на таких условиях не заключать. Ленин же выступил против тактики затягивания переговоров.

При голосовании в ЦК РСДРП(б) и на 3-м Всероссийском съезде Советов 27 (14) января 1918 г. большинством голосов было принято предложение Троцкого. Его предложение не позволяло обвинять правительство РСФСР в измене принципам демократического мира, лишало страны Антанты формального повода для интервен-

ции (Россия не подписывала сепаратный мир с противником), сглаживала противоречия по вопросу о мире в самой партии большевиков и в партии левых эсэров, входившей тогда в коалиционное правительство вместе с большевиками.

Одновременно и германская делегация съездила в Берлин для консультаций со своим руководством.

30 (17) января 1918 года переговоры в Бресте возобновились, но проходили в более напряженной атмосфере. Связано это было с политическим кризисом в Украине. Дело в том, что большевики подготовили восстание против уже признанной ими Украинской Народной Республики — автономного государства в составе России.

В декабре 1917 года большевистское руководство России инспирировало создание Украинской рабоче-крестьянской советской республики, на помощь которой оно вскоре послало войска. Эти войска захватили Киев 8 февраля (26 января) 1918 года. А еще раньше в Брест прибыла делегация Украинской рабоче-крестьянской республики, но представители Центрального блока ее не признали. 25 (12) января 1918 года Украинская Центральная рада объявила о выходе Украины из состава России и о создании независимой Украинской Народной Республики. Германия и ее союзники немедленно признали УНР и в ночь на 9 февраля (27 января) подписали мирный договор с ее делегацией.

В тот же день Р. фон Кюльман в ультимативной форме потребовал от делегации РСФСР дать ответ на предложенные ранее условия мира. 10 февраля (28 января) Троцкий выступил с декларацией, основанной на решении 3-го всероссийского съезда Советов, т.е. о прекращении войны и заключении мира только при условии отказа от аннексий и контрибуций. Приняв к сведению заявление Кюльмана о том, что неподписание Россией мирного договора автоматически прекращает перемирие, делегация РСФСР уехала из Бреста.

Троцкий полагал, что немцы не посмеют выступить против Советской России вследствие революционного подъема в Германии и Австро-Венгрии. Кроме того, Ленин и раньше предлагал Троцкому по возможности затягивать переговоры как можно дальше, тоже надеясь на революцию в Германии и Австро-Венгрии. Дескать, тогда вопрос о границах будущих советских республик в Европе утратит свою актуальность для победившего пролетариата.

Во время похода на восток немецких частей, в основном состоявших из ландвера (ополчения), большевистское руководство приняло все меры, чтобы удержать ускользавшую из его рук власть. 18 февраля состоялись два бурных заседания ЦК РСДРП(б), где шла острая борьба между сторонниками Ленина, выступавшими за мир с Герма-

нией на любых условиях, и «левыми коммунистами» во главе с Н.И. Бухариным, которые требовали продолжать «революционную войну» вплоть до начала революции в Германии и Австро-Венгрии.

В ходе ожесточенных споров мнения членов ЦК разделились. Ленин угрожал своей отставкой: «Или любой ценой немедленный мир, или я ухожу со всех постов».

В результате на пятой попытке большинством голосов было принято решение о заключении мира на немецких условиях. За это решение проголосовали 7 членов ЦК (В.И. Ленин, Г.Е. Зиновьев, И.Т. Смилга, И.В. Сталин, Я.И. Свердлов, Г.Я. Сокольников, Л.Д. Троцкий). Против выступили 5 членов ЦК, составлявшие группу «левых коммунистов» (Н.И. Бухарин, А.А. Иоффе, Н.Н. Крестинский, Г.И. Ломов, М.С. Урицкий), воздержались — 1 (Е.Д. Стасова).

Совнарком (В.И. Ленин) и наркомат иностранных дел (Л.Д. Троцкий) 19 февраля 1918 года направили радиограмму правительству Германии, в которой выразили «протест по поводу того, что Германское Правительство двинуло войска против Российской Советской Республики, объявившей состояние войны прекращенным и начавшей демобилизацию армии на всех фронтах».

Далее они заявляли главное:

> «Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своем согласии подписать мир на тех условиях, которые были предложены делегациями Четверного союза в Брест-Литовске»*.

Тем не менее, германские и австрийские войска продолжали двигаться на восток. Наконец 22 февраля германское правительство сообщило Совнаркому о согласии возобновить переговоры. При этом оно предъявило новые, более жесткие требования по территориальному вопросу, а также требование полностью очистить от российских войск и отрядов красногвардейцев Финляндию, Эстляндию, Лифляндию и Украину. РСФСР также предлагалось заключить мир с УНР. Области, лежащие западнее линии, доведенной до сведения российских уполномоченных в Брест-Литовске, более не подлежали территориальному суверенитету России**.

На принятие этих условий было дано 48 часов. О Белоруссии в документах ни немецкой, ни российской стороны ничего не говорилось. Как бы подразумевалось, что она является частью России.

Ленин и Свердлов срочно собрали заседание ЦИК — Центрального исполнительного комитета советов (что-то вроде советского парламента), который 23 февраля в 4.30 утра принял решение

* Документы внешней политики СССР. Том 1. М., 1959, с. 106.
** Документы внешней политики СССР. Том 1, с. 112–113.

о заключении мира. На основании этого решения Совнарком постановил:

> «Условия мира, предлагаемые германским правительством, принять и выслать делегацию в Брест-Литовск».

Переговоры в Брест-Литовске возобновились 1 марта и закончились 3 марта 1918 года подписанием мирного договора. Перед актом подписания Российская делегация во главе с Г.Я. Сокольниковым выступила с декларацией. В ней германская сторона обвинялась в продолжении войны и насильственном навязывании «аннексионистского и империалистического мира»:

> «Однако при создавшихся условиях Россия не имеет возможности выбора. Фактом демобилизации своих войск Русская революция как бы передала свою судьбу в руки германского народа»*.

Мирный договор с приложениями экономического и правового характера и дополнениями был подписан 3 марта в 17.50. В 17.52 мирная конференция была объявлена закрытой.

На экстренном VII съезде большевистской партии 6–8 марта 1918 года произошли яростные споры по поводу заключения мира с Германией и ее союзниками. Все же Ленину удалось навязать большинству делегатов съезда свое мнение о необходимости заключения мира. Предложенная им резолюция «о войне и мире» была принята 30 голосами против 12, при 4-х воздержавшихся.

Кстати говоря, на этом же съезде большевики решили изменить название своей партии. Термин «социал-демократическая» они заменили на «коммунистическая». Вместо РСДРП(б) появилась РКП(б).

Для ратификации договора был дан срок в две недели. На 12 марта в Москве был созван IV всероссийский чрезвычайный съезд советов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов. Предварительно вопрос рассмотрел ЦИК, который 116-ю голосами против 85-и, при 26-и воздержавшихся, постановил принять условия мира. Чрезвычайный съезд советов 15 марта 1918 года большинством голосов тоже ратифицировал Брестский мирный договор. Германский рейхстаг одобрил договор 22 марта, император Вильгельм II — 23 марта.

Мирный договор состоял из 14 статей, ряда приложений и добавлений. Россия отказывалась от территорий, лежащих западнее новой границы и указанных на специально приложенной карте.

---

* Документы внешней политики СССР. Том I, с. 117–119.

В Белоруссии граница шла по линии: западнее Друи (на Западной Двине) — Браслав — местечко Видзы — Ошмяны — Новогрудок. Затем по реке Неман, поворачивала на юг, проходила западнее Слонима — Ружаны — Пружаны и заканчивалась севернее Брест-Литовска. Все белорусское Полесье (с Брестом, Пинском, Мозырем и Гомелем) отныне входило в состав УНР.

Судьбу Польши, Литвы, части Латвии и Белоруссии должны были определить Германия и Австро-Венгрия «после консультаций с населением этих территорий». Основная территория Белоруссии (за исключением Витебска и 14 уездов Витебской и Могилевской губерний) оставалась под немецкой оккупацией.

Но после заключения российско-германского дополнительного договора от 27 августа 1918 года начался постепенный вывод немецких войск из восточной части Белоруссии (за рекой Березина) по мере исполнения Россией финансовых обязательств (уплаты контрибуции в сумме 6 миллиардов золотых марок). До начала ноября 1918 года германские войска оставили ряд волостей Лепельского, Могилевского, Оршанского, Полоцкого и Сенненского уездов.

В дополнительном договоре от 27 августа 1918 г. в статье 4-й главы 2-й было сказано:

> «Германия никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях»*.

Таким образом, не называя Белоруссию, германское правительство подтвердило принадлежность России оккупированной его войсками белоруской территории. Однако основная часть территории Белоруссии должна была оставаться под немецкой оккупацией до заключения всеобщего мира между Центральным блоком и Антантой.

В результате Брестского мирного договора территория Белоруссии была не только разделена на части. Белоруссия ничего не получила для восстановления разоренной войной экономики, ибо Германия и Россия взаимно отказались от компенсации потерь, причиненных войной населению войсками обеих сторон. А поскольку война шла исключительно на территории бывшей Российской империи, этот пункт договора означал еще одну уступку немцам со стороны большевиков.

---

* Документы внешней политики СССР. Том I, с. 439.

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ БЕЛОРУССКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

К началу XX века основным политическим и культурным центром белорусского национального движения была давняя столица Великого княжества Литовского, Русского и Жемойтского (Белорусско-Литовского государства) — город Вильня (ныне Вильнюс). Вторым центром постепенно становился губернский город Минск, расположенный ближе к центру территории расселения белорусского этноса.

Во время мировой войны в октябре 1915 года Вильню оккупировали немецкие войска. Линия фронта разрезала территорию Белоруссии, оставив ее меньшую, западную часть в зоне немецкой оккупации. Многие белорусские деятели перед вступлением в Вильню немецких войск уехали из города, а некоторых из них призвали в российскую армию. Все же часть белорусских деятелей осталась в Вильне. Но главным центром белорусского национального движения после 1915 года стал Минск, куда переехал и штаб Западного фронта. В Минске находились многочисленные учреждения, обслуживавшие фронт.

Особенно усилилась роль Минска как политического центра Белоруссии после Февральской революции 1917 года. В условиях полной политической свободы здесь действовали совет рабочих и солдатских депутатов, политические партии, общественные объединения. Именно в Минске проходил в декабре 1917 года Всебелорусский съезд.

Но и в Вильне, несмотря на немецкую оккупацию, белорусское национальное движение тоже активизировалось после начала революционных событий в России. И в Минске, и в Вильне в среде белорусского движения усилились тенденции к провозглашению независимости Белоруссии. Такие настроения в значительной степени объяснялись сначала нежеланием Временного правительства России считаться с требованием белорусских национальных организаций о предоставлении Белоруссии статуса автономии в составе Российской республики. Затем и политикой Совнаркома РСФСР, который, несмотря на декларации о самоопределении народов вплоть до отделения от России, всеми силами и средствпами препятствовал народам самим решать свою судьбу.

Кроме того, правительство В.И. Ульянова-Ленина вело в Бресте переговоры о мире с Германией и ее союзниками, не считаясь с интересами белорусского народа и не допуская к переговорам белорусскую делегацию. После заключения Брестского договора, фактически отдавшего Германии более двух третей белорусской территории,

желание провозгласить независимость Белоруссии только усилилось.

Если в восточной части Белоруссии у некоторых белорусских политических деятелей еще сохранялись автономистские настроения, то в Вильне становилось все больше и больше сторонников независимости.

С 1915 года в Вильне в среде белорусских, польских, литовских и еврейских политических деятелей пользовалась популярностью идея восстановления Белорусско-Литовского государства в виде конфедеративного Великого княжества Литовского. Но с 1918 года все больше сторонников завоевывала идея независимости Белоруссии. Во многом это было связано с тем, что литовские политики решительно взяли курс на провозглашение независимости Литвы в литовских этнических землях. Но решающую роль сыграла политика большевиков, не соглашавшихся даже на автономию Белоруссии.

25—28 января 1918 года в Вильне состоялась конференция представителей белорусских организаций с оккупированной Германией территории Западной Белоруссии. Ее участники высказались за создание Белорусско-Литовского конфедеративного государства в составе двух автономий — белорусской и литовской. Конференция избрала Виленскую Белорусскую раду (ВБР) для осуществления дальнейшей деятельности. Во главе ее стал Антон Луцкевич, известный белорусский социал-демократ.

Однако идею Белорусско-Литовской конфедерации литовцы уже не поддерживали. Их сильно напугал захват власти в России большевиками и установление там режима «власти советов». Они решительно выступили за независимость. Еще 11 декабря 1917 года Литовская тариба (совет) объявила о восстановлении литовской государственности, а 16 февраля 1918 года она же провозгласила независимость Литвы.

Объявление независимости Литвы и начало наступления немецких войск на русско-германском фронте побудили Виленскую Белорусскую раду действовать более энергично. 19 марта 1918 года ВБР объявила «связь между Россией и Белоруссией разорванной». Это решение повлияло и на позиции белорусских деятелей в Минске.

А в Минске события тоже ускорились в связи с наступлением немецких войск. Как уже сказано выше, 19 февраля большевистское руководство бежало из Минска в Смоленск. Власть в Минске взял Исполком Рады Всебелорусского съезда, который вышел из подполья. Он издал приказ № 1 о «взятии власти в свои руки». Из-под ареста были освобождены арестованные большевиками деятели ЦБВР (Центральной белорусской войсковой рады). Они сразу же организовали военные отряды из нескольких сот человек и к 21 часам навели порядок в городе. Комендантом города был назначен

Константин Езовитов, поручик бывшей российской армии. Белорусские отряды заняли гостиницу «Европа», резиденцию большевистской власти, штабов Красной Гвардии и ЧК. К 22 часам 19 февраля белорусское руководство заняло бывший дом губернатора на площади Свободы. В состав белорусских отрядов входили участники ЦБВР, подчиненные им солдаты и члены профсоюзов.

Одновременно с белорусскими отрядами выступили и польские, в которые входили представители польского населения, тогда в Минске достаточно многочисленного, а также военнослужащие I-го Польского корпуса в России. Некоторые кварталы города заняли польские отряды, тоже насчитывавшие несколько сот человек. Как белорусские, так и польские отряды вооружились оружием, взятым с военных складов, брошенных большевиками. Центр белорусов находился на площади Свободы, польский центр — на улице Московской.

В городе возникла довольно напряженная ситуация. Между сторонами мог вспыхнуть конфликт. Между тем в Минске остались без руководства несколько тысяч солдат старой российской армии, ранее подчинявшихся большевикам. Было неизвестно, к кому они примкнут. Вечером 19 февраля на улицах Минска кое-где звучали выстрелы.

Однако из-за опасения захвата власти просоветскими силами обе стороны (белорусская и польская) смогли договориться, а обыватели высыпали на улицы, с интересом наблюдая, кто же возьмет верх. Но стычек не произошло. Польские отряды контролировали западную часть города (Московская и Бобруйская улицы, предместье Ляховка) и вокзал. Остальную часть города контролировали белорусские силы. Бывшие российские солдаты находились в своих казармах, как говорится, «ближе к котлу».

Во избежание конфликтов белорусские и польские силы установили разграничительную линию. Белорусы ожидали подкреплений, вызванных из Витебска, а также белорусских частей с Румынского фронта. Польские отряды ждали помощи от частей Польского корпуса генерала Юзефа Довбур-Мусьницкого. Однако помощь ни беларусам, ни полякам прийти не успела. К Минску приближались немецкие войска.

Исполнительный комитет Рады Всебелорусского съезда 21 февраля 1918 года опубликовал Первую Уставную Грамоту к народам Белоруссии, в которой призывал их «взять свою судьбу в собственные руки». В грамоте говорилось: «Право наций должно найти свое осуществление путем созыва на демократических началах Учредительного Собрания».

До созыва учредительного собрания Исполком Рады Всебелорусского съезда объявил себя верховной властью в стране. Было создано первое правительство — Народный Секретариат Белоруссии во главе с Язэпом Воронко, в который вошли 15 представителей от левых партий социалистического направления — БСГ, эсэров и социалистов-сионистов.

В тот же день правительство приступило к исполнению своих обязанностей. По телеграфу было направлено сообщение всем местным органам власти исполнять свои функции под руководством нового правительства Белоруссии. Рада съезда кооптировала в свой состав представителей революционной демократии национальных меньшинств (поляков, литовцев, украинцев, евреев и русских)*.

Но уже 21 февраля на станцию Минск прибыл первый поезд с немецкими солдатами. А к 25 февраля в городе находились значительные силы немецких войск, которые полностью контролировали ситуацию.

Немецкие власти не собирались уступать белорусскому правительству право управлять страной. Поэтому их действия были враждебными. Немецкий отряд занял правительственное здание на площади Свободы, конфисковал кассу Народного Секретариата, сорвал национальный бело-красно-белый флаг, изгнал из здания служащих. Немецкие оккупационные власти предупредили, что они не потерпят серьезной политической деятельности, так как считаются с «законными правами» России на территорию Белоруссии. Впрочем, занятые установлением оккупационного порядка и прекращением большевистской анархии в городах и селах, более жестких мер немецкие власти не предпринимали.

В таких условиях Исполком Рады Всебелорусского съезда и Народный Секретариат продолжили свою деятельность. В оппозиции к этим правительственным органам находились правые политические группировки, настроенные прогермански. Но следует отметить, что в период с 19 до 25 февраля 1918 года Исполком Рады Всебелорусского съезда и его правительство успели начать работу по управлению краем.

Как уже сказано, в Бресте заканчивались переговоры делегации РСФСР с делегациями Германии с ее союзников. 3 марта был заключен мирный договор. По этому договору российская делегация, не допустив к участию в переговорах представителей Рады Всебелорусского съезда, отказалась в пользу Германии от значительной части белорусской территории по линии Двинск — Свенцяны — Лида — Пружаны — Брест. Остальная территория Белоруссии считалась российской, но оставалась оккупированной немецкими

---

* Турук Ф. Белорусское движение, с. 40.

войсками до момента уплаты Россией огромной контрибуции. Таким образом, Белоруссия стала заложницей в отношениях между Россией и Германией.

Заключение Брестского мира вопреки протестам представителей белорусского народа вызвало в Белоруссии усиление требований ее независимости. Откликаясь на эти настроения, и в ответ на заключение Брестского мира за счет белорусского народа, Рада и ее Исполком сделали новый шаг на пути создания независимого государства. Исполняя волю Всебелорусского съезда и подтверждая идею Первой Уставной грамоты о полном самоопределении белорусского народа, Исполком Рады съезда издал 9 марта 1918 года Вторую Уставную грамоту к народам Белоруссии, в которой определялся государственный строй (Белорусская Народная Республика), устанавливались права и свободы граждан. Но во Второй Уставной грамоте еще ничего не говорилось об отношениях с советской Россией, которая считала Белоруссию своей территорией.

До созыва Учредительного Сейма законодательная власть в Белорусской республике оставалась в руках Рады Всебелорусского съезда, а исполнительная и административная — у Народного Секретариата. Вторая Уставная грамота подчеркивала, что все народы Белоруссии имеют право на национальную автономию, а их языки объявлялись равноправными.

Характерным для социалистических принципов был 7-й пункт грамоты: «В пределах Белорусской Народной Республики право частной собственности на землю упраздняется. Земля передается без выкупа тем, кто сами на ней работают».

Объявлялись свобода слова, печати, собраний, забастовок, общественных объединений, свобода совести, неприкосновенность личности и жилья, 8-часовой рабочий день. Цензура и какие-либо ограничения по религиозному признаку не предусматривалось.

В сравнении с системой «власти советов», где политические права (да и то формальные) имели только рабочие, красноармейцы и крестьяне, Вторая Уставная грамота свидетельствовала о выборе национально-демократического пути развития БНР.

9 марта Исполком провозгласил Раду Всебелорусского съезда Радой БНР, а 18 марта в ее состав были кооптированы шесть членов Виленской Белорусской рады; известные белорусские политические и культурные деятели Антон и Иван Луцкевичи, Вацлав Ластовский, Ян Станкевич, Д. Семашко и Я. Туркевич. Этот акт усилил позиции в Раде сторонников независимости Белоруссии.

19 марта в Раду БНР кооптировали представителей земств и городских самоуправлений, в том числе представителей национальных меньшинств (еврейского, польского, русского). Отныне Рада БНР представляла все основные группы населения Белоруссии.

На этом же заседании Рады был избран ее президиум во главе с председателем Янкой (Иваном) Середой (беспартийным). Рада БНР взяла на себя функции парламента. Исполком Рады прекратил свое существование.

23 марта 1918 года делегация новых членов Рады БНР (Ластовский, братья Луцкевии, Станкевич и Туркевич) приехали в Минск из Вильни. Антон Луцкевич, председатель Виленской Белорусской рады, сразу же на заседании Народного секретариата, куда их пригласили, предложил провозгласить независимость Белоруссии.

Он выставил два аргумента. Во-первых, из-за того, что сначала большевики, а потом и немецкие оккупанты забрали все деньги из Государственного банка, правительство для функционирования своих органов нуждается в государственном займе, который может выдать Украинская Народная Республика. Но Украина, признанная Москвой и Берлином, не может предоставить заем, если Белоруссия остается формально территорией России, без согласия правительства в Москве. Во-вторых, провозглашение независимости Белоруссии явится протестом против заключения Брестского мира, по которому Германия и Россия поделили территорию Белоруссии.

Предложение Луцкевича было рассмотрено на заседании фракции БСГ, фракции, имевшей большинство в Раде БНР. После обсуждения фракция приняла это предложение, хотя вначале часть членов фракции была против.

24 марта в 20 часов началось заседание Рады БНР, на котором фракция БСГ и внесла предложение о провозглашении независимости. С предложением выступил руководитель фракции БСГ в Раде, народный секретарь земледелия Аркадий Смолич. Он предложил принять акт, имевший конституционное значение — объявить независимость Белоруссии.

Всю ночь шли горячие прения. Против идеи белорусских социалистов выступили русские и польские земские и городские деятели, а также представители Бунда. При голосовании акта о независимости в 8 часов утра 25 марта земские деятели и бундовцы проголосовали против независимости Белоруссии. Воздержались от голосования представители Объединенной еврейской социалистической рабочей партии, еврейской социал-демократической рабочей партии (Поалей-Цион) и российские социалисты-революционеры (эсэры). Тем не менее, большинством голосов акт о независимости Белоруссии был принят. После этого сторонники тесного союза с Россией (земская фракция русскоязычной интеллигенции) объявила о своем выходе из состава Рады БНР.

Затем был объявлен перерыв до 12 часов дня, а в полдень состоялось заключительное заседание Рады БНР, на котором по пунктам обсуждался текст Третьей Уставной грамоты. Наконец, в 15 часов 25

марта 1918 года текст грамоты был принят Радой БНР в окончательном варианте. Третья Уставная грамота торжественно провозглашала:

> «Теперь мы, Рада Белорусской Народной Республики, сбрасываем с родного края последнее ярмо государственной зависимости, которое силой набросили российские цари на наш вольный и независимый край. С этого времени Белорусская Народная Республика объявляется независимой и вольной державой».

На основе этого акта ликвидировались прежние государственные связи. Народному Секретариату поручалось установить контакты со всеми заинтересованными сторонами и предложить им пересмотреть ту часть Брестского мирного договора, которая касается Белоруссии, и подписать мирный договор со всеми воюющими государствами.

В государственном акте от 25 марта 1918 года были подтверждены все права и вольности граждан Белоруссии, которые провозгласила Вторая Уставная грамота. Была в ней указана и территория БНР, которая включала земли, «где живет и имеет численное преобладание белорусский народ». Это Минская и Могилевская губернии, белорусские уезды Виленской, Витебской, Гродненской (включая Белосток и Бельск), Смоленской, Черниговской губерний, смежные части Сувалковской, Ковенской, Псковской губерний, заселенные белорусами.

Здесь следует пояснить, что по всероссийской переписи населения 1897 года (что нашло отражение в «Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона») население Смоленской губернии считалось белорусским, за исключением трех восточных уездов. То же самое относится к северо-западным уездам Черниговской губернии (нынешняя западная часть Брянской области), к южным уездам Псковской губернии и к ряду уездов нынешней Латвии. Упоминание о смежных частях соседних губерний относилось к Ковенской и Сувалковской губерниям.

Таким образом, провозглашение БНР самостоятельным независимым государством в Третьей Уставной грамоте было не только политическим, но и юридическим актом, который возобновлял государственность белорусского народа, ликвидированную в конце XVIII века в результате захвата территории Белорусско-Литовского государства (в составе Речи Посполитой) Российской империей. Акт 25 марта стал логическим следствием деятельности Всебелорусского съезда в декабре 1917 года. Этот акт сделал легальной всю дальнейшую деятельность Рады БНР и ее правительства как в 1918 году, так и в последующий период.

Акт 25 марта перечеркнул проекты создания федерации Белоруссии с Литвой или с Россией. Началась борьба за осуществление объявленной независимости. Условия для такой борьбы были неблагоприятными. Страну оккупировала Германия, а ее восточные территории находились в составе РСФСР в качестве одной из областей (Западная область). Правительства Германии, Австро-Венгрии и России независимость БНР официально не признали.

Но, несмотря на все эти препятствия, акт 25 марта имел важные последствия для дальнейшего развития белорусского национального движения. Сам факт провозглашения независимости Белоруссии сыграл свою роль и внутри страны, и в международных отношениях. С этим фактом пришлось считаться как немецким империалистам, так и российским большевикам. Одним из последствий акта 25 марта стало вынужденное создание большевиками Белорусской Советской Республики, хотя и марионеточной по существу, но самостоятельной по форме, к тому же первоначально в тех границах, которые определила Третья Уставная грамота Рады БНР.

С того времени День 25 марта белорусы у себя на родине и за ее пределами отмечают как один из главных национальных праздников белорусского народа — День Воли.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДЫ И ПРАВИТЕЛЬСТВА БНР В 1918 г.

Провозглашение независимости Белорусской Народной Республики имело прямые последствия в практической деятельности ее правительственных и местных органов.

После выхода из состава Рады БНР сторонников федеративного союза с Россией в виде автономии (преимущественно членов российских и еврейских партий), в ней не осталось деятелей пророссийской ориентации. Это облегчило сторонникам независимости проведение своей целенаправленной политики.

С другой стороны, провозглашение независимости Белоруссии мешало проводить немецким властям свою оккупационную политику на занятой территории. Поэтому с военной прямолинейностью немецкие власти разогнали Раду БНР и правительство (Народный Секретариат), но членов их не арестовали. В начале апреля правительство БНР начало создавать вооруженные силы республики. Специальным комиссаром по военным делам был назначен К.Б. Езовитов. Все это вызывало недовольство оккупационных властей, которые запретили деятельность Народного Секретариата. Германский канцлер Г. Гертлинг заявил, что Белоруссия — это «часть Советской России».

В оппозиции к властям БНР оставалась другая группировка национального движения — Менское Белорусское представительство, созданное 25 февраля 1918 года. Это было политическое объединение белорусских партий и групп либеральной и правосоциалистической ориентации. В него входили представители Белорусской народной партии социалистов, партии социалистов-автономистов, Белорусской христианской демократии, Белорусского православного объединения, Белорусского союза земельных собственников и другие. Эти силы противостояли БСГ — основной партии в Раде БНР и ее правительстве.

Менское Белорусское представительство (МБП) в своем программном заявлении отметило, что оно «представляет интересы белорусского народа и является политическим центром», который защищает культуру и самобытность белорусского народа. В политическом плане МБП выступало за создание единого национального центра, за союз с Германией и сохранение крупного землевладения как гарантию обеспечения населения сельскохозяйственной продукцией.

В условиях преследований со стороны немецких властей Рада и Народный Секретариат пошли на объединение с МБП. 12 апреля в состав Рады БНР были кооптированы члены Исполкома МБП, в том числе Павел Алексюк, Роман Скирмунт и Александр Власов. Используя ситуацию, эта группировка инициировала в Раде БНР отправку 25 апреля телеграммы от имени Рады германскому императору Вильгельму II с благодарностью за «освобождение Белоруссии» (подразумевалось — от большевиков) и с просьбой оказать помощь в укреплении Белорусского государства в союзе с Германией. Увы, Германия так и не признала независимость Белоруссии. Но этот акт вызвал раскол в Раде БНР и в партии Белорусская социалистическая громада. Многие члены БСГ восприняли эту телеграмму как измену белорусской демократии.

В начале мая 1918 года из правительства и Рады ушли видные деятели социалистов. Ушел в отставку и премьер Язэп Воронко. В результате правоцентристы получили в Раде большинство и сформировали новое правительство во главе с Романом Скирмунтом. Новый правительственный кризис произошел в июне. Но в этот раз его удалось преодолеть путем соглашения между правыми и левыми. Коалиционное правительство возглавил Иван Середа. Председателем Рады БНР был избран Язэп Лёсик.

Что касается БСГ, то она раскололась бесповоротно. На ее основе возникли три социалистические партии: Белорусская партия социалистов-революционеров (эсэры, БПС-Р), Белорусская социал-демократическая партия (БСДП) и Белорусская партия социалистов-федералистов (БПС-Ф).

Все эти изменения в политическом спектре Белоруссии отразились и на взаимоотношениях между белорусским руководством и оккупационными властями. Берлин, Вена и Москва по-прежнему официально не признавали БНР. Но в самой Белоруссии удалось достичь взаимопонимания с немецкими военными властями. Не надеясь своими силами поддерживать порядок в стране, немецкие власти пошли на уступки.

Командующий Х-й немецкой армией генерал от инфантерии Эрих фон Фалькенгайн уже 27 марта разрешил Раде БНР организовать свой аппарат на местах. 20 апреля Рада разослала по губерниям, уездам, городам, волостям и деревням постановление о создании выборных органов (рад) и осуществлении ими функций власти. С 21 июня армейское командование дало согласие на включение в состав немецких уездных комендатур белорусских советников, назначенных правительством БНР. В компетенцию Народного Секретариата немецкие военные власти передали вопросы торговли, промышленности, снабжения населения, социального обеспечения, просвещения, культуры, дела по устройству беженцев. Правительство БНР в июне 1918 года объявило недействительными на территории республики декреты и постановления Совнаркома РСФСР.

Но немецкие власти не согласились на создание белорусской армии. На то были две причины. Во-первых, они опасались появления неконтролируемой ими вооруженной силы. Во-вторых, были связаны условиями Брестского мирного договора, запрещавшими создавать вооруженные силы на территории, формально признанной немецкой стороной за Россией.

Значительных успехов добилась БНР на международной арене. Хотя Германия и Россия официально не признали БНР, но ряд стран ее признал и установил с нею дипломатические отношения. Независимость Белоруссии признали Литва, Латвия, Эстония, Финляндия, Украинская Народная Республика, Чехословакия, Армения, Грузия, позже — Австрия. Консульские представительства БНР были открыты в Германии, Дании и, Турции. В Москве при правительстве РСФСР было открыто генеральное консульство БНР, которым руководил известный политический деятель Александр Бурбис. Консульства БНР появились также в Ростове-на-Дону, Ставрополе, Киеве, Одессе и Вильне.

Правительство РСФСР вступило в дипломатические контакты с правительством БНР с той целью, чтобы влиять на политическую ситуацию в стране в случае ухода немецких войск. Со своей стороны, правительство БНР тоже пыталось договориться с Москвой, надеясь на возвращение Белоруссии ее восточных территорий и признание независимости. Антон Луцкевич, лидер белоруских социал-демократов, во главе делегации в сентябре — октябре 1918 года

ездил в Киев, где вел переговоры с дипломатическим представителем РСФСР в Киеве Христианом Раковским. А в начале ноября, когда в Германии уже началась революция, Луцкевич, ставший уже премьер-министром БНР, по приглашению Совнаркома ездил на переговоры в Москву.

Справка: Раковский Христиан Георгиевич (1873–1941) — в действительности Крыстю Станчев — болгарин, с 16 лет участник социал-демократического движения в странах Европы. В 1918 председатель Временного революционного правительства Украины. Член ЦК РКП(б) в 1919–27. В 1923–25 полпред (посол) СССР в Великобритании, в 1925–27 полпред во Франции. Сторонник Троцкого, один из лидеров антисталинской оппозиции в партии большевиков. В 1927 исключен из партии как «троцкист», в 1928 сослан. В 1938 приговорен к 20 годам лагерей, в 1941 казнен. (*Ред.*)

Правительство А. Луцкевича соглашалось даже на введение в БНР конституции советского образца и на федеративные отношения с РСФСР, однако при том условии, что советская Россия признает независимость БНР.

Но правительство Ленина, руководствовавшееся своими экспансионистскими целями, при поддержке группировки А.Ф. Мясникова в Западной области и Белорусского национального комиссариата (в Наркомате по делам национальностей) отвергло предложение Луцкевича. Удалось договориться лишь о том, что при уходе немецких войск из Белоруссии и замещении их войсками РСФСР часть национальных лидеров, прежде всего социалисты, останутся в Минске и вместе с большевиками создадут советское правительство Белоруссии. Однако на признание независимости Совнарком РСФСР не пошел.

Создание БНР дало мощный толчок белорусскому культурному Возрождению. Оно активизировало творческую белорусскую интеллигенцию. Государственные органы БНР не встречали препятствий со стороны немецких оккупационных властей в своей деятельности в области культуры.

В Минске в это время действовал белорусский клуб творческой интеллигенции «Беларуская хатка», объединявший литераторов, фольклористов, художников, архитекторов. Здесь действовали Первое Товарищество белорусской драмы и комедии (19 мая на его основе был создан Белорусский государственный театр), Товарищество.работников искусства, Драматическая секция Белорусской Театральной Громады, которыми руководили режиссеры Владислав Голубок, Флориан Жданович и Всеволод Фальский.

Был открыт Белорусский педагогический институт в Минске. Правительство БНР приняло решение о создании Белорусского Национального университета. Организацией белорусских школ занималась Школьная куратория, где работал Бронислав Тарашкевич. В Белоруссии открылись несколько сотен белорусских школ, которых раньше вообще не было. В крупных городах и уездных центрах появились белорусские гимназии. В Минске выходила ежедневная газета на белорусском языке, а всего в Белоруссии — шесть белорусских газет и три журнала.

Еще одним культурным центром белорусского движения оставалась Вильня, а третьим — Гродно. Белорусский язык стал употребляться в храмах, особенно католических.

Таким образом, провозглашение БНР, деятельность его органов, многочисленных энтузиастов из числа белорусских политических и культурных деятелей значительно повлияли не только на развитие идеи государственности Белоруссии, но и на культурническое движение.

В 1918 году Рада БНР утвердила в качестве государственных символов национальный бело-красно-белый флаг и исторический герб «Погоня». Гимном БНР в 1920 году стал воинский марш «Мы выйдем тесными рядами» (слова М. Кравцова, музыка В. Теравского).

К осени 1918 года военное положение Германии на Западном фронте ухудшилось. Да и на востоке пришлось пойти на уступки Советской России. Немецкие войска уже в сентябре — октябре начали постепенно покидать некоторые районы Белоруссии. Так, 31 октября они ушли из Могилева и Орши. Неудачи Германии и вероятность возвращения большевиков подтолкнули представителей правых партий и национальных меньшинств к сотрудничеству с Радой БНР. В конце сентября 1918 года в состав Рады вошли представители от православного духовенства, Минского православного братства, польского национального меньшинства и партии русских конституционных демократов (кадетов).. Расширен был состав правительства за счет социал-демократов и социалистов-федералистов. Только российские социалисты и Бунд по-прежнему выступали против Рады БНР

11 октября 1918 года Рада БНР утвердила Временную Конституцию БНР. Народный Секретариат был переименован в Раду Народных министров во главе с Антоном Луцкевичем, который одновременно получил портфель министра иностранных дел.

Глава 3

ПОЛЬСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ В 1917–1918 гг.

ПОЛЬСКИЕ ОРГАНИЗАЦИИ В БЕЛОРУССИИ

На территории Белоруссии (т.е. в белоруских губерниях и уездах Северо-Западного края) в начале XX века подавляющее большинство населения составляли белорусы (до 75%). В городах и местечках около 14% жителей были евреи (указ императрицы Екатерины, изданный в 1794 году, запретил евреям проживание в губерниях России, а закон 1844 года запретил им жить в деревнях).

По всеобщей переписи 1897 года удельный вес польского населения в Белоруссии был заметным — 8,2% жителей. При этом в Вильне поляки составляли 30,1% (евреи — 40%), в других городах и местечках Виленской губернии — 11,5%. Белорусов в Виленской губернии было 56,2%. Среди жителей Гродно поляков было 33%, Гродненской губернии — 13,7%. В Минской губернии, занимавшей треть современной территории Белоруссии, поляки составляли 10,1%, в том числе в Минском уезде — 24,6%, а в самом Минске — 11,4% населения (евреи 43,3%). В белорусских уездах Витебской губернии поляков было 9,3%. Меньше всего поляков проживало в Могилевской губернии — 2,7% жителей, в том числе в Могилевском уезде — 4,7%*.

Что касается конфессий, то в Виленской губернии католики составляли 56,82% населения (в т.ч. среди поляков — 99,4%, среди белорусов — 58,6%), в Минской губернии — 10,1% жителей, в белорусских уездах Гродненской губернии 13,6% и только в Могилевской губернии — 3 процента**.

Таким образом, польское, а также католическое население в Белоруссии было довольно значительным, а среди интеллигенции и землевладельцев– еще и весьма влиятельным. На белорусско-литовском пограничье (север Гродненской губернии и западная часть Виленской) исторически сложилась польско-белорусская зона, особенно в районе Вильни. Здесь даже литовское меньшинство утратило свой язык и в основном говорило по-белорусски, а часто вдобавок и по-польски.

В 1914–15 гг. из зоны боевых действий на территории Польши, а затем и Западной Белоруссии часть населения была выселена из

---

* Eberhardt P. Przemiany narodowosciowe na Bialorusi. Warszawa [b.r.], s. 17, 19.

** Eberhardt P. Przemiany narodowosciowe na Bialorusi. Warszawa [b.r.], s. 22.

прифронтовой полосы или сама выехала на восток. Многие осели в городах Белоруссии, прежде всего в Минске. Во время войны создавались различные общественные организации для помощи жертвам войны и беженцам. Среди прочих, в Минске было создано Польское общество помощи жертвам войны. Возникали и другие структуры, в том числе подпольные, например, ячейки ПОВ (Польской военной организации).

Польское национальное движение в Белоруссии активизировалось после февральской революции 1917 года. В Минске и других крупных городах Северо-Западного края действовали организации польских социалистических партий, в том числе радикальной (союзной большевикам) Социал-Демократии Королевства Польского и Литвы.

Объединились и правые силы. Наиболее влиятельной среди польской интеллигенции и помещиков была польская партия национал-демократов во главе с Романом Дмовским, депутатом Государственной Думы, сторонником союза с Россией в деле возрождения Польского государства. С этим направлением польского политического движения связано создание Польского корпуса в России.

ПЕРВЫЙ ПОЛЬСКИЙ КОРПУС В РОССИИ

В российской армии во время мировой войны служило много поляков, российских подданных, поскольку территория Центральной и Восточной Польши (Царство Польское, или Привислянский край) входила с времен победы над Наполеоном в состав Российской империи. Много поляков жило в Белоруссии, Литве и Украине, а также в Петербурге и Москве. С началом мировой войны (кстати говоря, царь Николай II официально назвал ее «Великой Отечественной войной») в российской армии, помимо кадровых офицеров и генералов, оказалось немало мобилизованных солдат и унтер-офицеров польской национальности.

В австро-венгерской армии сражались поляки из южной (австрийской) части Польши и с Западной Украины — Галиции, причем не только в австрийских частях, но и в созданных Юзефом Пилсудским польских легионах. Чтобы противопоставить пропаганде Пилсудского и австрийцев свое решение «польского вопроса», царизм пошел на некоторые уступки польскому национальному движению в России. Полякам пообещали после победы над австро-германским блоком создать «целокупную Польшу» за счет присоединения к «русскому» Царству Польскому тех польских территорий, которые находились после трех разделов Речи Посполитой под вла-

стью Австрии и Германиии. Эта Польша получила бы автономию (внутреннее самоуправление), но осталась бы в составе Российской империи.

Руководствуясь данной идеей, деятели партии национал-демократов, имевшие представительство в Государственной Думе, с осени 1914 до весны 1915 года создали из польских добровольцев Пулавский легион (по месту формирования в городе Пулавы Люблинской губернии). В нем было около тысячи человек. Он участвовал в боях на территории Белоруссии — под Зельвой и в Полесье. С 24 сентября 1915 года на основе Пулавского легиона в Бобруйске началось формирование Польской бригады стрелков (около 4 тысяч человек) из числа поляков (офицеров и солдат), служивших в российской армии. С июля 1916 года эта бригада находилась на Западном фронте в районе города Барановичи.

После Февральской революции в частях российийской армии повсюду появились военные комитеты. Комитеты польских военных стремились создать более многочисленное польское национальное соединение, чем бригада — как бы «ядро» будущей польской национальной армии. Временному правительству в условиях демократизации России пришлось дать согласие на создание национальных военных частей и соединений. Так, был создан чехословацкий корпус, к осени 1917 года появились латышские и украинские формирования.

Уже в апреле 1917 года в Киевской губернии удалось развернуть первую польскую стрелковую дивизию под командованием генерал-лейтенанта российской армии Тадеуша Былевского. На основе ее начали развертываться следующие польские соединения в России. Польские военные комитеты создали Центральное управление союза польских военнослужащих.

В июле 1917 года в Петрограде состоялся I-й Всероссийский съезд военных-поляков. Его делегаты заочно избрали почетным председателем съезда командующего польскими легионами по ту сторону фронта Юзефа Пилсудского. Сам он к тому времени уже вступил в конфликт с германским военным командованием (вместе с большинством своих офицеров и солдат отказался принести присягу германскому императору), вскоре был арестован и заключен в тюрьму крепости Магдебург, а легионы расформированы. Съезд польских военнослужащих принял постановление о создании Войска Польского в России. Для реализации этой задачи съезд учредил Военный исполнительный комитет под председательством адвоката из Минска Владислава Рачкевича*.

---

* Рачкевич в 1939—1947 гг. был президентом Польши в эмиграции.

В том же месяце июле 1917 года Центральное управление союза польских военнослужащих объединилось с Военным исполнительным комитетом. Вместо них был создан Верховный польский военный комитет (Начполь), который и начал создавать польские воинские части из поляков, служивших в российской армии. Председателем Начполя избрали младшего офицера (хорунжего), все того же Владислава Рачкевича*.

С конца июля 1917 года Начполь формировал Первый Польский корпус в России. Его командиром стал генерал-лейтенант российской армии Юзеф Добвур-Мусьницкий (русские называли его Иосифом Романовичем Довбор-Мусницким), командир 38-го корпуса 10-й армии, занимавшего боевые позиции на Западном фронте неподалеку от Минска.

Довбур-Мусьницкого назначил командиром корпуса Верховный главнокомандующий российской армии генерал от инфантерии Л.Г. Корнилов приказом от 6 августа (21 июля) 1917 года. Пост начальника штаба занял генерал-майор Агапеев (русский). Офицеров Польского корпуса набирали преимущественно из кавалерийских полков. В корпусе служило много белорусов-католиков (в разное время от 40 до 60% личного состава).

Уже в конце сентября 1917 года в Белоруссии были размещены следующие части Польского корпуса: 1-я стрелковая дивизия — в Старом Быхове, инженерный полк — в Дубровне возле Орши, артиллерийская часть — возле Витебска, 1-й полк Креховецких уланов — в Дукоре возле Минска. В декабре был создан 3-й полк уланов в Красном Боре (между Бобруйском и Жлобином). В Ельне (Смоленская губерния) разместилась 3-я стрелковая дивизия, в Дорогобуже — резервная бригада. В Зубцове (Тверская губерния) находилась 2-я стрелковая дивизия. В декабре 1917 года в Староконстантинове (Подолия) был сформирован 2-й полк уланов.

Штаб Первого Польского корпуса находился в Минске в доме № 10 по Серпуховской улице (ныне квартал на улице Володарского, смежный с гостиницей «Минск»). Кроме того, в Минске формировался Офицерский легион (эскадрон кавалерии, пехотная рота, артиллерийский дивизион).

Поначалу российское главное командование планировало сформировать Польский корпус в составе двух дивизий, что и было сделано. 1-й дивизией командовал генерал-майор Густав Остапович, уроженец Гродненской губернии), а 2-й — генерал-майор Юзеф Криштоф (Христофор) Лесневский, уроженец Витебской губернии. Однако Довбур-Мусьницкий добился согласия Ставки Верховного

---

* Чин хорунжего соответствовал чину прапорщика: один просвет и одна звездочка на погоне.

главнокомандующего в Могилеве на создание 3-й дивизии, командиром которой в октябре 1917 года назначили генерал-майора Вацлава Ивашкевича.

Ивашкевич родился в Омске в семье инженера, белорусского шляхтича, участника восстания 1863 года, высланного из Витебской губернии. Хоть генерал был католиком, он, постоянно находясь в русскоязычной среде, говорил всегда по-русски, даже в польской армии, ибо стеснялся своего плохого знания польского языка. Из-за этого в польской армии его называли «православным». Выросший в Сибири, Ивашкевич слабо представлял реалии жизни в Белоруссии и Украине. Например, в 1920 году, когда он командовал армией и его войска заняли Бердичев, город с рекордным процентом еврейского населения, к нему пришла делегация местных сионистов поблагодарить за освобождение Бердичева от большевиков. Распрощавшись с ними, генерал обратился к своему адъютанту: «Господин капитан! Если бы я не знал, что это сионисты, то подумал бы, что это жиды»*.

4 декабря (21 ноября) 1917 года на Западном фронте на железнодорожном вокзале станции Солы (в Сморгонском районе) представители германского и российского командования заключили перемирие между армиями русского Западного фронта и германскими армиями, действующими против этого фронта на срок с 14 часов 6 декабря (23 ноября) до 14 часов 17 (4) декабря 1917 года. А в Бресте 2 (15) декабря был подписан договор о перемирии на всех фронтах между Россией и Германией с ее союзниками с 14 часов 17 (4) декабря до 14 часов 14 (1) января 1918 года. В дальнейшем перемирие могло автоматически продлеваться за 7 дней до возобновления военных действий. Кроме того в Брест-Литовске 22 (9) декабря начались переговоры о заключении мира.

В условиях фактической демобилизации российской армии после заключения перемирия с Германией, а также массового дезертирства с фронта, Первый Польский корпус представлял опасность для большевистской власти не только в Белоруссии, но и в России. Тем более, что среди значительной части польского населения Белоруссии, вследствие репрессивной политики большевиков, распространились антисоветские настроения (хотя до масштабных репрессий было еще далеко). Помещики и эта часть населения возлагали большие надежды на войска польского корпуса.

---

* В польском, белорусском и мадьярском языках слово «жид», в отличие от русского, не оскорбление, а обозначение лиц еврейской национальности.

11 декабря (29 ноября) 1917 года исполняющий обязанности командующего Западным фронтом прапорщик А.Ф. Мясников своим приказом разрешил создание польских революционных батальонов, с тем, чтобы противопоставить их Польскому корпусу. В декабре был создан первый польский революционный батальон. Правда, дальше дело не пошло..

Назревал конфликт между властями РСФСР и командованием Польского корпуса. 21 (8) декабря 1917 года Верховный главнокомандующий прапорщик Н.В. Крыленко потребовал от командования корпуса подчиниться решениям Совнаркома о демократизации армии. Он приказал провести выборы солдатских комитетов (с правом контроля за действиями своих командиров), а также принять назначенных большевиками комиссаров. Но это означало бы развал корпуса, как уже произошло с частями российской армии. Поэтому генерал Довбур-Мусьницкий и Начполь категорически отказались выполнять данный приказ.

В начале января 1918 года (в конце декабря 1917 по старому стилю) Начполь собрал в Минске съезд поляков-военносужащих Северного, Западного, Юго-Западного и Румынского фронтов. Делегаты съезда признали Начполь высшим органом польской военной общественности. Конфликт между командованием Польского корпуса и органами советской власти углублялся.

СТОЛКНОВЕНИЯ В МОГИЛЕВСКОЙ ГУБЕРНИИ (январь — февраль 1918 г.)

Как часто бывало в первые месяцы существования советской власти в России, согласованности между различными ее органами на местах не было. Каждый руководитель действовал так, как считал нужным в конкретных случаях. Если в Ставке стремились решить конфликт путем уговоров, то руководство Западной области и Западного фронта действовало более решительно.

Исполняющий обязанности командующего Западным фронтом А.Ф. Мясников 27 (14) декабря 1917 года в своем приказе отметил невыполнение командованием Первого Польского корпуса приказа советского командования о демократизации армии и приказал немедленно провести демократизацию. Одновременно частям корпуса было приказано до 14 (1) января 1918 года перейти на линию российско-германского фронта и занять там позиции. Согласно приказу, корпус должен был подчиняться командованию Западного фронта, т.е. самому Мясникову, а не Ставке в Могилеве, и тем более не Начполю.

Вскоре после этого генерала Довбур-Мусьницкого вызвали в Ставку Верховного главнокомандующего и предложили вывести 1-ю польскую стрелковую дивизию из Быхова (в 50 км от Могилева). Начальник штаба Ставки генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич предложил командованию корпуса передислоцировать его части в район Рогачев — Жлобин — Бобруйск, подальше от Ставки. Штаб корпуса переехал из Минска в Дукору (40 км от Минска), а затем в Бобруйск.

В начале января 1918 года его 1-я дивизия находилась в районе Рогачева, 2-я — в районе Бобруйска, а 3-я продвигалась из Ельни и Рославля для присоединения к основным силам корпуса. В то время корпус имел 12 пехотных полков и 3 кавалерийских, а также тяжелую артиллерию. Общая численность офицеров и солдат оценивалась в 25–29 тысяч человек.

17 (4) января 1918 года Н.В. Крыленко подписал приказ об аресте членов Начполя, находившегося в Минске. Исполнение этого приказа поручили польскому батальону 1-го революционного полка имени Минского совета (имелся в виду городской совет). Но пока в помещение, где находился Начполь, пришли «революционные солдаты», 13 членов Начполя, уже знавшие о предстоящем аресте, не явились на работу, а еще 6 членов, которых солдаты успели задержать, спрятали либо уничтожили важные документы. Через несколько дней арестованные бежали из тюрьмы в Дукору, а оттуда уехали в Бобруйск вместе со штабом Польского корпуса.

20 (7) января 1918 года советское командование издало приказ о разоружении и расформировании корпуса. Этот приказ так и остался на бумаге. Разоружать надо было организованную военную силу, которая не для того создавалась, чтобы добровольно сдать оружие каким-то самозванцам. Однако эйфория большевистских руководителей в первые месяцы их власти была повсеместной.

В ответ на приказ о разоружении генерал Довбур-Мусьницкий передал из Дукоры по телеграфу верховному главнокомандующему Крыленко в Могилев и командующему Западным фронтом Мясникову в Минск, что с 12 часов дня 25 (12) января 1918 года Первый Польский корпус находится в состоянии войны с властью «советов».

Боевые части корпуса начали наступление на Могилев с целью ликвидации большевистской Ставки Верховного главнокомандующего. Утром 25 (12) января два полка с боем взяли Жлобин, однако к вечеру того же дня их выбили из города солдаты большевизированных воинских частей и красногвардейцы.

26 (13) января 1-я стрелковая дивизия корпуса заняла Рогачев и часть Рогачевского уезда. Польские солдаты разоружили местный гарнизон и милицию. Они арестовали членов уездного крестьян-

ского совета, заняли помещения городского и уездного советов, все городские учреждения, почту, телеграф, казначейство, тюрьму, железнодорожную станцию. В Рогачеве были арестованы все большевики и сочувствующим им, введено осадное положение. Поезда через станцию не пропускались. В занятой части уезда была объявлена мобилизация поляков*.

Одновременно началось наступление на Минск вдоль железной дороги Гомель — Минск. Польские соединения и части, находившиеся вне этого района, направились с разных сторон по железным дорогам в район Бобруйска. Часть войск двигалась в пешем строю. Так, 3-я дивизия корпуса шла из Рославля (Смоленская губерния) через Климовичи и Чериков на Рогачев. Отдельные ее части двигались к Рогачеву через Пропойск и Корму.

Польские войска повсюду разгоняли советы рабочих и крестьянских депутатов, арестовывали их сотрудников и местных большевиков. Штаб 1-й польской дивизии даже объявил в Рогачеве о возрождении Польского государства в границах 1772 года. Впрочем, это были всего лишь эмоции офицеров штаба. Полномочий распоряжаться территориями они ни от кого не получали.

Несмотря на грозные приказы, ни верховный главнокомандующий Крыленко в Могилеве, ни командующий Западным фронтом Мясников в Минске, реальной военной силой не располагали. Немногочисленные их войска состояли из остатков российской армии Западного фронта (теперь их называли «солдатами революционной армии») и отрядов красногвардейцев из числа городских и местечковых пролетариев (в основном, евреев), которые воевать еще не умели. Поэтому попытки разгромить Польский корпус оказались неудачными.

В первой фазе военной операции действовали Могилевский, Витебский, Осиповичский и Гомельский отряды Красной гвардии, Могилевский отряд матросов (500 человек), который прибыл еще в ноябре для разгона старой Ставки и охраны новой, 19-й Сибирский и 1-й революционный имени Минского Совета полк.

На их основе были сформированы следующие «революционные» отряды: 1) Минский (частью из солдат, частью из красногвардейцев) — для обороны Минска; 2) Жлобинский и Гомельский; 3) Могилевский — эти три предназначались для наступления на Рогачев и Бобруйск; 4) из солдат 10-й армии — для предотвращения прорыва польских частей из Молодечно к Рогачеву; 5) Ельнинский

* Антонов А.Е. Разгром белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 году. /Труды Военно-политической академии Красной Армии. Вып. IV, М., 1940, с. 55.

и Смоленский — для разоружения польских частей в Смоленской губернии*.

Наиболее упорная борьба развернулась в районе Молодечно. 30 января в 12 часов дня здесь было получено сообщение из Полоцка, что подразделение корпуса Довбур-Мусьницкого двумя железнодорожными эшелонами отправляется через Молодечно в Бобруйск. По пути, в Вилейке, этот отряд захватил вагон с винтовками и вагон с обмундированием. В 5 часов утра 31 января первый польский эшелон приблизился к Молодечно. Вскоре появился и второй, а вслед за ним появился поезд с «красными». После неудачных переговоров между сторонами о сдаче поляков, возле эшелонов произошла перестрелка, повлекшая незначительные потери с обеих сторон. После этого поляки сдались. Солдатам выдали увольнительные билеты и отпустили восвояси, а офицеров отправили в минскую тюрьму.

30 (17) января 1918 года в Минске состоялось совещание Комиссии по польским делам (при Наркомате по делам национальностей Совнаркома Западной области и фронта) и руководителей союза поляков-военнослужащих. Последние признали, что в новых условиях Довбур-Мусьницкий не может занимать должность командира корпуса, но решительно отказались отстранять его от командования до 20 февраля, когда должен был собраться очередной съезд поляков-военнослужащих. Отрицательно они высказались и по вопросу демократизации корпуса.

Главной задачей большевистского руководства было удержание за собой основных центров власти — Могилева и Минска. Поэтому оно решило вступить в переговоры с непокорным генералом, а тем временем перебросить в Белоруссию из других мест более надежные военные силы.

Встреча состоялась на железнодорожной станции Телуша (в 17 км юго-западнее Бобруйска). По договоренности с Н.В. Крыленко, в ней участвовали члены Комиссии по польским делам при Наркомате национальностей Совнаркома РСФСР, приехавшие из Петрограда. С польской стороны участвовали Довбур-Мусьницкий, его начальник штаба генерал-майор Агапеев, двое офицеров и несколько солдат. Переговоры заняли 12 часов.

Советская сторона предложила следующие условия ликвидации конфликта:

1) Разрешить свободную агитацию большевиков среди солдат корпуса и среди белорусского населения в местностях, занятых польскими войсками;

2) Осуществить демократизацию корпуса;

---

* Антонов А.Е. Цит. Соч., с. 60–61.

3) Провести выборы командиров солдатами;

4) Принять в корпус представителей комиссии по польским делам;

5) Отказаться от вмешательства в решение аграрного вопроса.

Фактически эти предложения не только повторяли прежние требования, но и вели к ликвидации корпуса как военной силы. Поэтому представители корпуса отвергли их, после чего представители сторон разъехались.

С той целью, чтобы лишить офицерский состав корпуса поддержки помещичье-буржуазных слоев местного населения, Могилевский губернский исполком советов издал 28 (15) января приказ (согласованный с Крыленко) об аресте в качестве заложников представителей польской и российской буржуазии, деятелей кадетской партии и союза землевладельцев. Их денежные средства были конфискованы. Аресты производились в Витебской, Могилевской и Минской губерниях.

В частности, были арестованы князь Святополк-Мирский, барон Нолькен, Зигмунт Левицкий, Обезерский и ряд других лиц. Примерно через месяц — 27 (14) февраля — в Могилеве состоялся суд «революционного трибунала» над князем Святополком-Мирским. Его обвинили в «пособничестве контрреволюционому мятежу Довбур-Мусьницкого», а также в намерении передать мятежникам список членов исполкома губернского совета для их ареста после захвата Могилева польскими войсками. Местная газета «Известия Могилевского губернского исполнительного комитета Совета РС и Кд» писала в своем шестом номере, что зал заседания был переполнен «представителями помещиков и буржуазии», которые вели себя вызывающе.

Трибунал решить отложить рассмотрение дела, но тут из зала раздались несколько револьверных выстрелов в сторону «революционных судей». Караул с помощью находившихся в зале большевиков задержал стрелявших. Ими оказались двое милиционеров-поляков. После этого трибунал продолжил свою работу и немедленно приговорил князя, а также стрелявших, к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение утром следующего дня*.

В то же самое время губисполком разрешил крестьянам забирать имущество из помещичьих имений (т.е. грабить), чем они весьма охотно занялись. Кроме того, красногвардейцы и крестьяне нападали на госпитали, размещенные в сельской местности, убивали ране-

* Антонов А.Е. Цит. Соч., с. 65.

ных польских солдат, а также врачей и медсестер. В частности, был разгромлен госпиталь в местечке Тихиничи неподалеку от Рогачева. Это злодеяние подробно описал писатель М. Ванькович в повести «Госпиталь в Тихиничах».

2 февраля (20 января) 1918 года польские войска заняли Бобруйск и здешнюю крепость. Местные красногвардейцы сколько-нибудь серьезного сопротивления не оказали, а российский гарнизон в Бобруйске отсутствовал. Поляки арестовали членов совета и конфисковали в казначействе один миллион рублей.

На следующий день, 3 февраля (21 января) А.Ф. Мясников, по согласованию с Н.В. Крыленко, издал приказ о расформировании Первого Польского корпуса. 4 февраля Крыленко приказал польским солдатам арестовать всех офицеров корпуса, а Довбур-Мусьницкого объявил вне закона как «врага революции». Теоретически это означало, что любой человек мог безнаказанно убить его. Но таковых не нашлось (Довбур-Мусьницкий через 19 лет умер в Польше естественной смертью).

Согласно приказу Крыленко тех офицеров, которые откажутся сдать оружие, польским солдатам предлагалось арестовывать и предавать «революционному суду», а в случае сопротивления — расстреливать на месте. Но все это были «бумажные» меры. Трудно сказать, чего в них больше: веры в силу «грозных приказов» или желания показать высшему большевистскому руководству свое революционное рвение?

Польские солдаты приказу, конечно же, не подчинились. Однако в конце января — начале февраля, вследствие большевистской агитации в частях корпуса, часть солдат покинула свои подразделения, а некоторая часть перешла на сторону большевиков. Одновременно была объявлена добровольная демобилизация солдат Польского корпуса — в Могилеве, Минске и других местах. Проводил ее демобилизационный отдел Комиссии по польским делам. Демобилизовались несколько тысяч человек.

Тем временем большевики подтянули новые силы — отряды «красных» латышских стрелков, «революционных» матросов и красногвардейцев. Командовал ими Иоаким Вацетис (1873–1938) — бывший полковник российской армии. Историки насчитали до 10 тысяч солдат, матросов и красногвардейцев, привлеченных к борьбе с поляками.

8 февраля (26 января) 1918 года началось наступление «красных» на части корпуса, находившиеся севернее Рогачева. Через два дня они заняли Старое Село, Мадоры и станцию Тощица. В ночь с 12 на 13 февраля (30–31 января) «красные» с боем взяли Рогачев. Части

1-й польской дивизии отступили к Бобруйску. Боевые действия происходили и в других местах.

Генерал Довбур-Мусницкий решил собрать все три дивизии корпуса и другие части в одном районе и нанести удар по слабым отрядам красногвардейцев на минском направлении. Он хотел продвинуться к Слуцку и Минску, чтобы усилить корпус за счет членов подпольных структур ПОВ (польской военной организации).

Закрепившись в Бобруйске, польские войска продолжили наступление на Слуцк и Минск. В ночь с 18 на 19 февраля войска 2-й дивизии корпуса разбили красногвардейские отряды возле станций Ясень и Осиповичи, которые они заняли. Эта же дивизия заняла Жлобин. Тем самым Довбур-Мусьницкий перерезал путь для доставки на Западный фронт «красных» войск с Украины.

Однако наступление в направлении Могилева не удалось, ибо в польской дивизии не было артиллерии (не успели подвезти) и польские войска отступили к Бобруйску.

В то же время 3-я польская дивизия, двигавшаяся из Смоленской губернии, смогла, из-за плохого взаимодействия между рогачевской и жлобинской группами войск «красных», пройти между ними и присоединиться к своим главным силам.

А в это время в связи со срывом переговоров о мире в Бресте, германское командование объявило 16 февраля, что перемирие заканчивается, и что в 12 часов дня 18 февраля германские войска начинают наступление по всему фронту. На Западном фронте к тому времени оставалось не более 70 тысяч солдат «революционной армии». Началось повальное бегство с фронта и этих войск. Но самыми первыми бежали из Минска сотрудники большевистского партийно-советского аппарата– уже 19 февраля. Все это позволило частям 2-й польской дивизии в середине февраля занять Слуцк и приблизиться к Минску, а в ночь с 19 на 20 февраля ее передовые подразделения вошли в Минск*.

20 февраля, как уже отмечалось выше, Исполком Рады Всебелорусского съезда своей Первой Уставной грамотой провозгласил свою власть на территории Белоруссии. В тот же день, во избежание вооруженного конфликта, была создана общая белорусско-польская комендатура в Минске, а между белорусскими и польскими вооруженными отрядами установлена разграничительная линия по улицам города: вдоль Койдановского тракта, Московской и Захарьев-

---

* Напоминаем, что в феврале 1918 года Россия по декрету Совнаркома РСФСР перешла на новый стиль. После 31 января по старому стилю наступило сразу 14 февраля по новому стилю. — *Прим. Ред.*

ской (Центральной) улицы. Польские военные заняли Либаво-Роменский вокзал, иначе Виленский (ныне Минск-Пассажирский), а белорусские — Александровский, иначе Варшавский (ныне станция Минск-Товарная).

Но уже 21 февраля 1918 года, в 11 часов утра, в Минск прибыл поездом немецкий кирасирский полк, а к 25 февраля в городе разместились значительные силы оккупантов, к которым и перешла власть.

26 февраля в Бобруйске представители штаба Польского корпуса и германского командования заключили соглашение между собой. Польский корпус объявлялся нейтральным в русско-германской войне. Под его контроль переходила территория на юго-востоке Белоруссии, севернее Полесья. Железную дорогу Брест — Гомель немецкое командование оставило за собой, а территорию Полесья от Бреста до Гомеля передало УНР, с которой Германия заключила мирный договор 9 февраля.

Штаб Польского корпуса находился в Бобруйске. Польские войска контролировали «клин» земель от Старобина в Слуцком уезде по Могилев включительно. До 18 часов 27 февраля все польские подразделения покинули Минск. Могилев они заняли 12 марта.

Начальник польского гарнизона в Могилеве Даниэль Конажевский (в прошлом офицер русской гвардии) издал приказ, которым предложил всем горожанам сдать имеющееся у них оружие. Виновные в неисполнении подлежали преданию военно-полевому суду. Предлагалось также вернуть законным владельцам награбленное у них имущество, запрещались любые митинги и демонстрации. На подконтрольной им территории польские военные власти повсюду ликвидировали советы и установили местное самоуправление.

В апреле Могилев посетил генерал Довбур-Мусьницкий. На встрече с членами губернского земского собрания он заявил, что при каждой земской управе вводится должность военного коменданта для сотрудничества с командованием польского корпуса. Генерал приветствовал создание БНР и выразил надежду, что отношения между руководством БНР и командованием польским корпусом будут дружественными.

На оккупированной немецкими и австро-венгерскими войсками бывшей российской части Польши в ноябре 1916 года было официально провозглашено Королевство Польское. Гражданское управление на этой территории немцы и австрийцы передали Регентскому совету в Варшаве. Генерал Довбур-Мусьницкий с 14 марта 1918 года подчинился Регентскому совету.

По предложению германского командования Регентский совет дал указание Довбур-Мусьницкому демобилизовать корпус. 21 мая

1918 года было заключено соглашение с германским военным командованием о демобилизации корпуса, которую штаб корпуса провел очень быстро — за 10 дней. Офицеры и солдаты разъехались по домам — в населенные пункты Польши, Литвы и Белоруссии. На территорию, ранее находившуюся под контролем корпуса, вошли немецкие войска. Так, Могилев немцы заняли уже 26 мая.

После провозглашения независимости Польши (11 ноября 1918 г.) офицеры корпуса Довбур-Мусьницкого приняли участие в создании Войска Польского, а сам Довбур-Мусьницкий в январе 1919 года возглавил вооруженные отряды повстанцев в так называемой «Великой Польше», находившейся в составе Пруссии. Это антигерманское восстание закончилось воссоединением западных польских земель (включая города Познань и Торунь) с основной частью Польши.

Весной 1918 года в Украине некоторое время действовал Второй Польский корпус, тоже сформированный из поляков, служивших в российской армии. Но 11 мая в бою под Каневом немцы разбили его, окружили и разоружили, а офицеров и солдат интернировали. В Украине был создан и Третий Польский корпус, разоруженный в июне 1918 года. Оба этих корпуса не сыграли заметной роли в российско-польском конфликте.

На Кубани генерал Люциан Желиговский в июле 1918 года начал формировать в составе Белой Армии 4-ю Польскую дивизию. Позже, в 1919 году, через Украину она прибыла в Польшу.

ПОЛЬСКАЯ САМООБОРОНА В ЛИТВЕ И БЕЛОРУССИИ

На территории Литвы и Белоруссии, оккупированной немецкими войсками, с середины июля 1918 года деятели польского национального движения начали создавать группы самообороны, в основном из числа бывших офицеров, подофицеров и солдат распущенного Польского корпуса*. Официально заявлялось, что эти группы предназначены для защиты польской части населения от бандитов. Но фактически главная цель была иной: создать основу для формирования подразделений Войска Польского после провозглашения независимости Польши.

В Вильне 10 сентября 1918 года, по инициативе капитана Станислава Бобятынского, был учрежден «Союз военнослужащих-поляков города Вильно». 7 октября общее собрание членов союза избрало правление и почетного председателя. Им заочно стал полковник

* Подофицерами поляки назывли унтер-офицеров.

Люциан Желиговский, находившийся в то время в Екатеринодаре (на Кубани), где он создавал 4-ю польскую дивизию*. Его заместителем и фактическим руководителем выбрали капитана Бобятынского. «Союз» в одной только Вильне насчитывал в своих рядах 130 офицеров, до 5 тысяч солдат и подофицеров. Однако с оружием у них было плохо: в основном револьверы и охотничьи ружья, винтовок очень мало.

Были созданы филиалы Союза в городах и местечках Виленской губернии — Вилейке, Лиде, Лынтупах, Ошмянах, Свири, а также в Ковно (Каунасе) и других местах.

20 октября была создана «Самооборона Минской земли» в Минске, с филиалами в уездных городах губернии**. Сначала ею руководил адвокат Владислав Рачкевич, затем — полковник Фабиан Кобордо.

12 ноября в Щучине была учреждена «Гродненская Самооборона» под командованием генерала Миколая Сулевского.

Немецкая оккупация Польши, Литвы и Белоруссии подходила к концу. В Варшаве, как уже сказано, действовал Регентский совет Королевства Польского. При нем имелись польские вооруженные силы (ПВС) — из тех бывших легионеров Пилсудского, которые согласились присягнуть императору Вильгельму II. Начальник главного штаба ПВС генерал Тадеуш Розвадовский 28 октября 1918 года издал в Варшаве декрет, которым назначил генерал-майора Владислава Вейтко начальником «Самообороны Литвы и Белоруссии». Все местные отряды и группы польской самообороны отныне должны были подчиняться ему.

В декабре 1918 года отряды самообороны в Вильне местные поляки громко назвали «бригадой» (два пехотных полка и один кавалерийский, фактически — два батальона и эскадрон). Но их подразделения были разбросаны по 12 городам и местечкам. Так, в Вильне находился 1-й батальон 1-го полка, а всего в Виленском полку было только 500 добровольцев. 2-й пехотный полк со штабом в Лиде формировался из жителей Лидского, Ошмянского и Трокского уездов. В Лидском полку было 572 человека: 40 офицеров, 42 подофицера, 492 солдата.

С 27 декабря 1918 года формировался 1-й полк Виленских уланов под командованием ротмистра Ежи Домбровского, прославившего-

* Ранее Желиговский командовал 1-й дивизией Первого Польского корпуса.

** Поляки вместо русского термина «губерния» принципиально использовали термин «земля».

ся позже партизанскими действиями. В этот полк шла в основном шляхта (преимущественно мелкая) из Виленского, Ошмянского, Лидского и Свенцянского уездов Виленской губернии. На 31 декабря полк состоял из 25 офицеров и 220 уланов (фактически — неполный батальон). Лошадей уланы привели своих, домашних.

29 декабря генерал-подпоручик Владислав Вейтко издал приказ № 1, которым объявил, что занимает должность командующего военным округом Литвы и Белоруссии, а «Самооборона Литвы и Белоруссии» распускается. Эту добровольческую организацию должны были заменить регулярные формирования Войска Польского. Тем не менее, отряды бывшей Самообороны остались в прежних местах своей дислокации и с прежними командирами.

С середины ноября 1918 года части Красной Армии начали постепенно занимать территорию Белоруссии вслед за уходившими немецкими войсками. Но в Литве и в Гродненской губернии, по указанию высшего командования стран Антанты, немецкие войска задержались, поэтому «красные» сюда не вошли. Формирования польской самообороны могли действовать здесь относительно свободно.

На советской же территории большевики полностью запретили их деятельность. Поэтому руководство Минской самообороны 27 ноября решило эвакуировать свои отряды в Польшу. 5 декабря, за несколько дней до вступления «красных», из Минска эшелоном уехали в Замбров (Ломжинская губерния) 64 офицера и 922 рядовых, с двумя сотнями лошадей.

К 28 декабря 1918 года подразделения Красной Армии заняли белорусские земли до линии Ново-Александровск (Езеросы) — Свенцяны — Годутишки — Сморгонь — Мир — Несвиж и далее до Полесья. Красная Армия приближалась к Вильне, которую немецкие войска собирались в ближайшее время покинуть. 31 декабря германское командование начало эвакуировать свои войска из Вильни в Ковно (расстояние — 100 км). Уехало в Ковно и литовское правительство.

В связи с этими событиями отряды польской самообороны в Вильне и ее окрестностях, а также в районах Вилейки и Ошмян, с 1 января 1919 года перешли к активным действиям. Бобятынский и его люди хотели установить контроль над центром Виленской земли (губернии), надеясь на то, что «красные» не рискнут ввязаться в вооруженный конфликт с местными поляками. Ведь на помощь им скоро придет Войско Польское. Они еще плохо знали нравы большевиков!

2 января после суточной обороны здания, в котором заседал Виленский совет рабочих и солдатских депутатов, здешние большеви-

ки капитулировали. Одновременно польские отряды устроили перестрелку с немецкими войсками в западной части города. Это ускорило эвакуацию из Вильни немецкого гарнизона. В ночь с 3 на 4 января последние немецкие части покинули город.

Но уже вечером 5 января 1919 года подразделения Западной стрелковой дивизии Красной Армии, в которой, кстати, было много большевизированных поляков, заняли гору Трех Крестов и оттуда начали обстрел центра города. Польские отряды вскоре прекратили бой. Штаб Бобятынского решил оставить Вильню из-за острой нехватки оружия и боеприпасов. В тот же вечер польские отряды покинули город. По соглашению с германским командованием большая часть их (1400 человек) выехала поездом из Ландварова (20 км от Вильни) через Гродно и Белосток в местечко Лапы, которое находилось за демаркационной линией между польскими и немецкими воинскими частями. Вскоре они прибыли в город Острув Мазовецка (на полпути между Белостоком и Варшавой).

Меньшая часть Виленского отряда, вместе с Лидским отрядом (общей численностью до 500 человек), под командованием майора Владислава Домбровского (чуть позже его сменил младший брат, ротмистр Ежи Домбровский) двинулась на юг. Этот сводный отряд провел партизанский рейд по тылам противника.

Так, 20 января он разгромил гарнизон «красных» в Ружанах. В ходе рейда по Лидскому, Слонимскому и Пружанскому уездам (поветам) отряд, передвигавшийся верхом на лошадях и в санях, увеличился до тысячи человек. К нему присоединялись группы добровольцев из местечек и шляхетских застенков (поселений мелкой шляхты). 9 февраля 1919 года отряд Домбровского соединлся в районе Бреста с польскими войсками, наступавшими с запада.

Во время рейда по территории Гродненской губернии польские солдаты реквизировали у населения продовольствие, фураж, лошадей, теплую одежду. На местечки они накладывали контрибуцию, а крестьянские советы разгоняли. Правительство БНР посылало из Гродно протесты польским властям, но безрезультатно. Председатель совета министров Антон Луцкевич 9 февраля через германское представительство отправил ноту протеста дипломатам США, Англии, Франции и Италии на конференцию в Спа. В ней он просил защитить белорусскую территорию от захвата ее польскими вооруженными силами. Но державы Антанты не отреагировали. Их интересам это не угрожало.

Итак, первый этап создания польских вооруженных сил на территории Литвы и Белоруссии — в виде отрядов самообороны — происходил в неблагоприятных для них условиях немецкой оккупации и начавшегося вторжения Красной Армии на эту территорию.

Польским отрядам остро не хватало оружия, боеприпасов, снаряжения, обмундирования. Зато офицерские кадры были у них вполне профессиональные. Подавляющее большинство командного состава польских военных формирований в Белоруссии и Литве составляли офицеры бывшего Польского корпуса, ранее служившие в российской армии и прошедшие школу мировой войны.

Что касается подофицеров и рядовых солдат, то довольно значительная часть их тоже прошла службу в бывшей российской армии. Но основную солдатскую массу составляли добровольцы из местного польского и белорусского католического населения. Они вступали в отряды самообороны с целью защиты своего края от нашествия большевистских сил.

ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКИЕ ДИВИЗИИ

Литва и Белоруссия играли важную роль в политических планах начальника (главы) Польского государства Юзефа Пилсудского*, одновременно являвшегося верховным главнокомандующим Войска Польского. Правда, план Пилсудского по созданию федерации демократических государств, противостоящих наступлению большевизма на Европу, не поддерживали его политические противники в Польше, в первую очередь партия национал-демократов. Но Пилсудский стремился реализовать этот план явочным путем. На его стороне выступали польские военнослужащие — выходцы из Белоруссии и Литвы, а также местные землевладельцы и местная буржуазия польской национальности.

Для реализации федеративного плана, равно как и для защиты от большевиков польского населения Литвы и Белоруссии, требовалась военная сила. Польская общественная организация — Литовская Комиссия — 16 ноября 1918 года представила Пилсудскому памятную записку, обосновывающую необходимость создания особого воинского контингента, предназначенного «специально для борьбы с большевизмом в Литве и Белоруссии». Одновременно она заявила Пилсудскому об учреждении Комитета Обороны Крэсов (восточных областей, которые Комиссия называла польско-белорусскими землями), с целью помощи правительству в организационных и финансовых вопросах при создании такого контингента**.

---

* Начальник государства — официальная должность Ю. Пилсудского в 1918–1922 гг.

** Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa, 1969, s. 149–150.

В Комитет Обороны Крэсов вошли представители Минской и Гродненской земель и один делегат от Вильни. От Минской земли в числе прочих делегатов вошел упоминавшийся уже адвокат Владислав Рачкевич, от Гродненской земли одним из делегатов был князь Эустахи (Евстафий) Сапега, будущий министр иностранных дел Польши.

В тот же день 16 ноября Пилсудский издал приказ, согласно которому генералу Вацлаву Ивашкевичу предписывалось формирование Литовско-Белорусской пехотной дивизии*. Координацию практических мероприятий по созданию новой дивизии Пилсудский поручил генеральному штабу Войска Польского. Как того и требовала Литовская Комиссия, главной задачей для будущей дивизии была указана защита «крэсов» от большевизма.

Название дивизии имело символическое значение. В тот период Пилсудский планировал создать в литовских и белорусских землях две союзные Польше республики — Литву и Белоруссию. Соответственно, дивизию следовало формировать из добровольцев — уроженцев Виленской, Сувалковской, Ковенской, Гродненской и Минской губерний.

Дивизию решили развернуть в составе трех бригад, по два пехотных полка в каждой. Все шесть полков не имели номеров (в отличие от других полков польской армии), а назывались по городам и уездам, что соответствовало происхождению их солдат и офицеров. Так, в 1-й бригаде были полки Сувалковский и Ковенский, во 2-й бригаде — Белостокский и Гродненский, в 3-й бригаде — Виленский и Минский. Кроме того, в дивизию вошел кавалерийский полк, неофициально называвшийся Гродненским уланским (первоначально планировался Виленский уланский полк).

9 декабря 1918 года верховный главнокомандующий Пилсудский и начальник генерального штаба Войска Польского генерал Станислав Шептицкий утвердили начальствующий состав дивизии. Ее командиром стал генерал-подпоручик Вацлав Ивашкевич, командиром 1-й бригады — полковник Эдмунд Гавроньский, 2-й бригады — полковник Мариан Жегота-Янушайтис, 3-й бригады — полковник Адольф Кучевский. Все они, кроме Жеготы-Янушайтиса, ранее служили в российской армии, только Янушайтис вышел из легионов. Впрочем, Жегота-Янушайтис передал свои функции командира бригады начальнику Белостокского военного округа подполковнику Стефану Виктору Паславскому**. В дальнейшем командиры менялись в связи с военными действиями и ротацией кадров.

---

* В прошлом Ивашкевич командовал 3-й дивизией Первого Польского корпуса.

**Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919). Warszawa, 1969, s. 150–151.

Местом формирования Литовско-Белорусской дивизии стали города Острув Мазовецка, Щучин Ломжинский и Замбров. Например, Минский полк (командир — полковник Ф. Кобордо) начал формироваться с 17 декабря 1918 года в Замброве. Но, поскольку значительная часть поляков, уехавших эшелоном из Минска в ноябре, осела в Варшаве, вначале Минский полк был немногочисленным: к февралю 1919 года в нем насчитывалось только 300 солдат и офицеров (фактически — один батальон неполного состава). Комплектование других полков тоже шло трудно из-за недостатка добровольцев с территорий, оккупированных немцами и Красной Армией, откуда трудно было пробраться к местам формирования. Тогда решили пополнить полки добровольцами из Варшавы и Лодзи, уроженцами литовско-белорусских земель.

Формирование Литовско-Белорусской дивизии не рекламировалось в официальных коммюнике и газетах, так как Пилсудский не хотел раньше времени раскрывать суть своей политики на востоке. Он учитывал и то, что вплоть до лета 1919 года германские войска оставались в Белостоке, Ковно и Гродно. Лишь незадолго до ухода из Гродненской губернии немецкое военное командование разрешило местным польским властям организовать на подконтрольной им территории 14 комендатур, которые свободно занялись вербовкой добровольцев.

По мере продвижения польских войск в 1919 году на восток, в Виленской, Гродненской и Минской губерниях в дивизию вступило много добровольцев. Летом — осенью 1919 года в белорусских городах и местечках на стенах зданий можно было видеть воззвания на белорусском языке, призывавшие белорусов вступать в «свою» дивизию*. На эти призывы откликнулись многие. Среди добровольцев, вступивших в Литовско-Белорусскую дивизию, были известные впоследствии участники белорусского национального движения в Западной Беларуси — офицер Адам Демидецкий-Демидович и будущий депутат польского сейма Фабиан Яремич (1891–1958), который с апреля 1919 года до 17 июля 1920 года служил рядовым в Белостокском полку.

Само название дивизии как бы обещало белорусским патриотам создание войска, способного защищать родную землю от российских большевиков и от претензий новосозданной Литовской республики. Белоруские добровольцы не хотели оказаться ни в «красной» России, ни в «белой» Литве. Они мечтали жить в своем соб-

---

* Кушаль Ф. Спробы стварэння беларускага войска. Мінск, 1999, с. 24.

ственном национальном государстве, пусть находящемся в федеративном союзе с Польшей.

Еще 1 апреля 1919 года, по распоряжению генерального комиссара «крэсов», был создан отдел по вербовке добровольцев в польское войско на территории Белоруссии. Ему подчинялись инспекции в Бресте, Вильне и Минске. А инспекциям — экпозитуры в уездных центрах: Барановичах, Бобруйске, Борисове, Бресте, Волковыске, Игумене, Кобрине, Новогрудке, Ошмянах, Пинске, Пружанах, Слониме, Слуцке и других городах*.

С июня до октября 1919 года работники отдела завербовали 11.493 добровольца. Среди них 2470 назвали себя белорусами. Отметим в данной связи, что белорусов-католиков польские власти официально считали поляками. Поэтому эти 2470 человек, несомненно, являлись православными. Кстати говоря, в Войске Польском существовала не только католическая, но и православная пастырская служба, так как в его рядах было много солдат православного вероисповедания.

Работа отдела по вербовке в армию прекратилась после его ликвидации 26 ноября 1919 года, согласно приказу министерства военных дел, вследствие разногласий между польской военной и гражданской администрацией. С 1 декабря 1919 года на «крэсах» добровольцев в армию вербовали только военные комендатуры.

Поскольку вербовка производилась прежде всего в Литовско-Белорусскую дивизию, то набор добровольцев в ее полки происходил по определенным округам. Так, комендатура «Брест» (Брестский, Кобринский, Пинский поветы) — набирала в Белостокский полк, «Вильно» (Виленский повет) — в Виленский полк, «Гродно» (Гродненский, Трокский и Волковыский поветы) набирала в Гродненский полк, «Лида» (Лидский и Ошмянский поветы) — в Лидский полк, «Минск» (Минский и Игуменский поветы) — в Минский полк, «Свенцяны» (Вилейский, Дисненский, Свенцянский поветы) — в Ковенский полк, «Слоним» (Слонимский, Пружанский, Новогрудский поветы) — в Новогрудский полк, «Слуцк» (Слуцкий и Бобруйский поветы) — в Слуцкий полк**.

Постепенно численность Литовско-Белорусской дивизии возрастала. Так, на 10 апреля 1919 года в ней насчитывалось 16.280 человек. В течение мая в дивизию вступили еще 1021 добровольцев, в том числе 48 офицеров. Командование дивизии в рапорте Министерству военных дел и командованию Литовско-Белорусского фронта в мае 1919 года сообщало:

---

* Грыбоўскі Ю. Беларусы ў польскіх рэгулярных вайсковых фарміраваннях 1918–1945. СПб., 2006, с. 40.

** Там же. с. 43

«Отдельные формирования при комплектовании Литовско-Белорусской дивизии с каждым днем увеличиваются за счет прибытия добровольцев из Литвы и Белоруссии»*.

Создавались новые полки. Так, в июле 1919 года на основе запасного батальона дивизии в Лиде был сформирован Новогрудский полк. В Барановичах весной 1920 года развернули в полк Слуцкий запасной батальон. Правда, принцип комплектования полков по территориальному принципу уже строго не соблюдался. Солдатами в подавляющем большинстве были белорусы, а вот литовцев в дивизии совсем не было. Это и понятно. Во-первых, Литовская республика уже имела к тому времени свою национальную армию. Во-вторых, она находилась в конфликтных отношениях с Польшей.

В 1922 году Пилсудский сказал во время посещения Вильни, что в Литовско-Белорусской дивизии служили такие «поляки», которые плохо говорили по-польски, а то и совсем не говорили. Однако в действительности это были вовсе не поляки. Вот наглядный пример. В то время все полки Войска Польского имели так называемые «журавейки» — стихотворные слоганы. Естественно, их сочиняли на польском языке. Но «журавейка» 23-го полка Гродненских уланов (номер ему присвоили уже после войны) была написана по-русски (!):

В бою крепкий, в миру славный,
*Двадцать третий православный***.

Франтишек Кушель отмечал в своих мемуарах, что к концу сентября 1919 года Литовско-Белорусская дивизия имела столько солдат и офицеров, что их хватило бы на целый корпус. Поэтому командование фронта подготовило проект разделения дивизии на две, по две пехотные бригады в каждой. Этот проект был принят, и приказом главного командования от 21 октября 1919 года ее разделили на 1-ю и 2-ю Литовско-Белорусские дивизии.

1-я дивизия находилась на северном участке польско-советского фронта. В нее вошли 1-я бригада (Виленский и Минский полки) и 2-я бригада (Гродненский и Новогрудский). Кроме того, дивизии придали Гродненский уланский полк и 1-й Литовско-Белорусский артиллерийский полк.

2-я Литовско-Белорусская дивизия первоначально состояла из 3-й пехотной бригады (Белостокский, Лидский, Ковенский полки) и 2-го Литовско-Белорусского артиллерийского полка. После формирования Слуцкого пехотного полка (согласно приказу министра

---

* Грыбоўскі Ю. Цит. Соч., с. 44.

** Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 378.

военных дел от 10 апреля 1920 года) он тоже вошел в эту дивизию, находившейся в то время на польско-литовской демаркационной линии. В связи с увеличением численности штыков дивизию разделили на две пехотные бригады: 3-ю (Лидский и Ковенский полки) и 4-ю (Белостокский и Слуцкий полки). Плюс к ним 2-й Литовско-Белорусский артполк.

В период отступления польских войск из Белоруссии летом 1920 года и последующего контрнаступления, комплектование полков Литовско-Белорусских дивизий происходило не только за счет добровольцев, но и лиц, мобилизованных в армию на территории Польши.

Правительство БНР считало Литовско-Белорусской дивизии белорусскими, хотя и сформированными в составе польской армии*. Однако у начальника Польского государства Пилсудского были свои планы относительно этих войск. Он видел Белорусское государство частью федерации во главе с Польшей. Литовско-Белорусские дивизии должны были стать основой вооруженных сил такого государства.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ БЕЛОРУССКОЙ ВОЙСКОВОЙ КОМИССИИ

После того, как польские войска в апреле 1919 года заняли Гродно и Вильню, Виленская Белорусская рада (ВБР), созданная еще в январе 1918 года, возобновила свою деятельность.

22 апреля было опубликовано воззвание Пилсудского «К жителям бывшего Великого Княжества Литовского», содержавшее обещание установить в Литве и Белоруссии демократические порядки и предоставить самоуправление по национальному принципу. После этого деятели ВБР обратились к Пилсудскому с декларацией. В ней они выразили надежду на то, что с помощью Польши будут объединены все белорусские территории, и белорусский народ восстановит независимую единую Белоруссию. Одновременно ВБР просила предоставить ей возможность свободных контактов со всеми провинциальными белорусскими радами, а также разрешить созыв Рады БНР. В этой связи 4 мая 1919 года Пилсудский принял заместителя председателя Рады БНР Аркадия Смолича.

Но если одна часть белорусских национальных деятелей надеялась восстановить национальное государство в союзе с Польшей, то другая часть — в союзе с Литвой. 7–8 июня 1919 года в Вильне состоялся Белорусский съезд Виленщины и Гродненщины, на котором

* Грыбоўскі Ю. Цит. Соч., с. 45.

большинство составили члены Белорусской партии социалистов-революционеров (эсэры). На съезде шла горячая полемика между сторонниками союза с Литвой и их противниками, выступавшими за союз с Польшей. Съезд принял компромиссное решение: было заявлено о воссоздании независимой Беларуси в государственном союзе с Литвой, но не отвергался и союз с Польшей на условиях федерации.

Съезд избрал Центральную Белорусскую раду Виленщины и Гродненщины во главе с учителем виленской гимназии Клавдием Дуж-Душевским (1891–1959). Эта Рада взяла на себя координирующие функции в белорусском национальном движении, так как Рада БНР не собиралась. Она признала польскую армию дружественной, благодаря которой часть Белоруссии была освобождена от большевиков, и приняла решение обратиться к главе Польского государства с просьбой о помощи в организации белорусской национальной армии*. Уже через несколько дней, 14 июня, была учреждена Белорусская военная организация (БВО), главной целью деятельности которой являлось создание белорусского войска.

20 июня делегацию Центральной Белорусской рады Виленщины и Гроденщины (И. Луцкевич, К. Дуж-Душевский, П. Алексюк) принял Пилсудский. Одновременно в Париже, на мирной конференции, состоялись переговоры премьер-министров А. Луцкевича и И. Падеревского. Был подготовлен проект договора между Польшей и БНР о союзе двух государств, предусматривавший, помимо прочего, создание белорусской армии. Однако польские правительственные круги отвергли этот проект, в значительной мере вследствие позиии правительства Франции. Франция поддерживала «белую» Россию, а деятели белого движения упорно отстаивали тезис о сохранении Российского государства в границах 1914 года.

Во время наступления польских войск на территории Беларуси летом 1919 года в тылу Красной Армии действовали антисоветские партизанские отряды, некоторые из них возглавляли белоруские офицеры: капитан Лука Семенюк, капитан Бондар-Нарушевич, полковник А. Янсон и другие лица. Белорусская военная организация (БВО), координируя свою деятельность с польским командованием, стремилась руководить боевыми действиями партизан. Правда, среди ее членов было немало людей в российских офицерских мундирах, говоривших только по-русски и обращавшихся друг к другу: «господин полковник», «господин капитан» и т.д. Но, поскольку БВО возглавил Павел Алексюк, деятель польской ориентации, эта организация была официально признана**.

---

* Łatyszonek O. Bialoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 121.
** Latyszonek O. Цит. Соч., s. 122–123.

В самой ЦБР Виленщины и Гроденщины по-прежнему шла борьба между пропольской и пролитовской группами. На почве идейных разногласий Дуж-Душевский в июле 1919 года подал в отставку, его заменил Бронислав Тарашкевич, ориентировавшийся на Польшу.

Сразу же после смены руководства ЦБР к Пилсудскому направилась делегация Рады (Б. Тарашкевич, П. Алексюк, М. Каханович, М. Кушнев). Делегация представила Пилсудскому проект декларации о формировании белорусской национальной армии. Этот документ предусматривал создание Белорусской Войсковой комиссии (БВК) при главном командовании Войска Польского. Командующего белорусской армией и ее офицеров должны были назначать высшие руководители Войска Польского, тогда как готовить список кандидатур — БВК. Декларация предусматривала собственную униформу белорусских войск и уставы. Белорусская армия должна была воевать только на территории Белоруссии. Пилсудский пообещал делегации оказать помощь в решении вопроса.

Наконец, 2 августа 1919 года, не ожидая официального согласия польских властей, ЦБР Виленщины и Гроденщины сама назначила членов Белорусской Войсковой комиссии. В нее вошли Павел Алексюк (председатель), Ян Станкевич, Александр Головинский, штабс-капитан Франтишек Кушель, Бондар-Нарушевич и кандидат в члены Лев Зубец*.

Предполагалось создать белорусскую пехотную дивизию: 4 пехотных полка, артиллерийский полк, эскадрон кавалерии и саперную роту, всего до 20 тысяч человек**.

Между тем на польско-советском фронте произошли изменения. В результате августовского наступления поляков, войска Красной Армии отступили к Полоцку, Лепелю, на Березину. Центр белорусской политической жизни переместился в Минск, значение Вильни уменьшилось. В этой связи изменился и персональный состав войсковой комиссии.

22 октября 1919 года Пилсудский своим декретом утвердил членов БВК. Председателем ее стал П. Алексюк, в комиссию вошли полковники Гассан Конопацкий (командующий белорусским войском) и Давид Якубовский, штабс-капитаны Франтишек Кушель и Андрей Якубецкий, а также Симон Рак-Михайловский, Юстин Мурашко, Антон Овсяник и Александр Прушинский (поэт Алесь Гарун) — заместитель Алексюка в случае его отсутствия*. БВК раз-

---

* Łatyszonek O. Цит. Соч., s. 123.

** По штатам 1914 года, пехотная дивизия российской армии состояла из 4-х пехотных полков, 2-х артиллерийских дивизионов (48 орудий), кавалерийской сотни, саперной роты, дивизионного обоза, 2-х госпиталей. Всего — 21 тысяча человек. — *Прим. Ред.*

делялась на подкомиссии: вербовочно-агитационную (руководитель П. Алексюк), квалифиционную (А. Якубецкий), по выработке уставов (А. Прушинский), культурно-просветительской работы (С. Рак-Михайловский).

Пилсудский официально разрешил создание белорусских национальных частей из числа добровольцев, но не дивизии, и даже не полков, а только двух батальонов. Местом их формирования был указан Слоним (позже Барановичи), а БВК должна была находиться в Минске. Белорусское командование подчинялось главному командованию польской армии. Сформированные части предписывалось направить на польско-советский фронт в пределах Белоруссии.

Комиссия начала свою деятельность с того, что провела регистрацию добровольцев, прежде всего офицеров, унтер-офицеров и солдат, а также врачей и бывших чиновников тыловых служб российской армии. Чтобы не допустить в войско ненадежные элементы, БВК собирала подробные сведения о каждом кандидате. Всего БВК зарегистрировала 485 офицеров и военных чиновников белорусского происхождения.

В марте 1920 года она открыла в Варшаве 9-месячные курсы при офицерской школе подхорунжих и 3-месячные курсы в Оструве Мазовецкой для подготовки подофицеров, всего на 100–120 белорусских курсантов. По предложению полковника Конопацкого, кандидаты в курсанты проходили предварительную подготовку, в ходе которой они изучали не только основы военного дела, но и белорусский язык (в том числе белорусскую военную терминологию), а также курс белорусоведения. Тем временем БВК переводила на белорусский язык польские военные уставы**.

Однако 17 апреля 1920 года полковник Конопацкий подал в отставку под предлогом плохого состояния здоровья. На самом деле причиной отставки стали его разногласия с руководством БВК. Пилсудский подписал прошение об отставке 22 мая. Вместе с ним ушел в отставку и начальник штаба белорусских формирований полковник Бородич. Вместо Бородича начальником штаба польское командование назначило офицера из легионов, майора Ю. Тунгуз-增исляка. Он же исполнял обязанности командира белорусских отрядов.

Еще более серьезным препятствием деятельности БВК, чем внутренние трения, являлись разногласия белорусских политических деятелей с польскими властями на местах, подозрительно относив-

---

* Полковник Гассан Конопацкий (1879–1953), родом из белорусских татар Минска, ранее служил в российской армии, имел чин полковника артиллерии.

** Głogowska H. Hassan Konopacki — tatarski dowódca białoruskiego wojska. /«Białoruskie Zeszyty Historyczne» (Białystok), 1994, № 1, s. 164–165.

шихся к самой идее создания белорусской армии. В связи с неопределенной политикой центральной власти в Польше по белорусскому вопросу польская администрация, как могла, мешала работе БВК — не предоставляла помещений для вербовочно-агитационных пунктов, даже арестовывала некоторых белорусских деятелей. Военное командование не выдавало оружия и обмундирования, не отпускало из плена красных командиров-белорусов, ранее служивших в царской армии.

Все эти трудности и проблемы способствовали распространению антипольских настроений в белорусском национальном движении, особенно среди членов партии социалистов-революциониров (эсэров). Дело кончилось тем, что руководство этой партии решило начать партизанскую борьбу против польской оккупации, для чего заключило союз с большевиками. Впрочем, большевики обманули белорусских эсэров. Они использовали их в борьбе против Польши, а после своего возвращения в Белоруссию запретили деятельность партии социалистов-революционеров, арестовали ее лидеров и всех активистов на территории БССР.

В закрытом документе 2-го (разведывательного) отдела генштаба Войска Польского «Краткий очерк белорусского вопроса» (1928 год) было дано описание проникновения белорусских эсэров в БВК. По мнению его составителей, эсэрам удалось провести в БВК своих людей — А. Якубецкого, Ф. Кушеля, С. Рак-Михайловского, А. Овсяника, А. Прушинского и даже «коммуниста А. Здановича». Более того, штаб Западного фронта прислал на подмогу им резидента — полковника Шолкова. Далее утверждалось, что в результате происков эсэровских агентов в белорусские части не брали офицеров, ранее служивших у белогвардейцев (в войсках Корнилова, Юденича, Колчака, Деникина). Зато охотно записывали бывших бойцов и командиров Красной Армии*.

Однако современный белорусский историк из Белостока Олег Латышонок доказал, что офицеры польской контрразведки намеренно преувеличили эсэровскую опасность. Их обвинения в адрес С. Рак-Михайловского, А. Прушинского и Ф. Кушеля были необоснованными. Что же касается полковника Шолкова, якобы резидента «красных», то именно правительство БНР во главе с Антоном Луцкевичем добилось освобождения Шолкова из тюрьмы в Чехословакии, куда его отправили белые российские генералы за «белорусский шовинизм». Одним словом, офицеры польского генштаба стремились скомпрометировать саму идею создания белорусских воинских частей.

---

* Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Sztab generalny. Oddział II. Warszawa, 1928, s. 92–93.

Ради улучшения отношений между белорусскими политическими партиями и польскими властями, в том числе по военным вопросам, был избран новый политический деятель — Вацлав Ивановский. Ему Наивысшая Рада БНР, с одной стороны, и политический отдел Литовско-Белорусского фронта польских войск — с другой стороны, поручили вести переговоры с государственным руководством Польши.

Уже в первых числах февраля 1920 года Вацлав Ивановский встретился в Вильне с Пилсудским. В ходе переговоров Ивановского с вице-министром иностранных дел Польши Леоном Василевским удалось добиться уступок в сфере культурно-просветительской работы белорусских национальных организаций. На фоне этих переговоров польские власти взялись за упорядочение дел с белорусским войском. В феврале 1920 года Министерство военных дел утвердило штат управления белорусских частей: 25 офицеров, 19 подофицеров и 24 рядовых, а также 31 нестроевой солдат и 7 возчиков. Итого 106 человек в составе штаба, плюс к ним еще 20 в интендантской службе*.

В марте 1920 года Министерство военных дел изменило систему набора в армию. Вербовку добровольцев оно передало специальным мобилизационным комендатурам. Отныне БВК могла лишь направлять в такие комендатуры своих офицеров для учета белорусских добровольцев. Правда, подбор кандидатов для обучения в офицерской и подофицерской школах остался за ней. Однако тех воинских подразделений, которым предназначались эти кадры, по сути дела еще не было.

С конца мая и до начала июля 1920 года БВК завербовала всего лишь 150 рядовых солдат. Они составили 1-ю роту белорусских стрелков в Минске. Польское командование направило в нее 16 белорусских офицеров.

Кроме стрелковой роты, существовал еще партизанский отряд капитана Лукаша Семенюка, который в 1919 году действовал в районе местечка Холопеничи (Борисовский уезд), в тылу Красной Армии. В конце августа 1919 года, во время прорыва польских войск в районе Борисова через Березину, отряд Семенюка перешел через линию фронта на польскую сторону. Но в ноябре отряд пришлось вывести с фронта в местечко Смолевичи вследствие эпидемии тифа. Капитану Семенюку польское командование разрешило принимать добровольцев в свой отряд. БВК направила к нему шестерых офицеров. Остальных белорусских офицеров, ввиду отсутствия вакансий, пришлось зачислить в Минский и Виленский резервы БВК.

---

* Łatyszonek O. Цит. Соч., с. 134.

1 июля 1920 года наступил кризис в деятельности БВК. Большинство ее членов выступило против своего председателя П. Алексюка, занимавшего, по их мнению, чересчур выраженную пропольскую позицию. Они приняли резолюцию, которую направили Пилсудскому, с требованием о признании Польшей независимости БНР со всеми вытекающими из этого последствиями. Не успел верховный главнокомандующий отреагировать на демарш строптивых белорусов, как в ход событий вмешались внешние обстоятельства. 4 июля 1920 года началось мощное наступление Красной Армии на Западном фронте. Всему составу БВК пришлось срочно уехать из Минска в Волковыск, куда прибыл и белорусский отряд майора Ю. Тунгуз-Зависляка (25 офицеров, 50 солдат). Остальных, не желавших уезжать, он отпустил по домам. Далее этот отряд отправился в Лодзь.

11 сентября 1920 года Пилсудский утвердил новый состав БВК. Ее председателем стал Франтишек Умястовский, белорусский деятель из Вильни. В состав комиссии вошли полковник Д. Якубовский, капитаны А. Якубецкий и Ф. Кушель, а также Э. Якобини. Комиссия переехала в Лодзь, где с разрешения Пилсудского снова занялась вербовкой добровольцев. К удивлению самих членов БВК, таковых оказалось довольно много. Одну их часть составили рабочие-белорусы, работавшие в промышленных центрах. Другую — белорусы, покинувшие родину в связи с приходом большевиков. Среди них было немало бывших солдат и офицеров. В результате удалось сформировать один пехотный батальон и начать формирование второго. Из Варшавы приехали молодые офицеры, окончившие школу подхорунжих. А в ноябре 1920 года в Лодзь прибыли из Слуцка несколько десятков учеников гимназии и реального училища с целью учебы в офицерских школах Варшавы и Грудзёндза*.

Но заключение польско-советского перемирия 12 октября 1920 года прервало дальнейшую деятельность по созданию белорусских войск. В следующие 5 месяцев (до заключения мира 18 марта 1921 г.) БВК занималась главным образом культурно-просветительской деятельностью среди белорусских военнослужащих. Дело в том, что статья 2 договора о перемирии гласила:

> «Обе договаривающиеся стороны постановляют включить в мирный договор обязательство не создавать и не поддерживать организаций, ставящих себе целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны, покушающихся на территориальную целость ее, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительства другой стороны.

---

* Кушаль Ф. Спробы стварэння беларускага войска, с. 27.

С момента ратификации настоящего договора обе договаривающиеся стороны обязуются не поддерживать чужих военных действий против другой стороны»*.

Понятно, что данное положение договора явилось уступкой польской делегации советской стороне, так как на Западном и Юго-Западном фронтах РСФСР действовала только Красная Армия. А вот с польской стороны фронта воевали союзные Польше украинская армия, русский отряд генерала Бредова, белорусский отряд генерала Булак-Балаховича. Ради перемирия, а затем и мира, польская сторона пожертвовала ими.

Мирный договор, заключенный в Риге 18 марта 1921 года между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей — с другой, подтвердил запрет на поддержку третьих сил. Подразумевалась конечно же Польша:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя путем насилия, равно как организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории.

Ввиду этого стороны обязуются не разрешать пребывания на своей территории таких организаций, их официальных представительств и иных органов, запретить вербовку, равно как ввоз на свою территорию и провоз через свою территорию вооруженных сил, оружия, боевых припасов, амуниции и всякого рода военных материалов, предназначенных для этих организаций»**.

И хотя БССР не подписывала этого договора (за нее подписала его делегация РСФСР), действие договора относилось и к Белорусской ССР, которую Польша официально признала. Следовательно, представительство правительства БНР, его официальные органы на польской территории и зачатки вооруженных сил следовало распустить. И действительно, после ратификации договора министр военных дел генерал Казимир Соснковский приказом от 21 апреля 1921 года предписал ликвидировать БВК и белорусские воинские подразделения до 15 мая того же года.

Так завершились попытки создания белорусского войска под эгидой Польши. Они и не могли иметь другого финала. Слишком разными были цели политического руководства Польши и БНР.

---

* Документы внешней политики СССР, Том III. М., 1959, с. 248.
** Документы внешней политики СССР. Том III, с. 623–624.

Глава 4

ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ БНР И ЛИТВОЙ В 1918–1919 гг.

ХАРАКТЕР БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Сотрудничество белорусских и литовских деятелей с целью достижения независимости обоих народов началось еще в период немецкой оккупациии. 19 декабря 1915 года на стенах домов в Вильне появилась листовка с воззванием ранее неизвестной организации.. Текст был напечатан на белорусском, польском, литовском и еврейском языках. Вот его перевод:

«Универсал Конфедерации Великого княжества Литовского
Лета 1915, 19 дня декабря месяца

Члены Литовских, Белорусских, Польских и Еврейских организаций основали Конфедерацию Великого княжества Литовского, добиваясь совместными силами, чтобы Литовские и Белорусские земли, которые издавна принадлежали Великому княжеству Литовскому, а теперь заняты германскими войсками, составили в новых исторических условиях нераздельное целое на основе независимости Литвы и Белоруссии как единой державы, гарантируя в ее границах все права всем нациям.

Для этого Конфедерация обращается ко всем нациям, ко всем сословиям, ко всем существующим организациям, ко всем гражданам Края, призывая их, приняв во внимание важность великого исторического момента, забыв взаимные обиды, ссоры и недоверие, присоединиться к Конфедерации Великого княжества Литовского.

Временная Рада Конфедерации
Великого княжества Литовского».

Через два месяца (т.е. в феврале 1916 года) члены Временной Рады выпустили новое обращение к гражданам, снова на четырех языках. В нем они конкретизировали свою программу:

«1. Чтобы литовско-белорусские земли составляли независимое государственное образование с сеймом в Вильне, избираемым на основе всеобщих равных, прямых и тайных выборов, с обеспечением полных прав всем нациям, которые проживают на этих землях;

2. Чтобы в границах указанных земель были, как минимум, земли, занятые ныне германскими войсками, то есть, Ковенская и Виленская губернии, белорусская и литовская части Гродненской и Сувалковской губерний, литовская часть Курляндской губернии и ча-

сти Минской губернии, связанные с Виленским центром — и чтобы все эти земли составляли одно нераздельное целое;

3. Чтобы форма внутреннего устройства и основная конституция будущего свободного Литовско-Белорусского государственного образования не были нам навязаны сверху, но были установлены и утверждены Учредительным сеймом в Вильне, избранным путем всеобщей, равной, прямой и тайной подачей голосов».

Таким образом, белорусские и литовские политики, находившиеся в Вильне, представили свой проект восстановления литовско-белорусского государства, правда, в значительно урезанном виде по сравнению с территорией ВКЛ середины XVIII века. Этот проект пользовался популярностью среди ряда членов белорусских национальных организаций в зоне немецкой оккупации до начала 1918 года. Поддерживало его и большинство литовских политиков вплоть до сентября 1917 года.

Против идеи создания «нового ВКЛ» выступила группа белорусских деятелей во главе с Вацлавом Ластовским. В нее входили князь В. Святополк-Мирский, барон К. Шафнагель и другие лица. Они создали в Вильне свою организацию — «Союз независимости и нераздельности Белоруссии» — и предложили создать независимое белорусское государство с республиканской формой правления. Оно должно было объединить все белоруские земли по обе стороны русско-германского фронта.

Отвергая претензии литовских деятелей на белорусские земли, Ластовский и его сторонники предлагали тесный союз с Украиной в форме Белорусско-Украинской федерации. Одновременно Ластовский решительно отверг идею федерации Белоруссии с Польшей или Литвой*.

С осени 1917 года литовские политики взяли курс на создание собственного государства в этнографических границах расселения литовской нации, но с территориальными добавлениями, необходимыми для нормального функционирования экономики. 18–23 сентября 1917 года в Вильне состоялась конференция литовских национальных деятелей, которая избрала Национальный Совет (Тарибу) во главе со Сметоной. В Тарибу вошли преимущественно консервативные и умеренные элементы.

Справка: Антанас (Антон) Сметона (1874–1944) возглавлял Тарибу в 1917–19. В 1919–20 он был первым президентом Литовской республики. С 1924 лидер правой партии таутининков. В 1926 осуще-

---

* Грыцкевич А. Беларуска-літоўскія дачыненьні. /Журнал «Спадчына», 1994, № 5, с. 58–59.

ствил государственный переворот и снова стал президентом. В августе 1940, после оккупации Литвы войсками Красной Армии и установления в этой стране советской власти, эмигрировал в Германию. (*Ред.*)

Через два с половиной месяца, 11 декабря, Тариба объявила о независимости Литвы со столицей в Вильне. Однако ни правительство Германии, ни германская военная администрация в оккупированных землях Российской империи (командование «Обер-Ост») не признали этого акта. Тем не менее, формальное провозглашение независимости ясно указало цель литовского национального движения.

После официального провозглашения независимой Литовской Республики (18 февраля 1918 г.) и Белорусской Народной Республики (25 марта 1918 г.) идея федерации Белоруссии и Литвы себя исчерпала. Показательна в этом плане смена настроений виленских белорусов. Еще 28 января 1918 года на Белорусской конференции в Вильне, избравшей Виленскую Белорусскую Раду (ВБР) во главе с А. Луцкевичем, была принята резолюция в пользу создания федеративного Литовско-Белорусского государства. Но после 18 февраля ВБР выступила за независимое белорусское государство. Именно Антон Луцкевич в ночь с 24 на 25 марта 1918 года, на заседании Народного Секретариата БНР, предложил провозгласить независимую Белорусскую Народную Республику.

В апреле 1918 года Виленская Белорусская Рада отклонила предложение Литовской Тарибы делегировать в ее состав представителей «белорусского национального меньшинства». При этом члены ВБР руководствовались 3-й Уставной грамотой Рады БНР от 25 марта, определившей территорию независимой Белоруссии. В частности, в нее вошли белорусские уезды Виленской и Гродненской губерний, на которые претендовала Тариба.

В обращении правительства БНР к правительству Австро-Венгерской империи, с просьбой о признании Белоруссии в качестве «самостоятельной республики, которая окончательно отделилась от России», относительно границ было сказано следующее:

> «На западе мы стоим за сохранение всей территории Белоруссии там, где звучит белорусский язык, вместе с городом Вильней — нашей древней столицей, а оттуда на восток к Динабургу. При этом мы считаем уместным напомнить, что Вильня была не только нашей столицей, но и военным центром, а также центром белорусского движения»*.

---

* Грыцкевич А. Беларуска-літоўскія дачыненьні. /Журнал «Спадчына», 1994, № 5, с. 59.

Таким образом, после некоторого периода сотрудничества, белорусские и литовские политические деятели принципиально разошлись в связи с территориальным вопросом, особенно в вопросе о принадлежности Вильни — древней столицы ВКЛ.

23 марта 1918 года германский император Вильгельм II признал независимость Литвы, тогда как правительству БНР он в этом несколько позже отказал. Германия и Австро-Венгрия не признали БНР, сославшись на условия Брестского мирного договора с РСФСР. Согласно им, страны Центрального блока не должны были признавать новые государства, провозгласившие свою независимость после заключения мирного договора в Бресте. Литовцы сделали это «до», а белорусы — «после».

Правительство БНР признало независимость Литвы еще в апреле 1918 года. Но реальное улучшение отношений между БНР и Литвой началось лишь осенью того же года, после того, как в сентябре правительство БНР возглавил социал-демократ А. Луцкевич, а в его состав вошли социал-демократы и социалисты-революционеры (эсэры).

Дипломатические отношения БНР с Литвой возобновились в октябре. Это было связано с радикальным изменением международной ситуации. Осенью 1918 года германское командование начало выводить свои войска из некоторых восточных уездов Белоруссии, так как Германия уже получила от РСФСР золотом, хлебом и сырьем большую часть 6-миллиардной контрибуции.

В ноябре в Германии произошла буржуазно-демократическая революция. Новое германское правительство заключило перемирие со странами Антанты. Мировая война завершилась. Отныне германское командование приступило к планомерному выводу всех своих войск из Украины, Белоруссии и Литвы. С 17 ноября 1918 года части Красной Армии начали медленно продвигаться на запад вслед за уходящими немецкими войсками.

Между тем, Совнарком РСФСР не признал ни БНР, ни Литовскую республику. Над ними нависла реальная угроза захвата большевиками. А с западного направления возникла опасность окккупации Белоруссии и Литвы польскими войсками. Вот почему в ноябре 1918 года ВБР, по поручению премьер-министра БНР А. Луцкевича, начала переговоры с Тарибой, исполнявшей функции временного парламента. Переговоры проходили 15, 20, 21, 23, 26 и 27 ноября.

Удалось договориться об автономии районов Литвы с белорусским населением, об учреждении в литовском правительстве Министерства белорусских дел (МБД), о вхождении в состав Тарибы

6 представителей ВБР. С 27 ноября членами Тарибы стали В. Ластовский, И. Луцкевич, Д. Семашко, Я. Станкевич, К. Фалькевич и ксёндз В. Толочко. А с 1 декабря 1918 года Язэп Воронко занял пост министра белорусских дел (в июне 1920 года его сменил Д. Семашко).

По соглашению между ВБР и руководством Тарибы, белорусским представителям было гарантировано 25% депутатских мест в этом временном парламенте. Литовское правительство обязалось финансировать и защищать белорусские уезды Виленской и Гродненской губерний (включая города Белосток и Бельск). Предусматривалось объединение белорусских уездов Литовской республики в административную автономию, с белорусским языком делопроизводства и обучения. Назначение правительственных комиссаров в белорусские уезды должно было производиться только с согласия Белорусского секретариата (т.е. белорусских делегатов в Тарибе)*.

Входя в состав Тарибы, белорусские делегаты представили декларацию, содержавшую ссылку на постановление белорусской конференции в Вильне от 28 января 1918 года. В ней говорилось:

> «Белорусская Рада верит, что два народа, соединенные исторически и экономически, подав руку друг другу, смогут обрести для себя свободную и независимую жизнь на пути демократического строительства общего Государства»**.

После переезда правительства БНР из Минска в Вильню 3 декабря 1918 года (в связи с приближением Красной Армии), была сделана попытка наладить более тесное политическое и военное сотрудничество между БНР и Литвой. Однако уже 27 декабря, незадолго до захвата Вильни войсками Красной Армии, правительство Луцкевича уехало оттуда в Гродно, а литовское — в Ковно (Каунас). При этом министерство белорусских дел правительства Литвы переехало в Гродно.

В связи с угрозой дальнейшего продвижения Красной Армии после вывода германских войск из западных районов Белоруссии и Литвы, часть белорусских политических деятелей в начале 1919 года выступила за усиление связей с Литвой. Так, министр белорусских дел в правительстве Литвы Я. Воронко снова выдвинул идею Конфедерации ВКЛ. Он утверждал, что поскольку правительство Литовской республики имеет поддержку со стороны Германии, можно надеяться на поддержку немецким руководством и Белоруссии, в случае заключения ею союза с Литвой.

---

* Засецкі М. Міністэрства беларускіх спраў за 10 месяцаў існавання. /Часопіс Міністэрства беларускіх спраў. Коўна, 1919, № 1, с. 2.

** Грыцкевіч А. Цит. Соч., с. 60.

Но другая часть белорусских политиков (в том числе премьер-министр правительства БНР Луцкевич) считала, что Белоруссия играет незначительную роль в планах литовского руководства, а потому БНР должна проводить независимый политический курс. Луцкевич выступал против участия белорусов в составе литовской делегации на Парижской мирной конференции. Он добился отправки в Париж отдельной белорусской делегации. Эта делегация поставила вопрос о признании БНР государствами Антанты. Однако правительство Франции, поддерживавшее белогвардейских генералов, категорически выступило против, ибо считало территорию Белоруссии российской, которая должна воссоединиться с Россией после победы «белых» в гражданской войне. Белые генералы считали Белоруссию, как и Украину, исконно русской территорией, а белорусов — «русскими, но испорченными влиянием поляков и евреев».

В конце апреля 1919 года в Варшаву прибыла небольшая делегация литовского правительства для переговоров с польским руководством. Ее возглавил министр иностранных дел Юргис Шаулис, членами делегации были литовский полковник М. Великис и белорусский полковник К. Езовитов.

Делегация вела переговоры об установлении дружественных отношений между Польшей и Литвой. Она добивалась официального признания польской стороной независимой Литвы в составе Ковенской, Виленской, Сувалковской, Гродненской губерний и ряда уездов Минской губернии. Однако литовская делегация отвергла план федерации Литвы с Польшей. При этом Езовитов выступил и против идеи создания Литовско-Белорусской республики в границах 1772 года (т.е. до первого раздела Речи Посполитой). Поэтому переговоры, завершившиеся в начале мая, никаких результатов не дали.

В июне 1919 года, после оккупации Вильни польскими войсками, литовское правительство снизило планку своих требований. Оно предложило установить польско-литовскую границу по линии Друя — озеро Нарочь — Деревна — река Неман — Гродно. Вопрос о принадлежности территорий южнее этой линии литовцы предлагали решить на мирной конференции. Кроме того, литовское правительство соглашалось на временное использование польскими войсками спорных территорий в целях «борьбы против большевиков».

В августе 1919 года министр белорусских дел Воронко направил по литовским официальным каналам ноту протеста правительствам Великобритании, Франции, США и других стран Антанты в связи с передачей Польше Августовского уезда (повета). В ноте перечислялись и другие белорусские уезды Литовской республики, оккупированные польскими войсками: Беловежский, Белостокский, Бельский, Брестский, Виленский, Волковыский, Гродненский,

Дятловский, Кобринский, Лидский, Новогрудский, Ошмянский, Пружанский, Слонимский, Сокольский*. Это перечисление соответствовало территориальной заявке литовской делегации на апрельских переговорах в Варшаве.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЦЕНТР БНР В ГРОДНО

А в это время, не договорившись с Москвой о признании независимости БНР, белорусские политические деятели готовились покинуть Минск. 28 ноября 1918 года состоялось последнее в этом году заседание Рады БНР в Минске. На нем была принята Грамота Рады БНР к народу с призывом избирать белоруские рады (советы) крестьянских и рабочих депутатов, а затем и делегатов Учредительного Сейма БНР. В Грамоте говорилось:

> «Только им, этим организациям трудового Народа Белоруссии, принадлежит теперь до созыва Учредительного Сейма власть на местах, а не Земству, не чиновникам, не всяким самозванцам и чужакам».

Уходя к себе домой, немецкие оккупанты более не препятствовали политической активности местного населения. Но с востока надвигались силы большевиков, которым свободные выборы не были нужны. Они без всяких выборов повсеместно учреждали революционные комитеты (ревкомы).

3 декабря члены Рады и правительства БНР уехали в Вильню. Однако в связи с приближением Красной Армии 27 декабря руководство БНР переехало из Вильни в Гродно и находилось там до сентября 1919 года, когда Рада БНР вернулась в Минск.

Так Гродно временно стал резиденцией властей БНР (немецкие войска покинули Гродно в конце апреля 1919 года). Здесь работали белоруские культурные организации («Бацькаўшчына», «Лучына», «Беларуская хатка») и белоруские школы, издавались белоруские газеты, ставил спектакли национальный театр. На зданиях административных учреждений висели государственные бело-красно-белые флаги.

В Гродно одновременно действовали две политические структуры: правительство БНР и министерство белорусских дел Литвы (последнее — с 19 декабря). Политические деятели ориентировались частью на Литву, частью на Польшу. Министру белорусских дел подчинялись поветовые (уездные) комиссары, правительству БНР —

---

* Часопіс Міністэрства беларускіх спраў. Коўна, 1919, № 1, с. 5.

белорусские крестьянские рады в Волковыске и Гродно. Правительство поддерживала и Виленская Белорусская рада.

После публикации грамоты Рады БНР от 28 ноября 1918 года о создании территориальных органов власти — рад (советов), избираемых населением, местные белорусские национальные деятели провели в Гродно крестьянский съезд. Его работой руководил заместитель председателя Рады БНР А. Смолич, чьим помощником (заместителем) был А. Якубецкий. Этот съезд отличала антипольская направленность.

Как известно, руководители возродившегося польского государства намеревались расширить его территорию на восток, за счет украинских, белорусских и литовских земель. Поэтому на гродненском съезде были рассмотрены вопросы укрепления белорусской государственности до прихода сюда польских войск. Съезд постановил создать выборным путем волостные и сельские комитеты, а также подготовить губернский съезд. Была избрана Гродненская уездная рада во главе с А. Якубецким.

Но, поскольку германские оккупационные власти считали Гродно с прилегающим поветом (уездом) частью Литовской республики, они препятствовали деятельности неангажированных ими белорусских организаций и помешали созыву губернского съезда.

Крестьянский съезд принял решение и по земельному вопросу: «Земля должна отойти трудовому народу без выкупа»*. Следует напомнить в данной связи, что Декрет о земле, принятый Вторым Всероссийским съездом советов в Петрограде в ночь с 8 на 9 ноября (с 26 на 27 октября) 1917 года, не распространялся на территории, оккупированные Германией и Австро-Венгрией. При волостных комитетах были созданы земельные комиссии, которые описывали помещичьи земли с целью последующего распределения их среди крестьян.

Учрежденная съездом Гродненская поветовая рада действовала в тесном контакте с Радой народных министров БНР и с Петром Кречевским, комиссаром Гродненского повета от министерства белорусских дел Литовской республики.

Между правительством БНР и министерством белорусских дел Литвы вполне закономерно возникло соперничество. Министр Я. Воронко противостоял правительству БНР и его премьеру А. Луцкевичу (социал-демократу) еще и по партийной линии — как член партии белорусских социалистов-федералистов. Против группиров-

* Пратакол беларускага сялянскага з'езду ў Гародні 15–16 сьнежня 1918 г. /«Адраджэнне». Гістарычны альманах. Вып. 1. Мінск, 1995, с. 245.

ки Воронко выступал также Белорусский национальный комитет во главе с Павлом Алексюком и Андреем Якубецким, которых поддерживал Луцкевич. Эта группа склонялась к польской ориентации. Примирить тех и других пытался Вацлав Ластовский, председатель Белорусского Секретариата (так называлась белорусская фракция депутатов Тарибы).

Министерство белорусских дел обладало более широкими практическими возможностями, поскольку его финансировало и поддерживало правительство Литвы. МБД руководило органами местного самоуправления в Гродненской губернии, в Виленском, Лидском и Ошмянском уездах Виленской губернии и в Августовском уезде Сувалковской губернии. МБД ведало школьным образованием, вопросами культуры, судебными органами. Литовское правительство, по представлениям министерства, назначало комиссаров-белорусов в Белосток, Беловежу, Бельск, Гродно, Дятлово, Крынки, Лиду, Планты и Соколку, официально считавшиеся белорусскими населенными пунктами. Правда, в Волковыск и Ошмяны литовское правительство назначило своих комиссаров без ведома МБД.

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ БЕЛОРУССКИХ ВОИНСКИХ ЧАСТЕЙ

Одной из главных задач Министерства белорусских дел являлось создание национальных вооруженных сил. Опираясь на соглашение белорусских деятелей с литовским правительством, заключенным в ноябре 1918 года, МБД учредило в своем составе военный секретариат. А с 1 декабря и в литовском министерстве обороны появилась белорусская секция.

Литва еще только начала создавать свою армию. Но и позже, в 1920 году, эта армия насчитывала всего лишь две пехотные дивизии. Между тем, литовское руководство находилось в противостоянии как с большевистской Россией, пытавшейся любым путем присоединить к себе Литву (например, в виде якобы самостоятельной Литовской ССР), так и с Польшей, стремившейся оккупировать территории с польским населением, а Литву привязать к Польше через федерацию. Поэтому литовцы были заинтересованы в солдатах-белорусах.

И не только в солдатах. В связи с нехваткой литовских военных кадров был приглашен из Минска белорусский генерал-лейтенант Киприан Кондратович (1859–1932). Ранее Кондратович являлся членом Центральной Белорусской войсковой рады, а в мае — июне 1918 года был народным секретарем (министром) военных дел БНР. Он занял пост вице-министра обороны Литвы. Одновременно

Кондратович считался «главным командиром белорусского войска». Но вскоре Кондратович ушел в отставку с обоих постов, так как в начале февраля 1919 года уехал в Париж на мирную конференцию в составе делегации БНР*.

В ноябре 1918 года в Вильне началось формирование из добровольцев 1-го Белорусского пехотного полка, затем и 2-го. Их командиры подчинялись одновременно и министерству обороны Литвы, и министерству белорусских дел. Но дело шло медленно. Не хватало людей, особенно офицеров:

> «Офицеров и военных чиновников было набрано всего (включая и полки) 100 человек; среди них было значительное число белорусских, точнее говоря, русских офицеров, большинство из которых ничего общего с Белоруссией не имело и превратилось в белорусов лишь потому, что им некуда было деться»**.

В январе 1919 года вследствие малого числа добровольцев от формирования 2-го Белорусского полка пришлось отказаться.

Между тем, германское оккупационное командование заявило, что оно вообще против создания белорусских войск. Немецкие власти не хотели давать оружие не только белорусским воинским частям, но даже белорусской милиции. Поэтому приходилось вооружаться самим за счет оружия, накопленного сельским населением «на всякий случай».

Увидев провал с белорусскими добровольческими частями в Вильне, министр Воронко 29 января 1919 года издал приказ о мобилизации белорусских военнослужащих на Гродненщине. Мобилизационные пункты открылись в городах и местечках Гродненской губернии, от Гродно до Бреста включительно. В Гродно мобилизацией занялся военный комендант города, энергичный офицер капитан Николай Демидов, белорус из Белостокской области.

Всего за несколько недель ему удалось довести до конца формирование 1-го Белорусского пехотного полка (полком командовал полковник М. Лаврентьев, а с 14 марта — полковник Константин Езовитов) в составе 4-х рот, затем 4-х батальонов, общей численностью около 800 человек.

---

* «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» (том 4) ошибочно утверждает, что генерал К.А. Кондратович в 1919 году остался в эмиграции во Франции и что его дальнейшая судьба неизвестна. В действительности он вернулся на родину и последние 13 лет жизни провел в своем имении Городно (Лидский повет), купленном еще до начала мировой войны. Там он и умер 31 октября 1932 года. Его могила находится в городском поселке Вороново (недалеко от Лиды), рядом с церковью Св. Александра Невского. — *Прим. Ред.*

** Борьба за советскую власть в Литве в 1918—1920 гг. Сб. документов. Вильнюс, 1967, с. 61.

Кроме того, был сформирован батальон Гродненской комендатуры, непосредственно подчиненный Демидову. Его укомплектовали офицерами и солдатами распущенного в Вильне 2-го Белорусского пехотного полка. Их пополнили люди, завербованные через мобилизационные пункты. Батальон насчитывал около 350 человек.

Удалось также сформировать в Гродно гренадерский взвод (поручик Бондарук) и Белорусский гусарский эскадрон (ротмистр М. Глинский).

11 марта 1919 года приказом министерства обороны Литвы было разрешено формировать из добровольцев в Ковно (Каунасе), тогдашней столице Литвы, добровольческую роту из 200 солдат для последующего развертывания ее во 2-й батальон 1-го Белорусского полка. Этим занялся В. Козлов, офицер связи между белорусскими силами в Гродно и литовским министерством обороны*.

Солдаты созданных в Ковно белорусской роты и комендантского взвода, как и в других частях литовской армии, имели белорусскую униформу — старое немецкое обмундирование (его в Литве было много) с белыми кантами на шапках, воротниках, погонах и рукавах. Кавалеристы и артиллеристы носили красные канты и околыши. Все белорусские части имели бело-красное-белые знамена.

12 апреля 1919 года роту добровольцев переименовали в 5-ю роту 1-го Белорусского Гродненского полка. Командиром назначили капитана М. Яницкого, а из ее состава выделили учебный взвод для подготовки подофицеров в формируемый на основе роты 2-й батальон. Кроме того, 17 апреля при столе регистрации в Ковно началось формирование команды охраны (40 солдат)**.

Офицерами в этих белорусских частях служили как белорусы, так и русские. Все они вышли из российской армии, имели в своем послужном списке пребывание на фронте.

Воинские звания в белорусских частях были идентичны литовским. Старшие офицеры — полковники, полковники-лейтенанты (т.е. подполковники) и майоры; младшие офицеры — капитаны, старшие лейтенанты (поручики), лейтенанты (подпоручики). Подофицеры: старшие подофицеры (взводные) и младшие подофицеры (отделенные). Рядовой состав: стрелки. За исключением К. Кондратовича, генералов у белорусов не было, как не было их поначалу и в литовской армии.

---

* Łatyszonek O. Цит. Соч., s. 92.

** Ружанцаў А. Беларускія войскі ў Літве (1918–1920). /Журнал «Спадчына», 1993, № 4, с. 24.

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЛОРУССКОГО ЦЕНТРА В ГРОДНО

В феврале 1919 года началось продвижение польских войск в Белоруссию и Литву.

В марте премьер А. Луцкевич назначил комиссаром Гродненщины П. Алексюка, а его заместителем А. Якубецкого. 14 марта он утвердил в должности командира 1-го Белорусского полка К. Езовитова (пока Езовитов находился в составе литовской делегации в Варшаве, полком командовал полковник Успенский). Затем по дипломатическим делам Луцкевич отправился в Берлин, а правительство БНР вскоре уехало в Ковно. В 20-х числах марта из Гродно в Ковно перебралось и министерство белорусских дел.

В апреле 1919 года в Гродно размещался 1-й Белорусский полк (500 человек), в подчинении городской комендатуре находились еще 200 человек (пехотная рота и кавалерийский эскадрон).

В это время внешнеполитическое положение Литвы и белорусских воинских частей в Гродно осложнилось. 19 апреля 1919 года польские войска отбили Вильню у «красных».

23 апреля полковник Успенский подписал с польским командованием соглашение, по которому Белорусский полк, формально оставаясь подразделением литовской армии, подчинился польскому командованию Гродненской крепости с целью обороны Гродно от большевиков. Этот ход Успенский согласовал по телефону с литовским министром обороны Антанасом Меркисом. Но 24 апреля вернулся из Варшавы полковник Езовитов, который не признал данное соглашение и хотел вывести полк из Гродно. Однако из германского военного министерства и литовского министерства обороны пришли телеграммы с предложением задержать полк в Гродно. Тогда Езовитов, оставив командиром вместо себя полковника Антонова, выехал в Ковно, чтобы прояснить ситуацию.

Между тем немецкие войска продолжали эвакуацию. 27 апреля в Гродно появились польские части. 28 апреля они разоружили Белорусский гусарский эскадрон, а его офицеров и солдат взяли под арест. 29 апреля последние немецкие подразделения покинули Гродно, передав город польскому командованию. Министерству белорусских дел удалось выехать оттуда в Ковно.

Белорусский полк в Гродно, ранее содержавшийся за счет литовского правительства, в апреле 1919 года уже финансировало и правительство БНР, получившее в Киеве заем от правительства УНР (4 млн немецких марок). В Гродно приехал министр просвещения БНР А. Смолич, который позитивно отнесся к воззванию Пилсудского «К жителям бывшего Великого Княжества Литовского», обе-

щавшему восстановить независимое Белорусское государство, дружественное Польше. Словом, Белорусский полк остался на месте*.

В начале мая 1919 года польско-белорусские отношения в Гродно временно улучшились. 3 мая здесь состоялся совместный парад польских и белорусских подразделений. Воинские марши исполнял белорусский военный оркестр. 5 мая были освобождены из-под ареста солдаты и офицеры Белорусского гусарского эскадрона. После этого ротмистр Глинский увел эскадрон из Гродно в Друскеники, а оттуда в Ковно.

Польско-белорусские отношения в Гродно снова ухудшились в конце мая. Комендант Гродненской крепости польский генерал Войцех Фалевич передал командованию Белорусского полка приказ генерала Станислава Шептицкого, командующего Литовско-Белорусским фронтом, о переводе полка из Гродно в Слоним для присоединения к резервной группе польских войск. Полковник Антонов запротестовал, ссылаясь на соглашение от 23 апреля. Тогда генерал Фалевич приказал польским частям окружить полк и разоружить его. Это и было сделано 1 июня 1919 года.

Польско-белорусский конфликт пытался погасить сам Пилсудский, который заехал в Гродно 3 июня. Тогда были сняты польские караулы у белорусских казарм, офицерам и солдатам разрешили свободный выход в город. Пилсудский принял в Гродненском замке полковника Евгения Гайдукевича, исполнявшего обязанности командира полка вместо заболевшего полковника Антонова. Конкретных результатов аудиенция не дала, но несколько дней прошли спокойно.

Развязка наступила 11 июня. Польское командование разделило солдат полка по вероисповеданию. Католиков перевели в польские казармы и зачислили в польскую армию. Православных и евреев демобилизовали. Офицеров зачислили в запас, прикрепили к штабу крепости и предложили вступить в польскую армию. Это сделали только три человека. Переезд в Ковно офицерам запретили, но некоторым из них (только русским) разрешили отправиться в Эстонию, в белую армию генерала Н.Н. Юденича**. Так был ликвидирован белорусский центр в Гродно.

Ликвидация белорусских воинских частей в Гродно была связана с тем, что польское командование опасалось удара германских войск из Восточной Пруссии. Между тем командование Белорусского полка имело опыт сотрудничества с немцами, а сам этот полк подчинялся литовскому руководству. Поляки хотели устранить потенциальную «пятую колонну» в своем тылу.

---

* Łatyszonek O. Цит. Соч., s. 96–97.

** Езовитов К. Белорусы и Поляки. Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 годах. Ковна, 1919, с. 92–94.

БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1919 ГОДУ

Когда мы говорим о белорусско-литовских взаимоотношениях в этот период, то имеем в виду отношения между правительством БНР и правительством Литовской республики как субъектами международных отношений.

Что касается БССР и Литовской ССР, то это были псевдогосударственные образования («советские республики»), не обладавшие реальным суверенитетом. Подобные псевдогосударства во время Гражданской войны большевики легко учреждали где угодно, и столь же легко ликвидировали, как только менялась политическая ситуация. Среди них известны Донецко-Криворожская, Донская, Кубано-Черноморская, Ставропольская, Терская и другие «республики». В обязательном порядке съезды местных советов, по приказу из Москвы, принимали решения о вхождении этих республик в состав РСФСР.

> ***Справка:*** Суверенитет (по немецки «souveranität», по французски «souverainete» — верховенство, верховные права, верховная власть) — это полная независимость всякого государства от других государств в своих внутренних делах и внешних отношениях. Уважение суверенитета государств — основной принцип международного права (*Ред.*).

Литовская республика в 1919 году находилась в сложной ситуации. Отношения с Польшей были напряженными, так как польские войска захватили Вильню, Гродно и Лиду, на которые претендовала Литва. Еще большую угрозу представляла Россия, где большевистские власти пропагандировали идею мировой революции и официально заявляли, что «коммунизм сметет все границы». Деятели Тарибы уже видели создание сначала Литовской, а затем и Литовско-Белорусской ССР, с русским языком в качестве государственного.

Мобилизационные возможности Литвы были невелики, да и разоренная войной экономика не позволяла тратить значительные средства на оборону. Только к 1920 году литовская армия увеличилась до двух дивизий. Поэтому литовское правительство сохраняло белорусские воинские части и использовало их на фронте против Красной Армии.

В 1919 году в Ковно (Каунасе) по-прежнему находилось Министерство белорусских дел и Белорусское Войсковое бюро, занимавшиеся созданием белорусских подразделений. Но от них, после роспуска 1-го Белорусского полка в Гродно, мало что осталось: 5-я ро-

та этого полка (около 200 человек), команда при столе регистрации (40 человек) и эскадрон гусар (50 человек).

Первым на фронт отправился гусарский эскадрон — в составе 1-го гусарского полка литовской армии.

В середине июня 1919 года 5-ю роту переименовали в 1-ю Белорусскую отдельную роту, а 25 июня команду при столе регистрации — во 2-ю Белорусскую отдельную роту.

1-ю роту во главе с М. Яницким, получившим чин майора, 20 июня направили на Двинский фронт в составе 2-й бригады литовской армии. Уже 22 и 23 июня рота участвовала в боях с подразделениями Красной Армии возле местечек Александровка и Обяляй западнее Двинска (Даугавпилса). С 12 июля ею командовал подполковник Владимир Михайловский. В июле — августе 1-я рота в составе Мариампольского батальона участвовала в совместном наступлении литовских и латвийских войск против Красной Армии на Северном фронте. После вытеснения «красных» за Западную Двину, роту в начале октября перевели из Мариампольского батальона в 1-й батальон 3-го полка имени Витовта Великого*.

Белорусский кавалерийский эскадрон летом и осенью воевал с поляками на юго-западе Литвы в районе местечек Друскеники и Лейпуны.

10 октября 1919 года в Каунасе состоялось совещание по вопросу увеличения белорусских военных формирований в Литве. В нем участвовали командующий литовской армией генерал-лейтенант Ф. Летукас, министр белорусских дел Я. Воронко, начальник Белорусского войскового бюро В. Козлов, командиры 2-й отдельной роты А. Ганзен и 1-го эскадрона М. Глинский.

15 октября прибыли на северный участок фронта в район Двинска 2-я Белорусская отдельная рота и часть кавалерийского эскадрона. Через два дня сюда прибыла и 1-я Белорусская рота. Приказом по Литовской армии обе белорусские роты с 17 ноября 1919 года свели в Белорусский батальон, командиром которого был назначен майор Александр Ружанцов**.

В этой связи были присвоены воинские звания: полковника — В. Михайловскому, полковника-лейтенанта — М. Яницкому, майора — А. Ружанцову и А. Ганзену, капитана — В. Козлову, П. Дехтярову, В. Дехтярову, Феранцевичу, старшего лейтенанта — Лосинскому и Пороховникову. Белорусское военное бюро было расформировано, а его начальник капитан В. Козлов назначен белорусским офицером связи при генеральном штабе литовской армии. Кроме двух пехотных рот, в батальоне были пулеметная команда, взвод связи

* Ружанцаў А. Цит. Соч., с. 25–26.
** Łatyszonek O. Цит. Соч., s. 99–100.

и нестроевой взвод. Бывшие кавалеристы-гусары использовались как конные разведчики, телефонисты и т.д*.

28 декабря Белорусский батальон вместе с литовским Ёнишкельским батальоном 28 декабря занял позиции на Западной Двине. С начала января 1920 года на фронте наступило затишье, так как под натиском польских войск с юга части «красных» отступили. Их место заняли сначала поляки, затем латыши.

Затишье на фронте командование батальона использовало для культурно-просветительской и воспитательной работы. Штаб батальона начал издавать на белорусском языке журнал «Варта Бацькаўшчыны» (Стража Отчизны). Была создана военно-историческая комиссия для сбора материалов и написания очерка о действиях белорусов на полях сражений. Отметим попутно, что делопроизводство и команды в белорусских частях велись и отдавались по-белоруски.

В феврале 1920 года наступила напряженность в литовско-белорусских отношениях. Литовские контрразведчики перехватили курьера из министерства белорусских дел в Москву. В связи с этим были произведены обыски и временно арестованы сотрудники министерства. Министр Язэп Воронко подал в отставку. Его место занял Доминик Семашко, полностью подчинявшийся литовским политикам.

Ухудшение литовско-белорусских отношений привело к сокращению личного состава батальона, который с 1 апреля 1920 года был реорганизован в Белорусскую особую роту. Командиром ее остался майор А. Ружанцов. Были демобилизованы подофицеры, ранее служившие в российской армии, и все солдаты из белорусских уездов, оставшихся на польской стороне. Белорусскую особую роту подчинили командованию 9-го пехотного полка литовской армии.

Белорусско-литовские отношения начали улучшаться с мая 1920 года, когда в Каунасе поселился премьер-министр БНР Вацлав Ластовский и министры его правительства, враждебно относившиеся к Польше. Изменения в характере отношений были связаны с заключением советско-литовского договора о мире 12 июля 1920 года. По этому договору РСФСР передала Литве (на бумаге) значительную часть белорусской территории с городами Вильня, Гродно и Лида. Ленин охотно шел на уступки, чтобы привлечь Литву на сторону РСФСР против Польши.

Литовские войска начали продвижение на юго-восток, чтобы занять переданные ей Россией территории. Вместе с литовскими войсками шла и белорусская рота. 19 июля 1920 года она прибыла в белорусскую деревню Кривосельцы (Браславский район Витебской

---

* Ружанцаў А. Цит. Соч., с. 27.

области) на озере Снуды, где и остановилась. Рота заняла большой участок на новой литовско-российской границе, вплоть до границы с Латвией. В Браславе, последнем местечке на границе с РСФСР, была открыта белорусская комендатура. В Белорусскую роту вступило много добровольцев из местных жителей*.

С 27 сентября 1920 года в Вильне началось формирование белорусского батальона из числа добровольцев, затем оно продолжилось в Ковно. В батальон вошли: 1-я Белорусская пехотная рота, пулеметная рота, комендантская рота и три взвода (учебный, связи, конной разведки). В нем насчитывалось 500 человек, командиром был назначен начальник офицерских курсов полковник Успенский.

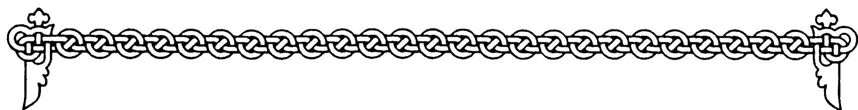
Но уже в сентябре 1921 года один из солдат-белорусов жаловался, что «все белорусское, что было во времена прежнего командира майора Ружанцова, теперь ликвидировано офицерами-москалями». В батальоне остались только несколько офицеров-белорусов: Волосович, Майоров, Разумович, Яковлев и православный капеллан Иоанн Корчинский. При батальоне не было белорусской школы, хотя половина солдат не знала грамоты. Приказы по-белорусски отдавали офицеры-белорусы, остальные офицеры командовали по-русски, хотя это противоречило уставу**.

Таким образом, обе стороны — и литовская, и белорусская, каждая исходя из своих интересов — до поры, до времени пытались формировать и сохранять белорусские воинские части.

---

* Ружанцаў А. Цит. Соч., с. 29.

** Łatyszonek O. Цит. Соч., s. 103.

Часть II

ВОЙНА МЕЖДУ ПОЛЬШЕЙ И РОССИЕЙ В 1919 ГОДУ

Глава 5

СОЗДАНИЕ МАРИОНЕТОЧНОЙ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

ПОЛИТИКА БОЛЬШЕВИКОВ В БЕЛОРУССКОМ ВОПРОСЕ

Вскоре после государственного переворота 7 ноября (25 октября) 1917 года в РСФСР была создана как административно-территориальное объединение Западная область. Она объединила Виленскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии. Поскольку в феврале 1918 года почти всю территорию Западной области оккупировали германские войска, ее административный центр перенесли из Минска в Смоленск. Постановлением 2-го съезда советов Западной области в апреле 1918 года в ее состав была включена и Смоленская губерния. Фактически власть большевиков в Западной области весной, летом и осенью 1918 года распространялась только на Смоленскую губернию и ряд восточных уездов Витебской и Могилевской губерний. Всеми делами здесь заправляла та же группа, что и в Минске. По-прежнему она называлась Северо-Западной областной организацией РКП(б).

Ее руководители, армянин А.Ф. Мясников (Мясникян), латыши В.Г. Кнорин (Кнориньш), К.И. Ландер, поляк Р.В. Пикель, евреи М.А. Калманович и И.И. Рейнгольд, резко отрицательно относились к белорусскому национальному движению, считая его опасным конкурентом в борьбе за власть на территории Белоруссии. Эти партийные деятели в своих публичных выступлениях и в газетных статьях неоднократно заявляли о том, что никакого белорусского народа нет, что на самом деле белорусы — это часть русского народа, а потому своя государственность им не нужна. О том же они постоянно писали в Москву, выступая против создания в Белоруссии даже советской республики. Одновременно они жестоко расправлялись с «несуществующим» белорусским крестьянством, поднявшимся на борьбу против пресловутой «продразверстки» (масштабного грабежа, проводимого не частными лицами, а государством).

Активно развивалось белорусское национальное движение на территории России, где находились сотни тысяч белорусов, в недавнем прошлом — солдат и матросов иператорской армии и флота. В России по-прежнему оставалось много белорусских беженцев, не имевших возможности вернуться домой из-за немецкой оккупации. Имелись также белорусы-большевики, с которыми центральному партийному и советскому аппарату в Москве приходилось считаться.

Для политической работы с белорусами как в России, так и в самой Белоруссии, Совнарком РСФСР еще 13 февраля (31 января) 1918 года учредил в Петрограде при Наркомате по делам национальностей (нарком — И.В. Сталин) Белорусский национальный комиссариат (Белнацком), назначив его руководителем большевика А.Г. Червякова (1892–1937). Секретарем Белнацкома стал Дмитрий Жилунович (1887–1937), он же белорусский писатель Тишка Гартный, тоже большевик. В марте 1918 года Белнацком вместе со всеми комиссариатами Совнаркома переехал из Петрограда в Москву.

Белнацком занимался просветительской, социальной и агитационной работой среди белорусов в России, издавал газету («Дзянніца»), открывал белорусские школы и клубы, вел подготовку к созданию советской республики в Белоруссии. При этом он проводил политику большевистской партии через белорусские секции РКП(б), входившие в состав парторганизаций в разных городах России. В основном, в таких секциях состояли большевики из числа белорусских беженцев. Они настойчиво требовали создания Белорусской советской республики. Однако Белнацком столкнулся с открытым противодействием партийно-советского руководства Западной области, не желавших даже слышать о создании белорусской государственности.

Характерно, что в своей агитации на оккупированной немцами территории Белоруссии большевики из подпольных организаций использовали национальные белорусские лозунги, тогда как в Западной области резко выступали против них.

Еще в сентябре 1918 года на III-м съезде советов Западной области в Смоленске представитель Белнацкома, по поручению белорусских секций РКП(б), предложил создать автономию в составе РСФСР на основе свободных от оккупантов белорусских уездов. Более того, он рекомендовал переименовать Западную область в Белорусско-Литовскую, как бы «на вырост», чтобы позже присоединить к ней соответствующие территории. Реакция партийного руководства Западной области и большинства делегатов была резко отрицательной. Они осудили это предложение как «шовинистическо-националистическую выходку». После яростной дискуссии съезд большинством голосов заменил название «область» на «коммуну», исключительно ради того, чтобы исключить слово «Белоруссия».

Во второй половине 1918 года противоречия между Северо-Западным обкомом РКП(б)* (Мясников и его группа), с одной сторо-

* Партийная организация Западной области называлась Северо-Западной областной организацией РКП(б).

ны, белорусскими секциями РКП(б) и Белнацкомом, с другой, все более усиливались. Белорусские партийные секции и Белнацком ставили своей задачей создание уже не автономии, а суверенного советского белорусского государства, находящегося в федеративных отношениях с РСФСР. Группа Мясникова критиковала и осуждала такой план под тем предлогом, что он является «проявлением национализма и сепаратизма». Суть проблемы была простой и традиционной: интернациональная группа Мясникова не хотела уступать власть большевикам-белорусам. «Мясниковцы» имели поддержку и в Москве, где административная комиссия при ВЦИК предложила вообще ликвидировать в РСФСР все национальные административные единицы, создав вместо них четыре крупные области: Западную, Московскую, Северную и Уральскую (по 10–12 губерний в каждой области).

Решение вопроса о будущем Белоруссии ускорили события в Германии. 11 ноября 1918 года Германия заключила перемирие с державами Антанты. Она проиграла войну, но проиграла на чужих территориях. Германские войска в Европе должны были эвакуироваться на родину и там демобилизоваться. Однако высшее руководство Антанты, опасавшееся распространения большевистской революции в Европу, приказало германским войскам на востоке задержаться в районах оккупации, в том числе в Белоруссии.

13 ноября 1918 года, после получения в Москве сообщений о революции в Германии, Ленин провел через ВЦИК постановление об аннулировании Брест-Литовского договора. В постановлении было категорично заявлено:

> «Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и Дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным. Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными. ...Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа... призваны сами решать свою судьбу»*.

В этом постановлении перечислялись «трудящиеся массы Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные Германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной», но трудящиеся Белоруссии в нем не упоминались. Российские боль-

---

* Документы внешней политики СССР. Том I, с. 565.

шевики даже теоретически не собирались отказываться от белорусской территории, необходимой для реализации их плана «экспорта революции» в Западную Европу. Кстати говоря, о независимости Эстляндии или Литвы тоже ничего не говорилось.

Постановление, подписанное председателем ВЦИК Я.М. Свердловым, председателем СНК В.И. Лениным и секретарем ВЦИК В.А. Аванесовым, означало, что все национальные государства, успевшие заявить о своей независимости (например, Литва и Украина), вновь считаются частями России. Теперь требовалось поскорее решить их судьбу в интересах «победы мировой революции». Это значило: ввести сюда войска Красной Армии и установить власть советов (то есть, местных люмпенов и маргиналов во главе с большевиками).

Между тем, немецкие солдаты создали в оккупационной армии советы солдатских депутатов — по примеру России — и заставили своих генералов начать планомерный вывод войск. Правда, новые директивы верховного командования Антанты все же замедлили их возвращение домой. Кроме того, отход совершался поэтапно, на основе соглашений с командованием частей Красной Армии. Кстати говоря, воинские части «красных», продвигаясь на запад, старались держаться в 10–15 километров от отступавших немецких подразделений, чтобы избежать случайных столкновений.

Иногда подпольные большевистские комитеты создавали военно-революционные комитеты и брали власть в свои руки путем соглашения с немецким командованием. Например, в начале декабря 1918 года части Красной Армии заняли железнодорожную станцию Уречье (25 км восточнее Слуцка). Там они задержались, так как немцы еще не покинули Слуцк. Тогда местный военно-революционный комитет решил выйти из подполья и взять власть в городе. К немецкому генералу, коменданту Слуцка, отправился представитель ревкома для переговоров о передаче власти ВРК. После длительных колебаний генерал издал приказ об уходе из Слуцка, что и произошло 7 декабря.

Однако власть бывших подпольщиков продержалась недолго. Уже 10 декабря в Слуцк приехал Московский коммунистический отряд (26 человек) во главе с Иваном Ланге. Он «реорганизовал» Слуцкий ревком. Его «укрепили» за счет москвичей, а председателем ревкома стал И.И. Ланге. То же самое происходило и в других местах. Московские представители мало доверяли местным подпольщикам.

Войска Красной Армии 21 ноября 1918 года заняли Полоцк и Жлобин, 28 ноября — Бобруйск, 2 декабря — Борисов, 5 декабря —

Осиповичи и Калинковичи, 9 декабря — Игумен, 10 декабря — Минск. Во второй половине декабря 1918 и в начале января 1919 года были заняты Молодечно, Мозырь, Барановичи, а 14 января — Гомель. К середине февраля 1919 года Красная Армия вышла на линию Поневеж — Вилькомир — Ораны — Лида — Слоним — Береза-Картузская — Иваново — Сарны*.

Западнее ее германские войска задержались еще на 2–3 месяца. Руководство Антанты приказало им «не спешить».

ПРОВОЗГЛАШЕНИЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

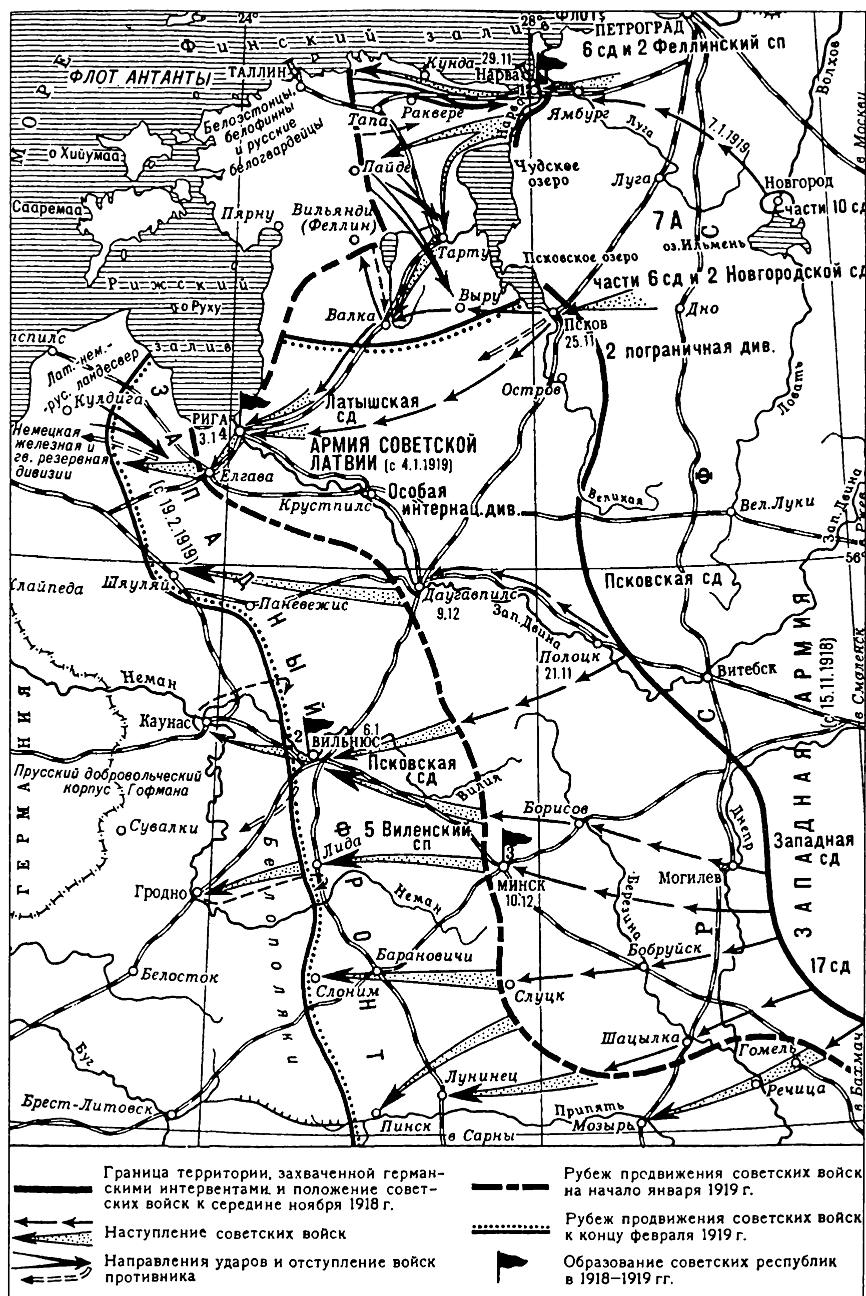
В политику Москвы относительно Белоруссии властно вмешался «польский фактор». Претензии возродившегося польского государства на белорусские и литовские земли сделали актуальной идею создания противовеса Польше в виде советских республик Литвы и Белоруссии — фиктивных государственных образований. Однако и Германия, и Антанта признали независимость буржуазной Литовской республики, на ее территории находились немецкие войска. А правительство БНР немцы и западные союзники не признали. Поэтому роль «буфера» между Россией и Польшей наилучшим образом могла сыграть именно советская Белоруссия.

Повлияла на позицию высшего партийного руководства и конференция белорусских секций РКП(б), состоявшаяся в Москве 21–23 декабря 1918 года. Участники конференции прямо требовали государственного самоопределения Белоруссии (разумеется, советского). Конференция избрала Центральное бюро белорусских секций РКП(б), поручив ему после назначенной на конец декабря 1918 года VI конференции парторганизации Западной области собрать Всебелорусский съезд большевиков и создать на нем национальный партийный центр.

24 декабря вопрос о Белоруссии рассматривался в ЦК РКП(б), а 25-го — в наркомате национальностей, у Сталина. В тот же день Сталин связался по телефону с Мясниковым и сообщил ему, что ЦК согласился «с белорусскими товарищами на создание белорусского советского правительства». Сталин поручил сотрудникам Белнацкома подготовить предлжение по составу правительства, а Мясникову — срочно приехать в Москву для согласования кандидатур. Областную партконференцию, назначенную на 27 декабря, Сталин приказал отложить на несколько дней.

---

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками. 1920 год. М., 1925, с. 7.

Продвижение Красной Армии в ноябре 1918 — феврале 1919 гг.

Вечером 25 декабря состоялось экстренное совместное совещание членов коллегии Белнацкома, представителей Центрального бюро белорусских секций и Московской белорусской секции. На нем большевики-белорусы единогласно постановили объявить Белоруссию Социалистической Советской Рабоче-Крестьянской республикой и определили список кандидатов (15 человек) в состав Временного Рабоче-Крестьянского правительства. Председателем правительства тайным голосованием был предложен Д. Жилунович.

Сталин же предложил Мясникову при формировании правительства республики ввести в него членов Западного областного исполкома советов, т.е. основных фигурантов из группы «областников».

VI Северо-Западная областная конференция РКП(б) собралась 30 декабря 1918 года в Смоленске. Делегатов прислали большевистские организации Витебской, Могилевской, Минской и Смоленской губерний, а также белорусские парторганизации Виленской и Черниговской губерний. Парадокс заключался в том, что вопрос о белорусской государственности решала местная конференция партии большевиков, а не съезд советов (формально — высший орган власти). Впрочем, в большевистской России на конституционные «мелочи» такого рода никто не обращал внимания ни тогда, ни позже.

Конференция проходила два дня — 30 и 31 декабря. Для группы Мясникова, впрочем, как и для центра, создание белорусского советского государства являлось вопросом тактики. Но для придания большего авторитета принимаемым решениям, Мясников предложил объявить VI областную конференцию I съездом Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии, что и было единогласно одобрено делегатами. Съезд также принял предложение Мясникова о провозглашении вместо Западной коммуны «самостоятельной Советской Республики Белоруссии». Впрочем, в документах съезда встречаются несколько названий (Белорусская социалистическая советская республика, Социалистическая советская рабочая республика Белоруссии и другие).

Была принята резолюция и о границах новой республики. В основном, они совпали с территорией расселения белорусского народа, определенной еще до революции академиком Ефимом Карским. Это Гродненская, Минская, Витебская, Смоленская и Могилевская губернии, а также некоторые уезды (либо части уездов) Сувалковской, Ковенской, Виленской и Черниговской губерний. Но четыре восточных уезда Смоленской губернии (Вяземский, Гжатский, Сычевский и Юхновский) были оставлены в юрисдикции РСФСР, а части Двинского, Режицкого и Люцинского уездов Витебской губернии переданы советской Латвии, несмотря на то, что там жило много белорусов.

Ради лучшего, с точки зрения большевиков, административного управления территорией, ССРБ разделили вместо уездов на 7 районов (тогда новое слово) — Гродненский, Минский, Витебский, Смоленский, Могилевский, Гомельский и Барановичский, а те, в свою очередь, на 54 подрайона.

Разумеется, главным на съезде стал вопрос о власти в новой республике. Съезд избрал руководящий партийный орган — Центральное бюро компартии (большевиков) Белоруссии. Председателем этого бюро избрали Александра Мясников. В состав бюро вошли 15 человек, почти все — из группы Мясникова. От белорусских партийных секций в бюро попали только два человека, да и то Жилунович вскоре покинул его.

Хотя большевики не имели на то полномочий от белорусского народа (партийный съезд — не съезд советов), они сформировали и правительство — Совнарком. Председателем Совнаркома стал Д. Жилунович. В правительство вошли 10 представителей Западной коммуны и 7 представителей белорусских секций РКП(б). Однако свежеиспеченные наркомы — белорусские большевики, во главе с Жилуновичем, потребовали исключить из правительства Александра Мясникова (наркома военных дел), Моисея Калмановича (наркома продовольствия) и Ричарда Пикеля (наркома хозяйства), которые ранее наиболее рьяно выступали против создания Белорусской советской республики. Испуганный Мясников тут же дал телеграмму Сталину, а тот в категорической форме потребовал от Жилуновича неуклонно выполнять решения ЦК РКП(б).

1 января 1919 года Временное рабоче-крестьянское правительство под председательством Д. Жилуновича приняло Манифест, который официально провозгласил новое советское государство — «вольную и независимую Белорусскую Социалистическую Республику». Впрочем, в Манифесте Белоруссия называлась и «Советской Трудовой Республикой Белоруссии», и «Советской Белорусской Независимой Республикой». Манифест был напечатан на русском языке. Местом издания указали Минск, хотя официальное решение о столице республики еще не было принято, а новые власти находились в Смоленске.

Большая часть текста Манифеста представляла собой набор большевистских лозунгов, адресованных рабочим, беднейшим крестьянам и красноармейцам. В нем подчеркивалось, что только революция дает белорусам возможность создать свое независимое государство. Объявлялось: «совместно с трудящимися народами России, Литвы, Украины и Латвии с сегодняшнего дня становитесь и вы свободными и полноправными хозяевами свободной Независимой

Белорусской Социалистической Советской Республики». «Вы» — это рабочие, крестьянская беднота и красноармейцы. Следовательно, все другие группы населения к новому государственному образованию отношения не имели.

Название республики было закреплено в Конституции, принятой 3 февраля 1919 года — «Социалистическая Советская Республика Белоруссии» (ССРБ), хотя в тексте этой конституции встречается и более знакомое нам название — «Белорусская Советская Социалистическая Республика».

Манифест от 1 января декларировал социальные права трудящихся, но ни словом не упомянул демократические свободы. Главные пункты о власти выглядели следующим образом:

> 1) Отныне вся власть в Белоруссии принадлежит Советам рабочих, крестьянских, батрацких и красноармейских депутатов.
>
> 2) Еще сохранившаяся где бы то ни было в Белоруссии власть немецких, польских и украинских оккупантов отныне считается упраздненной.
>
> 3) Отныне устанавливается в Белоруссии революционный порядок.

Заканчивался манифест ритуальными для того времени здравицами: «Да здравствует освобожденная трудовая Белоруссия! Да здравствует Советская Россия! Да здравствует Мировая рабочая революция!»*.

Уже 5 января 1919 года партийное и советское руководство ССРБ переехало в Минск. 7 января состоялось первое заседание Совнаркома. Попытки Жилуновича и нескольких большевиков-белорусов организовать работу по белорусизации советских органов натолкнулись на ожесточенное сопротивление группы Мясникова, обладавшей большинством в правительстве. Газету на белорусском языке они финансировать отказались. Все белорусские школы, открывшиеся за время немецкой оккупации Западной Белоруссии и в период существования БНР, советские органы закрыли. Снова обучение, как и при царизме, велось на русском языке.

Объясняется это тем фактом, что правительство ССРБ в подавляющем большинстве состояло из политических мигрантов, не просто чуждых, а враждебных интересам белорусского народа. Оно полностью подчинялось московскому партийному руководству. К тому же и белорусская компартия являлась всего лишь филиалом Российской компартии, а ее члены подчинялись ЦК РКП. Иными словами, в Белоруссии была установлена диктатура большевистской пар-

---

* Турук Ф. Белорусское движение. М., 1921, с. 131—132.

тии. Советы депутатов всех уровней стали послушными исполнителями решений центрального и местного партийного руководства.

16 января 1919 года в Москве состоялось заседание ЦК РКП(б), которое по предложению Ленина решило оставить в составе советской Белоруссии только две из пяти губерний Западной области — Минскую и Гродненскую. Три губернии — Витебская, Могилевская и Смоленская — передавались в состав РСФСР. Решение было принято единогласно.

Против этого выступила группа белорусов-большевиков в Совнаркоме ССРБ. Они заявили в письме в Москву, что такое решение «пагубно отразится на жизненных интересах белорусского пролетариата и крестьянства». Протестовал даже Мясников, терявший власть над огромной территорией. Он направил в Москву двух своих представителей, но там им быстро разъяснили необходимость такого «интернационального» решения. В Минск срочно приехал А.А. Иоффе, представитель ЦК РКП, а вслед за ним пришла телеграмма: «ЦК подтверждает свое прежнее постановление, высказанное тов. Иоффе».

Тогда в знак протеста против насильственного раздела территории Белоруссии ушли в отставку трое народных комиссаров ССРБ — по делам национальностей Фабиан Шантырь (1887–1920), иностранных дел Всеволод Фальский и нарком труда Язэп Дыла (1880–1973).

На 2 февраля 1919 года был назначен созыв 1-го Всебелорусского съезда советов «как верховного органа власти независимого государства». Он должен был юридически оформить создание советской республики в Белоруссии. Но, чтобы исключить возможные «сюрпризы», делегатов не выбирали представители рабочих, крестьян и красноармейцев на городских, уездных и губернских съездах, их просто назначили руководители соответствующих советов по спискам, предложенным партийными комитетами городов, уездов и губерний. Такой состав позволял большевистскому руководству Белоруссии единогласно принимать любые нужные ему решения.

На 1-й съезд советов Белоруссии прибыли 230 делегатов с решающим и 44 с совещательным голосом, в том числе делегаты от губерний, только что включенных в состав РСФСР. На съезде присутствовал председатель ВЦИК Я.М. Свердлов. Его задача заключалась в том, чтобы следить за выполнением местными партийно-советскими руководителями решений московского руководства. Съезд прошел в Минске, в городском театре, 2–3 февраля.

Все произошло по заранее подготовленному сценарию. Съезд завершил юридическое оформление Белоруссии как советской республики, являющейся противовесом Белорусской Народной Республики, созданной годом раньше. Поэтому «от имени трудового народа Белоруссии» делегаты съезда вновь объявили Раду БНР вне закона. Этот формальный акт, с одной стороны, исключал возможность исполнения властных функций представителями белорусского национального движения, а с другой — не мешал заключать временные соглашения с отдельными национальными деятелями и даже с партиями.

Съезд принял конституцию ССРБ, составленную в обычном демагогическом стиле. Так, статья 5 утверждала:

> «Белорусская республика есть свободное социалистическое общество всех трудящихся Белоруссии. Вся власть в пределах Социалистической Советской Республики Белоруссии принадлежит всему рабочему населению страны, объединенному в городских и сельских советах»*.

Как известно, ничего подобного на практике никогда не существовало. Власть во всех советских республиках принадлежала исключительно большевикам.

Свердлов огласил постановление ВЦИК РСФСР о признании независимости Белоруссии. Съезд тут же принял «Декларацию об установлении федеративной связи между ССРБ и РСФСР». Съезд указал и территорию ССРБ: Минская и Гродненская губернии, а также часть Виленской губернии. Витебскую, Смоленскую и Могилевскую губернии делегаты съезда по требованию московского руководства признали в составе РСФСР (Гомельской губернии тогда еще не было).

Провозгласив официально независимость Белоруссии, 1-й Всебелорусский съезд советов по предложению Свердлова тут же согласился на ее ликвидацию, приняв постановление об объединении республики с Литовской ССР. Формальными поводами были заявлены, во-первых, «необходимость обофоны от внешних врагов» (подразумевалась Польша), а во-вторых, «давнее совместное пребывание в составе единого государства» (ВКЛ).

Сторонники Мясникова «надлежащим образом» провели выборы состава ЦИК БССР. В него вошли 50 человек, в том числе 45 большевиков (90%), а также 2 бундовца, 2 члена еврейской социалистической партии «Поалей Цион» и 1 меньшевик. Ни один человек из группы белорусов-коммунистов в ЦИК не попал. 5 февраля ЦИК сформировал новый Совнарком ССРБ во главе все с тем же

* Турук Ф. Белорусское движение, с. 135.

Мясниковым. В нем были два национал-коммуниста — З. Чернушевич и И. Пузырев. Бывших народных комиссаров-белорусов Мясников на некоторое время отправил в тюрьму!

Фактически этот ЦИК и его президиум, вместе с Совнаркомом, представляли собой временную оккупационную администрацию РСФСР в Белоруссии. Она имела еще меньше реальной власти, чем правительство и Рада БНР при немцах в 1918 году.

Орган большевиков в Минске — газета «Звезда» поместила 3 февраля редакционную статью «К итогам съезда Советов Белоруссии». В ней было сказано:

> «Съезд подтвердил, что потуги белорусской националистической интеллигенции к созданию «своего» белорусского языка, «своей национальной культуры напрасны... Пусть примут это к сведению белорусские писатели».

Вот такими словами партийная газета зафиксировала победу группы Мясникова и его покровителей из Москвы над национал-коммунистами и над белорусским национальным движением.

СОЗДАНИЕ ЛИТОВСКО-БЕЛОРУССКОЙ ССР

Не успели люди привыкнуть к существованию ССРБ, как в Москве руководство партии большевиков решило объединить две советские республики — Литву и Белоруссию.

16 января 1919 года ЦК РКП(б) принял постановление об объединении Литовской ССР (провозглашенной 16 декабря 1918 г.) и ССРБ в единую Литовско-Белорусскую ССР.

Как отмечалось выше, основная цель создания Литовско-Белорусской ССР (Лит-Бел) заключалась в создании буферного псевдогосударства на западном направлении. По версии большевиков — с той целью, чтобы предотвратить войну между Польшей и Россией. По версии большинства современных исследователей — для использования в качестве плацдарма для «экспорта революции» на Запад, и в первую очередь — для завоевания и советизации Польши. Но формальным поводом к объединению послужил тот факт, что Литовская ССР реально занимала «слишком незначительную территорию».

Против создания новой республики выступила в Минске группа Мясникова, опасавшаяся потерять власть, и группа большевиков-белорусов, уже убедившихся в антинациональной политике Мясникова. Они справедливо опасались, что слабые основы белорусской советской государственности будут окончательно ликвидиро-

ваны. Кроме того, требовалось окончательно решить вопрос о восточных границах новой республики. Против передачи восточных губерний ССРБ в состав РСФСР по тем же причинам выступали как сторонники Мясникова, так и белорусские большевики (национал-коммунисты).

Для решения вопроса о границах в Москву отправились представители группы Мясникова Р. Пикель и И. Рейнгольд. Уже 31 января 1919 года на заседании Центрального бюро КП(б)Б они доложили о результатах поездки: «Свердлов сказал нам, что ЦК принял решение единогласно и другое решение невозможно». Речь шла о передаче в состав РСФСР Смоленской, Витебской и Могилевской губерний».

Ленин сказал посланцам из Минска, что республика буферная и вообще нужна постольку, поскольку граничит с Литвой, Польшей и Украиной. По вопросу о присоединении к РСФСР Смоленской, Витебской и Могилевской губерний он привел тот же аргумент. Ленин заявил, что так как эти губернии не граничат с другими странами, их можно исключить из состава республики*.

Лит-Бел создавалась в основном на белорусской территории, плюс к ним окраинные восточные уезды Литвы. Тем не менее, ее столицей объявили Вильню. Между тем, почти всей территорией Литвы управляло литовское национальное правительство из Ковно (Каунаса). Красная Армия не собиралась вторгаться в подконтрольные ему уезды, ибо в Литве все еще находилась германская оккупационная армия. А советская Россия вела жестокую войну с белыми армиями на востоке и на юге.

2 февраля 1919 года вопрос об объединении этих республик был рассмотрен на расширенном заседании Центрального бюро компартии Белоруссии в присутствии членов руководства компартии (большевиков) Литвы и представителей групп коммунистической рабочей партии Польши в России.

После этого оставалось только выполнить указания «центра». 3 февраля 1919 года I-й Всебелорусский съезд Советов в Минске принял декларацию об объединении Литвы и Белоруссии. 20 февраля резолюцию о создании Литовско-Белорусской ССР принял I-й съезд советов Литвы в Вильно. Наконец, 27 февраля на совместном заседании ЦИК обеих советских республик, избранных на соответствующих съездах советов Литвы и Белоруссии, было создано правительство (совет народных комиссаров) республики, получившей официальное название Социалистическая Советская Республика

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть II. Гомель, 1993, с. 138.

Литвы и Белоруссии (ССРЛ и Б), но повсеместно для краткости ее называли Лит-Бел. Столицей стал город Вильня.

Процесс объединения происходил по плану. 18–20 февраля 1919 года в Вильне прошел 1-й съезд советов Литовской ССР (фактически — только двух ее восточных уездов). 20 февраля он принял решение об объединении с Белоруссией.

Минские большевики действовали аналогично. 25 февраля состоялось заседание ЦИК ССРБ под председательством Мясникова. На нем было принято решение о слиянии ЦИК советов Литвы и Белоруссии и о том, что акт объединения состоится в Вильне. Уже 27 февраля здесь собрались на совместное заседание члены ЦИК советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов обеих республик. Было их 100 человек, по 50 от каждой республики (впечатлительное арифметическое равенство!). Так произошло и фактическое, и формальное объединение Литвы и Белоруссии.

Объединенный ЦИК избрал свой президиум во главе с польским коммунистом, участником ноябрьского переворота 1917 года в Петрограде Казимиром Циховским*. Был избран и Совнарком Лит-Бел (по тогдашней манере сокращать название, чтобы не загружать телеграф и документы лишними словами). Возглавил Совнарком литовский большевик Викентий Мицкевич (Капсукас), тоже участник ноябрьского переворота 1917 года. Этот Совнарком укомплектовали большевики из Литвы и Белоруссии, в том числе «минчане» (ранее «смоленцы») А. Мясников, В. Кнорин, С. Иванов, В. Яркин и другие. Правительство было интернациональным — поляки, русские, евреи, литовцы, латыши. Вот только белорусы в нем отсутствовали.

> ***Справка:*** Викентий Мицкевич, он же Винцас Мицкявичюс (1880–1935), псевдоним Капсукас. Из крестьянской семьи. В 1902–04 учился в Бернском университете. С 1903 член СДП Литвы. С июня 1917 — большевик, член Петроградского ВРК. С октября 1917 председатель Центрального бюро литовских секций РСДРП(б), с 21 (8) декабря 1917 комиссар Совнаркома РСФСР по литовским делам при Наркомнаце. Редактировал газету «Тиеса» (Правда), создавал литовскую партию большевиков, с декабря 1918 председатель ее ЦК. В 1920–21 вел подпольную работу в Вильне. С 1923 ответственный сотрудник аппарата Коминтерна, с 1928 член его исполкома. (*Ред.*)

В состав Лит-Бел вошли Виленская, Ковенская и Минская губернии, большая часть Гродненской (без Белостокского, Бельского

---

* Циховский позже участвовал в коммунистическом движении в Польше, был одним из организаторов интернациональных бригад в Испании в 1936–37 гг. Казнен в СССР в 1940 г.

и Сокольского уездов) и три четверти территории Сувалковской губернии (без Сувалковского и Августовского уездов). Площадь объединенной республики, по данным на 1 января 1914 года, составляла 207 тысяч кв. км (что равно территории нынешней Республики Беларусь). На этой территории до мировой войны жили 7,5 миллионов человек*.

Однако на деле почти вся территория Ковенской губернии и часть Сувалковской находилась под управлением национального правительства Литвы (резиденция в Ковно). Более того, там и в Гродненской губернии находились немецкие войска. Поэтому советская власть была установлена только в Белоруссии, а также на северо-восточной окраине Летувы. Фактическое население Лит-Бел исчислялось в 4 миллиона человек.

4–6 марта 1919 года в Вильне состоялся 2-й (объединительный) съезд компартий Литвы и Белоруссии. Он избрал ЦК КПЛиБ из 15 человек. Председателем президиума ЦК стал Викентий Мицкевич (Капсукас), секретарем — Вильгельм Кнорин (Кнориньш), большевик-латыш из Минска. Партийный съезд также избрал делегацию на предстоящий VIII съезд РКП(б) в Москве, поскольку компартия Литвы и Белоруссии являлась составной частью РКП(б). Следовательно, все руководители этой марионеточной республики, как прежде руководители ССРБ и ЛитССР, подчинялись «железной» партийной дисциплине и беспрекословно исполняли любые распоряжения большевистского руководства из Москвы.

Белнацком в марте 1919 года был ликвидирован.

В том же месяце от Лит-Бел были отторгнуты, без каких-либо консультаций с населением, и переданы в состав РСФСР Дисненский и Рогачевский уезды.

Западную армию с 13 марта 1919 года переименовали в Литовско-Белорусскую Красную Армию. В ней служили представители разных национальностей, вплоть до китайцев, однако большинство составляли русские.

В связи с началом военных действий между польскими и советскими войсками 24 марта был образован народный комиссариат по военным делам Литовско-Белорусской ССР во главе с Иосифом Уншлихтом, этническим поляком**.

Официально государственными языками Лит-Бел считались литовский, белорусский, русский, польский и еврейский. Однако вся правительственная и служебная документация велась только на русском языке. Пропагандистская литература (включая газеты) издава-

---

* История Литовской ССР. Вильнос, 1978, с. 321.

** Позже член РВС 16-й армии, член РВС Западного фронта, зам. наркома по военным и морским делам СССР. Казнен в 1938 г.

лась на русском, польском, литовском и еврейском языках. Кроме партии большевиков Литвы и Белоруссии, «право на жизнь» получили партии еврейского пролетариата — Бунд, «Поалей-Цион», Еврейский коммунистический союз. Все остальные политические партии власти Лит-Бел запретили.

На территории самой Белоруссии все белорусское, даже язык, считалось проявлением национализма, следовательно — контрреволюционным, и преследовалось. В Минске с февраля по июль 1919 года не было издано ни одной белорусской книги или брошюры, не выходили и газеты на белорусском языке.

Партийно-советское руководство Лит-Бел проводило ту же социальную и экономическую политику «военного коммунизма», что и в РСФСР. Городская буржуазия, состоявшая преимущественно из евреев и поляков, облагалась чрезвычайными налогами. Повседневным явлением стали конфискации имущества, аресты и казни представителей буржуазных слоев и интеллигенции. В городские советы избирали только рабочих и мелких ремесленников.

Все промышленные и торговые предприятия были национализированы. Промышленные и продовольственные товары распределялись среди рабочих и советских служащих по карточной системе. «Нетрудовой элемент» карточек не получал.

Помещичья земля была конфискована и национализирована. При этом на основе помещичьих хозяйств власти создавали госхозы и коммуны. Трудящиеся крестьяне землю не получили. Более того, к категории «зажиточных крестьян» в Лит-Бел отнесли всех, кто имел свыше 5 десятин земли (5,463 га). При выборах в советы крестьянских депутатов эти «кулаки» и «середняки» не имели права голоса, а они составляли около половины всех крестьян. Отряды продовольственно-реквизиционной армии систематически конфисковывали у крестьян сельхозпродукцию для снабжения партийно-советского аппарата, репрессивных органов, армии, городских «трудящихся» (рабочих и мелких ремесленников).

Отказ от наделения основной массы крестьян землей за счет помещиков, дискриминация «середняков» и «кулаков», прямое ограбление крестьянства в форме пресловутой «продразверстки» повсеместно вызвали резкое недовольство. Не удивительно, что в Лит-Бел произошел ряд крестьянских восстаний, в основном, на территории Минской губернии.

Основное содержание деятельности руководства Лит-Бел сводилось к «борьбе с контрреволюцией» (т.е. к массовому террору) и к подготовке к походу на Запад с целью «продвижения мировой революции». Поэтому вполне закономерно правящий режим Литовско-Белорусской ССР не пользовался поддержкой ни у белорусского, ни у литовского народов.

Глава 6

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ РСФСР В 1919 ГОДУ

СОЗДАНИЕ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Западный фронт российской армии начал разваливаться летом 1917 года в результате массового дезертирства солдатских масс. Окончательная ликвидация фронта произошла в феврале — марте 1918 года, когда немецкие и австрийские войска оккупировали всю Эстонию и Латвию, почти всю Литву и Белоруссию, значительную часть Украины. Немногочисленные «революционные части» бежали на восток. Хотя вскоре был заключен мирный договор, на демаркационной линии между российскими и германо-австрийскими вооруженными силами войск со стороны России фактически не было.

Старая армия по условиям Брестского мирного договора подлежала ликвидации. Большевики приступили к формированию новой, которую они назвали Рабоче-Крестьянской Красной Армией (РККА). Еще 28 (15) января 1918 года председатель Совнаркома РСФСР В.И. Ленин подписал декрет об ее организации, в тот же день была учреждена Всероссийская коллегия по формированию Красной Армии, которую 8 мая заменил Всероссийский главный штаб.

Вначале набор добровольцев в Красную Армию производили местные советы, не имевшие никакого опыта в этой сфере. Им мало чего удалось добиться. Так, из Нижнего Новгорода сообщили в Москву, что за 4–5 апреля в Красную Армию записались 174 человека. Из Воронежа донесли, что для формируемой там 1-й дивизии совсем нет командиров. В Царицыне (ныне Волгоград) встали под ружье всего лишь 375 человек*.

Но после того, как большевистское руководство весной 1919 года (на VIII съезде своей партии) провозгласило курс «на союз пролетариата со средним крестьянством», ситуация изменилась. Большевики дали, наконец, землю основной деревенской массе (Лит-Бел это решение не коснулось), и русские крестьяне пошли воевать за землю, которую, как пугали комиссары, хотят отобрать помещики, буржуи и интервенты. Даже в страшном сне мужики не могли представить, что всего через 10 лет землю у них отберут именно большевики!

Кроме того, с 29 июля 1919 года для всего военнообязанного населения РСФСР (т.е. для рабочих, ремесленников и крестьян) в возрасте от 18 до 40 лет была установлена всеобщая воинская повинность.

---

* Какурин Н.Е. Как сражалась революцию. Том 1. М., 1990. с. 131.

Для общего руководства вооруженными силами РСФСР 4 марта 1918 года был учрежден Высший военный совет в составе трех управлений: оперативного, организационного и военных путей сообщения. Этим советом руководил бывший генерал-лейтенант М.Д. Бонч-Бруевич, за которым присматривали два политкомиссара*. В том же марте Бонч-Бруевич создал для прикрытия демаркационной линии три отдельных отряда «завесы» — Северный, Западный и Южный.

Западный участок был сформирован 29 марта (военный руководитель — В.Н. Егорьев, бывший генерал-лейтенант). В его состав вошли Невельско-Великолукский, Витебский, Оршанский, Смоленский, Рославльский, Брянский и Курский отряды Красной Армии — всего до 20 тысяч человек. Штаб Западного участка отрядов завесы находился в Калуге. Вскоре, в связи с отправкой частей на Восточный и другие фронты численность войск Западного участка сократилась до 12 тысяч человек.

Директивой главнокомандующего РККА от 11 сентября 1918 года Западный участок отрядов завесы был преобразован в Западный район обороны. Сразу же после победы Ноябрьской революции в Германии Западный район преобразовали в Западную армию. Она получила приказ о занятии территории Белоруссии и продвижении в Литву, поскольку большевики претендовали на все территории бывшей Российской империи.

Западную армию образовали 3 стрелковые дивизии: Псковская, Западная и 17-я (бывшая Витебская). Командующим армией Троцкий назначил А.Е. Снесарева, бывшего генерал-лейтенанта*.

Справка: Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937) происходил из семьи священника Воронежской губернии. В 1888 окончил математический факультет МГУ. После этого поступил на военную службу, окончил пехотное училище и Академию Генштаба (в 1907). Служил в Туркестане, где занимался военно-географическим описанием Среднего Востока. Знал 14 языков. Выполняя задания русской разведки, совершал поездки в Индию, Афганистан, Тибет и Кашгарию.

С 1910 начальник штаба казачьей дивизии. В 1914–17 командовал на фронте полком, бригадой, дивизией, а с сентября 1917 — 9-м армейским корпусом. В 1919–21 начальник Академии Генштаба, в 1921–24 ректор Института востоковедения, в 1924–30 профессор Военно-воздушной и Военно-политической академий. В 1930–34

* Вместо ВВС большевики 15 (2) сентября 1918 года учредили Революционный военный совет Республики (РВС) во главе с народным комиссаром по военным и морским делам Л.Д. Троцким. Через два месяца был создан еще и Полевой штаб РВС в качестве исполнительного оперативного органа.

по ложному обвинению находился в заключении. Умер в Москве. Автор многих работ по военной географии и востоковедению. (*Ред.*)

К началу своего движения на запад вслед за уходящими немецкими войсками Западная армия двумя своими дивизиями (Псковской и 17-й) находилась на демаркационной линии. Армейский резерв составляли два полка в районе Великих Лук (из Псковской дивизии) и по одному полку в Смоленске и Орше (из 17-й дивизии). То есть, силы «красных» на этом участке были незначительны.

В таком составе Западная армия двинулась вперед, не предвидя боевых столкновений. Скорость ее продвижения определялась скоростью отхода немецких войск. В начале декабря 1918 года Реввоенсовет республики усилил эту армию Западной дивизией (4 полка). 9 декабря войска Западной армии заняли Двинск (Даугавпилс), а 10 декабря — Минск.

Минчан поразила процессия вступления в город первого отряда Красной Армии. Он выгрузился на станции и на санях ехал в казармы. При этом плохо одетые и обутые красноармейцы играли на гармошках. Привыкшие в былые времена к военным парадам с оркестром минские обыватели были крайне удивлены.

К 28 декабря Западная армия вышла на линию Якобштадт (Екабпилс) на Западной Двине — Ново-Александровск (Зарасай) — Ново-Свенцяны — Гадутишки — Сморгонь — Мир — Несвиж, оттуда до линии железной дороги Брест — Гомель*.

В связи с провозглашением Латвийской ССР, с 28 декабря 1918 года из Западной армии была выделена Северная группа, переименованная в Латвийскую армию и подчиненная Северному фронту. Вместо нее прибыла 8-я стрелковая дивизия, сформированная в Московской губернии.

На 1 января 1919 года состав Западной армии был таков:

1) Псковская дивизия (2473 штыка, 65 сабель, 78 пулеметов, 9 легких орудий, 8 аэропланов). Она располагалась на участке южнее линии Молодечно — Свенцяны (ныне Швенчёнис). В связи с созданием Литовской ССР ее с 21 января 1919 года переименовали в Литовскую армию.

2) Западная дивизия (5057 штыков, 15 пулеметов, 4 бомбомета). Она дислоцировалась в районе от Молодечно до Слуцка.

3) 17-я (бывшая Витебская) дивизия (7245 штыков, 164 сабли, 157 пулеметов, 20 легких орудий, 12 гаубиц, 3 бронепоезда, 4 бронеавтомобиля, 11 аэропланов). Эта дивизия занимала участок от Слуцка до Гомеля.

---

* Историко-стратегический очерк XVI-й армии (далее ИСО XVI). Могилев, 1921, с. 16.

4) 8-я дивизия (4430 штыков) являлась армейским резервом. Один ее полк находился в Орше, другой — в Могилеве.

Итого 19.205 штыков, 229 сабель, 250 пулеметов, 41 орудие, 4 бомбомета (миномета), 19 аэропланов, 4 бронеавтомобиля, 3 бронепоезда*. Вся Западная армия своей численностью и артиллерией уступала одной русской стрелковой дивизии штата 1914 года. Только пулеметов у нее было в 8 раз больше. Этих сил вполне хватало на то, чтобы без боя занимать территории, покидаемые немецкими войсками. Но для ведения крупномасштабных военных действий их было слишком мало.

13 января 1919 года высшее большевистское руководство приказало Западной армии выйти на линию Ковно — Олита — Гродно — Мосты — Слоним — Лунинец и закрепиться здесь. Продвигаясь в западном направлении, красные войска вошли в боевые столкновения с украинскими войсками на Полесье, где после упорного боя 25 января заняли Пинск. А через несколько дней «красные» столкнулись и с польскими отрядами.

К февралю войска Западной армии заняли значительную часть территории Белоруссии, но оказались в новой военно-политической ситуации. Именно поэтому 19 февраля пришлось создать Западный фронт в качестве оперативно-стратегического объединения Красной Армии на северо-западном и западном направлениях. Его управление (штаб) был создан на основе расформированного полевого штаба Северного фронта. Вначале штаб Западного фронта находился в Старой Руссе (Новгородская губерния), но вскоре его перевели в Смоленск.

Новым фронтом командовали опытные военоначальники, прошедшие школу мировой войны. С февраля по июль 1919 года — бывший генерал-лейтенант Д.Н. Надежный, а с июля 1919 до апреля 1920 года — бывший полковник В.М. Гиттис.

Справка: Дмитрий Николаевич Надежный (1873–1945) в 1901 окончил Академию Генштаба, участник русско-японской и мировой войн. В ноябре 1918 — феврале 1919 командовал Северным фронтом РСФСР, а затем Западным. В 1919 командовал 7-й армией, разбившей Северо-Западную армию генерала Н.Н. Юденича. В 1922–23 командир стрелкового корпуса, в 1924–25 начальник инспекции пехоты РККА. В 1926–41 преподаватель в военных академиях. С 1940 генерал-лейтенант РККА. С 1942 в отставке.

Владимир Михайлович Гиттис (1881–1937) родился в Петербурге, в мещанской семье. В 1902 окончил пехотное училище. Мировую войну завершил командиром пехотного полка. В 1918 командовал

* ИСО XVI, с. 16.

6-й и 8-й армиями, затем Южным и Западным фронтами. Осенью 1919 разбил войска Юденича в ходе контрнаступления 7-й и 15-й армий. С мая 1920 командующий Кавказским фронтом. Далее командовал военными округами. С 1930 уполномоченный Наркомвоенмора при наркомате торговли. Арестован органами НКВД и казнен. (Ред.)

Первоначально в состав Западного фронта входили три армии: 7-я, дислоцировавшаяся в районе Петрограда, Латвийская (с 7 июля 1919 года — 15-я) и Западная (с 13 марта — Белорусско-Литовская, с 9 июня — 16-я армия). Общая численность этих армий составила 81,5 тысячу штыков и сабель. Войска имели в общей сложности 677 орудий и 1940 пулеметов.

10 апреля 1919 года на Западном фронте была сформирована Эстляндская армия, которая находилась в его составе до 30 мая. Летом и осенью 1919 года командованию фронта подчинялась 12-я армия, части которой воевали в Украине. Далее находился Украинский фронт.

Войска Западного фронта действовали на огромном пространстве протяженностью свыше 2-х тысяч километров — против войск Финляндии, Эстонии и Латвии, против белой армии Юденича, а с начала 1919 года еще и против польских войск.

К началу 1919 года возрожденная Польша успела создать и продолжала непрерывно увеличивать свою регулярную армию. Она претендовала на присоединение восточных территорий, где компактно проживало польское население, которого тогда было намного больше, чем теперь. Но основным населением этих восточных территорий («крэсов») все же являлось белорусское и украинское.

Советская Россия, в свою очередь, считала территории Белоруссии и Украины своими. Более того, РСФСР претендовала и на польскую территорию, значительная часть которой раньше тоже входила в состав Российской империи. Правда, эти претензии маскировались лозунгом мировой революции.

Вледствие столкновения противоположных интересов сторон, территория Белоруссии уже в начале 1919 года стала ареной военного конфликта между вооруженными силами «красной» России и «белой» Польши.

При формировании Красной Армии на территории Беларуси специальные белорусские воинские части не создавались. Отметим попутно, что отдельные полки, имевшие территориальные названия по месту их формирования (Витебский, Минского совета и т.д.) к национальным частям не относились. Белорусы в Красной Армии воевали за Советскую Россию.

Мобилизованных рабочих и крестьян, а также «военных специалистов» (бывших офицеров) до середины 1919 года направляли главным образом на Восточный фронт против армий Колчака. Многие ранее сформированные пехотные и артиллерийские части тоже перебросили на Восточный фронт. Производились специальные мобилизации коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов.

Но из мобилизованных в 1919 году в западной части РСФСР, ССРБ, Латвийской и Литовской СР 300 тысяч человек только 60 тысяч направили на Западный фронт. Руководство партии большевиков и Коминтерна считало его своеобразным «коридором», через который можно будет распространить революцию на Восточную и Центральную Европу. А если получится, превратить ее в мировую революцию, по принципу «мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Но сначала требовалось разбить Колчака на востоке и Деникина на юге.

Как уже сказано выше, с 13 марта 1919 года Западную армию переименовали в Белорусско-Литовскую Красную Армию. Это была пустая формальность. Не только командный, но и рядовой состав остался прежним. А уже 24 апреля Ленин приказал заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Эфраиму Склянскому подготовить от имени ЦК РКП(б) директиву о военном единстве советских республик. Тот задание быстро выполнил, и 4 мая ЦК РКП(б) обсудил вопрос «О едином командовании над армиями как России, так и дружественных социалистических республик».

ЦК РКП(б) дал указание организациям большевиков Эстонии, Латвии, Лит-Бел и Украины как можно скорее одобрить проект директивы. Местные марионетки быстро выполнили это задание. 31 мая 1919 года совет обороны Литвы и Белоруссии высказался за объединение вооруженных сил. На следующий день (1 июня) был издан декрет ВЦИК «об объединении советских республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии для борьбы с вооруженной интервенцией»*.

В соответствии с декретом главнокомандующий РККА С.С. Каменев 9 июня издал приказ о переименовании Белорусско-Литовской Красной Армии в 16-ю армию. Ее командующим остался А.Е. Снесарев. Игра в национальные войска закончилась. Большевикам они больше не требовались.

Справка: Каменев Сергей Сергеевич (1881–1936) из семьи военного инженера. Окончил военное училище (1900) и Академию Генштаба (1907). В конце 1916 полковник, начальник оперативного управления 1-й армии. С января 1917 командир 30-го пехотного Пол-

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 179–180.

тавского полка, с сентября начальник штаба 17 корпуса, с ноября начштаба 3-й армии. В 1918 военный руководитель Невельского отряда завесы, начальник 17-й СД, пом. глав. руководителя Западной завесы. С сентября 1918 по июль 1919 — командующий Восточным фронтом. Далее по апрель 1924 главнокомандующий вооруженными силами РСФСР. Затем инспектор РККА, начальник ее штаба, главный инспектор, начальник главного управления (1924–27). С мая 1927 по июль 1934 — зам. наркома по военным и морским делам и председатель РВС СССР. С июля 1934 — начальник управления ПВО.

НАЧАЛО ВТОРЖЕНИЯ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК В БЕЛОРУССИЮ

Внешнеполитическая ситуация была благоприятной для Польши. Германия мировую войну проиграла и, хотя ее армия еще представляла значительную силу, она постепенно выводила свои войска на родину. А это позволяло польским войскам занимать западные районы Литвы и Белоруссии. Франция всячески поддерживала Польшу в ее стремлении на восток, так как оно вело к военному столкновению с большевистской Россией, что отвечало французским интересам. Несмотря на заявления правительства Франции о стремлении сохранить целостность и единство «белой» России, оно не препятствовало территориальной экспансии Польши в восточном направлении.

В то же время Польша действовала здесь изолированно, почти без связи с действиями других государств, в том числе вновь созданных, а иногда и вопреки интересам этих государств. Для стратегии большевиков данное обстоятельство являлось выигрышным. Так, летом 1919 года наиболее мощной антибольшевистской силой, с которой могла бы совместно действовать польская армия, являлась Добровольческо-Кубанско-Донская армия генерала А.И. Деникина. Но, опасаясь невыгодных для себя последствий восстановления «единой и неделимой» России в случае победы деникинцев, руководство Польши воздержалось от активного содействия им. Это помогло Красной Армии разгромить Деникина.

К началу 1919 года «красные» и польские войска уже противостояли друг другу. Правда, еще не из всех районов Белоруссии эвакуировались немецкие войска. Значительные силы их находились в Летуве (особенно в западной и центральной частях страны), в районе Гродно и Белостока. Немецкие войска оставались и в Гомеле, тогда входившем в состав УНР, а также в некоторых районах Полесья. Были в Полесье и украинские войска. В Летуве началось формирование

национальной армии. Кроме того, здесь и в западной Белоруссии существовали полуподпольные польские военные формирования, готовые выступить в удобный момент. Их центром являлась Вильня.

В такой сложной международной обстановке Красная Армия продвигалась к крупным западным городам края — Вильне и Гродно. А с запада шла польская армия, которая в начале 1919 года насчитывала на белорусском и украинском направлениях 11 дивизий. Собственно говоря, именно этот факт послужил поводом для создания Западного фронта.

Боевые столкновения Красной Армии с польскими частями начались уже в январе 1919 года. К тому времени линия продвижения «красных» проходила от Якобштадта (Екабпилса) на Западной Двине до Ново-Александровска (ныне Зарасай), далее через Свенцяны — местечко Годутишки — Сморгонь — местечко Мир — Несвиж — далее в 10 верстах севернее Лунинца и до Гомеля*.

Первые стычки с большевиками произошли в районе Вильни. За столицу края вели борьбу местные большевики и польские вооруженные отряды. При этом виленские большевики рассчитывали на помощь приближавшейся Красной Армии, а польские формирования — на помощь войск из Варшавы. Однако путь из Варшавы перекрывали немецкие войска в Гродно и Белостоке.

БОРЬБА ЗА ВИЛЬНЮ В НАЧАЛЕ ЯНВАРЯ 1919 г.

Город Вильня был центоом одноименной губернии и бывшего Северо-Западного края Российской империи. Как и все другие города Белоруссии и Летувы, он имел интернациональное население. По переписи населения Российской империи 1897 года в нем насчитывалось 154.532 человека. По национальному составу (признаком считался родной язык) 40% жителей Вильни составляли евреи, 30,1 — поляки, 20,9 — русские (в губернии всего лишь 4,9%). Белорусы составляли большинство в Виленской губернии (56,2% жителей), но в Вильне тогда были представлены слабо — 4,3% горожан. Литовцы в Вильне составляли только 2,1% жителей (в губернии 17,6%)**. В Виленском уезде (без самой Вильни) белорусы были на первом месте (87.349 чел.), на втором -- литовцы (69.894 чел.), на третьем — поляки (25.217 чел.), русские находились в меньшинстве (6936 чсл.) По религиозной принадлежности в Виленском уез-

* ИСО XVI, с. 16.

** Ширяев Е.Е. Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах. Минск, 1991, с. 75–76, 78, 88–89.

де (без Вильни) католиков было 180.687 чел., иудеев — 15.529 чел., православных 7824 чел.

К концу мировой войны национальный состав Вильни и Виленского уезда мало изменился. Только русских в городе стало еще меньше, так как перед отступлением российской армии осенью 1915 года русские чиновники и военнослужащие покинули город.

Столь пестрый состав населения стал причиной того, что в Вильне сосредоточились не только основные политические силы, но и национальные организации этого региона. Они вели борьбу между собой за обладанием этим важным центром.

Главной силой, обладавшей наибольшей активностью, являлись большевики. Красная Армия приближалась к Литве не только с востока, но и с севера. Как только был занят уездный город Ново-Александровск (Зарасай) на северо-востоке Литвы, было объявлено о создании Литовской ССР.

Еще до этого в Вильне в полулегальных условиях ЦК компартии Литвы и Западной Белоруссии (она возникла в начале октября 1918 г.) создал 8 декабря Временное революционное рабоче-крестьянское правительство во главе с Викентием Мицкевичем-Капсукасом.

В связи с предстоящей эвакуацией немецких войск Виленский совет рабочих депутатов, где большинство имели коммунисты и меньшевики-интернационалисты, после острых дебатов с оппозиционным Бундом, 15 декабря 1918 года принял резолюцию, в которой объявил себя единственной высшей властью в городе.

На следующий день (16 декабря) был опубликован манифест Временного революционного рабоче-крестьянского правительства о создании Литовской советской республики и о переходе всей власти в руки советов рабочих и крестьянской бедноты (малоземельных и безземельных крестьян).

Объявлялась национализация железных дорог, банков, фабрик, почты и телеграфа. Земля, принадлежавшая помещикам, церквям и богатым крестьянам («кулакам») вместе со всем инвентарем, транспортными средствами и скотом передавалась в собственность рабочих и крестьянских советов. Манифест призвал население вступать в ряды Красной Армии Литовской советской республики. Совнарком РСФСР декретом от 22 декабря 1918 года признал независимость Литовской ССР. После этого у него появилась «законное основание» для оказания «интернациональной помощи литовскому трудовому народу».

Таким образом, в декабре 1918 года на власть в Вильне претендовали четыре политические силы: немецкие оккупанты; Тариба Летувы и ее правительство; совет рабочих депутатов; Польский комитет. При этом меньше всего шансов на успех имела Тариба. Реально за

власть боролись местные коммунисты и Польский комитет. Последний располагал определенной военной силой, так как еще в 1917 году открыл школы военной подготовки: рекрутскую, подофицеров и подхорунжих. Кроме того, в подпольную Польскую военную организацию (ПОВ) вступили многие бывшие офицеры и солдаты 1-го Польского корпуса, а также бывшие российские военнослужащие польской национальности.

Польские деятели в Вильне ожидали прибытия подкреплений из Варшавы. Но как раз в это время отношения между Польшей и Германией сильно испортились. 27 декабря 1918 года в Великой Польше (западной части страны, принадлежавшей с 1815 года Пруссии) началось антинемецкое освободительное восстание. Поэтому немецкое военное командование в Белостоке и Гродно отказались пропустить польские эшелоны в Вильню.

Командующий «Самообороной Литвы и Белоруссии» генерал Владислав Вейтко готовил польские отряды к захвату власти в Вильно. 29 декабря 1918 года здесь собрался съезд представителей польского населения, который избрал Польский временный национальный совет. Этот совет должен был стать властью на территории Виленской губернии и соседних уездов. 30 декабря польские представители пытались договориться с литовскими. Но взаимные требования оказались противоположными: польская сторона предлагала Летуве федерацию с Польшей и признание Вильни польским городом, а литовская — требовала признания независимости Летувы без всякого союза с Польшей, а для Вильни статуса своей столицы. Они так и не договорились о совместной акции против большевиков*.

С целью установления более строгой дисциплины для своих отрядов накануне вооруженного столкновения с противником, генерал Вейтко приказом от 29 декабря 1918 года ликвидировал «Самооборону Литвы и Белоруссии», предложив ее членам «немедленно поступить на службу в Войско Польское в Вильне». Одновременно он объявил о создании военного округа «Литва и Белоруссия», определил вооруженные силы округа: уланский полк и четыре батальона пехоты**.

После неудачи в переговорах с Польшей правительство Тарибы, не видя перспектив взятия власти, 1 января 1919 года решило покинуть Вильню.

Предложение о переезде из Вильни в Гродно (по-литовски Гардинас) было отвергнуто, так как на поддержку литовского населения там рассчитывать не приходилось. В Гродно в 1909 году литовцы

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920. Warszawa, 1996, s. 30.

** Wejtko W. Samoobrona Litwy i Białorusi. Wilno, 1930, s. 69–80.

входили в группу «другие», а она составляла только 2,7% жителей города и 0,7% в целом по Гродненской губернии*.

Переезд в Гродно означал бы переезд в эмиграцию. Поэтому решили уехать в Ковно (Каунас). На рассвете 2 января 1919 года члены литовского правительства и Тарибы уехали из Вильни последним немецким эшелоном. Так из борьбы за власть в Вильне выбыли две политические силы. Остались местные большевики и польские националисты. В городе, правда, оставался отдел литовской военной комендатуры (с дюжиной солдат), и министр просвещения Миколас Биржишка, как уполномоченный литовского правительства, но они лишь наблюдали за ходом событий.

Поскольку немцы покидали город, генерал Вейтко, не ожидая помощи из Варшавы, решил действовать самостоятельно. Как уже сказано, он располагал уланским полком и четырьмя пехотными батальонами. 4-й батальон был сформирован в последние дни, в основном из гимназистов старших классов. Вооружение имелось только стрелковое, различных образцов. Единая униформа отсутствовала. Но была решимость взять власть и не допустить в город Красную Армию.

Первые стычки польских отрядов с передовыми подразделениями Западной армии произошли еще 1 января. «Красные» приближались к городу с севера, вдоль реки Вилии, и с юго-запада, вдоль шоссе Минск — Вильня. Первый бой оказался удачным для поляков. Противника они остановили, взяли пленных. В самом же городе эскадрон военной жандармерии во главе с хорунжим Станиславом Новицким приступил к ликвидации очагов обороны большевиков.

Главный пункт большевистских формирований в Вильне находился на Вороньей улице, в рабочем клубе. Там засели многие депутаты совета рабочих депутатов и 50 милиционеров. После 24-часового боя, когда кончились патроны, защитники клуба сдались. Пятеро членов совета, не пожелавшие сдаться, застрелились. В плен сдались 84 человека.

Более кровопролитный бой произошел 3 января между польскими отрядами и немецкими солдатами, которые хоть и ушли из центра города, еще удерживали часть Вильни западнее Завальной улицы. Обе стороны понесли потери. После этого боя в ночь с 3 на 4 января немецкие отряды окончательно покинули город. Вся Вильня перешла под контроль польских частей**.

3–4 января произошли бои с частями Красной Армии между станцией Новая Вилейка (в 10 км восточнее Вильни) и городом, а затем в восточных предместьях. У поляков было мало патронов.

---

* Eberhardt P. Przemiany narodowośсiowe na Białorusi, s. 46.

**Łossowski P. Konflikt polsko-litewski, s. 32–33.

5 января под вечер «красные» заняли гору Трех Крестов и начали оттуда обстреливать центр города. После этого генерал Вейтко решил увести свои войска из Вильни. До конца дня 5 января польские отряды покинули город. Так в Вильне установилась власть советов.

Польское командование подписало соглашение с немецким командованием о доставке поездом польских солдат и офицеров в Польшу — после сдачи оружия. По дороге немцы ограбили польских солдат и офицеров, но все же отвезли за демаркационную линию между немецкими (с востока) и польскими войсками — в местечко Лапы, за Белостоком. Далее эта часть солдат была доставлена в Острув Мазовецку, где формировалась Литовско-Белорусская дивизия Войска Польского.

Уланский полк с частью пехоты, под командованием майора Домбровского, не захотел сдать оружие и пробивался на юг, пополняясь по пути добровольцами. 9 февраля 1919 года он соединился в районе Бреста с наступавшей с запада польской дивизией.

Во время наступления на Вильню большевистское руководство РСФСР уже готовилось к дальнейшему походу в Европу. 3 января в Минске, занятом Красной Армии около месяца тому назад, был создан из поляков-большевиков Военно-революционный совет Польши во главе с Самуэлем Лазовертом. Ему предписывалось, ни много, ни мало, установить в Польше власть советов трудящихся. Однако план похода на Варшаву пришлось отложить на полтора года. Потом об этом совете уже никто и не вспоминал.

А пока, пребывая в эйфории от захвата части территории Латвии, восточной окраины Литвы и большей части Белоруссии командование Красной Армии приказало Западной армии перейти к выполнению плана операции «Висла». Ее целью являлось наступление до рубежа Вислы, а если обстановка позволит, то и оказание помощи коммунистической революции в Германии.

Как раз в те дни только что созданная германская компартия устроила мятеж против социал-демократического правительства Фридриха Эберта — Густава Носке*. Коммунисты попытались установить контроль над Берлином и некоторыми другими городами. Эти события дали повод к выступлению политических противников левых радикалов. После шести суток боев они 12 января 1919 года установили полный контроль над Берлином, а 15 января убили вождей немецких «левых» Карла Либкнехта и Розу Люксембург. Данное событие не отменило операцию «Висла» как таковую, но ее проведение оказалось невозможным вследствие наступления польских войск.

---

* Учредительный съезд КПГ состоялся 31 декабря 1918 — 1 января 1919 гг.

ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В БЕЛОРУССИИ
в феврале–апреле 1919 г.

Эвакуация германской армии с территорий Прибалтики, Белоруссии и Украины происходила планомерно, по-немецки аккуратно. С середины ноября 1918 до 10 февраля 1919 года немецкому правительству удалось эвакуировать 11 армейских корпусов со всем вооружением и снаряжением. В то же время, с согласия держав-победительниц, оно замедлило эвакуацию своих войск из Литвы, прикрывавших самую восточную провинцию страны — Восточную Пруссию. Поэтому немцы особенно долго удерживали крепости в Ковно и Гродно.

Со своей стороны, правительство РСФСР старалось избежать конфликта с Германией, чтобы его не использовали в своих интересах державы Антанты. Соответственно, продвижение Красной Армии на запад было осторожным. Но с войсками только что появившихся новых государств «красные» не церемонились.

К концу января 1919 года Западная армия заняла значительную территорию Белоруссии с городами Лида, Новогрудок, Барановичи, Волковыск, Слоним, Лунинец, Пинск, а в украинском Полесье — город Сарны.

Поскольку немецкие войска еще оставались в северной и западной частях Гродненской губернии (район Гродно — Белосток), перекрывая здесь польским войскам путь на восток, польские военные власти стремились поскорее договориться с местным немецким командованием об окончательной эвакуации немецких войск и пропуске польских войск. Однако немецкое командование согласовывало условия соглашения со своим правительством. Весь январь 1919 года шли переговоры.

Наконец, 5 февраля в Белостоке было подписано польско-германское военно-политическое соглашение. Основной его темой стали условия окончательного вывода немецких войск из Украины и Белоруссии. Соглашение предусматривало передачу немецкими войсками территории Гродненской губернии польским войскам. В тогдашнюю Гродненскую губернию входила территория современной Гродненской области Белоруссии, район вокруг Белостока и западная часть нынешней Брестской области.

После заключения соглашения началось продвижение польских войск на восток через еще контролируемую немецкими военными властями территорию в Гродненскую губернию. Таким образом, польским войскам неизбежно предстояло столкнуться с двигавшимися навстречу им частями Красной Армии.

5-й пункт немецко-польского соглашения разрешил с 7 февраля проход на восток 10 польских пехотных батальонов (до 800 человек в каждом), 2 эскадронов конницы и 2 батарей (по 4 орудия в каждой). Всего предполагалось единовременно пропустить через расположение немецких войск около 10 тысяч польских солдат и офицеров. Дата передачи всей территории польским войскам определена не была, но подразумевалось, что немцы покинут ее в течение 2–3 месяцев*.

9 февраля в Гродно было подписано новое соглашение между немецким и польским военным командованием о занятии польскими силами города Волковыска и его района, так как немецкие части оттуда выводились. По этому соглашению польские войска могли занять линию от Ружан до реки Неман и железную дорогу по станциям Гайновка — Зельва и Волковыск — Мосты. До 14 февраля польское командование создавало две групп войск для наступления на севере и юге Гродненской губернии.

Северной группой (в том числе Литовско-Белорусской дивизией) командовал генерал Вацлав Ивашкевич. С 14 февраля эта группа заняла линию от реки Неман южнее Гродно — далее местечко Скидель (30 км юго-восточнее Гродно и до города Пружаны (севернее Бреста). Южной группой командовал генерал Антони Листовский, она действовала в районе от Пружан до Бреста.

Наступление в восточном направлении велось по прямому указанию верховного командования Войска Польского. Так, для занятия Волковыска 11 февраля из местечка Лапы (западнее Белостока) вышел передовой отряд Литовско-Белорусской дивизии в составе эскадрона уланов, одной батареи и одного батальона Минского полка (всего до тысячи человек) во главе с командиром дивизии Ивашкевичем. 13 февраля этот отряд занял Волковыск, оставленный немцами. На следующий день из местечка Лапы сюда выехали остальные батальоны Минского полка. В следующие два дня Литовско-Белорусская дивизия без боя заняла железнодорожные станции Мосты, Волковыск и Зельва.

Первое боевое столкновение произошло возле местечка Мосты 14 февраля. Польские войска на этот участке подошли к Неману, а «красные» отступили.

Группа генерала А. Листовского после переговоров с немецким командованием 10 февраля заняла город и крепость Брест. Утром 12 февраля два уланских полка заняли Кобрин.

14 февраля войска этой группы заняли с боем город Береза-Картузская (ныне Береза). Капитан Петр Меницкий так описал этот бой:

---

* Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy, s. 173–174.

«14 февраля в 7 часов утра 57 солдат 5-й и 6-й пулеметных рот и 5 офицеров батальона под моим командованием взяли у большевиков город Картуз-Березу. Большевиков там было 180, из них 80 взято в плен»*.

В походе группы генерала А. Листовского участвовали подразделения, ранее сформированные на Виленщине, в том числе отряд братьев Владислава и Ежи Домбровских. В этот отряд входили полк Виленских уланов, Виленский и Гродненский пехотные батальоны. Вскоре их включили в состав Литовского-Белорусской дивизии. Одним из добровольцев отряда Домбровских был князь Эустахи Сапега, будущий министр иностранных дел Польши (в 1920–21 гг.), имение которого находилось в Западной Белоруссии.

Бои 14 февраля 1919 года в районе местечка Мосты на Немане и в Березе-Картузской стали первыми боевыми столкновениями (не считая стычек в Вильне в начале январе) польских войск и Красной Армии в необъявленной советско-польской войне.

Следует отметить, что эта война носила не только национальный характер (поляки против русских), но и классовый. Так, в Полесье на стороне польских войск воевала русская офицерская дружина, на стороне «красных» — Варшавский полк (в Западной дивизии), состоявший в основном из поляков, и «красные мазовецкие уланы», где поляков было большинство и среди командиров, и среди рядовых.

Продвижение польских войск на восток ускорило эвакуацию немецких войск из Гродненской губернии. Белосток был занят Литовско-Белорусской дивизией 19 февраля. Уход немецких войск из Гродно и Сокольского уезда произошел значительно позже, только 28 апреля.

Продвижение польских войск продолжалось во второй половине февраля и в марте. 26 февраля отряд майора Владислава Домбровского (500 штыков, 250 сабель) и приданный ему бронепоезд «Канев» выбил гарнизон «красных» из местечка Бытень (40 км южнее Слонима), где взял трофеи, в том числе склад патронов.

По мере наступления польских войск на восток положение войск Западного фронта осложнялось. Линия фронта была настолько растянута, что невозможно было полностью ее контролировать. Через свободные от войск участки проникали польские кавалерийские отряды и производили внезапные атаки.

---

* Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy, s. 144.

Кроме того, весной 1919 года Красная Армия направила основные силы на Восточный фронт для борьбы с армией А.В. Колчака. Поэтому на Западный фронт подкреплений прибывало недостаточно. В самой РСФСР и на территории Лит-Бел антикрестьянская политика «военного коммунизма» вызывала волнения среди мобилизованной в армию крестьянской молодежи и крестьянские восстания.

Такая ситуация облегчала наступление польских войск весной 1919 года. 3 марта Северная группа заняла местечко Скидель (35 км восточнее Гродно). Правда, «красные» иногда наносили контрудары. Так, в ночь с 1 на 2 марта польский гарнизон в местечке Бытень подвергся атаке отряда «красных» и временно покинул местечко. Но в 30 километрах севернее Бытеня части Литовско-Беларусской дивизии после семичасового боя заняли 3 марта важный пункт — уездный город Слоним. Через два дня войска «красных» ушли из Щучина (70 км восточнее Гродно). Тогда же части Литовско-Белорусской дивизии заняли Альбертин (10 км восточнее Слонима).

В период этого наступления передовые польские части получали подкрепления, а в Литовско-Белорусскую дивизию вступали добровольцы из местного населения.

Восточная политика Польши в то время не была единой. У главы государства и верховного главнокомандующего Пилсудского и его политических противников — партии национал-демократов во главе с Романом Дмовским — были разные планы. Национал-демократы предлагали присоединить к Польше на востоке те территории, где, по их мнению, непольское население (прежде всего белорусы) не составляли большинства, чтобы можно было затем это меньшинство ассимилировать.

Поэтому они предлагали восточную границу провести таким образом, чтобы Западную и Центральную Белоруссию включить в состав «новой» Речи Посполитой. Граница должна была проходить от Западной Двины, оставляя на польской стороне Двинск (Даугавпилс) и Полоцк, не доходя до Витебска, далее западнее Могилева и до Полесья (оставляя Минск, Слуцк и Бобруйск на польской стороне, а Мозырь на советской), и затем по Украине, включая Волынь*.

Федеративная же концепция Пилсудского предусматривала создание с помощью Польши союзных национальных государств — Литвы, Белоруссии и Украины. По его замыслу, такой союз мог успешно противостоять большевистской России.

Польские помещики, буржуа, интеллигенты на территории Белоруссии принадлежали и к национал-демократам, и к сторонникам

---

* Deruga A. Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy, s. 39.

Пилсудского. Они требовали присоединить к Польше целиком Гродненскую, Виленскую, Минскую, Витебскую и Могилевскую губернии, либо возродить на их территории Великое княжество Литовское. Так, еще в октябре 1918 года делегация польских землевладельцев в Белоруссии обратилась к начальнику штаба X-й немецкой армии генералу Эриху фон Фалькенхайну с памятной запиской. В ней они просили императора Вильгельма II, чтобы он помог создать Великое княжество Литовско-Белорусское во главе с местными польскими деятелями*.

Однако такую программу не поддержало ни правительство в Варшаве (Регентский совет), ни эмигрантский Национальный комитет в Париже, состоявший из национал-демократов.

После возрождения Польского государства в конце 1918 — начале 1919 года эндэки (национал-демократы) и политический лагерь Пилсудского начали дискуссию, чтобы сблизить свои позиции по вопросу о восточной границе. Но определение этой границы напрямую зависело от успехов польских войск и от реально занятой ими территории. Армия же, как известно, находилась в распоряжении начальника государства Пилсудского. В конце январе 1919 года ее численность достигла уже 100 тысяч человек.

Большое влияние на реализацию восточной политики Польши оказали результаты выборов в Учредительный сейм в январе 1919 года, которые закончились победой эндэков (после этого их партия приняла название Народно-национальный союз). Все фракции в сейме, за исключением левых (Польской социалистической партии и двух крестьянских — ПСЛ «Вызволене» и ПСЛ Левица) высказались в пользу аннексионистской программы Дмовского. Поэтому Пилсудский для реализации своего федералистского плана поспешил провести поход на Вильню. Он хотел поставить своих политических противников перед свершившимся фактом еще до прибытия армии Станислава Галлера из Франции, так как Галлер был сторонником эндэков**.

Операция по захвату Вильни в апреле 1919 года была названа литовско-белорусской. Ее целью являлось не только усиление позиций Пилсудского и его политического лагеря («бельведерского»), но и воздействие на решение вопроса о польских границах на Парижской мирной конференции, где вырабатывались условия мирных договоров с Германией и ее союзниками.

Пилсудский рассчитывал вытеснить части Красной Армии из района Вильни и не допустить туда литовские войска (правда, не-

---

* Woyniłłowicz E. Wspomnienia. 1847–1928. Wilno, 1931, s. 209.

** Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego. Warszawa, 1962, s. 125.

значительные). Литовское же правительство в Ковно (Каунасе) считало Вильню исторической столицей Литвы и рассчитывало на поддержку своих претензий западными державами. Поэтому в марте и апреле 1919 года литовские подразделения, сначала при поддержке еще остававшихся в Литве немецких войск, а потом и самостоятельно, вели бои местного значения на виленском направлении с частями Красной Армии, но без особого успеха.

С созданием Литовской ССР, а затем и Литовско-Белорусской ССР, Вильня стала не только столицей нового советского марионеточного государства, но и центром подготовки польских коммунистов к захвату власти в Польше после вторжения туда Красной Армии.

Еще в конце декабря 1918 — начале января 1919 года с целью координации агитационно-пропагандистской и организационной работы групп только что созданной коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) в России был образован ЦИК групп КРПП, куда входили С. Бобинский, Яков Долецкий (Фенигштейн), Феликс Дзержинский, Юлиан Лещинский, Самуэль Лазоверт, Иосиф Уншлихт и другие. Сначала этот ЦИК находился в Минске, а после образования в конце февраля 1919 года Лит-Бел переехал в Вильню, поближе к польской границе.

Одновременно И. Уншлихт был народным комиссаром по военным делам Лит-Бел, Я. Долецкий — членом коллегии этого наркомата и представителем ЦИК групп КРПП в ЦК компартии Литвы и Белоруссии. Польский коммунист К. Циховский был избран председателем, а И. Уншлихт и М. Козловский — членами ЦИК советов Литовско-Белорусской ССР.

Таким образом, взятие Вильни означало еще и ликвидацию польского коммунистического центра вблизи польской территории, что затрудняло в дальнейшем создание польского коммунистического правительства большевистским руководством России.

Успех Виленской операции имел и военное значение. Он расширял сферу деятельности польских войск, выходивших на широкий оперативный простор, и давал им возможность развивать наступление и по другим направлениям.

Пилсудский и генеральный штаб выбрали удачное время для начала литовско-белорусской операции, с учетом внутренних факторов в Польше. В сейме, как и положено, в середине апреля начались пасхальные каникулы, многие депутаты разъехались по домам и избирательным округам. Поэтому национал-демократическое большинство можно было поставить (оно и было поставлено) перед

свершившимся фактом освобождения Вильни от большевиков. Между тем, парламентское большинство считало, что первоочередной задачей армии являются военные действия в Восточной Галиции (Западной Украине). Пилсудский же рассчитывал на полную поддержку похода на Вильню польской частью населения Гродненской и Виленской губерний. И действительно, местные поляки всячески поддерживали и одобряли его.

Еще 10 марта Пилсудский назначил генерал-поручика Станислава Шептицкого командующим Литовско-Белорусским фронтом. Как раз в это время войска «красных» атаковали польский гарнизон в Слониме. Они пытались форсировать реку Щара, южный приток Немана, чтобы развивать наступление дальше на запад. В ночь с 10 на 11 марта «красные» ворвались в Слоним, но после боя на улицах города их выбили подразделения Литовско-Белорусской дивизии. Отбив атаку большевиков, поляки снова заняли местечко Альбертин. 15 марта польские части, продолжая наступление, дошли до линии Дятлово — Высоцк — Полонка (30 км восточнее Слонима).

План новой операции предусматривал нанесение сильного удара в центре фронта, на Лиду и Барановичи. Этот удар создавал угрозу войскам «красных» на минском направлении и в то же время позволял развить успех в направлении на Вильню.

Указанные направления прикрывала Западная армия учрежденного 19 февраля 1919 года Западного фронта. В связи с созданием Литовско-Белорусской ССР, приказом РВС РСФСР она с 13 марта была переименована в Белорусско-Литовскую армию. До 31 мая ею командовал А.Е. Снесарев. В Полесье (белорусском и украинском)) с июня действовала 12-я армия, вначале входившая в состав Западного фронта, позже переданная Южному фронту.

Лидско-Минское направление обороняла Западная стрелковая дивизия, в которой было много польских командиров и бойцов. Эта дивизия, сформированная в 1918 году в Московском военном округе на основе Красного полка революционной Варшавы, являлась интернациональной. В ней служили русские, белорусы, украинцы, литовцы, представители других национальностей. Но основную часть красноармейцев, командиров и комиссаров составляли поляки. Ее создали специально для будущего развертывания Польской Красной Армии. Полки дивизии имели польские названия: 1-й Варшавский (бывший Красный полк революционной Варшавы), 4-й Варшавский, Люблинский, Седлецкий, Варшавский гусарский, Мазовецкий уланский. В мае 1919 года части Западной дивизии пополнили минские большевики, мобилизовавшие на фронт около 350 человек — половину городской организации. В их числе были минские поляки и евреи.

17-я СД действовала южнее, на слуцком направлении. Основной удар польских войск пришелся на Западную дивизию. Именно она прикрывала район Лиды, куда прорывались польские войска, чтобы оттуда наступать и на Вильню, и на Минск.

Между Лидой и Вильней сплошной линии фронта не было, и это обстоятельство учитывало польское командование. Оно намеревалось, овладев Лидой, подготовить марш-бросок на Вильню по фактически незащищенной местности и с ходу занять столицу Лит-Бел. Одновременно предполагалось усилить натиск на войска «красных» на минском направлении и в Полесье.

Пытаясь изменить ситуацию в свою пользу, командование Белорусско-Литовской Красной армии нанесло упреждающий удар в центре Западного фронта. В ночь с 22 на 23 марта 1919 года части Западной дивизии атаковали польские войска в местечке Новоельня, на железнодорожной линии Лида — Барановичи, в 25 км юго-западнее Новогрудка. Уличный бой в Новоельне продолжался всю ночь, но атака не удалась. Красноармейцам пришлось отступить*.

2 апреля Пилсудский направил командованию Литовско-Белорусского фронта план наступления на Вильню. Он предложил командующему фронтом С. Шептицкому сконцентрировать в районе к северу от реки Неман, между Мостами и Лидой, кавалерийскую группу и провести рейд на Вильню через Радунь и Рудники. Одновременно другой группе войск было приказано наступать на Лиду.

В это же время партийно-советское руководство Лит-Бел в Вильне готовилось к отражению польского наступления. 8 апреля оно объявило республику на военном положении. Уже после начала наступления поляков (19 апреля) ЦИК и Совнарком Лит-Бел создали Совет обороны во главе с В.С. Мицкевичем-Капсукасом. В него вошли М.И. Калманович и И.С. Уншлихт. Но в связи с угрозой занятия Вильни польскими войсками Совет обороны и другие члены руководства Лит-Бел переехали 21 апреля в Двинск (Даугавпилс). Там они находились всего одную неделю и 28 апреля перебрались в Минск. А оттуда Совнарком и ряд республиканских наркоматов вскоре выехали в Бобруйск.

Главнокомандующий Пилсудский в ночь с 14 на 15 апреля прибыл со штабом в своем поезде на станцию Скжибовце на линии Волковыск — Лида (30 км юго-западнее Лиды). Отсюда он утром 15 апреля отдал приказ о начале наступления.

На рассвете 16 апреля польские войска перешли в наступление. В это время Пилсудский выехал автомобилем на реку Дитву (правый приток Немана), откуда началось наступление на Лиду. Здесь, в 12 км южнее Лиды, он лично наблюдал, как развивается наступле-

---

* Lukomski G., Polak B., Wrzosek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Tom 1. Koszalin, 1990, s. 65.

ние. Первая атака польских войск на Лиду не удалась. Поляки ворвались в город, но были отбиты. Новые попытки ворваться в Лиду снова закончились неудачей. С большими потерями польские части отступили. Сопротивление им оказали не только регулярные войска «красных», но и революционно настроенные местные жители, особенно еврейская беднота*. Утром следующего дня (17 апреля), после упорного боя, 2-я дивизия Легионов все же взяла Лиду.

А тем временем кавалерийская группа подполковника Владислава Белины-Пражмовского 19 апреля начала штурм Вильни. За ней шла пехота генерала Эдварда Рыдз-Смиглого. В Вильне находились три полка красной Литовской дивизии и инженерный батальон (всего до 3-х тысяч человек). Однако благодаря внезапности атаки польским кавалеристам удалось захватить вокзал и часть города. Бои разгорелись на улицах.

Местные железнодорожники заблокировали пути, чтобы не дать «красным» увести из Вильни железнодорожные составы. Они же поспешили на станцию Бенякони (ныне на границе Белоруссии с Литвой), встретили там пехоту 1-й дивизии легионов и повезли ее в Вильню. Вечером около 20 часов на виленский вокзал прибыл 3-й батальон 1-й дивизии легионов (около 1 тысячи человек), с ходу вступив в бой за город. Вскоре прибыли и другие части.

Бой за Вильню продолжался до 5 часов утра, затем красная пехота отступила. Таким образом, 20 апреля, в первый день католической Пасхи, город заняли польские войска. Пригороды и окрестности Вильни «красные» полностью покинули 21 апреля. В этот день, в 18 часов, поездом в Вильню приехал глава государства и верховный главнокомандующий Пилсудский, торжественно встреченный войсками и польской частью населения Вильни**.

Ухудшение военной обстановки на Западном фронте в условиях, когда армии Колчака вели успешное наступление на Восточном фронте, встревожило политическое руководство большевистской России. 24 апреля председатель Совнаркома В.И. Ленин направил заместителю председателя Реввоенсовета Республики Э.М. Склянскому записку следующего содержания:

> «Надо сегодня дать, за Вашей и моей подписью, свирепую телеграмму и главштабу и начзапу, что они обязуются развить максимальную энергию и быстроту во взятии Вильны»***.

---

* Łukomski G., Polak B., Wrzosek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920. Tom 1, s. 75–76.

** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski, s. 44–45.

*** В.И. Ленин. Полное собр. соч. Изд. 4. Том 36 (М., 1957), с. 465.

Действительно, они вдвоем послали «свирепую» директиву главнокомандующему С.С. Каменеву и реввоенсовету Западного фронта, с требованием в «кратчайший срок» возвратить Вильню. Но такие бумажные распоряжения можно объяснить лишь незнанием реальной обстановки на Западном фронте и привычкой верить в эффективность строгих распоряжений.

Одновременно большевики предприняли репрессивные меры на территории России и Белоруссии. Совнарком распорядился арестовать в качестве заложников в Москве 250 представителей польской буржуазии, а также весь персонал бывшего представительства Регентского совета в Москве, Петрограде и других городах*.

Советское правительство сообщило об этих репрессиях польскому правительству и прессе.

Захват Вильни стал не только военной победой, но и успехом восточной политики Пилсудского, поставившего перед свершившимся фактом своих противников в стране — национал-демократов. Именно в это время начала прибывать эшелонами из Франции через Германию польская армия генерала Юзефа Галлера, на поддержку которой рассчитывали эндэки. В ночь на 20 апреля первый эшелон этой армии пересек немецко-польскую границу.

Одновременно шло наступление на других участках фронта. Южная группа польских войск под командованием генерала Адама Мокжецкого 18 апреля с боем заняла Новогрудок, который упорно защищали части Западной стрелковой дивизии.

В тот же день польские войска атаковали железнодорожный узел Барановичи, который обороняли интернациональные части Красной Армии, в том числе батальоны китайцев и «революционные матросы». Барановичи взяла 19 апреля 3-я бригада Литовско-Белорусской дивизии.

В последней декаде апреля были заняты Олькеники (южнее Вильни), станции Ораны и Ландварово (возле Вильни), Старые Троки. 26 апреля польские войска после непродолжительного боя взяли город Вилейку. До 30 апреля на северном участке фронта польские войска продвинулись на 60–90 километров от Вильни до линии Солы — Ошмяны. В центре они дошли до местечка Синявка (в нынешнем Клецком районе Беларуси).

В конце апреля немецкие войска покинули Гродно. Теперь препятствий для коммуникаций в Западной Белоруссии для польского командования уже не было.

---

* Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Том 2. 1919–1920. М., 1990, с. 113.

В тот период как в Лит-Бел, так и в восточных губерниях Белоруссии, переданных в состав РСФСР — Витебской и Гомельской (ее создали 26 апреля 1919 года взамен Могилевской) внутреннее положение было неустойчивым. В марте 1919 года с большим трудом большевикам удалось подавить в Гомеле и Речице восстание голодных красноармейцев Тульской бригады, которыми руководил бывший полковник М. Стрекопытов. Повстанцы с боями отступили из Гомеля через Речицу и Василевичи, в районе Хойников перешли линию фронта и сдались украинским войскам. Ряд крестьянских восстаний прокатился по уездам Могилевской губернии весной: в апреле в Рогачеве и Кормянской волости, в мае — в Оршанском и Горецком уездах*.

В центре Белоруссии в конце марта — начале апреля произошло восстание в местечке Мир, которое повстанцы удерживали четыре дня. Затем сюда прибыл 3-й Минский полк ЧОН и подавил восстание. Восстание было и в Несвиже, где повстанцы продержались с 14 до 19 марта. Сюда прислали роту красноармейцев, которая вместе с отрядом местных большевиков смогла подавить восстание. Итогом всех восстаний стали жестокие расправы над их участниками**.

Разбитые отряды повстанцев уходили в леса, но не сдавались. Они ждали прихода польских войск, видя в них освободителей от власти большевиков. Крестьянские восстания показали слабость большевистского режима в Белоруссии.

НАСТУПЛЕНИЕ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК в мае — июле 1919 г.

В мае польское командование закрепляло успех виленской операции и продвигало линию фронта дальше на восток. Уже 8 мая Южная группа генерала Юзефа Лясоцкого достигла линии старых немецких окопов на участке Вишнево — Сморгонь — озеро Нарочь. На следующий день она заняла местечко Солы (западнее Сморгони), 10 мая — Сморгонь, через два дня Налибоки, 16 мая — Свенцяны.

И хотя в Украине успешно развивалось наступление Южного фронта Красной Армии, в Белоруссии польские войска продолжали двигаться вперед. В июне они закрепляли ранее занятые позиции.

---

* Пушкін І.А. Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20—30-я гады XX ст.). Магілёў, 2003, с. 9—18.

** Віцьбіч Ю. Антыбальшавіцкія паўстанні і партызанская барацьба на Беларусі. Смаленск, 2007, с. 38—47, 84—87, 91—99.

На минском и слуцком направлениях им удалось улучшить свои позиции для последующего наступления.

В связи с тем, что войска «красных» на Волыни в это время успешно продвигались вперед, польское наступление в Полесье задержалось. Только в конце мая поляки на этом участке фронта стали действовать активнее. 29 мая они с боем заняли Столин (55 км юго-восточнее Пинска), а 14 июня подразделения 3-го уланского полка после ожесточенного боя взяли Логишин (25 км севернее Пинска).

Линия польско-советского фронта окружала полукругом Вильню, начиная от демаркационной линии с Литвой и шла на юг восточнее Баранович и Пинска, где были поляки. В конце мая 1919 года польские войска на севере находились между Свенцянами и Браславом, далее фронт шел на юг до озера Нарочь — район Вилейки и затем до Немана в районе Любчи и Еремичей, далее западнее Несвижа — южнее Баранович, юго-восточнее Пинска, оттуда на Волынь.

В Белоруссии обе стороны в предыдущих боях понесли потери. По оценке командования РККА, по состоянию на 15 июня 1919 года на Западном фронте насчитывалось 36 тысяч бойцов и командиров. Войска противника оценивались около 96 тысяч человек. Учитывая такое соотношение сил, командование Западного фронта не исключало возможности сдачи Минска противнику. Но с этим не соглашалось местное руководство большевиков. ЦК компартии Литвы и Белоруссии, а также Совет обороны требовали от военного командования, чтобы войска Западного фронта отстояли Минск. Совет обороны Лит-Бел (якобы независимой республики!) в телеграмме председателю Совнаркома РСФСР докладывал 20 мая:

> «Принимая во внимание то, как это отразится на населении, учитывая политическое значение Минска, считаем недопустимым оставить город без обороны и принимаем меры обороны»*.

Одной из этих мер стала мобилизация коммунистов и комсомольцев Белоруссии (20% состава) на фронт. В свою очередь, Ленин в тот же день дал указание заместителю председателя Реввоенсовета РСФСР Склянскому принять экстренные меры.

За период относительного затишья на фронте войска польского Литовско-Белорусского фронта пополнились новыми полками и даже целой дивизией (8-й пехотной).

Как уже отмечалось, ухудшились взаимоотношения Польши и Литвы из-за спорных территорий. Дело шло к войне между ними.

---

* Гісторыя Беларускай ССР. Том 3, Мн., 1973, с. 162.

Не рассчитывая на победу вследствие большого неравенства сил, правительство Литвы обратилось к державам Антанты с просьбой о вмешательстве. Благодаря нажиму Франции и Англии войну удалось предотвратить. Пограничный спор рассмотрел «Совет Десяти» Парижской мирной конференции, в который входили представители великих держав.

Штаб главнокомандующего армиями союзников маршала Фердинанда Фоша разработал проект демаркационной линии между Польшей и Литвой. Этот проект был представлен Совету Десяти 18 июля 1919 года, а 26 июля — утвержден. Предложенная граница получила название «линия Фоша». Она оставляла за Литвой бывшую Сувалковскую губернию (кроме Августова и района к югу от этого города), а на севере проходила в 5 километрах западнее железной дороги Гродно — Вильня — Двинск. Но такой раздел спорной территории не удовлетворил обе стороны — ни литовскую, ни польскую. Польские подразделения зашли уже далеко на запад от линии Фоша, кое-где на 30—40 километров, и возвращаться назад не собирались. Поэтому польские власти не позволили установить данную линию на местности*.

Таким образом, война Польши с «советами» не снимала напряженности в ее отношениях с Литвой.

В Белоруссии польским войскам противостоял Западный фронт, протянувшийся от Карелии до Украины. На белорусской территории действовала Белорусско-Литовская (с 9 июня 16-я) армия. Командовал ею А.Е. Снесарев, затем его сменил Ф.К. Миронов, бывший войсковой старшина (казачий подполковник), ранее воевавший на Дону. Но пробыл он в этой должности недолго — с 14 мая до 21 июня 1919 г. Его вновь сменил А.Е. Снесарев (с 21 июня до 23 июля 1919 г.), затем месяц армией командовал В.П. Глаголев, бывший полковник. С 21 августа 1919 до 21 сентября 1920 года 16-й армией командовал Н.В. Соллогуб, тоже бывший полковник.

Чехарда с командующими объясняется неудачами 16-й армии. Почти всех бывших ее предводителей большевики казнили в годы массового террора — 1937 и 1938. Относительно «повезло» лишь последнему командующему 16-й армией (с 26 сентября 1920 до 25 апреля 1921 г.). Это был Александр Кук, бывший штабс-капитан. Он умер «естественной» смертью в 1932 году.

---

* Łukomski G., Polak B., Wrzosek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919—1920, s. 93.

К июлю польские войска сконцентрировались в направлении Вилейка — Молодечно — Минск. Командующий Литовско-Белорусским фронтом генерал С. Шептицкий, штаб которого находился в Лиде, приказал начать наступление 1 июля. Основной удар был направлен на железнодорожный узел Молодечно и далее — на Минск. Остальные удары имели вспомогательный характер. Но все они преследовали одну цель — выходу к важному водному рубежу, реке Березине, с овладением в ходе операции городами Минск, Борисов, Слуцк и Бобруйск.

1 июля началось наступление 1-й и 2-й дивизий Легионов на северном крыле польско-советского фронта. Легионеры взяли с боем Вилейку (20 км севернее Молодечно) и Куренец (10 км севернее Вилейки). Южная группа этого крыла войск 4 июля заняла Молодечно, далее Радошковичи и Кривичи. Одновременно эскадроны польской кавалерии, пройдя через Воложин и Першай, вышли на подступы к Минску со стороны Ракова.

На самом северном участке фронта поляки отбили контратаки войск «красных» у Свенцян, а также возле Першай. В середине июля были отбиты новые контратаки «красных», пытавшихся вернуть Молодечно и Вилейку.

В это же время шли бои и на юге, где с 7 июля вела наступление Полесская оперативная группа генерала А. Листовского. 10 июля польские части захватили железнодорожный узел Лунинец, затем местечко Лахву и дошли до реки Лань, левого притока Припяти. И здесь были отражены несколько контратак «красных»*.

В результате первой фазы наступления командование Литовско-Белорусского фронта добилось не только тактических успехов, но и стратегического. Оно получило в свое распоряжение северную ветвь Полесской железной дороги (Вильня — Лида — Барановичи — Лунинец). По этой рокадной линии польское командование в августе 1919 года быстро доставляло подкрепления и боеприпасы на те участки фронта, где происходили упорные бои.

26 июля польские войска, преодолев упорное сопротивление противника, вышли на линию Раков — Гирвеле — Дуброва (в 35 км западнее Минска). «Красные» отступили к Заславлю (30 км от Минска). Эти бои позволили польскому командованию улучшить позиции своих сил.

---

* Lukomski G., Polak B., Wrzosek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920, s. 97–100.

ВЫХОД ПОЛЬСКИХ ВОЙСК НА БЕРЕЗИНУ И ЗАПАДНУЮ ДВИНУ

Новое наступление польского Литовско-Белорусского фронта для завершения операции по выходу к Березине началось в конце июля. Ему предшествовали стычки войск на различных участках фронта, причем войска 16-й красной армии не раз первыми начинали атаки, стремясь связать силы противника. Но сорвать общее наступление польских войск им не удалось.

Основными задачами поляков во второй фазе операции являлись, во-первых, захват Минска (в Польше его называли Минск-Литовский) и, во-вторых, выход к Березине в районе Борисова.

Главный удар вдоль железнодорожной линии Молодечно — Минск наносило левое крыло польских войск: 2-я пехотная дивизия Легионов и группа Великопольской (Познаньской) дивизии. Этому наступлению пехоты сопутствовал рейд кавалерии на Смолевичи, восточнее Минска, далеко в тыл противника. Захватив Смолевичи, польские кавалеристы тем самым перерезали железнодорожную линию Смоленск — Орша — Борисов — Минск. В результате было прервано снабжение войск Западного фронта боеприпасами, прекратилась доставка подкреплений из Смоленска и Москвы.

Правое крыло ударной группы состояло из оперативной группы генерала Адама Мокжецкого, командира Литовско-Белорусской дивизии. Эта группа наносила удар из района Баранович по направлению Мир — Несвиж — Слуцк. На этом участке фронта 6 августа польская кавалерия захватила Несвиж. Другие части заняли Мир и Клецк. В тот же день в Полесье «красные» атаковали противника на Лунинецком направлении, восточнее Лахвы, но их атаки были отбиты. Тем не менее, и в последующие дни «красные» пытались здесь атаковать. Между левым (северным) и южным (правым) флангами польских войск наступала группа генерала Юзефа Лясоцкого. Она продвигалась вдоль железнодорожной линии Барановичи — Минск в направлении на местечко Койданов (юго-западнее Минска).

Еще одним важным участком наступления являлось Слуцкое направление. Сюда был направлен с юга отряд, специально выделенный Полесской оперативной группой*.

Одновременно происходило усиление войск за счет доставки подкреплений из Польши, а также наплыва местных добровольцев — как поляков, так и белорусов (среди жителей Белоруссии поляки, в отличие от большевиков, мобилизацию не проводили). Добровольцы-белорусы вступали в Литовско-Белорусскую дивизию, которая вскоре выросла до размеров армейского корпуса.

---

* Przybylski A. Wojna polska 1918–1921. Warszawa, 1930, s. 105.

Получив подкрепления, командующий Литовско-Беларусским фронтом генерал Станислав Шептицкий 28 июля возобновил наступление всего фронта.

По распоряжению Шептицкого, генерал Листовский выделил из своих сил подвижную группу во главе с полковником Стефаном Стшеменьским (бывшим ротмистром русской кавалерии). Эту группу образовали 3-й уланский полк, 1-й батальон 35-го пехотного полка и одна батарея 7-го полка полевой артиллерии. Группа получила задание пройти единственной дорогой, ведущей через болота от железнодорожной линии Барановичи — Лунинец до деревни Чудин на реке Лань и до местечка Вызна (ныне Красная Слобода), что в 30 километрах юго-западнее Слуцка. Тем самым подвижная группа оказывалась в 90 километрах за линией фронта, далеко в тылу «красных». А затем, во время общего наступления польских войск, ей предписывался выход на Слуцкое шоссе (часть трассы Москва — Варшава) и продвижение к Слуцку с тыла. В случае успеха, такой маневр неизбежно вынуждал части 8-й советской дивизии, оборонявшей Слуцк, отступить на восток, чтобы не попасть в окружение.

Уланский полк выступил из Кожан-Городка (восточнее Лунинца) 1 августа и на третий день похода дошел до Чудина (70 км), места сбора всей подвижной группы. Через реку Лань переправились с боем. Противник оставил местечко Вызна после того, как ему в тыл зашел 4-й эскадрон уланского полка*. Затем группа Стшеменьского разделилась на две подгруппы. Одна из них получила приказ наступать в западную сторону от Вызны — на Морочь и Заостровичи (на реке Лань), угрожая выходом на Слуцкое шоссе у деревни Грицевичи. Вторая же группа должна была идти к местечку Семежево на этом же шоссе, но в 20 км от первой группы. Тем самым создавалось впечатление, что с юга на Минск наступают значительные силы польских войск*.

5 августа полковник Стшеменьский отправил в северном направлении один эскадрон улан, который дошел до реки Случь в районе к югу от Слуцка. Здесь два взвода остались охранять переправу через реку возле деревни Огородники. Остальные взводы на рассвете 6 августа в нескольких местах повредили железнодорожный путь на участке Слуцк — Уречье. Более того, они заняли на некоторое время железнодорожную станцию Слуцк, что поначалу вызвало панику в слуцком гарнизоне. Однако для захвата города имевшихся сил дивизиона было совершенно недостаточно. А в это время из Бобруйска прибыл поезд с красноармейцами. Уланам, правда, удалось сжечь железнодорожный мост, но все же им пришлось отступить.

---

* Dobrzyński B. Zarys historii wojennej 3-go pułku ułanów. Warszawa, 1929, s. 21.

В это время полковник Стшеменьский получил приказ командования фронта ударить с тыла и флангов по частям 8-й красной дивизии, которые вели бой западнее Слуцка. Поэтому Стшеменьский собрал все свои силы в один кулак, оставив в покое станцию в Слуцке. Одна из его групп нанесла удар на Морочь и Заостровичи (южнее Слуцкого шоссе), вторая — на местечко Семежево (возле шоссе). Оба населенных пункта были взяты, а также установлена непосредственная связь с польской Литовско-Белорусской дивизией*.

Между тем, 3-я бригада Литовско-Белорусской дивизии (ею командовал полковник Александр Борущак) занимала участок от железнодорожной линии Барановичи — Столбцы в районе деревни Погорельцы (западнее Несвижа) и далее на юг до Слуцкого шоссе в районе местечка Синявка (ныне в Клецком районе). Бригада получила приказ атаковать Слуцк вместе с группой полковника Стшеменьского. Слева от 3-й бригады Борущака в направлении Мир — Столбцы наступала 2-я бригада Литовско-Белорусской дивизии под командованием генерала Франтишка Островского (бывшего полковника российской армии)**.

Действия на Слуцком направлении были направлены на то, чтобы противник отступил на восток. Тем самым исключалась помощь с их стороны защитникам Минска.

4 августа подразделения 3-й бригады Литовско-Белорусской дивизии (Минский и Виленский полки) пошли в наступление вдоль Слуцкого шоссе на восток от Синявки и севернее самого шоссе. Однако наступающие польские части встретили упорное сопротивление 8-й дивизии «красных». К концу дня, уже в сумерках, командованию 8-й дивизии удалось закрепиться на восточном берегу реки Лань.

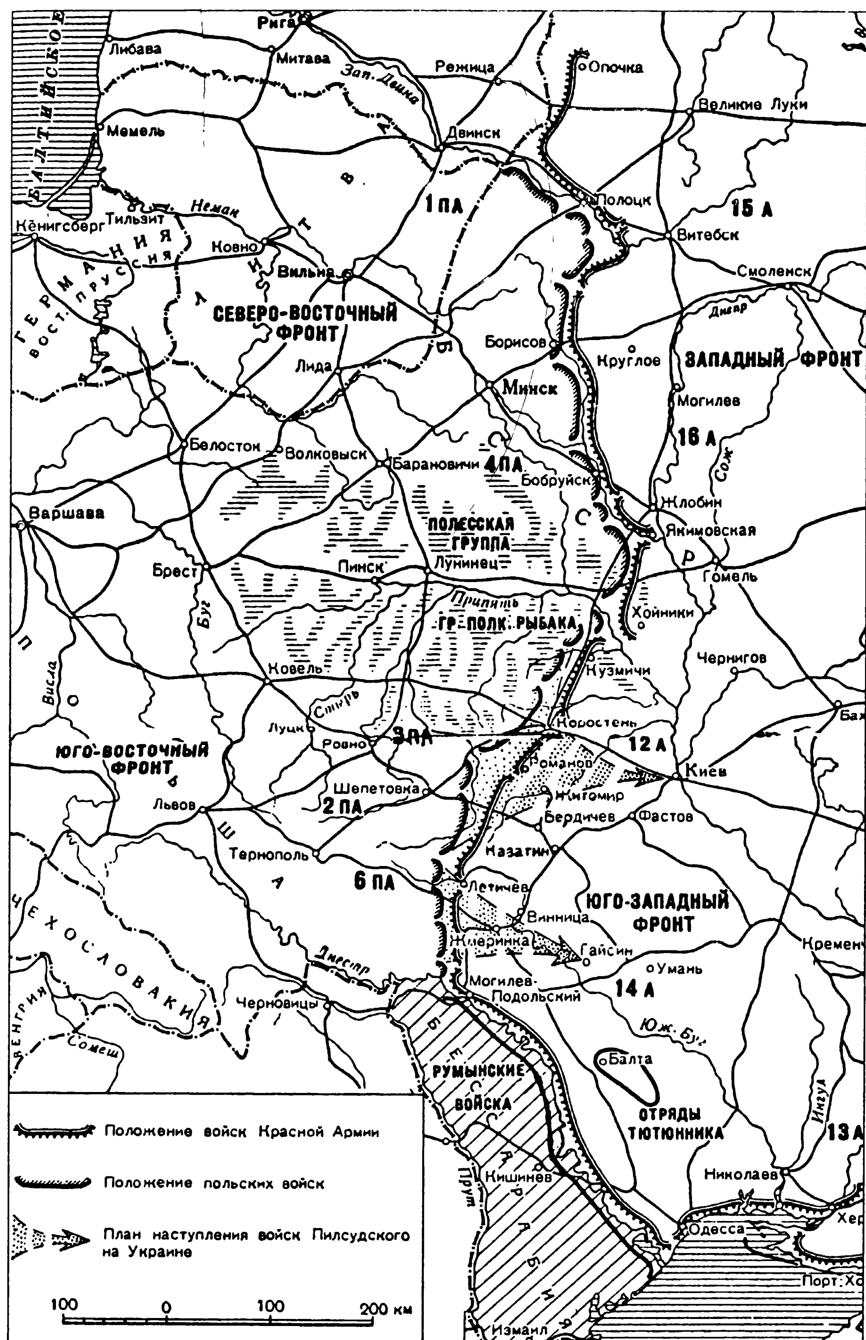
В тот же день один из батальонов 33-го пехотного полка, при поддержке батальона Виленского полка, начал наступать на подразделения 65-го стрелкового полка «красных», занимавшего позиции между Ляховичами и Клецком. Виленский полк двигался вдоль Слуцкого шоссе, а Минский полк на Несвиж. Однако Виленский полк не смог прорвать оборону «красных».

Только 6 августа Виленский полк и 1-й батальон 33-го полка вместе с 10-м уланским полком овладели Клецком, а Минский полк, отбросив противника, приблизился к Несвижу. В тот же день 10-й уланский полк, прорвавшись по тылам красных войск, захватил Несвиж. Позже в Несвиж вошел и Минский полк Литовско-Белорус-

---

* Dobrzyński B. Zarys historii wojennej 3-go pułku ułanów, s. 21.

** Słuck /Encyklopedja Wojskowa. Tom VII. Warszawa, 1939, s. 521.

Линия максимального продвижения польских войск к концу 1919 г.

ской дивизии. Подразделения 2-й бригады этой дивизии 6 августа заняли Мир. «Красные» отступили на восток.

В районе местечка Синявка польские части отбили атаки противника и сами перешли в наступление на Слуцк вдоль шоссе. А группа полковника Стшеменьского снова двинулась к Слуцку с юга. Частям 8-й СД, оборонявшим Слуцк, из-за угрозы окружения пришлось отступить. 10 августа, после двухчасового боя в самом городе, они ушли на восток, в сторону Бобруйска.

Виленский полк Литовско-Белорусской дивизии, пройдя через занятый уланами Слуцк, вступил в бой с неприятелем в районе Уречья и на реке Оресса.

Захват Слуцка позволил польскому комановованию развивать наступление на Бобруйск, важный стратегический центр на реке Березине. А это, в свою очередь, создавало угрозу окружения минской группировки 16-й армии. Общее положение этой армии значительно ухудшилось, так как польские войска быстро окружали ее фланги, тогда как центральный участок фронта армии был сильно выгнут в западном направлении. Такая конфигурация фронта и взятие Слуцка позволили польскому командованию осуществить наступление на Минск в благоприятных условиях.

Для захвата Минска были сконцентрированы значительные силы — 12 тысяч пехотинцев, 2 тысячи кавалеристов и 40 орудий. 8 августа польские войска пошли в наступление. Его вело левое крыло наступающей группировки силами 2-й пехотной дивизии Легионов и Великопольской группы. Эта группировка наносила удар с северо-востока, со стороны Логойска. Его обеспечивал с востока рейд польской кавалерии, которая, как уже сказано, заняла местечко Смолевичи (40 км восточнее Минска) на железной дороге Смоленск — Минск.

Одновременно велось наступление на Минск из района Заславля (20 км северо-западнее Минска), а также в центре фронта, на Койданов (ныне Дзержинск), вдоль железной дороги Барановичи — Минск.

После ожесточенных боев по всему периметру обороны, позиции «красных» были прорваны под Заславлем, что создало угрозу окружения правого фланга минской группы «красных». Одновременно из Налибокской пущи на Койданов наступала группа генерала Ю. Лясоцкого.

Видя угрозу окружения своих войск, командование 16-й армии решило покинуть Минск, дав на прощание бой в самом городе. Польские пехотные части вошли в Минск утром 8 августа 1919 года. Это были подразделения 2-й дивизии Легионов и 4-й Познаньской

дивизии. Стычки на городских улицах продолжался весь день, но к 19 часам польские войска полностью овладели городом. «Красные» отступили по направлениям на Борисов и Бобруйск.

Вслед за первыми атакующими частями 2-й дивизии Легионов для наблюдения за ходом боя в окрестности Минска на запыленном автомобиле приехал главнокомандующий Пилсудский.

Уже на следующий день после взятия Минска в город прибыл со своим штабом командующий Литовско-Белорусским фронтом генерал Станислав Шептицкий.

Потеря Минска ускорила отступление войск на других участках фронта 16-й красной армии. А поляки продолжали наступать. Уже 10 августа они заняли Койданов и Столбцы, 12 августа дошли до местечка Гайна (45 км севернее Минска), а на юго-восточном направлении до линии Смиловичи — Дукора (40 км от Минска). 14 августа польские войска вышли на Березину в районе местечка Жодино. На бобруйском направлении был занят уездный город Игумен (ныне Червень). После короткого боя польские войска заняли Пуховичи, приближаясь и здесь к Березине*.

Штаб 16-й армии сообщал, что после взятия Минска наступление польских войск продолжалось также на слуцком и лунинецком направлениях. При этом поляки широко применяли действия кавалерии и обходами вынуждали «красных» отступать. Наиболее сильный натиск противника имел место в направлениях на Борисов и Бобруйск. Войска 16-й армии стремились к Березине, надеясь занять оборону на этом значительном водном рубеже**.

16 августа польская кавалерия заняла Уречье (в 25 км восточнее Слуцка). Через два дня, после ожесточенных боев, польские войска заняли железнодорожную станцию Талька на линии Минск — Бобруйск, приблизившись к Осиповичам.

18 августа, преодолев упорное сопротивление «красных», польские части взяли предмостные укрепления Борисова на реке Березине (сам город Борисов поляки полностью заняли только 11 сентября, после форсирования Березины). Южнее Борисова они дошли до Березины 20 августа, заняв местечки Березино и Свислочь. 21 августа в результате ожесточенного боя были взяты Осиповичи.

Одновременно вела наступление и северная группа Литовско-Белорусского фронта (1-я дивизия Легионов во главе с генералом Эдвардом Рыдз-Смиглым). Здесь 17 августа были взяты Будслав (150 км северо-западнее Минска), Долгинов и Крайск (100 км севернее Минска). После ожесточенных пятидневных боев 24 августа было взято местечко Докшицы. На ближайшей железнодорожной

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 1, s. 260.

** ИСО XVI, с. 45.

станции поляки захватили 2 бронепоезда, 7 паровозов, 130 вагонов, 7 орудий, 20 пулеметов и много боеприпасов. Сдались в плен 40 командиров и 900 красноармейцев.

В тот же день польские войска взяли город Туров в Полесье*.

Большим успехом польских войск в летней кампании 1919 года явился захват после атаки польской пехоты в сопровождении танков (впервые примененных поляками в этой войне) города и крепости Бобруйск 28 августа.

На следующий день (29 августа) в Полесье польские войска вышли на линию Житковичи — Петриков. А 18 сентября был занят и сам Петриков.

В дальнейшем активные боевые действия происходили только на севере Белоруссии.

Пилсудский прекратил дальнейшее наступление на восток, не желая помогать «белой» армии генерала Деникина разбить Красную Армию и взять Москву. Он не желал победы белым генералам, заявлявшим, что после победы над большевиками они ликвидируют все независимые государства, возникшие на развалинах Российской империи. В лучшем случае «белые» признали бы независимость Польши, но без литовских, белорусских и украинских губерний. Между тем, армия Деникина 31 августа заняла Киев и приблизилась к расположению польских войск.

Поэтому в конечной фазе операции в Белоруссии польское верховное командование направило наступление на север, к границе с Латвией, чтобы занять важный город на Западной Двине Двинск (он же Динабург, он же Даугавпилс), находившийся под контролем большевиков. Подвижки на других участках фронта были незначительными, лишь с целью улучшения своих позиций.

Пользуясь относительным затишьем в центре и на юге Белоруссии, командование Западного фронта активизировало действия своих войск в северной части фронта. Там одновременно происходили атаки «красных» на одних участках, польских войск — на других. В начале сентября в нескольких местах польские войска вышли к Западной Двине уже на территории Латвии — в районе Двинска и Краславы.

Осенью польские войска продолжали теснить части 17-й СД на Полоцком направлении. 21 сентября они, прорвав оборону противника, вышли на реку Ушачь, левый приток Западной Двины, и заняли местечко Пышно (Лепельский уезд). На следующий день 8-я Мазовецкая дивизия подошла к Полоцку и заняла его южное предме-

---

* Łukomski G., Polak B., Wrzosek M. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920, Tom 1, s. 112–114.

стье, с левой стороны Западной Двины. Но форсировать реку поляки не пытались. Южнее Полоцка было занято местечко Ушачи.

29 сентября польские войска взяли город Лепель. После этого в районе Лепеля была сосредоточена группа польских войск для наступления в направлении Витебска. В нее вошли 16 тысяч пехотинцев, 2 тысячи кавалеристов, 50 орудий. На участке от Борисова до Полоцка им противостояли силы Красной Армии численностью 11 тысяч штыков, 350 сабель, 49 орудий. Они входили в состав левого фланга 15-й армии и правого фланга 16-й армии Западного фронта*.

Атаки 16-й армии и были предприняты для того, чтобы остановить дальнейшее наступление польских войск. Встречным ударом в районе Полоцк — Лепель командование 16-й армии надеялось оттеснить поляков за верховья реки Березины. Была поставлена задача овладеть районом от Пышно (15 км северо-западнее Лепеля) до Лепеля.

Однако завязавшиеся здесь бои сколько-нибудь линию фронта не изменили. Польское командование ввело в бой новые силы и остановило продвижение «красных». Но и польским войскам продвинуться дальше не удалось. После упорных боев в течение месяца и здесь к середине ноября 1919 года установилось затишье. Лишь 3 января 1920 года польским войскам (1-й и 3-й дивизиям Легионов) вместе с латвийской армией удалось отбить у 15-й советской армии город Двинск (Даугавпилс). Польский гарнизон остался в Двинской крепости, а сам город и его окрестности были переданы латвийским властям. На этом активные военные действия кампании 1919 года на советско-польском фронте закончились.

В конце года линия Западного фронта проходила по Западной Двине, далее в 40–50 км западнее Витебска, затем по Березине и немного восточнее Борисова и Бобруйска. Потом она поворачивала на юго-запад и шла от Глуска по реке Птичь до ее впадения в Припять, а там поворачивала на юго-запад к Новограду-Волынскому и Шепетовке, оставляя Мозырь и Ельск за «советами».

Как уже сказано выше, Пилсудский прекратил дальнейшее наступление польских войск в Белоруссии, не желая помогать Деникину и Колчаку победить большевиков. Он считал, что слабая РСФСР будет лучшим соседом для Польши, чем возрожденнная «белая» Россия.

Именно поэтому в Белоруссии польский фронт уже осенью 1919 года был установлен в основном по рекам Западная Двина и Березина. Лишь в Полесье впоследствии происходили подвижки, но это было связано с событиями в Украине, а также с обеспечением южного фланга Литовско-Белорусского фронта.

---

* Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Том 2. 1919–1920, с. 312.

Глава 7

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ В БЕЛОРУССИИ В 1919 ГОДУ

ЛИКВИДАЦИЯ ЛИТ-БЕЛ

В связи с неуклонным продвижением польских войск на восток, с 8 апреля 1919 года Лит-Бел была объявлена на военном положении, а с 11 апреля власти ввели в республике всеобщую трудовую повинность для лиц старше 18 лет, то есть, принудительный бесплатный труд на нужды государства.

Во время боев за Вильню 19 апреля был создан Совет Обороны Лит-Бел из пяти человек: Викентий Мицкевич-Капсукас (председатель), Иосиф Уншлихт, Казимир Циховский, Моисей Калманович, Вильгельм Кнорин. К совету перешла высшая военная и гражданская власть в республике. Фактически он стал органом военно-партийной диктатуры. 21 апреля правительственные учреждения Лит-Бел переехали в Двинск, а оттуда 28 апреля в Минск.

2 мая Совет обороны объявил всеобщую мобилизацию в армию, куда до того момента принимали только большевиков, комсомольцев и «сознательных» пролетариев.

Спасаясь от польского наступления, 19 мая Совнарком и часть наркоматов эвакуировались из Минска в Бобруйск, ставший на время последним убежищем властей Лит-Бел.

Тем временем большевистское руководство России, находившееся в отчаянном положении (напомним штамп коммунистической пропаганды — «советская республика в огненном кольце фронтов», относившийся именно к 1919 году), решило покончить с играми в независимость национальных окраин. 30 мая ЦК РКП(б) принял постановление о создании военно-политического союза всех советских республик.

Следует еще раз напомнить, что национальные компартии на территории бывшей Российской империи не были самостоятельными, они входили в состав Всероссийской партии большевиков. А иностранные компартии являлись секциями Всемирной коммунистической партии — Коминтерна. Соответственно, все их деятели неукоснительно выполняли постановления и указания ЦК РКП(б), подчиняясь «железной» партийной дисциплине.

Поэтому уже на следующий день, 31 мая, Совет Обороны Лит-Бел «поддержал» предложение ЦК. Он обратился к Всероссийскому ЦИК, отправив копию своего послания еще и в ЦК РКП(б):

«Совет Обороны Литвы и Белоруссии, как высший орган власти, получивший свои полномочия от ЦИК Советов Литвы и Белоруссии, предлагает установить всем Советским Республикам тесный военный союз с единым военным командованием и делением всех объединенных сил на армии по оперативным заданиям, а не по национально-государственному принципу.

Совет Обороны, считаясь с необходимостью срочного проведения этого принципа во имя более успешной борьбы с международным империализмом, просит в срочном порядке обсудить данное предложение в ЦИК и решение нам сообщить.

Совет Обороны: Мицкевич-Капсукас, Циховский, Уншлихт, Калманович, Кнорин»*.

Вот так большевики ввели обычай, сохранявшийся до конца существования СССР — преподносить политические реформы таким образом, будто бы их инициаторами выступают «товарищи с мест». Но никто никогда не сомневался в том, кто является подлинным автором судьбоносных решений.

Большевики очень спешили. Уже на следующий день, 1 июня, соответствующие делегации заключили в Москве договор о военно-политическом союзе между Россией, Украиной, Латвией, Литвой, Белоруссией и Крымом. В тот же день ВЦИК РСФСР издал декрет о военно-политическом союзе этих республик. Его мотивировка была выдержана в духе примитивной пропаганды:

«Советские Социалистические Республики, созданные трудящимися массами на территории России, Украины, Латвии, Литвы и Белоруссии, неоднократно и во всеуслышание заявляли о своей готовности вступить в мирные переговоры с целью прекратить навязанную им войну. ... все силы монархической и капиталистической контрреволюции, мировой капитал стремятся общим наступлением на всех фронтах задушить власть рабочих и крестьян... Военный союз всех упомянутых Советских Социалистических Республик должен быть первым ответом на наступление общих врагов.

Поэтому, стоя вполне на почве признания независимости, свободы и самоопределения трудящихся масс Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма..., Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет Советов признает необходимым провести тесное объединение: 1) военной организации и военного командования, 2) Советов Народного Хозяйства, 3) железнодорожного управления и хозяйства; 4) финансов и 5) Комиссариатов Труда Советских Социалистических Республик России, Украины, Латвии, Литвы, Белоруссии и Крыма, с тем чтобы руководство указанными отраслями народной жизни было сосредоточено в руках единых Коллегий.

---

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 179.

Объединение должно быть проведено путем соглашения с Центральными Исполнительными Комитетами и Советами Народных Комиссаров указанных Советских Республик»*.

Подписали декрет председатель ВЦИК М.И. Калинин и секретарь ВЦИК Л.П. Серебряков.

Таким образом, с этого момента не только фактически, но и формально, под юрисдикцию властей РСФСР (Совнаркома и ВЦИК) перешли основные государственные отрасли якобы независимых, но фактически марионеточных республик.

В связи с декретом ВЦИК вооруженные силы якобы самостоятельных республик утратили свои национальные названия и снова стали обычными соединениями Красной Армий РСФСР. Так, Белорусско-Литовская армия приказом Реввоенсовета РСФСР от 7 июня 1919 года была переименована в 16-ю армию Западного фронта. Интернациональная Западная дивизия стала 52-й стрелковой дивизией. Понятно, что смена названия абсолютно ничего не изменила в положении командиров, комиссаров и рядовых бойцов этой армии. И раньше все приказы поступали из Москвы, и раньше служебное общение, а также делопроизводство осуществлялось только на русском языке.

Поскольку польские войска к середине июля 1919 года заняли три четверти территории Лит-Бел, постольку ее существование утратило смысл. 14 июля ЦК РКП(б) принял решение о ликвидации Совета Обороны и Совнаркома Лит-Бел, однако с сохранением ЦИК советов. А через три дня наркоматы переименовали в отделы Минского губернского ВРК.

Дальнейшая судьба этого органа была прямо связана с ходом военных действий. 8 августа пал Минск. 26 августа литовские национальные войска заняли Зарасай, последний литовский город, где еще сохранялась власть советов. Польские войска захватили города Слуцк, Игумен (Червень), Борисов, Бобруйск.

В августе 1920 года Литовско-Белорусская ССР полностью прекратила свое существование. Никакого законодательного акта по этому поводу принято не было. ЦК компартии Литвы и Белоруссии своего названия не сменил и переехал в Смоленск, где находился штаб Западного фронта. Таким образом, Литовско-Белорусскую республику и создали, и ликвидировали решениями руководства большевистской партии и правительства РСФСР.

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 179–180.

Совнарком РСФСР после ликвидации Лит-Бел считал территорию Белоруссии только российской, а не какой-нибудь иной. Об этом свидетельствуют многочисленные штампы и печати ревкомов на документах, подготовленные штабом Западного фронта в Смоленске перед наступлением в 1920 году. Ревкомы заранее назначались командованием Западного фронта и являлись временными (невыборными) органами власти после занятия Красной Армией белорусских территорий. Все их штампы и печати изготовлялись только на русском языке, например, «Борисовский ревком Минской губернии РСФСР», «Новогрудский ревком Минской губернии РСФСР», «Слуцкий ревком Минской губернии РСФСР» и т.д.

Утверждения советских и ряда постсоветских историков о том, что Литовско-Белорусская ССР продолжала существовать и в 1920 году, не имеют документальных подтверждений. Напротив, все известные документы свидетельствует об обратном.

ПОЛОЖЕНИЕ В ВОСТОЧНЫХ РАЙОНАХ БЕЛОРУССИИ

Восточная часть бывшей ССРБ (Витебская, Могилевская и Смоленская губернии) в феврале 1919 года оказалась в составе РСФСР. В том же году российские власти ликвидировали Могилевскую губернию, существовавшую с 1772 года. Девять ее уездов вошли в новую Гомельскую губернию. Ранее Гомель был уездным центром Могилевской губернии, а теперь уже Могилев превратился в уездный центр. Мстиславльский уезд Могилевской губернии (самый восточный), был передан в Смоленскую губернию, тогда как самый северный уезд — Сенненский — в Витебскую губернию.

Гомельскую губернию, формально созданную еще 26 апреля, но утвержденную наркоматом внутренних дел РСФСР только 11 июля, образовали 9 уездов бывшей Могилевской губернии (Быховский, Гомельский, Горецкий, Климовичский, Могилевский, Оршанский, Рогачевский, Чаусский, Чериковский), а также Речицкий уезд Минской губернии.

Кроме того, в Гомельскую губернию вошли Мглинский, Новозыбковский, Стародубский и Суражский уезды Черниговской губернии. В этих уездах в подавляющем большинстве проживало тогда еще не обрусевшее белорусское население (согласно дореволюционному «Энциклопедическому словарю Брокгауза и Ефрона»), что и обусловило передачу их Гомельской губернии. Наконец, с 29 августа 1919 до 10 августа 1920 года в Гомельской губернии числился Мозырский уезд, а также части Борисовского, Игуменского и Бобруйского уездов Минской губернии, свободные от польских войск.

На этой территории бывшей ССРБ (бывшей Западной области, бывшей БНР) в 1919–20 гг. проводились те же социально-экономические преобразования, что и по всей России. В сельской местности были конфискованы помещичьи земли, на их основе создали совхозы. В деревнях во второй половине 1918 г. существовали комитеты бедноты, служившие социальной опорой советской власти.

В связи с хозяйственной разрухой и нехваткой продуктов питания в городах, большевики ввели политику так называемого «военного коммунизма». Она практиковалась в РСФСР с лета 1918 до лета 1919 года. В рамках этой политики Совнарком ввел продразверстку — конфискацию у крестьян сельскохозяйственной продукции. Продразверстка реализовывалась путем систематической отправки из городов в деревни вооруженных отрядов, которые силой отбирали у крестьян зерно и другие продукты питания, беспощадно расправляясь со всеми, кто пытался сопротивляться грабежу.

В период «военного коммунизма» была национализирована не только средняя, но даже мелкая промышленность, включая ремесленные мастерские. Была запрещена свободная торговля, вследствие чего широко распространился натуральный обмен. Продукты питания и предметы массового потребления распределялись по карточкам среди «трудового элемента» — партийных работников, сотрудников репрессивных органов (ВЧК, милиции, ЧОН), служащих советских учреждений, рабочих. «Нетрудовой элемент» добывал себе пропитание кто как мог.

Поскольку территория Белоруссии в 1918–20 гг. являлась прифронтовой зоной, политика «военного коммунизма» в ее восточных районах проводилась с особой жесткостью. Совет Рабоче-Крестьянской Обороны РСФСР постановлением от 19 ноября 1919 года ввел три государственные повинности: 1) натуральную дровяную повинность; 2) трудовую повинность по заготовке, погрузке и выгрузке топлива; 3) гужевую повинность для доставки топлива, продовольствия, военных и других государственных грузов в города, воинские части, к железнодорожным станциям и к пристаням*. Люди, привлекавшиеся к выполнению этих повинностей, не получали за свой труд ни оплаты, ни питания. Но отказ от исполнения повинностей квалифицировался как саботаж и карался смертной казнью!

Политика «военного коммунизма» сопровождалась массовыми призывами молодых людей в Красную Армию (в основном из деревни) и отправкой их на отдаленные от Белоруссии фронты.

В сентябре 1918 года большевики официально ввели на всех подконтрольных им территориях политику «красного террора». С этого момента массовые казни стали повседневным явлением.

---

* Гісторыя Беларускай ССР. Том 3. Мінск, 1973, с. 199.

Меры военно-приказной системы, отмена экономических стимулов труда, жесткая регламентация всех сторон жизни вызвали резкое недовольство различных слоев населения. Тем более, что на местах политика «военного коммунизма» проводилась в жизнь путем оголтелого насилия, грубого самоуправства со стороны советов, ревкомов, комбедов, продотрядов, комиссаров и прочего начальства. Все это вызывало сопротивление в разных формах.

В восточной части Белоруссии происходили антибольшевистские восстания крестьян, которые большевики объявляли кулацкими мятежами и подавляли с особой жестокостью. Но масштабной гражданской войны в Белоруссии не было, так как всю ее территорию оккупировали иностранные войска — польские, российские, украинские, литовские. При этом одна часть белорусов сражалась в рядах Красной Армии, другая часть — в Войске Польском, третья — в отрядах полевых командиров самой разной политической ориентации.

ПОЛЬСКАЯ ОККУПАЦИЯ

Как только весной — летом 1919 года польские войска оккупировали преобладающую часть территории Лит-Бел, власть в этих землях перешла к польской администрации.

Приехав в Вильню после вступления в город польских войск, Пилсудский 22 апреля 1919 года издал воззвание «Жителям бывшего Великого Княжества Литовского». В нем он заверял жителей Белоруссии, что «войско польское несет вам всем вольность и свободу». Решение «национальных и религиозных» проблем будет таким, «как вы сами того пожелаете, без какого-либо насилия и нажима со стороны Польши». Поэтому на территории бывшего ВКЛ вводится не военное, а гражданское управление — Генеральный комиссариат Восточных Земель.

Этот комиссариат подготовит свободные всеобщие выборы на основе тайного и прямого голосования, «без различия пола». Пилсудский обещал учитывать нужды всех групп населения, вне зависимости от их национальной и религиозной принадлежности. Жители Литвы и Белоруссии в будущем, после прекращения военных действий, сами определят судьбу своей территории*.

Комиссариат возглавил Ежи Осмоловский, поляк из Могилевской губернии, убежденный сторонник Пилсудского. Резиденция Осмоловского находилась в Вильне. Многие его сотрудники тоже происходили из белорусской шляхты. Разумеется, комиссариат дей-

---

* Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Tom V. Warszawa, 1937, s. 75–76.

ствовал согласованно с военным командованием Литовско-Белорусского фронта.

Территория Белоруссии и Полесья была разделена на четыре округа, которые не совпадали с границами бывших российских губерний — Виленский, Минский, Брестский и Волынский. В два последних вошло белорусское Полесье, но большую их часть составила украинская территория. Несколько позже были созданы представительные органы — окружные и поветовые съезды представителей от населения и некоторых общественных организаций, лояльных польским властям. Все прежние органы самоуправления, в том числе крестьянские советы, польские власти распустили.

Каждый округ делился на поветы (уезды), во главе со старостами, назначенными генеральным комиссариатом. Старостой Минского округа стал известный польский деятель, уроженец Минска Владислав Рачкевич, он же — председатель общественного Комитета Обороны Крэсов. Старосты округов имели помощников по гражданским и по военным делам. Округи делились на поветы (уезды), а поветы (ими руководили поветовые старосты) — на гмины (волости) во главе с войтами. В деревнях были назначены солтысы (сельские старосты). В городах комиссариат создал временные самоуправления из назначенных им лиц.

Польские власти старались подбирать на административные должности поляков — местных уроженцев, хорошо знающих белорусский язык и здешние условия. Тем не менее, новая административная система была явно рассчитана на установление польского управления Белоруссией.

В своем Виленском обращении Пилсудский поставил следующие задачи перед Генеральным комиссариатом:

> «1. Облегчение населению возможности высказываться о судьбе и нуждах через своих представителей, выбранных на основе тайного, всеобщего и непосредственного голосования, без различия пола.
>
> 2. Оказание помощи нуждающимся в продовольствии, поддержка труда на производстве, обеспечение порядка и спокойствия.
>
> 3. Оказание опеки всем, без различия их религии и национальности*.

Как видим, Пилсудский в то время следовал своей программе создания федерации союзных с Польшей республик, что и нашло отражение в его воззвании. Однако этот документ критически оценили политические противники начальника государства в Польше, и враждебно встретило литовское правительство в Ковно. Часть белорусских национальных деятелей, наоборот, восприняла воззва-

---

* Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Tom V, s. 75–76.

ние положительно, увидев в нем надежду на возрождение белорусской государственности.

4 мая 1919 года Пилсудский отправил письмо в Париж, премьер-министру И. Падеревскому, возглавлявшему делегацию Польши на мирной конференции. В нем он писал о политических противниках своего федеративного плана — польских национал-демократах (эндэках) и литовских политиках в Каунасе:

> «Теперь о литовцах. Они подражают нашим эндэкам в отношении к белорусам. Как одни, опираясь на Антанту, хотят спокойно поделить белорусов на две части, отдавая их огромное большинство России, так и литовцы, опираясь на немцев, имеют точно такой же план. Это значит, что создали себе концепцию, которой теперь упорно придерживаются, что все Ковенское, Гродненское, Виленское (воеводства. — *А.Г.*) и часть Минщины, а вдобавок и все Сувалковское, вероятно с польскими поветами, составляют уже Литовское государство с Тарибой во главе. Остальную Белоруссию, точно так же, как и эндэки, они отдают москалям. По этому поводу после занятия нами Гродно и Вильно они пробовали заявить протест против «вступления польских войск в пределы Литовского государства»*.

Премьер Игнаций Падеревский поддержал федералистскую политику Пилсудского, и сейму пришлось принять резолюцию, в которой было заявлено, что Польша не намерена присоединять восточные территории. Однако план Пилсудского по созданию федерации государств, союзных Польше, отвергали не только польские национал-демократы и виленские поляки, но и большинство этнических поляков, проживавших на терриории Белоруссии. Эндэки даже обвиняли главу государства, что он «настолько любит украинцев и белорусов, что готов отдать им польские земли»**.

Особенно ожесточенно выступали против федералистского плана Пилсудского государственные деятели Литвы, претендовавшие на Вильню, Гродно, Августов и прилегающую к ним территорию. Отношения между Литвой и Польшей ухудшались, дело шло к вооруженному конфликту. Только вмешательство стран Антанты предотвратило его.

Неясным оставался и белорусский вопрос. Польское командование доносило Пилсудскому, что при занятии польскими войсками Виленской области местное белорусское население не оказало им активной поддержки. Только Виленская Белорусская Рада передала Пилсудскому памятную записку, в которой выразила «надежду, что Ваше Превосходительство поможет объединить всю Белоруссию

---

* Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Tom V. Warszawa, 1937, s. 83–84.

** Mackiewicz S. Historja Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wszesnia 1919 r. Warszawa, 1990, s. 97–98.

и восстановить ее как независимое государство, соединенное узами соседства и дружбы с Польшей»*.

Виленская Белорусская рада (совет), в которую входили известные белорусские политические деятели Б. Тарашкевич, братья Луцкевичи и ряд других, обратилась к Пилсудскому с предложением, чтобы по всем белорусским делам он имел дело с ней. Виленская рада также просила разрешить ей свободно общаться со всеми провинциальными советами (радами) и «дать возможность собрать разогнанную большевиками Раду БНР, которой, пока не будет созван Всебелорусский Учредительный Сейм, должна принадлежать вся власть в Белоруссии»**.

По поводу позиции Виленской Белорусской рады Пилсудский писал Падеревскому в том же письме от 4 мая:

> «Часть белорусов поддалась литовской концепции... и представительству при Ковенской Тарибе. Белоруссия... поделена ими согласно концепции Тарибы. ... Что касается представителей правительства (БНР), то их представитель приехал в Варшаву и занимает соглашательскую позицию. Еще более соглашательскую и контрнемецкую, и одновременно контрлитовскую, позицию в отношении к концепции Тарибы занимают белорусские рады, а точнее остатки тех рад, которые были под большевистской властью. Они требуют, чтобы Белоруссия не была никем поделена и просят помощи у Польши для достижения этой цели»***.

Однако противодействие эндэков в самой Польше и поляков в Белоруссии, нежелание Франции и Англии «расчленять» Россию (конечно, «белую»), польско-советская война — все это сделало невозможным осуществление федеративного плана Пилсудского.

Как уже сказано, Пилсудский рассчитывал на поддержку своей федеральной концепции белорусскими национальными деятелями. Поэтому польская администрация сделала некоторые шаги навстречу им. Так, сразу после вступления польских войск в Минск новые власти разрешили создать здесь Временный Беларуский национальный комитет (ВБНК). Он появился на свет уже 10 августа, то есть, через два дня после занятия Минска.

Задачей ВБНК была координация деятельности всех белорусских организаций для «поднятия национального самоощущения, духовной и материальной культуры белорусского народа, а также

---

* Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego. Warszawa, 1962, s. 208.

** Там же, s. 208–209.

*** Piłsudski J. Pisma zbiorowe. Tom V, s. 83–84.

защита национальных, культурных и религиозных его интересов». В ВБНК вошли представители партий белорусских эсэров, социал-демократов и социалистов-федералистов, Белорусского христианско-демократического объединения, Белорусской войсковой комиссии, Белорусского православного народного братства имени святых Кирилла и Лаврентия Туровских, культурно-просветительских организаций, учебных заведений, кооперативов. 12 августа эти представители избрали президиум. Председателем стал социал-демократ Александр Прушинский (поэт Алесь Гарун), заместителем председателя — Всеволод Игнатовский*.

В ВБНК вошли многие известные представители белорусского национального движения: Макар Костевич (Кравцов), Язэп Лёсик, Иван Луцевич (Янка Купала), Симон Рак-Михайловский, ксёндзы Фабиан Абрантович и Андрей Цикота, а также ряд других.

ВБНК, не отклоняя идею конфедерации (или федерации) с Польшей, пытался добиться от Польши признания Белорусской Народной Республики и получить согласие польских властей на возобновление деятельности Рады БНР.

ВБНК организовал выпуск белорусских газет, отсутствовавших в Лит-Бел. Первой среди них стала газета «Звон» («Колокол»), выходившая с 25 августа 1919 г. За ней последовали «Беларусь», «Наша Каляіна», журнал «Рунь». При ВБНК существовала школьная секция, приступившая к белорусизации школ. Однако польские власти поддерживали школы с польским и русским языками обучения, но неохотно соглашались на открытие белорусских. В 1920 году деятельность ВБНК была ограничена пределами Минского округа.

Тем не менее, начало польской политики в Белоруссии казалось белорусским национальным деятелям обнадеживающим. У них создалось впечатление, что Польша готова поддержать их стремление к восстановлению независимой Белоруссии, союзной Польше.

ВИЗИТ ПИЛСУДСКОГО В МИНСК И НАДЕЖДЫ НА ПЕРЕМЕНЫ

Кульминацией этих ожиданий стал приезд главы Польского государства. 18–19 сентября 1919 года Пилсудский находился в Минске, где участвовал в торжествах по случаю взятия города польскими войсками. Пилсудский считал Минск «сердцем Белоруссии».

Минский магистрат подготовился к встрече начальника Польского государства и верховного главнокомандующего Войска Поль-

* Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 гг. /Журнал «Спадчына», 1994, № 6, с. 55.

ского, составил программу его пребывания в Минске. Подготовились и деятели белорусского национального движения, представители других групп населения. Русскоязычная газета «Минский курьер» сообщила 18 сентября:

> «Минск с самого утра приобрел праздничный вид: все здания украшены флагами, зеленью, транспарантами. Везде видны портреты Начальника государства»*.

Газета «Звон» высказала ожидания деятелей белорусского национального движения:

> «Для нас, белорусов, приезд в Менск создателя польского войска и независимой Польши имеет особое, историческое значение... Польша имела великих людей. Они провозгласили в темной неволе свой лозунг «За нашу и вашу свободу», шли за нее на смерть. Мы хорошо знаем, что и Костюшку, и Мицкевича, и повстанцев... дала Польше белорусская земля. На белорусской земле вырос и Пилсудский... Пилсудский должен помочь нам, приняв программу белорусской государственности».

Кстати, Пилсудский хорошо знал беларуский язык. При одном из арестов в молодости он заявил, что по национальности — белорус. Но поскольку он происходил из шляхты, то обычно пользовался польским языком и примкнул к польскому социалистическому движению.

Пилсудский приехал в Минск своим поездом вечером 18 сентября. Поезд прибыл на Виленский вокзал (ныне это станция Минск-Пассажирская). Его встречали толпы народа на привокзальной площади и соседних улицах. На вокзале почетный караул составили офицеры и солдаты 4-й Познаньской дивизии. После воинских почестей главнокомандующему и исполнения польского национального гимна Пилсудский выслушал рапорты командира почетного караула, заместителя старосты Минского округа А. Еленского и бургомистра М.В. Довнар-Запольского. Затем он поехал в автомобиле по главной улице города Захарьевской (бывшей Советской) в отведенную ему резиденцию. Эту улицу польские власти успели переименовать в улицу Адама Мицкевича**.

На тротуарах стояла толпа, оцепленная солдатами 2-й дивизии Легионов. Возле резиденции Пилсудского у Шляхетского дома (Дом дворянского собрания на углу Петропавловской и Подгорной улиц,

---

* Цит. по: Астрога В., Скалабан В. Пілсудскі ў Менску. Хроніка аднаго візіту. /Журнал «Спадчына», 1998, № 4, с. 33.

** В 1941—44 гг. при немцах она называлась Адольф Гитлер-штрассе, после войны — проспект имени Сталина, с осени 1961 — Ленинский проспект, с осени 1991 — проспект Скорины, ныне — проспект Независимости.

ныне улицы Энгельса и Маркса), напротив здания городского театра, его снова встретил почетный караул из «легионеров».

Газета «Минский курьер» на следующий день сообщала, что «празднично настроенная толпа не расходилась до самого позднего вечера». Действительно, минчане не привыкли к подобным зрелищам. При большевиках на торжествах народу было гораздо меньше, да и то только свои — «трудовые элементы». Возле Шляхетского дома делегация минчан встретила Пилсудского хлебом и солью, а графиня Фабиана Чапская вручила ему букет цветов национальных польских красок — белых и красных.

За время пребывания в Минске Пилсудский провел короткие встречи с делегациями общественности, представлявшими польское, белорусское и еврейское население. Отсутствовали только представители его русской части.

Сразу же после прибытия в свою резиденцию Пилсудский вышел в зал и в присутствии Генерального комиссара Восточных земель Ежи Осмоловского и комиссара Минского округа Владислава Рачкевича по очереди подходил к делегациям, к отдельным людям, и вел с ними краткие беседы. Первой Пилсудского приветствовала делегация Временного Белорусского Национального комитета, председатель которого социал-демократ Александр Прушинский (А. Гарун) по-беларуски сказал:

> «Пане Начальник Польского государства!
>
> Минует уже шестая неделя, как мы, здешние жители этого города, славного сердца Белоруссии — Менска, живем спокойной жизнью.
>
> Развеялся тот красный туман, который висел над нами эти долгие месяцы, не давая ни дышать, ни взглянуть на ясный свет спокойными глазами, развеялся призрак голодной смерти...
>
> Вот же приветствуя Вас как Начальника этого героического войска и как человека много и своей силы, и доброй воли положившего в это дело, от имени наших белорусских делегаций, представляющих здесь белорусское население, высказываю горячую благодарность за освобождение Менска и Менщины от нового тяжкого нападения московского империализма, который на этот раз оделся в большевистские одежды...
>
> Но, говоря словами вещего Бояна нашего, плачут еще матери в Витебске, стонут люди в Могилеве, молчит, ибо запрещен погребальный голос замшелых колоколен Смоленска, откуда каждый день приходят известия о новых и новых жертвах...
>
> Еще хочу сказать Вам, Пане Комендант: мы верим, что вместе с вольным Менском, Вильней и седым Гродно вольными и счастливыми будут в вольной и независимой Белорусской Республике наши

извечные крепости на рубежах Москвы — Витебск и Могилев, и старый Смоленск»*.

После этой прочувствованной речи завязалась беседа между белорусскими представителями и Пилсудским. «Пан комендант» обещал им помогать в текущих делах и советовал обращаться лично к нему, либо к его представителям в Минском округе и Комиссариате Восточных Земель. Но главного белорусы не услышали — слов о признании БНР как независимого государства. Пилсудский, правда, заявил о своем намерении провести свободные выборы на «крэсах».

Затем Пилсудского благодарили за освобождение Минска и Минского округа делегации от польского населения, от еврейской общины, от православного духовенства, от земства и другие. Представители русской национальной группы на прием не пришли. Эта часть населения и к польской, и к белорусской власти относилась одинаково враждебно.

Следующим утром, 19 сентября, возле временной резиденции начальника государства состоялся смотр войск. Пилсудский прошел вдоль линии частей и приветствовал их, затем поехал в автомобиле в Мариинский кафедральный костел на Соборной площади (ныне площадь Свободы). Здесь епископ Зигмунт Лозинский отслужил «полевую мессу» в торжественной обстановке. Затем на этой площади состоялся парад войск. Далее Пилсудский в сопровождении ряда делегаций отправился в Святодуховский кафедральный православный собор, где его встретил архиепископ Минский и Слуцкий Мелхиседек со словами «Многая лета Пану Начальнику Речи Посполитой, многая лета...» Эти слова подхватил церковный хор.

Потом Пилсудский посещал разные учреждения, встретился со своими старыми знакомыми по подпольной работе в Польской социалистической партии.

Кульминацией пребывания главы Польского государства стал прием в 13 часов дня 44 делегаций от почти всех национальных, религиозных и общественных организаций Минского округа и других белорусских территорий. Представители делегаций поочередно подходили к нему и высказывали радость «по случаю освобождения». Затем все перешли в Большой зал Шляхетского дома. Первые места в зале заняли католический епископ З. Лозинский, православный архиепископ Мелхиседек, татарский мулла и еврейский раввин. «Минский курьер» отмечал:

> «Здесь в наличии представители национальностей всей Речи Посполитой: типичные крестьяне белорусы, в националнной одежде,

* Астрога В., Скалабан В. Цит. Соч., с. 36–38.

представители еврейской общины и многочисленных польских организаций»*.

Пилсудского приветствовал епископ Лозинский. Следующим выступил архиепископ Мелхиседек, будущий глава Белорусской автокефальной православной церкви. Приводим его речь как характерную для позиции православной церкви в освобожденных от власти большевиков областях:

«Господин Начальник! В муках и болезнях рождается человек. Тяжел его жизненный путь, но в горниле мук и испытаний закаляется его энергия, укрепляется воля, растет и обновляется его дух. Мощной силой этого духа побеждает он все изменения жизни и восходит духовно все выше и выше, часто удивляет мир и человеческой красотой, и величием обновленной муками души своей.

Не так ли бывает и с народами? И не пример ли мы видим в польском народе, приветствуя в Вашем лице Главу и Высшего Вождя его. В огне мучений горел польский народ, но этот народ только обновил и закалил свой дух до такой степени, что все видят Польшу возрожденной, свободной и красивой.

От имени двухмиллионного православного белорусского населения Минской земли, представителями которого мы являемся, приносим наш братский привет и горячо желаем благословения Божьего народу польскому и Главе его.

Через доблесть народа польского Богу угодно было прекратить в земле Минской дальнейший разлив мутного моря, несчастья и кровавого зла, готового своим ужасным потопом залить все и всех. Рукой польского воина Бог дал всему краю и жителям его давно желанное освобождение от этого ада и ужасов его.

Наша обязанность упомянуть об этом перед Вами словами живой признательности. Верим, твердо надеемся и ждем, что возрожденная Польша, в муках получившая свою свободу, через крест воскресшая, несет Православной церкви и всему православному населению не скорбь, а утешение, не слезы и муки, а ту же золотую свободу, удивительным одеянием которой облеклась сама.

Да здравствует вольный польский народ! Да здравствует его Вождь!»**

Выступили также татарский мулла, председатель минской еврейской общины Е. Хургин, представитель депутации мелкой шляхты и землевладельцев. Выступил представитель от белорусских крестьян. Он говорил по-белоруски, выразил желание крестьян «жить и работать в неразрывной братской связи с Польшей и польским народом». Следующий оратор, представитель Минского земства (восстановленного после изгнания большевиков) М. Ярошевич го-

* Астрога В., Скалабан В. Цит. Соч., с. 42.

** Там же, с. 42–43.

ворил по-русски и требовал от польских властей решить вопрос о государственном языке в Белоруссии путем голосования демократически избранных представителей. Он посмел сказать, что «белорусский язык непонятен большинству белорусов».

Далее выступил А. Прушинский (Гарун), представлявший белорусские национальные организации. Он отметил:

> «Под ударами героических польских войск свершилось чудо освобождения белорусов Минщины от нового московского вторжения, что явилось к нам в виде большевиков. Мы верим, что... все белорусские земли будут объединены в единый государственный организм».

Присутствующие с интересом выслушали все эти выступления. Но они с нетерпением ждали речь самого Пилсудского. К всеобщему удивлению, она была произнесена на белорусском языке. Некоторые представители местной аристократии, усвоившие польскую культуру, хотя и понимали белорусский язык, были возмущены: «Зачем начальник Польского государства говорит на мужицкой мове?» Основные положения речи Пилсудского были таковы:

> «Искренне благодарю за высказанные мне, как Главе польского войска и Польского государства, приветствия. Как сын этой земли, я хорошо знаю о горестном положении ее, какое всегда было долей ее населения. Деды наши не видели никогда ничего лучшего, чем насилие, муки и преступления. Каждого жителя этой земли заставляли признать то, что ему насильно диктовали. Рождались люди в неволе. Рождались невольниками и не могли дышать свободно, как другие люди. Пришла эта великая война, великая волна разрухи. Она прокатилась по этой земле от края и до края, и в течение пяти лет здесь гуляло самое злостное насилие над душами и сердцами жителей. Все мечты, все идеалы, все лучшее убивалось в душах людей или покорялось тому, что требовали насильники.
>
> Польское войско, которым я имею честь командовать, везде несет освобождение и свободу. Польша идет на окраины не для того, чтобы навязать свою волю. Я издал Воззвание, подтвержденное высшей властью — Польским Сеймом, что этой земле никто и ничего насилием навязывать не будет. Она будет свободной, и само население решит формы своего политического быта.
>
> Я дал слово и держусь его крепко. Население будет призвано к выборам органов местного самоуправления, а потом придет время, когда вы сможете высказать свои мысли и пожелания про государственный строй. И в первом, и в другом случае дана будет полная свобода, без всяких религиозных, национальных или классовых ограничений. Я буду гордиться Польшей, польским войском и самим собой, если смогу дать этой земле высший дар, которым она столько времени не пользовалась, — дар свободы. Желаю вам полного успеха в работе, которая в атмосфере полной свободы объединит

всех. Пока я буду командовать польским войском — я гарантирую вам декларированную свободу. Я верю и надеюсь, что эта земля, как отдельная единица, займет надлежащее ей место во всемирном числе государственных народов»*.

После завершения приема состоялся торжественный обед в казино Белостокского полка Литовско-Белорусской дивизии. А перед концертом Пилсудский со своим адъютантом без всякой охраны вышел прогуляться по улицам Минска, чем вызвал беспокойство местных властей. Впрочем, он вскоре вернулся. Уже поздно вечером после концерта, в кабинете Рачкевича, руководителя администрации Минского округа, Пилсудский в шутливом тоне поделился с присутствовавшими своими впечатлениями от прогулки по городу:

> «Не понравился мне ваш Минск... Слишком русско-жидовским духом пахнет, на улицах не слышно другого языка, кроме русского».

Его собеседники запротестовали, объяснив, что сегодня пятница, поэтому вечером перед субботой евреи идут на прогулку в город и разговаривают по-русски («на культурном языке»). Но это еще не доказательство того, что Минск — еврейский город, в нем 30 процентов населения — поляки. На это Пилсудский ответил:

> «Вильно и Виленщина край более польский, чем центральные районы... Западно-белорусские территории полностью отличаются от Минщины... Вильно есть и должно остаться по своему характеру центром польскости на восточных землях. Минск должен стать центром белорусских земель»**.

В 12 часов ночи с 19 на 20 сентября, под звуки польского гимна, поезд главнокомандующего отошел от перрона минского вокзала. Пилсудский уехал в Варшаву. Его визит вызвал много надежд среди белорусских патриотов на возрождение своего независимого государства — БНР. После крайне неприятного знакомства с политикой большевиков в национальном вопросе им очень хотелось верить обещаниям Пилсудского насчет федеративного плана.

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ

Несмотря на начало военных действий между Красной Армией и польскими войсками, правительства РСФСР и Польши в течение всего 1919 года вели переговоры друг с другом. Каждая из сторон использовала эти переговоры в своих целях: польская — ради сохране-

* Астрога В., Скалабан В. Цит. Соч., с. 45–46.
** Там же, с. 49–50.

ния за собой территорий, занятых в Литве, Белоруссии и Украине, российская — для временного вывода Польши из войны.

В феврале 1919 года польское правительство назначило для переговоров в Москве специального делегата Александра Венцковского, пользовавшегося доверием Пилсудского. В конце марта Венцковский прибыл в Москву, где у него было много знакомых среди большевистского руководства. До революции они вместе участвовали в подпольной борьбе против царизма.

Официальным предметом переговоров стали вопросы освобождения польских заложников в РСФСР, а также членов делегации Регентского совета в России, арестованных еще в конце 1918 г. Кроме того, следовало обсудить проблемы возврата польских исторических и культурных ценностей, вывезенных в Россию в 1914–1915 годах, репатриации в Польшу этнических поляков. В программе значился и вопрос о наказании убийц членов делегации Российского Красного Креста (миссии Бронислава Весоловского), убитых жандармами 2 января 1919 года в районе Белостока. Но, помимо всего этого, тайно велись переговоры о возможности заключения мирного договора и об условиях такового*.

Вооруженный конфликт между Польшей и РСФСР формально прикрывался фактом существования Литовско-Белорусской ССР. Московское руководство первое время изображало этот конфликт как не имеющим прямого отношения к России. Тем не менее, переговоры велись в Москве.

В ноте Совнаркома РСФСР от 18 февраля 1919 года (то есть, еще до формального провозглашения Лит-Бел) правительствам Великобритании, Франции, Италии, Японии и США было сказано:

> «Что касается территориальных вопросов, разрешение которых требует переговоров с Правительствами Советских Республик Литвы и Белоруссии, то Правительство Российской Советской Республики заявило правительству Польской Республики, что оно готово предложить им свое содействие, дабы помочь им прийти к полюбовному разрешению интересующих их вопросов...
>
> Несмотря на эти явные доказательства желания мира со стороны Русской Советской Республики и Советских Республик Литвы и Белоруссии, польские отряды продолжают свои попытки нарушения границ этих последних, и вооруженные силы Польской Республики продолжают стягиваться к восточной границе, угрожая Советским Республикам Литвы и Белоруссии и Русской Советской Республике, связанной с ними неизменной сердечной дружбой»**.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 1, s. 299.

** Документы внешней политики СССР, Том II, с. 78.

Далее Совнарком предложил державам Антанты и белым правительствам России вступить в переговоры о мире с правительствами РСФСР и других советских республик, а заодно «выяснить» их позицию в вопросе отношений между Польшей и советскими республиками. Разумется, никакого ответа не последовало.

В Москве Венцковский передал наркому иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерину письмо ЦК Польской социалистической рабочей партии в ЦК РКП(б), содержавшее сведения о готовящемся вторжении Красной Армии на территорию Польши и о создании в Вильне коммунистического правительства для Польши. Но Чичерин отрицал эти факты.

Относительно восточных границах Польши он заявил следующее:

> /Необходимо провести/ «в надлежащих местностях голосование трудящихся при условии увода чужих войск, и эту точку зрения мы готовы отстаивать перед Правительством Литовско-Белорусской Республики... и мы полагаем, что со стороны Правительства Литовско-Белорусской Республики не встретится при этом затруднений»*.

Иначе говоря, российская сторона предлагала правительству Польши вывести свои войска с оккупированных территорий. Дескать, тогда трудящиеся (т.е. рабочие и беднейшая часть крестьянства) сами открыто проголосуют на собраниях, к кому должны отойти эти земли — к «белой» Польше или к «красной» России. Результаты подобного «референдума», к тому же организованного большевиками, были заранее известны.

Вследствие такого подхода Москвы к решению этого и других вопросов, дальнейшие польско-российские переговоры ни к чему не привели. Захват Вильни в апреле 1919 года польскими войсками стал поводом для их прекращения. Венцковского в конце апреля выслали в Польшу. Одновременно Совнарком сбросил камуфляж с Лит-Бел. Так, в ноте Чичерина чрезвычайному делегату польского правительства (т.е. Венцковскому) от 25 апреля 1919 года, начинавшейся словами «Милостивый государь Александр Янович», было прямо сказано:

> «Нападение польских войск на Вильно, столицу братской Литовской Советской Республики, показывающее, как в действительности относится нынешнее Польское Правительство к предложениям соглашения с Советскими Республиками...
>
> Одушевленное неизменными миролюбивыми стремлениями Рабоче-Крестьянское Правительство Советской Республики готово в любой момент снова вести с Польским Правительством перегово-

* Документы внешней политики СССР, Том II, с. 106.

ры о соглашении, как только военные действия против Советских Республик будут приостановлены. Имею честь довести до Вашего сведения, что все приготовления для Вашего отъезда и отъезда Ваших спутников, приехавших вместе с Вами, будут закончены к 27 апреля вечером»*.

Кстати говоря, Георгий Чичерин считался в Москве сторонником заключения мира с Польшей. Такой мир, по его мнению, улучшил бы положение большевиков в борьбе с белыми армиями, прежде всего с Колчаком и Деникиным.

Однако переговоры прервались лишь на три месяца. В Польше тоже имелись сторонники заключения мира с РСФСР, ибо там серьезно опасались победы «белого движения» и неизбежных в этом случае претензий «новой старой» России на польские земли. Поэтому в общественном мнении Польши было довольно сильно настроение заключить мир с большевиками, разумеется, при условии установления приемлемых границ. Учитывая такие настроения, с инициативой новых переговоров выступил Юлиан Мархлевский.

Справка: Мархлевский Юлиан (1866–1925) — один из руководителей революционной партии — Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (вместе с Розой Люксембург), а затем помощник Ленина по распространению газеты «Искра». Был кандидатом в члены ЦК РСДРП. Участник октябрьского переворота 1917 в России. В 1918 работал в России и был членом ВЦИК. В январе 1919 направлен в Германию, но после провала попытки коммунистического переворота в Берлине в том же месяце бежал, спасаясь от расправы, в Польшу, где находился на нелегальном положении. Несмотря на это, Мархлевский в Варшаве обратился к знакомым ему членам польского правительства и предложил свои услуги для тайных переговоров с правительством РСФСР. (*Ред.*)

Мархлевский обратился к заместителю министра внутренних дел Польши Юзефу Беку (отцу будущего министра иностранных дел), вместе с которым он в конце XIX в. создавал Союз польских рабочих. Бек привел его к министру внутренних дел С. Войцеховскому, социалисту (будущему президенту Польши), с которым Мархлевский тоже был знаком. Войцеховский гарантировал Мархлевскому безопасный переход линии фронта в Белоруссии. 18 июня 1919 года это и было сделано польской разведкой. Далее Мархлевский поехал в Москву с предложением польского правительства, содержавшим обещание прекратить военные действия на восточном фронте, если будут решены вопросы границ и если Красная Армия не перей-

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 143.

дет эти границы. Польская сторона выразила согласие вести неофициальные переговоры*.

В Москве предложение Мархлевского встретило серьезную критику со стороны ЦИК групп Коммунистической рабочей партии Польши в России. Польские большевики считали, что время существования буржуазного правительства в Польше истекает, а потому нечего вести с ним переговоры. Мархлевский долго убеждал товарищей по партии в своей правоте, но так и не убедил.

Однако руководство РКП(б) положительно восприняло его инициативу. Ленин увидел в ней возможность вывода Польши из общего лагеря врагов большевиков, что облегчало их положение на фронтах борьбы с белыми армиями. К тому же, переговоры с Польшей сами по себе не могли стать препятствием для «пролетарской революции» в Европе. Они лишь снимали угрозу дальнейшего наступления польских войск на восток и делали нереальным военный союз Польши с белыми армиями.

Значительно большую угрозу для большевиков представлял федеративный план Пилсудского. Союз Польши с Украиной, Белоруссией и Литвой надежно перекрыл бы большевикам путь для продвижения в Европу. Однако в этом вопросе невольными союзниками большевиков стали польские национал-демократы, ослепленные нереальной идеей возрождения Речи Посполитой в границах 1772 года. Они категорически отвергли проект федерации.

Ленин уполномочил Мархлевского вести тайные переговоры с польскими властями по любым вопросам польско-российских отношений, в том числе по территориальным — только бы Польша не вмешивалась в гражданскую войну в России. А что касается передачи ей тех или иных национальных окраин, то судьба Брестского мира наглядно показала: договоры не вечны.

Получив широкие полномочия, Мархлевский 10 июля выехал из Москвы и в заранее обусловленном месте 17 июля перешел линию советско-польского фронта в обратном направлении. Первая его встреча с польскими представителями Александром Венцковским и Ежи Осмоловским состоялась в Барановичах, но дальнейшие переговоры происходили в местечке Беловежа, в Беловежской пуще. Пилсудский прислал еще одного своего представителя, графа Михала Коссаковского. 21 июля он тоже встретился с Мархлевским. Мархлевский официально назвал себя Куявским, делегатом Российского Красного Креста.

Переговоры длились до конца июля. Мархлевский был разочарован их итогами. Он сообщил польским делегатам, что ожидал быстрого завершения и передал им слова Ленина:

---

* Garlicki A. Drugiej Rzeczypospolitej początki, s. 124.

«Если бы поляки имели намерение провести в Литве и Белоруссии плебисцит, то не будем говорить, как этот плебисцит должен быть проведен. Договоримся и о судьбе Белоруссии»*.

В то время Ленин был вполне готов уступить Польше всю территорию Лит-Бел, тем более что вскоре произошла ликвидация государственных органов этой республики. Однако Пилсудский был уверен в силах Польши и не прекращал наступление. Он хотел дойти до Березины и Западной Двины, чтобы обеспечить себе лучшие позиции на будущее.

Следующая встреча Мархлевского, все в той же роли представителя Российского Красного Креста (РОКК) состоялась осенью 1919 года, когда польско-советский фронт в Белоруссии установился по линии Полоцк — Лепель — Березина и до Припяти, а на фронте воцарилось затишье.

Предварительно Мархлевский в качестве главы делегации РОКК отправился на станцию Микашевичи (на железной дороге Брест — Гомель), на встречу по гуманитарным вопросам с делегацией Польского Общества Красного Креста (ПОКК). Туда же для переговоров с Мархлевским по политическим вопросам вместе с делегацией ПОКК прибыл граф Михал Коссаковский. Перед отъездом из Варшавы он встретился с Пилсудским и в ответ на вопрос об инструкциях получил следующий ответ:

«Что мы взяли, никогда не отдадим назад. Ты можешь вспомнить границу 1772 года и наше постановление дать народам (возможность) решить самим свою судьбу».

Коссаковский с группой в десять человек приехал в Микашевичи 10 октября 1919 года. Там уже находился Мархлевский со своей делегацией. Переговоры начались в польском военно-санитарном поезде 11 октября и продолжались (с перерывами) более двух месяцев, до 15 декабря.

В начальный период переговоров войска Деникина успешно развивали наступление на Москву. Это обстоятельство делало большевиков сговорчивыми. Так, 23 октября Мархлевский заявил о готовности советской строны ликвидировать существующую в России систему политического заложничества по отношению к лицам польской национальности, если польское правительство, в свою очередь, откажется от репрессий «в отношении граждан РСФСР, а также в отношении жителей оккупированных польскими войсками областей за деяния, совершенные указанными лицами, или убеждения, проявленные ими во время пребывания Советской власти на этих территориях»**.

---

* Garlicki A. Drugiej Rzeczypospolitej początki, s. 125.
** Документы внешней политики СССР. Том II, с. 266.

Однако переговоры не привели к установлению мира. Дело ограничилось тем, что 9 ноября было подписано соглашение между РОКК и ПОКК о взаимном обмене гражданскими лицами. Но этот обмен производился очень долго и малыми порциями.

Во время переговоров в Микашевичи приехал на три дня личный представитель Пилсудского капитан Игнацы Бёрнер и передал Мархлевскому для передачи Ленину предложения главы Польского государства. Их суть заключалась в следующем:

> «1) Начальник государства (Пилсудский) не даст приказа польским войскам наступать далее линии Сарны — Ковель — река Птичь (в Беларуси) — Бобруйск — Березина — Западная Двина — Двинск.
>
> 2) Начальник государства рекомендует правительству Советов создать на фронте нейтральную полосу шириной в 10 километров для избежания каких-либо недоразумений.
>
> 3) Начальник государства сообщает, что если латыши потребуют от Советов уступить им Двинск, то он поддержит их желание.
>
> 4) Начальник государства категорически требует от правительства Советов прекратить всякую коммунистическую агитацию в Войске Польском.
>
> 5) Начальник государства требует не атаковать войска Петлюры.
>
> 7) Начальник государства сообщает, что будет ожидать ответа. Это значит, что если правительство Советов примет пункты 2, 4 и 5, то в Москву будет послан его делегат, который представит эти пункты непосредственно пану Ленину».

Капитан Бёрнер заявил Мархлевскому, что Польша действует только ради своих собственных интересов. А они не предусматривают оказания помощи Деникину в его войне против большевиков. Например, польское наступление в направлении Мозырь — Гомель значительно бы изменило общую стратегическую ситуацию в пользу Деникина. Но поляки этого не сделали*.

Таким образом, в самый разгар наступления войск Деникина, когда руководство партии большевиков уже готовило паспорта для перехода в подполье и для выезда в эмиграцию, Пилсудский заверил Ленина, что помогать Деникину не будет. Поэтому главное командование Красной Армии перебросило значительную часть войск с Западного фронта на Южный и смогло в декабре 1919 — январе 1920 года нанести поражение вооруженным силам Юга России**.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 1, s. 301–302; Garlicki A. Drugiej Rzeczypospolitej początki, s. 128.

** Вооруженные силы Юга России были образованы 8 января 1919 года путем объединения белогвардейской Добровольческой и казачьей Донской армий. В том же году к ним добавились: Кавказская и Крымско-Азовская армии, войска Киевской области, Терско-Дагестанского края и Новороссии, а также Черноморский флот. В октябре 1919 года они насчитывали около 270 тысяч человек, 600 орудий, 72 самолета, до 120 кораблей и судов.

Уже 21 ноября Мархлевский вернулся из Москвы в Микашевичи для продолжения тайных переговоров. Ленин сообщил через него, что польские войска могут занять этнические польские территории (имелись в виду Литва и Белоруссия), но этническую русскую территорию занимать не следует (подразумевалась восточная и центральная Украина). Ленин предлагал также заключить перемирие, «поскольку Польша из-за международного положения не может теперь заключить с нами мир». Иными словами, лидер большевиков соглашался отдать Польше — в обмен на ее нейтралитет в гражданской войне — основную часть Белоруссии (включая Полесье), а в Украине — Волынь.

Бёрнер 26 ноября сообщил Пилсудскому, прибывшему на фронт в бронепоезде «Канев», ответ Ленина. На это Пилсудский сказал ему, что Польше все равно, ведет ли переговоры советское правительство с Петлюрой и какие требования они предъявляют друг другу. Польские интересы состоят в том, что нельзя допустить разгрома Петлюры, а потому в случае наступления «красных» на войска Директории, он (Пилсудский) будет защищать украинцев*.

Тем временем ситуация изменилась. В ноябре 1919 года правительство Великобритании решило не вмешиваться более в гражданскую войну в России. Франция воспротивилась, так как это угрожало ей потерей в России огромных капиталов. Не менее важным для французов было стремление иметь противовес своему давнему врагу — Германии. Таким противовесом, по мнению Парижа, могла быть только «белая» Россия, но не «красная», с ее лозунгом всемирной революции. Французы убедили англичан в необходимости создания «санитарного кордона» на пути большевистской заразы в Европу. В результате такого поворота в международной политике резко возрастало политическое значение Польши, союзника Франции как против Германии, так и против России.

Итак, Мархлевский сообщил польским делегатам слова Ленина о том, что «Россия не заинтересована в Литве и Белоруссии» и что Польша получит то, «что захочет». Граф Коссаковский считал, что наступил самый подходящий момент для заключения мира. Однако Пилсудский, под воздействием французского правительства, решил не только не заключать мир с большевиками, но и вообще прервать переговоры. 15 декабря 1919 года польская делегация проводила к линии фронта российских делегатов. В тот же день они отправились в Москву.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 1, s. 302–303.

Желая показать лояльность Польши к высшему руководству Антанты, Пилсудский еще в июле 1919 года направил в ставку Деникина военную миссию во главе с генералом дивизии Александром Карницким. До 1917 года он был генерал-лейтенантом российской армии, служил в кавалерии, поэтому лично знал многих деникинских генералов и офицеров.

Карницкий был известён в польской армии своими чудачествами. Например, однажды весной 1919 года в Варшаве он провел ночь с компанией знакомых в ночном ресторане на Виляновской аллее. Проезжая после этого мимо Бельведерского дворца, резиденции главы государства, генерал остановил пролетку и перед воротами спел басом песню «Волга, Волга, мать родная!» Дежурный офицер утром подал рапорт Пилсудскому о поведении генерала. Но Пилсудский только рассмеялся и сказал по-русски: «Ну, Карницкий загулял!»

Миссия состояла в основном из офицеров 2-го отдела польского генштаба (разведки и контрразведки). Они готовили аналитические обзоры военных действий, в которых правильно указывали на то, что главную ударную силу «красных» составляют крупные соединения кавалерии, особенно конные армии. По иронии судьбы, генерал Карницкий весной и летом 1920 года командовал 1-й кавалерийской дивизии в Украине и сражался с конницей Буденного.

Кроме военных, в состав миссии входил дипломат Ежи Ивановский. Он пытался вести с Деникиным переговоры о границах. Но Деникин был убежденным сторонником «единой и неделимой России», ни о каких территориальных уступках Польше он не хотел слышать. По его мнению, русско-польская граница могла пройти только по Западному Бугу, ни на метр восточнее. Поэтому переговоры не пошли далее обмена мнениями сторон. В декабре 1919 года, когда наступление Деникина на Москву провалилось, Пилсудский отозвал миссию Карницкого. Между тем, большевики продолжали предлагать Польше мир. 22 декабря нарком иностранных дел Чичерин передал по радио ноту Совнаркома РСФСР (на следующий день ее опубликовала газета «Известия»), адресованную правительству Польши. Но польское правительство не ответило.

28 января 1920 года Совнарком РСФСР выступил по радио с заявлением об основах политики РСФСР в отношении Польши (через день и это заявление опубликовала газета «Известия»). Заявление было вполне официальным, так как его подписали председатель правительства Ульянов (Ленин), нарком по иностранным делам Чичерин, нарком по военным и морским делам Троцкий. В частности, Совнарком заявлял:

> «РСФСР признает независимость и суверенность Польской Республики... с первого момента образования независимого Польского государства...

Красные войска не переступят нынешней линии Белорусского фронта, проходящей вблизи следующих пунктов: г. Дрисса (ныне Верхнедвинск), г. Дисна, г. Полоцк, г. Борисов, м. Паричи, ст. Птичь, ст. Белокоровичи.

/На Украине советские войска/ не будут совершать военных действий к западу от занимаемой ныне линии, проходящей вблизи м. Чуднова, м. Пилявы, м. Деражни и г. Бара»*.

Далее Совнарком снова предложил правительству Польши немедленно начать переговоры и заключить мир. 4 февраля польское правительство ответило, что эта декларация правительства РСФСР будет рассмотрена.

24 февраля председатель комиссии сейма по иностранным делам Станислав Грабский (представитель партии национал-демократов, оппонентов Пилсудского) сообщил журналистам, что комиссия, с участием представителей правительства и армии, определила условия мира с РСФСР и выработала текст мирного договора. Но далее он сказал, что этот договор должно утвердить ...российское Учредительное собрание, разогнанное большевиками еще в январе 1918 года. Понятно, что такое условие было и нереальным, и абсолютно неприемлемым для большевиков.

Поступая подобным образом, правящие круги Польши рассчитывали, в первую очередь, успокоить антивоенные настроения в собственной стране, особенно среди рабочих. Во-вторых, они учитывали и общественное мнение в европейских странах.

Наконец, 6 марта 1920 года нарком Чичерин передал по радио министру иностранных дел Польши Станиславу Патеку еще одну ноту (опубликованную в «Известиях» 10 марта). Вновь предлагалось начать переговоры. Но при этом, поскольку в Украине Красная Армия уже развернула военные действия против УНР, советская сторона отказалась здесь от той линии разграничения, которая была указана в заявлении от 28 января. Что касается Западного фронта, в ноте от 6 марта говорилось следующее:

«Мы будем воздерживаться так же тщательно, как и прежде, от подобных же движений на Русском фронте, если польская армия не начнет там новых агрессивных операций, причем надеемся, что этого там не случится»**.

Как видим, Западный фронт был назван в ноте «русским». Это еще одно свидетельство того, что власти РСФСР считали всю Белоруссию частью России.

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 332.

** Документы внешней политики СССР. Том II, с. 398.

Таким образом, российско-польские переговоры в 1919 году и в начале 1920 года не привели к установлению мира и определению границ. Но при этом правительства Польши и РСФСР были готовы разделить территорию Белоруссии между собой. Мнение белорусов о судьбе своей страны обе стороны не интересовало.

ПОЛЬБЮРО

Для агитационно-пропагандистской работы среди польского населения на территории России (включая Белоруссию), а также за линией фронта, в Москве было создано Польское бюро агитации и пропаганды при ЦК РКП(б). 2 июля 1919 года ЦИК групп Коммунистической рабочей партии Польши (КРПП) принял решение о передаче своих полномочий в данной сфере этому новому органу. Сам же ЦИК КРПП до 1 августа 1919 года вел работу в Минске, затем переехал в Бобруйск, а 13 августа — в Смоленск.

К осени 1919 года все существовавшие в России польские коммунистические группы вошли в состав местных организаций РКП(б), утратив организационную самостоятельность. В этой связи при отделах агитации и пропаганды местных партийных комитетов были созданы секции (или бюро) агитационно-пропагандистской работы среди этнических поляков. В Москве 9–11 сентября прошла конференция коммунистов-поляков. Она определила задачи пропагандистской работы среди польского населения в России и на оккупированной польскими войсками территории Белоруссии и Литвы. На первый план была выдвинута пропагандистская работа среди красноармейцев-поляков и среди польских военнопленных.

Было также избрано Исполнительное бюро КРПП в России (Польбюро) из 7 членов и 3 кандидатов в члены бюро. В свою очередь, Польбюро избрало секретариат в составе С. Бродовского, К. Бродского и Ю. Мархлевского. Руководство зарубежной и прифронтовой работой Польбюро поручило Я. Долецкому и Ф. Кону.

С согласия политического управления Реввоенсовета РСФСР, в сентябре 1919 года Польбюро направило своих специальных представителей в политотделы штаба Западного фронта и штабов 12-й, 15-й и 16-й армий. Тк, в политотдел фронта прибыл Казимир Циховский, член ЦК КПЛиБ, бывший председатель ЦИК Литовской ССР, бывший председатель ЦИК Лит-Бел, бывший председатель Минского совета. Сходные биографии были и у других представителей польских большевиков. Так, в политотделе 15-й армии появился Здислав Шеринский, который в 1918 году был одним из организаторов и первым комиссаром 4-й Петроградской дивизии Красной Армии. Все эти деятели получили широкие полномочия, в том

числе в плане сотрудничества с разведывательными отделами штаба фронта и штабов армий.

Помимо руководящих «товарищей», более сотни поляков-большевиков прибыли на Западный фронт в качестве политкомиссаров и командиров*.

ПОДПОЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ПАРТИЗАНЫ В БЕЛОРУССИИ

Еще 8 марта 1919 года, когда польские войска только начали свое продвижеие в западные районы Белоруссии, ЦК КП(б)ЛиБ принял решение о создании коммунистического подполья в оккупированных поляками городах и местечках, а в сельской местности — партизанских отрядов. 11 марта в ЦК был учрежден специальный отдел для руководства подпольщиками и партизанами. Возглавил его польский коммунист Вацлав Богуцкий (1884–1937)**.

В связи с дальнейшим наступлением польской армии и захватом ею Вильни 14 мая 1919 года, политбюро ЦК КП(б)ЛиБ обязало подпольные организации усилить работу по созданию партизанских отрядов и утвердило план, разработаный Реввоенсоветом Западного фронта. Согласно ему, всю оккупированную поляками территорию разделили на районы партизанский действий, с революционными штабами (повстанческими центрами) в каждом из них. В последующие месяцы началось формирование таких штабов и отрядов.

Вообще говоря, в годы гражданской войны главное командование Красной Армии рассматривало партизанское движение как вспомогательную силу, помогающую регулярным войскам вести военные действия с противником. В период оборонительных боев РККА партизаны должны были заниматься разведывательной и диверсионной деятельностью, совершать нападения во вражеском тылу на небольшие группы противника. А в период наступления — вести активные боевые действия, в частности, удерживать мосты и переправы до подхода армейских частей, по возможности, занимать крупные деревни и небольшие города.

Наиболее крупной подпольной большевистской организацией стал партийный комитет в Минске, созданный в августе 1919 года.

---

* В 1937 году, в период сталинского «большого террора», почти все польские коммунисты в СССР были арестованы и казнены как «шпионы польской разведки».

** Впоследствии председатель Чрезвычайной комиссии ССРБ, секретарь Центрального бюро компартии Белоруссии. В 30-е годы арестован и казнен органами НКВД.

Он имел подпольную типографию, тайные склады пропагандистской литературы и оружия, ему подчинялись партийные ячейки на территории Минского уезда и подпольная комсомольская организация. Весьма активным был Бобруйский партийный комитет, тоже созданный в августе. К концу года в Бобруйском уезде действовали 15 подпольных партийных ячеек. Активно действовал Слуцкий подпольный партийный комитет, его ячейки в городе, местечках и деревнях Слуцкого уезда*.

Хотя военные действия на Западном фронте в августе 1919 года фактически прекратились, развертывание коммунистических партизанских отрядов по ранее намеченному плану продолжалось.

ЦК компартии Литвы и Белоруссии работал в Смоленске в сотрудничестве со штабом Западного фронта. Выполняя решения ЦК РКП(б), он руководил подпольной и повстанческой деятельностью в Литве и Белоруссии, несмотря на то, что последняя считалась теперь территорией РСФСР. 3 сентября 1919 года ЦК КП(б)ЛиБ создал специальный орган оперативного руководства коммунистическим подпольем на оккупированной территории — Бюро по нелегальной работе. Его председателем стал Викентий Мицкевич (Капсукас), прежний председатель Совнаркома Лит-Бел, членами — Вильгельм Кнорин, Вацлав Богуцкий и Зигмас Ангаретис.

Поскольку условия подпольной работы в разных районах существенно различались, ЦК решением от 3 сентября разделил эту территорию на три больших района: 1) Тарибский (Ковенская и Сувалковская губернии), находившийся в Литовской республике; 2) Западный (Виленская и Гродненская губернии); 3) Восточный (Минская, Могилевская и Витебская губернии). Соответственно, районы делились на подрайоны (примерно в границах уездов).

Такая организационая структура позволяла более успешно руководить подпольными большевистскими организациями на местах. Совместно с разведотделами штабов Западного фронта и армий были определены такие участки, где линию фронта можно было переходить с наименьшим риском. На оккупированную территорию пробирались партийные «порученцы», назначенные на посты руководителей подпольных подрайонных парторганизаций. Обычно ими были здешние уроженцы, хорошо знавшие местные условия и людей, поэтому им удавалось довольно быстро создавать разветвленные подпольные организации. В частности, таковые появились в Бобруйске, Борисове, Бресте, Вильне, Волковыске, Гродно, Лу-

* Гісторыя Беларускай ССР. Том 3. Мінск, 1973, с. 167–168.

нинце, Минске, Пинске, Слуцке, а также в некоторых других городах и местечках.

Подпольным организациям Восточного района, ближайшего к фронту, была поставлена задача по развертыванию широкого партизанского движения. Подпольные организации Западного и Тарибского районов должны были вести политическую и организационную работу среди населения с целью «накопления сил».

Бюро по нелегальной работе не только руководило подпольными большевистскими организациями и партизанскими отрядами на оккупированной территории, но и передавало туда агитационную литературу, издавало газеты на русском, белорусском, польском и литовском языках. В частности, такие как «Правда», «Звезда», «Савецкая Беларусь», «Młot» («Молот»), «Komunista», «Komunistas». Из Двинска и Полоцка литература шла в Литву, из Рогачева — в Бобруйск и Минск, из Крупок — в Борисов, Вильню, Игумен, Минск, из Мозыря — в Брест, Слуцк, Минск, Гродно. Кое-где удавалось перебрасывать оружие партизанам и подпольщикам.

С октября 1919 года начала создаваться Минская районная повстанченская организация и революционный штаб во главе с уполномоченным ЦК КП(б)ЛиБ Василием Шаранговичем.

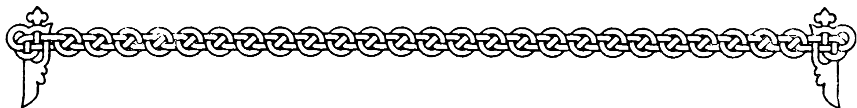
Под Минском действовали пять красных партизанских отрядов общей численностью 400 человек. Появились отряды в районах Дукоры (до 600 человек) и Старых Дорог (около 200 человек). Минский революционный штаб координировал деятельность партизанских отрядов Слуцкого (1000 человек), Вилейского (750 человек), Борисовского (250 человек) и Игуменского (200 человек) уездов.

В прифронтовой зоне Бобруйского уезда насчитывалось около 80 партизанских отрядов и групп, самыми крупными среди которых были отряды С. Вилюги (750 человек) и Алешкевича (500 человек). Этими отрядами руководил повстанческий центр при Бобруйском парткомитете во главе с Максимом Левковым*. На Полесье наиболее крупные отряды действовали в районе Озаричей (500 человек) и в районе Петрикова (300 человек под командованием Василия Талаша).

В конце ноября 1919 года ЦК КП(б) ЛиБ (естественно, по указанию командования Западным фронтом) разослал директиву всем революционным штабам о начале активных партизанских действий в польском тылу.

---

* Шарангович впоследствии стал первым секретарем ЦК КП(б)Б, а в 1938 году был казнен как «враг народа». Левков позже был членом президиума ЦИК БССР, репрессивные органы казнили его в 1937 году.

Часть III

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ

В 1920 ГОДУ

Глава 8

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В БЕЛОРУССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 ГОДА

ПОПЫТКА СОЗДАНИЯ СОЮЗА БЕЛОРУССИИ И ПОЛЬШИ

После демонстративного визита главы Польского государства в Минск в сентябре 1919 года многим белорусам показалось, что польско-белорусские отношения скоро наладятся. В Минск стали приезжать отовсюду белорусские политические деятели.

Уже 19 сентября председатель Рады БНР Язэп Лёсик и его заместитель Аркадий Смолич направили Пилсудскому письмо, в котором просили дать согласие на возобновление деятельности Рады и на создание белорусской армии. То, что белорусские политические партии приветствовали воззвание Пилсудского и его самого во многом объясняется антибелорусской политикой большевиков. Во времена ССРБ и Лит-Бел, то есть, с января по июль 1919 года, во всех школах Белоруссии обучение велось только на русском языке, не выходили белорусские газеты. В правительстве Лит-Бел не было ни одного белоруса. Жестко пресекались любые проявления белорусской национальной самобытности. Русификаторская политика большевиков оттолкнула от них подавляющее большинство белорусских деятелей, за исключением местных членов этой партии.

Во второй половине июля 1919 года в Париже, во время работы Парижской мирной конференции, состоялась встреча премьер-министра Польши Игнация Падеревского с премьер-министром БНР Антоном Луцкевичем. Падеревский предложил Луцкевичу создать федерацию Польши и Белоруссии. Луцкевич ответил, что этот вопрос должна решать Рада БНР, но в любом случае ее согласие прямо зависит от признания Польшей независимости Белоруссии. Падеревский ответил, что положительное решение этого вопроса определяется позицией Антанты. Вскоре Падеревский встретился с премьер-министром Франции Жоржем Клемансо, но Клемансо отнесся к идее федерации крайне отрицательно. «Там будет Россия!» — сказал он, стукнув кулаком по карте Европы в том месте, где обозначалась Белоруссия*.

Франция и Англия поддерживали «белую» Россию, руководители которой стремились восстановить Российскую имерию в ее прежних

* Антон Луцкевіч. Да гісторыі беларускага руху. Выбраныя творы. Мінск, 2003, с. 204.

границах. Антанта, оказывая помощь Польше, влияла на позицию Польши по белорусскому вопросу именно в таком направлении.

И все же белорусские политики пытались убедить польское руководство в необходимости признать независимость БНР и передать власть от польской гражданской администрации «крэсов» белорусским органам.

Антон Луцкевич переслал из Парижа в Варшаву, в министерство иностранных дел, копии нескольких документов, послуживших основой для переговоров с Падеревским.

Один документ содержал предложение об объединении военных сил западных соседей РСФСР — Польши, Литвы, Латвии, Белоруссии. Второй — проект «Договора о создании союза суверенных государств БНР и Польской республики». Этот проект, который обсуждали оба премьера, предусматривал создание союза Польши и Белоруссии на основе равноправия, общего руководства внешней политикой и обороной, общего таможенного пространства, взаимного конституционного обепечения прав граждан. Предусматривалось также заключение нескольких отдельных соглашений: о границе, о коммуникациях, о торговле, и других.

К проекту договора о союзе прилагался проект дополнительного секретного соглашения, имевшего характер военной конвенции и соглашения о границах. По нему Польша обязывалась помогать в создании белорусской армии и в освобождении территории Белоруссии от власти большевиков. Линию границы предполагалось установить на этнографической основе, но с учетом экономических интересов обоих государств и возможности взаимных территориальных уступок. Предусматривалось проведение плебисцитов на спорных территориях при посредничестве мирной конференции в Париже*.

Последующие редкие встречи Луцкевича с Пилсудским не дали конкретных результатов. Луцкевич настаивал на признании Польшей независимости Белоруссии, а Пилсудский рекомендовал ему, чтобы Рада БНР преобразовалась в Белорусскую Национальную Раду, утратив статус высшего представительного органа государства, и занялась исключительно вопросами образования и культуры.

Переговоры Луцкевича с Падеревским и Пилсудским не были подкреплены реальной силой с белорусской стороны — у БНР не было армии. Сам же Пилсудский в своем стремлении создать федерацию Польши, Литвы и Белоруссии наталкивался на сильное сопротивление со стороны национал-демократов, шовинистов, значительной части генералитета и офицерского корпуса. Отсюда его колебания в восточной политике.

---

* Лазько Р. Спробы заключэння беларуска-польскага саюза ў 1919 года. /«Białoruskie Zeszyty Historyczne» (Białystok), 2001, № 15, s. 118–119.

После раскола белорусского национального движения, произошедшего в декабре 1919 года, группировка Луцкевича — Алексюка — Середы поручила ведение переговоров с польскими властями Ивановскому, министру просвещения в правительстве Луцкевича*. В начале февраля 1920 года Ивановский встретился в Вильне с Пилсудским, с которым обсудил ряд важных вопросов, в том числе о создании белорусского войска. После этой встречи Пилсудский поручил вести дальнейшие переговоры не начальнику Гражданского управления восточных земель Е. Осмоловскому, а министру иностранных дел Ст. Патеку.

1 марта Патек назначил Леона Василевского председателем комиссии для переговоров с белорусскими представителями и выработки проекта урегулирования польско-белорусских отношений. Ивановский, в свою очередь, 16 марта вручил Л. Василевскому в Варшаве памятную записку по белорусскому вопросу. Первый пункт этого документа содержал требование не соглашаться на предложение председателя Совнаркома РСФСР о разделе Белоруссии между Польшей и Россией (по реке Березине, как было сказано в ноте Совнаркома от 28 января 1920 г.). Ивановский рекомендовал требовать от России и восточную часть Белоруссии.

Далее Ивановский предлагал решить судьбу своей страны на основе воли ее населения, т.е. путем референдума. Фактически, речь шла о восстановлении государственности Белоруссии в федеративной связи с Польшей.

20—24 марта переговоры Л. Василевского и В. Ивановского продолжились в Минске. Польская сторона подтвердила намерение объединить все белорусские земли, но соглашение подписано не было**. Далее переговоры не возобновились в связи с активизацией военных действий на Западном фронте и летним наступлением «красных».

Однако эти переговоры не изменили общего характера политики Польши в белорусском вопросе. 8 марта 1920 года польское правительство официально заявило, что не намерено признавать БНР. Оно соглашалось на уступки только в сферах местного самоуправления и культуры на территории Минского округа и других восточных округов (если таковые появятся в будущем). Гродненский и Виленский округа польское руководство считало частью Польши, предла-

---

* Вацлав Ивановский (1880—1943) окончил Технологический институт в Петербурге, в 1909 получил степень доктора химических наук. Был одним из создателей Белорусской Социалистической Громады, основал первое белорусское издательство «Заглянет солнце и в наше оконце». Участник первого Всебелорусского конгресса в 1917. Был смертельно ранен и умер в Минске в декабре 1943 г.

** Turonek J. Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi, s. 83—84.

гая их белорусскому населению всего лишь культурно-национальную автономию.

В апреле 1920 года Наивысшая Рада БНР предложила Польше заключить договор о федерации. Согласно проекту договорва, Польша и Белоруссия имели бы общий парламент (сейм), но отдельные правительства, финансы, войска и законодательство. Польское правительство проигнорировало это предложение.

В июне 1920 года Наивысшая Рада БНР предложила передать территорию Белоруссии под управление Лиги Наций вплоть до выборов Учредительного сейма. Далее судьбу страны определили бы депутаты сейма, представлявшие все социальные и национальные группы населения. Но и этот демарш не возымел никаких последствий.

ПОЛЬСКИЙ ОККУПАЦИОННЫЙ РЕЖИМ В БЕЛОРУССИИ

Всю первую половину 1920 года территория Белоруссии оставалась фактически разделенной между Польшей и Россией. В зоне польской оккупации оказались многие важные города, в том числе Барановичи, Белосток, Бельск, Брест, Вилейка, Вильня, Гродно, Клецк, Лида, Лунинец, Минск, Молодечно, Ошмяны, Пинск, Слоним, Слуцк и другие. В первые месяцы после изгнания российских и местных большевиков значительная часть белорусских национальных деятелей испытывала своего рода эйфорию. Поверив обещаниям Пилсудского, они ожидали скорого восстановления независимого белорусского государства.

Подобный энтузиазм значительной части деятелей белорусского национального движения вызвал беспокойство у большевистского руководства в Москве. Поэтому оно в августе 1919 года поспешило ликвидировать Литовско-Белорусскую республику. Ее исчезновение с политической карты Восточной Европы, по мнению московских комиссаров, автоматически превращало всю Белоруссию в часть России. А это, в свою очередь, давало формальное право Совнаркому и ВЦИК РСФСР возможность свободно ею распоряжаться. Вот на таких, якобы «законных основаниях», представители Москвы уже в 1919 году на переговорах в Микашевичах предлагали польской стороне установить «вечную границу» между Россией и Польшей по рекам Западная Двина, Улла и Березина*.

Однако реальные действия польских властей показали, что они вовсе не спешат создавать в Белоруссии союзную Польше демократическую республику. Да и сам Пилсудский не торопился с выпол-

* Turonek J. Op. cit., s. 81.

нением этого плана. На совещании сотрудников Гражданского управления «крэсов» в Вильне 1 февраля 1920 года он заявил:

> «Я считаю нужным дать определенные и значительные уступки белорусам в области культурного развития, но делать политические уступки в пользу белорусской фикции не хочу»*.

Все воззвания и приказы начальника государства Пилсудского, командующего Литовско-Белорусским фронтом Шептицкого и администрации «крэсов» в обязательном порядке публиковались в переводе на белорусский язык. Польские военные и гражданские власти хотели показать населению, что они не оккупанты. В этом отношении польская администрация несомненно выигрывала по сравнению с большевиками, употреблявшими только русский язык.

Была разрешена деятельность всех политических партий (кроме большевистской), выходили газеты на белорусском, польском и еврейском языках, разрешались собрания и демонстрации. Но вся общественная деятельность населения осуществлялась под контролем гражданской администрации восточных территорий, и если она где-нибудь приобретала антипольский характер, то немедленно пресекалась.

В противоположность словам польских начальников разных уровней, их практические действия с каждым месяцем все больше и больше приобретали черты именно оккупационной политики. Так, поветовыми (уездными) старостами Гражданское управление назначало только помещиков польской национальности, а войтами в гминах (волостях) –либо поляков, либо белорусов-католиков. Армейские части, жандармерия и полиция систематически реквизировали для своих нужд продовольствие, фураж и лошадей у сельского населения. Крестьяне увидели, что в этом отношении «белые паны» ничем не лучше «красных товарищей». Широко вошли в практику аресты и казни лиц, подозреваемых в подпольной деятельности и коммунистической пропаганде.

Политический референт при штабе Литовско-Белорусского фронта поручик Мариан Зындрам-Косьцялковский 4 декабря 1919 года писал в своем рапорте командующему Шептицкому:

> «Крестьяне верили, что польский солдат, освободив край от большевиков, принесет им обещанные польским сеймом аграрные права. Тем временем большинство землевладельцев поставило вопрос таким образом, будто бы польские войска пришли прежде всего для защиты их имений. Началось беспощадное взыскание всех их потерь во времена большевиков, посыпались наказания, аресты и т.д. ...Злоупотребления со стороны Войска Польского, полевой жандарме-

* Lewandowski J. Federalizm. Litwa i Białoruś, s. 229.

рии, администрации и частных лиц, прежде всего помещиков, повлекли упадок пропольских настроений среди населения»*.

Немалое подозрение вызывала у польской администрации деятельность православной церкви и еврейских синагог. Независимые белорусские газеты периодически привлекались к судебным разбирательствам за публикацию тех или иных материалов, неугодных польским властям. В Минске было запрещено ставить пьесы популярных белорусских писателей Янки Купалы и Каруся Каганца.

Большинство генералов и офицеров польской армии с самого начала не поддерживало федеративный план Пилсудского и одобряло политику инкорпорации оккупированных земель в польское государство. При этом ни польские власти, ни военнослужащие не желали учитывать реальный национальный и религиозный состав местного населения. Между тем, в большинстве уездов западной и центральной частей Белоруссии удельный вес этнических поляков и католиков не превышал 15–25% от общей массы**.

Стремясь как можно скорее утвердить свое господство «на крэсах всходних», польские власти и военнослужащие не стеснялись в средствах. Вот свидетельство из архивного документа об их действиях в Минской губернии:

> «В деревне Гарово легионеры разрушили 5 домов, а всех жителей — старых мужчин, детей, женщин — секли розгами; деревня Корсики сожжена; в деревне Летницы всех жителей били нагайками, троих расстреляли без всякого суда; в деревне Вярежа всех жителей били нагайками, двоих забили до смерти, четырех расстреляли, в том числе Андрея Кривошока и Андрея Коршуна; в Слуцком повете расстреляно 36, арестовано 200 душ; в деревне Поляны жителя Сикорского били шомполом, ему нанесли 220 ударов.
>
> В деревне Подоресье польские солдаты во время грабежей убили крестьянина Романчука — отсекли ему голову тесаками; крестьянину Сопляку распороли тесаками живот, Демьяна Котлича бросили в огонь, а Акулину Малычко — застрелили; в деревне Дражно были убиты 32 человека»...

В Минске и других городах центральной части Белоруссии действовали военно-полевые суды, выносившие смертные приговоры арестованным подпольщикам и захваченным в плен партизанам. Так, 7 мая 1920 года возле Минска, в Комаровском лесу (за нынешней площадью Якуба Коласа) были расстреляны арестованные с по-

---

* Lewandowski J. Op. cit., s. 215, 219.

** Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі. Беласток, 1999, с. 45.

мощью предателей в местечках Козырево и Койданово 8 партизан. Это Сергей и Семен Плащинские, Вячеслав Василевский, Андрей Кеппэ, Василий Погирейчик, Мелентий Процкий, Леон Путырский, Владимир Шумский*.

В Слуцком уезде отряд жандармерии в ночь на 23 апреля 1920 года вошел в местечко Греск, где произвел аресты. Вместе с 11 партизанами были арестованы трое польских солдат, местные уроженцы Петр Ярмолицкий, Михаил Емельянчик и Алесь Каминский. Эта троица помогала подпольщикам добывать оружие для партизан и вела большевистскую пропаганду в польских частях.

Уже 24 апреля состоялось заседание военно-полевого суда. Он приговорил к расстрелу 14 человек. Кроме троих польских солдат, смертные приговоры получили Никифор Бенько, Михаил Быченко, Ефим Грачук, Степан Красуцкий, Михаил Реутович, Антон Симонович, Петр Солодуха, Петр Стефанович, Максим, Михаил и Николай Тишкевичи. Еще 12 партизан суд приговорил к каторжным работам. Казнь состоялась 25 апреля на местном кладбище.

По сведениям большевистского руководства БССР, за 18 месяцев польской оккупации в 8 уездах центральной части Белоруссии пострадали от действий польских властей и войск 158.060 человек**. В эту цифру входят не только лица, подвергшиеся репрессиям, но также те, кто заявил о реквизициях продовольствия, фуража или лошадей, либо о разграблении имущества. Граждане, имевшие материальные претензии к оккупантам, составили около 80% от указанной цифры.

Подобными действиями поляки сильно осложнили свое положение на оккупированных территориях. Крестьяне взялись за оружие, стали создавать отряды самообороны и партизанские отряды.

РАСКОЛ В БЕЛОРУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ (конец 1919 — начало 1920 гг.)

Наиболее решительно выступали против действий польских властей белорусские социалисты-революционеры (эсэры) и социалисты-федералисты (эсэфы). Они перешли в оппозицию по отношению к оккупантам уже летом 1919 года, на съезде белорусов Виленщины и Гродненщины (9–12 июня в Вильне). На этом съезде эсэры и социалисты высказались за создание Литовско-Белорусской рес-

* Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919—1920 гг. Минск, 1940, с. 78.

** Там же, с. 160.

публики в границах бывшего ВКЛ и в своем большинстве отмежевались от деятелей, ориентировавшихся на Польшу.

Партия белорусских социалистов-революционеров — БПС-Р сформировалась из левого крыла распавшейся в середине 1918 года Белорусской Социалистической Громады. Среди ее членов преобладали учителя и крестьяне. Объективно она выражала интересы крестьянства. Эсэры ставили своей целью создание демократического национального государства — Белорусской Народной Республики. Первоначально они не отвергали политического союза БНР с РСФСР и даже участвовали в работе местных советов после провозглашения ССРБ. Но в связи с политикой «военного коммунизма» и преследованиями активистов национального движения, БПС-Р отказалась от поддержки большевиков. Эсэры объявили советскую власть в Белоруссии «иноземной».

Однако под влиянием систематических поборов польских властей и военщины, часто переходивших в прямой грабеж, в условиях ограничения ими деятельности национальных организаций, линия партии снова изменилась. В декларации, опубликованной 11 июля 1919 года в газете «Беларуская думка», ЦК БПС-Р сделал заявление о необходимости «создания единого центра для борьбы за освобождение Белоруссии» — разумеется, во главе с партией эсэров. ЦК также заявил, что идею республики способен реализовать на практике только Трудовой конгресс, а не Учредительный сейм. В этом конгрессе нет места представителям эксплуататорских классов. Тем самым белорусские эсэры сблизились с позицией большевиков, которые в январе 1918 года выступили против Учредительного собрания, избранного всеобщим голосованием всех граждан России, а не советами рабочих и солдатских депутатов.

В августе 1919 года ЦК партии эсэров заявил о несогласии с политической линией председателя правительства БНР социал-демократа Антона Луцкевича, сторонника «унии Беларуси с Польшей».

Партия социалистов-федералистов, объединявшая представителей белорусской интеллигенции, служащих и зажиточной части крестьянства, вступила в блок с партией эсэров и стала агитировать за созыв Всебелорусского трудового конгресса, на котором предлагалось решить вопрос о власти и о белорусской государственности. Осенью 1919 года социалисты-федералисты официально заявили о своей позиции: во-первых, бойкот выборов в органы местного самоуправления в условиях оккупации, во-вторых, пропаганда и практические действия с целью создания белорусских школ и культурно-просветительских учреждений*.

---

* Сташкевич М.С. Беларуская партыя сацыялістаў федэралістаў /«Энцыклапедыя гісторыі Беларусі». Том 1. Мн., 1993, с. 398.

В ноябре 1919 года на своей конференции в Минске эсэры сообщили о своем разрыве с теми партиями, которые ориентируются на Польшу. Они объявили себя «третьей силой», ведущей борьбу за национальную независимость на два фронта — против польских интервентов и против «империалистической московско-деникинской силы», которая идет с востока (хотя на самом деле с востока шла Красная Армия, а не Деникин). Более того, с этого момента БПС-Р отказалась от борьбы против большевиков и заявила о неприятии любой коалиции с буржуазными партиями.

В резолюции конференции говорилось, что целью партии является установление диктатуры трудового народа, «средней власти» между диктатурой пролетариата и диктатурой буржуазии. Такая программа выражала интересы и иллюзии крестьянства*.

На этой конференции был оглашен текст соглашения с большевиками, только что заключенного в Смоленске. Большевики обещали оказать помощь оружием и деньгами в деле установления Белорусской социалистической республики. В данной связи конференция поручила П. Бодуновой, Т. Грибу и Я. Мамонько создать «свою» Раду БНР, а В. Ластовскому и А. Цвикевичу — подобрать министров в новое правительство.

Между тем, Луцкевичу удалось добиться согласия Пилсудского на созыв заседания Рады БНР в Минске в декабре 1919 года. Однако его договоренность с Пилсудским о том, что Рада БНР будет преобразована в Национальный Белорусский совет (что означало превращение ее из органа государственной власти в национальный центр) сильно накалила обстановку. Эсэры и эсэфы обвинили социал-демократов не только в соглашательстве с польскими властями, но и в измене белорусскому движению. Явно назревал раскол Рады.

Сторонники полной независимости Белоруссии — Вацлав Ластовский, Петр Кречевский, Василий Захарко, Томаш Гриб, Александр Цвикевич, ксёндз Адам Станкевич — хотели устранить Антона Луцкевича с поста премьер-министра, лишив его возможности выступать от имени Рады БНР. Сторонники же Луцкевича (пропольская группировка центристов и социал-демократов), во главе с Павлом Алексюком, предлагали создать Директорию, которая играла бы роль национального представительства и вела переговоры с правительством Польши по вопросам внутренней политики в Белоруссии. Они рассчитывали с помощью Польши поднять культурный уровень и национальное самосознание народа, тем самым создавая постепенно условия для достижения независимости страны. Но большинство членов Рады отвергало такой план.

* Сташкевіч АМ.С. Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў, с. 395–396.

Раскол Рады БНР произошел 13 декабря 1919 года на заседании в Минске. Антон Луцкевич, Василий Захарко, Петр Кречевский и другие руководители БНР приехали в Минск за 12 дней до заседания. Но это им не помогло. Оппозиция (делегаты от партий эсэров и эсэфов) хорошо подготовилась к нему. Согласно уставу Рады, право посылать в нее своих делегатов имели все белорусские общественные объединения. Ластовский, находясь в Вильне, мобилизовал виленские организации, чтобы они послали своих делегатов в Раду БНР, увеличив число его сторонников. Вместе с эсэрами и эсэфами они составили большинство. Вот что писал Антон Луцкевич:

> «Характерно, что все «люди Ластовского» получили от второго отдела (Генштаба Войска Польского, занимавшегося разведкой и контрразведкой. — А.Г.) в Вильне пропуска на бесплатный проезд из Вильни в Минск и обратно: очевидно второй отдел был проинформирован о цели поездки и борьбу внутри Рады счел, понятно, выгодной для Польши»*.

Луцкевич намеревался сделать доклад о деятельности правительства на закрытом заседании Рады. Однако эсэры не только привезли новых делегатов, которых еще должна была утвердить мандатная комиссия, но и заполнили галерку посторонней публикой. Президиум Рады во главе с Язэпом Лёсиком заявил, что новые делегаты из Вильни будут допущены только после утверждения их полномочий мандатной комиссией и пленумом Рады. Луцкевич отказался выступать с докладом при посторонних, а эсэровские «новобранцы» отказались покинуть зал. Тогда члены президиума Рады, за исключением социалиста-федералиста П. Кречевского, присоединившегося к эсэрам, и члены фракций решили заседать на квартире члена президиума А. Власова, о чем сообщили эсэрам. Ни к какому компромиссу придти не удалось.

Таким образом, раскол Рады был обусловлен противоречиями в белорусском национальном движении, связанными с выбором пути к независимости Белоруссии: ориентироваться на Польшу или на советскую Россию? Отметим, что такой раскол был выгоден руководству обоих этих государств, так как он ослаблял белорусское движение и давал возможность проводить экспансионистскую политику с гораздо меньшими препятствиями.

Итак, появились две Рады. Правое меньшинство (37 человек) объявило себя Наивысшей Радой БНР. Оно являлось сторонником федерации с Польшей и состояло, в основном, из социал-демократов и христианских демократов. Председателем этой Рады стал со-

---

* Антон Луцкевіч. Да гісторыі беларускага руху. Выбраныя творы. Мінск, 2003, с. 206.

циалист-федералист Янка Середа. В ее президиум вошли Симон Рак-Михайловский, Александр Власов, Кузьма Терещенко. Совет министров снова возглавил социал-демократ Антон Луцкевич.

Антипольская группировка избрала 13 декабря Народную Раду БНР (50 человек). Пост ее председателя занял Петр Кречевский, его заместителями стали Полута Бодунова (БПС-Р) и Василий Захарко (БПС-Ф), секретарями — Н. Козич и Я. Мамонько (БПС-Р). Эти же 5 человек образовали президиум, исполнявший функции Народной Рады в период между сессиями.

14 декабря Народная Рада утвердила состав правительства. Его возглавил Вацлав Ластовский (эсэр). Заместителем премьера и министром юстиции стал Александр Цвикевич, военным министром полковник Константин Езовитов, министром внутренних дел Томаш Гриб, министром иностранных дел А. Ладнов, министр по делам вероисповеданий ксёндз Адам Станкевич.

Разумеется, польские власти в Минске поддержали правительство Луцкевича и Наивысшую Раду БНР. 17 декабря 1919 года они арестовали министров правительства Ластовского и его самого «за проведение нелегального собрания». Кроме того, польские власти издали распоряжение о роспуске Народной Рады БНР «за узурпирование не принадлежащих ей полномочий». Ластовский провел в тюрьме 2 месяца, его министры на 2 недели меньше. Всем им предложили незамедлительно покинуть «крэсы» и они уехали в литовскую столицу Ковно, где возобновили свою деятельность*.

Раскол Рады БНР значительно ослабил белорусское национальное движение.

Несмотря на признание правительства Луцкевича, польское правительство мало считалось и с Наивысшей Радой БНР и с самим премьер-министром. Никаких уступок этой группе белорусских политиков Пилсудский не сделал, конкретных планов восстановления независимой БНР не сообщил. Он лишь туманно пообещал Луцкевичу «решить белорусский вопрос» в рамках своего федералистского плана.

Такая политика польского руководства разочаровала Луцкевича. Он счел невозможным далее возглавлять правительство и 28 февраля 1920 года подал в отставку. На посту премьер-министра его сменил Аркадий Смолич, тоже социал-демократ. Сам Луцкевич и члены Наивысшей рады покинули Минск и уехали в занятую польскими войсками Вильню.

В Минске остался Временный Белорусский Национальный комитет (ВБНК), председателем которого с 17 октября 1919 года был

* Грыцкевіч А. Гісторык Вацлаў Ластоўскі /Сыны і пасынкі Беларусі. Мінск, 1996, с. 237.

Кузьма Терещенко, исключенный из БПС-Р за поддержку Луцкевича. Тем не менее, после декабрьского раскола большинство членов ВБНК поддержало правительство В. Ластовского. Не удивительно, что этот комитет оказался под влиянием партии эсэров. Последние использовали ВБНК — легальный орган, координировавший деятельность белорусских национальных организаций — для ведения антипольской пропаганды и подпольной работы*.

Итак, к началу 1920 года на занятой польскими войсками территории западной и центральной Белоруссии в белорусском национальном движении четко выделились два основных направления. Одно из них продолжало добиваться от польских властей восстановлении белорусской государственности в союзе с Польшей.

Им противостояла многочисленная, более активная и влиятельная группировка деятелей во главе с Ластовским, боровшаяся против режима польской оккупации. Эта группировка поверила обещаниям советской стороны о признании в будущем («после освобождения от белополяков») независимости Белорусской социалистической республики с коалиционным правительством из белорусских эсэров, эсэфов и большевиков.

Кроме этих двух движений, в Белоруссии существовала влиятельная группа консерваторов, представлявшая польских и ополяченных землевладельцев, а также польскую интеллигенцию в Белоруссии, тогда довольно значительную. Данная группа населения выступала за полную инкорпорацию белорусских земель в состав Польского государства. Она была тесно связана с Гражданским управлением «крэсов», а также с польскими военными кругами. Консерваторы не хотели ничего слышать ни о независимой Белоруссии, пусть даже в федерации с Польшей, ни об автономии.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВА БНР В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 г.

В первой половине 1920 года наблюдалась активная деятельность на международной арене Народной Рады и «левого» правительства БНР во главе с Вацлавом Ластовским, находившихся в Ковно (Каунасе). Основной упор они сделали на развитие отношений с прибалтийскими странами, недавно отколовшимися от Российской империи — Литвой, Латвией, Эстонией и Финляндией. В то же время правительство Ластовского весьма сдержанно относилось к Польше

* Ляхоўскі У. Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 гг. /Журнал «Спадчына», 1994, № 6, с. 57–60.

и России, справедливо видя в них претендентов на раздел между собой белорусской территории.

Основная задача дипломатов БНР была направлена на юридическое признание независимости Белоруссии европейскими государствами. Наиболее активно действовала Военно-дипломатическая миссия БНР в Латвии и Эстонии (резиденция миссии находилась в Риге). Так, в декабре 1919 года ее сотрудник генерал Корчак-Крыница-Васильковский провел переговоры с правительством Финляндии по этому вопросу. В начале февраля 1920 года Финляндия официально признала независимость БНР, что было сообщено дипломатическому представителю БНР в странах Балтии К. Дуж-Душевскому.

Труднее оказалось установить нормальные отношения с Латвией. 20 марта 1920 года на заседании белорусско-латвийской пограничной комиссии в Риге представители Латвии потребовали от белорусской стороны признать Двинск (Даугавпилс) латвийским городом. Белорусы отказались, сославшись на демографические данные (в Даугавпилсе и теперь живет много белорусов). Они предложили провести референдум на спорной территории. В результате стороны договорились об установлении белорусско-латвийской границы на этнографической основе, предусмотрев народное голосование на спорных территориях*.

Но в действительности пограничный вопрос решился иным образом. 11 августа 1920 года был заключен советско-латвийский мирный договор. Он установил ту линию границы между Латвией, с одной стороны, Россией и Белоруссией (как тогдашней частью РСФСР) — с другой, которая сохраняется до сих пор**. При этом советская Россия передала Латвии три уезда Витебской губернии, где преобладало белорусское население — Двинский (включая город Двинск), Люцинский и Режицкий.

Как уже отмечалось в предыдущих главах, наиболее дружественные отношения правительства Ластовского сложились с правительством Литвы. В первой половине 1919 года представители от БНР даже входили в состав литовских делегаций, которые вели переговоры с Польшей.

Но уже в конце того же года между литовскими властями и деятелями БНР стали возникать конфликты. Так, 21 декабря 1919 года на станции Вержболово литовская контрразведка арестовала не-

---

* Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 209–212.

** За исключением Пыталовского района (по-латышски Абрене), который Сталин в 1945 году приказал отдать РСФСР.

скольких дипломатических представителей БНР во главе с Я. Чарапуком, которые направлялись в Ригу, вскрыли дипломатический багаж белорусской делегации. Сам Чарапук был помещен в тюрьму в Ковно, где провел 24 дня без предъявления каких-либо обвинений. Его освободили только после официального протеста Военно-дипломатической миссии БНР в Риге. Попытка Чарапука привлечь к ответственности за этот инцидент министра иностранных дел Литвы не имела последствий. Литовский прокурор не принял заявление пострадавшего*.

Существовали противоречия из-за Вильни и Виленского края. Обе стороны претендовали на них — и литовская, и белорусская. Правда, с апреля 1919 года Вильня входила в состав Восточных земель Польши («крэсов»), судьба которых должна была решиться либо дипломатическим путем, либо на полях сражений.

Еще одно направление в деятельности правительства БНР — контакты белорусских дипломатов с представителями стран Антанты в Прибалтике, рассылка своих нот правительствам европейских стран и США, а также участие в работе комиссий Парижской мирной конференции, в совете послов Антанты и в Лиге Наций.

Несмотря на все это, в 1919—20 годах Белоруссия оставалась объектом геополитики соседних государств, в первую очередь России и Польши. Точнее, не объектом, а жертвой.

СОЗДАНИЕ БЕЛОРУССКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Наряду с двумя основными течениями в белорусском национальном движении — сторонников независимости и сторонников союза с Польшей, к концу 1919 года стала усиливаться и просоветская группировка.

Ею была общественно-политическая организация «Молодая Беларусь», входившая в партию эсэров на правах автономного подразделения. Возглавлял ее профессор-историк Минского педагогического института Всеволод Игнатовский (1881—1931), член ЦК партии БПС-Р. Основу организации составляли студенты Минского пединститута и молодые представители крестьянской интеллигенции, более радикально настроенные, чем основная масса эсэров. Под влиянием политических событий в Белоруссии и революционных преобразований в России усилился переход этой организации от народнических идей к коммунистическим.

* Ціхаміраў А. Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1914—1920 гг. /Журнал «Спадчына», 2000, № 5—6, с. 15.

«Молодая Беларусь» создала несколько десятков подпольных организаций. Осенью 1919 года она выступила с призывом начать вооруженную борьбу против польских оккупантов и создать совместный фронт с большевиками. В декабре 1919 года большинство радикальных деятелей этой организации вышли из состава БПС-Р.

1 января 1920 года лидеры «Молодой Беларуси» (В. Игнатовский, С. Булат, И. Кореневский, М. Куделько и А. Сташевский) создали руководящий центр новой национальной организации, которую они назвали «Белорусской Коммунистической» (БКО). Этот центр заявил, что главной целью деятельности БКО является установление «Советской Белорусской Республики с помощью Советской России, с которой Советская Белоруссия находится в федеративной связи».

В январе — феврале 1920 года в конспиративных целях члены Белорусской Коммунистической Организации объединились в подпольные группы — «пятерки» и «десятки». Всего насчитывалось до 2 тысяч членов БКО. В феврале на подпольном совещании в Минске был избран постоянный ЦК БКО из трех человек: В. Игнатовский (председатель), С. Булат, И. Кореневский.

На местах ячейки БКО сотрудничали с большевиками в подполье и участвовали в создании боевых дружин (партизанских отрядов),боровшихся с польскими оккупантами. Так, все партизанские отряды, действовавшие в Минском уезде, находились под контролем БКО. Отряды БКО действовали и в районах Борисова, Докшиц, Игумена, Лиды, Молодечно, Ошмян, Слуцка, Старых Дорог, а также в других местах.

В апреле 1920 года, после разгрома польской полицией большевистского штаба Минской повстанческой организации, ЦК БКО включил своих представителей в Белорусский повстанческий комитет, руководивший боевыми действиями всех «красных» партизан. Этот комитет поддерживал постоянную связь со штабом Западного фронта и руководствовался указаниями командующего Западным фронтом Тухачевского. В то же время, несмотря на отважную борьбу членов БКО против польских оккупантов, ЦК компартии Литвы и Белоруссии с подозрением относился к членам этой организации как бывшим эсэрам, пусть даже «левым».

СОЮЗ БОЛЬШЕВИКОВ С БЕЛОРУССКИМИ ЭСЭРАМИ

После раскола белорусского национального движения (в декабре 1919 г.) и раскола в партии белорусских социалистов-революционеров в связи с созданием Белорусской коммунистической организации (в январе 1920 г.), большевистское руководство в Москве и Смоленске решило использовать белорусских эсэров в своих интересах.

К осени 1919 года БПС-Р сформировала многочисленные партизанские отряды — крестьянские дружины, опиравшиеся на сельское население. Основой их формирования и снабжения послужила так называемая «Связь белорусского трудового крестьянства» — массовая организация на селе, которой руководили эсэры. Выступления эсэровских крестьянских дружин против польских оккупантов приобрели характер организованного военного сопротивления.

Большевики сочли целесообразным временное сотрудничество с эсэрами и с членами БКО ради совместной борьбы против польских оккупантов. Сделать это планировалось на той основе, что большевики якобы поддерживают идею белорусского национального государства. Большевики с серьезным видом обещали эсэрам восстановить Белорусскую Народную республику*.

Разумеется, они не собирались этого делать. Но в том и заключалось коварство внешней и внутренней политики большевиков (коммунистов) на всех исторических этапах, что ради достижения своих тактических целей они готовы были заключать соглашения с кем угодно и о чем угодно, меньше всего думая об исполнении своих обязательств. А вот их обманутые партнеры до поры, до времени наивно верили сказочным обещаниям представителей этой аморальной и преступной политической организации.

ЦК КП(б) ЛиБ, находившийся в Смоленске при штабе Западного фронта, получил указание из Москвы подчинить себе всех некоммунистических партизан, в первую очередь — эсэровской ориентации. В декабре 1919 года в Смоленске состоялось совещание представителей большевиков и делегации ЦК БПС-Р (П. Бодунова, Е. Трофимов, М. Освецимский, Ф. Шантырь). В смоленском соглашении двух партий, подписанными их представителями, были следующие пункты:

«1. Белорусская партия эсэров (социалистов-революционеров) должна действовать совместно с Российской Коммунистической партией.

2. Белорусская партия социалистов-революционеров вместе с Российской Коммунистической партией ведет борьбу против всех врагов советского правительства.

3. Белорусская партия социалистов-революционеров организует восстание в тылах польских войск и ведет агитацию для восстания среди белорусов.

4. Белорусская партия социалистов-революционеров применит все средства, чтобы взять в свои руки Белорусскую Войсковую комиссию в Минске, а если это не удастся — спровоцирует ее.

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть II. Гомель, 1993, с. 160.

5. Белорусская партия социалистов-революционеров берет на себя обязательство наблюдать за всеми местными организациями, направленными против советского правительства, и будет передавать ему определенную информацию о них, а в случае необходимости обязуется ликвидировать эти организации».

Кроме того, большевики гарантировали эсэрам участие в белорусском правительстве после изгнания поляков из Беларуси*.

От имени руководства своей партии Полута Бодунова выдвинула ряд требований, обязательных для исполнения в дальнейшей совместной работе. В том числе:

1. «Признание Советской Россией законным правительства Ластовского, избранного 13 декабря 1919 года Радой Республики...

2. Провозглашение и фактическое осуществление независимости той части этнографической Белоруссии, которая занята советскими войсками (губернии Витебская, б. Могилевская, ныне Гомельская, и части Смоленской и Черниговской губерний с белорусским населением).

3. Немедленная организация белорусских красных войск и концентрация их на территории Советской Белоруссии...

4. Полное и безотложное материальное содействие белорусской культурно-просв. работе в Советской Белоруссии... Громадное педагогическое, а следовательно и культурное значение надо придать преподаванию на белорусском языке, на котором во всех белорусских губерниях говорят все женщины, дети и постоянно живущие в деревне мужчины.

В то время, когда, хотя и под страшным гнетом польской оккупации, все же открыты белорусские учебные средние и низшие заведения в Минске, Вильно, Гродно, Слуцке и других местах, а также курсы белорусоведения, в Советской России нет даже курсов по подготовке белорусских учителей»**.

На этом совещании было решено объединить все большевистские и эсэровские повстанческо-партизанские отряды в единую централизованную организацию — Народную военную самооборону (НВС), ставшую как бы прообразом белорусской национальной армии. Именно мираж независимой Белорусской советской республики с коалиционным правительством и своей национальной армией привлекал эсэров к сотрудничеству с большевиками. Вскоре (в феврале 1920 г.) к НВС на тех же основаниях присоединилась и БКО.

Член РВС Западного фронта И.С. Уншлихт весной 1920 года следующим образом характеризовал деятельность Народной военной самообороны:

---

* Krótki zarys zagadnienia białoruskiego..., s. 89–90.

** Платонов Р., Сташкевич Н. Цит. Соч., с. 174–175.

«Для поддержки этого движения (партизанского) нами уже предприняты меры созданием организации НВС, которая принимает деятельное участие в организации повстанческих действий в местностях, занятых неприятелем. Ближайший тыл противника — Вильно, Минск и Барановичи — для удобства действия НВС нами разбит на несколько участков, куда высылаются инструкторы, партийные товарищи в качестве руководителей целыми уездами, или же поручается подобрать себе помощников в работе для волостей как руководителей, так и боевиков. Те и другие должны, безусловно, быть коммунистами. В случае восстания они организовывают на местах ревкомы. Им на помощь высылаются красные командиры, которые должны руководить движением»*.

Свое сообщение Уншлихт направил председателю РВС республики Л.Д. Троцкому. При этом он скрыл от Троцкого то обстоятельство, что в действительности основную массу бойцов Народной военной самообороны составили эсэры и члены БКО. Объяснялось это тем, что Троцкий отрицательно относился к эсэровскому повстанческому движению.

Таким образом, белорусские эсэры и новая организация национал-коммунистов (БКО) вступили в союз с большевиками с целью изгнания польских оккупантов и создания независимой социалистической Белоруссии, союзной советской России.

4 марта 1920 года на подпольном съезде партии белорусских эсэров в Минске ее Центральный Комитет официально заявил, что члены партии эсэров «вместе со всеми революционерами» выступают за установление власти трудящихся в Белоруссии, а эта власть решит вопрос о национальной государственности белорусского народа.

Популярность партии эсэров продолжала расти. В первой половине 1920 года она имела 5 тысяч активных членов. Под руководством ПБС-Р действовали 10-тысячная молодежная организация, а также «Союз белорусского трудового крестьянства», имевший свои отряды самообороны.

Съезд партии принял новую программу, в которую вошли тезисы социалистического характера. Она осуждала капитализм и ствила задачу перестройки общества на социалистической основе, конкретно — национализации земли, крупной и средней промышленности. Программа утверждала, что в Белоруссии происходит не пролетарская революция, а аграрно-крестьянская. «Диктатура трудового народа» будет осуществлена в форме советов**. Конечная цель аграрно-крестьянской революции — создание независимой Бело-

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. Цит. Соч., с. 161.

** Сташкевич М. Беларуская партыя сацыялістаў-рэвалюцыянераў, с. 396.

русской трудовой социалистической республики в составе Всемирной федерации свободных народов.

Такая программа сближала белорусских эсэров с большевиками. Вместе с тем стремление партии белорусских эсэров придти к власти после изгнания польских войск с территории Белоруссии вызывало тревогу у местных большевиков. Тем более, что само руководство их ЦК сомневалось в необходимости восстановления советской белорусской государственности.

Поэтому для решения этого важнейшего для белорусских эсэров вопроса, по решению ЦК БПС-Р в Москву из Смоленска выехала специальная делегация во главе с членом ЦК П.А. Бодуновой. В Москве они 8 апреля 1920 года встретились с наркомом национальностей И.В. Сталиным и наркомом финансов, секретарем ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинским.

В ходе переговоров представители белорусских эсэров обвинили российских большевиков в том, что у власти в Белорусской и в Литовско-Белорусской ССР они поставили не местных работников, а чужеродные элементы, совершенно не знающие местных условий.

Второе обвинение заключалось в том, что в Белоруссии около 800 тысяч десятин отошло в госхозы, но основную часть помещичьей земли крестьянам не передали, они остались, как и прежде, малоземельными или безземельными. А в советских хозяйствах директорами остались прежние управляющие. Приводились слова крестьян: «Имения берегут, чтобы отдать их в добром порядке панам»*.

ЦК РКП(б) положительно отнесся к объединению сил коммунистов и эсэров в борьбе против польских интервентов, но другие требования отклонил. По вопросу о возрождении белорусской государственности ЦК РКП(б) предложил временно отложить решение. Обе стороны договорились вернуться к этому вопросу позже, когда обстановка на Западном фронте улучшится. Но главная задача была решена, белорусские эсэры и Белорусская Коммунистическая организация оказались под контролем большевиков.

29 апреля 1920 года ЦК КП(б) ЛиБ, по указанию ЦК РКП(б), ввел своих представителей в подпольный Белорусский повстанческий комитет, организованный эсэрами в марте в Минске и руководивший действиями эсэровских партизанских отрядов. Отныне действия трех сил — красных партизан, крестьянских отрядов, дружин БКО — координировал единый центр. Ему была поставлена задача подготовить общее выступление всех партизанских сил в момент наступления войск Западного фронта.

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. Цит. Соч., с. 171–173.

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РСФСР И ЛИТВОЙ

Мобилизовав левые силы в Белоруссии и поставив их под свой контроль, большевистское руководство России стремилось обеспечить тыл Красной Армии во время готовившегося наступления.

Учитывая принципиальные разногласия между буржуазной Литвой и Польшей в вопросах о принадлежности Виленского края и федеративного союза, правительство Ленина решило сделать Литву своей союзницей в войне против Польши. Правда, литовские вооруженные силы не превышали двух дивизий, но имел значение и другой фактор — геополитический.

Со своей стороны и литовское правительство стремилось заключить мир с РСФСР. Оно надеялось, что новое столкновение российской и польской армий позволит ему, во-первых, занять Вильню и Виленский край, а во-вторых, отодвинуть границу с Польшей дальше на юго-запад, в бывшую Сувалковскую губернию.

31 марта 1920 года правительство Литвы направило ноту правительству РСФСР, в которой говорилось:

> «Ввиду того, что на территории Литвы не находится более ни одного русского солдата, а с другой стороны, литовский народ взялся за оружие лишь для того, чтобы отвоевать и обеспечить себе независимость, а не с целью захвата русской территории (имелась ввиду белорусская территория, которую Совнарком и ВЦИК РСФСР считали российской. — *А.Г.*), Литовское Правительство настоящим заявляет, что оно готово заключить мир с Россией. Главным условием мира является признание полной независимости Литвы в ее этнографических границах, т.е. заключающей в себе в общих чертах бывшие Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильно. Если Русское Правительство согласно на наши предложения, мы пришлем наших делегатов для выработки подробностей и для подписания мирного договора»*.

Следует отметить в этой связи, что в Гродненскую губернию входили Белосток, Бельск, Дрогичин, Беловежская пуща и Брест, где никакого литовского населения никогда не было.

На эту ноту правительство РСФСР откликнулось по радио практически мгновенно, уже 2 апреля (два дня ушли на составление текста своей ноты и согласование его с Лениным). На следующий день ноту опубликовала газета «Известия». Совнарком РСФСР выразил согласие на ведение переговоров о заключении мира с Литвой. Правда, был разъяснен принцип определения границ:

---

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 438–439.

«Российское Советское Правительство согласно применить этнографический принцип как основу для определения границ территории Литовского государства, предоставив обсуждение деталей и вопросы о национальной принадлежности того или иного города предполагаемой конференции между двумя Правительствами*.

Столь же быстро (4 апреля) был получен ответ министра иностранных дел Литвы Аугустинаса Вольдемараса. Его нота была короткой.

«Подтверждая получение Вашего ответа на наши мирные условия, Правительство Литвы просит Вас ответить в форме, не допускающей сомнения, признаете ли Вы за Литвой города Вильно и Гродно. Литва не допускает, чтобы вопрос об ее независимости составил одно из условий договора. Независимость ее должна быть признана предварительно. Она является неотъемлемым правом народов и не может составить предмета обсуждений. Только после точного ответа мы сможем начать переговоры»**.

8 апреля также по радио (с публикацией в «Известиях») последовала нота наркома иностранных дел РСФСР Чичерина министру иностранных дел Литвы, где говорилось, что РСФСР уже признала «де факто» независимость Литвы в своей предыдущей ноте, но это признание будет зафиксировано и в мирном договоре «чтобы получить юридическое выражение в формальном акте». Далее в ноте Чичерина было сказано:

«Что касается вопроса о границах нового государства и, в частности, о принадлежности некоторых городов к Литве, то мы заявили, что Российское Советское Правительство принимает этнологический принцип как основу в решении этого вопроса. Литовское Правительство должно дать себе отчет в том, что лишь тогда, когда оно познакомит нас с этнологическими данными, касающимися этого вопроса, мы сможем вывести вытекающие из них заключения и предпринять соответствующие политические шаги, которые окажутся необходимыми.

Если Литовское Правительство знает, что в силу этнологических данных названные им города должны быть отданы Литве, оно может быть уверено, что Российское Советское Правительство без колебаний примет эти заключения, но ясно, что прежде всего необходимо ознакомить Правительство с этими данными»***.

Мирные переговоры с Литвой начались в Москве 7 мая 1920 года и тянулись более двух месяцев.

* Там же, с. 438.

** Документы внешней политики ССР. Том II, с. 451.

*** Документы внешней политики СССР. Том II, с. 450–451.

Дипломаты РСФСР, подчиняясь указаниям ЦК РКП(б) и самого Ленина, стремились заключить договор с Литвой по образцу договора с Эстонией от 2 февраля 1920 года. Российскую делегацию возглавлял А.А. Иоффе, имевший немалый опыт в дипломатической деятельности.

Литовские представители упорно требовали значительных территориальных уступок Литве за счет белорусских земель. Они предъявили претензии, кроме Ковенской, Виленской, Гродненской и Сувалковской губерний еще и на Новогрудский уезд Минской губернии, на части Иллукстенского и Гробинского уездов Курляндской губернии. Напомним, что советско-латвийский мирный договор к тому времени еще не был подписан.

Российская делегация соглашалась уступить Литве Вильню и Виленский край на том основании, что Вильня — «историческая столица» Литвы. Прочие же требования литовской стороны вначале были отвергнуты. 15 мая 1920 года советская делегация предъявила литовцам этнографическую карту, на которой литовскими были показаны только Сувалковская, Ковенская и западная часть Виленской губернии (без Вильни). Однако литовская делегация настаивала на передаче своей стране всей Гродненской губернии.

Переговоры затягивались. Один из литовских делегатов (П. Климас) сообщал министру иностранных дел 26 мая 1920 года:

> «Русские принципиально не могут удовлетворить наши требования, так как в Лидском, Ошмянском и особенно Гродненском уездах у нас, действительно, почти нет никаких этнографических доказательств, за исключением очень старых и неубедительных упоминаний о том, что в некоторых местах жители пользуются литовским языком, или об их историческом литовском происхождении»*.

Попутно договорились с литовской делегацией о реэвакуации беженцев (договор от 30 июня 1920 года). Из России могли уехать на родину литовцы, покинувшие родные места либо выселенные во время мировой войны или гражданской войны.

А в это время (в мае) войска Западного фронта уже перешли в наступление. Дальнейшее затягивание переговоров, опасались в Москве, могло привести к соглашению между Литвой и Польшей о союзе против РСФСР. 4 июля 1920 года министр иностранных дел Польши Эустахи Сапега заявил, что польское правительство готово признать «де факто» независимость Литвы и установить с ней добрососедские отношения. Поэтому Ленин дал указание наркому иностранных дел Чичерину и главе советской делегации Иоффе пойти на уступки ли-

** Ціхаміраў А. Беларуска-літоўскія дачыненні ў 1914–1920 гг. Цит. Соч., с. 16.

товской стороне. Все равно скоро должна была начаться всемирная пролетарская революция, которая сметет все границы!

Наконец, 12 июля 1920 года в Москве был подписан мирный договор между Россией и Литвой. В 1-й статье договора РСФСР безоговорочно признала суверенитет и независимость Литовского государства. 2-я статья договора описывала (с приложением карты) «государственную границу между Россией и Литвой». Разумеется, о Белоруссии в договоре не было ни слова, граница называлась «российской», хотя Красная Армия еще не вышла к ней по всему периметру.

Итак, линия госграницы начиналась на западе южнее польского Августова, проходила в 30 километрах южнее Гродно и оттуда шла на восток по реке Неман до впадения в нее притока Березины (небольшой реки севернее Новогрудка; не путать с большой рекой Березина к востоку от Минска). Затем граница поворачивала на север и проходила в 60—70 км западне Минска, оставляя на российской стороне местечко Воложин (1 км от границы), города Молодечно (линия граница прошла возле западной окраины тогдашнего города) и Вилейка (граница в 11 км западнее города). На литовской стороне оставались озеро Нарочь, города Поставы и Браслав. Далее граница выходила возле местечка Друя (на российской стороне) к реке Западная Двина, а там уже была Латвия*.

Таким образом, по этому договору Литве доставались города Гродно, Лида, Вильня, Ошмяны и Браслав. А латвийско-литовская граница значительно удлинялась по реке Западная Двина. (В настоящее время упомянутые районы составляют большую часть Гродненской, значительную часть Витебской и даже часть Минской области Республики Беларусь).

Статья 2 имела важное для командования Красной Армии добавление:

> «Принимая во внимание факт войны между Россией и Польшей и оккупацию последнею части территории, согласно настоящего мирного договора являющейся территорией Литвы, и ввиду невозможности для Российских армий приостанавливать военные действия против Польши на литовской границе, нижеподписавшиеся от имени Правительства Литовской Демократической Республики заявляют, что оно ни в коем случае не сочтет за нарушение настоящего договора и недружелюбный в отношении Литвы акт — факт перехода Российскими войсками литовской границы и занятие ими части территорий, по настоящему договору составляющих территорию Литовского Государства, с тем, однако, условием, чтобы по ми-

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 29—31 и карта между с. 40 и 41.

новании военно-стратегической надобности Российские войска были выведены из означенных территорий»*.

Правда, конвенция о совместных военных действиях между командованием Западного фронта и командованием Литовской армии не была заключена. Литовское правительство не желало связывать себя какими-нибудь конкретными обязательствами, а тем более подчинять свою армию команованию Западного фронта, пусть только в оперативном отношении.

После заключения этого договора литовские войска в середине июля 1920 года начали выдвигаться к линии новой границы, прежде всего на северном участке, вблизи Западной Двины. Но действовали они самостоятельно, не согласуя свое продвижение с командованием Западного фронта. Тем не менее, большевистское руководство обрадовалось. 21 июля нарком Чичерин передал министру иностранных дел Литвы Ю. Пурицкису приветствие в связи с «совместными действиями литовских и российских войск против польских империалистов». Он также отметил, что оккупация российскими войсками литовской территории (указанной в московском договоре) является временной и не угрожает независимости Литвы**.

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 41.

** Там же, с. 60.

Глава 9

МАЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

СИТУАЦИЯ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ В НАЧАЛЕ 1920 ГОДА

В сентбре 1919 года активные военные операции на Западном фронте прекратились. Заняв оборону, войска обеих сторон пополняли личный состав, вооружение, боеприпасы... А тем временем штаб Западного фронта готовил планы будущего наступления.

Советская Россия добилась успехов на фронтах гражданской войны. В начале 1920 года была завершена борьба на Северном фронте: в феврале взят Архангельск, в марте — Мурманск.

На Восточном фронте большевики одержали решающие победы над армиями Колчака. 6 января 1920 года они взяли Красноярск и продолжили наступление в Восточную Сибирь. Впрочем, вскоре они его прекратили, ибо руководство РСФСР хотело избежать прямого конфликта с Японией. С этой целью оно 6 апреля учредило «буферную» Дальневосточную республику со столицей в Верхнеудинске (ныне Улан-Удэ)*. Значительные силы Красной Армии постепенно перебрасывались из Сибири на другие фронты.

Глава государства и верховный главнокомандующий Пилсудский тоже сделал свой выбор. По его мнению, Польше следовало поддержать независимость Украинской Народной Республики, чтобы совместно с ней противостоять агрессии России в западном направлении. Следовательно, устремления Польши и России по отношению к Украине являлись противоположными. Большевики, как и белые генералы, не были склонны к компромиссам.

Одновременно Пилсудскому и его группировке приходилось учитывать двойственную позицию стран Антанты. С одной стороны, они поддерживали Польшу в ее борьбе против «красной» Россией, так как эта борьба помогала белогвардейцам одолеть больше-

---

* В это марионеточное государство формально вошли Забайкальская, Амурская, Приморская, Камчатская области и Северный Сахалин. В ДВР было создано «народное правительство» из большевиков, меньшевиков и эсэров, власть которого реально распространялась только на Забайкалье. Народно-революционная армия ДВР свыше двух лет с переменным успехом воевала против белогвардейцев, которых поддерживали интервенты. Но летом — осенью 1922 года иностранные войска покинули Дальний Восток, после чего войска ДВР заняли Владивосток. С 15 ноября 1922 года ДВР «добровольно» присоединилась к РСФСР. — *Прим. Ред.*

визм, что осенью 1919 года казалось вполне реальным. С другой стороны, правительства Англии и Франции беспокоились о том, чтобы польские войска не оккупировали слишком большую территорию в Белоруссии и Украине, так как это нанесло бы ущерб возрожденной России. Тем более, что Деникин соглашался установить границу с Польшей только по Западному Бугу, надеясь вернуть под российское управление и Украину, и Белорусию, и Литву, и Латвию.

В этом стремлении его и других предводителей «белого движения» поддержали страны Антанты. Специальная комиссия по польским делам, созданная Парижской мирной конференцией в 1919 году, определила восточную границу Польши с Россией (разумеется, «белой»). При этом комиссия руководствовалась указанием делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии, считавших необходимым включить в состав Польского государства только те восточные земли, где преобладало польское население. Верховный совет Антанты утвердил линию границы, начертанную комиссией, своей декларацией от 8 декабря 1919. Эта линия в основном совпадала с западной границей Российской империи после 3-го раздела Речи Посполитой в 1795 году.

Вот почему слабая «красная» Россия была предпочтительнее для Пилсудского, чем «белая». С ней можно было договориться о разделе территорий Украины, Белоруссии и Литвы. Именно поэтому Пилсудский осенью 1919 года прекратил дальнейшее наступление польских войск на восток и спас этим большевиков от неминуемого разгрома совместными ударами белогвардейских и польских армий.

Внутреннее положение Польши за 1919 год стабилизировалось. Численность армии увеличилась; она лучше была снабжена оружием, боеприпасами и продовольствием. В ответ на мирные предложения советского правительства польская сторона сообщила, что желает обеспечить безопасность своей восточной границы и потребовала для населения восточной части давней Речи Посполитой, т.е. Белоруссии и Украины, права свободы выбора его государственной принадлежности.

Поляки предложили вести мирные переговоры в прифронтовом Борисове, занятом летом 1919 года польскими войсками и прекратить военные действия в этом районе на время переговоров. Советская сторона от ведения переговоров в Борисове отказалась, предложив вместо него Москву, Варшаву или город нейтральной страны, например Эстонии. Переговоры о начале переговоров явно затягивались.

Между тем, Пилсудский еще в январе 1920 года получил информацию разведки о том, что главное командование Красной Армии

перебрасывает на польский фронт освободившиеся после разгрома армии Деникина дивизии с Северного Кавказа и с Дона. А в районе Борисова происходит концентрация батарей тяжелой артиллерии, что указывает на планируемое место прорыва фронта. Именно поэтому советская сторона упорно отказывается вести переговоры в Борисове с одновременным фактическим перемирием на этом участке фронта: тогда срывается наступление в этом месте. Скрыть же концентрацию войск здесь невозможно.

Возложив ответственность за затягивание начала мирных переговоров на Совнарком РСФСР, польское правительство в ноте от 7 апреля 1920 года снова предложило вести их в Борисове, на том основании, что сюда одинаково удобно добираться по железной дороге из Москвы и Варшавы, и что здесь легко можно связываться по телеграфу и радио с русской и польской столицами.

Наркоминдел РСФСР Чичерин в своей ответной ноте, адресованной Станиславу Патеку и переданной по радио на следующий день, не только снова отверг Борисов в качестве места переговоров, но и обвинил польское правительство в том, что оно «создает непреодолимое препятствие для мирных действий, к которым приступили обе страны». Одновременно Чичерин обратился по радио к министрам иностранных дел Англии, Франции, Италии и США, упрекая их за то, что они не хотят «склонить польское правительство занять менее неуступчивую позицию по этому вопросу»*.

После этого обмена посланиями Пилсудский пришел к окончательному выводу, что Ленин и Троцкий намеренно откладывают переговоры с целью выигрыша времени для подготовки наступления на Польшу.

Действительно, уже в январе 1920 года, когда Красная Армия добивала армии Деникина и Колчака, в Москве был принят план войны с Польшей. Согласно ему, главный удар должен был нанести Западный фронт.

Общий стратегический замысел военно-политического руководства РСФСР сводился к тому, что в первую очередь надо овладеть Белоруссией и Западной Украиной. После этого следовало вторгнуться в Польшу и Германию, с помощью «революционных рабочих» свергнуть их правительства и установить диктатуру коммунистов, такую же, как в России. На следующем этапе предусматривался «экспорт революции» в другие страны Европы — Чехословакию, Венгрию, Румынию, Болгарию, Австрию, Италию...

Командующим Западным фронтом Реввоенсовет республики назначил 29 апреля 1920 года 27-летнего Михаила Тухачевского, бывшего поручика лейб-гвардии Семеновского полка, успешно про-

---

* Документы внешней политики СССР. Том II, с. 445–448.

явившего себя в качестве командарма на Восточном и Южном фронтах.

Справка: Тухачевский Михаил Николаевич (1893–1937) в армии с 1912, в 1914 окончил военное училище, в 1914–15 на фронте, с февраля 1915 по август 1917 находился в немецком плену, сумел бежать в Россию. В 1918–20 военком Московского оборонительного района, командующий 1-й армией, помощник командующего Южным фронтом, командующий 8-й и 5-й армиями. В 1920–21 командующий Кавказским, Западным фронтами, 7-й армией, войсками в Тамбовской губернии. Член партии большевиков с 1918 г.

В 1921–22 начальник Военной академии РККА . В 1925–28 начальник Штаба РККА, в 1928–36 командующий ЛВО, зам. наркомвоенмора и председателя РВС СССР, начальник управления вооружения РККА. С 1936 первый зам. наркома обороны, начальник управления боевой подготовки РККА. С 1937 командующий Приволжским ВО. В мае 1937 арестован органами НКВД, осужден на сфальсифицированном процессе и 11 июня казнен. (*Ред.*)

Происходила мобилизация в Красную Армию молодых крестьян в центральных районах России, и в губерниях Восточной Белоруссии, переданных в состав РСФСР. При этом силой, «цементирующей войска», военно-политическое руководство большевиков считало членов своей партии, а также комсомольцев. Каждую неделю на Западный фронт прибывали новые части. Штаб фронта, штабы армий и дивизий разрабатывали оперативные планы. Интендантская служба готовила запасы оружия, снарядов, патронов, продовольствия, медикаментов.

Итак, с марта 1920 года обе стороны усиленно готовились к новому военному столкновению.

План Пилсудского состоял в том, чтобы поддержать УНР и украинскую Директорию во главе с С.В. Петлюрой, занять вместе с украинскими войсками Правобережную Украину.

К концу 1919 года вооруженные силы Польши насчитывали 21 пехотную дивизию и 7 кавалерийских бригад, общей численностью до 600 тысяч человек. В первые месяцы 1920 года в армию были призваны молодые солдаты, что к апрелю увеличило армию до 700 тысяч. Войско Польское значительно усилилось за счет армии генерала Юзефа Галлера, переброшенной из Франции, и дивизии генерала Люциана Желиговского из добровольцев-поляков, доставленной с Кубани через Румынию*.

* Kukiel M. Zarys historii wojskowości w Polsce. Londyn, 1949, s. 305.

Общая протяженность линии советско-польского фронта составляла около 1500 километров. Разумеется, столь громадное пространство не могли полностью контролировать ни российские войска, ни польские. Поэтому те и другие занимали лишь города и другие крупные населенные пункты, основные пути сообщения, концентрируя свои войска на отдельных, наиболее важных направлениях.

На Западном фронте время от времени происходили бои местного значения. Например, 24–26 января 1920 года польские части переправились на восточный берег Березины и разбили части 8-й СД «красных» в районе Кличева. В результате этого боя был захвачен штаб 23-й пехотной бригады, 11 командиров и много рядовых, 1 броневик, 1 пушка и 5 пулеметов*. Такие же «пробы сил» зимой и весной 1920 года имели место в районах Бобруйска, Дриссы и Полоцка.

С польской стороны с 15 мая 1919 года действовал Литовско-Белорусский фронт, которым командовал граф Станислав Шептицкий, получивший 1 июня 1919 года высший чин «генерала брони» (оружия). Он, бывший австрийский полковник, был первым начальником генерального штаба Войска Польского.

В марте 1920 года Литовско-Белорусский фронт был ликвидирован. Но уже в мае восстановлен под названием Северо-Восточный фронт, а в августе реорганизован и переименован в Северный фронт под командованием генерала брони Юзефа Галлера, тоже бывшего австрийского офицера. Таким образом, фронтом командовали генералы, имевшие опыт мировой войны.

В начале 1920 года в Украине действовал польский Волынский фронт, созданный 30 марта 1919 года; вначале он вел бои с украинскими войсками. 2 июня 1919 года этот фронт был ликвидирован, но восстановлен 23 июля. Им командовал генерал дивизии Антони Листовский, бывший генерал российской армии. Через 9 месяцев (23 марта 1920 г.) Волынский фронт был окончательно ликвидирован, а вместе него 25 мая создан Украинский фронт под командованием того же А. Листовского. Но 26 июня его сменил молодой (34 года) генерал Эдвард Рыдз-Смиглы. В первой половине июля фронт подвергся реорганизации и сменил название на Юго-Восточный фронт.

Перед началом крупных военных операций на востоке высшее командование свело польские войска в армии. На правом (южном) крыле всего польского фронта действовала 6-я армия, созданная 7 марта 1920 года. Севернее ее дислоцировалась 2-я армия (Подольско-Киевское направление), тоже созданная 7 марта под командо-

* ИСО XVI, с. 67.

ванием А. Листовского. Правда, ее ликвидировали 25 мая, но уже в конце июня восстановили. Севернее 2-й армии действовала 3-я армия (Волынско-Киевское направление), созданная 19 апреля под командованием генерала дивизии Э. Рыдз-Смиглого.

В Полесье действовала Полесская группа войск, оперативно подчиненная командованию Литовско-Белорусского (Северо-Восточного) фронта. Ее возглавлял полковник Владислав Сикорский.

К северу от нее располагалась 4-я армия (Минское направление), созданная 23 марта 1920 года. Ею командовал генерал С. Шептицкий, а с июля 1920 года генерал дивизии Леонард Скерский, бывший российский генерал-артиллерист.

Еще севернее, вплоть до латвийской границы, находилась 1-я армия (Виленское направление), созданная в марте 1920 года. Ее командование часто менялось. Первым командующим был генерал дивизии Стефан Маевский (до мая), затем генерал дивизии Густав Зыгадлович (в мае — июле), а его сменил генерал дивизии Ян Ромер.

Наконец, за левым (северным) крылом польских войск район Вильни и польско-литовскую демаркационную линию закрывала 7-я армия: всего одна дивизия и несколько отдельных частей.

К началу наступательных операций войска Литовско-Белорусского (Северного) фронта насчитывали 79 тысяч штыков и сабель.

2-й, 3-й и 6-й армиями Украинского фронта командовал сам Юзеф Пилсудский, лично возглавивший поход в Украину. Эти три армии насчитывали 65 тысяч штыков и сабель.

Западный фронт РСФСР в 1920 году стал главным фронтом Красной Армии. Именно ему высшее руководство большевиков поручило нанести основной удар по противнику, разгромить польские войска, занять Варшаву и понести дальше в европейские страны знамена пролетарской революции.

Как отмечал командующий фронтом Тухачевский, назначенный на эту должность вместо В.М. Гиттиса, благодаря тому, что закончились победой сражения на Восточном и Южном фронтах, с прибалтийскими республиками были заключены мирные договоры, на Западный фронт удалось направить лучшие силы Красной Армии. Войска первой линии имели к концу апреля (без учета Мозырской группы) 49.610 штыков и сабель, 1976 пулеметов и 660 орудий. Но в мае — июне прибывали все новые и новые пополнения.

В любом случае Западный фронт к маю 1920 года представлял собой грозную силу, способную нанести мощный удар польским войскам. В конце апреля 1920 года здесь находились две армии — 15-я и 16-я. Ими командовали Август Иванович Корк (1887–1937), быв-

ший подполковник российской армии, и Николай Владимирович Соллогуб (1883–1937), бывший полковник.

20 мая 1920 года была создана Мозырская группа войск Западного фронта для действий на Полесье, в районе реки Припяти. В нее вошли 57-я стрелковая дивизия, 72-я и 139-я стрелковые бригады, Днепровская военная флотилия и (с августа) 17-я кавалерийская дивизия. Командовал Мозырской группой войск Тихон Серафимович Хвесин (1894–1938), бывший унтер-офицер.

Партийно-политическую работу осуществлял Реввоенсовет (РВС) Западного фронта, в состав которого входили Иосиф Уншлихт и Феликс Дзержинский (с 9 августа по 10 сентября 1920 г.).

Левый (южный) фланг Западного фронта обеспечивал созданный 10 января 1920 года Юго-Западный фронт, действовавший в Украине. Командующим Юго-Западным фронтом с 10 января 1920 года был А.И. Егоров, бывший полковник российской армии, член партии большевиков с 1918 года. В состав РВС фронта входили Р.И. Берзин, Х. Раковский, И.В. Сталин.

Штаб Юго-Западного фронта находился в Харькове.

Перед началом наступления польских войск в составе Юго-Западного фронта были 12-я армия, переданная этому фронту 10 января 1920 года, и 14-я армия. Вместе они насчитывали 15.654 штыка, 1232 пулемета и 236 орудий.

12-й армией сначала командовал Сергей Меженинов (1890–1937), бывший капитан российской армии, а с 16 июня 1920 года Гаспар Восканов (1886–1937), бывший подполковник.

14-й армией командовали: Иероним Уборевич (1896–1937), бывший подпоручик (с октября 1919 до 29 февраля 1920, вторично с 25 мая по 7 июля 1920); Роберт Эйдеман (1895–1937), бывший прапорщик латышских стрелков (с 13 марта по 24 мая); Михаил Молкочанов (с 7 июля по 27 сентября), бывший подполковник.

Справка: Егоров Александр Ильич (1883–1939). Родом из Самарской губернии, из семьи рабочего. Экстерном сдал экзамены за гимназический курс и в 1901 поступил в армию вольноопределяющимся. В 1905 окончил Казанское пехотное юнкерское училище. Затем ушел из армии, работал актером. В 1914 был призван на войну. Отличался храбростью, 5 раз был ранен. В 1917 в чине подполковника командовал полком. В 1918 вступил в партию большевиков. В Гражданскую войну командовал 9-й (в 1918), 10-й (в 1918-19), 14-й (в 1919) армиями. С октября 1919 командовал Южным фронтом, успешно провел Орловско-Курскую, Воронежско-Касторненскую и Ростовско-Новочеркасскую операции. В 1920 командовал Юго-Западным фронтом.

В 1921–30 командовал Кавказской армией, Киевским, Петроградским, Украинским и Белорусским округами (в 1925–26 воен-

ный атташе в Китае). С 1931 начальник Штаба РККА (с 1935 — Генштаба). В 1937–38 зам. наркома обороны. С 1935 маршал СССР. Арестован и казнен органами НКВД в 1939.

Общая численность войск Красной Армии, выставленных против поляков на Западном и Юго-Западном фронтах, возрастала в 1920 году с каждым месяцем:

1 января: 4 стрелковые дивизии, 1 кавалерийская бригада
1 февраля: 5 стрелковых дивизий, 5 кавалерийских бригад
1 марта: 8 стрелковых дивизий, 4 кавалерийские бригады
1 апреля: 14 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские бригады
15 апреля: 16 стрелковых дивизий, 3 кавалерийские бригады
25 апреля: 20 стрелковых дивизий, 5 кавалерийских бригад*

Большинство этих войск находилось на Западном фронте.

В конце марта 1920 года польская разведка сообщила верховному главнокомандующему Пилсудскому о совещании в штабе Западного фронта, состоявшемся 20 марта. На нем было заявлено о подготовке генерального наступления фронта, даны соответствующие задания командованию армий и дивизий.

Эта информация ускорила решение Пилсудского и польского Генерального штаба начать наступление в Украине. По их мнению, оно должно было расстроить планы высшего советского руководства и задержать наступление Западного фронта.

МОЗЫРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК

Готовясь к крупному наступлению в Украине, польское командование предварительно провело тактическую операцию по захвату уездного города Мозыря и железнодорожного узла Калинковичи вблизи него.

Захват Мозыря и Калинкович прерывал важные для военных нужд железнодорожные перевозки по линии Невель — Витебск — Орша — Могилев — Рогачев — Жлобин — Калинковичи — Ельск — Овруч — Жмеринка. Эта рокадная железная дорога позволяла «красным» быстро перебрасывать войска и боеприпасы на разные участки фронта. Поэтому установление польского контроля над Калинковичами вынуждало советское командование пользоваться в южном секторе дорогой Жлобин — Гомель — Чернигов, находившейся значительно дальше от линии фронта. А захват Мозыря позволял

* Прушиньський М. Драма Пільсудського. Війна 1920. Київ, 1997, с. 121.

польским войскам занять выгодную позицию на возвышенной правом берегу Припяти.

Главнокомандующий Пилсудский 26 февраля 1920 года издал приказ о начале мозырской операции в начале марта 1920 года. В случае ее успеха Полесская группа польских войск создала бы угрозу правому (северному) флангу 12-й советской армии в Украине. Полесская группа состояла из 9-й пехотной дивизии (командир дивизии и всей группы — полковник Владислав Сикорский) и 2-й кавалерийской бригады (два полка) полковника Здислава Костецкого. Группа насчитывала 7 тысяч штыков и 1700 сабель, она имела 202 пулемета, 28 орудий, 2 бронепоезда («Пилсудчик» и «Канев»).

Район Мозыря — Калинкович защищали две бригады 47-й советской СД. В эти бригады неполного состава входили отряды «революционных» матросов, венгерских коммунистов и бывших военнопленных австро-венгерской армии. Польская разведка оценила силы противника в 4 тысячи штыков, 150 сабель, 84 пулемета, 24 орудия и 6 бронепоездов*. В тылу, в районе Речицы (85 км от Калинкович) находилась 57-я стрелковая дивизия «красных».

План Мозырской операции предусматривал наступление 17-й пехотной бригады в центре на Мозырь и Калинковичи с одновременным обходом сил противника на флангах: на севере 2-й кавалерийской бригадой через местечко Шацилки (ныне город Светлогорск) к Днепру, на юге — 18-й пехотной бригады через Ельск на Барбаров и Наровлю. Им была поставлена задача окружить и уничтожить войска большевиков в районе Мозыря. Параллельно 4-я пехотная дивизия должна была ударить с севера на Овруч (южнее Калинкович, после Ельска), чтобы отвлечь внимание и силы «красных» от основной операции польских войск.

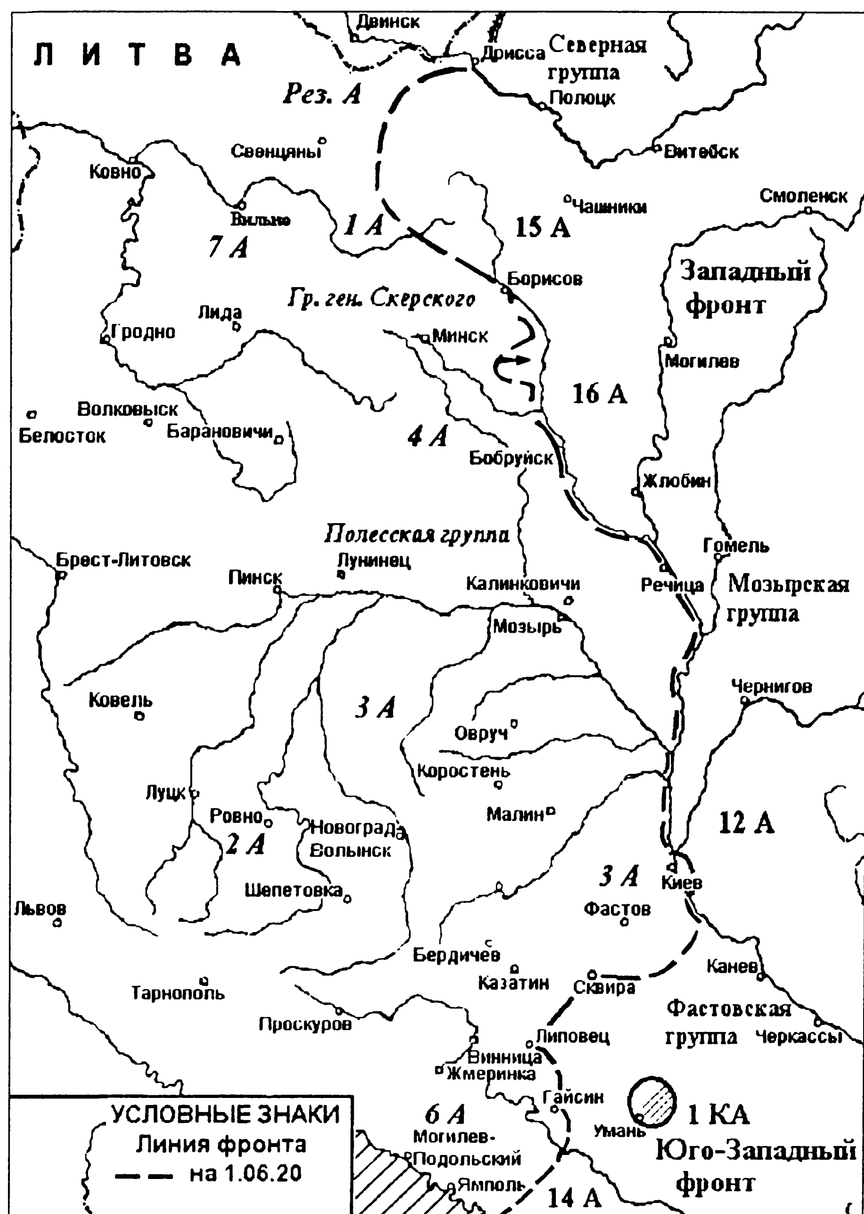
В трудных условиях весенней распутицы в лесисто-болотистой местности, войска Полесской группы начали наступление на рассвете 4 марта. Первые же атаки польских войск принесли им успех. Дело в том, что случайно они совпали с заменой частей 47-й СД, отводившихся в тыл, частями 57-й СД. Поэтому бой приняли перемешавшиеся между собой батальоны обеих дивизий, что нарушило управление их действиями.

Вечером 5 марта два батальона из 17-й пехотной бригады подошли к Калинковичам, обойдя их с северо-востока, и завязали бой на станции. Красноармейцы пытались контратаковать, но были отброшены. Два красных бронепоезда под огнем уехали в Речицу, а третий бронепоезд был захвачен. Утром 6 марта польские подразделения полностью заняли станцию Калинковичи, взяв в плен около 500 человек.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 8—9.

18-я пехотная бригада той же 9-й дивизии к полудню 5 марта ворвалась в Мозырь и захватила мост через Припять, через который идет дорога на Калинковичи. Подразделения польской бригады ок-

Линия наибольшего продвижения польских войск в мае — июне 1920 г.

ружили в Мозыре штаб 1-й бригады 47-й советской СД. Захват города произошел настолько стремительно, что, когда пехотинцы окружили здание, начальник штаба 1-й бригады диктовал машинистке очередной приказ. Штабисты оказали некоторое сопротивление, но быстро сдались. В 17 часов с юго-западного направления в Мозырь вошли под звуки оркестра остальные подразделения 18-й пехотной бригады.

К утру 6 марта войска Полесской группы вышли на рубежи, указанные в приказе Пилсудского, за исключением Шацилок. Это местечко они заняли вечером того же дня. Выполнив основную задачу, войска Полесской группы продолжили наступление. Вскоре они заняли Ельск, Барбаров и Наровлю южнее Мозыря.

«Красные» пытались контратаковать. Особенно сильный натиск имел место в районе местечка Шацилки (80 км севернее Мозыря) на Березине. Однако польские войска оказали упорное сопротивление. В ходе боев с 17 до 23 марта все атаки «красных» были отбиты*.

Вследствие успешного наступления Полесской группы линия Западного фронта прогнулась в этом секторе на восток, создавая угрозу губернскому центру Гомелю и его железнодорожному узлу.

Польские войска не только овладели важными населенными пунктами, но и улучшили свои транспортные возможности: они захватили бронепоезд, 21 паровоз, 890 вагонов, а на Припяти — 3 бронекатера и 23 речных судна. Было взяты свыше 800 пленных, 14 орудий, несколько десятков пулеметов, два склада боеприпасов. Польские потери в ходе Мозырской операции составили 62 человека убитыми и ранеными. За эту операцию полковник Владислав Сикорский получил орден «Виртути Милитари» 2-го класса и чин генерала-подпоручика.

МАЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

25 апреля 1920 года польские войска на Украине под командованием Юзефа Пилсудского пошли в наступление на широком фронте, от Припяти до Днестра. Вместе с польскими действовали и войска УНА (Украинской национальной армии).

Польско-украинские войска без особого труда прорвали оборону Юго-Западного фронта, уже 26 апреля они заняли Коростень и Житомир, 27 апреля Казатин и Жмеринку, 6 мая — Киев, а 7 и 8 мая — плацдармы на восточном берегу Днепра. К 18 мая поляки

* Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór dokumentów. Warszawa, 1920, s. 207–210.

и петлюровцы вышли на рубеж: восточный берег Днепра в районе Киева — Белая Церковь — Гайсин — Ямполь (на Днестре). Отступление красных войск на Юго-Западном фронте сопровождалось значительной потерей живой силы, до 25 тысяч красноармейцев попали в плен.

Утрата Киева вызвала сильное возбуждение не только в рядах «белой гвардии», но и среди бывших офицеров российской армии, находившихся на территории «совдепии». В своем большинстве они стояли на позициях русского империализма, считали Украину (впрочем, как и Белоруссию) «неотъемлемой частью» России*.

Эти настроения ловко использовало высшее большевистское руководство. Генерал от кавалерии Алексей Алексеевич Брусилов (1853–1926), который в мае — июле 1917 года был верховным главнокомандующим вооруженных сил России, а ныне проживал в Москве, по предложению Троцкого специальным воззванием призвал бывших офицеров царской армии вступать в РККА для защиты России от «польской интервенции». Дескать, повторяется 1612 год!

Был срочно создан специальный комитет из бывших генералов и офицеров, поддержавших призыв Брусилова. В Красную Армию вступили тысячи офицеров. Вот так у большевиков неожиданно появилось много профессионально подготовленных командиров, значительную часть которых они направили на Западный и Юго-Западный фронты. Сам А.А. Брусилов в мае 1920 года был назначен председателем Особого совещания — консультативного органа «военспецов» при Главкоме вооруженных сил РСФСР.

Чтобы облегчить положение войск ЮЗФ в Украине, РВС республики принял решение, а главком С.С. Каменев отдал приказ командующему Западным фронтом Тухачевскому как можно скорее начать наступление в Белоруссии, хотя войска к нему еще не были готовы. Суть замысла заключалась в том, что польских войск здесь было недостаточно для организации сильной обороны, поэтому командованию противника неизбежно придется перебрасывать войска с Украины, прекратив там дальнейшее продвижение на восток.

Во время кампании 1920 года хорошо действовала польская военная разведка. Из ее донесений Пилсудский узнал о подготовке За-

---

* Российская империя возникла в первой половине XVIII века на основе Московского государства, а оно, в свою очередь, известно в истории четырьмя веками непрерывной экспансии во всех направлениях. Восточная Украина (по левому берегу Днепра) была присоединена к Московии в последней трети XVII века, Западная (правобережная) к России — только в 1795 году. Киев стал владением московских царей в 1667 году, по Андрусовскому перемирию. В предыдущие 800 лет он не имел никакого отношения к Москве. Тезис о «неотъемлемости» — выдумка российских шовинистов. — *Прим. Ред.*

падного фронта к генеральному наступлению на запад. Поэтому он решил повторить маневр, проделанный в Украине: «отменить» советское наступление своей атакой. Пилсудский хотел атаковать с юга (из Украины) на север, через Мозырский плацдарм, в направлении Жлобин — Могилев — Орша. План этого удара в тыл Западного фронта предусматривал начало операции 17 мая.

Однако Тухачевский на три дня опередил польских штабистов. По его приказу войска Западного фронта пошли в наступление на его северном (правом) фланге утром 14 мая. Но, поскольку крупное наступление планировалось на более поздний период, поскольку операция проводилась в условиях спешки, она была подготовлена недостаточно хорошо.

Надо отметить смелость решений Тухачевского. Он происходил из старинного рода смоленской шляхты, известного с начала XVI века, но не смущался ни своим происхождением, ни службой в императорской гвардии. Его подчиненные — командующие армиями, корпусами и дивизиями, как правило тоже являлись бывшими офицерами старой армии. Но он обладал большим преимуществом перед ними — партийностью. Они же считались «военными специалистами», а потому находились под постоянным контролем членов реввоенсоветов, имевших право отменить любой их приказ.

Тухачевский вступил в партию большевиков в 1918 году, вскоре после бегства из немецкого плена, где находился вместе с молодым французским капитаном Шарлем де Голлем. Он гораздо меньше «военспецов» считался с мнением членов Реввоенсовета фронта. Кроме того, выполняя поручения главного командования Красной Армии, он не считался и с потерями.

План майской операции состоял в том, чтобы разгромить противника в Белоруссии и открыть себе путь на Варшаву, а уцелевшие польские войска оттеснить на юг, к полесским болотам, и там полностью уничтожить.

Главный удар наносили войска Северной группы (две дивизии и одна бригада) и 15-й армии из района Полоцка на Вильню. Вспомогательный удар наносила 16-я армия из района местечка Березино в направлении Игумен (Червень) — Минск.

Северной группой командовал Е.Н. Сергеев (1887–1937), выпускник Академии генерального штаба в Петербурге, участник мировой войны, служивший в Красной Армии с июля 1918 г. Эта группа была создана 5 мая специально для наступления. 15-й армией командовал А.И. Корк, а 16-й армией — Н.В. Соллогуб.

Численность войск Западного фронта к началу майской операции составила 75 тысяч штыков и 5 тысяч сабель. Они имели 459 орудий, 1935 пулеметов, 15 бронеавтомобилей, 10 бронепоездов и 67 аэропланов. Это была внушительная сила. Кроме того, во время на-

ступления и после него на Западный фронт прибывали войска, освободившиеся на других фронтах, а также резервные части из центральных российских губерний.

Западному фронту противостоял быший Литовско-Белорусский, а ныне Северо-Восточный фронт. В мае здесь находились две польские армии. На северном участке — более сильная 1-я армия, занимавшая позиции между Западной Двиной и верхней частью Березины. Она обороняла направление на Вильню и Лиду. Этой армией командовал генерал Стефан Маевский, но в мае его заменил генерал Густав Зыгадлович.

Южнее располагалась 4-я армия, которой лично руководил генерал Станислав Шептицкий, командующий фронтом. В июле его сменил генерал Леонард Скерский. 4-я армия обороняла позиции на Березине, следовательно, направление на Минск — Брест.

1-я и 4-я польские армии в середине мая имели около 64 тысяч штыков и 3800 сабель. У них было 347 орудий, 1947 пулеметов и 22 аэроплана*. Таким образом, «красные» обладали превосходством в живой силе (на 12 тысяч человек), артиллерийских орудиях (на 112 стволов) и самолетах (на 45 машин).

В белорусском Полесье действовала Полесская группа Владислава Сикорского, но прямого участия в отражении наступления Западного фронта она не принимала.

В тылу 1-й и 4-й армий на польско-литовской демаркационной линии западнее Вильни находилась созданная в марте 1920 года небольшая 7-я армия (одна дивизия и несколько отдельных частей). Однако в отражении майского наступления Западного фронта она тоже не участвовала.

Тухачевский имел в своем распоряжении в середине мая 14 дивизий (еще одна высаживалась из эшелонов, чтобы двинуться на фронт). Семь из них давно находились на Западном фронте и уже привыкли к позиционному размещению. Зато 7 новых дивизий прибыли после побед на других фронтах с боевым настроением и со значительным числом добровольцев-коммунистов.

Северная группа состояла из 18-й СД, прибывшей с латвийской границы в район возле Дриссы (ныне Верхнедвинск), 55-й СД и 164-й стрелковой бригады в районе Полоцка. Эта группа должна была прорвать позиции 1-й армии (4 дивизии) на левом крыле польского фронта и двигаться к Вильне через Глубокое и Поставы.

Из района Улла — Лукомль на 1-ю польскую армию наступала переброшенная недавно на фронт 15-я советская армия (командующий А.И. Корк). Основной удар она наносила по позициям 1-й Ли-

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2, s. 117.

товско-Белорусской дивизии в районе Ушачи — Лепель. Позиции этой дивизии были растянуты в лесисто-озерной местности почти на 100 км. В 15-й армий было 6 стрелковых дивизий. С севера на юг дислоцировались 6-я, 53-я, 4-я, 11-я, 56-я и 29-я СД. После прорыва фронта 15-й армии предписывалось через район между озером Нарочь и городом Молодечно тоже идти на Вильню.

16-я армия (командующий Н.В. Соллогуб) несколькими днями позже наносила вспомогательный удар по дивизиям 4-й польской армии по рубежу реки Березины от Борисова до местечка Свислочь (по фронту в 80—90 км) в направлении Игумен — Минск с поворотом на Борисов с юга. Кстати говоря, именно более позднее наступление 16-й армии позволило польскому командованию перебросить к Минску две дивизии с Украины и отстоять подступы к нему.

На рассвете 14 мая началось наступление войск Северной группы и 15-й армии в широком «коридоре» между Западной Двиной и Березиной, в лесисто-озерном крае. Наибольшую концентрацию войск имела 15-я армия, поэтому ей удалось сбить противника с позиций и оттеснить его по всей полосе своего натупления. Части 1-й Литовско-Белорусской дивизии и соседней с ней 8-й (Мазовецкой) пехотной дивизии не выдержали энергичного натиска российских дивизий. Все, что они смогли сделать, так это разрозненными контратаками замедлить темп наступления Северной группы и 15-й армии. Для усиления темпа наступления командующий Северной группой Е.Н. Сергеев уже днем 14 мая отправил на Лепель из резерва 5-ю СД, а 16 мая на Ушачи 15-ю кавалерийскую дивизию.

Со своей стороны, командование 1-й польской армии тоже ввело в бой резерв — 17-ю Великопольскую (Познаньскую) пехотную дивизию, что помогло замедлить наступление войск Северной группы и 15-й армии. Польские дивизии несли большие потери убитыми, ранеными и пленными*.

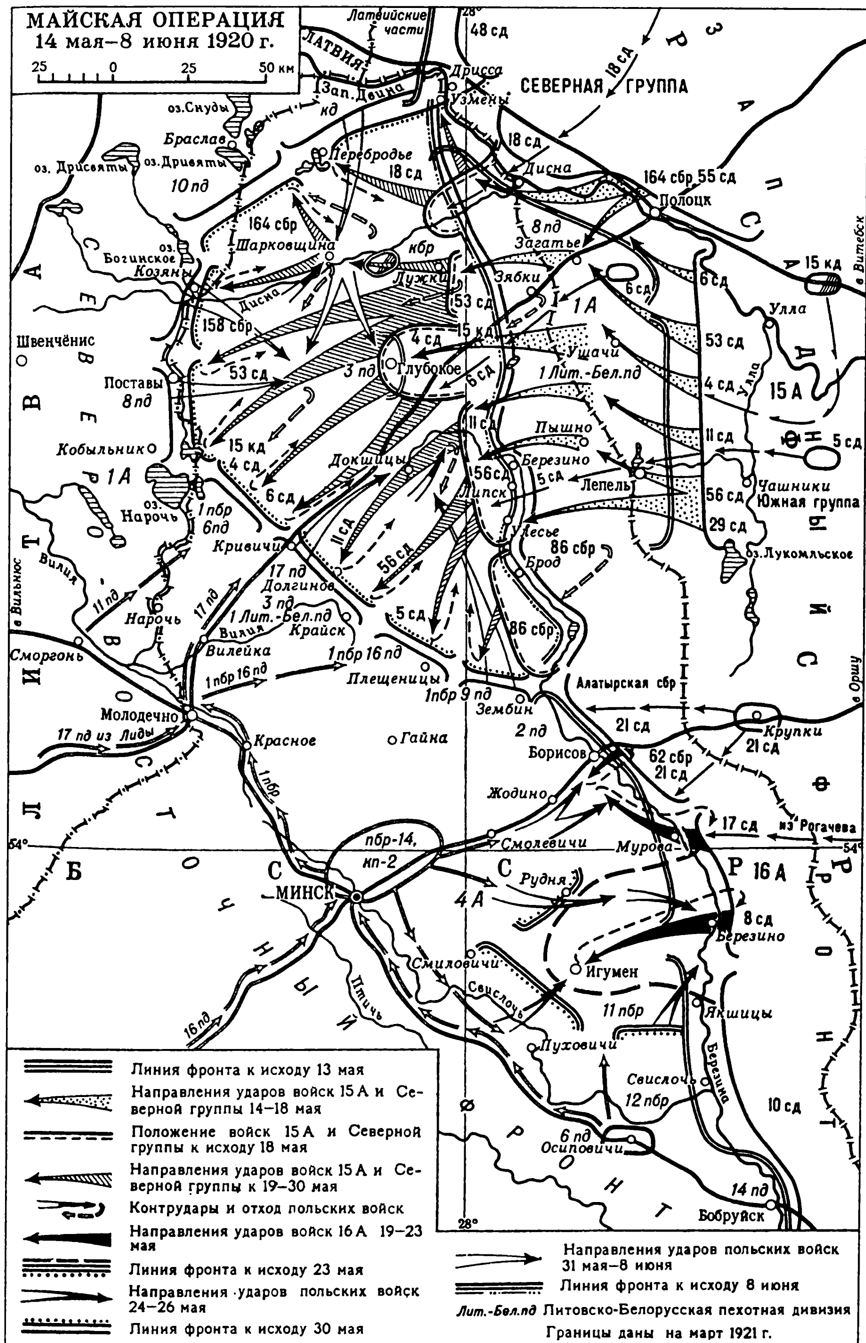
14 мая 2-я пехотная бригада 1-й Литовско-Белорусской дивизии (командир — полковник Чеслав Мончиньский), состоявшая из двух полков — Гродненского и Новогрудского — отбивала атаки частей 56-й и 5-й СД под Городцом, между Чашниками и Лепелем. 15 мая, отступив, она обороняла Пышно (15 км северо-восточнее Лепеля). Наконец, 2-я бригада отошла к местечку Березино**, на пути от Лепеля к Докшицам. В это же время 1-я бригада Литовско-Белорусской дивизии (Виленский и Минский полки) с боями отходила от местечка Ушачи к Глубокому, севернее 2-й бригады.

За пять дней наступления — с утра 14 до вечера 18 мая — войска Северной группы, правого крыла и центра 15-й армии продвинулись

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2, s. 118—119.

** Еще одно местечко с таким названием.

Майская операция Западного фронта

на 70–80 километров, а левого крыла 15-й армии, выделенного из нее 15 мая в Южную группу, — на 50 километров. В результате успешного наступления войск Западного фронта в польском фронте на севере Белоруссии возник разрыв между войсками. Однако наметившийся успех Е.Н. Сергеев и А.И. Корк не использовали, так как у них уже не было резервов.

Кроме того, успех на северном участке фронта не был подкреплен действиями 16-й армии. Она перешла в наступление с опозданием на двое суток: вместо 17 только 19 мая, когда наступательный порыв войск Северной группы, 15-й армии и Южной группы начал уже исчезать. Сказались и потери, которые понесли войска «красных» в боях с яростно сопротивлявшимся противником. Тем не менее, к вечеру 18 мая линия фронта проходила уже западнее города Дисны, далее на юг через реку Ауту до Глубокого, а оттуда на юго-восток до верхнего течения Березины и по Березине до Борисова.

Только теперь командующий 16-й армией Н.В. Соллогуб отдал приказ о наступлении на минском направлении, но изменил его направление. 16-я армия повернула на 40 км южнее ранее указанного ей района — на Игумен вместо Борисова. Этот поворот повлек за собой разрыв между основными группами наступавших войск большевиков. В районе местечка Березино (не путать с Березино в верховьях Березины) 17-й и 8-й СД 16-й армии удалось форсировать реку Березину и с боем 23 мая взять уездный город Игумен (65 км восточнее Минска), а севернее его местечко Рудня. Но в результате контратак поляков, подтянувших сюда резервы, обе эти дивизии 16-й армии были остановлены, а затем под ударами частей 6-й польской пехотной дивизии к 27 мая вернулись за Березину на свои старые позиции.

Все же наступление 16-й армии, хоть и закончившееся неудачей, позволило северному крылу Западного фронта продолжать наступление и к 31 мая выйти на линию Козяны — Поставы — озеро Нарочь — Долгиново (50 км юго-восточнее Нарочи) — Плещеницы — Зембин (30 км северо-западнее Борисова) — восточнее Борисова — река Березина.

Однако к тому времени переброска двух польских дивизий по железной дороге с Украины и прибытие подкреплений из Польши изменили дальнейший ход событий. Неподалеку от линии фронта, в городе Свенцяны, 25 мая был создан штаб новой, Резервной армии во главе с вице-министром военных дел генералом Казимиром Соснковским. Эту армию составили две вновь прибывшие пехотные дивизии и кавалерийская бригада.

Польское командование решило контратаковать войска Западного фронта. Резервная армия должна была нанести удар на севере,

чтобы заставить противника отступить и восстановить прежнюю линию фронта.

1 июня началось контрнаступление польской армии. В первые же дни боев польские войска добились успеха. Уставшие в боях дивизии Западного фронта начали отступать, неся большие потери. В руки поляков попало много трофеев. Сотни красноармейцев сдавались в плен. Так, в местечке Козяны (севернее озера Нарочь) сдались более 200 красноармейцев, было взято 7 пулеметов. Между Долгиновым и Кривичами сдались 250 человек.

4 июня польские части заняли Глубокое и Докшицы, 5-го — Мстиж, 6-го — местечки Плисса и Черница. 7-го июня две группы наступавших польских войск соединились в районе Докшиц и Глубокого. 7 июня были заняты Германовичи и Лужки, а 13 июня операция завершилась*. Пилсудский остановил дальнейшее продвижение, хотя генерал Шептицкий настаивал на преследовании и разгроме противника.

В целом, майская наступательная операция Западного фронта оказалась неудачной. Задача, поставленная высшим командованием — занять всю территорию Белоруссии и разгромить польские войска — не были достигнута. Войскам Западного фронта на правом (северном) фланге и в центре наступления на северном участке фронта удалось продвинуться на 70—80 километров, а на левом (южном) фланге этого участка — на 50 километров. Но развить наступление дальше не удалось из-за отсутствия резервов и переброски польским командованием подкреплений.

В результате контрнаступления польские войска вернули большую часть своих прежних позиций. Только в районе Лепеля «красным» удалось сохранить часть занятой в мае территории, да на левом берегу Западной Двины они расширили Полоцкий плацдарм.

Причинами неудачи стали следующие: недостаточная подготовка войск, часть которых бросали в бой чуть ли не из прибывших эшелонов; разбросанность войск на большом пространстве (впрочем, как и у противника); слабое взаимодействие между войсками Северной группы, 15-й и 16-й армий; отсутствие резервов для развития успеха в первые дни боев.

Вместе с тем майская операция Западного фронта помогла командованию Юго-Западного фронта перегруппировать войска и подготовить их к крупному наступлению в Украине, которое началось 25 мая, в разгар боев в Белоруссии. Кроме того, она стала своего рода «репетицией» июльского наступления Западного фронта.

---

* Pierwsza wojna polska (1918—1920). Zbiór wojennych komunikatów. Warszawa, 1920, s. 236—241.

Глава 10

ПОДГОТОВКА ГЕНЕРАЛЬНОГО НАСТУПЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

ИЮЛЬСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ ВОЙСК ЗАПАДНОГО ФРОНТА

Высшее большевистское руководство в 1920 году придавало Западному фронту большое значение. Войска генерала П.П. Врангеля еще находились в Крыму и Северной Таврии. Советская власть не была установлена на Дальнем Востоке и в Закавказье (за исключением Азербайджана). Не были решены проблемы с Украиной. Значительная часть Белоруссии находилась под польской оккупацией. Но в целом Гражданская война в России заканчивалась победой большевиков.

Нанеся поражение польским войскам в Украине, советское командование готовило наступление в Белоруссии. Тухачевский разработал новый план наступательной операции, одобренный руководством в Москве. Сама по себе Польша не особенно беспокоила кремлевское руководство, кроме, пожалуй, ее претензий на хлебную Украину. Но географически Польша открывала путь для «экспорта революции» в Европу, прежде всего в Германию.

Главным вдохновителем борьбы против «белополяков» был Лев Троцкий, народный комиссар по военным делам и председатель Реввоенсовета Республики, которому подчинялась Красная Армия. Главнокомандующий С.С. Каменев, бывший полковник, играл в этом плане менее важную роль*.

Зато командующий Западным фронтом Тухачевский имел значительно больший «вес», чем командующие другими фронтами. Дворянин и гвардейский офицер в прошлом, он уже два года являлся членом партии большевиков, чем выгодно отличался от большинства «военспецов». Поэтому его решения были более смелыми, и чаще находили поддержку в Москве.

Новое наступление Западного фронта, намеченное на июль, должно было не только вернуть под контроль режима большевиков всю территорию Белоруссии, но также «освободить Польшу от власти помещиков и буржуазии», установить в Польше власть советов и начать победный марш в Европу.

---

* С.С. Каменев умер в 1936 году, что не помешало Сталину несколько позже объявить его «врагом народа». Ближайшие его сотрудники и даже знакомые были казнены в 1937–38 гг.

Несмотря на организационные трудности и нехватку транспорта, командование Западного фронта усиленно готовилось к новому наступлению.

В первую очередь Тухачевский и его штаб заботились о восполнении потерь в войсках после майско-июньских сражений. Штаб Западного фронта принял решение об «удвоении числа штыков в каждой стрелковой дивизии» и нашел простой способ решения этой задачи: за счет дезертиров. Прифронтовая местность была буквально переполнена ими. Тухачевский в своей книге «Поход на Вислу» отмечал:

> «Обитатели самых отдаленных районов дезертировали так же легко, как и местные уроженцы. По сведениям, имевшимся у нас, Западный фронт был переполнен дезертирами из числа призывных годов. Мы рассчитывали, что при правильно поставленной кампании можно будет извлечь из деревень до 40 тысяч дезертиров. Начались явки дезертиров добровольно. Особенно старались они под видом добровольцев являться в действующие части. Только редкие элементы извлекались административным порядком. В течение месяца было изъято около 100 тысяч дезертиров, что в два с половиной раза превысило наши надежды.
>
> Прибывшие к нам на фронт мобилизованные коммунисты и профсоюзники были двинуты в эту свеженавербованную массу, быстро обработали ее и влили в нее дух бодрости и решимости в борьбе с панской Польшей»*.

В результате объявленной амнистии дезертирам и записи добровольцев, до начала июльского наступления в войска Западного фронта были мобилизованы около 100 тысяч дезертиров. Правда, в лесах прифронтовой полосы, на болотах и в глухих деревнях находилось еще столько же, если не больше.

К 4 июля 1920 года в войсках Западного фронта насчитывалось уже 80.942 штыка, 10.569 сабель, а также 68.727 человек в тыловых и вспомогательных службах, а всего 160.238 человек. Фронт располагал 722 орудиями и 2913 пулеметами.

Заметим, что времени для «сколачивания» частей было очень мало. Майская операция закончилась 8 июня, а генеральное наступление началось 4 июля. Вряд ли за такой промежуток времени можно было сделать идейного борца из вчерашнего дезертира. В основном, они шли в армию, чтобы избежать расстрела в случае поимки специальными командами. Конечно, такие «добровольцы» не отличались ни моральной устойчивостью, ни патриотизмом. В трудных условиях они легко поддавались панике.

---

* Тухачевский М.Н. Избранные произведения. Том I. М., 1964, с. 126–127.

Второй серьезной проблемой командования фронта, армий, дивизий и полков являлись обозы. Войска нуждались в непрерывной доставке боеприпасов и продовольствия, оружия и различного имущества. Требовалось эвакуировать раненых. Но грузовиков в войсках тогда не было. Легковые автомобили использовало высшее начальство. Оставался гужевой транспорт с лошадьми «второго сорта», негодными для кавалерии. Артиллерия в то время тоже была на конной тяге.

Поэтому вслед за наступающими войсками по сельским дорогам на многие десятки верст тянулись тысячи фурманок (повозок), конфискованных у белорусских крестьян. Так, 4-я армия мобилизовала для своих нужд 8 тысяч подвод, 15-я и 3-я армии — по 15 тысяч подвод каждая, 16-я армия — 10 тысяч подвод, а всего свыше 48 тысяч! За редким исключением, это были одноконные телеги, способные везти не более 300—400 килограммов. Такие повозки часто ломались, лошади уставали и падали. Приходилось снова «мобилизовать» лошадей и повозки в ближайших к дорогам деревнях, что вызывало негодование крестьян.

Система снабжения армии за счет местного населения более или менее сносно действовала на территории Белоруссии. Когда же войска Западного фронта вступили на польскую территорию, а коммуникации чрезвычайно растянулись (главная тыловая база находилась в Смоленске), снабжение полевых войск заметно ухудшилось. Конфискация же продовольствия у польского населения производилась с чрезвычайно большим трудом.

Войска Западного фронта в июне значительно усилились за счет двух новых армий (3-й и 4-й) и конного корпуса. 3-й армией с 11 июня командовал Владимир Саламанович Лазаревич (1882—1938), бывший подполковник царской армии, окончивший Академию Генерального штаба. С ноября 1919 по март 1920 года он был начальником штаба Западного фронта. До этого командовал армией на Восточном фронте, воевал против Колчака.

4-й армией с 18 июня командовал Евгений Николаевич Сергеев (1887—1937), тоже бывший подполковник российской армии, окончивший Академию Генерального штаба. Во время майской операции он возглавлял Северную группу на Западном фронте.

Такими же боевыми офицерами с опытом мировой и гражданской войны были и другие командующие армиями и многие командиры в войсках фронта.

3-м Конным корпусом, входившим в состав 4-й армии, командовал Гайк Бжишкян (1887—1937), более известный под псевдонимом Гай. Он происходил из армянской семьи, получил хорошее образование, во время мировой войны воевал прапорщиком в гвардейском полку. В Красной Армии и в партии большевиков состоял

с 1918 года. В корпус входили две кавалерийские дивизии, 10-я и 15-я.

Командующим 15-й армии был Август Иванович Корк (1887—1937), бывший подполковник, тоже участник мировой войны.

16-й армией еще с августа 1919 года командовал Николай Владимирович Соллогуб (точнее, Соллогуб-Довойно), из дворян Минской губернии, полковник российской армии, с боевым опытом. Кстати, в польской армии в то время служил полковник (позже генерал) Станислав Соллогуб-Довойно, тоже бывший полковник российской армии, дальний родственник Николая Владимировича.

В 16-й армии числилась 17-я стрелковая дивизия, сформированная в октябре — ноябре 1918 года на основе 1-й Витебской пехотной дивизии и 2-й Смоленской пехотной дивизии. В 1919 году она воевала в Белоруссии в районах Молодечно, Лепеля, Полоцка, Жлобина, получила название «железной». Командовал ею Витовт Казимирович Путна (1893—1937). Этот сын литовского крестьянина окончил коммерческое училище и художественную школу в Риге, в 1915 году был призван в армию, начал службу в царской армии рядовым, а через два года уже командовал батальоном. Путна вступил в большевистскую партию еще в 1917 году*.

Командующим Мозырской группой был Тихон Серафимович Хвесин, член РСДРП с 1911 года, бывший унтер-офицер, а впоследствии первый заместитель наркома коммунального хозяйства РСФСР.

На Припяти действовала Днепровская военная флотилия, которой командовал Петр Иванович Смирнов (1897—1939), совсем еще молодой командир. После технической школы он добровольно вступил в 1918 году в Красную Армию и служил в кавалерии, но потом ему поручили командовать Волжской военной флотилией!

План июльской операции предусматривал нанесение главного удара на северном участке фронта силами 4-й, 15-й и 3-й армий, в полосе Западная Двина — верховье реки Березина, от небольшой реки Аута, впадающей в Дисну (приток Западной Двины), в направлении на Свенцяны.

Вспомогательные удары наносили 16-я армия из района Борисова на Минск — Барановичи и Мозырская группа, одна колонна ко-

* Путна был кавалером трех орденов Красного Знамени, что можно считать аналогом звания «трижды герой Советского Союза» . Но выдающиеся заслуги на поприще «революционной борьбы» и звание комкора не спасли его от сталинских палачей. 11 июня 1937 года они пристрелили его в одном из своих подвалов.

торой наступала по правому берегу Березины с поворотом на Слуцк и далее на Пинск, другая по северному берегу Припяти, тоже на Пинск. Мозырскую группу обеспечивала входившая в ее состав Днепровская флотилия.

Задачей войск Западного фронта являлось рассечение фронта польских войск и уничтожение его основных сил на севере, в районе Глубокое — Докшицы.

К началу июля войска Западного фронта заняли исходные позиции. На самом северном участке фронта, возле границы с Латвией, находился 3-й Конный корпус, который получил самостоятельную задачу: как можно быстрее прорваться к Вильне. На этом же северном участке от Западной Двины в юго-западном направлении была нацелена вся 4-я армия.

Южнее, в направлении на Глубокое и Молодечно, находилась 15-я армия. Слева от нее (т.е. еще южнее) в направлении на Радошковичи — Новогрудок дислоцировалась 3-я армия. В центре Белоруссии готовилась наступать 16-я армия. Приготовилась к наступлению и Мозырская группа.

Вследствие большой протяженности фронта войска не занимали сплошной линии. Но на главных направлениях ударов они были сконцентрированы и превосходили силы поляков в полтора — два, а в некоторых местах даже в три раза. Этого было достаточно для прорыва фронта и выхода на оперативный простор. Да и в артиллерии Западный фронт имел преимущество.

Как уже сказано, с рубежа небольшой реки Ауты, южнее города Дисна, 4-я армия и 3-й Конный корпус должны были вдоль границы с Латвией обойти северный фланг 1-й польской армии генерала Г. Зыгадловича и далее наступать на Свенцяны.

15-я армия, как наиболее сильная, наносила в центре удар в направлении на Глубокое, чтобы связать боем центр польских войск и не допустить их отхода.

А 3-я армия из района к югу от местечка Березино (на верхней Березине, не путать с одноименным местечком в среднем течении реки) должна была нанести удар на северо-запад, в направлении Докшиц.

Тухачевский и Каменев явно хотели повторить сценарий битвы под Седаном 1–2 сентября 1870 года, где германские войска фланговыми обходами окружили, а затем разгромили французскую армию императора Наполеоном III. Они запланировали обход с флангов, окружение и разгром 1-й армии Войска Польского.

Одновременно вспомогательные операции 16-й армии и Полесской группы войск должны были привести к выравниванию линии фронта и захвату центральной части Белоруссии.

Польский Северо-Восточный фронт (со штабом в Минске) состоял из двух армий.

На северном участке фронта дислоцировалась 1-я армия, созданная в марте 1920 года. Перед началом наступления красных войск ею командовал генерал Густав Зыгадлович. Штаб 1-й армии находился в Вилейке. В июне армия имела 6 пехотных дивизий — 72 батальона и 61 батарею (244 орудия), всего около 38 тысяч штыков. Из кавалерии остался только 13-й полк виленских уланов.

Центральное направление (Борисов — Минск) обороняла 4-я армия, тоже созданная в марте. Этой армией командовал генерал Леонард Скерский. В ней было 4 с половиной дивизии (52 батальона, 47 батарей, 5 эскадронов дивизионной кавалерии). На 300 километров фронта здесь приходилось 23 тысячи штыков и сабель.

На юге Белоруссии (в Полесье) находилась Полесская группа генерала Владислава Сикорского. В ней было до 8 тысяч штыков и бригада кавалерии неполного состава.

Кроме того, на польско-литовской демаркационной линии в районе Вильни находилась 7-я польская армия. Она состояла из одной неполной дивизии (2-й Литовско-Белорусской полковника Александра Борущака) и насчитывала всего лишь 2700 штыков (фактически два полка). Только 5 июля главное командование польской армии передало ее в распоряжение командующего Северо-Восточным фронтом и преобразовало в группу генерала А. Борущака. Но эта группа противостояла литовским войскам.

Таким образом, польские 1-я и 4-я армии и Полесская группа (всего около 72-х тысяч человек, 464 орудия) своей численностью существенно уступали армиям Западного фронта (около 92-х тысяч). Тухачевский имел в своем распоряжении четыре армии и Мозырскую группу войск, Шептицкий — две армии и Полесскую группу войск. 23 российским дивизиям (в т.ч. двум кавалерийским) и одной бригаде противостояли 12 польских дивизий. Главный удар красные войска наносили по 1-й польской армии: своими 15 дивизиями и одной бригадой по 6 польским дивизиям.

Накануне наступления Западного фронта, 1 июля, у Пилсудского в Варшаве состоялось совещание. Видя превосходство противника, Пилсудский предложил Шептицкому сократить линию фронта на 130 километров и отступить на линию старых российско-германских окопов, т.е. на 150 километров назад. Однако Шептицкий не согласился. Он сказал, что отступление без боя ослабит боевой дух солдат, а кавалерийский корпус противника все равно обойдет эту линию. Шептицкий высказался за сражение на тех позициях, где в настоящее время находятся войска. Главнокомандующий принял его аргументы и приказа отступать не дал.

Чтобы лучше использовать силы, размещенные на направлении главного удара противника, командующий фронтом генерал Шептицкий приказал сформировать в составе 1-й армии две оперативные группы — северную и южную.

В Северную оперативную группу вошли 11-я пехотная дивизия и 1-я Литовско-Белорусская дивизия. Она и приняла на себя главный удар красных войск. Группой командовал генерал Ян Жондковский (командир 1-й Литовско-Белорусской дивизии), в прошлом полковник российской армии.

Южная группа имела задание оборонять участок от озер Долгое и Шо (в районе Глубокого) до устья реки Пони при впадении ее в Березину (в 20 км восточнее Докшиц).

При этом 1-я Виленская бригада 1-й Литовско-Белорусской дивизии была оставлена в распоряжении командующего 1-й армии в качестве армейского резерва в районе Тумиловичей. В резерве армии осталась и 8-я пехотная дивизия (без артиллерии), находившаяся в районе деревни Лужки (30 км севернее Глубокого)*.

Местность, где начиналось наступление войск Западного фронта, была заболоченной и лесистой. Но здесь можно было использовать лесные дороги. На Минском направлении места тоже были лесистые, но болот меньше, а дороги — лучше.

В Полесье преобладали болота, прорезанные небольшими реками. Главные города и местечки в этом регионе находились вдоль больших рек — Припяти и Березины.

2 июля 1920 года Тухачевский отдал приказ о начале наступления на рассвете 4 июля.

На следующий день генерал Шептицкий вернулся из Варшавы в Минск. Ему донесли, что шум на другой стороне фронта утих. Это означало, что все готово, дивизии Красной Армии готовы начать наступление в любой момент.

В своем приказе войскам, который скорее напоминал агитационное обращение революционера, а не командующего, Тухачевский призвал «красных орлов» бороться с «войсками белого орла», отомстить за «обесчещенный Киев» и «потопить преступное правительство Пилсудского в крови разгромленной польской армии. На Западе решается судьба мировой революции, через труп белой Польши дорога ведет нас ко всеобщему мировому пожару», — провозглашал бывший лейб-гвардеец. «На Вильно — Минск — Варшаву — марш!» Комиссары и политработники подхватили этот лозунг, добавляя:

---

* Szeptycki S. Front Litewsko-Białoruski. 10 marca 1919–30 lipca 1920. Kraków, 1925. S. 36–37, 54.

«Даешь Варшаву! Даешь Берлин!» Бойцы радостно подхватили его. «Красные орлы» Тухачевского и Троцкого пошли вперед.

Июльское наступление началось на северном участке фронта на рассвете 4 июля интенсивным артиллерийским обстрелом, который длился около часа. В результате обстрела большинство укреплений и окопов польских позиций было уничтожено либо повреждено, нарушилась полевая телефонная связь.

На участке между Западной Двиной и озером Ельня (севернее местечка Миоры) упорное сопротивление оказала группа подполковника Ежи Сава-Савицкого (один полк и один батальон, три батареи). Направление на Германовичи — Вильню обороняла группа генерала Люциана Желиговского (8-я и 10-я пехотные дивизии). На них обрушился удар 4-й армии «красных».

Южнее ее находилась группа генерала Владислава Енджеевского (7-я пехотная резервная и 9-я пехотная бригады). Она оборонялась на линии реки Аута от наступавших частей 15-й армии.

К югу от линии железной дороги Полоцк — Молодечно вела бой 4-я польская армия под непосредственным командованием генерала С. Шептицкого. Северное крыло этой армии составляла группа генерала Яна Жондковского (1-я Литовско-Белорусская дивизия и 11-я пехотная дивизия). На эту группу наступали часть сил 15-й армии А. Корка и 3-я армия В. Лазаревича.

В первый день наступательной операции польские части оказывали упорное сопротивление до вечера. Подразделения 4-й красной армии и 3-й конный корпус Гая продвинулись на запад и юго-запад от нескольких до 20 километров, что вообще говоря являлось успехом, но по плану Тухачевского кавалерия за первый день должна была продвинуться на 45 километров, а пехота на 25—30. Наступление 18-й СД было остановлено на участке 20-й пехотной бригады из 10-й дивизии. Красная дивизия понесла большие потери.

Зато 15-я армия А. Корка, наступавшая в полосе шириной 50 километров, добилась успехов. Ее главные силы (15-я, 54-я, 33-я и 16-я СД) атаковали позиции двух пехотных бригад (7-й резервной и 9-й) и, несмотря на упорное сопротивление, нанесли им поражение. К концу дня понесшие большие потери бригады генерала Енджеевского утратили боеспособность. Только контратака 17-й пехотной дивизии позволила задержать продвижение противника на этом участке.

Было оттеснено левое крыло 11-й пехотной дивизии. Бригады 1-й Литовско-Белорусской дивизии к вечеру тоже отступили на 4—5 километров. Но план окружения 1-й польской армии не был выполнен.

На второй день наступления, 5 июля, красные войска продолжали атаковать противника. Генерал Зыгадлович вынужден был ввести в бой свой единственный резерв — 17-ю пехотную дивизию. Наблюдался упадок боевого духа польских солдат, впервые столкнувшихся с большой массой войск неприятеля.

Наступление российских войск от Западной Двины, Ауты и верхнего течения Березины продолжалось в направлениях на Вильню, Молодечно и Минск. 3-й конный корпус Гая отбросил на юг подразделения группы подполковника Сава-Савицкого и устремился к Свенцянам.

Продолжала отбивать атаки группа генерала Желиговского. 8-я пехотная дивизия задержала под Погостом продвижение вперед 12-й и 53-й СД из 4-й армии Сергеева.

На южном крыле 1-й польской армии 11-я пехотная и 1-я Литовско-Белорусская дивизии постепенно отступали под напором 3-й армии Лазаревича.

Тяжелое положение сложилось для поляков в полосе наступления 15-й армии, где их атаковали сразу три дивизии. 17-я польская дивизия вначале оказывала сопротивление, но понесла большие потери и начала отступать к Дуниловичам.

После телефонных переговоров с главнокомандующим, генерал Шептицкий днем 5-го июля приказал 1-й армии отойти на линию Мильча — Будслав — Поставы — Козяны. 6 июля 1-я армия отступила на эту линию. Красные войска не преследовали противника, так как сами понесли серьезные потери.

Вечером 6 июля командующий Северо-Восточным фронтом Шептицкий приказал своим войскам отойти на линию немецких окопов времен мировой войны, которые еще были пригодны для обороны. В северо-западной части Белоруссии она проходила следующим образом: озеро Дрисвяты — Козяны — Поставы — озеро Мядель — озеро Нарочь.

Однако до группы генерала Желиговского этот приказ не дошел. Имея перед собой неприятеля, Желиговский самостоятельно в ночь с 5 на 6 июля принял решение отступать на Дуниловичи (западнее Глубокого), надеясь там соединиться с группой генерала Жондковского. Вечером 6 июля группа Желиговского (8-я и 10-я пехотные дивизии) достигла Дуниловичей. Здесь генерал узнал от местных жителей, что польские войска ушли на юг, и решил идти на юго-запад, на Вильню.

В первых боях Тухачевский не достиг своей главной цели — окружить и уничтожить 1-ю польскую армию. Но все же поражение ей было нанесено. За два дня боев она потеряла 16 орудий, тысячи сол-

ЛИТВА
Двинск
Дрисса
Полоцк
Свенцяны
4 А
15 А
Витебск
Ковно
3 А
Смоленск
Вильно
1 А
Западный фронт
Борисов
4 А
Лида
Гродно
Минск
15 А
3 А
16 А
Могилев
1 А
Волковыск
16 А
Белосток
Барановичи
4 А
Бобруйск
Жлобин
4 А
Полесская группа
Мозырская группа
Брест-Литовск
Гомель
Лунинец
Пинск
Полесская группа
Калинковичи
Речица
Мозырь
12 А
Чернигов
Ковель
3 А
3 А
Овруч
2 А
12 А
Коростень
Луцк
Ровно
Новоград-Волынск
2 А
1 КА
Житомир
Киев
Шепетовка
Львов
1 КА
Юго-Западный фронт
Бердичев
Канев
Тарнополь
Проскуров
6 А
14 А
Винница
Черкассы
14 А
6 А
Жмеринка
Гайсин
Умань
Могилев-Подольский
Ямполь

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Линия фронта
на 3.07.20
на 22.07.20

Июльская операция Западного фронта

дат погибшими и ранеными, 3 тысячи пленными. Началось ее отступление.

Командование 3-й конного корпуса не решилось обойти с фланга левое крыло группы генерала Л. Желиговского и вступить в бой с ним, а вместо этого двинуло корпус по тылам польских войск, по дороге уничтожая небольшие подразделения противника. Это позволило Желиговскому отводить свои войска в боевом порядке.

А наступление армий Западного фронта продолжалось. 6 июля Германовичи и Докшицы были взяты полками 12-й и 18-й СД 4-й армии.

После главного удара войск Западного фронта на севере Белоруссии наступила очередь и его 16-й армии в центре. В ночь на 7 июля она перешла в наступление на минском направлении. Наступала также и Мозырская оперативная группа войск вдоль железной дороги Гомель — Брест.

16-я армия (командующий Н.В. Соллогуб) имела пять дивизий. Они успешно форсировали реку Березину, что ухудшило общее положение польских войск. Поскольку 1-я польская армия отступала, то и 4-й армии тоже пришлось начать отход.

9 июля Тухачевский направил директиву командующим армиям о дальнейшем наступлении.

10 июля Генеральный штаб Войска Польского в своем коммюнике сообщил гражданам страны, что польские войска отступают от Березины и что «бои идут в окрестностях Минска». Смолевичи 9 июля заняли войска 16-й армии «красных». В тот же день 3-й Конный корпус занял Свенцяны и захватил там на фронтовых складах богатые трофеи. Дорога на Вильню была открыта.

Дивизии 1-й польской армии с 6 по 12 июля отступили более чем на 100 километров. Число штыков в ней сократилось за неделю с 35 до 16 тысяч. Особенно острой была нехватка офицеров, многими ротами командовали подофицеры (сержанты и капралы)*.

На юге 10 июля «красные» взяли Бобруйск. 11 июля после ночного боя 17-я «железная» дивизия В.К. Путны вошла в Минск, а 15-я армия — в Молодечно.

1-я польская армия отступала не к Вильне (на запад), а на юг, чтобы не утратить связь с 4-й армией. А 8-я и 10-я пехотные дивизии под командованием Л. Желиговского самостоятельно отступали к Вильне, но 9 июля генерал Желиговский получил приказ командующего фронтом отступать на юг, то есть в другом направлении. Желиговский подумал, что Вильню будут защищать другие

---

* Прушиньский М. Драма Пільсудського. Війна 1920. Київ, 1997, с. 168.

подразделения, но на самом деле в Вильне их не было. Вблизи города находились немногочисленные части 7-й армии, охранявшие границу с Литвой.

Между тем, уроженец города Ошмяны Виленской губернии (ныне в Гродненской области) Желиговский хотел защитить родную Виленщину от захвата ее большевиками. После войны он написал в своей книге, что лучше бы ему в июле 1920 года пришлось оборонять со своей дивизией Вильню, чем вести арьергардные бои под Сморгонью и возле Лиды*.

Армии Западного фронта продолжали наступление. На центральном участке 15 июля 6-я бригада 2-й СД 16-й армии с боем заняла Слуцк. Наступление продолжалось и на других направлениях.

ЗАХВАТ КРАСНОЙ АРМИЕЙ ВИЛЬНИ И ВИЛЕНСКОГО КРАЯ

Одной из главных задач войск Западного фронта являлся захват Вильни, важного стратегического пункта и политического центра.

После проигранного сражения на реке Аута польское командование безуспешно пыталось стабилизировать фронт на очередных позициях, но удержать их польские войска не смогли.

Поход на Вильню продолжал 3-й Конный корпус Гая. За ним наступала пехота. Уже 10 июля части 4-й армии Е.Н. Сергеева вышли на дальние подступы к Вильне, на линию Гилуты — Гадутишки — озеро Мядел. Затем были заняты населенные пункты Свенцяны, Мядель и Кривичи. Создались условия для дальнейшего наступления на Вильню и Молодечно.

Оборону Вильни должны были взять на себя отступавшие, но еще боеспособные части 1-й польской армии, однако С. Шептицкий отправил их восточнее, чтобы занять укрепленные позиции давних немецких окопов. А в районе западнее Вильни находилась только 2-я Литовско-Белорусская дивизия Александра Борущака, недостаточно укомплектованная (всего-навсего 2700 штыков), охранявшая польско-литовскую демаркационную линию. Формально она входила в состав 7-й армии, но других войск там и не было. Этих сил было явно недостаточно для обороны города и железнодорожного узла.

Вновь созданную оперативную группу полковника А. Борущака подчинили командованию 1-й армии (генералу Г. Зыгадловичу). В самой Вильне капитан Мариан Зындрам-Косьцялковский созда-

* Żeligowski L. Wojna w roku 1920. Wspomnienia i rozważania. Warszawa, 1990. S. 41.

вал из молодых добровольцев отряды самообороны. Город также защищал конный полк ротмистра Е. Домбровского (300 сабель).

В начале июльского наступления польская сторона пыталась сохранить нейтралитет Литвы и даже предложила передать литовским частям участок железной дороги Двинск — Дукшты. В качестве крайней меры предполагалось отдать литовцам и Вильню (как меньшее зло), только бы не большевикам. Литовское же руководство ожидало, когда уйдут польские войска, чтобы занять покинутую ими территорию.

Польский генштаб получил сведения, что «литовцы готовят атаку на Вильню и Ораны», с той целью, чтобы занять их перед приходом большевиков. Шептицкий вечером 11 июля получил от генштаба указание, чтобы его войска, в случае невозможности отбить атаку литовцев на Вильню, отступили к Оранам (Варена), по линии железной дороги Вильня — Гродно (75 км юго-западнее Вильни). В ответ Шептицкий сообщил генштабу, что войск для защиты Вильни от литовцев у него нет, и что литовцы, вероятно, атакуют тылы польских войск в направлении Ораны — Лида. Но на следующий день Шептицкий получил приказ Пилсудского, подтвердившего необходимость оборонять Вильню как от красных войск, так и от литовских*.

В самой Вильне оборону города по собственной инициативе возглавил полковник Кароль Вендзягольский (командир 3-й бригады 2-й Литовско-Белорусской дивизии). Однако командир оперативной группы полковник Борущак не одобрил его самодеятельность и назначил на этот пост подполковника В. Гуперта, командира Лидского полка той же дивизии.

Сложность обороны Вильни состояла в том, что ее периметр растянулся на 40 километров и был разделен на три участка.

Оборонять Вильню от красных войск было трудно еще и потому, что небольшая литовская армия перешла к активным действиям против поляков. Уже 7 июля литовские солдаты атаковали польские сторожевые посты в районе Дукшты, на железнодорожной линии Двинск — Вильня (в 25 км от латвийско-литовской границы). Через несколько дней небольшой отряд литовских солдат напал на польский пост в Невейтанах, но был отбит. 12 и 13 июля литовцы обстреливали польские посты**. Ситуация становилась все более тревожной.

А наступление армий Западного фронта продолжалось. Их войска приближались к городу с трех сторон. 12 июля северо-западнее Вильни части 3-го конного корпуса разбили польские части под

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920. Warszawa, 1996. s. 116–119.

** Там же, s. 119

Коркожишками и Подбродзем (Пабраде), польские солдаты отступили на левый берег реки Вилии. Красные конники заняли Михалишки (30 км севернее Островца). 13 июля ожесточенные бои в этом районе продолжались. Польской пехоте снова пришлось отступить на юг. Правда, она несколько задержала неприятеля в давних немецких окопах на линии Свирь — Сморгонь — Крево, но уже 14 июля красные войска овладели Сморгонью и Ошмянами*.

До Вильни с юго-запада оставалось 50 километров. В этот же день 3-й Конный корпус начал наступление на Вильню. Его 15-я кавалерийская дивизия шла к железнодорожной станции Ландварово (западнее города), чтобы отрезать польским частям путь отхода. Два полка этой дивизии двигались по правому берегу Вилии, еще два шли северне, по тракту Неменчин — Вильня. 10-я кавалерийская дивизия наступала двумя бригадами к железнодорожной линии Молодечно — Вильня, чтобы ударить с юга. Советская конница приближалась к городу с каждым часом.

13 июля польское командование узнало о заключении российско-литовского мирного договора, но соглашение о пропуске советских войск через территорию Литвы опубликовано не было. Потому и были ошибки в приказах командования, что оно не предполагало массового прохода красных войск через территорию Литвы. Бои в районе Вильни продолжались.

13 июля из Вильни по железной дороге были эвакуированы польские гражданские учреждения, выведены паровозы и вагоны.

В ночь с 13 на 14 июля 3-я бригада 15-й кавалерийской дивизии корпуса Гая в пешем порядке атаковала Вильню и заняла Зеленый мост. Вместе с ней город атаковала 164-я бригада 4-й армии. На рассвете и утром произошел ожесточенный бой в окрестностях и предместьях Вильни.

В 8 часов утра 14 июля полковник А. Борущак, без уведомления командования 1-й армии, которому он подчинялся, уехал из Вильни в Ландварово. Туда же уехали ряд подразделений пехотных полков, кавалерийский эскадрон ротмистра Е. Домбровского, артиллерийские батареи, добровольческий молодежный батальон и женский легион. Централизованное руководство обороной Вильни перестало существовать.

После нескольких часов жарких уличных схваток красноармейцы ворвались в Вильню через Антоколь и угрожали отрезать пути отступления защитникам города. В первой половине дня 14 июля Вильня была взята красными войсками. После полудня польские подразделения предприняли контратаку. 2-й батальон Ковенского

---

* Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór komunikatów. Warszawa, 1920. s. 258–259.

полка захватил железнодорожный вокзал, а 3-й батальон по Полоцкой улице вошел в город. Уличные бои шли, с перерывами, до 21 часа за Понары, Слободку и Погулянку. Но удержать занятые было позиции им не удалось из-за нехватки сил.

Чтобы не оказаться отрезанными от путей отхода, командиры этих батальонов приказали своим солдатам отступить в западном направлении — на Ландварово, Новые и Старые Троки. Измотанные походом и уличными боями кавалеристы не преследовали их. К концу дня Вильня оказалась под полным контролем частей 3-го Конного корпуса. Красноармейцы захватили в городе на складах много оружия и боеприпасов, которые не успели вывезти польские войска.

Столь быстрое падение Вильни стало неприятным сюрпризом для польского командования. Об этом свидетельствует, например, такой эпизод. Капитан Вацлав Енджеевич летел в Вильню с приказом, не зная о захвате ее русскими. Когда самолет приземлился на аэродроме, Енджеевич попал в плен. Красноармейцы сняли с него мундир и ботинки и в таком виде отвели в губернаторский дворец к командиру корпуса. День был жаркий, раздетый пленник чувствовал себя нормально. Гай по-французски поговорил с ним о войне, посочувствовал, и отправил в лагерь для военнопленных, срочно созданный в городе. По дороге красноармейцы сняли с него еще и брюки. Правда, через несколько дней Енджеевичу удалось бежать из лагеря в одном нижнем белье — рубахе и подштанниках*.

Рано утром 15 июля подразделения полка литовских гусаров с боем заняли местечко и железнодорожную станцию Ландварово (15 км западнее Вильни). Части 1-й литовской дивизии заняли и Новые Троки (25 км западнее Вильни). 2-я Литовско-Белорусская дивизия уходила на юг уже по литовской территории, так как с востока и севера ее окружали красные части, а с запада — литовские. Первой в южном направлении ушла 3-я бригада (Лидский и Ковенский полки). За ней пошла 4-я бригада (Белостоцкий и Слуцкий полки). Отход сопровождался боевыми столкновениями и потерями.

Польское общественное мнение обвинило в утрате Вильни полковника Александра Борущака. Поэтому сразу после окончания советско-польской войны его отправили в отставку, присвоив для утешения чин генерала бригады**. Действительно, оборону города он надлежащим образом не организовал, однако и сил у него было слишком мало, и приказы ему командующего 1-й армией были противоречивыми.

Утрата Вильни вызвала бурю в польском сейме. Председатель совета министров Владислав Грабский и депутаты требовали отдать

---

* Прушиньський М. Драма Пільсудського. Війна 1920. Київ, 1997. С. 165–166.
** Encyklopedja Wojskowa. Tom I. Warszawa, 1931, s. 391.

Борущака под суд. Однако главнокомандующий Пилсудский воспротивился этому. Он объяснил потерю Вильни тем, что Борущак получал противоречивые приказы вместо реальной помощи. В частности, не послали к Вильне 10-ю дивизию генерала Желиговского, о чем Борущак просил. Да и не хотел Пилсудский, чтобы гражданские власти, все эти министры и депутаты, вмешивались в вопросы, подлежащие компетенции военного руководства.

Но, как бы там ни было с причинами, бои за Вильню 11–14 июля закончились победой красных войск. Это имело далеко идущие последствия. Сражавшиеся южнее города на позициях старых немецких окопов 10-я и 17-я польские пехотные дивизии тоже начали отход, так как теперь их левому крылу угрожал окружением 3-й Конный корпус. За ними начали отступать другие части 1-й польской армии. А отступление 1-й армии вызвало отход 4-й армии, занимавшей оборону на реке Щаре. Все это в конечном счете заставило польское командование в неблагоприятных для себя условиях вступить в битву на Немане, на неподготовленных к обороне позициях.

По приказу военного руководства Литвы, отданному 14 июля, все пехотные и кавалерийские части в этом регионе должны были идти в Вильню, чтобы обозначить там литовское присутствие, несмотря на то, что в город уже вошли части Красной Армии. Однако советско-литовский договор был подписан, поэтому историческую столицу ВКЛ надо было занять как можно скорее.

Первым в Вильню прибыл 15 июля полковник Казис Ладыга, командир 1-й дивизии литовской армии, со своими адъютантом. Потом в город вошли гусарский полк, 7-й и 8-й пехотные полки его дивизии. Красные командиры приказали своим бойцам уступить литовским солдатам несколько казарм.

16 июля в городе состоялась церемония торжественной встречи советских и литовских частей, а также прошел общий митинг. Вначале выступил полковник К. Ладыга, а литовские военные спели национальный гимн. Затем выступил большевистский комиссар, который напомнил, что Красная Армия «очистила» Вильню от поляков и отдаст город литовцам, как только исчезнет военная потребность в нем. Затем красноармейцы спели «Интернационал»*.

Однако эта идиллия длилась недолго. Командование Западного фронта вовсе не торопилось передавать Вильню и окрестности литовским властям. Российско-литовский трактат о мире был подписан, но не был еще ратифицирован. Большевистское руководство России, серьезно рассчитывавшее в тот момент на скорую револю-

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920. Warszawa, 1996, s. 123.

цию в Европе, не считало необходимым точно выполнять условия договора и отдавать Вильню вместе со значительной частью белорусской территории Литве.

Более того, в Вильне был создан военно-революционный комитет (ревком), то есть, орган советской власти, противостоящий национальному правительству в Ковно (Каунасе). В состав ВРК вошли Зигмас Алекса-Ангаретис (1882–1940), член политбюро ЦК компартии ЛиБ, а также польские коммунисты Казимир Циховский (1887–1940), из политотдела Западного фронта, и Ромуальд Муклевич (1890–1938), комиссар штаба 16-й армии*.

Кстати говоря, литовские большевики З. Ангаретис, В. Мицкевич-Капсукас и ряд других еще в день подписания советско-литовского мирного договора (12 июля) обратились от имени ЦК литовской компартии с воззванием «к трудящимся Литвы». В нем они призвали свергнуть буржуазное правительство и установить в Литве диктатуру пролетариата, то есть, диктатуру большевистской партии. По их мнению, «пролетарская революция» в Литве должна была произойти при помощи Красной Армии.

В самом Ковно и в других городах Литвы 12 июля была раскрыта подпольная коммунистическая организация, готовившая восстание с целью захвата власти. Для обеспечения «кадрами» этой организации в Литву по подложным документам были переброшены 51 командир и 827 красноармейцев. Подпольно создавались даже ячейки ЧК, чтобы во время восстания «расстреливать всех подозрительных контрреволюционеров»**.

Виленский ревком объявил, что «являясь органом рабоче-крестьянской власти не может терпеть никого, кто непосредственно или косвенно занимается дезорганизацией тыла Красной Армии, помогая польским контрреволюционерам». Постановлением ревкома были закрыты две литовские газеты, поскольку одна из них якобы выразила «стремление к заключению союза с буржуазной Польшей», а вторая выступила в защиту первой, протестуя против ее закрытия. На деле же литовские политики и газеты выступали за союз с РСФСР.

Эти действия большевиков в Вильне вызвали протест литовского правительства, потребовавшего от российского Совнаркома ликвидировать ревком и допустить в город представителей литовских гражданских властей. Но большевики согласились только на создание в городе литовской военной комендатуры и на установление разграничительной линии между своими и литовскими войсками.

---

* Все они были расстреляны во время сталинских массовых репрессий.

** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 130.

Подразделения литовской армии одно за другим стали покидать Вильню, чтобы избежать конфликтов с красными войсками, и еще потому, что большевики развернули усиленную пропаганду среди литовских солдат. В Вильне осталась только литовская комендатура под командованием капитана В. Куркаускаса*.

Конфликт между командованием Западного фронта и литовскими властями был неизбежен, так как советское командование не только не допускало литовскую администрацию и военные части на формально литовскую территорию, но и стремилось подчинить себе литовскую армию для военных действий против Польши. Тухачевский и главное командование в Москве стремились, чтобы литовские войска выполняли задачи, выгодные советской стороне.

Они учитывали, что своим вступлением в Вильню литовская армия вышла из состояния формального нейтралитета по отношению к польским войскам. Тухачевский 14 июля телеграммой приказал РВС 4-й армии подчинить себе литовские части, чтобы вместе с ними окружить левый фланг польского фронта. Переговоры с литовской стороной продолжались четыре дня и завершились разграничением красных и литовских войск по линии Ораны — Мереч — Августов. Литовские части севернее и западнее этой линии должны были самостоятельно ликвидировать или вынуждать к сдаче польские войска. Позже литовская сторона неохотно выполняла эту конвенцию и даже не ставила в известность советское командование о своих действиях**.

Кроме того, Тухачевский приказал своим войскам использовать литовскую территорию для наступления, не спрашивая согласия литовских властей.

Тем временем Учредительный сейм Литвы начал в Ковно обсуждение перед ратификацией советско-литовского мирного договора от 12 июля 1920 года. Большинство депутатов выступало за ратификацию, но было немало и критических выступлений. Так, депутат Вальдемарас Чарнецкис заявил, что всего несколько дней минуло со дня подписания трактата, а в Вильнюсе и других занятых Красной Армией местностях Литвы уже произошло много событий, оскорбительных для литовцев. Представителям литовской гражданской власти не позволяют исполнять свои обязанности. Их функции перенял большевистский ревком, ведется агитация против Учредительного сейма Литвы, правительства и литовской армии. Литовские газеты в Вильнюсе закрыты, граждан арестовывают, их имущество грабят.

---

* Łossowski P. Op. cit., s. 123.

** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 204–205.

Но, несмотря на критику, литовский сейм 6 августа ратифицировал договор. Воздержались от голосования только три депутата*.

В РСФСР не торопились с ратификацией этого договора. ВЦИК ратифицировал его через месяц, 9 сентября, а обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве только 14 октября, когда договор официально вступил в силу. Но к тому времени ситуация коренным образом изменилась: РСФСР заключила с Польшей перемирие, а Вильню захватили войска генерала Желиговского. Поэтому многие статьи договора от 12 июля уже утратили свою актуальность.

Литовский сейм и правительство потому и торопились ратифицировать договор с РСФСР, чтобы получить в свое распоряжение Вильню и белорусскую территорию, щедро отданную Литве российскими большевиками.

6 августа 1920 года, в качестве добавления к российско-литовскому мирному договору, была заключена специальная конвенция. Ее подписали в Ковно уполномоченный командования РККА, член Реввоенсовета 4-й армии Иван Иванович Межлаук (1891–1938) и министр народной обороны Литвы полковник-лейтенант Константинас Жукас. Соглашение называлось «Конвенция об эвакуации русских войск с территории Литвы». Согласно ей, вывод красных войск должен был происходить из следующих зон: «а) северной с г. Свянцяны, б) средней с г. Вильней, в) южной с г. Лидой и Гродно». В конвенции было указано:

> «3) В северной и средней зонах эвакуации начинается немедленно и заканчивается в северной через три дня, а в средней — не позднее 1-го сентября сего года. Начало и конец эвакуации южной зоны устанавливается особым соглашением Русского и Литовского Командования.
>
> 4) Немедленно после подписания конвенции образуются смешанные комиссии по приемке и передаче эвакуированной территории.
>
> 5) Кроме армейских учреждений, эвакуируется только имущество, принадлежащее Российскому государству».

К конвенции были добавлены два приложения: с границами эвакуационных зон и описанием способа эвакуации по железной дороге**.

Но и после заключения конвенции советское командование не торопилось выполнять ее условия. Большевистское руководство ожидало благоприятного момента, чтобы распространить свою власть на всю Литву. 19 августа руководитель компартии Литвы Мицкевич-Капсукас телеграфировал Ленину, спрашивая его согласия на

---

* Łossowski P. Op. cit., s. 131.

** Документы внешней политики СССР. Том III, с. 86–89.

«освобождение» Ковно от литовского буржуазного правительства. Ему казалось, что Варшава вот-вот будет взята и можно уже начинать завоевание Литвы. Однако Ленин получил более свежие новости о положении под Варшавой, поэтому он ответил Капсукасу, что «теперь, когда мы отступаем от Варшавы, самое неподходящее время для таких действий». Тем не менее, Ильич посоветовал «осторожно и систематически» продолжать подготовку к восстанию*.

А командование Западного фронта продолжало убеждать литовское командование в необходимости совместных действий против польских войск. Тот же Иван Межлаук уговаривал министра обороны Жукаса согласиться на пропуск войск Красной Армии через литовскую территорию. Но литовское руководство, соглашаясь на транзит по белорусской территории, формально переданной Литве, категорически возражало против допуска красноармейцев на этническую литовскую территорию, опасаясь, что под этой маркой они вторгнутся для установления в Литве власти советов.

НАЧАЛО ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ПЕРЕМИРИИ

Польша в июле 1920 года оказалась в критическом положении. Широко разрекламированная военная операция в Украине закончилась неудачей. Польские войска там отступали. В Белоруссии польское командование не смогло сдержать победоносный марш Красной Армии. Дальнейшее наступление «красных орлов» Тухачевского не только угрожало общественному строю «второй Речи Посполитой», но и потерей ею независимости, возвращением в состав Российской империи под видом «союзной советской республики». Примеры тому существовали: тут и Лит-Бел, и советская Латвия с советской Литвой, и другие псевдогосударства, учреждавшиеся большевиками.

Польское правительство и сейм обратились к странам — победительницам в мировой войне с просьбой о помощи. Как раз в это время, с 5 по 16 июля 1920 года, в бельгийском городе Спа проходило заседание Верховного Совета держав Антанты. В нем приняли участие представители Германии и Польши по вопросам, их касавшимся.

В Спа приехал польский премьер-министр Владислав Грабский, сменивший Падеревского. Он заявил, что Польша готова заключить мир с Россией на основе самоопределения наций, проживающих между Польшей и Россией, т.е. украинцев и белорусов. Поль-

---

* Łossowski P. Op. cit., s. 132.

ское правительство также просило коалицию держав Антанты о материальной и моральной поддержке.

Конференция решила оказать срочную помощь, и с этой целью послать в Польшу специальную англо-французскую информационную миссию: лорда д'Абернона (Англия) и Жюссерана (Франция), генералов Генри Рэдклиффа (Англия) и Максима Вейгана (Франция).

10 июля, после дискуссий, Грабский подписал соглашение, в котором польское правительство согласилось на следующие меры:

> «а) Инициировать и подписать перемирие на основе того, что Войско Польское отступит и станет на линии, установленной мирной конференцией (Парижской мирной конференцией — А.Г.) 8 декабря 1919 г. как временной границе польского управления и что советская армия станет в 50 километрах к востоку от этой линии. Однако Вильно должно быть немедленно отдано литовцам и исключено из зоны, занимаемой большевиками во время перемирия. Что же касается Восточной Галиции, то армии станут на линии, которую достигнут в день перемирия, после чего каждая армия отступит на 10 км, с целью создания нейтральной зоны.
>
> б) Послать уполномоченных на конференцию, которая должна затем состояться как можно скорее в Лондоне. На этой конференции должны присутствовать делегаты Польши, советской России, Финляндии, Литвы, Латвии и должна она состояться под покровительством мирной конференции (Парижской — А.Г.), которая будет стремиться к установлению прочного мира между Россией и ее европейскими соседями. Представители Восточной Галиции будут также приглашены в Лондон для предложения на конференции своей точки зрения на проблему.
>
> в) Принять решение Верховного Совета (Антанты) по вопросу о литовской границе, будущем Восточной Галиции, проблемы Тешина и будущего данцигско-польского договора.
>
> В случае принятия Польшей вышесказанного, английское правительство сделает немедленно такое предложение советской России, а в случае, если российские войска откажутся от перемирия, то Союзные державы окажут Польше всяческую помощь военными материалами — насколько это будет возможным, с учетом исчерпания своих ресурсов и серьезных обязательств иным сторонам, ранее принятым, с целью сделать возможным все, чтобы польский народ защитил свою независимость»*.

Конечно, это были трудные для Польши условия, потому что приходилось отказываться от грандиозных планов экспансии в Украине, Белоруссии и Литве. Но ситуация вынуждала соглашаться.

---

* Garlicki A. Drugiej Rzeczypospolitej początki. Wrocław, 1996. S. 155–157.

За отказ от восточных территорий польский премьер получил обещание посредничества Антанты в заключении мира. Да и линия от 8 декабря 1919 года — это та граница, которую позже назвали линией Керзона, и которая ныне примерно соответствует белорусско-польской границе.

Только если предложение стран Антанты будет отвергнуто большевиками, Польша сможет получить помощь оружием, боеприпасами, снаряжением. Но и тут были проблемы, так как среди европейских рабочих, в том числе английских, существовало движение под лозунгом «Руки прочь от советской России». Докеры нередко отказывались грузить суда военными материалами для Польши. Так же поступали немецкие и чешские железнодорожники.

После соглашения в Спа первыми отреагировали большевики. Пойдя на значительные территориальные уступки Литве, они уже 12 июля заключили с ней мирный договор.

11 июля министр иностранных дел Великобритании граф Джордж Керзон направил ноту Совнаркому РСФСР с предложением заключить перемирие с Польшей, по которому «немедленно приостанавливаются военные действия». В ноте было сказано:

> «В условия перемирия включается, с одной стороны, отступление польской армии на линию, намеченную в прошлом году Мирной конференцией в качестве восточной границы области, в которой Польша имеет право вводить польскую администрацию.
>
> Линия эта приблизительно проходит так: Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы-Русской, восточнее Перемышля до Карпат; севернее Гродно граница с литовцами идет вдоль железной дороги Гродно — Вильно и затем на Двинск. С другой стороны, в условия перемирия надлежало бы включить, что войска советской России остановятся на расстоянии 50 километров к востоку от этой линии. В Восточной Галиции обе стороны останутся на линии, занятой ими ко дню перемирия.
>
> Затем в кратчайший по возможности срок в Лондоне будет созвана конференция под покровительством Мирной конференции из представителей советской России, Польши, Литвы, Латвии и Финляндии для переговоров об окончательном мире между Россией и ее соседями. Представители Восточной Галиции должны быть равным образом приглашены в Лондон для защиты своих интересов...
>
> Британское Правительство было бы радо получить немедленный ответ на эту телеграмму, ибо польское правительство просило о вмешательстве союзников, и если время будет потеряно, может образоваться ситуация, которая сделает заключение длительного мира гораздо более трудным в Восточной Европе. Между тем как Британское Правительство обязалось не помогать Польше для целей, враждебных России, и не совершать каких-либо действий, враждеб-

ных России, оно также обязалось по договору Лиги Наций защищать неприкосновенность и независимость Польши в пределах ее законных этнографических границ.

Поэтому, если Советская Россия, несмотря на повторные заявления о признании независимости Польши, не удовлетворится отходом польских армий с российской территории под условием взаимного перемирия, но пожелает перенести враждебные действия на территорию Польши, Британское Правительство и его союзники сочтут себя обязанными помочь польской нации защищать свое существование всеми средствами, имеющимися в их распоряжении»*.

Бросается в глаза то место в ноте британского министра, где территория восточнее линии предлагаемой границы названо «российской территорией». Как видим, для стран Антанты и Белоруссия, и Украина (кроме Галиции) была российскими в отношении как правительства Деникина, так и правительства большевиков.

Документ Керзона был получен в Москве 12 июля. Через несколько дней большевистское руководство дало по радио пространный ответ английскому министру. Нота Совнаркома РСФСР правительству Великобритании была направлена 17 июля 1920 г., а 18 июля получена в Лондоне и одновременно опубликована в газете «Известия». Ее подписал наркоминдел Г.В. Чичерин.

В этой ноте правительство РСФСР заявило, что с удовлетворением принимает заявление британского правительства о желательности установить мир в Восточной Европе. Дескать, несмотря на ничем не оправданное нападение Польши, советское правительство готово установить с ней мирные отношения. Но для этого Польша должна непосредственно обратиться к России с просьбой о перемирии и о заключении мира. Далее в ноте говорилось:

«Советское Правительство изъявляет вместе с тем готовность согласиться на более выгодную для польского народа территориальную границу, чем та, которую наметил Верховный Совет (Антанты. — *А.Г.*) в декабре прошлого года (т.е. линию Керзона. — *А.Г.*) и которую снова предлагает Британское Правительство в своем ультиматуме от 12-го июля (дата получения британской ноты в Москве. — А.Г.). Советское Правительство не может не принять во внимание того обстоятельства, что эта граница была установлена Верховным Советом в известной части под давлением контрреволюционных русских элементов, приверженцев буржуазии и помещиков»**.

Таким образом, Совнарком РСФСР обещал поступиться частью территории Белоруссии и Украины в пользу Польши. Это упомина-

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 54–55.
** Там же, с. 51

ние об уступках было рассчитано на европейское общественное мнение.

В то же время Совнарком отказывался от посредничества Англии и отвергал вмешательство Лиги Наций. Отверг он и предложение созвать конференцию в Лондоне с представителями соседних государств, предпочитая вести переговоры с каждым государством отдельно.

Тем временем в самой Польше, с целью консолидации общества перед угрозой вторжения Красной Армии, сейм 15 июля принял закон об аграрной реформе. Он прошел большинством всего в один голос! Польскому крестьянству было обещано в ближайшее время передать часть государственных, церковных и помещичьих земель.

Наконец, 22 июля министр иностранных дел Польши князь Эустахи Сапега направил радиограмму в Москву о готовности Польши заключить немедленно перемирие и начать мирные переговоры. В ответ из Москвы по радио пришла нота Чичерина о согласии начать переговоры. Наконец, 24 июля командующий Западным фронтом Тухачевский направил главному командованию польской армии радиограмму с предложением прислать польских парламентеров 30 июля в 20 часов на шоссе Барановичи — Брест в тот пункт, где в это время будут находиться передовые части Красной Армии*.

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 г.

Тем временем наступление Красной Армии продолжалось полным ходом.

На самом северном его участке 3-й Конный корпус и 4-я армия с боями продолжали двигаться к губернскому городу Гродно, имевшему укрепления (Гродненская крепость). Овладение им открывало возможность вторжения в этническую Польшу и выхода к польской границе с Восточной Пруссией.

На левом (северном) фланге польского Северо-Восточного фронта, вдоль польско-литовской демаркационной линии («линии Фоша»), после потери Вильни уходила на юг 3-я бригада 2-й Литовско-Белорусской дивизии (ЛБД). Вслед за ней шла 4-я бригада. Отход происходил вдоль железной дороги Вильня — Гродно. Пехоту прикрывал сформированный из добровольцев кавалерийский полк Обороны Вильни, которым командовал майор Владислав Домбровский.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 65.

Отражая налеты красной конницы, колонна 2-й ЛБД дошла до реки Меречанки (Меркис), где в ночь на 15 июля на мосту вблизи Оран дорогу ей преградили литовские части и потребовали сдать оружие. Тогда пехота переправилась через реку вброд, а обоз прошел через поврежденный железнодорожный мост. На следующий день (16 июля) эта колонна дошла до станции Ораны (Варена). Здесь собрались понесшие потери батальоны Ковенского, Лидского и Слуцкого пехотных полков, кавалерийский полк Домбровского, остатки артиллерии дивизии, бронепоезд «Мститель» и штаб 3-й бригады ЛБД. Состояние солдат было плохим — они понесли потери, устали от длительного марша, потеряли обоз, ушедший в другом направлении.

В местечке Ораны, неподалеку от станции, находились литовские части. Кроме того, к станции приближалась конница 3-го Конного корпуса.

Ранее в соседней деревне Бартеле размещался 1-й батальон 159-го польского пехотного полка, охранявший границу. Две роты батальона (3-я и 4-я роты) перешли на станцию Ораны, где присоединились к частям 2-й ЛБД, а другие две роты (1-я и 2-я) были окружены и взяты в плен красной конницей.

Поздно вечером 16 июля (около 23 часов) отдыхающие возле станции Ораны польские части подверглись атаке кавалеристов 15-й дивизии 3-го Конного корпуса, пропущенные литовскими войсками через местечко. Из местечка пошла в атаку и литовская пехота. Польские части вступили в бой, длившийся всю ночь и отразили натиск, а утром начали отход в направлении Марцинканцы — Гродно. Во время ночного боя 3-я бригада ЛБД и другие части потеряли несколько сот человек убитыми, ранеными и пленными (по советским данным, были взяты 300 пленных), а также 9 пулеметов.

18–19 июля подразделения 3-й бригады 2-й ЛБД пришли в Гродно. Вследствие больших потерь 3-й батальон Ковенского полка был расформирован, а его остатки пополнили 2-й батальон полка. Далее 3-я бригада участвовала в сражении за Гродно.

Иначе сложилась судьба 4-й бригады 2-й ЛБД и добровольческих отрядов, сформированных в Вильне. 4-й бригадой командовал полковник Стефан Паславский. Эта бригада с артиллерией отступала по шоссе Вильня — Мейшагола. Полковник Паславский рассчитывал на то, что литовские власти разрешат его частям перейти через литовскую территорию на юг, к своим войскам. Однако он получил категорический отказ на пропуск своей бригады и подписал соглашение об ее сдаче.

Но, несмотря на это, 4-я бригада под командованием подполковника И. Модельского, командира Белостоцкого полка, двинулась в южном направлении, избегая встреч с литовскими войсками.

Утром 18 июля командир 2-го литовского полка капитан Йонас Петруитис получил приказ догнать 4-ю бригаду и разоружить ее. А бригада уже находилась возле переправы через Неман под Дорсунишками. Бригада сдаваться не хотела, но литовские солдаты окружили ее, поставили пулеметы на окрестных холмах. Польским офицерам и солдатам сообщили, что большевики уже возле Гродно и что идти им некуда. После этого бригада согласилась сложить оружие. Были интернированы три тысячи солдат при четырех орудиях (включая тысячу бойцов из добровольческих отрядов)*. Фактически 4-я бригада прекратила свое существование.

3-й Конный корпус Гая и 4-я армия Сергеева продолжали наступление на Гродно.

1-я польская армия, покинув 15 июля бывшие германские окопы, отступала, ведя арьегардные бои. В ней наиболее боеспособными были 10-я пехотная дивизия генерала Люциана Желиговского и 1-я Литовско-Белорусская дивизия генерала Яна Жондковского. Новую линию обороны войска 1-й армии заняли от устья реки Щара при впадении в Неман (восточне местечка Мосты) и по Неману на запад до Гродно. 4-я польская армия отходила к реке Щара, а Полесская группа еще дальше на запад, к каналу Огинского и Пинску.

16 июля командующий генеральным округом Гродно генерал А. Мокжецкий получил приказ верховного командования организовать систему обороны Гродно, но выполнить его не смог. Уже вечером 18 июля перед восточными гродненскими фортами появились казаки из 3-го Конного корпуса и пехота 4-й армии на подводах.

Днем 18 июля части 3-го Конного корпуса (около 4 тысяч кавалеристов при 20 орудиях) севернее города отбросили слабые польские отряды в сторону Сопоцкина. А в это время 15-я кавалерийская дивизия прорвала оборону под городом и около полудня 19 июля ворвалась в Гродно. Завязался уличный бой, в ходе которого полякам удалось выбить конницу из города. Но после этого всадники спешились, снова ворвалась в город и вытеснили оттуда польские войска. В своих мемуарах Гай писал, что было взято около тысячи пленных, 6 орудий и 3 танка.

Сражение в районе Гродно продолжалось до 23 июля. Две оперативные группы — генерала Мокжецкого с запада и генерала Желиговского с северо-востока пытались вернуть город.

20 июля наступала группа Желиговского. Гаю пришлось вернуть часть 15-й кавалерийской дивизии назад, чтобы удержать город. Полки группы Желиговского подошли к Гродно на три километра,

* Łossowki P. Op. cit., s. 124–125.

но потом отступили вследствие угрозы окружения и отсутствия связи с группой Мокжецкого.

21 июля начала наступление группа Мокжецкого. После дня боев она подошла к Гродно с другой стороны и заняла левый берег Немана. 22–23 июля бои продолжались, но успех в них сопутствовал-стороне 3-му Конному корпусу.

Падение Гродно повлекло изменения в польском командовании. Вместо генерала Зыгадловича новым командующим 1-й армии с 23 июля был назначен генерал Ян Ромер. Он намеревался возобновить атаки на Гродно уже на следующий день, 24 июля, но вследствие больших потерь в 11-й пехотной дивизии отказался от этого плана и начал отводить 1-ю армию на новую линию обороны по рекам Нарев и Западный Буг.

На правом крыле отступавшей 1-й армии находилась 1-я ЛБД, которой командовал генерал Ян Жондковский. Ее путь от старых немецких окопов до среднего течения реки Неман продолжался неделю. Дивизия отступала из района Докшиц, имея соседями разбитую «красными» 17-ю пехотную дивизию слева и части 4-й армии справа.

16–17 июля 1-я ЛБД совершила маневр в районе Морыно-Докудово (на Немане, юго-восточнее Лиды). Вначале она заняла позиции к северу от Немана, но под натиском 21-й и 56-й СД «красных» 16 июля перешла на южный берег реки. Прикрывал переправу Новогрудский полк. Вечером 2-й батальон этого полка отбросил противника, а на рассвете 17 июля, найдя брод, весь Новогрудский полк переправился через реку. Дивизия заняла оборону на южном берегу Немана*.

15-я красная армия из района Молодечно, занятого 11 июля, наступала на Лиду. Сдерживая ее натиск, арьергардные бои на этом направлении вели 1-я ЛБД и 11-я пехотная дивизия. Они пытались стабилизировать фронт на реках Гавья (правый приток Немана с севера) и Неман, и прикрыть Лиду, где находились крупные армейские склады. Позиции на Гавье заняла на южном участке 1-я ЛБД, а севернее ее — 11 пехотная.

Ослабленную потерями 11-ю дивизию должна была сменить 17-я дивизия, но она потерпела поражение под Геранонами (слева от позиций 11-й дивизии), и до Гавьи добрались только некоторые ее батальоны. Используя слабость польской обороны, 17 июля противник форсировал Гавью.

Тогда командование 1-й польской армии приказало войскам отступить к Лиде, чтобы ее оборонять. Но оборонять Лиду не было

---

* Jędrzejczyk L. Zarys historii wojennej 80-go pułku strzelców nowogródzkich. Warszawa, 1930. S. 32.

возможности, так как соседняя (с севера) 8-я дивизия отступала под напором противника на Гродно. Поэтому Лиду удерживали лишь до того времени, пока не вывезли армейские запасы. В ночь с 17 на 18 июля польские войска покинули Лиду.

ОБОРОНИТЕЛЬНОЕ СРАЖЕНИЕ НА НЕМАНЕ И ЩАРЕ

Завершая июльскую операцию Западного фронта, 3-я и 15-я красные армии, при участии 3-го Конного корпуса, сорвали план польского командования организовать надежную оборону в западной части Белоруссии на водных оборонительных рубежах — Немане и его южном притоке Щаре.

Операция по обороне рубежа на Немане — Щаре продолжалась с 19 до 24 июля. Здесь армиям Западного фронта противостояли дивизии 1-й польской армии. В ее состав входили 1-я ЛБД, 8-я, 10-я, 11-я и 17-я пехотные дивизии, 17-я пехотная резервная бригада. С 19 по 21 июля эти войска, понесшие значительные потери во время отступления, заняли оборонительные позиции на берегу Немана. Особенно большие потери понесли 11-я дивизия и 7-я резервная бригада, в рядах которых было отмечено снижение воинской дисциплины и даже элементы паники. 17-я дивизия тоже понесла серьезные потери, но свой боевой дух не утратила.

А тем временем (19 июля) 3-й Конный корпус ворвался в Гродно и вместе с пехотой овладел городом. Теперь линия обороны польских войск на Немане находилась под угрозой обхода ее на левом (северном) крыле. Передовые отряды красной конницы уже дошли до Кузницы (25 км юго-западнее Гродно). Только там они были остановлены, после чего вернулись к Гродно, возле которого продолжались бои.

Основные силы 1-й польской армии (11-я, 17-я, 1-я ЛБД и 7-я резервная бригада) обороняли левый берег Немана от устья реки Щары (на востоке) до устья реки Свислочь (на западе), т.е. от участка восточнее Мостов, до участка, расположенного в 25 км юго-восточнее Гродно.

На этой линии обороны на правом (южном) крыле 1-й армии, на ее стыке с 4-й армией, широкий участок обороны по Неману достался 1-й ЛБД. Ее части расположились от устья Щары (20 км восточнее Мостов) до железнодорожного моста возле Подворной (западнее Мостов). Общая протяженность этого участка составила 40 километров.

Оборону заняли: Новогрудский полк — справа, Гродненский — в центре, Минский полк — слева. Виленский полк находился в ре-

зерве. Пехоту поддерживала артиллерия 1-го Литовско-Белорусского артполка: 6 батарей легких орудий и 2 батареи тяжелых. Орудия находились на удалении 1—2 километра за линией окопов. Цели для обстрела (броды через Неман и объекты на другом берегу реки) были намечены заранее. Дивизии был также придан бронепоезд «Лис-Куля», курсировавший в районе станции Мосты.

Как уже сказано, центр обороны занимал Гродненский полк. Здесь на противоположном берегу Немана располагалось местечко Мосты, за ним станция, а в двух километрах западнее местечка — железнодорожный мост через Неман. Здесь же находились броды через Неман, которые противник мог использовать (и использовал) для форсирования реки*.

После прибытия подкреплений 1-я ЛБД насчитывала 2380 штыков (в среднем, 60 человек на километр обороны), что было совершенно недостаточно: полки в среднем имели по 600 штыков (т.е. фактически они равнялись батальонам). В кавалерийском дивизионе было 232 человека и 9 пулеметов. Службы тыла (полевые госпитали, обоз, оружейная мастерская, пекарня) находились в пути по дороге на Белосток**.

На рассвете 22 июля передовые отряды 6-й СД «красных» подошли к Неману с северо-востока и начали изучать берег в поисках переправ и бродов. Утром произошла артиллерийская перестрелка, длившаяся полтора часа. В 13.30 бойцы 6-й дивизии начали форсировать Неман, который в этом месте имеет ширину 150 метров. Но первая попытка красноармейцев перейти реку вброд не удалась.

В польских окопах находился сам командир дивизии генерал Жондковский. Атака была отбита, наступавшие понесли потери. Удержала свои позиции и находившаяся справа 15-я пехотная дивизия 4-й армии. Но для ее поддержки потребовалось перебросить часть Новогрудского полка, а затем и часть Виленского. Линия обороны 1-й Литовско-Белорусской дивизии еще более удлинилась.

В это время левое (южное) крыло 3-й красной армии (56-я СД) и ее центр (21-я СД) взломали польскую оборону на реке Щара. Командующий 3-й армией В.С. Лазаревич приказал 21-й СД совершить марш на Россь и Волпу, с целью выхода в тыл 1-й ЛБД.

А утром 23 июля после артиллерийской подготовки колонны 6-й СД снова пошли в атаку через два брода на Немане. Ружейно-пулеметным огнем поляки остановили их на середине реки. Бой длился час, причем красноармейцы, вернувшись назад, попали под огонь

---

* Dąbrowski J. Zarys historii wojennej 81-go pułku strzelców grodzieńskich. Warszawa, 1928, s. 29.

** Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 144—145.

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

Линия фронта

на 22.07.20

на 15.08.20

"Линия Керзона"

Наступление Западного фронта
в июле — августе 1920 г.

собственной артиллерии (наблюдатели сначала не разобрались, кто вышел на берег). До вечера атаки не повторялись.

Однако общее положение польских войск было тяжелым. 23 июля деморализованные подразделения 11-й пехотной дивизии (ее наличный состав сократился до одного батальона) покинули свой участок обороны к западу от позиций 1-й ЛБД — от местечка Лунна до впадения реки Свислочь в Неман — и начали беспорядочно отступать. Многие солдаты бросили оружие и боеприпасы. На этом участке шириной 20 километров образовалась брешь. В нее и ворвались главные силы 15-й красной армии: 4-я, 11-я и 33-я стрелковые дивизии. За ними во втором эшелоне наступали 16-я и 54-я стрелковые дивизии.

А у польского командования уже не было резервов. 17-я дивизия 1-й армии, занимавшая позиции справа от 11-й дивизии, хотя и оказала упорное сопротивление, но сдержать красноармейскую массу не смогла. В ней в этот момент было только 1200 штыков (половина полка по штату 1914 года). После тяжелого для обеих сторон боя «красные» форсировали Неман на шестикилометровом участке Дубно — Гледневичи — Рыбаки.

Восточнее на Немане еще отражали атаки российских войск 1-я ЛБД и соседний с ней справа 55-й полк 15-й пехотной дивизии из 4-й армии. Полк этот был отброшен от Щары, но с помощью подразделений 1-й ЛБД вернул утраченные позиции*.

23 июля в 15.00 новый командующий 1-й армией генерал Ян Ромер приказал поддержать 17-ю дивизию частью сил 1-й ЛБД, а затем и 10-й дивизией. Из состава 1-й ЛБД была выделена ударная группа подполковника Бронислава Адамовича, командира Минского полка (3 батальона, 2 батареи и бронепоезд). Эта группа утром 24 июля атаковала позиции противника в районе Гледневичи — Рыбаки. Несмотря на превосходство сил 11-й красной СД, первоначально группа Адамовича добилась успехов и потеснила противника. Но координация ее действий с 17-й дивизией была недостаточной, да и сама эта дивизия уже была дезорганизована. Поэтому, понеся серьезные потери (до 20% состава), в тот же день в 16.00 ударная группа начала отход. Отступила и 17-я дивизия, прикрывавшая левое (северное) крыло 1-й ЛБД.

Ухудшилось положение и на правом (южном) крыле 1-й ЛБД. Уже вечером 23 июля начала отступление 15-я дивизия 1-й армии, а вместе с ней и 55-й пехотный полк. Покинутый участок заняли слабые подразделения, направленные сюда из 1-й ЛБД. Создалась угроза обхода этой дивизии 21-й красной СД. Одновременно

---

* Jędrzejczyk L. Zarys historii wojennej 80-go pułku strzelców nowogródzkich. Warszawa, 1930. S. 35.

другие части «красных» приближались к Волковыску, а овладение этим городом создавало угрозу непосредственного выхода в тыл 1-й польской армии.

Поэтому 24 июля в 14.15 генерал Ян Ромер отдал приказ всей армии отступать в район Белостока на новую линию обороны: Тыкоцин (на Нареве) — Супрасль — Городок — Дубляны — до Беловежской пущи.

Литовско-Белорусская дивизия оставила свои позиции последней, в ночь с 24 на 25 июля. Для ее солдат и офицеров уход на польскую этническую территорию означал прощание с родиной. Когда перемешавшиеся между собой части перешли вброд реку Россь, командование дивизией взял на себя подполковник Казимир Рыбицкий, командир Новогрудского полка. Форсированным маршем, вступая в стычки с окружавшими их красными частями, полки 1-й ЛБД через Могины и Яловку утром 26 июля уже в Беловежской пуще догнали части 1-й армии, приведя с собой пленных*.

Случались и удивительные эпизоды. При отступлении от Немана в расположение эскадрона конных стрелков (разведки дивизии), которым командовал поручик Станислав Чучелович, въехал и сдался взвод красных донских казаков. Чучелович присоединил их к своему эскадрону. На дальнейшем пути этот эскадрон с тыла напал на взвод пулеметчиков. Чучелович, бывший казачий офицер, командным голосом по-русски спросил их: «Какой губернии?» Красноармейцы, вытянувшись в струнку и опустив винтовки, отвечали: «Костромской, ваше благородие». Дело завершилось сдачей в плен без боя*.

Оборонительное сражение на Немане 19–24 июля польские войска проиграли. Войска Западного фронта имели здесь перевес в силах в 2–3 раза. За время гражданской войны командование РККА научилось концентрировать силы на направлениях главных ударов, что позволяло за короткий срок прорывать подготовленную оборону и с ходу форсировать водные преграды при преследовании противника.

Польские войска понесли большие потери. Среди них только 1-я Литовско-Белорусская дивизия сохранила боеспособность. 11-ю дивизию пришлось отводить в тыл для полной реорганизации. Она вернулась на фронт только в августе, в период обороны Варшавы. Но оборонительное сражеие польских войск стоило «красным» немалых потерь. После, уже на территории Польши, у них обозначи-

---

* Jędrzejczyk L. Op. cit., s. 37.

** Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 147–148.

лась нехватка людей, усугубленная плохо налаженным подвозом боеприпасов.

Наступление продолжалось и на других участках Западного фронта. 16-я армия Н.В. Соллогуба после взятия Минска наступала на Барановичи, и 19 июля заняла этот важный узел на пересечении железной дороги Москва — Варшава и Полесской дороги. Здесь войска 16-й армии разделились на две группы. Одна из них продвигалась вдоль железнодорожной линии в направлении Бреста к реке Щаре в ее верхнем течении. Вторая шла на Слоним, чтобы, заняв город, закрепиться на позициях к западу от него, за Щарой.

20 июля возле Слонима вела бой польская оперативная группа полковника Станислава Калишека. В нее входили 4-я пехотная дивизия, которой командовал сам Калишек, и 12-я пехотная бригада. С 19 июля части этой группы занимали позиции на возвышенностях северо-восточнее Слонима, на Щаре и в самом городе.

20 июля в 14.00 части 10-й красной СД (начдив А.Э. Дауман) атаковали позиции 37-го пехотного полка, находившиеся на пригорках. Затем в бой вступила красная конница. Попытка контратаки польских батальонов провалилась. В результате польские части отступили за Щару. Слоним был занят красной пехотой. Ночная контратака польских частей с целью выбить противника из Слонима была отбита. Утром 21 июля польские войска начали отступление на запад, к Зельве. В боях за Слоним они понесли значительные потери*.

Таким образом, июльская операция Западного фронта закончилась его победой. Завершением операции стало занятие Пинска 23 июля частями Мозырской группы Хвесина.

Линия продвижения войск Западного фронта проходила от литовской границы на юг западнее Гродно, затем отклонялась на юго-восток, шла западнее Щары в районе Слонима и далее к Пинску.

В результате июльской операции польский Северо-Восточный фронт потерпел поражение. Красные войска заняли почти всю территорию Белоруссии. Возникли условия для вторжения уже в саму Польшу. Вместе с тем командование Западного фронта допустило ряд просчетов. Слабо была поставлена разведка. Недооценивалась роль оперативных резервов. Командование фронта переоценило результаты наступления и ошибочно считало, что главные силы противника более не способны оказывать серьезное сопротивление. Красные войска понесли большие потери, но не смогли окружить и уничтожить главные силы польских войск. Возникли серьезные

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004, s. 383–384.

проблемы в снабжении боеприпасами передовых частей фронта. Тылы отставали от них на 200–300 километров! А главная неприятность заключалась в том, что не удалось сломить боевой дух Войска Польского.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ БЕЛОРУССИИ

Во всех белорусских городах, местечках и селах, куда вступали части Красной Армии, немедленно создавались временные органы власти — революционные комитеты (ревкомы). Местное население членов комитетов не избирало. Их назначали реввоенсоветы армий на основе заранее составленных списков. При этом попытки подпольных большевистских организаций, опиравшихся на отряды красных партизан, создавать местные ревкомы из местных же уроженцев решительно пресекались военными комиссарами и представителями высшего партийного руководства. По поручению ЦК РКП(б) реввоенсовет Западного фронта и ЦК компартии Литвы и Белоруссии еще в Смоленске, в период подготовки июльского наступления, определили персональный состав ревкомов для каждого уезда и для каждого города.

Ревкомы в кратчайшие сроки вводили советские порядки: конфисковывали помещичьи хозяйства и промышленные предприятия со всем их имуществом, разворачивали коммунистическую пропаганду, а главное, создавали чрезвычайные комиссии, тут же приступавшие к репрессиям против «враждебных и социально чуждых элементов», а заодно и в отношении «несознательных трудящихся». Так, 15 июля 1920 года, когда Красная Армия вошла в Слуцк, местный ревком объявил, что жители города и деревень должны отдать представителям рабоче-крестьянской власти все имеющееся у них оружие и военное имущество: мундиры, полевые кухни, повозки, даже велосипеды. Если кто-то не подчинится, он будет предан суду «по законам военного времени», то есть, его расстреляют или повесят.

Ревкомы обычно действовали несколько месяцев. Затем проводились выборы в советы трех уровней: городские и сельские, уездные, губернский.

Впрочем, эти выборы являлись фарсом. Во-первых, к участию в них допускались только партийно-советские работники, красноармейцы, рабочие, беднейшая часть ремесленников и крестьян. Во-вторых, на каждое депутатское место претендовал лишь один кандидат, какая-либо альтернатива ему не существовала. В-третьих, кандидатов не выдвигали избиратели, их подбирали партийные органы. В-четвертых, среди кандидатов всегда искусственно создавался пе-

рекос в пользу представительства рабочих. Именно такую систему псевдовыборов большевики цинично именовали «подлинно демократической»!

Вопрос о том, надо ли вновь создавать марионеточную Белорусскую советскую республику, особого значения для московского руководства не имел. Все равно эта территория полностью подчинялась ему, так как у власти здесь находилась та же политическая партия — РКП(б). Правда, существовали псевдонациональные коммунистические партии, своего рода филиалы РКП на местах, но они целиком и полностью подчинялись Центральному комитету в Москве. Кстати говоря, национальные компартии на территории бывшей Российской империи не были представлены в III-м Коммунистическом интернационале, созданном по инициативе Ленина и Зиновьева в марте 1919 года.

Поэтому ревкомы на территории Белоруссии создавались как органы власти РСФСР. Так, 25 мая 1920 года Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение:

> «По занятии Минска, учредить Губернский ревком в Минске в составе председателя Червякова, члена Кнорина, второго члена, желательно еврея-коммуниста, поручить наметить Оргбюро или РВС Западного фронта совместно с бюро ЦК Литбел»*.

Как видим, речь о восстановлении советской Белоруссии в тот момент еще не шла.

Но 6 июля ЦК КП(б)ЛиБ, учитывая пожелания местных большевиков и их союзников (белорусских национал-коммунистов из БКО и белорусских эсэров), большинством голосов постановил:

> «После изгнания польских интервентов из Минска издать декларацию, в которой объявить о неизменном признании самоопределения народов, в том числе и белорусского».

Однако тут же было добавлено, что в связи с нестабильной политической обстановкой признано в данный момент «несвоевременным разрешение вопроса о территории Советской Белоруссии»**.

Тогда же, за 5 дней до взятия Минска, ЦК ЛиБ утвердил состав губернского военно-революционного комитета. Председателем стал А.Г. Червяков, членами — И.А. Адамайтис, И.А. Адамович, А.И. Вайнштейн (от ЦК еврейской партии Бунд), А.Х. Гетнер, И.Л. Гридюшко, В.М. Игнатовский (от ЦК БКО), Е.Г. Трофимов (от ЦК БПС-Р) и несколько других человек.

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть II. Гомель, 1993. С. 182.

** Там же.

11 июля, в день вступления в Минск войск Красной Армии, Губвоенревком объявил о переходе к нему всей власти на территории Минской губернии. Своим решением от 16 июля он создал Минский, Бобруйский, Борисовский, Игуменский, Несвижский, Новогрудский, Слонимский, Слуцкий уездные ревкомы. А они путем назначения создавали в волостях волостные ревкомы.

Что касается большевистских парторганизаций, действовавших в подполье во время польской оккупации, то ЦК КП ЛиБ немедленно взял их под свой контроль. Он назначил в каждый уезд, освобожденный от поляков, специальные партийные «тройки», которые занялись регистрацией и проверкой членов большевистской партии в уездах, а также «подбором и расстановкой» кадров для аппарата местной власти.

Губвоенревком вел работу по созданию в уездах и городах губернии своих органов — местных ревкомов, военкоматов (для мобилизации мужчин на фронт), «чрезвычаек» и милиции, а также занимался продразверсткой на селе. Для комплектования этого карательно-реквизиционного аппарата «надежными товарищами» в Белоруссию срочно направили партийно-советских работников из Москвы и других городов РСФСР, большевиков из воинских частей Западного фронта*.

Ревкомы в городах и уездах Минской губернии производили мобилизацию в Красную Армию. Только в одном Слуцком уезде военный комиссариат мобилизовал с 13 по 20 августа 1920 года около трех тысяч человек. Кроме того, ревкомы «заготавливали» для армии зерно, картофель и сено. Эти продукты они бесплатно брали (отбирали) у крестьян.

Поскольку Совнарком РСФСР официально считал Белоруссию частью России, постольку государственным языком здесь стал русский язык, а названия улиц и все вывески в городах должны были быть исключительно на русском языке. При этом улицам были возвращены русские и революционные названия. Так, в Минске главная улица города до конца 1918 года называлась Захарьевской. В январе — июле 1919 года она была Советской, с августа 1919 по 11 июля 1920 — улицей Адама Мицкевича. После изгнания польских войск снова стала Советской**.

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. К вопросу о становлении белорусской национальной государственности /Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Часть II. Гомель, 1993, с. 182.

** В 1941–42 гг. это была Гаупт-штрассе, в 1942–44 Адольф Гитлер-штрассе. С июля 1944 вновь Советская, с 1946 до октября 1961 проспект Сталина, затем 30 лет она была Ленинским проспектом, потом стала проспектом Франциска Скорины, далее — проспектом Независимости. — *Прим. Ред.*

По мере продвижения войск Западного фронта все дальше на запад вопрос о воссоздании Белорусской советской республики становился все более актуальным. С мая 1920 года по инициативе А.Г. Червякова, возглавлявшего советский отдел Реввоенсовета Западного фронта, регулярно проводились совещания представителей инициативных групп коммунистов-белорусов, в том числе представителей красного (коммунистического) партизанского движения, обсуждавшие вопрос «О восстановлении Советской власти и самоопределении Белоруссии». Практически единогласно участники подобных встреч высказывались за восстановление БСР*.

Члены Минского губвоенревкома тоже постепенно склонялись к новому провозглашению советской Белоруссии, тем более, что того же требовали и белорусские эсэры.

Но против провозглашения Белорусской советской республики снова выступил Мясников, возглавлявший в это время Политическое управление Западного фронта и его давние сторонники. Так, 12 июля 1920 года «мясниковцы» Ричард Пикель (1896–1936) и Исаак Рейнгольд (1897–1936), политкомиссары армий Западного фронта, направили в ЦК КП(б) ЛиБ тезисы «К вопросу о создании Белорусской Советской Республики». В этом документе, имевшем гриф «секретно», они отказали белорусам в праве на суверенитет и подчеркнули, что провозглашение БССР в начале 1919 года являлось всего лишь тактической уловкой:

> «В период реоккупации 1918 года создание Белорусской Советской республики оправдывалось в первую очередь необходимостью иметь буферное государство между Советской Россией и белогвардейской Польшей на предмет обеспечения Советской России от внезапного удара со стороны белой Польши.
>
> Мотивы этнографического, экономического и культурного характера играли при создании Советской Республики Белоруссии привходящую роль. Присоединение к РСФСР Витебской и Могилевской губерний от Советской Республики Белоруссии и Первый Всебелорусский съезд Советов в Минске нагляднее всего проиллюстрировали, насколько соображения экономического, этнографического и культурного характера не играли никакой роли при создании Советской Республики Белоруссии...
>
> Белорусы — не особая национальность или народность. Их язык, религия, культура ничем не отличается от великорусской. Белорусский национализм — чисто интеллигентское мещанское движение (и то незначительная часть), не имеющее никакой опоры среди тру-

* Среди них были Г. Богданович, И. Богданович, И. Гридюшко, П. Грицкевич, А. Гурло, Д. Жилунович, И. Клишевский, С. Нестер, С. Павловец, А. Синкевич, М. Цивин, А. Червяков, Д. Чернушевич, А. Шкадорович и ряд других лиц. В 30-е годы почти всех их репрессировали.

дящихся масс. Экономическое благосостояние /Белоруссии/ исключительно зависит от Советской России и экономическое обособление последней было бы для нее гибельно.

...Ныне борьба Советской России с белой Польшей не требует никаких скрытых форм. Разгром ее, создание в ней Советской Республики — очередная задача мировой революции. Следовательно, необходимость создания Белорусской Советской Республики должна быть обоснована иными аргументами, нежели при создании такой в 1918 году»*.

Пикель и Рейнгольд предложили ЦК КП(б) Литвы и Белоруссии следующий план:

«Окончательное решение вопроса о Белорусской республике перенести на Всебелорусский съезд Советов, созываемый согласно Конституции РСФСР. ЦК КП(б)ЛиБ по данному вопросу дать соответствующую директиву всем местным организациям о ликвидации Белорусской республики и создания твердого губернского центра».

Заодно эти двое большевиков выступили и против Минского губвоенревкома, куда их не включили, а ратовали за создание Белревкома с «твердым, качественно сильным губернским аппаратом Советской власти». Этому органу они предлагали поручить:

«Подготовить мнение трудящихся масс Белоруссии к полному слиянию во всех отношениях с Советской Россией»**.

В ЦК российской компартии в Москве тоже существовали разные точки зрения по поводу восстановлении Белорусской советской республики. Ленин тоже колебался. Но он учел настроения белорусов-коммунистов и в осторожной форме высказался за создание особого ревкома для Белоруссии. 16 июля 1920 года пленум ЦК РКП(б) принял решение о создании Белревкома:

«Оказать содействие белорусскому народу в создании белорусского ревкома, подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в пределах Белоруссии военным потребностям фронта»***.

Реализуя указания партийного центра, ЦК КП(б) ЛиБ провел переговоры с руководством БПС-Р, Бунда, БКО и других общественно-политических организаций, стоявших, как тогда говорили, «на платформе советской власти».

30 июля 1920 года большевистская партийная «тройка» по Минской губернии (руководящий орган большевиков) приняла решение

---

* Платонов Р., Сташкевич Н. Цит. Соч., с. 183.

** Там же, с. 184.

*** Там же, с. 185.

о реорганизации губернского военревкома. На его основе был создан Белорусский Военревком. В него вошли: А.Г. Червяков (председатель), В.Г. Кнорин (заместитель председателя), И.А. Адамович (член губпартройки), В.М. Игнатовский (руководитель БКО), А.И. Вайнштейн (председатель Бунда), Е.Г. Трофимов (член ЦК БПС-Р), а также И. Клишевский. В связи с созданием Белорусского военревкома Минский губернский ревком был объявлен упраздненым.

После этого процесс воссоздания Белорусской советской республики пошел со скоростью молнии. 31 июля 1920 года в Минском городском театре, на совместном заседании Минского Губвоенревкома, ЦК КП ЛиБ, ЦК БКО, ЦК Бунда, Центрального бюро профсоюзов Минска и Минской губернии была зачитана «Декларация о провозглашении независимости Советской Социалистической Республики Белоруссии» (ССРБ). А 1 августа ее зачитали на общегородском митинге. Разумеется, все основные положения декларации от 31 июля 1920 года были полностью согласованы с ЦК партии большевиков в Москве.

В ней говорилось о том, что республика провозглашена на принципах диктатуры пролетариата и использования опыта Советской России. Восстанавливались основные принципы организации народного хозяйства, объявленные еще в манифесте Временного рабоче-крестьянского правительства и закрепленные в решениях 1-го Всебелорусского съезда Советов 2—3 февраля 1919 года. До созыва Всебелорусского съезда советов власть, согласно декларации, находилась в руках Военно-революционного комитета ССРБ — вчерашнего Губвоенревкома.

Особым шрифтом выделялось положение, «что все законы и постановления польской оккупационной власти о восстановлении частной собственности в Белоруссии отменяются». Далее подтверждалось, что «право частной собственности на землю отменяется навсегда». Как видим, составители декларации решали все вопросы не только за себя, но и за будущие поколения.

Декларация постановляла:

> «Право пользования землей получают все граждане (без различия пола), желающие обрабатывать ее своим трудом при помощи своей семьи или в товариществе, и только до тех пор, пока они в силах ее обрабатывать. Все народные богатства переходят в руки государственных органов рабоче-крестьянского народа» (характерное для того времени определение народа — без буржуазии и без интеллигенции!).

Разумеется, декларация упоминала «врагов трудового народа»:

«Рабоче-крестьянские организации Белоруссии именем восставших трудовых масс объявляют Белорусскую «Наивышейшую раду» и все белогвардейские буржуазно-помещичьи правительства Белоруссии низложенными и подлежащими суду Военно-революционного трибунала».

Особо в декларации выделялись отношения с РСФСР, где тон составителей был уже не столь решительным, как в других ее положениях.

«Социалистическая Советская Республика Белоруссии определяет свою западную границу по этнографической границе между Белоруссией и примыкающими к ней буржуазными государствами. Граница в Социалистической Советской Республике Белоруссии с Советской Россией и Украиной определяется свободным выражением воли белорусского народа на уездных и губернских съездах Советов в полном согласии с Правительствами РСФСР и ССРУ».

И далее главное:

«Социалистическая Советская Республика Белоруссии, находясь во взаимоотношениях с Советской Россией как равная с равной, передает на все время революционных войн все свои вооруженные силы в распоряжение единого командования вооруженных сил всех Советских Республик, а также заявляет, что все дипломатические выступления ССРБ будут согласованы с выступлениями РСФСР и будут иметь в виду общие интересы всех Советских Республик, построенных на принципах диктатуры пролетариата.

Социалистическая Советская Республика Белоруссии, находившаяся в течение долгого времени в тесной связи с Россией, должна немедленно приступить к установлению единого хозяйственного плана с РСФСР и другими уже возникшими и могущими возникнуть Советскими Республиками»*.

Декларацию подписали: за ЦК компартии Литвы и Белоруссии В. Кнорин, И. Смилга, А. Червяков, за ЦК Всеобщего Еврейского Рабочего Союза (Бунд) А. Вайнштейн, за ЦК Белорусской Коммунистической организации В. Игнатовский, за Центральное бюро профсоюзов Минска и Минской губернии А. Криницкий.

Под текстом Декларации была напечатана также подпись представителя ЦК белорусских эсэров Е.Г. Трофимова. Но он расписаться отказался, так как ЦК БПС-Р посчитал себя обманутым большевиками, нарушившими их прежнюю (в декабре 1919 г.) договоренность о совместной борьбе против польских оккупантов и о защите

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 73–75.

социальных и национальных интересов белорусского трудового народа.

Во время переговоров в ЦК РКП(б) весной 1920 года представительница ЦК БПС-Р Полута Бодунова настойчиво требовала независимости для всей Белоруссии, включая изъятые в 1919 году из состава Белорусской ССР губернии — Витебскую, Могилевскую (затем Гомельскую), Смоленскую и часть Черниговской. Белорусские эсэры также добивались создания Белорусской Красной Армии, материального содействия белорусской культурно-просветительской работе среди трудовых масс, перевода школ на белорусский язык обучения. Все это было обещано эсэрам*.

Но после занятия войсками Западного фронта центральной и западной частей Белоруссии вновь учрежденные ревкомы, далекие по своему национальному составу от местного населения (в осноном, они состояли из русских, евреев, прибалтов и поляков) ничем подобным не занимались и заниматься не собирались. Это вызвало возмущение белорусских эсэров. Их партия, заявившая после изгнания польских войск, о признании советской власти и о готовности работать в советских органах, отказалась подписать Декларацию от 31 июля. Более того, она потребовала создания коалиционного правительства социалистических партий и белорусской Красной Армии. Понятно, что большевистское руководство решительно отвергло эти требования. Трофимова исключили из Военревкома ССРБ.

Партия БПС-Р осталась легальной политической партией, но перешла в оппозицию. Ее изоляция усилилась в августе, когда по рекомендации ЦК РКП(б) Минский губернский комитет КП(б) ЛиБ заявил о роспуске Белорусской коммунистической организации и приеме ее членов в компартию Литвы и Белоруссии**. Члены Бунда тоже стали переходить к большевикам. В марте 1921 года Бунд принял условия слияния с РКП(б), предложенные большевистским ЦК.

Партия БПС-Р на некоторое время осталась единственной белорусской национальной партией социалистического направления, легально существовавшей на территории ССРБ.

С белорусскими эсэрами началась борьба идейного характера. Большевики путем усиленной агитационной работы против их партии стремились снизить ее влияние среди крестьянства. В таких условиях 4 августа 1920 года ЦК БПС-Р обратился в Минский губком партии большевиков с предложением провести переговоры для выработки нового соглашения о сотрудничестве. Однако губернский

---

* Евсей Григорьевич Трофимов в 1930 году был сослан в Удмуртию, работал в банковской системе. Реабилитирован в 1960, умер в 1970 в Ленинграде.

** В конце 20-х годов — начале 30-х гг. ГПУ репрессировало всех бывших членов БКО.

комитет отказался вступать в переговоры с эсэрами и согласился с предложением А.Г. Червякова об усилении идеологического наступления против БПС-Р.

15 сентября большевистское руководство Белоруссии потребовало от ЦК БПС-Р прекращения антибольшевистской пропаганды и разрыва отношений «со всеми антисоветскими организациями». В ответ ЦК БПС-Р заявил, что партия проводит самостоятельную политическую линию, что она стоит «на новых классовых позициях» и защищает интересы всего «трудового белорусского народа». Конфликт между обеими политическими силами нарастал.

В начале 1921 года партия белорусских эсэров фактически была запрещена и прекратила свою деятельность в ССРБ. В середине февраля 1921 года были арестованы лидеры партии Трофимов, Бодунова, Мамонько и активисты в провинции. За одну ночь чекисты арестовали 860 активных деятелей партии, в том числе всех членов и сотрудников ЦК партии и Минского губкома, а вместе с арестованными в уездах число эсэров, брошенных в тюрьмы, достигло 1500 человек. Так большевики расправились со своим бывшим союзникоми. Правда, уже в апреле их выпустили из-под стражи, но партия уже не функционировала. Большинство ее лидеров и многие активисты уехали в Польшу, Чехословакию, Германию. Впоследствии все бывшие члены партии белорусских эсэров были репрессированы в СССР*.

Таким образом, до весны 1921 года в советской Белоруссии были ликвидированы все политические партии, кроме большевистской, являвшейся филиалом РКП.

Сама большевистская партия в Белоруссии тоже была реорганизована. Оргбюро ЦК РКП(б) в Москве подготовил разделение компартии ЛиБ на две — одну для Литвы (чтобы вести подпольную работу в буржуазной Литовской республике), другую для Белоруссии. 5 сентября 1920 года состоялось ликвидационное заседание ЦК КП(б) ЛиБ, принявшее соответствующее решение.

22–25 ноября 1920 года в Минске прошел III съезд «новой старой» компартии Белоруссии, на котором 63 делегата представляли 1700 членов партии. Кстати говоря, в своем постановлении съезд чистосердечно признал, что «КП(б)Б есть областная организация РКП(б), которая проводит в жизнь принципы и тактику РКП,

* Язэпа Мамонько ГПУ снова арестовало в 1929 при пересечении границы, а в сентябре 1937, после отбытия 8 лет в лагерях, его расстреляли. Полуту Бодунову чекисты арестовали осенью 1937, казнили 29 ноября 1938 года.

приспособляя ее к местным условиям, и полностью подчиняется ЦК РКП (большевиков)».

И, наконец, в ноябре — декабре 1920 года в ССРБ состоялись выборы в сельские, волостные, уездные и городские советы. Ревкомы были везде ликвидированы, кроме прифронтовой полосы.

При вторичном провозглашении советской Белорусси, как видно по декларации от 31 июля, территориальный вопрос был сформулирован весьма неопределенно. Если в отношени запада страны упоминалась «этнографическая граница», которую никто никогда официально не определял, то о восточной границе говорилось весьма туманно — «свободное выражение воли белорусского народа в полном согласии с Правительствами РСФСР и ССРУ». Понятно, что советская Украина упоминалась формально. Де факто установление границ советской Белоруссии полностью зависело от руководства Российской партии большевиков и от правительства РСФСР.

Большевики как в Москве, так и в Минске, относились к восстановленной ими Белорусской Советской республике пренебрежительно. Так, выступая с докладом на III съезде белорусской компартии, Исаак Рейнгольд заявил, что Белоруссия — это «западная окраина Советской России, являющаяся буфером между ней и шляхетской Польшей».

На деле ССРБ ограничилась пределами Минской губернии. Правда, по мере продвижения Красной Армии на запад, в состав ССРБ была включена и Гродненская губерния, несмотря на то, что и город Гродно, и эта губерния по российско-литовскому договору от 12 июля 1920 года предназначались Литве.

Но в ходе контрнаступлений польских войск в сентябре и начале октября 1920 года территория ССРБ начала быстро сокращаться. При заключении договора о перемирии и предварительных условиях мира с Польшей 12 октября советская сторона отказалась от территории Западной Белоруссии, занятой польскими войсками. На востоке еще в 1919 году Речицкий уезд Минской губернии был передан в Гомельскую губернию.

В результате к моменту заключения перемирия с Польшей в составе ССРБ от прежних 9 уездов Минской губернии остались только 6. Да и само существование этой небольшой республики оставалось неопределенным. Как показал ход советско-польских переговоров в Риге, правительство Ленина готово было обменять территорию ССРБ на равноценную территорию в Украине. Белоруссия служила для Москвы разменной монетой.

Глава 11

ВАРШАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ЗАПАДНОГО ФРОНТА

СРАЖЕНИЕ НА ЗАПАДНОМ БУГЕ И НАРЕВЕ

Сразу же после окончания июльской операции войска Западного фронта без перерыва начали следующую, получившую позже название «Варшавской». Это была важнейшая операция в советско-польской войне. Ее успех определял победу Красной Армии, а также возможность установления в Польше большевистского режима. В конце июля — начале августа 1920 года казалось, что обе цели вполне реальны: польские войска потерпели поражение и в Украине, и в Белоруссии, они везде отступали.

Руководство РКП(б) требовало от военных ускорить наступление. Поэтому главком С.С. Каменев 20 июля направил директиву командующему Западным фронтом М.Н. Тухачевскому, а также командующему Юго-Западным фронтом А.И. Егорову, предписывавшую им немедленно развернуть наступление в направлении Варшавы. Согласно директиве, оба фронта должны были завершить разгром польских войск на берегах Вислы.

Но этот план выдержан не был. Переоценив успехи РККА, Каменев уже 22 июля издал новую директиву. В ней главком приказывал войскам Юго-Западного фронта наступать не на Варшаву через Люблин, а на Львов. Задача овладения Варшавой была оставлена за одним Западным фронтом, без усиления его резервами, задействованых практически полностью. Ему было приказано 4 августа выйти на линию Ломжа — Брест, завершить разгром польских армий, не позже 12 августа форсировать Вислу и взять Варшаву.

Если по предыдущему плану армии обоих фронтов ранее были нацелены на Варшаву по сходящимся направлениям, то с середины 20-х чисел июля они действовали по расходящимся направлениям. Удар Юго-Западного фронта на Львов исключал участие его в Варшавской операции.

Казалось бы, что поражения своих войск вызовут уныние и растерянность в польском обществе и особенно в правящих кругах Польши, тем более что часть пролетариата сочувствовала идеям социалистической революции. Однако на деле в этот тяжелый для страны момент произошла консолидация польского народа и политических партий, обычно враждовавших между собой. Большевист-

ские лидеры России не учли силу стремления польского народа к сохранению независимости. Угроза нового порабощения Польши российскими войсками, пусть советскими, а не царскими, с невиданной прежде силой сплотила нацию.

22 июля был назначен новый начальник генерального штаба Войска Польского генерал Тадеуш Розвадовский, прекрасный штабист и опытный полевой командир, выпускник Академии генерального штаба австрийской армии.

24 июля было создано коалиционное правительство национальной обороны под председательством Винцента Витоса, лидера крестьянской партии «Пяст». Оно существовало до сентября следующего года. Вице-премьером стал Игнацы Дашиньский, социалист. В это правительство вошли 9 министров прежнего кабинета и 7 новых. Они представляли разные партии и беспартийных. Министром военных дел поначалу остался генерал Юзеф Лесневский (родом из-под Витебска, бывший российский генерал-майор), но 9 августа его сменил прежний заместитель, генерал Казимир Соснковский. Пост министра иностранных дел занял князь Эустахи (Евстафий) Сапега, до того — посол в Великобритании.

Правительство заявило, что целью его деятельности является борьба за независимость страны и заключение справедливого мира. Оно призвало народ защищать страну и добровольно вступать в армию. Особое воззвание с теми же призывами было издано «К братьям крестьянам».

Еще 15 июля 1920 года с целью консолидации общества перед угрозой вторжения Красной Армии, сейм принял закон об аграрной реформе. Он прошел большинством всего в один голос, но прошел! Польскому крестьянству было обещано в ближайшее время передать за умеренную плату часть государственных, церковных и помещичьих земель.

В армию были мобилизованы сразу несколько призывных возрастов, в нее вступило много добровольцев из всех слоев общества — крестьян, рабочих, буржуазии, помещиков, студентов, а в момент боев за Варшаву — даже гимназистов старших классов.

В результате мобилизации сил народа в критический момент, с начала июля и до 20 августа 1920 года министерство военных дел направило в распоряжение главнокомандующего свыше 172 тысяч офицеров и солдат, 70 новых батарей, дополнительно 200 орудий, свыше 1000 пулеметов и около 22 тысяч лошадей. А всего за это время армия получила около 140 тысяч призывников и 80 тысяч добровольцев. Общая численность вооруженных сил достигла 900 тысяч человек*.

---

* Kukiel M. Zarys historii wojskowści w Polsce. Londyn, 1949, s. 308.

Конечно же, большевистские комиссары, а вслед за ними и советские историки, назвали мобилизацию польского народа перед лицом смертельной опасности «шовинистическим угаром».

В конце июля 1920 года, после неудачного для польских войск сражения на Немане и Щаре, реки Западный Буг и Нарев стали последней естественной преградой для Красной Армии на ее пути к Висле. Пилсудский принял решение задержать здесь наступление противника. Прибывший в Польшу в качестве главного военного советника французский генерал Максим Вейган тоже советовал оказать сопротивление войскам Западного фронта на рубеже этих рек.

Новый начальник генштаба Розвадовский приказал войскам 1-й и 4-й армий и Полесской группы занять оборону от границы с Восточной Пруссией, по линии Граево — Осовец — Каменец-Литовский — Кобрин.

Используя сложившуюся обстановку, Пилсудский решил дать решающее сражение на Западном Буге. Его план предусматривал усиление Полесской группы в районе Бреста за счет войск из Галиции, и нанесение этими силами удара на север, в левое (южное) крыло стремящихся к Висле войск Западного фронта. Двумя условиями реализации этого плана были следующие: а) удержание польскими войсками Бреста; б) нанесение поражения 1-й Конной армии Буденного (именно выполнение данного условия позволило бы перебросить часть польских войск с Украины).

При отступлении на указанный рубеж обороны, правое (южное) крыло 4-й армии — группа генерала Даниэля Конажевского, командира 1-й дивизии Великопольских стрелков (позже 14-я дивизия) — заняло позиции между Пружанами и Березой Картузской. Здесь она вела бои с 8-й и 10-й СД 16-й армии Н.В. Соллогуба. Но левое крыло 4-й армии — группу генерала Владислава Юнга, командира 15-й пехотной дивизии — части Красной Армии с хода отбросили за Нарев.

Между этими двумя группами войск 4-й армии образовалась брешь в несколько десятков километров. В нее устремились 2-я и 17-я СД*.

Южнее группы генерала Конажевского от Березы Картузской вдоль железной дороги Гомель — Брест отступала Полесская группа генерала Сикорского. В нее в тот момент входили 16-я пехотная дивизия, 21-я горнострелковая дивизия, 17-я пехотная бригада и 32-й

---

* Начдивом 2-й дивизии был польский коммунист, бывший штабс-капитан российской армии Роман Лонгва (1891–1938). 17-й дивизией командовал К.П. Невежин.

пехотный полк. Отступление Полесской группы вызывалось не натиском противника, а стремлением избежать окружения. Мозырская группа Т.С. Хвесина (полторы дивизии) двигалась вслед за нею, не вступая в бой.

Еще вечером 27 июля главное командование прислало генералу Сикорскому в Кобрин приказ об отходе его группы в район Бреста и удержании там большого плацдарма на восточном берегу Западного Буга как основы для будущей наступательной операции. Сикорский в ночь с 28 на 29 июля прибыл в Брестскую крепость со своим штабом, а утром 29 июля двинулись к Бресту главные силы Полесской группы. Они достигли указанных им позиций до полудня 30 июля.

Тухачевский направил к Бресту основные силы 16-й армии и Мозырской группы, приказав Соллогубу и Хвесину взять Брестскую крепость, а в случае сильного сопротивления противника — обойти Брест с севера.

30 июля к расположению польских войск приблизились три российские стрелковые дивизии: с юго-востока — 57-я, с востока — 10-я, с северо-востока — 2-я. Еще севернее наступала 8-я СД, получившая задачу переправиться через Западный Буг и захватить район Бяла-Подляска.

Полесская группа расположилась от Великориты (южнее Бреста) до участка в 5 км севернее города. Для своего размещения войска использовали старые русские укрепления и окопы времен мировой войны. В целом, линия обороны протянулась на 25 километров. Польские части неравномерно расположились по ее периметру. Так, участок севернее железнодорожного пути на Жабинку защищали один пехотный полк и еще один батальон, а всего 5 батальонов. Между тем, на этот участок наступали две красные дивизии, 2-я и 10-я, имевшие трехкратное превосходство в силах.

30 и 31 июля артиллерия «красных» обстреливала польские позиции. За эти дни из Бреста на запад удалось увести около трех тысяч вагонов с военными грузами. А 31 июля 2-я СД отбросила полки 16-й польской пехотной дивизии за Буг.

Битва за Брест длилась три дня — с 31 июля до 2 августа. Между тем, польское главное командование только что реорганизовало управление войсками. Вместо Северо-Восточного фронта был создан Северный (командующий генерал Юзеф Галлер). Из части войск бывшего Северо-Восточного и Юго-Восточного фронтов был образован новый Центральный фронт (генерал Эдвард Рыдз-Смиглы), а 6 августа в Украине появился Южный фронт (генерал Вацлав Ивашкевич).

1-го августа командующий группой обороны Бреста, генерал Сикорский выехал в Бялу-Подляску для встречи с командующим толь-

ко что созданного Северного фронта Ю. Галлером. Он не предвидел, что в этот день начнется наступление на Брест. В 12 часов дня после короткой артиллерийской подготовки 10-я СД атаковала польские позиции в районе железнодорожной линии Жабинка — Брест. Первую атаку полякам удалось отбить.

Но в 14 часов слева ударили части 2-й СД, а в 15 часов после артиллерийской подготовки вновь пошла в наступление 10-я СД. Этим двум дивизиям удалось прорвать линию обороны. Отступающие польские солдаты и появившиеся на окраине города красноармейцы вызвали панику среди тыловых служб и обозников. Масса людей и обозов устремилась к мостам на Западном Буге. Красные части без боя заняли часть фортов Брестской крепости. Однако два польских батальона, находившиеся в самой крепости, выбили красноармейцев из занятых ими фортов. В это время в город вошли другие подразделения 10-й СД. К вечеру их тоже удалось выбить из города.

Генерал Сикорский, получив сведения об атаках противника, незамедлительно вернулся в Брест и с офицерами своего штаба безуспешно пытался справиться с нараставшим хаосом. Все же в 22 часа ему пришлось отдать приказ об отходе подчиненных войск на западный берег Буга. При этом горные стрелки из 21-й дивизии штыками пробивались через город, уже занятый «красными». Крепость была покинута ночью с 1 на 2 августа.

Сикорский намеревался провести 2 августа контрудар на Брест, но 8-я красная СД, выполняя приказ Тухачевского, форсировала Западный Буг севернее Бреста и двинулась на Бялу-Подляску, угрожая тылам Полесской оперативной группы.

Бой за Брест дорого обошелся обеим сторонам. Польские войска потеряли в боях несколько сот человек убитыми, еще больше ранеными и пленными. Потери красных дивизий были еще выше. Так, в 90-м полку (из 10-й дивизии) остались в строю только 80 бойцов. При форсировании Буга 2 августа погиб Антс Дауман, командир 10-й СД.

Утрата Бреста вызвала шок в штабе 3-й армии в Ковеле, где в это время находился сам Пилсудский. Его план удара во фланг войскам Западного фронта был сорван. Польскому главному командованию пришлось срочно готовить план обороны на Висле.

На северном участке фронта, вдоль границы Польши с Восточной Пруссией, быстрее других армий Западного фронта двигались 4-я армия Е.Н. Сергеева и 3-й Конный корпус Г.Д. Гая. Они стремились кратчайшим путем пройти от Гродно к бывшей русской крепости Осовец (юго-восточнее Граева) на Ломжу и Остроленку, с выходом к Варшаве с севера.

Соседняя 15-я армия А.И. Корка, наступая южнее, обеспечивала левый (южный) фланг 4-й армии. Она наносила удар на Белосток, а оттуда через Западный Буг прямо на Варшаву.

Еще южнее в том же направлении продвигалась 3-я армия. Ее путь пролегал через Гайновку на Вышков. Но она несколько замедлила темп наступления. Да и командующий 3-й армии В.С. Лазаревич несвоевременно заболел, поэтому командование армией оказалось ослабленным.

Ну, а 16-я армия Н.В. Соллогуба наступала от Бреста в район к югу от Варшавы, и ее боевые порядки растянулись на сравнительно большом пространстве.

Таким образом, в конце июля — начале августа наибольшую угрозу для польской армии и столицы страны представляли 4-я и 15-я армии «красных».

На новом рубеже обороны против войск Западного фронта были выставлены с севера на юг следующие группировки Войска Польского.

Наревская группа (около 4 тысяч человек) под командованием генерала Яна Врочиньского, а затем генерала Болеслава Ройи. Эта группа должна была предотвратить обход 1-й армии с севера 3-м Конным корпусом Гая, что угрожало окружением. Эта же группа должна была оборонять важные стратегические пункты неподалеку от прусской границы — города Ломжу и Остроленку.

Юго-восточнее Белостока находилась 1-я армия под командованием генерала Яна Ромера (позже его сменил генерал Владислав Енджеевский). К тому времени она насчитывала до 13 тысяч штыков, тогда как еще месяц назад, в начале наступления Западного фронта, в армии было 35 тысяч штыков. Потери 1-й армии убитыми, ранеными и пленными за месяц боев составили 63% ее личного состава. Правда, войска противника не смогли окружить и уничтожить ни одного подразделения этой армии.

Южнее 1-й армии вела бои 4-я армия под командованием генерала Скерского.

А еще дальше к югу находились 14-я дивизия 4-й армии и Полесская оперативная группа генерала Сикорского. И 4-я армия, и Полесская группа во время отступления из Белоруссии оставались в стороне от главного удара войск Тухачевского. Поэтому они понесли сравнительно небольшие потери.

Но и эту линию удержать не удалось. Дивизии Западного фронта в наступательном порыве отбрасывали силы поляков на всех направлениях.

28 июля конники 3-го Конного корпуса захватили крепость и город Осовец. Здешняя крепость закрывала переход через болотистую пойму реки Бебжы, но гарнизон покинул ее без боя по ошибочному приказу командования. Оно опасалось обхода красной конницей левого крыла польских войск, а в результате открыло путь этой коннице дальше на запад, к Ломже. Когда польские генералы спохватились, было уже поздно. Попытка отбить Осовец закончилась неудачно.

Падение Осовца и очередные поражения 1-й и 4-й польских армий дали возможность войскам Западного фронта выйти за линию Остроленка — Западный Буг — Брест, которую Пилсудский определил как рубеж будущего контрудара во фланг армиям Западного фронта. Контрудар не состоялся. Второй крупной неудачей польских войск стала потеря Белостока, занятого 29 июля войсками 4-й армии при содействии 15-й армии. Обе армии продолжили наступление. 3-я красная армия заняла Бельск и повела наступление на Модлин.

Итак, Красная Армия вступила на территорию самой Польши.

После занятия Осовца конница Гая открытой дорогой шла на Ломжу. Ломжа представляла собой маленький городок, возле которого находилась старая крепость российской постройки, контролировавшая переправу через Нарев. В ней находился небольшой гарнизон (запасной батальон 33-го пехотного полка, 600 штыков, 6 пулеметов). Командир батальона капитан М. Раганович занял оборону. В ночь с 29 на 30-го июля красная конница подошла к Ломже. Бои за Ломжу продолжались четыре дня, но к вечеру 2 августа 3-й Конный корпус взял ее.

Только переброска подкреплений на этот участок помогла командованию польской 1-й армии задержать здесь противника на некоторое время. 1-я и 4-я армии продолжали отступать на запад, сохраняя боевые порядки и не допуская глубокого прорыва красных войск.

Само сражение на Западном Буге и Нареве происходило в условиях постоянного натиска Красной Армии. Польским дивизиям, чтобы занять линию обороны, нередко приходилось пробиваться к ней сквозь позиции наступавших войск Западного фронта, неся при этом потери. Да и на самой этой линии им удалось продержаться всего несколько дней. Только на северном участке фронта еще продолжались бои на Западном Буге. На южном участке потеря Бреста и Брестской крепости открыла Тухачевскому путь к Варшаве и в район южнее нее.

Упорные бои шли на реке Нарев, по течению которого с севера на юг, до впадения в Западный Буг, польские войска еще удерживали свои позиции. Но напор противника усиливался, особенно на северное крыло. Отсюда красные войска могли выйти к Висле.

Для более действенного отпора наступлению противника польское главное командование произвело перемены в подчинении ряда соединений, временно создав боеспособные группы войск. Оно разделило 1-ю армию на две группы: северную (генерал Л. Желиговский) и южную (генерал В. Енджеевский, а с 29 июля — генерал Ян Жондковский, командир 1-й ЛБД).

В течение нескольких дней главные силы 4-й и 15-й российских армий, наступая вдоль железной дороги Белосток — Варшава, прорывали фронт войск 1-й польской армии. В конечном счете они сделали это в самом слабом месте — на стыке северной и южной оперативных групп 1-й армии. Северная группа генерала Л. Желиговского, в том числе часть 1-й Литовско-Белорусской дивизии, оказалась под угрозой окружения в районе Замброва (80 км западнее Белостока). Но ценой больших потерь ей удалось в ночь с 4 на 5 августа пробиться из Замброва к Остров-Мазовецкой. После прорыва в 3-й бригаде 2-й ЛБД осталось только 150 штыков, в батальоне моряков — 80 штыков, а 18-я пехотная бригада полковника Александра Нарбут-Лучыньского вообще перестала существовать.

Южная группа генерала Я. Жондковского (8-я пехотная дивизия, основные силы 1-й ЛБД, часть 2-й дивизии Легионов) в начале августа оборонялась на Западном Буге в районе Нура и Цехановца. Здесь вела наступление 3-я российская армия.

Правда, 3 августа части Полесской группы оттеснили на восточный берег Западного Буга, на участке от Тересполя до Дрогичина, части 16-й красной армии. В этих боях удар 14-й пехотной дивизии в районе Янова-Подляского был наиболее успешным.

В результате сражения над Бугом и Наревом с 29 июля по 7 августа стремительное наступление крсных войск было приостановлено и замедлилось. Но 7 августа полякам пришлось отступить за Западный Буг.

Неожиданное для командования Западного фронта сопротивление польских войск заставило Тухачевского направить три свои армии на узкий 50-километровый участок (затем он был расширен до 100 километров), чтобы значительно превосходящими силами прорвать польский фронт. При этом он выбрал не прямой путь к Варшаве, а вдоль немецкой границы, с тем, чтобы ударить на Варшаву с запада, предварительно обойдя ее с севера.

Суть маневра Тухачевского — с проходом севернее Варшавы через Вислу и ударом с запада — заключалась в расчете на то, что основные польские силы находятся на северном участке фронта.

Правда, главком Каменев считал, что свои главные силы Пилсудский собирает на юге, за рекой Вепш (что соответствовало действительности). Но Тухачевскому удалось убедить Каменева в телефонном разговоре в своей правоте.

Однако Тухачевский ошибся. Именно этот его маневр позволил Пилсудскому перегруппировать свои войска для контрнаступления с юга.

БИТВА ЗА ВАРШАВУ

Июльская операция в Белоруссии закончилась 23 июля взятием войсками Красной Армии Пинска. На тот день линия фронта шла вдоль Немана от Гродно на юго-запад, к Слониму и Пинску.

Еще 20 июля главком Каменев направил директиву Тухачевскому и Егорову: продолжать наступление на Варшаву. Согласно этой директиве, удар Западного и Юго-Западного фронтов на Варшаву намечался с двух направлений — с северо-востока и юго-востока.

Но уже 22 июля Каменев, переоценивший советские силы и недооценивший польские, изменил первоначальный план наступления. Главком дал директиву войскам Западного фронта продолжать наступление без оперативного перерыва, к 4 августа выйти на рубеж Ломжа — Брест, разгромить польские войска, форсировать Вислу и овладеть Варшавой не позже 12 августа. Ленин тоже требовал «как можно скорее» взять Варшаву, чтобы «придти на помощь революционному пролетариату Германии».

Соответственно, 23 июля Тухачевский издал приказ армиям Западного фронта взять Варшаву 12 августа. Так Западный фронт начал новую операцию, названную позже Варшавской. Продолжалась она чуть более месяца — с 23 июля по 25 августа.

Юго-Западному фронту Каменев 23 июля тоже дал новую директиву: наступать не на Варшаву через Люблин, а на Львов. Влиятельный член Реввоенсовета Юго-Западного фронта Сталин (он был членом ЦК РКП и наркомом национальностей) поддержал этот новый план по политическим соображениям. Взятие Львова открывало дорогу Красной Армии в Центральную и Юго-Восточную Европу, прежде всего в Венгрию (где в 1919 году уже была советская власть, вскоре свергнутая), Австрию, считавшуюся тогда страной с революционным рабочим классом, и Румынию. С точки зрения большевистских вождей, продвижение Красной Армии в Западную Украину и на юг Польши создавало возможности для социалистической революции в этих странах,.

Поэтому с конца июля наступление двух фронтов Красной Армии пошло уже не по сходящимся, а расходящимся направлениям.

Позже данное обстоятельство облегчило оборону польской столицы, а затем и контрнаступление польских войск.

В поход на Варшаву пошли четыре российские армии (4-я, 15-я, 3-я и 16-я) и один конный корпус (в составе 4-й армии) Западного фронта. Общий план их действий пока оставался прежним: мощный удар по польским войскам с северо-востока, форсирование Вислы, окружение Варшавской группировки с последующим уничтожением.

Самой опасной для поляков была 4-я красная армия (вместе с 3-м конным корпусом), находившаяся на крайнем правом фланге Западного фронта. Командующего 4-й армией Е.Н. Сергеева с 28 июля заменил В.А. Меликов, а его 6 августа — Д.С. Шуваев*.

4-я армия двигалась от Гродно в направлении на Осовец, Ломжу, Остроленку, далее на Млаву и Плоцк. При этом первым здесь прорывался 3-й Конный корпус, а его части справа (т.е. на севере) шли вдоль польской границы с Восточной Пруссией в направлении на Влоцлавек.

Южнее 4-й армии наступала 15-я армия А.И. Корка — через Белосток до Цеханова, с поворотом оттуда к Варшаве.

Еще дальше на юге двигалась 3-я армия (командующий В.С. Лазаревич), которая наступала на Гайновку — Бельск-Подляский — Остров-Мазовецку — Вышков и далее на Модлин.

Таким образом, три красные армии из четырех наступали в довольно узком коридоре (100 километров шириной) между немецкой границей и течением Вислы, которая севернее Варшавы поворачивала на запад. Эта мощная группировка должна была форсировать Вислу между Плоцком и Модлином, окружить и уничтожить войска противника в районе польской столицы.

16-я армия (командующий Н.В. Соллогуб) наступала из района Кобрин — Брест. Через Бялу-Подляску, Седльце и Минск-Мазовецкий она должна была частью своих войск атаковать Варшаву с востока, а другой частью форсировать Вислу южнее Варшавы. На самом южном фланге находилась Мозырская группа Т.С. Хвесина, которая шла к Висле севернее Люблина, в направлении на Демблин.

По плану Тухачевского, его армии должны были к 4 августа выйти на линию Ломжа — Брест, как и было указано в директиве главкома Каменева от 22 июля.

Польское главное командование 27 июля решило срочно начать фортификационные работы на 100-километровой линии, начинавшейся севернее Варшавы от Модлина, идущей до Сероцка, оттуда на

---

* Дмитрий Савельевич Шуваев (1854–1937), бывший генерал от инфатерии, в марте 1916 — январе 1917 года военный министр России. До назначения Д.С. Шуваев был начальником штаба 4-й армии.

юго-восток в район Радзимина и Карчева (15 км от Варшавы), далее на юг по Висле до Гуры Кальварии. Полностью оборонительную линию не успели подготовить из-за нехватки саперов, землекопов и техники, а главное — вследствие нехватки времени. Но на важнейших направлениях полевые укрепления построили.

Вторая линия укреплений находилась ближе к Варшаве. Третью линию обороны составили старые форты и бастионы правобережного предместья Варшавы — Праги.

На 1 августа силы Западного фронта насчитывали в полевых войсках, непосредственно ведущих бои, 94 тысячи штыков и 7,5 тысяч сабель. А всего войска фронта вместе с обслуживающим и тыловым

ВАРШАВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ 23 июля–25 августа 1920 г.

Рубеж выхода советских войск на 23 июля
Наступление советских войск 23 июля–9 августа
Линия фронта к исходу 9 августа
Задачи советских войск (по директиве от 11 августа)
Направления ударов советских войск 10–12 августа
Линия фронта к исходу 14 августа
Контрнаступление польских войск и отход советских войск 16–25 августа
Линия фронта к исходу 17 августа
Линия фронта к исходу 25 августа
Линия Керзона-восточная граница Польши, предложенная Антантой в декабре 1919 г

Варшавская операция Западного фронта

персоналом, штабами и политработниками насчитывали 203 тысячи бойцов и командиров. В армиях Западного фронта было 2600 пулеметов, 600 артиллерийских орудий и 59 тысяч лошадей.

Противостоявшие им польские войска по состоянию на 16 августа имели 114,5 тысячи штыков и сабель. К ним следует добавить гарнизон обороны столицы в предместье Прага — 3,5 тысячи солдат и офицеров. Польские войска имели 1900 пулеметов, 664 орудия, 49 танков и 9 броневиков*.

Броневики, кстати, были тогда мобильнее танков, однако наличие последних давало моральное превосходство над неприятелем, особенно, если основную массу солдат составляли мобилизованные молодые крестьяне, никогда не видевшие подобных боевых машин. Самолетов на Западном фронте было мало. Немногочисленная польская авиация занималась только воздушной разведкой и доставкой приказов.

Пилсудский произвел реорганизацию управления войсками в связи с новыми задачами по обороне Варшавы. 31 июля он освободил от должности командующего Северо-Восточным фронтом генерала С. Шептицкого, заболевшего тифом и потому выбывшего из строя. Командующим новым Северным фронтом был назначен генерал Юзеф Галлер, ранее командовавший польской добровольческой армией во Франции, которую он в апреле 1919 года доставил в Польшу**. Северный фронт был создан специально для обороны Варшавы и нижнего течения Вислы из армий прежнего Северо-Восточного фронта.

В составе Северного фронта всего за несколько дней (до 6 августа) была сформирована 5-я армия под командованием генерала Владислава Сикорскогою Вначале она занимала позиции между прусской границей и нижним течением Западного Буга. Этой армии пришлось вести бои со всеми тремя армиями Западного фронта, наступавшими на Варшаву с северо-востока: 4-й, 15-й и 3-й. Созданная из разных частей и соединений, 5-я армия имела 4 пехотные дивизии, одну кавалерийскую дивизию, отдельную пехотную бригаду и три сводные (пехотно-кавалерийские) бригады, одна из которых являлась гарнизоном крепости Модлин. В начале битвы за Варшаву в 5-й армии насчитывалось 22 тысячи штыков и 3800 сабель, 172 орудия, 452 станковых пулемета, 9 броневиков, 2 бронепоезда (кроме того, к концу битвы за Варшаву прибыли из Франции 46 танков)***.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 170—171.

** Юзеф Галлер был очень популярен в Польше, Франции и США. Он командовал фронтом до октября 1920 года.

*** Skaradziński B. Op. cit., s. 178.

Недостатками этой армии являлись значительный процент необстрелянных новобранцев и разнородность частей — как закаленные в боях, так и только что прибывшие. Но по общей числености бойцов, своему вооружению и моральному духу это была сильная армия. А ее командующий Сикорский имел значительный опыт управления войсками в боевой обстановке.

Далее к югу занимала позиции 1-я армия, прошедшая путь отступления от Полоцка. Ее командующим и военным губернатором Варшавы был назначен генерал Франтишек Лятиник. Задачей армии являлась непосредственная оборона Варшавы с востока. Эта армия имела 5 пехотных дивизий и одну пехотную бригаду. Из них 11-я пехотную дивизию пришлось формировать заново, ибо в предыдущих боях она была почти полностью уничтожена.

Армия генерала Лятиника насчитывала 31 тысячу штыков и до 2 тысяч сабель, 453 станковых пулемета, 259 орудий, 3 бронепоезда. Кроме того, в пригороде Прага находилась сводная бригада генерала Бронислава Завадского, в случае необходимости она могла поддержать 1-ю армию.

Южнее Варшавы левый берег Вислы охраняла 2-я армия Северного фронта. Ею командовал генерал Болеслав Ройя. Она была слабее двух предыдущих — всего 2 пехотные дивизии (10 тысяч штыков и сабель).

Всего три армии Северного фронта (5-я, 1-я, 2-я) в преддверии битвы за Варшаву имели 10 дивизий (9 пехотных, одну кавалерийскую) и 6 бригад (2 пехотные, 4 сводные). Это около 54-х тысяч штыков и примерно 6 тысяч сабель.

На правом (южном) крыле Северного фронта вела арьергардные бои Полесская оперативная группа, командующим которой до начала августа оставался генерал Сикорский.

Южнее его был создан Центральный фронт для обороны междуречья Вислы и Западного Буга и недопущения противника в район Люблина (командующий генерал Эдвард Рыдз-Смиглы).

Наконец, в Подолии с 6 августа действовали войска еще одного нового фронта — Южного, под командованием генерала В. Ивашкевича. Южный фронт состоял из 6-й польской армии и армии Украинской Народной республики.

Пока Красная Армия вела наступление от Нарева и Буга, ее командование подготовило дальнейший план военных действий. Тухачевский объявил его 8 августа в своем штабе в Смоленске. Окончательно план Тухачевского утвердил 12 августа народный комиссар по военным делам, председатель Реввоенсовета Республики Л.Д. Троцкий. Этот план предусматривал форсирование Вислы севернее Вар-

шавы и главный удар по ней из северо-западного сектора силами трех армий. Одновременно войска 16-й армии наступлением с востока должны были связать гарнизон города своими действиями и облегчить тем самым штурм с северо-запада.

Таким образом, Тухачевский повторял план российского командующего генерал-фельдмаршала И.Ф. Паскевича, выигравшего решающее сражение русско-польской войны 1830–31 гг. именно таким маневром — форсированием Вислы с севера и ударом по Варшаве с северо-запада. Правда, в Красной Армии о той далекой войне знали только «военспецы», бывшие царские офицеры. «Краскомам» из народа не хватало образования. Но Тухачевский никогда не скрывал, что его прадед, российский полковник, участвовал в походе на Варшаву при подавлении царизмом польского национально-освободительного восстания.

Как уже сказано выше, Москва приказала взять Варшаву 12 августа. Однако из-за упорного сопротивления польских войск штурм пришлось отложить.

Наступление красных войск в первой декаде августа продолжалось, прежде всего на северном участке фронта. Об этом сообщали сводки генерального штаба польской армии. Например, сводка от 8 августа так говорила о событиях предыдущего дня: «кавалерийские части неприятеля, продвигаясь широкой лавой вдоль немецкой границы, заняли Пшасныш, а меньшими отрядами подходят к Млаве и Цеханову» (все эти пункты находятся в 80–90 км на север от Варшавы)*.

На следующий день красные дивизии атаковали польские гарнизоны в этих городах. Завязались тяжелые бои 4-й красной армии и 3-го Конного корпуса на севере участка, 15-й армии на юге, с польскими войсками.

В районе Млавы превосходящим силам кавалерийской бригады 10-й кавдивизии из корпуса Гая противостояла группа полковника Габиха (пехотный батальон, 4 эскадрона пограничников, небольшие отряды ополченцев и бронепоезд «Вильк»). Утром 8 августа красная кавбригада атаковала пограничников и разбила их. Вечером спешенные кавалеристы ворвались в Млаву с юго-востока, но были отбиты. 9 августа в 12 часов дня польские подразделения пошли в контратаку, и тоже были отбиты. После этого Гай бросил на Млаву всю 10-ю кавдивизию и 3-ю бригаду 15-й кавдивизии. Им на помощь пришла еще и 34-я стрелковая бригада 12-й СД. Утром 10 августа все эти силы атаковали Млаву с востока и юга. После упорных уличных боев польские подразделения оставили город.

---

* Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór komunikatów. Warszawa, 1920, s. 273.

8 августа польский 203-й пехотный полк весь день отбивал в Цеханове атаки красной конницы, но вечером под угрозой окружения и он отступил.

На участке нижнего течения Нарева польские позиции в Пултуске (40 км севернее Варшавы) 10 августа атаковала 47-я стрелковая бригада 16-й СД (из 15-й армии). Бой за Пултуск шел целый день. В боях за город участвовал и Лидский полк 2-й ЛБД. Потери с обеих сторон были велики. По приказу командования к вечеру польские подразделения отступили.

На южном крыле Западного фронта войска 16-й армии шли к Варшаве вдоль железной дороги Брест — Варшава.

10 августа войска Западного фронта вышли на рубеж Млава — Цеханов — Пултуск — Седльце — Бяла-Подляска.

Они добились больших успехов, оттеснив на севере противника к реке Вкра — северному притоку Нарева. Польские войска понесли тяжелые потери и отступали ввиду угрозы окружения. Так, 1-я ЛБД из-за потерь была выведена в резерв 1-й армии с целью пополнения личным составом.

Красные войска тоже несли значительные потери, а крупных резервов у них больше не было. Но сам факт успешного наступления и его высокий темп поднимали боевой дух бойцов и командиров. Это давало возможность командованию фронта продолжать наступление. Предстояла решающая битва за Варшаву.

Начиная Варшавскую битву, Пилсудский отдал боевой приказ командующим своих войск 6 августа, Тухачевский — 10 августа. Приказ Пилсудского предусматривал проведение перегруппировки, с сосредоточением группы войск для контрудара за рекой Вепш — правым притоком Вислы, текущим в своем среднем течении с востока на запад. Место сосредоточения — район Демблин — Любартов — Хелм. Удар отсюда должны были нанести 4-я и 3-я армии Центрального фронта (командующий Э. Рыдз-Смиглы). Цель удара — заход во фланг, а затем в тыл противника, наступавшего на Варшаву, с последующим разгромом его. Начало удара планировалось на 17 августа.

Тухачевский закончил подготовку плана форсирования Вислы и взятия Варшавы в ночь с 9 на 10 августа. Директиву командующим армиями он подписал 10 августа и тут же направил ее по телеграфу в армейские штабы.

Начало наступления с целью окончательного разгрома противника командзап назначил на 12 августа. Он приказывал своим армиям на северном участке фронта форсировать Вислу западнее Варша-

вы, атаковать польскую столицу с северо-запада, окружить и уничтожить польские силы, защищавшие Варшаву.

4-я армия Д.С. Шуваева (12-я, 18-я, 53-я СД, 164-я стрелковая бригада и 3-й Конный корпус) частью сил должна была овладеть районом Яблоново — Грудзёндз — Торунь, чтобы прервать снабжение Польши вооружением из Франции и других стран по Висле через Данциг (Гданьск). Остальные силы 4-й армии должны были форсировать Вислу в районе Влоцлавек — Добжынь.

Задание 15-й армии А.И. Корка (4-я, 11-я, 16-я, 33-я, 54-я СД), а также 3-й армии В.С. Лазаревича (5-я, 6-я, 21-я, 56-я СД) сводилось к тому, чтобы до 15 августа форсировать Вислу на северо-западе и севере от Варшавы. При этом 3-я армия должна была одной из своих дивизий атаковать Прагу, пригород Варшавы на восточном берегу Вислы.

Командующему 16-й армией Н.В. Соллогубу (2-я, 8-я, 10-я, 17-я, 27-я СД) было приказано главными силами 14 августа форсировать Вислу в районе южнее Праги.

Мозырской группе Т.С. Хвесина (57-я СД и приданная 58-я СД из 12-й армии ЮЗФ, вместе немногим более 11 тысяч человек) Тухачевский приказал идти на Демблин и Козенице.

Таким образом, Тухачевский сконцентрировал на северном участке фронта протяженностью 90 километров 11 стрелковых дивизий и 2 дивизии кавалерии. Южнее наступали еще 8 стрелковых дивизий, из них 5 в районе Варшавы, а одна — на среднем течении Вислы.

Но самое южное крыло Западного фронта составляли только 2 дивизии Мозырской группы, растянутые на 100 километров. Вот этот участок фронта и был наиболее уязвим в случае прорыва здесь польских войск. Однако на всех уровнях советского командования царила уверенность в том, что поляки уже не в состоянии оказать серьезное сопротивление.

Впрочем, Тухачевский еще 30 июля, желая подстраховать свой левый (южный) фланг, попросил главкома Каменева, чтобы тот направил 12-ю армию ЮЗФ в район на северо-запад от Бреста. Такой маневр стал бы возвращением к первоначальному плану кампании. 3 августа Каменев послал соответствующую директиву командующему Юго-Западным фронтом Егорову о передаче 12-й армии и 1-й Конной армии Буденного под командование Тухачевского. Но Егоров и РВС фронта проигнорировали эту директиву главнокомандующего. Только через две недели (13 августа), после получения очередной директивы главкома, Егоров подготовил такой приказ. Однако и этот запоздавший приказ комфронта не был выполнен из-за противодействия Сталина, считавшего захват Львова более важной задачей.

Пилсудский, со своей стороны, с июля готовил план удара в южный фланг наступавшим на запад войскам Западного фронта. Но для реализации этого плана необходимо было стабилизировать польский фронт (а его войска все время отступали) и создать ударную группировку. Вначале такой удар готовился из района Бреста, однако быстрый захват его войсками 16-й армии сорвал этот план. Теперь Пилсудский решил нанести этот удар в междуречье между Вислой и Западным Бугом.

В ночь с 5 на 6 августа Пилсудский окончательно доработал свой план и обсудил его с Розвадовским. План предусматривал концентрацию сил вдали от Варшавы, за рекой Вепш. Польскую столицу требовалось любой ценой удержать до начала контрудара. Он намечался на 17 августа, но начался на день раньше — 16 августа. Суть контрудара — наступление на левый (южный), наиболее слабый фланг Западного фронта, выход в его тыл и окружение группировок фронта, зашедших далеко на запад.

Весь 800-километровый польско-советский фронт от прусской границы до реки Днестр, Пилсудский и Розвадовский разделили на три больших участка.

Северный фронт генерала Ю. Галлера простирался на 250 километров от Восточной Пруссии до Демблина. В него входили три армии. 5-я армия генерала В. Сикорского (9-я, 17-я и 18-я пехотные дивизии, 22-я добровольческая дивизия, Сибирская бригада, 8-я кавалерийская бригада) занимала участок от прусской границы до крепости Модлин севернее Варшавы. Задача этой армии состояла в том, чтобы не допустить окружения польских войск красными войсками, наступавшими севернее Западного Буга.

Командующему 5-й армией была подчинена группа Нижней Вислы генерала М. Осиковского, состоявшая из запасных и тыловых частей (3500 штыков, 18 орудий). Группа получила задачу оборонять линию Вислы от пункта в 20 километрах западнее Варшавы до Торуни.

Задачей 1-й армии генерала Ф. Лятиника (8-я, 10-я, 11-я, 15-я пехотные дивизии, 1-я Литовско-Белорусская дивизия, 7-я резервная бригада), наиболее технически обеспеченной из всех польских армий, являлась непосредственная оборона подступов к Варшаве.

Южное крыло Северного фронта составляла 2-я армия генерала Б. Ройя (2-я пехотная дивизия Легионов, 4-я пехотная дивизия, 2-я кавалерийская бригада). Она занимала линию Вислы от Гуры Кальварии (южнее Варшавы) до Демблина.

Главная роль в контрнаступлении отводилась войскам Центрального фронта (генерал Э. Рыдз-Смиглы), специально созданного с этой целью и состоявшего из 4-й и 3-й армий.

4-я армия генерала Л. Скерского (14-я и 16-я пехотные дивизии, 21-я горная дивизия, 12-я пехотная бригада, 32-й пехотный полк) была собрана за рекой Вепш в районе от Демблина до Коцка. Она должна была нанести удар в направлении на Гарволин и далее на север, с выходом в тыл войскам «красных» под Варшавой и установлением контакта с частями 1-й армии.

Между Коцком и Хелмом концентрировались главные силы 3-й армии генерала Зигмунта Зелинского (1-я и 3-я пехотные дивизии Легионов, добровольческая бригада кавалерии, 4-я кавалерийская бригада). Этой армии было приказано наступать в северо-восточном направлении под непосредственным командованием самого командующего Центральным фронтом Рыдз-Смиглого.

Остальные соединения 3-й армии (7-я пехотная дивизия, 6-я украинская пехотная дивизия, белорусская группа генерала С. Булак-Балаховича, бригада донских казаков) занимали участок фронта от Хелма до Бродов в Западной Украине. Они прикрывали с юго-востока войска, концентрирующиеся у Вепша.

От Бродов до Днестра простирался Южный фронт генерала В. Ивашкевича (5-я, 6-я и 13-я пехотные дивизии, 1-я кавалерийская дивизия), оборонявший Львов и проход к южной части Польши.

Таким образом, план действий Пилсудского сводился к тому, чтобы силами 5-й, 1-й и 2-й армий измотать и обескровить основную группировку Западного фронта, а своей 4-й армией и частью сил 3-й армии нанести с юга контрудар во фланг и тыл этой группировки, после чего перейти в общее наступление по всему фронту и разгромить войска Красной Армии на Варшавском направлении.

Кстати говоря, при 2-м отделе польскогоо генштаба (отдел разведки и контрразведки) была создана секция шифров, где служили талантливые математики во главе с профессором Вацлавом Серпиньским. Польская разведка перехватывала зашифрованные телеграммы и радиограммы, а люди Серпиньского быстро их расшифровывали. Наиболее важные доставлялись Пилсудскому, который не нуждался в переводе на польский язык. Например, только за август 1920 года были перехвачены и дешифрованы 420 радиограмм.

Поэтому секретные приказы советского командования становились известными польскому командованию почти сразу же, и оно могло оперативно вносить поправки в свои планы. Так, около полудня 13 августа были перехвачены срочные приказы командования 16-й красной армии атаковать на рассвете 14 августа всеми силами Радзимин и Варшаву. В связи с этим Пилсудский ускорил на один день начало контрнаступления с рубежа Вепша, а генералу Сикорскому приказал наступать из района Модлина, чтобы оттянуть часть сил красных от Варшавы.

Пилсудский дал высокую оценку работе польской разведки в 1920 году. Награждая после войны ее начальника И. Матушевского орденом «Виртути Милитари», он сказал:

> «Благодаря Вам, мы в течение этой войны впервые за триста лет имели больше информации о противнике, чем он о нас»*.

Ошибка главкома Каменева и командующего войсками Западного фронта Тухачевского заключалась в том, что они не смогли раскрыть замысел польского командования и установить концентрацию его войск за Вепшем, поэтому войска Западного фронта оказались не готовы к отражению этого мощного контрудара.

Для наступления с юга, из района концентрации польских сил над Вепшем, Пилсудский распорядился перебросить воинские части с Украины, но здесь возможности были ограничены, так как нельзя было чрезмерно ослаблять этот фронт.

Планируя наступательные операции в Варшавской битве, оба командующих — и Пилсудский, и Тухачевский — ошиблись в направлении ударов противника. Так, Пилсудский считал, что главный удар российских войск придется на Варшаву, тогда как Тухачевский направил его на крепость Модлин (Новогеоргиевск) и севернее ее. Тухачевский, в свою очередь, был уверен в том, что главные силы польских войск находятся в районе Варшавы и Модлина, и пропустил момент концентрации сил за Вепшем.

Согласно приказу Пилсудского от 6 августа, польские войска, прикрываясь усиленными арьергардами, с боями отступали от Западного Буга и занимали позиции на подступах к Варшаве и Модлину, а также собирались за Вепшем. Большинство соединений понесли серьезные потери в длительных боях.

Дивизии Красной Армии поначалу были в лучшем положении. Только в июле Западный фронт получил значительные подкрепления — 54.573 новых бойцов. В это время в боевых линиях насчитывалось уже 136 тысяч красноармейцев и командиров, при общей численности личного состава фронта в 558 тысяч человек.

Но к началу штурма Варшавы дивизии Западного фронта тоже понесли существенные потери. Кроме того, красные войска были утомлены и ослаблены длительным наступлением, продолжавшимся более месяца. Когда они вышли на подступы к Варшаве и к Висле, в некоторых дивизиях в результате боевых потерь осталось не более тысячи бойцов, а некоторые полки своей численностью не превышали роту. Рвавшиеся вперед красные войска все более отда-

---

* Прушиньський М. Цит. Соч., с. 51–52.

лялись от своих баз снабжения, коммуникации растягивались, ощущался недостаток боеприпасов, продовольствия и фуража, приходилось отбирать провиант у населения. Для форсирования Вислы войска имели весьма ограниченное количество переправочных средств. Однако красноармейцы и командиры были окрылены своими успехами и верили в близкую победу.

В самом начале наступления Красной Армии на Варшаву Тухачевский получил текст приказа польского командования о контрударе с юга. 14 августа у погибшего во время боя под Дубенкой командира 207-го добровольческого Волынского пехотного полка майора В. Дроевского «красные» нашли оперативный приказ о контрнаступлении над Вепшем. Документ доставили Тухачевскому, но он посчитал его дезинформацией, так как резведотдел фронта убедил его в том, что указанные в приказе польские дивизии сражаются на других фронтах. Поэтому контрудар польских войск так и остался тайной для командования Западного фронта вплоть до его начала.

На самом северном участке фронта (возле границы с Германией) битва за Варшаву началась 12 августа продвижением красных войск к переправам через Вислу. В свою очередь, дивизии 5-й армии генерала Сикорского 14 августа пополудни начали наступление в северном и северо-восточном направлениях на реке Вкра (приток Нарева). Продвижение польских войск было успешным, так как их удар пришелся в стык между левым крылом 4-й красной армии и правым крылом 15-й армии. Но вскоре командир 18-й польской дивизии генерал Ф. Краёвский сориентировался, что дальнейшее продвижение его частей заведет их в окружение и прекратил наступление.

А красные войска, выполняя приказ Тухачевского на этом же участке, но севернее и южнее, тоже шли вперед. 4-я армия Шуваева быстро продвигалась вдоль прусской границы к Броднице и далее на Грудзёндз, а 3-й Конный корпус своей 10-й кавдивизией устремился к Нешаве на Висле, а 15-й кавдивизией — на Влоцлавек. Утром 14 августа красная конница начала бой за переправы в указанных районах. Но между боевыми порядками двух красных армий (4-й и 15-й) образовался разрыв в 30 километров, где находились обозы и тыловые части 4-й армии.

Южнее на линию реки Вкра к позициям 5-й польской армии вышли 15-я армия Корка и главные силы 3-й армии Лазаревича, наступавшие на Насельск — Модлин.

15 августа боевые действия развернулись на реке Вкра. 18-й польской пехотной дивизии удалось отбросить на 20 километров к востоку правое крыло 15-й армии Западного фронта. 8-я польская ка-

валерийская бригада с ходу захватила Цеханов (уже в тылу красных войск), где разгромила штаб 4-й армии. Командарму Шуваеву удалось бежать. Зато штабисты собственными руками уничтожили единственную радиостанцию, вследствие чего командарм Шуваев в течение нескольких дней не мог связаться со штабом Западного фронта.

Весь день 15 августа шли бои в районе Цеханова. К вечеру 33-й СД «красных» удалось занять город, но ссразу после этого бои разгорелись южнее Цеханова, в районе Плоньска. К вечеру 16 августа красные 18-я и 54-я дивизии подошли к Плоньску с запада, однако были отброшены на север. 17 августа бригады этих двух дивизий снова атаковали Плоньск, но польский гарнизон не только удержал город, но и нанес большие потери 18-й СД. После этого красные дивизии отошли на северо-запад.

Битва на Вкре продолжалась пять дней. За это время 5-я армия генерала Сикорского смогла задержать более сильного противника и начала оттеснять его на восток.

3-я армия Лазаревича свой главный удар направила 12 августа на участок Модлин — Зегже, севернее Варшавы. Дивизии этой армии стремились овладеть переправами через Вислу ближе к самой Варшаве. 13 августа пополудни восточнее Варшавы 27-я «железная» дивизия (командир Витовт Путна) 16-й армии и 21-я дивизия 3-й армии пошли в прямое наступление на Варшаву с северо-востока. Первый удар пришелся на Радзимин, где проходила первая линия обороны польской столицы (13—14 км от Варшавы). Бои за Радзимин продолжались с 13 до 16 августа. В бой были введены 10-я, 11-я пехотные дивизии и 1-я ЛБД (1-я армия генерала Ф. Лятиника), с польской стороны, 2-я и 27-я СД (16-й армии) и 21-я СД (3-й армии) — с российской стороны.

Первая атака на Радзимин началась в 17 часов сильным артиллерийским обстрелом. После тяжелого боя вечером к 19 часам 13 августа Радзимин был взят полками 27-й стрелковой дивизии. Линия обороны польских войск была прорвана. Тогда около полуночи командир 1-й ЛБД генерал Ян Жондковский получил приказ отбить Радзимин у противника. Атаковать российские позиции он должен был на рассвете, но с атакой опоздал.

1-я Литовско-Белорусская дивизия была единственным резервом 1-й польской армии. Дивизия была укомплектована недостаточно. Так, Виленский полк насчитывал 1050 штыков. Гродненский полк имел 19 офицеров, 456 стрелков и 17 пулеметов. Новогрудский полк — 13 офицеров, 368 стрелков, 30 пулеметов. Находившийся

в тылу дивизии и выходивший на боевые позиции Минский полк насчитывал 17 офицеров, 500 стрелков и 27 пулеметов*.

На рассвете 14 августа, еще до начала польской атаки, в наступление пошли красные дивизии и заняли несколько деревень вблизи от Радзимина. И только в 10.15 с пятичасовым опозданием после довольно слабого артиллерийского огня (стреляли всего две-три батареи) пошел в атаку Виленский полк ЛБД, при поддержке нескольких рот 46-го и 47-го полков 11-й пехотной дивизии. Офицеры с винтовками в руках шли впереди солдат; затем колонны атакующих перешли на бег и через полчаса ворвались в Радзимин. Два других полка — Гродненский и Новогрудский — были задержаны «красными» и до Радзимина не дошли. Красноармейцы 61-й, 62-й, 63-й стрелковых бригад, 27-й дивизии и 21-го кавполка выбили батальоны Виленского полка из Радзимина и заставили полк отступить. Командир 1-го батальона капитан Рышард Довнар-Запольский погиб. Потери были значительные. Полки 1-й ЛБД отошли на вторую линию обороны.

После поражения под Радзимином генерал Лятиник послал тревожную депешу Пилсудскому в его штаб в Пулавах. Именно под ее впечатлением Пилсудский перенес начало контрнаступления с Вепша на день раньше намеченного.

Но и российские части понесли большие потери (одна только 27-я дивизия 14 августа потеряла 1096 бойцов). Поэтому их наступление остановилось**.

Бои за Радзимина имели столь важное значение для обороны Варшавы, что вечером 14 августа, после повторной утраты Радзимина, в места дислокации 1-й ЛБД и 10-й пехотной дивизии прибыл для встречи с офицерами и солдатами командующий войсками Северного фронта генерал Юзеф Галлер. Линию фронта посетила также делегация правительства во главе с премьером Винцентом Витосом (она приехала из Варшавы на автомобилях).

Командир 10-й пехотной дивизии генерал Л. Желиговский получил приказ командующего фронтом возглавить ударную группу в составе трех дивизий (1-й Литовско-Белорусской, 10-й и 11-й пехотных) и отбить Радзимин. В ночь с 14 на 15 августа обе стороны произвели перегруппировку войск, чтобы 15 августа возобновить бои.

В ночь с 14 на 15 августа отдельные польские батальоны атаковали город. На рассвете батальоны 10-й дивизии начали штурм Радзимина с севера. С юга в город рвались батальоны 1-й ЛБД поддержанные танковым взводом.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2. Warszawa, 1993, s. 190—191.

** Skaradziński B. Op. cit., s. 192—193.

Появление на фронте 10-й польской пехотной дивизии изменило соотношение сил в окрестностях Варшавы. 15 августа польские силы составляли здесь около 17 тысяч солдат, 220 пулеметов и 109 орудий. Российские войска имели 15 тысяч бойцов, 390 пулеметов и 91 орудие. Но у «красных» начал ощущаться недостаток патронов и снарядов. Во многих батареях осталось не более двух десятков снарядов на орудие.

Коммюнике польского генштаба 15 августа сообщало:

«В районе Варшавы 14 числа текущего месяца неприятель упорно атаковал участок Зегже — Радзимин — Окунев — Лесняковизна. До сильного напряжения доходили бои под Радзимином, который пару раз переходил из рук в руки. 15-го числа текущего месяца в полдень после острого боя Радзимин был окончательно взят нами».

В сводке от 16 августа говорилось:

«Натиск с севера в направлении на Зегже и Демб ослабел очень значительно. Упорные бои имели место в течение всего вчерашнего и сегодняшнего дня в районе Радзимина».

16 августа красная пехота при поддержке двух броневиков снова атаковала Радзимин, но была отбита. В свою очередь 28-й пехотный полк занял деревню Мокре (севернее Радзимина), вынудив отступить 61-ю и 62-ю стрелковые бригады. В этот день к 15 часам польским частям удалось вернуть позиции первой линии обороны, утраченные 13 августа.

Хотя бои под Радзимином являлись только частью всей Варшавской битвы, значение их было очень велико, так как именно здесь решалась судьба Варшавы. Польские потери под Радзимином составили 3042 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести. В некоторых полках, например, в Виленском, боевые потери за три дня достигли 35—40% личного состава*.

Но несмотря на неудачу под Радзимином и командующий 16-й армией Соллогуб, и командующий фронтом Тухачевский считали, что захват Варшавы произойдет в ближайшие 2—3 дня.

Наконец, на рассвете 16 августа началось наступление 4-й и 3-й польских армий Центрального фронта из-за Вепша, во фланг и тыл красных армий, штурмовавших Варшаву. Пилсудский требовал от войск максимальной быстроты действий, инициативы и решительности. Чтобы избежать задержек в наступлении, непосредственно в дивизиях находились командующие высшего ранга. Так, сам Пил-

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919—1920. Warszawa, 2004, s. 340—342.

судский прибыл в 14-ю пехотную дивизию, Рыдз-Смиглы — в 16-ю дивизию. На своем пути наступающие войска встретили лишь отдельные подразделения Мозырской группы Хвесина. Боев почти не было. До вечера 16 августа части 4-й армии прошли 35—40 километров. 14-я пехотная дивизия минула Гарволин и вошла в сферу действий левого крыла 16-й красной армии. На правом крыле наступления 3-я дивизия Легионов заняли Влодаву на левом берегу Западного Буга, а 1-я дивизия Легионов после 50-километрового перехода достигла Вишницы.

На второй день (17 августа) произошли бои в районе Влодавы, где была разбита 58-я СД, а 1-я дивизия Легионов заняла Бялу-Подляску и Мендзыжец (по дороге из Бреста на Варшаву). Войска 4-й армии заняли Луков и Седльце. К вечеру 17 августа войска 4-й и 3-й польских армий вышли на линию Бяла-Подляска — Седльце — Минск-Мазовецкий — Прага (пригород Варшавы за Вислой) и установили контакт с частями 1-й армии генерала Лятиника, оборонявшей Варшаву.

Стремительное наступление польских войск вынудило командование «красных» начать поспешный отвод с фронта 8-й, 10-й и 17-й стрелковых дивизий. В связи с этим Пилсудский вернулся в Варшаву, чтобы скорректировать план и не дать противнику задерживаться на водных рубежах. Вечером 17 августа он отдал приказы о перегруппировке.

Польские войска получили новые задачи.

3-я армия, состоящая теперь из 7-й пехотной дивизии и 2-й дивизии Легионов, должна была прикрыть Люблинское воеводство от возможного наступления войск Юго-Западного фронта, прежде всего от 1-й Конной армии Буденного.

2-я армия, созданная из 1-й и 3-й пехотных дивизий Легионов, 1-й Литовско-Белорусской дивизии, 21-й горной дивизии, 41-го пехотного полка, 4-й кавбригады и кавбригады майора Ф. Яворского, под командованием генерала Э. Рыдз-Смиглого двигалась с юга на Белосток.

4-я армия, усиленная 15-й пехотной дивизией, получила приказ форсировать Буг и двигаться к прусской границе.

1-я армия из Варшавского укрепленного района — идти на Остров-Мазовецку — Ломжу.

5-я армия на северном участке должна была наступать на Пшасныш — Млаву, с целью разгрома 3-го Конного корпуса и 4-й армии Шуваева.

Пилсудский в своих приказах требовал от своих войск не вытеснять неприятельские части на восток, а окружать и уничтожать их*.

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919—1920, s. 441—442.

Первые сведения о начавшемся наступлении польских войск командующий 16-й армии Соллогуб получил утром 17 августа и передал их Тухачевскому. Однако комфронта не сразу оценил значение этой информации. Только поздним вечером того дня он приказал отвести 16-ю армию за реку Ливец (южный приток Западного Буга, в 60 км восточнее Варшавы). Мозырской группе Тухачевский послал приказ упорно сопротивляться при обороне района Бяла-Подляска — Славатыче. Он еще не знал, что эта группа фактически уже не существует.

1-й Конной армии Тухачевский приказал сосредоточиться под Владимиром-Волынским, находясь в готовности для удара в тыл польского Центрального фронта.

На правом, северном крыле Западного фронта Тухачевский намеревался ввести в наступление на тылы сражавшейся на Вкре 5-й армии генерала Сикорского 4-ю армию Шуваева из района Цеханов — Пшасныш. Однако вследствие быстрых темпов наступления польских войск эти приказы были уже фактически невыполнимы.

Положение левого крыла Западного фронта стало крайне тяжелым, если не катастрофичным. Мозырская группа фактически перестала существовать. 16-я армия отступала, подвергаясь постоянным атакам, а Соллогуб утратил контроль над подчиненными ему частями. Вдобавок ко всему пришла депеша от Буденного, что 1-я Конная армия приступит к концентрации под Владимиром-Волынским только после взятия Львова. Тухачевский тут же пожаловался Троцкому, но это делу не помогло.

18 августа польские войска перешли в наступление по всему фронту.

19 августа положение войск Западного фронта еще более ухудшилось. Поляки заходили в их тыл все дальше и дальше. К востоку и северо-востоку от Варшавы они захватили переправы через Западный Буг.

1-я пехотная дивизия Легионов заняла Дрогичин на Западном Буге (северо-западнее Бреста) и подходила к Бельску (южнее Белостока). 19 августа в 22 часа подразделения 3-й пехотной дивизии Легионов после короткого боя вошли в Брест. Они сразу же заняли восточные форты крепости.

Потерпевшие поражение дивизии 16-й красной армии отступали окружными дорогами на северо-восток через Нур (на Буге) и Высоке Мазовецке. Разбитые подразделения 57-й СД из Мозырской группы собирались в районе Жабинки. Отступление 16-й армии в некоторых местах приобрело характер бегства. Управление войсками было дезорганизовано, прекратился подвоз боеприпасов. Наиболее решительные командиры пытались вывести войска на восток с наименьшими потерями, но это не всегда им удавалось. Некото-

рые полки, сформированные из бывших дезертиров и мобилизованных крестьян центральных губерний России (где полыхали крестьянские восстания) отказывались сражаться и в окружении бросали оружие.

Не поддалась панике 15-я армия А.И. Корка. Она продолжала сражаться за каждую пядь земли. И только 19 августа Корк вследстви больших потерь и возрастающего напора 5-й армии Сикорского решился на отступление в направлении Остроленки и Ломжи. Упорная оборона дивизий 15-й армии заставила польское главное командование изменить план своего наступления. Пилсудский приказал части сил 1-й армии генерала Лятиника повернуть на север, для поддержки войск 5-й армии генерала Сикорского.

Общее наступление польских войск Центрального фронта привело к началу наступления и в районе Варшавы. 17 августа сводка генштаба сообщала:

> «В связи с наступлением наших армий Центрального фронта правое крыло варшавской обороны перешло сегодня к наступательной операции. Лобовая атака с помощью танков привела около полудня к занятию местности Демб Велики. Наши части продвигаются дальше на Минск Мазовецкий»*.

С юга к этому городу приближалась 14-я Познаньская пехотная дивизия генерала Д. Конажевского. Таким образом, красные войска повсюду были отброшены от Варшавы.

На северном участке фронта положение тоже изменилось. В связи с уничтожением полевой радиостанции штаба 4-й армии во время атаки польских войск на Цеханов, полностью прервалась связь командования этой армии со своими дивизиями, равно как и со штабом фронта. Поэтому ее командиры действовали автономно, выполняя прежние приказы. Части 3-го Конного корпуса и 4-й армии по-прежнему наступали на Грудзёндз и Торунь.

Между тем, начатое 14 августа 5-й армией Сикорского контрнаступление шло успешно, несмотря на упорное сопротивление дивизий 4-й и 15-й красных армий. 16 августа после тяжелых боев с частями 15-й армии был взят Цеханов.

В это же время передовые части 4-й красной армии, продолжавшие наступление, дошли вдоль прусской границы до Лидзбарка, Дзялдова и Бродницы, встречая усилившееся сопротивление польских частей. Поскольку в этих районах проживало много немцев (до 1919 года они входили в состав Германии), то местное население, ненавидевшее польские власти, весьма дружественно встретило красноармейцев. Но гарнизон Влоцлавека мужественно защищал

---

* Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór komunikatów, s. 278.

город от конников 3-го корпуса Гая, не допуская российские части на левый берег Вислы.

17 августа части 1-й польской армии к северу от Варшавы заняли Сероцк на Нареве.

Таким образом, польские войска постепенно «запирали» выход красным войскам на восток. 18 августа войска правого крыла 5-й польской армии форсировали Нарев, заняв переправы возле Сероцка и Пултуска. Правда, отступавшие российские войска на два дня снова заняли Цеханов, важный пункт для выхода назад из узкого пространства между Вислой и прусской границей.

18 августа произошел бой за город Вышков на Западном Буге, северо-восточнее Варшавы. Этот небольшой город тоже имел важное значение для отступления частей Западного фронта , так как здесь имелась удобная переправа.

31-й пехотный полк 10-й польской пехотной дивизии продвинулся к Вышкову с целью наблюдения за отходящим противником, оторвавшись от своей дивизии на 30 километров. Несмотря на приказ командования оставаться на месте до подхода соседней 8-й пехотной дивизии, командир полка капитан Миколай Болтуць вечером 18 августа приказал своим солдатам атаковать город. Им удалось предотвратить взрыв железнодорожного моста и выйти на северный берег Буга. Были захвачены два моста: железнодорожный и обычный. Затем польская пехота ворвалась в Вышков и после трехчасового уличного боя с подразделениями 57-го стрелкового полка «красных» овладела городом. В бою 31-й полк потерял несколько десятков бойцов убитыми и ранеными. В плен сдались около 400 красноармейцев, была захвачена часть обоза 57-го полка*.

Взятие Вышкова позволило польским войскам начать окружение нескольких красных частей, еще остававшихся в секторе между Западным Бугом и Наревом.

Над войсками 4-й армии и 3-го Конного корпуса и всей северной группы войск Западного фронта нависла угроза окружения.

Анализируя положение на северном участке фронта на утро 16 августа, Тухачевский увидел возможность удара в северное крыло 5-й польской армии. В тот же день в 14.20 он отправил по радио приказ командующему 4-й армии Д.С. Шуваеву повернуть к югу все силы его армии и ударить на Закрочым (западнее Модлина). Но приказ не дошел до Шуваева из-за уничтоженной радиостанции, и 4-я армия продолжала наступать, тогда как все другие красные армии с 17 августа отступали.

После взятия 16 августа полками 9-й пехотной дивизии (из 5-й армии Сикорского) железнодорожного узла и города Насельск

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919—1920, s. 466.

(в 30 км севернее Варшавы) было начато окружение и вырвавшейся далеко на запад 4-й армии Шуваева. Под Насельском 18 августа 9-я и 17-я польские пехотные дивизии, 22-я добровольческая дивизия и Сибирская бригада преодолели оборону 11-й и 16-й красных СД и развили наступление на Пултуск. В связи с быстрым продвижением польских войск Центрального фронта с юга и угрозой захода их в тыл командующий 15-й красной армией А.И. Корк вечером 18 августа приказал своим дивизиям начать отступление.

Так закончилась длившаяся пять дней битва над рекой Вкра. 5-я армия Сикорского, благодаря военным способностям командующего, мужеству и стойкости патриотически настроенных солдат, не только сдержала превосходящие силы «красных», но и оттеснила их на восток. А разгром штаба 4-й красной армии в Цеханове и дезорганизация управления ею сделали невозможным использование Тухачевским этой армии для удара в левое крыло и тыл польских войск на реке Вкра.

На Центральном фронте наступление польских войск с юга на север продолжалось без особых задержек. К 19 августа дивизии 4-й и 3-й армий этого фронта заняли Дрогичин, Семятиче и Кодень (на левом берегу Буга в 25 км южнее Бреста).

Наступление польских войск из-за Вепша заставило командование Западного фронта принять решение об отступлении, но красные армии еще не были разбиты. Поэтому Пилсудский 18 августа издал приказ о преследовании противника, с тем, чтобы нанести окончательное поражение во время его отступления.

После успешных боев за Радзимин оперативная группа генерала Л. Желиговского из 1-й армии (10-я и 11-я пехотные дивизии, 1-я ЛБД) заняла Вышков и переправы через Буг, отрезав пути отхода красным войскам на восток по прямой линии. Желиговский получил задание при поддержке двух бронепоездов и нескольких танков атаковать силы «красных» в направлении на север, в направлении переправы через Нарев в Ружане, оттесняя неприятеля еще дальше на север к прусской границе, чтобы задержать отход 15-й красной армии с линии реки Вкра.

Между тем Шуваев и Гай по-прежнему не имели связи со штабом Западного фронта и действовали самостоятельно, выполняя прежний приказ. Конные дивизии корпуса Гая стремились захватить Влоцлавек и переправы через Вислу. Однако решительный отпор гарнизонов Влоцлавека и Плоцка заставил красную конницу остановиться и прекратить дальнейшее наступление.

Но в западном секторе северного участка фронта 15 августа польские войска оставили Бродницу и ушли в Яблоново, где на следующий день из остатков добровольческих и запасных частей и прибывшего из Познани 215-го полка была создана группа полковника

Францишека Александровича. В нее вошли разные подразделения, в том числе бронепоезда «Вильк» («Волк») и «Вильчек» («Волчонок»). Всего в группе было 2350 солдат, 10 орудий и 36 пулеметов. Задачей группы Александровича стало недопущение красных войск в Грудзёндз и Торунь.

Получив вечером 16 августа приказ генерала Сикорского о наступлении на юго-восток, полковник Александрович 17 августа со своей группой выдвинулся в район Бродницы, которую занимала 12-я СД 4-й красной армии (3800 бойцов, 24 орудия). По приказу Шуваева эта дивизия готовилась занять оба города на Висле — Грудзёндз и Торунь.

18 августа в 4 часа утра группа Александровича двинулась на Бродницу двумя колоннами, а в это же время навстречу для захвата Грудзёндза и Торуни двинулась 12-я дивизия. Оба противника, естественно, не знали о планах другой стороны. В 9 часов утра начался встречный бой возле ближайшего к городу населенного пункта Крушины Шляхецкие. Бой длился целый день, происходили штыковые атаки с обеих сторон. В 18 часов польские подразделения ворвались в Бродницу. 12-я СД, потерпев поражение, отступила на восток. Польская сторона понесла потери в 50 убитых и 120 раненых. Были взяты в плен 300 красноармейцев, трофеи составили 2 орудия и 21 пулемет. Угроза захвата Грудзёндза и Торуни исчезла*.

В ночь на 19 августа командование 4-й армии и 3-го Конного корпуса получило наконец приказ об отступлении на восток. Но свободного пространства для отхода осталось мало, и красные войска пошли по единственно возможному пути — вдоль польско-германской границы. Этот путь все более сужался. Как уже сказано, части 5-й армии Сикорского 18 августа закрепились на переправах через Нарев в Сероцке и Пултуске. После взятия Цеханова, утраченного было на два дня, обратный путь для 4-й армии «красных» сократился до небольшого участка возле Млавы, у самой прусской границы. Наконец 21 августа войска 1-й польской армии после упорных боев заняли Пшасныш, Шумск и Млаву, закрыв тем самым последний путь отхода дивизиям 4-й армии**. В результате этого маневра силы 4-й армии и 3-го Конного корпуса оказались полностью отрезанными от остальных армий Западного фронта.

18 августа польское главное командование вместо слабой 2-й армии, которая обороняла ранее позиции на Висле южнее Варшавы и была упразднена 16 августа, создало новую 2-ю армию под коман-

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919–1920, s. 57–59.

** Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór komunikatów, s. 279–280.

дованием Рыдз-Смиглого. В нее вошли дивизии ударной группы, наступавшие на север, и Подгалянская дивизия. Эта новая 2-я армия получила задание, наступая из Дрогичина на Белосток — Граево, окружить главные силы Западного фронта между Наревом, Бугом и прусской границей.

4-я польская армия получила приказ преследовать российские войска с юга, чтобы не дать им ни времени, ни условий для перегруппировки.

1-я польская армия, которая ранее обороняла Варшаву, постепенно ликвидировалась, ибо задачу свою выполнила.

В результате дальнейшего наступления польских войск 20 августа главная оборонительная линия, на которой могли задержаться войска Западного фронта — река Западный Буг от Нура до Брок — была уже занята польскими войсками.

Во время наступления польских войск через Седльце на Черемху по железной дороге шли эшелоны 1-й Литовско-Белорусской дивизии для усиления наступления. После окончания обороны Варшавы польский генеральный штаб приказал дать этой дивизии номер, как и другим дивизиям, она получила название 19-й пехотной дивизии. Но Пилсудский тут же отменил этот приказ и категорически потребовал называть ее по-прежнему 1-й Литовско-Белорусской дивизией*.

Пилсудскому как главе государства требовалось иметь дивизию именно с таким названием в связи с его политическими планами относительно Литвы и Белоруссии.

Армии Западного фронта продолжали отступать. Помощи со стороны войск Юго-Западного фронта ожидать не приходилось. Там возникли свои проблемы. В это время войска польского Южного фронта нанесли серьезное поражение 1-й Конной армии Буденного под Львовом. Поэтому правый фланг польских войск Центрального фронта избавился от потенциальной угрозы удара с юга. А это дало возможность продолжать наступление на востоке Польши.

20 августа передовые колонны польских войск по пути на Белосток с юга достигли города Браньска (на реке Нужец, в 35 км юго-западнее Белостока). В тот же день красные войска попытались отбить назад Брест, но были вынуждены с потерями отойти.

На северном участке фронта к югу от Ломжи 3-й батальон 62-го пехотного полка 15-й пехотной дивизии, проделав на подводах путь в 35 километров, в 11 часов утра начал штурм города Замбров в 65 км западнее Белостока. Разместившиеся здесь красные части не ожида-

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2, s. 285.

ли столь быстрого появления польских войск и покинули город после короткого боя. А тем временем с запада к Замброву приближалась основная колонна советской 5-й СД. Но сюда подоспели остальные батальоны 62-го полка. После непродолжительного боя основная часть 5-й СД капитулировала. Польские батальоны взяли тысячу пленных, в том числе весь штаб 5-й дивизии и штабы двух ее бригад. Остальные подразделения 5-й дивизии, не зная, что Замбров занят поляками, продолжали идти к городу. Зажатые с двух сторон колонны красноармейцев вскоре сдались. Были взяты в плен до 2 тысяч бойцов. В руки поляков попали 2 орудия, несколько десятков пулеметов, много обозных повозок. 22 августа утром в Замбров вступил 62-й пехотный полк.

21 августа был занят город Высоке Мазовецке, юго-восточнее Замброва.

В тот же день части Красной Армии, которые ранее пытались штурмовать Львов, начали отступление из Западной Украины.

А западнее Белостока поспешно отступала 15-я красная армия, стараясь избежать окружения. После тяжелых боев с 5-й армией генерала Сикорского на реке Вкра командарм Корк 19 августа начал отступление своей армии в направлении на Остроленку — Ломжу. К дивизиям 15-й армии присоединились отдельные небольшие части 4-й армии, которым удалось прорваться на восток.

Днем 22 августа 15-я пехотная дивизия, которая в предыдущие дни нанесла поражение советским 5-й и 11-й стрелковым дивизиям, взяв около тысячи пленных, направилась в северном направлении к прусской границе. А в это время отступающая 15-я армия А. Корка утром 21 августа заняла Ломжу на Нареве, недалеко от польско-германской границы. Корк выставил 11-ю СД в районе Снядово, к югу от Ломжи, чтобы успеть собрать все силы своей армии в районе Ломжи. Однако 21 августа после пятичасового боя польская 15-я пехотная дивизия нанесла поражение 11-й красной СД и заняла Снядово, взяв 400 пленных и захватив 7 орудий. Остатки этой дивизии отошли в Ломжу, вызвав панику среди стоявших там войск. Многие бежали в направлении к прусской границе.

На следующий день, 22 августа 59-й пехотный полк 15-й польской пехотной дивизии в 13 часов ворвался в Ломжу и после короткого боя с деморализованными частями красной 15-й армии занял город. Но россиянам удалось удержать участок в своих руках на западном берегу Нарева и два моста. Тогда 1-й батальон польского полка пошел в атаку на железный мост, а 2-й батальон — на деревянный мост. Польские батальоны форсировали реку частично по мостам, частично вброд и вышли в тыл оборонявшихся, а также заняли три форта местных укреплений. К вечеру окруженные вблизи реки красноармейцы сдались. Успех польских войск в Ломже вынудил

красную 15-ю армию отступить на север к Граево, у самой границы. Тем самым была окончательно отрезана дорога к отступлению 4-й армии Шуваева, что в конечном счете вынудило ее перейти на германскую территорию. В боях за Ломжу польские войска взяли в плен 2 тысячи красноармейцев, захватили 9 орудий, 23 пулемета, броневик, 7 вагонов патронов и снарядов*.

24 августа 5-й пехотный полк Легионов в 15 часов без боя занял город и крепость Осовец, а также переправу через реку Бебжа, все более приближаясь к немецкой границе. Утром 25 он без боя вошел в Граево. Части 3-й и 15-й красных армий старались оторваться от противника, бросали обозы и разрозненные группы своих бойцов, которые попадали в плен.

23 августа части 14-й пехотной дивизии генерала Д. Конажевского (бывшего полковника российской гвардии) заняли с боем приграничный городок Кольно (севернее Ломжи и на 50 км западнее Граева). Здесь, ожидая отступавший 3-й Конный корпус, дивизия заняла оборону фронтом на запад, опираясь своим правым крылом на прусскую границу. Левое крыло 14-й дивизии находилось на стыке с частями польской 15-й пехотной дивизии.

С вечера 24 августа и весь день 25 августа по дороге среди болотистой местности к Кольно подходили и атаковали польские позиции главные силы 4-й армии, 3-й Конный корпус и две дивизии 15-й армии, пытавшиеся пробиться на восток. Но их силы сильно поредели в предыдущих боях. Осталось мало продовольствия и патронов. Артиллерия Конного корпуса сократилась до 7 орудий и 40 снарядов. Среди красноармейцев царило уныние. Особенно сильно упал моральный дух в 10-й кавалерийской дивизии, три полка которой 25 августа самовольно перешли немецкую границу.

Несмотря на все это, командир корпуса Г.Д. Гай решил атаковать польскую дивизию в Кольно и Околице в спешенном строю. 15-я кавдивизия штурмовала польские позиции, а ослабленная 10-я прикрывала тыл корпуса. В атаках погибли много красных командиров и комиссаров. Истратив последние снаряды и понеся большие потери, красные войска прекратили атаки. В этом бою поляки взяли около тысячи пленных.

Гай решился на переход границы. Перед тем, как уйти на территорию Восточной Пруссии, он послал радиограмму командующим 4-й и 15-й армий и Тухачевскому, что из-за нехватки снарядов и патронов его конный корпус и пехота 4-й армии переходят немецкую границу. 26 августа в 16.40 последние части под его командованием развернули полковые знамена, оркестры заиграли «Интернационал» и под звуки своего гимна перешли границу. Там они сдали ору-

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919—1920, s. 242—243.

Контрнаступление польских войск под Варшавой.
Август 1920 г.

жие немецким властям и были интернированы. Они должны были оставаться в немецких лагерях вплоть до официального окончания войны (до заключения советско-польского мирного договора). Польская разведка сообщала, что границу перешли 30 тысяч красных бойцов, в том числе 600 раненых, а также 2 тысячи польских военнопленных, взятых ими с собой. Однако германские власти, дружественно настроенные к большевиками, позволили части интернированных вернуться в Россию через Литву уже в сентябре 1920 года*.

Вот так Тухачевский потерял свое самое крупное кавалерийское соединение**.

Между тем, наступление польских войск продолжалось. В восточном секторе части 1-й пехотной дивизии Легионов 19—20 августа перешли Западный Буг в Дрогичине и Франкополе. 16-я красная армия изменила маршрут отступления и двинулась на Белосток. Во время отступления красные дивизии и бригады часто перемешивались, терялось управление ими, часть бойцов дезертировала. Параллельно войскам «красных» к Белостоку форсированным маршем шла 1-я пехотная дивизия Легионов. Приблизившись к городу и проанализировав ситуацию, командир дивизии полковник С. Домб-Бернацкий вечером 20 августа приказал своим частям штурмовать Белосток, чтобы овладеть этим важным транспортным узлом и отрезать пути отхода войскам противника, еще находившимся на польской территории. Для штурма Белостока Домб-Бернацкий выделил два пехотных полка и полк полевой артиллерии — всего около 2 тысяч солдат, 50 пулеметов и 12 орудий.

21 августа передовые части дивизии выбили «красных» из деревни Зверки (в 14 км от Белостока), взяв при этом 100 пленных и 9 пулеметов. В ночь на 22 августа части 1-й пехотной дивизии Легионов начали штурм Белостока. Город обороняла 164-я стрелковая бригада (из 55-й СД) с дивизионом артиллерии, дивизионом башкирской конницы и бронепоездом № 22 (около 2400 бойцов, 13 орудий, 35 пулеметов). На рассвете оборонительные позиции «красных» были прорваны и в 7 часов утра город был занят.

Но не успели польские части организовать оборону города, как в 8.15 к Белостоку с юго-запада подошли передовые части 16-й армии и часть 3-й армии. А в 9 часов утра со стороны железнодорожной линии на Варшаву (со станции Лапы) показались цепи 2-й

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2, s. 322—323.

** В 1937 году следователи-костоломы из НКВД напомнили Гаю Бжишкянцу и его службу гвардейцем, и знание языков, и этот переход в Пруссию, и учебу в военной академии в Германии в 20-е годы.

и 21-й СД. Красные войска, чтобы пробиться к Белостоку и далее на восток, наступали, не обращая внимания на значительные потери. Тем не менее, атаку красной пехоты удалось отбить в ходе двухчасового боя. При преследовании отступавших было взято в плен около тысячи красноармейцев.

В тот же день 22 августа около 14 часов к Белостоку подошла 27-я («Железная») СД под командованием Витовта Путны, которая насчитывала около 1400 бойцов. Поскольку остатки нескольких красных дивизий понесли большие потери, а оставшиеся отказывались штурмовать город, Путна бросил в бой свою «железную» дивизию. После рукопашных схваток она ворвалась в город и захватила вокзал. В городе начались уличные бои. В 18 часов в бой вступил резерв 1-й польской пехотной дивизии — 6-я рота. В результате атаки этой роты, усиленной местными добровольцами, в центре города сдались 800 красноармейцев. После этого бригады 27-й СД стали отходить на восток, а за ними отступали перемешанные и деморализованные части других дивизий «красных». К 20 часам 22 августа Белосток был полностью занят польскими войсками. Сотни красноармейцев искали спасения в окрестных лесах, но были взяты в плен в течение нескольких дней. Всего под Белостоком и в городе было взято 8200 пленных, захвачены 147 пулеметов, 22 орудия и 3 поезда с оружием и боеприпасами*.

Сводка польского генштаба от 24 августа сообщала:

> «Донские казаки и калмыки массово переходят на нашу сторону»**.

Военные действия продолжались. Так, в ночь с 25 на 26 августа части 3-й дивизии Легионов, предупреждая контратаку красных войск на Брест, провели небольшую наступательную операцию на Жабинку, где нанесли поражение частям 57-й СД, которые как раз высаживались на станции из эшелона. Временно было занято и местечко. В результате боя погибли командир и начальник штаба дивизии «красных», она понесла значительные потери, в том числе 650 человек пленными. После этого ударная группа 3-й дивизии вернулась в Брест.

Но в целом активные военные действия польских войск против войск Западного фронта прекратились. 25 августа 1920 года главнокомандующий польскими войсками Пилсудский приказал остановить дальнейшее наступление с целью перегруппировки сил и подготовки новых операций. Польские вооруженные силы вышли на

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rossyjskiej 1919—1920, s. 37—40.

** Pierwsza wojna polska (1918—1920). Zbiór komunikatów, s. 285.

линию от прусской границы северо-восточнее Граева — до Липска — юго-восточнее Гродно — местечко Свислочь — Беловежа — 15 километров восточнее Бреста — далее вдоль реки Западный Буг. Их активные действия прекратились почти на месяц, до 23 сентября.

Таким образом, Варшавская битва закончилась победой польских войск и отступлением армий Западного фронта. 25 августа во всех частях Войска Польского праздновали победу. Главное, Польша сумела отстоять свою независимость.

Победа на Висле во многом изменила положение на советско-польском фронте. Начатая 13 августа всеобщим наступлением, Варшавская операция Красной Армии менее чем за две недели закончилась провалом имперских планов большевистского руководства. Потерпели крах планы импорта большевистской революции в Европу.

Войска Западного фронта потерпели крупное поражение. Так, в его 3-й армии осталось около 3600 бойцов и 24 орудия, 15-я армия отвела назад только 3 тысячи бойцов и 44 орудия, а 16-я армия — 3500 бойцов и 24 орудия. 4-я армия и 3-й Конный корпус перестали существовать как боевые соединения. Армии Западного фронта потеряли 25 тысяч человек убитыми и тяжело ранеными. Германскую границу пересекли, в основном неорганизованно, по разным данным, вместе с Конным корпусом Гая, от 30 до 45 тысяч красноармейцев. В целом, войска Западного фронта потеряли убитыми, ранеными, пленными, интернированными и дезертирами не менее 70% личного состава.

Но и польская сторона понесла ощутимые потери — 4500 убитых, около 22 тысяч раненых, до 10 тысяч пропавших без вести.

Главными причинами поражения Западного фронта под Варшавой стали недостаточная координация действий Западного и Юго-Западного фронтов, ошибочная оценка общей стратегической ситуации руководством Красной Армии, фронтов и армий, а также лучшее в целом руководство войсками польскими генералами и старшими офицерами.

В решающий момент Варшавской битвы ошибки совершало и главное командование Красной Армии, и руководство Западного и Юго-Западного фронтов. Так, командование ЮЗФ не выполнило приказа главкома Каменева о направлении 12-й и 1-й Конной армий в подчинение командующему Западным фронтом, а задержало их для взятия Львова. В результате не взяли ни Варшаву, ни Львов.

Сделал немало ошибок и лично Тухачевский. Он начал Варшавскую битву без должной подготовки, «с марша», не смог бесперебойно снабжать войска боеприпасами и продовольствием. Стремясь как можно скорее взять Варшаву, не дал войскам отдохнуть после из-

нурительного перехода. Пренебрегая противником, недостаточно изучал его, не имел нужной разведывательной информации о дислокации польских сил, пропустил важнейший момент концентрации польских войск против южного крыла Западного фронта.

Еще одной общей ошибкой советского командования являлось подчинение военных вопросов ведения кампании политическим требованиям вождей большевистской партии, не желавших принимать во внимание национальные интересы народов.

ПРОДОЛЖЕНИЕ РОССИЙСКО-ПОЛЬСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ПЕРЕМИРИИ

Как уже было показано в предыдущем изложении, начало польско-советских переговоров о перемирии затягивалось, что было на руку советской стороне, так как именно в те дни готовилось решающее наступление Красной Армии на Варшаву.

В ноте от 8 августа Совнарком ответил британскому правительству, что переговоры о перемирии не начались исключительно по вине поляков. Но они начнутся 11 августа. Однако в ноте правительства Великобритании правительству РСФСР от 11 августа было подчеркнуто:

> «Польское правительство неоднократно пыталось по радио связаться с Москвой, как непосредственно, так и через Норвегию, но эти послания никогда не принимались»*.

Оно и понятно. Зачем принимать какие-то радиограммы, если Красная Армия вот-вот возьмет Варшаву?!

Наконец, 10 августа красные войска заняли город Седльце. Здесь среди пленных офицеров были обнаружены члены польской делегации, которые заявили, что «русской радиограммы от 7 августа они не получили», но готовы согласовать день встречи. Они предложили, чтобы польская делегация пересекла линию фронта 19 августа, что и было принято советской стороной**.

11 августа польское правительство на специальном заседании утвердило состав своей делегации и директиву для ведения переговоров. В делегацию вошли два представителя правительства, один представитель военного командования, шесть представителей сейма (по одному человеку от основных политических партий). Пред-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 123.

** Там же, с. 122.

седателем делегации был назначен вице-министр (т.е. заместитель министра) иностранных дел Ян Домбский*.

Польской делегации было поручено добиваться в первую очередь заключения перемирия. Вопросы о границах Польши с советскими республиками на востоке оставались в компетенции польского правительства, и делегацией не решались. Вопрос о государственной принадлежности Виленской и Гродненской губерний являлся, по мнению польского правительства, предметом переговоров исключительно между Польшей и Литвой, а не с делегацией РСФСР:

> «Польша не признает права большевиков распоряжаться Вильно, Виленской и Гродненской землями.., если представители Советов поднимут вопрос о Белоруссии, то принять принцип ее независимости»**.

14 августа 1920 года польская делегация вместе с сопровождавшим ее техническим персоналом выехала из Варшавы на восток на автомашинах. 17 августа в Минске в здании бывшей гимназии Фалькевича на Скобелевской улице (потом Красноармейская) начались переговоры между польской и советской делегациями. Советскую делегацию возглавил Карл Христианович Данишевский, член РВС республики, председатель Революционного трибунала РСФСР***.

Правда, условия, в которых проходили переговоры, были уже не столь благоприятны для советской стороны, ибо в этот день командующий Западным фронтом Тухачевский в Смоленске, председатель Совнаркома Ленин и председатель Реввоенсовета Троцкий в Москве узнали, что Красная Армия под Варшавой терпит поражение. Тем не менее, тон советской делегации на переговорах в Минске был воинственный: она руководствовалась устаревшими инструкциями.

В первый же день, на первом пленарном заседании, глава российской делегации Данишевский предложил польской делегации принять основные положения мирного договора, выработанные в Москве. Текст его стоит привести полностью как образец политического диктата:

> «1. РСФСР и УССР безоговорочно признают независимость и самостоятельность Польской республики и торжественно подтвер-

---

* Ольшанский П.Н. Рижский мир. М., 1969, с. 98.

** Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том III, с. 286.

* К.Х. Данишевский (1884–1941) из курляндских дворян, член РСДРП с 1900. В январе — мае 1919 был заместителем председателя большевистского правительства Латвии. Арестован в период «большого террора», расстрелян в 1941.

ждают безусловное право польского народа устраивать свою жизнь и устанавливать форму государственной власти по своему усмотрению.

2. РСФСР и УССР отказываются от каких бы то ни было контрибуций.

3. Окончательная граница Польской Республики в основном совпадает с линией, намеченной в ноте лорда Керзона от 11 июля с отклонением в пользу Польской Республики на восток в районе Белостока и Холма.

4. Польская республика обязуется ограничить все без исключения свои вооруженные силы численностью не свыше 50.000 человек, имея в строевом составе лишь один призывной возраст и командного, и военно-административного состава не свыше 10.000 человек. Это количество вооруженных сил дополняется организуемой из рабочих гражданской милицией, предназначенной для сохранения порядка и охраны безопасности населения. Условия и порядок организации таковой милиции будут намечены при детальном рассмотрении проекта договора.

5. Правительство Польской республики немедленно по подписании договора о перемирии и прелиминарном мире приступает к демобилизации и заканчивает ее в месячный срок в порядке и в сроки, устанавливаемые договором.

6. Польская республика сохраняет только то вооружение и военное снаряжение, которое ей необходимо для нужд указанного в п. 4 числа вооруженных ее сил. Все остальное оружие и военное снаряжение, в том числе находящееся в складах и арсеналах, со всей территории Польской республики впредь до передачи его властям РСФСР и УССР, в месячный срок после подписания договора о прелиминарном мире поступает в полное распоряжение Контрольных комиссий РСФСР и УССР.

Сроки и порядок передачи указанного оружия и снаряжения, как и минимальное количество передаваемого оружия и снаряжения по срокам, будут намечены при детальном обсуждении проекта договора. Из полученного же таким образом вооружения и снаряжения РСФСР и УССР отдают соответствующее количество указанной в п. 4 милиции.

7. Польская республика прекращает производство предметов вооружения и военного снаряжения и приступает к демобилизации военной промышленности, заканчивая таковую демобилизацию в сроки, устанавливаемые Смешанными Комиссиями.

8. Польская республика обязывается не пропускать на свою территорию и не получать от иностранных государств, организаций и групп помощи людьми и лошадьми, вооружением и военным снаряжением и не допускать на своей территории враждебных РСФСР и УССР и союзным с ними государствам организаций, претендующих на роль правительства РСФСР и УССР или части их.

9. Военные действия фактически прекращаются через 72 часа после подписания перемирия, причем войска РСФСР и УССР останавливаются на достигнутой ими к тому моменту линии, но не восточнее линии, указанной в ноте лорда Керзона от 11 июля, польская же армия отводится на 50 верст западнее армии РСФСР и УССР, причем промежуточная полоса считается нейтральной зоной, в которой устанавливается польское гражданское управление под контролем Смешанных комиссий и особых комиссий профессиональных союзов. Также под контролем Смешанных комиссий происходит отвод польских армий.

10. По мере демобилизации армии Польской республики и передачи РСФСР и УССР предметов военного снабжения войска РСФСР и УССР уводятся в тыл, причем к моменту фактического окончания демобилизации польской армии и передачи снаряжения в полосе, прилегающей к нейтральной зоне, оставляется армия не более 200.000 человек.

11. Польская республика обязуется возвратить областям, ранее оккупированным и ныне оставленным ее армией, железнодорожный инвентарь и имущество связи, сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь, оборудование промышленных заведений и прочее имущество и ценности, как и восстановить разрушенные или приведенные в негодность ее войсками мосты и пр. Сроки и порядок возвращения и восстановления, как и минимальное количество возвращенного и восстановленного имущества и оборудования, будут намечены при детальном обсуждении проекта договора.

12. Польская республика обязуется провести в законодательном порядке безвозмездное наделение землею в первую очередь семейств — граждан Польской республики, убитых, а также раненых и потерявших трудоспособность в войне или в связи с войной.

13. Польская республика предоставляет РСФСР и УССР право безусловно свободного транзита людей и всякого рода товаров через свою территорию, а участок железной дороги Волковыск — Белосток — Граево (пограничный с Германием город — *Авт.*), проходящий по территории Польской республики, остается в полном владении и распоряжении РСФСР.

14. Польская республика обязуется провести полную политическую и военную амнистию.

15. Польская республики обязуется немедленно по подписании договора о прелиминарном мире опубликовать как таковое, так и все материалы и документы, касающиеся войны Польской республики, с одной стороны, и РСФСР и УССР — с другой»*

Этот наглый и высокомерный текст, предлагавший Польше фактическую капитуляцию, не нуждается в комментариях. Бросается

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 137–139.

в глаза формулировка большинства статей проекта договора — «Польская республика обязуется». А вот РСФСР и УССР ни к чему не обязуются. Более того, требование о сокращении армии до таких размеров, чтобы она не смогла защитить страну (50 тысяч против 200 тысяч), встречается только в договорах Антанты с Германией и ее союзниками, проигравшими войну. А чего стоит пункт о вооружении рабочей милиции!

Согласиться на такие условия означало бы, во-первых, что Польша собственными руками откроет путь для пресловутой «пролетарской революции» в стране (пункт о рабочей милиции) и, во-вторых, лишит себя возможности дать отпор Красной Армии, когда она устремится «на помощь восставшему польскому пролетариату».

Естественно, что польская делегация 23 августа отвергла эти ультимативные требования, назвав их «условиями капитуляции». Были также отвергнуты предложения о границе. Польская делегация заявила, что польский элемент распространяется намного дальше той линии, которую предлагает «русская делегация» и потребовала учесть это при определении восточных границ Польши. Однако советская делегация заявила, что народы Украины, Белоруссии, Литвы и Латвии уже определили свою судьбу, поэтому нет никаких оснований для обсуждения этого вопроса*.

В эти дни армии Западного фронта, потерпев поражение, уже отступали от Варшавы, поэтому советское руководство в Москве и его делегация в Минске стали нервничать, обвинять польское правительство в затягивании переговоров. Положение красных войск на фронте ухудшалось с каждым днем, заносчивые ультимативные требования Данишевского и его спутников уже не подкреплялись военными успехами. 24 августа Тухачевский издал приказ, содержавший тезис о том, что польская делегация «срывает переговоры». Он прочно вошел в советскую и постсоветскую российскую историографию. Впрочем, и раньше, когда Красная Армия наступала на Варшаву, Москва обвиняла в затягивании переговоров именно польскую сторону**.

---

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том III, с. 318–320.

** Москва, как известно, никогда не бывает виноватой ни в чем — такова устойчивая традиция советской дипломатии, усвоенная властями и «новой демократической России». Достаточно вспомнить пресловую «операцию по принуждению Грузии к миру» осенью 2008 г. Сначала российские власти за 15 лет обеспечили российскими паспортами граждан иностранного государства, а затем стали кричать о необходимости защиты этих «наших граждан» от реакционной диктатуры Саакашвили! И «защитили» путем оккупации половины территории суверенного государства. — *Прим. Ред.*

В дело снова вмешалась Англия. 22—23 августа состоялись переговоры британского премьер-министра Дэвида Ллойд-Джорджа с итальянским премьером Джованни Джолитти. В их совместном заявлении важное место заняла ситуация на польско-советском фронте. Оба государственных деятеля отметили следующее:

> «Советское правительство, вопреки многократным заверениям противоположного характера... пытается навязать Польше условия, несовместимые с ее национальной независимостью.
>
> Польское правительство образовано на основе волеизъявления всего взрослого мужского населения страны, независимо от классовой принадлежности, а так называемое гражданское ополчение, которое должно набираться только из людей одного класса, о чем упоминается в четвертом пункте советских условий, является не чем иным, как косвенным методом организации вооруженной силы для насильственной ликвидации демократической конституции и ее замены деспотическим режимом немногих привилегированных лиц, усвоивших доктрину большевизма.
>
> Мы не можем не испытывать опасений, что когда подробные условия, относящиеся к составу и руководству этих сил, до настоящего времени хранящиеся в тайне, в ожидании того, когда Польша демобилизует свою армию, в дальнейшем будут оглашены, то окажется, что эти условия являются слепком организации русской Красной Армии»*.

Международная обстановка стала накаляться. Поэтому специально для внешнего мира большевики сделали жест. Ленин заявил относительно приказа Тухачевского, подписанного также и членом РВС Западного фронта И.Т. Смилгой, что действия командования Западного фронта якобы «подрывают политику партии и правительства», и предложил политбюро ЦК РКП(б) «высказать самое суровое осуждение поступку товарищей Тухачевского и Смилги».

Советская делегация принесла официальные извинения полякам, но польская делегация заявила о прекращении переговоров. 25 августа Ян Домбский покинул Минск. Уехал в Москву и Данишевский**.

Первый тур новых советско-польских переговоров завершился.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 148.

** Ольшанский П.Н. Рижский мир. М,, 1969, с. 104.

ПОПЫТКА УСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ В ПОЛЬШЕ

Большевистское руководство РСФСР мало считалось с национальными интересами народов соседних стран. Оно было твердо уверено в правильности своей идеи всемирной пролетарской революции и считало, что рабочие всех стран поддержат Красную Армию, куда бы она ни пришла. Оно не учитывало тот факт, что польский народ утратил свою независимость и государственность вследствие политики российского царизма и видит в Красной Армии все тех же российских захватчиков, только идущих теперь под другими знаменами.

Большевики не желали менять идеологической мотивировки своего похода в Польшу как освободительного. Согласно их собственным заявлениям, красноармейцы шли «освобождать Польшу» от буржуазии и помещиков, от «преступного правительства Пилсудского». В своем июльском приказе о наступлении Тухачевский выразился предельно откровенно: «через труп белой Польши дорога ведет ко всеобщему мировому пожару».

Эти слова правильно восприняли поляки всех сословий и классов. Они не хотели терять независимость своей страны, добытой с огромным трудом, и готовы были стоять насмерть, только бы не отдать страну завоевателям с востока, независимо от того, какими лозунгами они прикрываются. Вступление Красной Армии на польскую этническую территорию значительно усилило патриотические настроения польского населения. Именно этого важного обстоятельства не учли ни советские командующие (в основном, выходцы из дворян), ни комиссары (в основном, выходцы из еврейских мелкобуржуазных слоев).

В связи с приближением частей Красной Армии к границам Польши Организационное бюро ЦК РКП(б) 19 июля 1920 года приняло решение о мобилизации большевиков-поляков и отправке их на Западный и Юго-Западный фронты. Всего на эти фронты в июле — августе направили 5700 поляков из 18 тысяч, состоявших в РКП(б)*.

Одновременно был создан новый партийный орган с широкими полномочиями — Польское бюро ЦК РКП(б) в составе Феликса Дзержинского (председатель), Юлиана Мархлевского, Феликса Кона, Юзефа Уншлихта (в России он был Иосиф), Эдварда Прухняка (секретарь).

---

* Хацкевич А.Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Мн., 1967, с. 125.

Польбюро ЦК РКП(б) руководило организационно-партийной и агитационно-пропагандистской работой на Западном фронте, на занимаемой территории и среди польских военнопленных. Для такой же работы в Украине и в войсках Юго-Западного фронта, Польбюро ЦК РКП(б) создало Польское бюро агитации и пропаганды Правобережной Украины. Его возглавили Юлиан Лещинский и Станислав Борский*.

23 июля члены Польбюро ЦК РКП(б) перед отъездом из Москвы на фронт обсудили вопросы политической и организационно-партийной работы. Было принято решение о главном общественно-политическом лозунге «в работе с населением» на польской территории:

> «В литературе и выступлениях выдвигать лозунг диктатуры пролетариата в форме правительства Советов (Польская Советская Социалистическая Республика)».

Польбюро также решило создавать на «освобожденной» (от войск Пилсудского) территории Польши органы советской власти — ревкомы. Председателем правительства ПССР рекомендовали известного польского большевика Юлиана Мархлевского.

Таким образом, большевистское руководство РСФСР заранее готовилось к установлению своей власти в Польше. Органы якобы пролетарской, а фактически большевистской диктатуры для Польши создавались по решениям ЦК РКП(б), использование их было поручено РВС Западного фронта. Руководителей местных органов власти (ревкомов) подбирали заранее, сами же эти ревкомы армейские комисары комплектовали на местах из рабочих, ремесленников, городской и крестьянской бедноты.

В ночь с 23 на 24 июля Дзержинский, Мархлевский, Кон и другие работники Польбюро выехали из Москвы в Смоленск. Прухняк на время остался в Москве для завершения мобилизации большевиков-поляков. Из Смоленска руководитель ВЧК Дзержинский сообщил в Москву секретарю ВЧК В. Герсону:

> «Сегодня 25/VII ночью едем в Минск. Жду сведений. Передайте Э. Склянскому мою просьбу выслать срочно наше распоряжение один вагон-салон, один служебный, один классный, также три легких автомобиля и два грузовых»**.

---

* В 20-е годы почти все эти деятели, за исключением Дзержинского и Уншлихта, стали руководителями компартии Польши и почти всех их (а также других руководителей и активистов КПП) в 1937–38 казнили в Москве, куда их вызывал Коминтерн. Некоторым даже устраивали побеги из польских тюрем, только бы вызвать в Москву и там расстрелять как «врагов народа» и агентов польской буржуазии! — *Прим. Ред.*

** Хацкевич А.Ф. Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии. Мн., 1967, с. 126.

Из Минска члены Польбюро ЦК РКП(б) выехали поездом в Молодечно, а оттуда (так как железнодорожный путь не был еще восстановлен) на автомобилях в Лиду. В телеграмме Э. Прухняку 26 июля Дзержинский сообщил, что 27 июля Польбюро выезжает из Лиды в Вильню.

Польбюро деятельно готовилось к организации местных органов власти. 27 июля Дзержинский послал секретарю Оргбюро ЦК РКП(б) Н.Н. Крестинскому просьбу об открытии через Западный фронт кредита для поляков. На следующий день Совнарком РСФСР во главе с Лениным рассмотрел эту просьбу и решил выделить наркомату внутренних дел (в распоряжение Дзержинского) 1 миллиард рублей с целью выдачи ревкомам на польской территории для организации власти советов.

30 июля, через два дня после захвата Белостока частями 15-й красной армии, в городе были расклеены плакаты с сообщением о создании здесь польского советского правительства — Временного Революционного Комитета Польши (Польревкома). В состав Польревкома вошли Ю. Мархлевский (председатель), Ф. Дзержинский, Ф. Кон, Э. Прухняк, И. Уншлихт. А также некие Бухман, Вигнер, Глинский, Долецкий (Фенигштейн), Степанов, Шимковский и Шипов.

Польревком объявил о взятии в свои руки политической власти на всей освобожденной от буржуазии и помещиков территории Польши и что он является временным правительством, которое подготовит создание Польской Советской Социалистической Республики.

Польревком издал манифест «К трудящимся Польши», тоже датированный 30 июля, с указанием об издании в Белостоке, хотя члены Польревкома в Белосток еще не приехали.

В этом манифесте Польревком объяснял польским рабочим и крестьянам, что Красная Армия вступила в Польшу не для завоевания ее территории, а для защиты советской России от польской агрессии и для оказания помощи польскому народу в его борьбе за освобождение от власти помещиков и капиталистов, что она воюет «за нашу и вашу свободу».

В манифесте была представлена экономическая и политическая программа Временного рабоче-крестьянского правительства, как называл себя Польревком. Фабрики, шахты, помещичьи имения и леса подлежат национализации. Ими будут управлять комитеты рабочих. Земля трудящихся крестьян объявлялась неприкосновенной. Но помещичью землю манифест обещал передать только батракам и малоземельным.

Манифест призывал «польских трудящихся» к немедленному захвату власти:

«Варшава должна быть взята вами самими. Красный штандарт над дворцом Зыгмунтовским и Бельведером должен быть водружен вами самими, до того как российская Красная Армия войдет в столицу.

...Изгоняйте помещиков и фабрикантов, берите в свои руки национальное богатство — фабрики, имения, леса! Срочно вооружайтесь для защиты завоеванной свободы! Повсеместно создавайте местные революционные комитеты! Да здравствует освобожденная рабочая социалистическая Польша»!*

Дзержинский 30 июля направил из Вильни телеграмму в Москву, начальнику особого отдела ВЧК В.Р. Менжинскому. В ней говорилось:

«Передайте Ленину: манифест и извещение образовании Польревкома отпечатаны числом тридцатого город Белосток. Завтра будут опубликованы. Сегодня выезжаем Гродно, завтра, послезавтра Белосток».

Тухачевский поздравил членов Польревкома как «красное правительство Польши». Мархлевский прибыл в Белосток 1 августа, а 3-го — все остальные члены Польревкома (кроме Уншлихта, который в результате автомобильной аварии сломал ногу и был оставлен в Лиде).

3 августа Ленин передал шифром по прямому проводу Тухачевскому и члену РВС фронта Смилге о необходимости распространения в Польше манифеста Польревкома с помощью авиации.

Резиденцией Польревкома (и Польбюро ЦК РКП, состоявшего из тех же лиц) стал дворец Браницких в центре Белостока**.

Польревком и Польбюро ЦК сразу же начали активно действовать. Их первой задачей являлось создание местных органов новой власти — ревкомов в городах, местечках и поветах (уездах). Судя по документам, на территории Польши, занятой в конце июля — первой половине августа 1920 года частями Красной Армии, было создано несколько десятков ревкомов (около 60) — от Бродницы на северо-западе страны до Грубешова на юге. Но непродолжительность существования (около месяца) и бюрократическо-фиктивная отчетность того времени не дают полной картины их деятельности.

Основная масса польского крестьянства отнеслась к ревкомам, состоявшим из местечковых евреев и «голытьбы», с глубоким недо-

---

* Хацкевич А.Ф. Цит. Соч., с. 128.

** Ныне там размещена медицинская академия. Здание также известно тем, что 28–30 октября 1939 г. в нем происходили заседания депутатов Народного (Национального) собрания Западной Беларуси, организованного после вторжения Красной Армии на эту территорию в сентябре 1939 г.

верием. Рабочие тоже неохотно шли на сотрудничество с властью, принесенной чужой армией. Буржуазия и интеллигенция восприняли комитеты резко отрицательно. Подобные настроения усилились в связи с созданием органов ЧК при ревкомах и начавшимися расстрелами «врагов пролетариата».

Люди, более или менее подходящие для управленческой работы, среди выдвиженцев из неграмотных и малограмотных низших слоев общества просто отсутствовали. Поэтому Дзержинский, который фактически руководил работой обоих органов — и партийного (Польбюро), и гражданского (Польревкома), постоянно слал телеграммы в Москву и Киев с просьбами о направлении большевиков-поляков в распоряжение Польревкома. Кстати говоря, в Польревкоме Дзержинский руководил отделом общественной безопасности (польской ЧК).

Фактически власть ревкомов держалась только на штыках Красной Армии. Подавляющее большинство польского населения считало ее марионеточной и оккупационной.

Еще одной важной задачей Польревкома и Польбюро являлось создание польской Красной Армии. И здесь инициатором был Дзержинский. 6 августа он телеграфировал из Белостока Ленину: «Важнейшей задачей считаем организацию польской Красной Армии, надеемся при достаточной организации создать быстро пролетарскую армию».

11 августа Польревком принял решение о формировании в Белостоке 1-го польского стрелкового полка из добровольцев.

Польревком также обратился с просьбой в Реввоенсовет РСФСР оказать помощь в создании добровольческой Польской Красной Армии (ПКА) из числа пленных польских солдат, «рабочих и лучших крестьянских элементов», по выражению Дзержинского. По мнению членов комитета, польские красные части должны были вступить в Варшаву, освобожденную «от власти помещиков и капиталистов» (фактически — от национального правительства) после взятия ее войсками РККА.

Однако приказ РВС Республики о формировании ПКА на добровольческой основе из польских военнопленных, а также путем перевода в нее поляков — командиров и бойцов РККА, появился только 14 сентября. В это время Красная Армия уже отступала и в Белоруссии, и в Украине. Приказ предписывал сформировать для начала 2 запасных полка (стрелковый и кавалерийский), саперный батальон и батарею легкой артиллерии. Их снабжение и финансирование следовало обеспечить на общих основаниях с частями РККА, т.е. за счет РСФСР.

Поскольку вопрос о создании Польской Красной Армии решался в Москве очень медленно, Тухачевский и Уншлихт 15 августа издали свой собственный приказ о формировании 1-й польской Красной Армии. Этот приказ предусматривал создание полевого управления армии, запасного стрелкового полка (3 батальона) и 1-й польской стрелковой дивизии из числа добровольцев и поляков, откомандированных из штабов, учреждений и частей Западного фронта. Командующим 1-й польской Красной Армии был назначен начальник 2-й стрелковой дивизии 16-й армии Западного фронта Роман Лонгва. Штаб этой армии находился в Минске.

В Бобруйске с 23 августа началось формирование запасного стрелкового полка. Там же в начале сентября по решению Польбюро ЦК РКП(б) были созданы объединенные польские курсы красных командиров (1050 курсантов).

Одновременно на станции Койданово в Минском уезде формировался польский кавалерийский полк и артиллерийский дивизион. Командование Западного фронта отдало распоряжение о направлении в формируемые польские части всех мобилизуемых в Минской губернии поляков и других лиц, говорящих на польском языке*.

Но дальнейшие события (контрнаступление польской армии на фронте и заключение перемирия) сорвали этот масштабный план.

Более реальным делом казалось создание польского красного полка в Белостоке. Однако при всей кипучей энергии членов Польревкома и подчиненного ему Белостокского ревкома, а также несмотря на оголтелую пропаганду, результаты вербовки оказались более чем скромными. В Белостоке, население которого насчитывало 75 тысяч человек, в польскую компартию записались всего-навсего 80 человек, а в Польскую Красную Армию — несколько десятков человек. В результате, вместе с присланными из Белоруссии и России поляками-большевиками, к 1 сентября в этом полку насчитывалось только 175 человек: 150 красноармейцев и 25 командиров (фактически, одна рота)**.

Этот «полк» охранял Польревком и его учреждения. Польские красноармейцы сопровождали Польревком в город Вышков (50 км на северо-восток от Варшавы), где перед штурмом Варшавы находился штаб 3-й армии Западного фронта. Дзержинский, Мархлевский и другие «товарищи» разместились в резиденции местного ксендза. Отсюда они собирались торжественно въехать в Варшаву 15–17 августа.

---

* Хацкевич А.Ф. Цит. Соч., с. 134–137.

** Там же, с. 134–135.

Но поражение войск Западного фронта под Варшавой и приближение польских частей к Белостоку заставило Польревком со всеми его службами 20 августа бежать далеко на восток, в Бобруйск. Там Польревком тихо и незаметно прекратил свое существование, подобно тому, как годом раньше это произошло там же с властями Литовско-Белорусской ССР.

Вместе с польскими частями, формировавшимися на территории Белоруссии, Польская Красная Армия к октябрю 1920 года насчитывала 2500 человек. Половину из них составили советские инструкторы, либо поляки, направленные из РККА. Большинство остальных были евреи — жители Белостока и ближайших местечек*.

Договор от 12 октября 1920 года о перемирии и прелиминарных (предварительных) условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, Польшей — с другой, предусматривал в будущем мирном договоре положение, согласно которому обе стороны обязывались «не создавать и не поддерживать организаций, ставящих себе целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны»**.

Поэтому правительству РСФСР пришлось ликвидировать находившиеся на территории ССРБ части ПКА. Приказом РВС от 30 октября 1920 года их переименовали в части «Красных коммунаров» и перевели в Приуральский военный округ, подальше от польской границы***. А польские курсы красных командиров в октябре перевели в Смоленск, и оттуда в начале ноября — в Москву.

Больше никто уже не вспоминал ни о Польревкоме, ни о Польской Красной Армии, ни о Польской Советской Социалистической Республике. План создания социалистической Польши в то время был нереален. Его инициаторы, отуманенные идеей всемирной пролетарской революции, плохо знали реалии жизни в Польше и совершенно не учитывали патриотические настроения польского народа.

Аналогичная история произошла и в Западной Украине, где в те времена тоже проживало польское население. Но там политическая ситуация была несколько иной. Руководство большевистской партии учло, что Западная Украина (Галиция) около 150 лет находилась в составе Австрии и там, наряду с польским, существовало сильное украинское национальное движение. Лучше всего другого в этом факте убеждало создание Западно-Украинской Народной республи-

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920. Warszawa, 2004. s. 329.

** Документы внешней политики СССР. Том III, с. 248.

*** Хацкевич А. Солдат великих боев. М., 1965, с. 299.

ки. Поэтому большевики выдвинули идею создания Советской Западной Украины — Галиции.

Еще в 1919 году в Киеве было создано Бюро (затем комитет) компартии Восточной Галиции и Буковины при ЦК КП(б)У. А в конце апреля 1920 года в Киеве появился на свет Организационный комитет, которому поручалось создание низовых органов партии.

Наконец, 8 июля 1920 года Оргкомитет совместно с ЦК КП(б)У создал орган советской власти для Восточной Галиции, занимаемой в это время частями Красной Армии — Галицийский Революционный Комитет (Галревком). Его возглавил известный большевик Владимир Петрович Затонский (1888–1939), член РВС 14-й армии Юго-Западного фронта, член ЦК КП(б)У.

Вначале Галревком находился в Подволочиске (на берегу реки Збруч), потом переехал в Тернополь. 1 августа Галревком издал декрет, которым упразднил все органы власти Польши, ЗУНР и УНР, провозгласил Галицийскую Советскую Социалистическую Республику и объявил о создании местных ревкомов. Однако деятельность Галревкома ограничилась небольшой территорией, а вскоре Красной Армии пришлось отступать, после чего Галревком навсегда ушел в небытие.

Таким образом, попытка создания псевдонациональных большевистских правительств в Польше и Галиции полностью провалилась.

Кстати говоря, точно такой же план «советизации» существовал в ЦК Российской компартии и в отношении Литвы, но он мог осуществиться только после разгрома польской армии. Поэтому официально его не выдвигали, но в Вильне, вскоре после того, как туда вошли войска Красной Армии, начали действовать ЦК компартии Литвы и Литовский ревком. Целью литовских большевиков являлось восстановление Литовской Советской Республики.

Глава 12

НЕМАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ ПОЛЬСКИХ ВОЙСК

ПЕРЕДА ВИЛЬНИ ЛИТОВЦАМ
(август 1920 г.)

Заключив мирный договор с Литвой 12 июля 1920 года и формально передав ей значительную часть Белоруссии, Совнарком РСФСР не спешил отдавать Литве ни Вильню, ни другие белорусские земли. Задержка объяснялась необходимостью обеспечения коммуникаций и флангов красных войск. Но реальная причина была иной. Руководство партии большевиков хотело ликвидировать независимость Литвы путем «пролетарской революции» и присоединения к советской России в виде еще одной советской республики.

Однако литовское национальное правительство настаивало на передаче ему территории, уступленной Россией по мирному договору. Поэтому представители военного командования обеих сторон 6 августа, во время наступления Красной Армии на Варшаву, подписали в Ковно (Каунасе) конвенцию об эвакуации российских войск с территории Литвы. Вся территория, подлежавшая передаче, была разделена на три зоны: северную с городом Свенцяны, среднюю — с городом Вильня, южную — с городами Лида и Гродно. В северной и средней зонах эвакуация российских войск должна была начаться немедленно после подписания конвенции и завершиться в северной зоне через 3 дня, а в средней не позже 1 сентября. Начало и окончание эвакуации южной зоны должно было определить особое соглашение российского и литовского командования*.

Конвенцию подписали член Реввоенсовета 4-й армии И. Межлаук и министр народной обороны Литвы полковник-лейтенант К. Жукас.

В северной зоне такая эвакуация состоялась. Но в этом лесисто-озерном крае не было важных для Красной Армии коммуникаций. Он простирался на восток от литовской границы примерно на 30 километров, на юг — до 100 километров.

Остальная территория Белоруссии, которую по договору от 12 июля надлежало отдать Литве, по-прежнему находилась в распоряжении командования РККА. Тем временем ситуация на фронте стала меняться в пользу польских войск. Тем не менее, органы советской власти (ревкомы) по-прежнему продолжали действовать на «новой» литовской территории. Особенно это было заметно в Виль-

---

* См. Документы внешней политики СССР. Том III, с. 86–87.

не, которая находилась под советским управлением шесть недель, с 14 июля до 26 августа 1920 года.

Советские власти вывозили из города материальные ценности, прежде всего для военных нужд. Производилась конфискация имущества у буржуазии. Представители литовских властей, находившиеся в Вильне, отмечали массовые аресты людей, а также расстрелы, производившиеся органами ЧК. 18 августа был произведен обыск у виленского католического епископа Юргиса Матулявичуса. Литовская комендатура пыталась противостоять конфискациям и арестам, а с 8 августа неоднократно заявляла протесты против репрессий. Она требовала вернуть конфискованное имущество и освободить арестованных, но представители виленского ревкома в литовско-российской эвакуационной комиссии не обращали внимания на эти протесты и ходатайства. Более того, местные большевики требовали от представителей литовского правительства паровозы и поезда для будущей эвакуации, а также продовольствие для Красной Армии*.

Как уже сказано, среднюю (Виленскую) зону красные войска должны были покинуть до 1 сентября. Специальное соглашение предписывало местному ревкому передачу власти в Вильне литовской стороне 26 августа в 12 часов дня. Последний срок ухода из города красных войск был назначен на 27 августа.

Литовский комендант города капитан Владас Куркаускас потребовал, чтобы они покинули город раньше, к 24 часам 25 августа. Срочно было собрано совещание, в котором приняли участие советский комендант Вильни Ромуальд Муклевич, Викентий Мицкевич (Капсукас) и Рафес. Они решили не принимать этот ультиматум. Однако по телефону из Минска они получили директиву — по возможности избегать конфликтов.

По данным разведки штаба Западного фронта к 25 августа общая численность литовских войск составляла 13.000 штыков и 75 сабель, 90 пулеметов, 36 легких и 4 тяжелых орудия**. Используя поражение РККА, они подошли к Вильне и, ссылаясь на литовско-российский мирный договор от 12 июля, вынудили «красных» покинуть древнюю столицу ВКЛ.

26 августа красные войска ушли из Вильни. В последний момент литовские солдаты на станции в Новой Вилейке, пригороде Вильни, освободили из советского эшелона 62 арестованных, которых местная ЧК хотела увезти с собой. На следующий день литовский комендант не позволил вывезти еще 43 арестованных и тоже освободил их. 27 августа литовские войска вошли в Вильню.

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 155–156.

** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 351.

Литовское правительство в спешном порядке начало переводить некоторые правительственные учреждения из Ковно (Каунаса) в Вильню, чтобы показать всем, что здесь — литовская столица. С 18 сентября в городе разместилось министерство финансов, с 26-го — министерства путей сообщения и иностранных дел. 29 сентября в Вильне состоялось первое заседание литовского правительства*.

Местное население, среди которого литовцы составляли всего-навсего 2 процента, встретило литовские власти настороженно. Поэтому литовский комендант города, во-первых, 10 сентября запретил митинги и собрания, а во-вторых, создал временный магистрат (8 членов), в который вошли трое поляков, два еврея, два литовца и один белорус. Президентом магистрата был назначен литовец.

Что касается территорий средней и южной зон, то литовские власти не успели их получить от Красной Армии, так как там начались военные действия в ходе Неманской операции польских войск.

БИТВА НА НЕМАНЕ

После 25 августа польские армии прекратили дальнейшее преследование войск Западного фронта. Вследствие многочисленных разрушений на железных дорогах и уничтоженных мостов они не получили боеприпасов, снаряжения и продовольствия в объеме, необходимом для продолжения широкомасштабной наступательной операции. Сказывались также людские потери, воинским частям требовалось пополнение.

Российские войска были еще больше истощены продолжительными боевыми действиями. Победный поход по Белоруссии, затем сражения в Польше, потом отступление, часто беспорядочное, большие потери (особенно пленными) — все это требовало реорганизации сильно поредевших воинских частей, пополнения их личного состава, оружия и снаряжения.

Направленный с юга на север удар польских армий исчерпал себя с выходом к прусской границе. Следующий удар Пилсудский нацеливал в восточном направлении, а для этого следовало перегруппировать войска. Нужна была оперативная пауза длительностью не менее трех недель.

В начале сентября 1920 года разбитые подразделения армий Западного фронта, которые пробирались на восток лесными дорогами, вдали от магистральных шоссе, вышли к своим войскам. Следовало вернуть их в свои дивизии и полки, либо включить в другие, находившиеся поблизости. Командование фронта признало необходимым

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 157.

расформировать тыловые части и обслуживающие учреждения, личный состав которых непомерно разросся, а их красноармейцами и командирами пополнить боевые части. Требовалось также срочно оборудовать новые рубежи обороны полевыми укреплениями.

Приближение зоны боев к литовской территории ставило вопрос о возможности использования ее в ходе военных действий против польских войск. Но формально это было невозможно. В беседе 1 сентября по прямому проводу с главкомом Каменевым, Тухачевский жаловался на «нелояльность» литовцев. В связи с этим войскам Западного фронта были даны указания «в случае необходимости» не останавливаться перед нарушением суверенитета Литвы*.

В связи с решением Ленина и руководства большевистской партии до наступления зимы 1920–21 гг. ликвидировать армию «белого» генерала Врангеля в Крыму, главное внимание Москва теперь уделяла новосозданному Южному фронту, а Западный фронт утратил свое первостепенное значение. 24 сентября главком Красной Армии издал новую директиву:

> «Командзап, командюгзап, командюж, командкавфронт.
>
> Основной задачей настоящего времени ставлю окончательную ликвидацию Врангеля в возможно короткий срок, в зависимости от которой на фронты возлагаются следующие задачи:
>
> 1) Западному фронту — своей главной задачей иметь восстановление боевых сил фронта и подготовку к решительному удару против поляков совместно с Юго-Западным фронтом.
>
> 2) Начало этой операции я предвижу не ранее середины ноября. В настоящее время Западному фронту, имея в виду всемерное сохранение живой силы, ее боевую подготовку, в мере возможности удерживать существующее расположение и отнюдь не допускать противника восточнее реки Щара»**

После завершения сражения на Висле северная половина всего советско-польского фронта в конце августа проходила западнее рек Неман и Щара. Обе стороны пока еще не имели достаточных сил для наступательных операций, но эти силы накапливались. Советское командование, несмотря на огромные технические и материальные трудности, смогло в течение трех недель восстановить боеспособность потерпевших поражение частей Западного фронта. В тыловых районах Белоруссии прошел новый призыв в Красную Армию. Из России перебросили новые части. Политическое и военное руководство России было уверено, что именно здесь, в Белоруссии, следует провести операцию, которая вернет Красной Армии

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 365.
** Там же, с. 374.

стратегическую инициативу, в результате чего Польше будет нанесено окончательное поражение.

Тухачевский, поддержанный главкомом Каменевым, подготовил план нового наступления Западного фронта. Он жаждал реванша. В этот раз он намеревался на первом этапе операции наступать на Белосток и Брест, разбить находящиеся в этих районах польские войска и двинуть свои дивизии к Люблину.

А чтобы отвлечь внимание польского командования от основной операции Западного фронта и связать польские силы на юге, Тухачевский предложил использовать войска Юго-Западного фронта (в том числе 1-ю Конную армию) для наступления на Львов с последующим выходом к реке Сан. Однако 1-я Конная армия потерпела поражение под Замостьем и Комаровом, а 3-я польская армия при содействии правого крыла 4-й армии нанесла поражение на Западном Буге 12-й красной армии.

Тем не менее, Каменев и Тухачевский оценили эти успехи противника как «временные». Они были уверены в том, что польские войска, большей частью сконцентрированные на юге, не смогут остановить на северном участке фронта наступление 14 дивизий Западного фронта, входивших в состав трех армий: 3-й (6 дивизий), 15-й (4 дивизии) и 16-й (4 дивизии).

Советская военная разведка информировала свое командование о том, что польская сторона не готовит новых операций против Западного фронта. А это подтверждало мнение Каменева и Тухачевского об ограниченных возможностях противника.

Однако красные разведчики ошибались. Польское командование готовило наступление именно против войск Западного фронта. 27 августа, сразу же после окончания битвы над Вислой, главнокомандующий Пилсудский издал приказ о перегруппировке 2-й и 4-й армий для дальнейших активных действий. Он ожидал нового наступления большевиков с территории Белоруссии и считал, что только крупное поражение войск Западного фронта РСФСР завершит войну в пользу Польши.

10 сентября на встрече с командующими 2-й и 4-й армий Пилсудский изложил план наступательной операции на Немане и Щаре. Основным направлением удара польских войск являлся район Гродно — Волковыск. Одновременно ударная группа на левом (северном) крыле 2-й армии должна была марш-броском через литовскую территорию обойти фланг Западного фронта и в районе Лиды ударить в тыл красным частям, связанным обороной Гродно

и Волковыска. Далее предполагалось сильным ударом отбросить красные армии в район полесских болот*.

Политическое значение нового наступления — в случае его успеха — заключалось в том, что восточная граница Речи Посполитой отодвигалась далеко от этнической польской территории. А это гарантировало ее на будущее от внезапного вторжения России и от оккупации Польши.

19 сентября был издан приказ Пилсудского с детальными указаниями армиям, оперативным группам и дивизиям. Итак, наступление должны были вести 2-я армия (генерал Эдвард Рыдз-Смиглы) в направлении на Гродно и 4-я армия (генерал Леонард Скерский) в направлении на Волковыск и южнее его. Общее командование обеими армиями взял на себя сам Пилсудский.

В составе 2-й армии действовали 1-я и 3-я пехотные дивизии Легионов, 21-я горная дивизия, 22-я добровольческая дивизия, 1-я Литовско-Белорусская дивизия, 17-я пехотная дивизия, 2-я и 4-я кавалерийские бригады, группа тяжелой артиллерии генерала И. Ледуховского (20 орудий). Как видим, за время подготовки к наступлению 2-я армия была усилена двумя пехотными дивизиями, одной кавалерийской бригадой и группой тяжелой артиллерии, специально предназначенной для штурма Гродненской крепости. Всего на 15 сентября 1920 года во 2-й армии насчитывалось 100 тысяч военнослужащих и 10 тысяч лошадей. В том числе в боевых частях свыше тысячи офицеров, 37 тысяч штыков, 5500 сабель, свыше 1000 пулеметов, 260 орудий, 356 автомобилей, 16 броневиков и 18 самолетов**. Это была сильнейшая польская армия за все время войны 1919—20 гг.

В составе 2-й армии была выделена Северная группа (17-я пехотная дивизия и Сибирская бригада) под командованием генерала Александра Осинского (бывшего генерал-майора российской армии). Она предназначалась для марш-броска через территорию Литвы с целью обхода правого фланга войск Западного фронта.

4-я армия была меньше 2-й. В нее входили 14-я, 15-я, 16-я и 11-я пехотные дивизии. Она имела в боевых частях около 23 тысяч штыков, а всего 52 тысячи солдат. Но три дивизии из четырех (а также два уланских полка) были сформированы в Великой Польше, т.е. в той части страны, которая до 1919 года входила в состав Германии. Поэтому большинство их солдат имело хорошую немецкую выучку. Артиллерия армии насчитывала 170 орудий. Кроме того, имелись 18 броневиков и 5 самолетов***.

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiey, s. 279.

** Kutrzeba T. Bitwa nad Niemnem (wrszesien-pazdziernik 1920). Warszawa, 1926, s. 36—37.

*** Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2, s. 373.

Резерв Северного фронта составили 2-я пехотная дивизия Легионов и 3-я кавалерийская бригада.

Войска Западного фронта на 20 сентября 1920 года состояли из трех армий. С севера на юг они дислоцировались следующим образом:

3-я армия (командующий — В.С. Лазаревич) прикрывала направление на Гродно. В ней было 6 дивизий: 5-я, 6-я и 56-я СД, плюс резерв (2-я и 21-я СД и 33-я Кубанская кавалерийская дивизия). Она насчитывала 24 тысячи штыков и сабель и 76 орудий.

15-я армия (командующий — А.И. Корк) прикрывала Мосты (на Немане) и Волковыск, далее Лиду и Молодечно;. На линии фронта находились 11-я и 16-я СД, в резерве — 27-я СД и бригада ВОХР). Всего эта армия имела 16 тысяч штыков и сабель и 84 орудия.

16-я армия (командующий до 21 сентября Н.В. Соллогуб, с 26 сентября Александр Иванович Кук) прикрывала направление на Ружаны — Слоним — Барановичи. В 16-й армии были четыре дивизии: 17-я и 48-я СД на фронте, 8-я и 10-я СД в резерве. Она насчитывала 16 тысяч штыков и сабель.

На юге Белоруссии, в Полесье, находилась заново создаваемая 4-я армия (командующий — А.Д. Шуваев). В нее входили 55-я, 1-я и 57-я СД, а также 17-я кавалерийская дивизия. Армия насчитывала 17,5 тысяч штыков и сабель с 52 орудиями*.

Таким образом, две польские армии (2-я и 4-я) должны были наступать против трех красных армий (3-й, 15-й и 16-й). В Полесье против 4-й армии, прикрывавшей Пинск, действовала отдельная оперативная группа генерала Ф. Краёвского.

Польские войска имели некоторое превосходство в живой силе на направлениях главных ударов. Да и качественный состав их войск был значительно лучшим. Основную массу солдат составляли участники битвы за Варшаву, воодушевленные своими победами. А в красные войска прибыло много новобранцев из центральных регионов России, охваченных крестьянскими восстаниями. Да и у тех, кто уже имел боевой опыт, моральный дух был далеко не тот, что в июле — начале августа. То и другое, вместе взятое, не сулило ничего хорошего командованию Западного фронта.

В период временного затишья на Западном фронте происходили локальные бои, в ходе которых польские войска улучшали свои позиции на отдельных участках и незначительно продвигались вперед. Так, 19 сентября между двумя тогдашними пущами — Беловежской и Ружанской — произошел бой за город Пружаны, важный пункт по дороге на Слоним.

---

* Kutrzeba T. Bitwa nad Niemnem, s. 16.

Вечером 18 сентября приказ о взятии Пружан получили 32-й и 59-й пехотные полки 14-й пехотной дивизии. Совершив ночной марш с запада из Шерешева, два батальона 32-го полка утром 19 сентября прорвали линию обороны 17-й СД возле города. Утром с севера к городу подошли два батальона 59-го полка. Установив контакт между собой, польские батальоны одновременно атаковали Пружаны с севера, запада и юга. После непродолжительного боя город был взят, а красноармейцы 17-й дивизии в панике покинули его. Было взято 1445 пленных и 6 пулеметов*.

В своем приказе от 19 сентября главнокомандующий Пилсудский указал дату начала операции (утро 20 сентября) и поставил следующие задачи войскам.

Северная группа 2-й армии должна была стремительно продвинуться в северо-восточном направлении, обойти Гродно с севера, переправиться через Неман в районе литовского местечка Друскеники и в течение двух дней дойти до местечка Марцинканце (Марцинконис) на железной дороге Гродно — Вильня, с тем, чтобы зайти во фланг красных войск, находившихся к юго-западу от этой магистрали. Далее эта ударная группа должна была перерезать шоссе и железную дорогу, которые шли из Гродно к Мостам и Лиде. Тем самым войска, защищавшие Гродно, лишались путей отступления на восток.

Центральная группа 2-й армии (22-я добровольческая и 21-я горная дивизии) должны была взять Гродно. Затем эта группа объединялась с Северной группой.

3-я пехотная дивизия Легионов, составлявшая правое крыло 2-й армии, должна была в самом начале наступления занять местечко Мосты на Немане и оборонять железнодорожный мост возле него для обеспечения снабжения 2-й армии.

4-я польская армия согласно приказу от 19 сентября получила задание взять железнодорожный узел Волковыск в течение первых двух дней операции, а затем одной дивизией сменить 3-ю дивизию Легионов на переправе в Мостах. Остальные дивизии 4-й армии должны были обеспечивать ее действия в Мостах и Волковыске, прикрывая их с востока**.

Разрабатывая этот план, Пилсудский учел, что польские войска имеют более высокий моральный дух, лучше обучены и лучше обеспечены техникой по сравнению с красными войсками. Он полагал, что они успешно отбросят за Неман главные силы Западного фрон-

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919—1920. Warszawa, 2004, s. 332.

** Прушиньський М. Драма Пільсудського, с. 292.

та и обеспечат ударной Северной группе возможность произвести мощную атаку с севера.

Во время отступления войск Западного фронта от Варшавы снова разгорелся конфликт на польско-литовской границе. Вечером 28 августа начались боевые столкновения.

Авангард 1-й пехотной дивизии Легионов дошел до города Августов, расположенного к западу от Гродно. Здесь он наткнулся на литовскую пограничную охрану, выдвинувшуюся в этот район в июле, во время советского наступления. Командир 1-го полка потребовал, чтобы литовские пограничники ушли. Но они медлили с ответом. Литовские власти считали занятую ими территорию южной Сувалковщины своей. Поэтому литовские солдаты отказывались уходить. Тогда части польской дивизии, численно намного превосходившие литовских пограничников, разоружили их. 30 августа Августов заняли подразделения 1-й дивизии Легионов.

В Августов прибыла оперативная группа полковника Адама Неневского (4-я кавалерийская бригада и 41-й Сувалковский пехотный полк) и отсюда пошла на Сувалки и Сейны. Она должна была занять демаркационную линию («линию Фоша»), вытеснив с этой территории литовские части. 1 сентября группа Неневского вошла в Сувалки*.

Как уже сказано выше, еще 6 августа представители командования РККА подписали конвенцию с литовским военным командованием о передаче Литве города Вильня с прилегающим округом, но саму передачу затянули. Наконец, 26 августа красные войска покинули Вильню, а 27 августа город и его околицы заняли литовские войска.

Вступление польских войск на территорию, пограничную с Литвой, снова поставило в повестку дня вопрос о совместных действиях российских и литовских войск. Однако литовские власти не хотели подчинять свою армию командованию РККА. По советским сведениям, эта армия (13 тысяч человек) состояла из двух пехотных дивизий и нескольких отдельных воинских частей.

2 сентября литовские войска пошли в наступление в районе Августова, чтобы вернуть утраченные позиции. В этом наступлении участвовала 2-я литовская дивизия — четыре полка (7 тысяч штыков) вместе с артиллерией и кавалерийским эскадроном (75 сабель). Главный удар литовцев был направлен из района Сопоцкина (северо-западнее Гродно) на Липск, Штабин и Августов. Дополнитель-

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 138–139.

ные удары наносились с севера на Сувалки, а также через Сейны на Августов*.

В результате этой операции литовским частям удалось занять Липск, Сейны и приблизиться на 7 километров к Сувалкам. Но отряд польской кавалерии под командование майора Зигмунта Пясецкого 5 сентября зашел в тыл литовцам с северо-западного направления и разбил одно из литовских подразделений. Одновременно с юга атаковал 6-й пехотный полк Легионов, форсировавший реку Бебжу возле Каменны. Потеряв свыше 400 человек одними только пленными, литовская дивизия начала поспешный отход от Августова.

В следующие дни литовские войска отступали из южной части Сувалковщины. 7 сентября поляки заняли Липск. 9 сентября 3-й уланский полк занял Сейны и Краснополь. 10 сентября польские войска достигли линии Фоша, где и остановились**.

В результате этих событий литовская армия утратила возможность выступления на стороне Красной Армии.

Наступательная операция польских войск против армий Западного фронта в Белоруссии продолжалась с 20 до 29 сентября. В польской военной литературе она получила название Неманской операции.

20 сентября войска центральной группы польской 2-й армии начали занимать исходные позиции для наступления. 21-я горная дивизия и 22-я добровольческая произвели локальную наступательную операцию, атаковав позиции 5-й и 6-й СД 3-й армии. Не ожидавшие мощной атаки подразделения этих дивизий стали отступать к фортам Гродно. На правом крыле 2-й армии 3-я пехотная дивизия Легионов оттеснила части 11-й и 16-й СД 15-й красной армии, захватила неповрежденные мосты в Дублянах и Мостовлянах и форсировала Свислочь западнее Берестовицы.

Командующий фронтом Тухачевский приказал задержать противника и выдвинуть на фронт армейские резервы. Однако контратаки 5-й и 6-й СД, проведенные 21 сентября, успеха не имели.

20–25 сентября разгорелось сражение в районе Большой Берестовицы (западнее Волковыска). Здесь 3-я пехотная дивизия Легионов генерала Л. Бербецкого атаковала 11-ю и 16-ю дивизии 15-й армии А. Корка. В 3-й пехотной дивизии Легионов было около 7800 солдат, 215 пулеметов и 41 орудие (в том числе 10 тяжелых). 11-я и 16-я СД имели до 11 тысяч бойцов при 60 орудиях.

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 140.

** Там же, s. 141.

Бои развернулись на правом берегу Свислочи, левого притока Немана. Еще 20 сентября польские части форсировали с боем реку. 21 сентября утром 3-й батальон 9-го полка 3-й дивизии Легионов ворвался в Большую Берестовицу, разбил тыловые части и штаб 11-й СД, взял четыре орудия и около 300 пленных. Командир дивизии Собейников был ранен, но успел уйти. Ранение комдива и разгром штаба парализовали управление дивизии до конца дня. Но уже вечером того же дня командующий 15-й армией Корк направил на возврат Большой Берестовцы 56-ю стрелковую бригаду, только что прибывшую с финской границы (3 тысячи бойцов, 54 пулемета). В результате красные войска в этом районе получили двукратное преимущество в людях.

На третий день сражения под Берестовицей красные войска предприняли контратаки, продвинулись на запад, но были остановлены возле Большой Берестовицы. Весь день по всей линии фронта шли бои. В 18.00 после артиллерийской подготовки 33-я стрелковая бригада «красных» пошла в наступление, нанесла потери 9-му пехотному полку 3-й дивизии Легионов, но сама понесла большие потери и отступила. А 16-я СД в течение дня наступала севернее этого участка, в районе Малой Берестовицы и отбросила на 4 километра 9-й полк Легионов. Здесь сражение продолжалось целый день. После атак соседних польских частей к 18 часам сопротивление частей 16-й СД было сломлено, а утраченные позиции 9-го полка Легионов взяты назад.

23 сентября части 3-й пехотной дивизии Легионов рано утром захватили Малую Берестовицу, но в 10 часов утра встретили серьезное сопротивление противника. Красные части несколько раз переходили в контратаки. Лишь вечером части 3-й дивизии Легионов дошли до реки Веретейка (приток Свислочи) и заняли линию Масаляны — Седейки — Верейки.

24 сентября командующий 15-й красной армией А.И. Корк вновь предпринял серию контратак своих войск при поддержке артиллерии, но понес большие потери. Около 18 часов польские части снова пошли в наступление, и красные войска начали отход. 15-я армия отступала в связи с угрозой окружения, возникшей из-за ухудшения положения на Немане соседней 3-й армии. 25 сентября сопротивление частей 15-й армии становилось все более слабым. Вечером 6-я пехотная бригада Легионов заняла Лунну и поврежденный мост через Неман.

Сражение под Большой Берестовицей закончилось успехом польских войск. Дивизия генерала Бербецкого потеряла за пять дней боев 223 человека убитыми и 1149 ранеными. Потери «красных» составили около тысячи человек убитыми, 2100 пленными, 7 орудий и 40 пулеметов. Но план польского командования выполнен не был: толь-

ко на пятый день операции удалось достичь целей, намеченных на второй день — выйти с юга к мостам на Немане и овладеть ими*.

На самом северном участке фронта ударная группа 2-й польской армии, сконцентрированная в районе Августова, начала наступление 22 сентября в 12 часов дня. В этой ударной группе (1-я пехотная дивизия Легионов, 1-я ЛБД, 2-я и 4-я кавбригады) было 15,5 тысяч солдат и 90 орудий. Вперед вырвались кавалеристы 4-й кавбригады подполковника А. Неневского, которые, опередив свою пехоту, рассеяли подразделения литовской армии.

Позиции 2-й литовской пехотной дивизии под Сейнами 22 сентября атаковала 1-я пехотная дивизия Легионов полковника С. Домб-Бернацкого. Отбросив литовскую дивизию от Сейн, она заняла этот населенный пункт. Бой шел с 12 до 18 часов. Попытка окружить литовскую дивизию удалась лишь частично. Часть литовских войск пробилась на северо-восток, остальные потерпели поражение, потеряв около 1700 человек пленными и 12 орудий. В это же время польская кавалерия быстро продвигалась к мостам через Неман. В ночь на 23 сентября в районе Коптева (Капчяместис) был разбит отступавшей 8-й пехотный полк литовской дивизии. Сдались 300 солдат, были взяты 4 орудия.

23 сентября продвижение польских войск по литовской территории происходило без препятствий. 23 сентября в 11 часов утра первые подразделения польской кавалерии дошли до Немана в районе местечка Друскеники и попытались с ходу занять мост через Неман. Несмотря на сопротивление литовской охраны, с помощью подоспевшего авангарда 1-й ЛБД мост был захвачен**.

Вечером 23 сентября 1-я пехотная дивизия Легионов заняла Друскеники, а в полдень следующего дня Марцинканце, где уже находилась 4-я кавалерийская бригада. Одновременно 1-я ЛБД и 2-я кавалерийская бригада дошли до Поречья (северо-восточнее Гродно)***.

После захвата мостов на Немане севернее Гродно перед ударной группой польской 2-й армии открылся путь на восток для выхода к Лиде и нанесения ударов по тылам 3-й красной армии.

23 сентября перешли в наступление и войска центральной группы 2-й польской армии, имевшей своей задачей захват Гродно. Для этой цели были предназначены 21-я горная дивизия и 22-я добровольческая дивизия вместе с группой тяжелой артиллерии. Об-

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919—1920, s. 64—67.
** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918—1920, s. 152—153.
*** Там же.

щая численность центральной группы достигала 11600 солдат при 107 орудиях. Энергичное наступление на Гродно должно было облегчить ударной Северной группе переход от Друскеников к Лиде.

Командование Западного фронта придавало большое значение обороне Гродно и всей линии среднего течения Немана. Поэтому 3-я красная армия готовилась не только отразить удар противника, но и сама перейти в наступление. Однако командование фронта было настолько занято проблемой защиты Гродно и боями 15-й армии в районе Берестовицы, что оно прозевало маневр Северной группы, которая через литовскую территорию и Неман вышла в тыл 3-й армии.

23 сентября в районе Гродно 21-я горная дивизия начала бой за переправы через Неман южнее Гродно, а 22-я добровольческая — севернее города. В ночь с 23 на 24 сентября группа майора Бернарда Монда (205-й пехотный полк, два дивизиона стрелков, рота саперов) захватила поврежденный литовскими солдатами мост на Немане возле Гожи (в 15 км севернее Гродно) и приступила к его ремонту, а часть подразделений этой группы переправилась через Неман на плотах.

Штаб 22-й добровольческой дивизии узнал об этом только 24 сентября вечером, а вот штаб 2-й армии от летчика-наблюдателя уже после полудня. Генерал Рыдз-Смиглы в 16.30 издал приказ, согласно которому 2-я кавалерийская бригада из ударной группы направлялась с севера на Гродно и соединялась с группой майора Монда. Вечером 24 сентября в штабе 2-й польской армии появились донесения о резком падении боеспособности ряда частей красных войск. Так, возле Нового Двора (25 км западнее Гродно) сдался полякам почти весь 49-й стрелковый полк, состоявший в основном из украинцев. Многие красноармейцы при сдаче в плен предъявляли «пропуска», распространявшиеся польскими агентами в тылу «красных».

Тем временем ударная группа двигалась из Друскеник на восток, одной колонной на Вороново и далее с поворотом на Лиду, а второй колонной на Василишки. Обе колонны обходили позиции 3-й красной армии и выходили в тыл ее дивизиям, находившимся в районе Гродно. Штаб 3-й армии 24 сентября получил первую информацию о продвижении колонн польской ударной группы. После консультаций с командующим фронтом Тухачевским командарм Лазаревич направил против этой группы 2-ю и 21-ю стрелковые дивизии из армейского резерва.

Ослабление сил на фронте 3-й красной армии позволило польским войскам начать атаку Гродненского укрепрайона. 5-я СД была вынуждена отступить. При поддержке тяжелой артиллерии 22-я добровольческая дивизия заняла 4-й форт. Вскоре после этого красноармейцы сами оставили 1-й, 2-й и 3-й форты. А наступавшая с се-

вера группа майора Б. Монда взяла форты 13 и 13-а. К вечеру 25 сентября дивизии 2-й польской армии выбили российские войска с левого берега Немана.

Теперь над красными войсками в Гродно нависала угроза окружения с севера и северо-востока. Поэтому вечером 25 сентября Тухачевский приказал 3-й армии покинуть Гродно. На рассвете 26 сентября ее части покинули город и окрестности. А в это же время в Гродно с боем входили польские войска, переправляясь через Неман и наступая с севера*.

В Неманской битве на центральном участке фронта наступала 4-я польская армия. Утром 23 сентября северное крыло этой армии (15-я пехотная дивизия, направленная сюда 4-я пехотная бригада из 2-й дивизии Легионов и 18-й полк), имевшее 8900 солдат и 52 орудия, начала наступление на Волковыск. Возглавлял эту группу генерал Владислав Юнг.

Противником группы Юнга была 48-я СД (из 16-й армии), усиленная после полудня 56-й стрелковой бригадой — около 7500 бойцов с 16 орудиями. Наступление группы генерала Юнга застало врасплох командование 15-й и 16-й красных армий, на стыке которых оно происходило. Командующие 15-й и 16-й армий считали, что польские войска направят все свои силы на Гродно через Большую и Малую Берестовицу. За нескольких часов польские части, при поддержке артиллерии, прорвали оборону «красных» и к 21 часу 15-я пехотная дивизия заняла Волковыск.

Чтобы задержать польское наступление, советское командование перебросило в район Волковыска 56-ю стрелковую бригаду, которая до этого вела бои севернее, в районе Большой Берестовицы. Кроме того, командующий 15-й армией А.И. Корк на рассвете 24 сентября ввел бой из своего резерва 27-ю СД, которая после боя, продолжавшегося весь день, снова заняла Волковыск.

Неудачу группы Юнга компенсировали успехи соседней 3-й пехотной дивизии Легионов генерала Бербецкого. Одержав победу в пятидневном сражении за Берестовицу, она перешла в наступление на своем участке фронта, оттесняя части 15-й армии на восток. Вечером 24 сентября передовые подразделения 21-й горной дивизии и 3-й пехотной дивизии Легионов доложили командованию о начале отступления «красных» на их участке фронта.

Однако задержка наступления под Волковыском, как и под Мостами, замедлила общий темп наступления польской армии. Это заставило генеральный штаб Войска Польского перебросить в район Волковыска 9-ю пехотную дивизию и 3-ю кавалерийскую бригаду в качестве подкреплений для 2-й армии, 2-ю пехотную дивизию Ле-

---

* Прушиньський М. Драма Пільсудського, с. 295.

гионов — для 4-й армии, а на ее правый фланг — 18-ю пехотную дивизию.

В сводке польского генштаба за 25 сентября сообщалось:

> «В районе Большой Берестовицы после трехдневных большевистских атак наши войска перешли в контратаки, взяв более 500 пленных и 19 пулеметов».

На следующий день сводка гласила: «На участке Ружаны — Волковыск замечен постепенный отход большевиков за реку Щару*.

Действительно, Тухачевский, опасаясь окружения своих войск, отдал им приказ отступать на восток. Это произошло после телефонного разговора Тухачевского с начальником генштаба литовской армии полковником Константинасом Клещинскасом, состоявшимся вечером 24 сентября. Тухачевский предложил литовской армии совместное наступление обеих армий в районе Сувалки — Гродно. Но Клещинскас ответил отрицательно, ссылаясь на отсутствие специальной конвенции о совместных боевых действиях. Клещинскас соглашался только на координацию действий красных и литовских войск, да и то при условии, что «красные» нанесут удар на Августов, т.е. на ту территорию, которую Литва оспаривала у Польши. Окончательный ответ Клещинскас откладывал до своего разговора на эту тему с министром обороны Литвы. Но больше переговоры не возобновлялись**.

В тот момент в Москве еще надеялись на совместные действия Красной Армии и армии Литвы. Главнокомандующий Каменев 25 сентября потребовал от Тухачевского координировать свои действия с литовским командованием. На это командующий Западным фронтом ответил телеграммой от 26 сентября (в 20.20), что из-за подозрительных действий литовских войск он, Тухачевский, вчера приказал 3-й армии отступить со своих позиций на линию Жирмуны (25 км севернее Лиды) — Мыто — Лупеница; 15-й армии — за реки Лебеда и Щара (восточнее Гродно и Волковыска), а 16-й армии (южнее) — за Щару***.

Но, разумеется, вовсе не действия литовских войск (они и не действовали) заставили командующего Западным фронтом отдать приказ об отступлении. Красная Армия проигрывала кампанию, и Тухачевский стремился сохранить свои войска, жертвуя территорией Белоруссии.

---

* Pierwsza wojna polska (1918–1920), s. 300–301.
* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г., с. 375–376.
*** Там же, с. 378–379.

БОЙ У КРОВАВОГО БОРА

Отступление красных войск уже шло полным ходом. На северном участке фронта основные силы 3-й армии отступали по шоссе (и вдоль шоссе) Гродно — Лида. 21-я СД отступала на северо-восток по дороге Гродно — Радунь, а главные силы 3-й армии — через Василишки. Как раз во время этого отступления в дивизии 2-й армии пришел приказ Пилсудского от 25 сентября пополудни о взятии Лиды, важного узла железных и шоссейных дорог к северу от Немана.

Некоторые передовые польские части получили этот приказ только утром 27 сентября. В тот же день началось наступление польских войск на Лиду с севера и запада — от Радуни и вдоль дороги из Гродно. Четыре дивизии 3-й армии (5-ю, 6-ю, 56-ю и 21-ю СД), уже ослабленные потерями, в районе Лиды должны были атаковать: 1-я пехотная дивизия Легионов с востока и юго-востока, а 1-я Литовско-Белорусская дивизия — с запада, из района Поречья. 21-я горная и 22-я добровольческая дивизии имели задачу продвигаться от Гродно в район Лиды южнее вдоль шоссе Гродно — Лида.

При этом 1-я бригада ЛБД (Виленский и Минский полки) была направлена из района Поречье через Бакшты (в 12 км западнее Василишек). После ночлега под Бакштами 1-я бригада двинулась к переправам на реке Лебеда, чтобы закрыть путь для отступления дивизиям 3-й российской армии. В Василишках Минский полк (около 1100 солдат) внезапной атакой вынудил 5-ю стрелковую бригаду 2-й СД беспорядочно отступить и преследовал противника в направлении Лебеды. За Минским полком двигались Виленский полк (1200 солдат), артиллерия, командование 1-й ЛБД и обоз.

В 13 часов 27 сентября авангард Минского полка занял деревню Паперня, а 2-й батальон этого полка двинулся к переправам на Лебеде. Одновременно к переправам с запада подходили главные силы 3-й российской армии (2-я, 5-я, 6-я и 56-я СД), отступавшие на Лиду. Часть этих сил уже успела перейти на восточный берег Лебеды — 2-я стрелковая бригада, понесшая потери под Василишками — и 6-я стрелковая бригады, их бойцы отдыхали в лесах восточнее реки.

2-й батальон, выйдя из лесного массива Кровавый Бор (севернее переправы), наткнулся на отдыхавших (без боевого охранения) у деревни Феликсов красноармейцев, тут же атаковал эту колонну и рассеял ее. Польские солдаты прошли к деревне Лебеда (возле переправы через одноименную реку) и вынудили срочно покинуть деревню полевой штаб 3-й армии. Перед отъездом командарм Лазаревич дал приказ 5-й СД о наступлении с запада на переправу, с тем, чтобы отбить ее у поляков. Затем штаб 3-й армии окружной дорогой под огнем польской пехоты уехал в Лиду, утратив связь со своими дивизи-

ями и полками. С этого времени дивизии 3-й армии действовали самостоятельно, без общего командования.

Вначале 2-й батальон Минского полка был атакован 18-й стрелковой бригадой (из 6-й СД) с востока, а частями 2-й и 5-й СД с запада. Под напором российских войск 2-й батальон отошел в лес Кровавый Бор, где занял оборону и продержался до прибытия 1-го и 2-го батальонов своего полка. Теперь полк вновь вышел в поле и вел бой за деревни Феликсов и Лебеда. Но под вечер Минскому полку пришлось отступить к Кровавому Бору. Только в 19 часов подошел опоздавший Виленский полк. Сразу же было организовано новое наступление на переправы, Виленский и Минский полки снова овладели ими. Виленский полк занял позиции над рекой, а понесший значительные потери Минский полк отошел в резерв к лесу. В это время солдатам сообщили принятую полевой радиостанцией весть о взятии Гродно польскими войсками, что значительно их ободрило.

Неожиданно в 20.00 к переправам подошла по шоссе 56-я СД, и в 21.00 несколько тысяч красноармейцев тесными колоннами на пространстве 2–3 километра по фронту атаковали польские позиции. Несмотря на интенсивный ружейно-пулеметный огонь, масса российской пехоты ворвалась на позиции польских батальонов. Преимущество российских войск было явное, а тут еще с восточной стороны в атаку пошли подразделения 2-й и 6-й СД. Наступила ночь, но бой продолжался в темноте. Теперь он шел врукопашную. Сражались яростно, обе стороны пленных не брали. К часу ночи 28 сентября польские подразделения в очередной раз были оттеснены к Кровавому Бору. Российские войска овладели шоссе, по которому до 4-х часов утра шли к Лиде части их 3-й армии.

Тем не менее, в результате сражения у Кровавого Бора была дезорганизована деятельность штаба 3-й российской армии. Русские не добились тактического успеха, так как им пришлось изменить путь отхода: вместо Молодечно отходить к Барановичам. Задержка дивизий 3-й армии облегчила боевую задачу 1-й дивизии Легионов — захват Лиды и создание преграды для отхода 3-й армии через Лиду. Войска 3-й армии понесли большие потери: несколько сотен убитыми и ранеными, около 1000 пленных, 12 орудий, 15 пулеметов.

В бою у Кровавого Бора польские потери тоже были значительными: 130 убитых, 230 раненых и 410 пропавших без вести. Большинство пропавших составили солдаты, потерявшиеся в ночной мгле в лесах, но вышедшие оттуда на следующий день. Несколько десятков пропавших попали в плен к русским. Чтобы не отягощать себя, на следующий они их расстреляли*.

---

* Прушиньський М. Драма Пільсудського, с. 298–299.

БОЙ ЗА ГОРОД ЛИДА

Важной задачей польских войск являлся захват Лиды. Главное командование польской армии считало Лиду настолько важным пунктом в плане Неманской операции, что Пилсудский 25 сентября издал особый приказ об овладении этим городом.

Наступление на Лиду вели с запада две колонны 21-й горной и 22-й добровольческой дивизии. Но раньше их к Лиде поспевали 1-я Литовско-Белорусская дивизия с западного направления (ее 1-я бригада), а с северо-восточного направления — 1-я пехотная дивизия Легионов, поддерживаемая 4-й кавалерийской бригадой. От переправы через Неман у Мостов 3-я пехотная дивизия Легионов тоже направлялась к Лиде, но она была еще на марше.

Захват Лиды зависел и от того, успеют ли главные силы 3-й росийской армии подойти к городу раньше наступающих польских частей, меньших по численности. Приказ о начале операции по захвату Лиды командиры ряда польских частей получили с опозданием более чем на сутки. Но потерю времени они компенсировали быстрым исполнением приказа и максимально быстрым передвижением своих подразделений.

Первым к Лиде подошел авангард 3-й пехотной бригады Легионов утром 28 сентября. В 10 часов утра 6-й полк этой бригады двумя колоннами, при поддержке артиллерии, начал бой за Лиду. Удар был нанесен с севера. Противник, хотя и боле сильный, был уже в значительной степени деморализован. Поэтому бой длился недолго, польской бригаде удалось занять город. Прибывший накануне в Лиду штаб 3-й российской армии вместе с ее командующим Лазаревичем в последний момент покинул место своего пребывания. Отсутствие штаба, как и у Кровавого Бора, оставило дивизии 3-й армии без единого командования, что повлекло самостоятельные решения отдельных начальников.

Не успели польские части занять оборонительные позиции, как с запада на шоссе появились дивизии 3-й армии, задержанные ранее на переправах через реку Лебеда. Бой за Лиду продолжился.

Первой в бой вступила 5-я СД, которая в бою у Кровавого Бора понесла меньшие потери, чем другие дивизии 3-й армии. Внезапная атака этой дивизии пришлась на позиции 2-го батальона 6-го полка Легионов и 2-го батальона 1-го полка Легионов. Красноармейцы быстро овладели казармами, железнодорожной станцией и прорвались в центр города. Обороной Лиды руководил сам командир 1-й дивизии Легионов полковник Домб-Бернацкий. Завязались уличные бои, в которых обе стороны несли большие потери. Батареи 1-го артполка Легионов вели огонь прямой наводкой.

В 13 часов в бой вступили 1-й и 3-й батальоны 6-го пехотного полка Легионов. Контратака свежих батальонов смешала ряды красных бойцов, уже уверенных в своей победе. Понеся значительные потери, 5-я СД отступила из Лиды, двигаясь в южном направлении. Вместе с ней уходила 168-я стрелковая бригада, авангард подходившей с запада 56-й СД. Вблизи Лиды эта бригада попала в засаду, устроенную 1-м и 3-м батальонами 6-го полка Легионов и была разбита. А в это же время польская 4-я кавалерийская бригада, обходившая Лиду с востока, разбила возле деревни Дубровна отступающие подразделения 6-й советской СД.

Поздно вечером 28 сентября к Лиде с запада приблизилось еще одно соединение 3-й российской армии — 21-я СД и около 22 часов начала атаку при поддержке артиллерии. Дело дошло до рукопашной. Красноармейцы овладели местными казармами, но затем были отброшены контратакой польских частей. 21-я СД, которая накануне понесла большие потери в бою у Кровавого Бора, отступила в леса западнее Лиды. К 24 часам 28 сентября Лида была полностью очищена от красноармейцев.

Личный состав 21-й СД был деморализован большими потерями, военными неудачами и изнурительными переходами. Не хватало патронов и боеприпасов. Раздосадованные красноармейцы арестовали комиссаров, которые призывали их продолжать бой, выдали их полякам и утром 29 сентября сдались*.

Хотя Лиду удалось удержать, польские войска не смогли окончательно разгромить 3-ю российскую армию. Польское командование слабо координировало действия своих войск, в результате чего в боях за Лиду участвовали 1-я дивизия Легионов и 4-я кавалерийская бригада, а остальные части не успели подойти к городу. Все же 3-й армии пришлось изменить маршрут отступления, тем самым открыв дорогу польским войскам в тылы 15-й и 16-й российских армий.

В боях за Лиду проявился упадок боевого духа российских частей, в результате чего произошла массовая сдача в плен — до 10 тысяч бойцов. Было захвачено 40 орудий, 67 пулеметов, 2350 обозных подвод со снаряжением и запасами, а также 1 автомобиль и 2 мотоцикла (большая редкость для того времени). Дальнейшее преследование российских частей 2-й кавалерийской бригадой 29 сентября юго-восточнее Лиды показало, что они почти не оказывали сопротивления. В этот день сдались еще 500 красноармейцев, было взято 9 орудий и 36 пулеметов**.

---

* Прушиньський М. Драма Пільсудського, с. 301—302.

** Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919—1920, s. 231, 284.

После боев за Лиду и в ее окрестностях все северное крыло Западного фронта фактически перестало существовать. Создалась угроза окружения 15-й и 16-й российских армий. Это вынудило Тухачевского отдать приказ о быстром отходе на восток. Неманская операция польских войск окончательно развеяла надежды политического и военного руководства РСФСР выиграть войну с Польшей. А польские войска продолжали наступать на восток.

СРАЖЕНИЕ НА ЩАРЕ

Убедившись в том, что армии Западного фронта начали отступление, Пилсудский и его штаб разработали новый план их окружения. Предполагалось окружить основные силы отступавших армий в районе города Барановичи путем одновременного наступления 2-й польской армии с рубежа Лида — Мосты на Барановичи и удара левого крыла 4-й армии (не менее двух дивизий) вдоль шоссе Брест — Слуцк южнее Баранович. Ситуация благоприятствовала польским войскам, которые в ряде случаев, двигаясь другими путями, опережали отступавшие российские дивизии и полки.

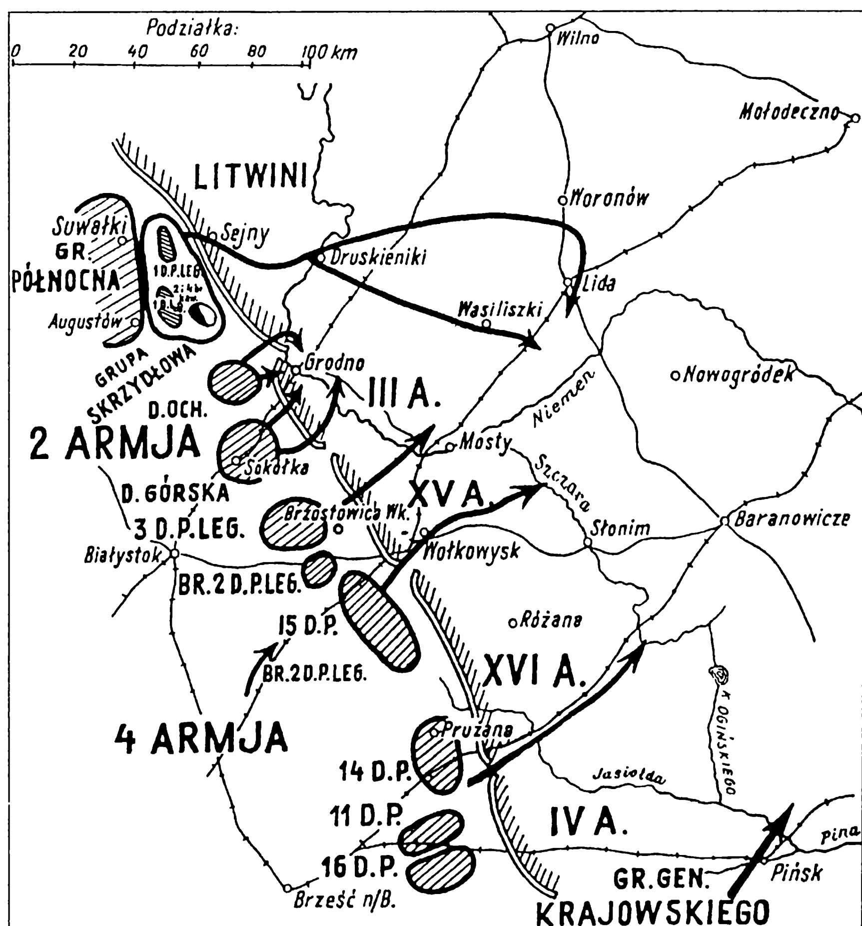
4-я польская армия после захвата Волковыска наступала на Слоним и Барановичи. Уже 26–27 сентября левое крыло ее войск подошло к реке Щара. 14-я пехотная дивизия (получившая неофициальное название «Великопольская», или «Познаньская») двигалась на Слоним. Командовал дивизией опытный командир, бывший полковник российской гвардии, генерал Даниэль Конажевский. 14-я дивизия получила приказ форсировать Щару и овладеть городом Слоним.

27 сентября на Слоним двинулись две группы 14-й дивизии: одна с запада (более сильная) — 4 батальона и полк, другая с юга (3 батальона). Обе группы имели поддержку артиллерии. В бою за Слоним они встретились с 17-й и 48-й стрелковыми дивизиями 16-й российской армии.

Южная группа в ночь с 27 на 28 сентября, пройдя через местечко Жировичи, атаковало позиции противника, захватила подожженный русскими мост, погасила огонь и переправилась на восточный берег Щары, заняв там плацдарм. Отсюда в Слоним были направлены две роты, которые обошли город с востока. По дороге в лесу эти роты внезапно атаковали отдыхавшее подразделение из 41-й СД и рассеяли его. В плен сдались 150 красноармейцев, было захвачено 7 орудий и 6 пулеметов. Остальные батальоны 56-го пехотного полка заняли дорогу Слоним — Барановичи под Альбертином (восточнее Слонима), ожидая здесь российские части, отступавшие под натиском главных сил их дивизии.

28 сентября первым вошел в Слоним с запада 58-й пехотный полк с дивизионом артиллерии. После короткого, но жестокого боя полк овладел городом.

Преследуя отступавшую 48-ю СД, 14-я пехотная дивизия рано утром 30 сентября подошла к Барановичам. Несмотря на длительный переход (75 километров), 56-й полк 14-й дивизии развернул свои батальоны вправо от шоссе, и начал атаку Баранович. К этому времени на грузовиках сюда были доставлены подразделения 55-го полка той же дивизии, которые присоединились к атаке. Вскоре город был взят. В Барановичах поляки захватили вещевые и продовольственные склады, железнодорожные составы, 16 пулеметов, взяли в плен около 200 красноармейцев.

Битва на Немане и Щаре (польская карта)

14-я дивизия заняла старые немецкие окопы восточнее Барановичь, где и осталась после трудного перехода. Этим воспользовались российские части, которые 1 октября попытались выбить 56-й полк с его позиций, но были отбиты. А в ночь с 1 на 2 октября две роты этого полка внезапно атаковали близлежащую деревню Литаву, штыковой атакой разгромили находившееся там подразделение и взяли в плен 200 красноармейцев*.

Правое (южное) крыло 4-й польской армии на Полесье действовало отдельно от операций польских войск на территории основной части Белоруссии. Оно взаимодействовало с оперативной группой генерала Краёвского, наступавшей с юга, из украинской части Полесья. Основой этой группы была 18-я пехотная дивизия, которой командовал сам генерал Ф. Краёвский.

В Полесье против польских войск действовала заново сформированная 4-я красная армия, получившая номер 4-й армии, разбитой польскими войсками севернее Варшавы и ушедшей в Восточную Пруссию. Командовал этой «новой старой» армией все тот же Дмитрий Савельевич Шуваев, который успел добраться со своим штабом до Вильни. Армия имела две стрелковые дивизии (48-ю и 57-ю) и одну кавалерийскую (17-ю), а в ее тылу заканчивали формирование еще две дивизии (19-я и 55-я СД). Тухачевский поручил Д.С. Шуваеву отбить Брест назад.

Со своей стороны командующий польской 4-й армией генерал Л. Скерский решил упредить российские войска, не ждать их атаки на Брест, а самому наступать на восток. Кстати, Скерский, бывший генерал-майор российской армии, был знаком с Д.С. Шуваевым, только Шуваев был рангом выше, да и старше на 12 лет**.

По приказу Скерского части 14-й пехотной дивизии 8 сентября 1920 года овладели Жабинкой, а затем разбили одну из частей 12-й российской армии Юго-Западного фронта под Мокранами (на шоссе юго-восточнее Бреста). Одновременно 16-я пехотная дивизия с боями дошла до Малориты. Затем начались двухнедельные бои за Кобрин с частями 16-й и 4-й российских армий.

Генерал Л. Скерский 11 сентября отдал приказ овладеть важным пунктом в Полесье — городом Кобрином. Взятие Кобрина было поручено 57-му полку 14-й дивизии (атакой с запада), 47-му и 48-му полкам 11-й дивизии (атакой с юга). В ночь с 11 на 12 сентября, прорвав оборону 57-й СД, польские полки заняли Кобрин. Для обо-

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919—1920, s. 25—26.

** Леонард Скерский (1866—1940) весной 1940 года стал одним из 22-х тысяч польских офицеров, казненных в СССР органами НКВД.

роны взятого города с юга была срочно подтянута 16-я пехотная дивизия, которая расположилась на берегу Мухавца.

Командование 4-й российской армии попыталось вернуть Кобрин силами трех дивизий — 55-й, 57-й и 19-й. В ночь с 15 на 16 сентября красные саперы построили мост на Мухавце, и по нему на правый (северный) берег реки переправилась большая часть 19-й СД. На рассвете российские части при поддержке артиллерии пошли в наступление. Польский 57-й пехотный полк выдержал атаку. Правда, его командир подполковник А. Шиллинг был тяжело ранен в этом бою и на следующий день умер. Тяжелые бои разгорелись на участке 16-й пехотной дивизии, которую атаковали полки 57-й стрелковой и 17-й кавалерийской дивизий. Польские части были отброшены на запад, но 17 сентября, после прибытия подкреплений, они вернули большую часть своих позиций. В битве за Кобрин поляки потеряли свыше 500 человек убитыми и ранеными.

Для отвлечения российских сил от Кобрина генерал Скерский приказал совершить атаку на город Пружаны (севернее Кобрина). Эту задачу выполнила группа генерала Михала Милевского, командира 27-й пехотной бригады. В группу вошли части трех пехотных полков. В ночь с 18 на 19 сентября Пружаны были заняты, но бои в районе этого города продолжались до 22 сентябр. Польским войскам удалось удержать Пружаны в своих руках. В боях за город было взято около 2 тысяч пленных, 28 пулеметов и много военного снаряжения.

В боях за Кобрин и Пружаны против частей польской 4-й армии российская 4-я армия понесла большие потери, истратила много боеприпасов. Не достигнув цели, она вынуждена была перейти к обороне по линии Пружаны — Городец (местечко в 25 км восточнее Кобрина).

Пока российские войска занимали оборонительные позиции возле Городца, 16-я польская пехотная дивизия (она же Поморская) готовилась к продолжению наступления в этой местности. Командир 16-й дивизии полковник Казимир Ладось перегруппировал свои части для удара на Городец, взятие которого открывало польским войскам путь на Пинск.

Утром 21 сентября началось наступление на Городец, однако первая атака была отбита. Вторая атака польской штурмовой группы около 14 часов, поддержанная огнем артиллерии, закончилась более успешно. Российские части были отброшены за Днепровско-Бугский канал. 22 сентября шла артиллерийская перестрелка.

Наступление польского 66-го пехотного полка началось на рассвете 23 сентября после пятиминутной артиллерийской подготовки.

Но она захлебнулась вследствие упорной обороны частей 57-й СД. Тогда полковник Ладось направил к Городцу 63-й пехотный полк, который вечером захватил мост под Мехведовичами и переправился на восточный берег канала. В ночь с 23 на 24 сентября этот полк начал окружать Городец.

24 сентября к 16 часам 66-й полк смог захватить небольшой участок на восточном берегу канала. Но занять город удалось только к вечеру, и то благодаря тому, что российские подразделения сами покинули его. В боях за Городец 66-й полк понес большие потери — 350 солдат, а 63-й — свыше 120, в том числе и командир полка*.

Захват Кобрина и продвижение польских войск в Полесье далее на восток создало угрозу выхода их с севера в тыл российской 12-й армии, которая вела бои на Волыни.

Главное командование Красной Армии непрестанно требовало от командующих фронтами и армиями «отстаивать занятую ими территорию». Российские войска оказывали ожесточенное сопротивление полякам, но вынуждены были отступать.

В то же время председатель РВС РСФСР Троцкий в своем приказе № 242 от 24 сентября, переданном шифровкой в штабы Западного и Юго-Западного фронтов, сообщил, что Всероссийский ЦИК 23 сентября постановил обратиться к польскому правительству с предложением заключить в 10-дневный срок перемирие и подписать основные условия мира. При этом для избежания зимней кампании правительство шло на значительные уступки**. Добавим — за счет территории Белоруссии.

Таким образом, командующие фронтами и их штабы были избавлены от необходимости разработки новых операций наступательного характера. От них требовалось теперь сдать противнику, по возможности, как можно меньше белорусской и украинской территории, а также сохранить, тоже по возможности, живую силу своих войск.

После захвата Лиды и Слонима главнокомандующий Пилсудский в ночь с 28 на 29 сентября отдал приказ своим 2-й и 4-й армиям о продолжении преследования противника. Он поставил им задачу окружить и уничтожить большевистские армии в районе Новоельня — Новогрудок — Барановичи. 2-й армии было приказано двигаться на Новогрудок, а 4-й — на Барановичи. Пилсудский придавал большое значение этой фазе операции, так как в Риге уже начались советско-польские переговоры о перемирии. Захват новых

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920, s. 149.

** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г., с. 383–384.

территорий с одновременным разгромом российских армий стал бы наилучшим аргументом в ходе переговоров.

В Полесье продвигались на восток 16-я дивизия 4-й польской армии и 18-я дивизия генерала Ф. Краёвского, которая 27 сентября заняла Иваново (Янов-Полесский). Были также заняты Хомск и Дрогичин. В Иванове попали в плен штабисты 55-й и 5-й российских стрелковых дивизий. На следующий день польские войска достигли реки Ясельды, левого притока Припяти.

Кроме того, в Полесье действовал Белорусский особый отряд генерала Станислава Булак-Балаховича (1800 штыков, 800 сабель, одна батарея). Отряд совершал смелые конные рейды партизанского характера. Так, 15 сентября 1920 года Булак-Балахович прорвался с юга через позиции российских войск и захватил город Камень-Коширский. Его трофеями стали артиллерийская батарея, около 500 повозок с лошадьми, много снарядов. В плен попали до 1000 красноармейцев. 22 сентября возле Любешова (Пинский уезд) отряд Балаховича разбил 88-й красный стрелковый полк. Целый батальон этого полка попал в плен.

26 сентября отряд прорвался к железной дороге Брест — Пинск и разрушил пути у станции Молотковичи (12 км западнее Пинска). В тот же день Булак-Балахович внезапно атаковал Пинск, где находился штаб 4-й армии и к 16 часам взял город. В плен попала часть штаба 4-й армии, за исключением командарма Шуваева, начальника штаба и члена реввоенсовета, которые успели бежать. В плен сдался почти весь гарнизон Пинска (около 2400 человек), были захвачены склады с продовольствием и обмундированием, 280 вагонов со снаряжением, 3 локомотива. Управление 4-й армией было временно нарушено*.

Пилсудский поставил своей 2-й армии задачу по захвату важного железнодорожного узла Молодечно и выходу к Западной Двине. 4-й армии была поставлена задача продолжать движение в минском направлении. Наступление продолжалось по всему фронту. До 1 октября 1920 года польские войска за неделю наступления отбросили российские части на 100—150 километров.

Тухачевский вечером 28 сентября направил командующим армиями своего фронта новую директиву, которой предписал дальнейшее отступление. Ко 2 октября их войска должны были отойти на линию старых русско-германских окопов и там остановить наступление

* Подробнее о действиях Булак-Балаховича говорится в главе 15.

противника. Эта линия проходила следующим образом: Западная Двина — Браслав — Поставы — Мядель — Сморгонь — Кореличи — Ляховичи и далее на юг.

Главком Каменев в Москве, и Тухачевский в Смоленске были настроены оптимистично, считая войска Западного фронта вполне боеспособными. Член Реввоенсовета Западного фронта И.Т. Смилга, который вместе с Тухачевским посетил ряд дивизий на фронте, придерживался иного мнения. Это видно из разговора по прямому проводу между всеми тремя в конце сентября (точная дата разговора в документах не указана).

Смилга полагал, что «настоящей боевой силы у дивизий безусловно нет». Происходящие бои он расценил как боевое крещение пополнения; он считал, что «без серьезной поддержки новыми дивизиями мы для серьезной операции сейчас не способны». Он также считал невыгодной для советской стороны сложившуюся группировку польских и советских сил*. Прав оказался комиссар Смилга, а не командующие. Удержаться в немецких окопах российские войска не смогли.

Тогда Тухачевский своей директивой от 3 октября дал указание командующим армиями снова отвести войска. Командарму-3 к вечеру 4 октября отвести левый фланг его армии на линию Сморгонь — Городилово — Городок (западнее и южнее Молодечно); 15-й армии отойти на линию Городок — Волма — Койданов (западнее Минска) — устье реки Жесть (севернее Узды); 16-й армии — от устья реки Жесть (севернее местечка Узда) до местечка Семежово (южнее Копыля); 4-я армия должна была обороняться по рекам Морочь и Случь. А в течение 5 октября армии Западного фронта должны были отойти еще дальше на восток и занять линию: озеро Нарочь — Сморгонь — Молодечно — Красное — Заславль — Самохваловичи — Лоша — Романово (25 км западнее Слуцка) — Старобин — река Случь до ее устья — Симановичи**.

В дальнейшем командующие занимались не столько военными вопросами, сколько политическими. Директива Тухачевского вызвала возражения главкома Каменева, который 5 октября в 2 часа 30 минут ночи передал ему свой приказ:

> «Ваша директива от 3 октября за № 326 об отходе армий фронта на рубеж, намеченный вами на 5 октября, в сильной степени осложняет обстановку, складывающуюся в Риге при заключении мирного договора. В данное время необходимо удержать, во что бы то ни ста-

---

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г., с. 397.

** Там же, с. 398.

Линия фронта
- — — на 25.08.20
- —— на конец 09.20
- • • • • на 15.10.20
- —ı—ı— "Линия Керзона"

Наступление польских войск в сентябре — октябре 1920 г

ло, возможно больше занимаемой нами территории и в особенности г. Минск, между тем оборона которого вами переносится в непосредственную близость к нему.

В виду изложенного приказываю, выводя часть дивизий в глубокие резервы, прочими силами не только сдерживать наступление противника и не отходить, особенно к северу от Минска, где противник не давит, но принять все меры к восстановлению положения под Столбцами, упорно защищая направление на Минск и подступы к последнему»*.

Тухачевский, выполняя приказ главкома, ввел в действие свой резерв — 27-ю СД. 7 октября он приказал этой дивизии прикрыть ближние подступы к Минску, выйдя на фронт Ратомка — Новый Двор — река Птичь до местечка Самохваловичи (20 км южнее Минска). А 3-й и 16-й армиям он приказал перейти в наступление и дойти до озера Нарочь и города Сморгонь, а также продвинуться на юге.

Но как раз в начале октября польские армии усилили темп наступления, поэтому директивы российских военачальников оказались невыполненными. Польские войска по тем же причинам (переговоры в Риге) особенно усилили темп наступления на северном направлении. Пилсудский решил захватить Вильню, территорию восточнее железной дороги Вильня — Лида — Барановичи — Лунинец, а также создать обширный коридор между Литвой и российскими войсками, начиная от Молодечно**.

С 1 по 9 октября 4-я польская армия в центре Белоруссии вела наступление по несколько изменившимся направлениям. 15-я дивизия наступала через Молчадь (северо-западнее Баранович) на Мир; 14-я дивизия — через Барановичи на Клецк и Несвиж; 11-я дивизия — вдоль Слуцкого шоссе. 3 октября дивизии 4-й армии заняли линию Мир — Несвиж — Клецк — река Лань.

Польские сводки в начале октября 1920 года постоянно упоминают о множестве пленных. Красноармейцы из отступавших частей окончательно утратили желание сражаться. А некоторые части попадали в окружение. Так, 2 октября 144-я стрелковая бригада, не успев отойти, под Городищем (севернее Баранович) попала в плен вместе со своим штабом. 4 октября в районе Мира польские войска захватили 5 орудий, 8 пулеметов, бронепоезд и 300 пленных. В районе местечка Снов (западнее Несвижа) было взято 500 пленных.

Продвигаясь на север, 7 октября войска 2-й польской армии заняли Ошмяны и Солы, вблизи литовской границы, а 12 октября — Молодечно.

---

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г., с. 398.

** Kutrzeba T. Bitwa nad Niemnem, s. 290.

ПОСЛЕДНИЕ БОИ

В этот день (12 октября) в Риге было заключено перемирие, но Пилсудский использовал условие документа, согласно которому польские войска могли наступать еще 6 дней. Он приказал идти дальше. На следующий день польские части заняли Вилейку. При этом 13 и 14 октября польская конница севернее Радошкович взяла в плен более 5 тысяч красноармейцев. 14 октября северо-восточнее Вилейки польская кавалерия нанесла поражение советской 6-й СД. 15 октября поляки заняли местечки Кривичи и Долгиново северо-восточнее Вилейки.

Польские войска занимали «свою» территорию, ссылаясь на договор о перемирии и предварительных условиях мира, передававший Польше северную часть Западной Белоруссии. 18 октября польские подразделения полностью вышли севернее Минска на линию, определенную перемирием*.

Несмотря на заключение перемирия, боевые действия продолжались и в районе Минска. Высшее командование РККА требовало не уступать врагу «ни пяди земли». Но у рядовых красноармейцев было совсем другое настроение. Командир 27-й «железной» (или Омской) стрелковой дивизии В.К. Путна позже написал об этом в своей книге «К Висле и обратно»:

> «Того же 7-го октября директивой командарма сообщалось, что 8 октября состоится подписание перемирия и предварительных условий мира с поляками, при чем перемирие должно было вступить в силу лишь 18 октября. Свободу действий на эти 10 дней поляки обусловливали себе, очевидно, в целях оттеснить нас возможно дальше на восток.
>
> Перед нами встала задача: за эти 10 дней возможно меньше территории уступить полякам, а то и самим потеснить их, где можно. Но тут во всей сложности встал и другой вопрос: будет ли красноармейская масса, состоящая, например, в нашей дивизии в значительной части из уроженцев Сибири, драться в эти 10 дней, сознавая, что за это время поляки даже в худшем случае могут дойти только до Березины или Днепра.
>
> 10 октября противник на участке дивизии не появлялся... Что делают поляки, где их силы, какова их численность к ночи на 11 октября, — мы просто не знали. Наша авиация и в это время ничем нам не помогла (вернее — ее работы не было вовсе), а средствами дивизии мы сами ничего серьезного для выяснения обстановки не предприняли.

---

* Pierwsza wojna polska (1918—1920)., s. 305—309.

Поэтому-то, когда 11 октября, еще до рассвета, противник в Койдановском районе навалился на нас крупными силами, это было для нас большой неожиданностью и повлекло за собой некоторую растерянность полков, первыми подвергнувшихся нападению»*.

Польский генерал Тадеуш Кутшеба писал о боях 10–12 октября:

«Особенно ожесточенные бои шли под Койдановом 10 октября, где неприятель ввел в бой значительные резервы, опасаясь, видимо, польского наступления на Минск. Несколько раз польские части переходили в контратаки, отбивая утраченный Койданов. Об ожесточении боев в этот день свидетельствует то, что 14-я и 15-я дивизии пехоты потеряли около 200 раненых и убитых, противник же 700 пленных и около 600 убитых»**.

12 октября 4-я польская армия находилась на линии Койданов — Узда — Слуцк. 13 октября 1-я пехотная дивизия Легионов перешла в район Радошковичи — Семково (15–30 км севернее Минска). Одну из пехотных бригад польское командование выдвинуло на реку Ратомка (14 км от Минска). Город не был атакован лишь потому, что командование 2-й польской армии не позволило занять Минск (по условиям перемирия можно было продвигаться только южнее Минска). Но даже это приближение к Минску заставило российское командование отвести свои главные силы восточнее, за реку Птичь. Тогда польское командование, желая отодвинуть войска противника еще дальше на восток, подготовило удар на Минск.

55-й Познаньский пехотный полк 15 октября с юга подошел к Минску со стороны пригородных деревень Сенница и Колядичи. Командовал им подполковник Густав Пашкевич***.

Перейдя через железнодорожные пути Минск — Бобруйск, российские части, отступавшие из Минска на Могилевское шоссе, наткнулись на левое крыло 1-го батальона 55-го полка, однако были отбиты огнем пулеметов и 14-го полка полевой артиллерии, сопровождавшего 55-й полк. Дальнейшее движение полка в Минск происходило без препятствий. Полк вошел в город со стороны предместья Козырево. Особый отряд полка (12-я рота, подофицерская школа и 4-я пулеметная рота) под командованием поручика Вильгельма Пашкевича получил приказ обойти Минск с севера и занять

---

* Путна В. К Висле и обратно. Москва, 1927, с. 224–226.

** Kutrzeba T. Bitwa nad Niemnem, s. 308.

*** Г. Пашкевич (1892–1955) родился в Лидском уезде (Белоруссия), подполковник российской армии. Затем служил в I-м Польском корпусе в России, в 1918 был комендантом Рогачева. Далее служил в польской армии, в 1939 получил чин бригадного генерала, участвовал в боях с немцами, пробрался во Францию, после воевал на Ближнем Востоке, служил в польской армии в Англии. В июле 1945 вернулся в Польшу и служил в Войске Польском.

позиции северо-западнее города в районе Кальварии. А 3-й батальон полка предпринял штурм города.

Красные командиры не знали, какой силой располагает противник, поэтому их подразделения стали беспорядочно покидать город в восточном направлении, по Могилевскому шоссе. Уличных боев не было. Ограничились перестрелкой*. Мимо Кальварии шли на восток обозы 79-й бригады. Отряд поручика В. Пашкевича все их захватил. В Минске были захвачены 15 пулеметов, взяты в плен несколько сотен красноармейцев.

Российские части отошли от Минска на 8 верст по Могилевскому шоссе и там остановились. Отряд Пашкевича и 1-й батальон заняли позиции с севера, востока и юга, а 2-й и 3-й батальоны Познаньского полка разместились в городе. Штаб 55-го полка разместился в гостинице «Париж» на углу улиц Захарьевской и Петропавловской (ныне угловой дом на пересечении проспекта Независимости и улицы Энгельса). В этой гостинице еще за полчаса до ее захвата находился штаб красной стрелковой бригады, успевший своевременно уехать. Путна отмечал, что «отступавшая с запада 79-я стрелковая бригада провела несколько стычек в городе»**.

Но, поскольку Минск по договору о перемирии и предварительных условиях мира оставался в составе ССРБ, командир 55-го полка получил приказ покинуть город и отступить на запад. 17 октября, пробыв в городе двое суток, полк ушел из Минска. Он увел с собой освобожденных в городе польских пленных, выпущенных из тюрьмы и подвалов ЧК арестованных «классовых врагов», всех желавших уйти местных жителей, а также пленных красноармейцев. Поэтому при отходе на запад впереди полка шли огромные колонны гражданских лиц***.

Этот несколько странный рейд на Минск и оккупация его с 15 по 17 октября 55-м Познаньским полком 14-й дивизии был осуществлен по инициативе 2-го отдела (разведки и контрразведки) генштаба Войска Польского. Дело в том, что в июле 1920 года, при отступлении польской армии, были спрятаны в тайник списки польской агентуры и другие секретные материалы. Теперь офицерам «двуйки» удалось благополучно извлечь их и доставить в Варшаву****.

Бои произошли в районе Слуцка. 17-я СД (из 16-й армии) 5 октября отошла на линию Греск — Браново — Селище (8 верст запад-

* Jasionek S. Zarys historii wojennej 55-go Poznanskiego pułku piechoty. Warszawa, 1928, s. 23—24.

** Путна В. К Висле и обратно. М., 1927, с. 232.

*** Jasionek S. Zarys historii wojennej 55-go Poznanskiego pułku piechoty. Warszawa, 1928, s. 24.

**** Kumaniecki J. Pokoj polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985, s. 54.

нее Слуцка) — Погост. На ее позиции наступали части 11-й польской пехотной дивизии (32-й, 46-й, 47-й и 48-й полки, плюс полк легкой артиллерии). За 11-й дивизией в качестве резерва находилась 16-я пехотная дивизия*. Слуцк обороняли 49-я и 51-я бригады 17-й стрелковой дивизии.

После уличных боев к вечеру 11 октября 21-я пехотная бригада (из 11-й дивизии) заняла Слуцк. Но российское командование решило отбить этот важный пункт, и на следующий день, 12 октября 431-й стрелковый полк при поддержке трех броневиков попытался взять город. В результате контратаки польских подразделений красный полк был выбит. Части 17-й СД после упорных боев были оттеснены к 18 октября на линию в 25 верстах восточнее Слуцка**.

Военные действия продолжались и на юге Белоруссии. 13 октября польские войска захватили Туров, 16-го — Житковичи и Домановичи, а к 18-му октября они были уже в Копцевичах на реке Птичь.

Польские войска намеревались вытеснить части Западного фронта за реку Березину. Для этого были сосредоточены три группы. Наиболее сильная (1-я пехотная дивизия, 2-я и 4-я кавалерийские бригады) находилась в районе Молодечно — Вилейка, имея задачу обойти Минск с севера и выйти к Полоцку. Вторая группа (11-я и 16-я пехотные дивизии) располагалась в районе Слуцка, с целью выхода к Бобруйску. Третья группа (14-я и 15-я Великопольские дивизии) стояла в районе местечка Койданов для захвата Минска с юга и выхода к Борисову. Общей целью польского наступления являлось восстановление тех позиций, которые они занимали до июльского наступления войск Западного фронта***.

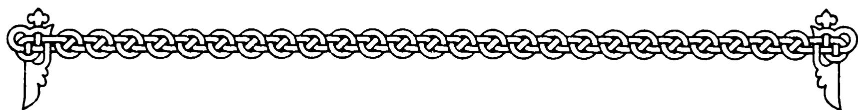
Но 15 октября 1920 года официально было объявлено о перемирии, а 18 октября в 24 часа военные действия прекратились.

---

* Encyklopedja wojskowa. Tom VII. Warszawa, 1939, s. 521–522.

** «Красная газета», № 235, 20 октября 1920 г.

*** ИСО XVI, с. 148.

Часть IV

ОТ ВОЙНЫ К МИРУ

Глава 13

ЭПОПЕЯ СО «СРЕДНЕЙ ЛИТВОЙ»

ВИЛЕНСКИЙ ВОПРОС ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 1920 г.

Осенью 1920 года перед окончанием военных действий на Западном фронте решался и вопрос о государственной принадлежности Вильни. В Российской империи этот город был центром Северо-Западного края, как называли официально в царской администрации Литву и Белоруссию.

Бывшая столица Белорусско-Литовского государства (Великого княжества Литовского), Вильня являлась не только административной, но также культурной и политической столицей Литвы и Белоруссии. Здесь до мировой войны находились штаб-квартиры политических и национальных организаций. Вовсе не Минск, а Вильня была центром белорусского культурного движения. И только немецкая оккупация осенью 1915 года заставила многих белорусских деятелей перенести свою деятельность в Минск. Но и во время немецкой оккупации Вильня продолжала оставаться вторым (а впоследствии в Западной Белорусси основным) центром белорусского политического и национально-культурного движения.

В то же время польская и ополяченная часть населения Вильни считала ее составной частью прежней федеративной Речи Посполитой. Польское население представляло в основном горожан, интеллигенцию, помещичьи круги, оно было связано с политическими силами Польши. Белорусы, католики и православные, составляли большинство сельского населения Виленской губернии. В городах Белоруссии и Литвы евреи составляли относительное, а в местечках часто и абсолютное большинство населения.

На Виленщине проживало очень мало литовцев, менее 5% населения. В Вильне и ее окрестностях — еще меньше. Но при создании независимого Литовского государства литовские политические круги выдвинули требование ко всем странам передать им Вильню как историческую столицу давнего ВКЛ. Отсюда и возник конфликт между Литвой и Польшей и, в меньшей степени, между Литвой и Белоруссией.

Советское правительство Ленина, скептически относившееся к вопросу о границах вообще, так как он противоречил идее пролетарского интернационализма и мировой революции, использовало Виленский вопрос в своих целях. При заключении российско-литовского мирного договора 12 июля 1920 года Совнарком РСФСР отдал Литве белорусскую территорию Виленской и части Гродненской

губернии (правда, лишь на бумаге). Таким путем большевики хотели приобрести союзника против Польши. И действительно, Литве удалось занять Вильню, когда ее покинули войска Западного фронта.

Но конфликт из-за Вильни продолжался. Польша не собиралась от нее отказываться. Виленщина была родиной самого Юзефа Пилсудского, происходившего из ополяченного белорусского шляхетского рода из небольшого имения Зулов (Зулава). Он хорошо знал белорусский язык, о чем свидетельствует его речь на белорусском языке в Минске в сентябре 1919 г. После ареста царской полицией в 1897 году он в протоколе допроса назвал себя человеком белорусской национальности. Да и сама программа создания федерации Польши, Белоруссии и Украины свидетельствует о более реалистичном подходе начальника государства к решению национального вопроса, чем у его политических противников.

В конце 1920 года эта программа предусматривала создание трех республик — Западной Литвы, или Жмуди (столица в Ковно), Средней Литвы (столица в Вильне) и Восточной Литвы (столица в Минске). Средняя Литва — это северо-западная часть Белоруссии, здесь преобладало польское и белорусское католическое население. В Восточной Литве в деревнях преобладало белорусское православное население, а в городах большинство составляли поляки и белорусы-католики. Следует напомнить, что в XIX веке все эти три региона российские власти тоже называли Литвой, в противоположность Белоруссии — Витебской, Смоленской и Могилевской губерниям.

Имея своим противником большевистскую Россию, руководящие круги Польши (в том числе и Пилсудский) стремились уладить польско-литовский конфликт, тем более, что они подвергались дипломатическому нажиму стран Антанты в этом вопросе. Но с другой стороны, Пилсудский и польские политические партии не собирались отказываться от Вильни и Виленского края, население которых в значительной степени симпатизировало Польше и было настроено против вхождения в состав Литвы. О том же свидетельствует существование в польской армии двух Литовско-Белорусских дивизий, пополнявшихся уроженцами Виленского края.

На международных конференциях в 1919–20 гг. делегации Польши и Литвы встречались, вели переговоры, но разрешить конфликт не смогли. Ни одна из сторон не соглашалась на уступку Вильни другой стороне.

Еще 8 декабря 1919 года Высший совет Антанты утвердил польско-литовскую демаркационную линию, предложенную французским маршалом Ф. Фошем 18 июля. Эта линия проходила в 12 километрах западнее железнодорожной линии Двинск — Гродно, далее по Неману и реке Черная Ганьча до границы с Восточной Пруссией. В результате Вильня и Сувалки оставались на польской стороне.

Правительство Литвы сочло данную линию не соответствующей интересам своей страны и не признало ее.

Как уже сказано выше, 26 августа в Вильню вошли литовские войска. Теперь уже литовские власти не торопились выполнять свои обещания о введении белорусского самоуправления в Вильне и прилегающем районе. В связи с этим министр белорусских дел Д. Семашко получил вотум недоверия от съезда белорусских организаций в Вильне, но в отставку не ушел, заявив, что он является представителем литовской администрации, а не белорусской.

Летом 1920 года конфликт между Литвой и Польшей разгорелся заново. Спорную территорию советское правительство России по договору от 12 июля 1920 года передало Литве, в том числе Вильню, Гродно и Лиду.

4 июля 1920 года Польша признала Литву «де факто», что означало право Польши выдвинуть территориальные претензии. Но 10 июля на международной конференции в Спа, под нажимом английского правительства, ей пришлось отказаться от Вильни в пользу Литвы, за что она получила военную помощь от Англии. Однако уже в конце августа произошли новые столкновения между польскими и литовскими войсками в районе Сейн, Сувалок и Августова. Этому конфликту уделила внимание Лига Наций. 5 сентября она обратилась к правительствам Литвы и Польши с призывом прекратить военные действия и приступить к мирным переговорам по вопросу о принадлежности Вильни и Виленщине.

Непосредственные переговоры между делегациями Литвы и Польши под надзором Лиги Наций состоялись 16–18 сентября в местечке Кальвария на самом юге Литвы. Однако результатов они не дали. Польские делегаты обвинили Литву в помощи Красной Армии. Польская делегация настаивала на отводе литовских войск за демаркационную линую (линию Фоша). Литовская сторона не признавала этой линии. В крайнем случае, литовская делегация соглашалась отвести свои войска за эту линию, но при условии, что и польские войска отойдут на такое же расстояние. В нейтральной полосе предлагалось организовать гражданскую администрацию на основе двустороннего соглашения. Польская делегация отвергла это предложение, даже не вступая в дискуссию. На том и разъехались*.

К концу сентября 1920 года Лига Наций настояла, чтобы обе стороны все-таки сели за стол переговоров и пришли к соглашению. Под натиском стран Антанты польское руководство согласилось. При участии контрольной комиссии Лиги Наций в Сувалках с 30 сентября по 7 октября шли переговоры между литовской и польской делегациями. Польская сторона пошла на значительные уступки.

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 144–145.

Обе стороны 7 октября в 24 часа подписали в Сувалках перемирие, а сама мирная конференция закончилась в 2 часа ночи 8 октября.

Соглашение о перемирии устанавливало новую демаркационную линию между литовскими и польскими войсками, но в первом его пункте оговаривалось, что линия «ни в чем не предрешает территориальных прав каждой из договаривающихся сторон».

Демаркационная линия прошла по территории Сувалковской губернии от прусской границы по «линии Фоша», затем по Неману до реки Мечечанки (Меркис), далее по Мечечанке до местечка Ораны (Варена) с оставлением местечка на литовской стороне, а железнодорожной станции — на польской. Потом демаркационная линия шла вдоль тракта Ораны — Эйшишки — Бастуны (25 км севернее Лиды). При этом сам тракт и железнодорожная станция Бастуны оставались на польской стороне. В Бастунах демаркационная линия обрывалась. Это означало, что Вильня остается у литовских властей. Военные действия между литовскими и польскими войсками прекращались западнее деревни Потурце (на дороге Ораны — Эйшишки). А на участке между Потурце и Бастунами военные действия прекращались только после отхода российских войск восточнее железной дороги Лида — Вильня.

Предложение об отсрочке перемирия на этом участке было специально включено в соглашение по предложению польской стороны, чтобы обеспечить свободу действий войскам генерала Желиговского. В примечании говорилось, что отдельное соглашение о перемирии на этом участке будет подписано после ухода российских войск, находившихся в данном районе. Стороны согласились на обмен военнопленными. Соглашение о перемирии вступало в силу 10 октября 1920 года в 12 часов дня и должно было действовать до момента решения территориальных споров между польским и литовским правительствами*.

Таким образом, Вильня оставалась за Литвой, а в самом городе уже располагалось литовское правительство и государственные учреждения. Под литовской юрисдикцией осталась и территория южнее Вильни на 50 километров, и восточнее на 80 километров. Но обрыв демаркационной линии в Бастунах оставлял польским войскам открытой с юга дорогу на Вильню.

Пилсудский не хотел заключать перемирие с Литвой, однако польское правительство было вынуждено подписать его под нажимом стран Антанты. Поэтому Пилсудский стал готовить поход на Вильню тайным образом. Письменного приказа о походе он не отдавал, да и вообще любил обходиться без лишних документов. Он часто отдавал устные приказы и поручения подчиненным.

---

*Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 172–173.

ПОДГОТОВКА ПОХОДА НА ВИЛЬНЮ

Многие польские военнослужащие открыто говорили о том, что надо захватить Вильню, сделать этот город польским силой оружия. Особенно возмущались требованием литовской делегации передать Вильню Литве уроженцы Виленской губернии, служившие в 1-й Литовско-Белорусской дивизии (где, напомним, литовцев не было совсем, а в основном служили белорусы-католики). Антилитовские настроения были распространены и среди жителей Вильни и Виленского края. Они не хотели присоединяться ни к буржуазной Литве, ни к советской. Все это учел Пилсудский, когда готовил акцию своих войск.

Штаб-квартира Пилсудского как главнокомандующего находилась в Белостоке. 4 октября к нему в Белосток прибыла военная комиссия стран Антанты получить объяснения насчет слухов о походе польских войск на Вильню. На вопрос, что будет с Вильней, Пилсудский ответил:

> «Не предвижу марш на Вильно, но не могу ручаться, что провокация литовцев не приведет к этому. Особенно дивизия, которая действует возле Лиды, состоит из жителей этих земель. Если бы я не был начальником государства, а действовал бы как военный, то занял бы Вильно неделю тому назад».

Пилсудский рассчитывал на 1-ю ЛБД, закаленную в кампаниях 1919–20 годов. Эта дивизия отличалась не только высоким боевым духом, но и желанием солдат и офицеров отстоять свою родную землю от попыток захвата другим государством. Численный состав дивизии значительно превышал штат любой другой польской дивизии.

30 сентября 1920 года в своей штаб-квартире в Белостоке Пилсудский встретился с командиром 10-й пехотной дивизии генералом Люцияном Желиговским и провел с ним секретную беседу. Пилсудский представил генералу план занятия Вильни и восстановления исторической Литвы, отдельной от Ковенской Литвы (Жмуди). Люциян Желиговский сам был уроженцем Ошмян (город в Виленской губернии), он принял предложение Пилсудского. Командующий сказал ему:

> «Может прийти минута, когда Вы будете иметь против себя не только мнение всего мира, но и Польши. Может наступить момент, что даже я буду вынужден пойти против Вас. Нужно будет взять все на себя. Это я не могу Вам приказать. Такое не приказывают»*.

---

* Żeligowski L. Zajęcie Wilna w roku 1920 /Żeligowski L. Zapomniane prawdy. Londyn, 1943, s. 34–35.

Желиговский тут же ответил, что берет все на себя. Было решено войти в Вильню, уже имея при штабе дивизии в Воронове сформированное временное правительство.

Готовя поход на Вильню, Пилсудский 2 октября 1920 года встретился в Лиде, где квартировала 1-я ЛБД, с ее командиром генералом Яном Жондковским и предложил ему предварительно устроить «бунт» против него, Пилсудского, а затем вопреки приказам главнокомандующего повести дивизию на Вильню. Жондковский спросил: «Это приказ, пан маршал?» Пилсудский ответил: «Нет, это не приказ, я Вам этого приказать не могу. Это Вы должны взять под собственную ответственность. Согласны ли Вы?» Жондковский ответил: «Так точно, пан маршал!»

Жондковский после разговора с главнокомандующим вышел грустный, но в походе все же принял участие. Потом он часто жаловался на этот «бунт»:

> «Тридцать лет служу, а теперь должен бунтовать. Не имею ничего общего с вашей Вильней, я родом из Конгресувки» * (основной части Польши).

Командиром оперативной группы для захвата Вильни Пилсудский назначил Люциана Желиговского, опытного командира, участвовавшего еще в русско-японской войне 1904—05 годов. У Желиговского колебаний не было. Он сам хотел отобрать свой родной край у литовской армии.

В группу Желиговского вошли: 1-я Литовско-Белорусская пехотная дивизия (Виленский, Минский, Гродненский и Новогрудский пехотные полки, полк полевой артиллерии, дивизион конных стрелков), 1-я саперная рота 19-го саперного батальона, батальон охраны майора Матчынского, пехотная группа майора М. Зындрам-Косьцялковского**. Всего же под командованием Желиговского находилось около 14 тысяч офицеров и солдат. По тем временам это была не дивизия, а целая армия.

О смене командования Пилсудский оповестил офицеров дивизии на совещании 2 октября в Лиде, куда приехал, чтобы вручить награды солдатам и офицерам:

> «Вы из тех сторон, у вас в руках оружие, вы идете домой. В Вильне есть молодежь. Она понимает, она вам поможет. За ваши действия не могу взять ответственность на себя как главнокомандующий польского государства, ни дать вам приказ. Сделаете это на

* Skaradziński B. Polskie lata 1919—1920. Tom 2., s. 396.

** Opanowanie Wilna i utworzenie Litwy Środkowej /Encyklopedia Wojskowa. Tom V. Warszawa, 1936, s. 95.

собственный риск и ответственность. Генерал Желиговский приедет и примет командование»*.

Таким образом, Пилсудский официально устранился от готовившейся акции. Но он хотел выразить свою позицию, поэтому прислал своего племянника, поручика Чеслава Каденацего, на должность адъютанта командира дивизии. Всем стало понятно, что маршал поддерживает акцию.

5 октября была создана 3-я польская армия под командованием генерала В. Сикорского. В нее вошли оперативная группа генерала Желиговского, группа генерала А. Осинского, 4-я пехотная дивизия и 3-я кавалерийская бригада. Новая 3-я армия должна была в случае серьезного конфликта отвлечь на себя литовскую армию к югу и юго-западу от Вильни. 2-я же армия, продолжавшая наступление на север в Западной Белоруссии, должна была отразить возможный удар войск Западного фронта РСФСР на Вильню, с целью помощи литовской армии**.

Впрочем, Тухачевскому и главному командованию Красной Армии было не до ударов. Требовалось вывести на восток свои войска, утратившие боеспособность.

6 октября генерал Желиговский передвинул ЛБД в район Вороново — Бенякони — Бутриманцы (юго-западнее Ошмян). В район Эйшишек подошла и часть добровольческой дивизии под командованием майора Мариана Косьцялковского, которая тоже должна была участвовать в походе.

После совещаний в Белостоке (в штабе главнокомандующего), в Гродно (в штабе 3-й армии) и в Лиде (в штабе 1-й ЛБД) план операции был готов.

Утром 7 октября на совещании офицеров 1-й ЛБД Желиговский сообщил им, что дивизия вместе с другими частями, под его общим командованием, пойдет на Вильню. Затем генерал уехал в Эйшишки, где находились добровольческие части и сообщил их офицерам то же самое. Несколько офицеров из добровольческой дивизии и 216-го полка полевой артиллерии отказались участвовать в акции без приказа главнокомандующего, были отстранены от службы и отосланы в штаб армии***.

Перед началом похода Желиговский встретился в Гродно с будущим правительством во главе с местным деятелем Витольдом Абрамовичем, так как сразу после занятия города должна была начать действовать Правительственная комиссия.

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 2. Warszawa, 1993. S. 396.
** Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920, s. 436.
*** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 177.

Начало акции было намечено на период до вступления в силу перемирия между литовскими и польскими войсками, подписанного в Сувалках 7 октября. Перемирие должно было начаться 9 октября, и для наблюдения за его выполнением вот-вот должна была прибыть в Вильню контрольная комиссия Лиги Наций.

Генерал Желиговский в своих мемуарах писал:

> «Настроение было неоднозначным. Если виленцы и люди с крэсов (Западной Белоруссии. — *Авт.*) ждали похода с радостью, то поляки из Галиции и Королевства (бывшей российской, центральной и восточной части Польши. — *Авт.*) не имели никакой охоты воевать за чужую для них Вильню»*.

Выступление было намечено на утро 8 октября. Предполагалось занять Вильню до прибытия комиссии Лиги Наций, поставить Польшу, Литву, Белоруссию, Россию, страны Европы, Лигу Наций и самих жителей Вильни и Виленского края перед свершившимся фактом. Желиговский позже вспоминал:

> «Накануне марша на Вильно, в Воронове, были мы не только поляками, мы были литвинами. Это были наше право и обязанность... Но в умах некоторых офицеров и солдат появились колебания. Вильня уже в Спа почти совсем была отдана жмудинам (так называли литовцев, жителей западной и центральной части Литвы — Жмуди, или Жемайтии. — *Авт.*), воинская лояльность возмущалась при мысли о действия вопреки приказу. ... Бессонная ночь с 7 на 8 октября была одна из самых тяжелых в моей жизни. ... Но еще перед рассветом все сомнения исчезли. Была только одна дорога и одна правда — идти на Вильно. Перед рассветом издал приказы о начале марша и сам выехал по дороге на Яшуны».

Желиговский ожидал, что к Вильне будет стянута вся литовская армия — три дивизии, конница и артиллерия — и подготовил свои войска к бою.

8 октября около 6 часов утра части Желиговского двинулись к Вильне тремя колоннами, с общей полосой наступления в 20 километров. До Вильни было около 50 километров. Группа майора Мариана Косьцялковского (201-й пехотный полк из добровольческой дивизии, переименованный в 6-й Виленский полк, дивизион 216-го полка полевой артиллерии и кавалерийский дивизион) двинулась из района Бенякони — Эйшишки, с выходом западнее города. Эта группа должна была занять железнодорожную линию западнее станции Ландварово и не допустить доставки литовских подкреплений по линии Ковно — Вильня.

---

* Żeligowski L. Op. cit., s. 36.

В центре наступавших войск находилась 1-я бригада ЛБД (Виленский и Минский полки). Она двигалась вдоль дороги от Беняконі на север, на Яшуны — Рудомина и должна была выйти к Вильне с юга. Правее ее шла 2-я бригада ЛБД (Гродненский и Новогрудский полки) с дивизионом конных стрелков. Они шли через Тургели по дороге на Неменчин и должны были войти в Вильню с юго-востока*. Пилсудский хотел, чтобы в Вильню первым вошел именно Виленский полк Литовско-Белорусской дивизии.

В самом городе и южнее него находились немногочисленные подразделения литовской армии. Литовское командование вполне допускало вероятность того, что польские войска, которые в апреле 1919 года уже занимали Вильню, снова попытаются захватить этот город. Однако к обороне должным образом литовские части не подготовились.

В полосе наступления группы Желиговского находились два батальона 4-го пехотного полка литовской армии: 1-й батальон в районе Солечники (Шальчининкяй), и в Яшунах 2-й батальон. Поблизости, в районе Рудники — эскадрон 1-го гусарского полка. В самой Вильне находились еще 5 батальонов (3-й батальон 4-го полка, по два батальона 7-го и 9-го полков), два эскадрона 1-го гусарского полка, две батареи полевой артиллерии**.

Эти воинские части (7 пехотных батальонов и 3 эскадрона кавалерии) не были способны задержать наступление Литовско-Белорусской пехотной дивизии и приданных ей частей.

ЗАХВАТ ВИЛЬНИ ГЕНЕРАЛОМ ЖЕЛИГОВСКИМ

На следующий день после начала похода на Вильню получил документальное оформление и сам «бунт» Желиговского. 9 октября польский генштаб издал коммюнике о депешах, полученных командованием 3-й армии. Одну из них подписал Желиговский, другую — его начальник штаба Леон Бобицкий. Таким образом, польской и европейской общественности было разъяснено, что главное командование польской армии не имеет никакого отношения к происходящим событиям. Приводим коммюнике генштаба:

> «Ситуация на фронте без каких-либо важных изменений.
> Главное командование польских войск получило от генерала Сикорского, командующего армией, следующее донесение: Все сред-

* Opanowanie Wilna i utworzenie Litwy Środkowej /Encyklopedia Wojskowa. Tom V, s. 95.

** Там же.

ства, которыми можно связаться с группой генерала Желиговского, не действуют. Только после полудня случайно появилось на телефонной станции командование группы генерала Желиговского и начальник штаба этой группы, полковник Бобицкий, подал лично майору Стамировскому (офицер штаба 3-й армии. — *Авт.*) следующие две депеши, которые прилагаю с дословным содержанием:

«Командованию армии лично в руки. Тайно. Весьма срочно.

Приняв во внимание, что заключенные с ковенским правительством линии перемирия с самого начала не на пользу нам, жителям Виленской, Гродненской и Лидской земли, а наш край вместе с польской Вильней присуждают литовцам, я решил с оружием в руках охранять право самоопределения жителей моей Отчизны и взял на себя командование над солдатами, происходящими из этих земель.

Не имея возможности поступить вопреки собственной совести и чувству гражданского долга, с сожалением заявляю об увольнении от обязанностей службы и командования группой. Воспитанные в дисциплине и верные идее освобождения Отчизны, подчиненные мне командиры и войско, подчиняются моим приказам, а для остальных частей прошу дать непосредственные приказы.

8 октября 1920 г.

Желиговский, генерал и командующий группой

Командованию армией. Тайно. Весьма срочно.

Генерал Желиговский, исходя из мотивов, поданных в своих донесениях, сложил с себя командование группой. Происходя из Гродненской земли, считаю велением совести и чувства гражданского долга подчиниться приказам генерала Желиговского, в связи с чем с сожалением заявляю об увольнении со службы. Штаб группы исполняет мои дальнейшие приказы.

Бобицкий, полковник и начальник штаба»*.

Самое интересное при этом то, что солдаты ни о каком бунте не знали. Так, капрал 3-й батареи 216-го полка полевой артиллерии Станислав Квасебродский вспоминал:

«О том, что идем на Вильню как взбунтовавшаяся часть, тогда никто из нас, рядовых, еще не знал, и велико было наше удивление, когда узнали после занятия Вильни, что мы подняли бунт и самовольно вступили на территорию Литвы с целью вырвать этот город из литовских рук»**.

---

* Pierwsza wojna polska (1918–1920), s. 305–306.

** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 177.

Тем временем события развивались по намеченному плану. Три колонны группы Желиговского двигались на север. Литовские войска виду большого численного перевеса противника начали отступать.

Первый бой с подразделениями литовского 4-го пехотного полка произошел возле местечка Яшуны над рекой Мереча́нка (Меркис). Он длился два часа. Вначале литовцы пулеметным огнем остановили форсирование реки частями ЛБД. Но после артиллерийского обстрела подразделения дивизии форсировали реку вброд и атакой моста в Яшунах прорвали литовскую оборону. Литовский полк отступил к Вильне. Была взята в плен целая рота солдат, которых Желиговский отпустил на свободу и отправил в Вильню.

Первоначально предполагалось, что Вильня будет взята вечером того же дня, 8 октября. Однако это не удалось. Слева отстала группа майора Косьцялковского, которой пришлось идти по песчаным дорогам Рудницкой пущи. В результате войска Желиговского остановились ночевать на линии Кейдзе — Порудомина — Попишки, в 18–20 километрах южнее Вильни*.

Литовское командование послало к Желиговскому парламентеров, однако генерал отказался их принять, сказав: «Мы идем не воевать с вами, а только возвращаемся к себе домой». Вначале литовское командование готовилось защищать Вильню и даже направило в южные предместья города два батальона 9-го полка. Но уже в 14 часов 8 октября был отдан новый приказ — покинуть город. В ночь с 8 на 9 октября происходила эвакуация литовских государственных учреждений и чиновников.

Генерал Желиговский назначил в качестве главной штурмовой колонны Виленский полк майора Станислава Бобятынского. Ему было приказано занять три главных пункта города: Замковую гору, железнодорожный вокзал, здание дирекции железных дорог. Генерал приказал своим солдатам лояльно относиться к жителям города, так как опасался еврейского погрома**.

Однако никакого сопротивления в Вильне они не встретили: литовских регулярных войск было мало, а литовское население, на которое могли бы опереться власти, практически отсутствовало (максимум — 2%). Поляки же, наряду с евреями, составляли значительную часть жителей, к тому же у них была подпольная военизированная организация.

Правда, около полудня 9 октября литовские подразделения еще раз попытались задержать войска Желиговского вблизи города, возле Пышно и Котловки. Движение частей ЛБД с юга на некоторое

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 179–180.

** Żeligowski L. Zajęcie Wilna w roku 1920 /Żeligowski L. Zapomniane prawdy. Londyn, 1943, s. 38.

время остановилось. Но уже в 14.15 с юго-востока, через предместье Комины, в Вильню вошли полки 2-й бригады ЛБД в сопровождении дивизиона конных стрелков. А в 17 часов в Вильню вошел вместе с генералом Желиговским и Виленский полк ЛБД.

Все польское население города вышло на улицы и с энтузиазмом встречало солдат Литовско-Белорусской дивизии как своих освободителей. Позже Желиговский вспоминал, что какая-то бедно одетая женщина сунула ему кусок хлеба, какие-то молодые люди кормили его коня. Люди обнимали солдат. Но, — пишет генерал, — у части домов окна были закрыты. Это были еврейские жилища. Евреи не разделяли радости польских виленцев. Жизненный опыт научил их, что от любой армии, вступающей в город, можно ждать грабежей и погромов.

Покинувшее Вильню литовское правительство оставило здесь своего уполномоченного И. Йонинаса, а он в последний момент официально передал власть в городе временному губернатору, представителю Антанты французскому полковнику Константину Ребулю. Этим символическим актом он как бы подчеркнул, что Вильня остается литовской. Остались и солдаты литовской комендатуры, подчиненные теперь французскому полковнику.

В тот же вечер Желиговского пригласили на встречу с дипломатическими представителями европейских стран при правительстве Литвы. Представитель Великобритании в государствах Прибалтики генерал Бэрт спросил его: «По какому праву вы заняли Вильно?» Генерал Желиговский ответил: «Я занял Вильно и весь этот край для того, чтобы защищать права населения и дать ему возможность высказаться, чего оно хочет». Английский генерал возразил: «Мы, представители Антанты, находимся здесь и обеспечим эти права». Желиговский сказал: «Нет. На это согласиться не могу. Население само выскажется о своей судьбе». В заключение этой короткой беседы Желиговский сказал: «Прошу Вас всех завтра до 12 часов дня покинуть Вильно». На следующий день представители ковенского правительства и иностранных государств покинули город*.

СОЗДАНИЕ СРЕДНЕЙ ЛИТВЫ

Литовские войска без боя отступили за реку Вилию. Вслед за ними, занимая новые позиции, последовали части группы Желиговского. Минский полк занял участок Новые Троки — Красно — Рыконты (25 км западнее города). 2-я бригада вместе с 13-м Виленским уланским полком — позиции за Неменчином (15–20 км

---

* Żeligowski L. Zajęcie Wilna w roku 1920, s. 39.

севернее города). Тем самым была обеспечена защита подступов к Вильне. Остальные войска группы Желиговского расположились в самом городе и в его предместьях*.

10 октября уехал в Ковно представитель литовского правительства в Вильне Игнас Йонинас со своими сотрудниками. Вслед за ними отправились в сопровождении французских офицеров солдаты комендатуры и литовские милиционеры. Им разрешили взять с собой оружие. По дороге на Ковно потянулись повозки с отъезжающими литовскими чиновниками и иностранцами. Вместе с ними Желиговский отправил около 300 литовских солдат и офицеров, взятых в плен его дивизией.

Затем из Ковно приехала контрольная комиссия Лиги Наций, провела переговоры с отъезжающими сотрудниками миссий стран Антанты и с Желиговским. Полковник Шардиньи поинтересовался, откуда у Желиговского войска, оружие, деньги, и что он собирается делать в Вильне. Желиговский ответил, что у него людская сила в полторы дивизии, это — местные уроженцы, а сам он не имеет никакого контакта ни с польским правительством, ни с главным командованием Войска Польского, и поход предпринял самостоятельно.

Территория, занимаемая его войсками, на востоке и юге будет соответствовать линии границы, установленной советско-литовским договором от 12 июля 1920 года, так как от этой территории Россия официально отказалась. А на западе и севере граница пройдет по демаркационной линии между польскими и литовскими войсками, установленной в июне 1920 года. Желиговский предупредил, что если литовцы не уйдут сами за эту линию, то он их вытеснит силой. После этой встречи комиссия Лиги Наций выехала в Ковно (Каунас), а оттуда через Сувалки в Варшаву**.

В первые дни после занятия Вильни здесь проходили манифестации польского населения города в поддержку акции Желиговского. Не отвлекаясь на встречи и речи, Желиговский занимался решением организационных вопросов, в соответствии с планом Пилсудского. Уже 12 октября он издал декрет № 1, в котором объявил о создании государства Средняя Литва. Декрет по-военному четко и коротко провозглашал основные принципы государственного устройства Средней Литвы:

> Устанавливаю и довожу до общего сведения следующее:
> 1. Верховную власть на территории Средней Литвы осуществляю я как высший командующий Средней Литвы.

---

* Opanowanie Wilna i utworzenie Litwy Środkowej /Encyklopedia Wojskowa. Tom V, s. 95.

** Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 186–187.

2. В качестве исполнительного органа верховной власти будет призванная мной Временная Правительственная Комиссия.

3. Все декреты будут обнародованы за моей подписью и контрассигнатурой соответствующего директора департамента Временной Правительственной Комиссии.

4. Государственная территория Средней Литвы определяется границами, установленными в литовско-большевистском трактате от 12 июля 1920 г., а также польско-литовской демаркационной линией от июня 1920 г.

5. В качестве герба Средней Литвы устанавливаю щит с Орлом и Погоней.

6. Красный флаг с Орлом и Погоней устанавливаю как флаг государства.

7. Все декреты утрачивают обязательную силу, если не будут представлены учредительному сейму Средней Литвы в день его открытия.

Вильно, 12 октября 1920 г.
Генерал Желиговский*.

14 октября был опубликован декрет № 2. В нем объявлялся состав Временной Правительственной Комиссии. Она состояла из директоров департаментов (эквивалент министров и министерств). Этим декретом были назначены директора важнейших департаментов. Так, директором краевой обороны стал полковник Леон Бобицкий, иностранных дел — Ежи Ивановский (деятель польской социалистической партии), внутренних дел — Витольд Абрамович, продовольственного снабжения — Вацлав Ивановский (белорусский политический деятель, брат Ежи Ивановского). Несколько недель В. Ивановский по совместительству руководил также департаментами сельского хозяйства и просвещения**.

Третий брат из семьи Ивановских, Станислав Ивановский стал начальником отдела военного призыва в департаменте внутренних дел. А четвертый брат, Тадеуш Ивановский (Иванаускис) находился в Ковно и состоял на литовской службе. Руководителем отдела белорусских школ в департаменте просвещения В. Ивановский назначил видного белорусского деятеля Бронислава Тарашкевича. Отдел транспорта возглавил белорусский деятель Вячеслав Богданович.

Генерал Желиговский также обратился с воззванием к населению, объясняя цель своей акции:

«Наш извечный враг занял нашу землю, чтобы водворить на ней кровавое большевистское правление. Не имея возможности под натиском доблестных польских войск ее удержать, враг заключил до-

---

* Garlicki A. Op. cit., s. 219–220.

** Garlicki A. Op. cit., s. 220.

говор с ковенским правительством и край наш отдал под власть этого правительства. Нас не спрашивали, хотим ли мы идти под власть ковенского правительства, хотим ли мы иметь у себя литовские власти; нами распоряжались без нас, подарили нас ковенскому правительству».

Воззвание заканчивалось словами о съезде представителей края в Вильне, с целью решения дальнейшей судьбы Виленщины*. Предполагалось провести и аграрную реформу.

11 октября генерал Желиговский учредил штаб краевой обороны. Он руководил операциями на фронте. А департамент краевой обороны осуществлял общее командование и занимался организацией армии.

Из частей, принимавших участие в походе на Вильню, 16 октября был создан 1-й корпус войск Средней Литвы под командованием генерала Яна Жондковского. Начальником штаба корпуса стал капитан Эдвард Перкович. В состав 1-го корпуса вошли 1-я Виленская пехотная бригада (полковник Владислав Бейнар), 2-я Гродненская пехотная бригада (полковник Казимир Рыбицкий), 3-я Наднеманская пехотная бригада (полковник Бронислав Богатыревич), а также Харцерский пехотный полк, созданный из Виленского батальона бойскаутов и двух рот Ковенского полка (из 2-й ЛБД). Корпус также имел артиллерийскую бригаду (19-й полк полевой артиллерии, два дивизиона 216-го полка полевой артиллерии, дивизион тяжелой артиллерии), саперный батальон, взвод броневиков, подразделения тыловых служб и мастерских.

Был объявлен призыв в армию мужчин сразу восьми возрастных категорий. Без лишнего шума прибывали из Польши отдельные части 2-й ЛБД. Поскольку вооруженные силы увеличились, вскоре их разделили на две пехотные дивизии — 1-ю (Новогрудский, Виленский, Минский полки) и 2-ю (Лидский, Ковенский, Гродненский), и кавалерийскую дивизию (23-й Гродненский уланский полк, 13-й Виленский уланский полк, 4-й Наднеманский уланский полк).

Таким образом, в вооруженные силы Средней Литвы вошли большинство полков обеих Литовско-Белорусских дивизий (кроме Слуцкого и Белостоцкого). Как видим, существование дивизий и полков с названиями белорусских городов успешно служило цели Пилсудского: использовать локальный патриотизм для создания государств, союзных Польше.

Первоначально территория Средней Литвы состояла из 18 гмин (волостей) Виленского повета (уезда), Троцкого повета (западнее Вильни), 14 гмин Браславского повета, 8 гмин Гродненского пове-

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 187—188.

та, по одной гмине Дисненского и Вилейского поветов, одной гмины Лидского повета (на правом берегу Немана). Далее границы изменились в результате военных действий.

ВОЙНА МЕЖДУ СРЕДНЕЙ ЛИТВОЙ И ЛИТОВСКОЙ РЕСПУБЛИКОЙ

После занятия Вильни войсками группы генерала Желиговского войска Литовской республики, или как ее называли в Польше Ковенской Литвы, отошли на 15–20 километров севернее Вильни и на 25 километров западнее ее. С 15–16 октября литовские войска перешли от мелких стычек к более активным действиям. Литовское командование перебросило на фронт свою 3-ю дивизию. 18 октября эта дивизия пошла в наступление, намереваясь занять Рыконты и Троки (западнее Вильни), а потом и саму Вильню. Однако после боя, длившегося целый день, литовские части отошли на исходные позиции, понеся заметные потери, особенно пленными. После этого инициатива перешла к войскам Средней Литвы.

19 октября к «мятежному» генералу Желиговскому присоединился 13-й полк Виленских уланов полковника Мстислава Буткевича. Это значительно увеличило численность кавалерии в войсках Средней Литвы. Командование решило силами Виленского полка, усиленного эскадроном Гродненского уланского полка, совершить глубокий рейд по тылам литовских войск.

Утром 20 октября кавалерия полковника Буткевича переправилась на правый берег Вилии и углубилась в расположение литовских войск. В ночь с 20 на 21 октября состоялся бой в районе деревни Пикелишки, и уланы прорвались в тыл противника. Продвигаясь дальше, командование полка узнало, что в деревнях Келе и Йоделе находятся штабы литовских частей. Кавалеристы внезапно атаковали их. В Келе кавалеристы 4-го эскадрона взяли в плен командира артиллерии 1-й Литовской дивизии майора Капцюкаса и 17 солдат. В Йоделе кавалеристы 2-го эскадрона после короткого боя захватили офицеров штаба 1-й литовской дивизии — ее командира генерала Стасиса Настопку, 7 офицеров штаба и 80 рядовых. В результате этого налета литовские части отошли на левом берегу Вилии (ныне Нярис) в район Евье (Вевис), на правом — до местечек Ширвинт (Ширвинтос) и Гедройце (Гедрайчяй), т.е. еще на 15–20 километров, приблизившись к демаркационной линии, установленной в июле 1920 г.

Желая склонить литовское правительство к переговорам, генерал Желиговский приказал поселить пленных литовских офицеров в виленской гостинице «Жорж» и разрешил им свободно передвигаться по городу, взяв с них слово чести, что они не покинут Вильни. Все

пленники честное слово дали, но, кроме генерала Настопки и майора Капцюка, при первом же случае сбежали из Вильни*. В самом деле, какая может быть честь у крестьян?!

В конце октября боевые действия снова активизировались северо-западнее Вильни. Полковник Мстислав Буткевич предложил совершить новый рейд своего полка в тыл противника. 27 октября 13-й уланский полк пересек линию фронта в окрестностях Гедройце. Он прошел до Вилькомира (Укмерге), не дойдя до города 9 километров. Но затем подразделения полка стали подвергаться нападениям литовских партизан, поэтому Буткевич увел полк назад. В это же время части 1-й литовской дивизии начали контрнаступление на северном участке фронта и 1 ноября заняли Гедройце, нанеся значительные потери войскам Средней Литвы.

Затем наступил перерыв в военных действиях на две недели. Армия Средней Литвы испытывала трудности в снабжении вследствие бедности местных жителей. Да и солдаты устали воевать. Появились случаи дезертирства, особенно среди солдат родом из Польши, которые заявляли, что Средняя Литва их не интересует. Отмечались случаи братания литовских солдат и солдат Средней Литвы — с совместными трапезами под водку. На таких встречах литовцы вручали солдатам Желиговского листовки, призывавшие прекратить войну**.

С самого начала Виленского конфликта польское правительство и политические партии поддержали акцию Желиговского, хотя формально осуждали его за «нарушение воинского долга». 22 октября 1920 года городская рада Варшавы присвоила Желиговскому звание почетного гражданина Варшавы. Большинство газет встретило с энтузиазмом известие о занятии Вильни.

Левые партии (кроме коммунистов) указывали, что таким образом население Вильни и Виленщины сможет само решить вопрос о своем будущем. Правая партия национал-демократов, противница федералистских планов Пилсудского и самого Пилсудского, провела в польском сейме 10 октября постановление, требующее включения Виленщины в состав Польши.

ДИПЛОМАТИЯ В ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОМ КОНФЛИКТЕ

Виленский вопрос на некоторое время стал одним из главных в международной политике. Франция осторожно поддержала польское правительство, но полностью принять план присоединения

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 203–204.
** Там же, s. 205–207.

Вильни к Польше не согласилась. США не выразили особого интереса в этом деле. Англия выступила 12 октября с протестом (вместе с Францией) против занятия Вильни и призвала Пилсудского и польское правительство к политическому благорассудству.

Польское правительство официально ответило 14 октября правительствам Англии и Франции заявлением о праве жителей Виленщины на самоопределение. Тогда правительства Англии и Франции в своей ноте от 18 октября потребовали уже только дезавуировать действия Желиговского. На это польское правительство 19 октября ответило нотой, в которой выразило сожаление в связи с акцией Желиговского. Оно заявило о готовности принять посредничество Лиги Наций в деле заключения перемирия с Литвой и обмена пленными. Пилсудский заявил английскому и французскому послам в Варшаве, что он обешал Виленщине право самоопределения, что Антанту удовлетворило*. Однако независимость Средней Литвы никто, кроме Польши, не признал.

Литовское правительство, естественно, расценило захват Вильни как агрессию. Оно отказалось вести какие-либо переговоры с Желиговским, рассчитывая на помощь дружественных стран и на Лигу Наций. Одновременно в Литве готовились к продолжению военных действий. Был объявлен призыв мужчин нескольких возрастов. Несмотря на предыдущие потери, численность литовской армии к ноябрю 1920 года выросла с 17.196 до 25.409 солдат и офицеров. Это позволило сформировать 4-ю дивизию.

Тайно литовцы обратились за помощью к Германии (явно нельзя было по условиям Версальского мира). В Германии сочувственно отнеслись к просьбе Литвы. Бывшие фронтовики, добровольцы Фрайкорпуса и бывшие участники выступления в Прибалтике российско-немецких отрядов Бермондта-Авалова готовы были прийти на помощь Литве. Некоторые немцы, жители Восточной Пруссии добровольцами прибыли в Литву. Даже в Латвии поднялись голоса против Желиговского. Там опасались, что он может захватить еще Двинск и Латгалию, где жило много белорусов и поляков.

Урегулированием виленского конфликта занялась Лига Наций. 11 октября Литва официально внесла свой протест в Лигу Наций против захвата Вильни поляками. Литовское правительство получило ответ, что решение Совета Лиги будет принято после ознакомления с ситуацией на месте и рапорта контрольной комиссии Лиги Наций. Обмен посланиями продолжался и в следующие дни.

Председатель Совета Лиги Наций Леон Буржуа 14 октября пригласил к себе Игнация Падеревского, бывшего премьер-министра, а ныне представителя Польши в Лиге, и заявил ему, что захват Виль-

---

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 190–193.

ни является нарушением обязательств Польши по отношению к Литве, принятых польской стороной. Буржуа пригрозил, что если польские силы не покинут Вильню, то он соберет Совет Лиги Наций для принятия надлежащих мер. Падеревский ответил, что вывод войск, вышедших из подчинения главному командованию, не составит особой проблемы и что он ожидает инструкций от своего правительства. Совет Лиги был удовлетворен таким ответом. А тем временем жалобы литовского правительства продолжали поступать в Лигу Наций.

Наконец, 25 октября Буржуа созвал Совет Лиги Наций для рассмотрения польско-литовского конфликта. 29 октября было принято постановление Совета, по которому на спорной территории следовало провести плебисцит под надзором Лиги Наций. Определение границ территории проведения плебисцита и способа его проведения Совет Лиги оставил за собой. Правительствам Польши и Литвы дали 10 дней для ответа о согласии на такое решение, а пока обе стороны должны были воздержаться от всяких актов насилия*.

3 ноября министр иностранных дел Польши Э. Сапега прислал инструкцию польским представителям в Лиге Наций. Польша соглашалась на плебисцит по вопросу государственной принадлежности спорных территорий.

7 ноября делегаты Польши при Лиге Наций И. Падеревский и Ш. Аскенази вручили председателю Совета Лиги Л. Буржуа польскую ноту о согласии на проведение плебисцита. Литовское правительство тоже согласилось с плебисцитом, но при условии, что опрос населения не будет осуществляться севернее линии, установленной в Сувалках 7 октября 1920 года, т.е. в районе Вильни и севернее. А это и была почти вся территория Средней Литвы. 23 ноября представитель Литвы А. Вольдемарас передал Совету Лиги официальную декларацию литовского правительства о плебисците, в которой было заявлено «о литовском характере Вильни». Несмотря на принципиальные различия в позициях Литвы и Польши, Совет Лиги Наций снова направил контрольную комиссию в Варшаву и Ковно.

С протестом против действий Желиговского выступило и правительство РСФСР. От его имени заместитель председателя российско-украинской делегации на мирных переговорах в Риге Л.Л. Оболенский 29 октября вручил ноту председателю польской делегации Яну Домбскому. В ноте указывалось, что «на территорию, переданную нами Польше (так называемый «польский коридор»), вступили

* Łossowski P. Konflikt polsko-litewski 1918–1920, s. 193–195, 207–209.

отряды Желиговского», а это «равносильно отрицанию основных начал заключенного Договора о перемирии». Л.Л. Оболенский от имени правительств РСФСР и УССР потребовал:

/Чтобы/ «войска Желиговского, которые, в силу признанного самой Польшей неповиновения их Польскому командованию, представляют собой неоспоримую реальную угрозу прочности заключенного перемирия, были удалены с упомянутой польской территории и вновь на такую не допускались»*.

Специально по вопросу о Вильне и действиях генерала Желиговского 11 декабря 1920 года, по поручению правительства РСФСР, глава российской делегации А.А. Иоффе на переговорах в Риге выступил с нотой правительству Польши. В ней сложившаяся ситуация была оценена так:

«Создавшееся в районе Вильно положение не может быть оставлено без внимания Правительством Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. Мое правительство вынуждено подчеркнуть, что генерал Желиговский является и продолжает быть генералом польской службы и что он не мог бы вести военных действий без активного содействия Польши, ...относительно такого содействия имеются у моего Правительства конкретные и совершенно бесспорные данные. Войска Желиговского являются регулярными частями польской армии. В своем перемирии с Литвой, Польское Правительство взяло на себя обязательство соблюдения перемирия также и за Желиговского и этим уже определенно подтвердило и без того несомненный факт подчинения Желиговского Польскому Правительству.

Мое Правительство считает себя поэтому вправе обратиться к Польскому Правительству с представлениями по поводу действий генерала Желиговского, организующего в непосредственной близости к границам Белоруссии очаг безответственного военного авантюризма, что создает постоянную угрозу спокойствию и безопасности близлежащих Советских Республик»**.

Глава польской делегации Ян Домбский 14 декабря ответил на эту ноту, по поручению польского правительства, своей нотой, в которой, в частности, говорилось:

«В ответ на ноту от 11 декабря с.г. № 131 Польское Правительство подчеркивает, что последний абзац статьи 1-й Прелиминарного договора гласит следующее: «Обе договаривающиеся стороны соглашаются, что поскольку в состав земель, расположенных к западу от вышеустановленной границы (между Польшей, с одной стороны, и Украиной и Белоруссией — с другой), входят территории, спорные

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 308–309.
** Там же, с. 380.

> между Польшей и Литвой, вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой.
>
> Согласно вышесказанному, спорные вопросы между Польшей и Литвой не могут и не должны быть предметом переговоров между Польшей и Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой, тем более служить темой для заявлений последней»*.

Тем не менее, Совнарком РСФСР продолжал выступать с заявлениями, фактически направленными на поддержку Литвы в виленском вопросе. На советских картах до конца 1930-х годов белорусская территория, уступленная советской Россией Литве по договору от 12 июля 1920 г., всегда отмечалась как литовская, с Вильней включительно.

Советское правительство стремилось к ликвидации Средней Литвы, правда, не имея для этого ни юридических, ни военных возможностей. Но постоянное напоминание о Вильне и Желиговском советской делегацией на переговорах в Риге являлось одним из ее средств давления на польскую делегацию для достижения уступок по другим вопросам.

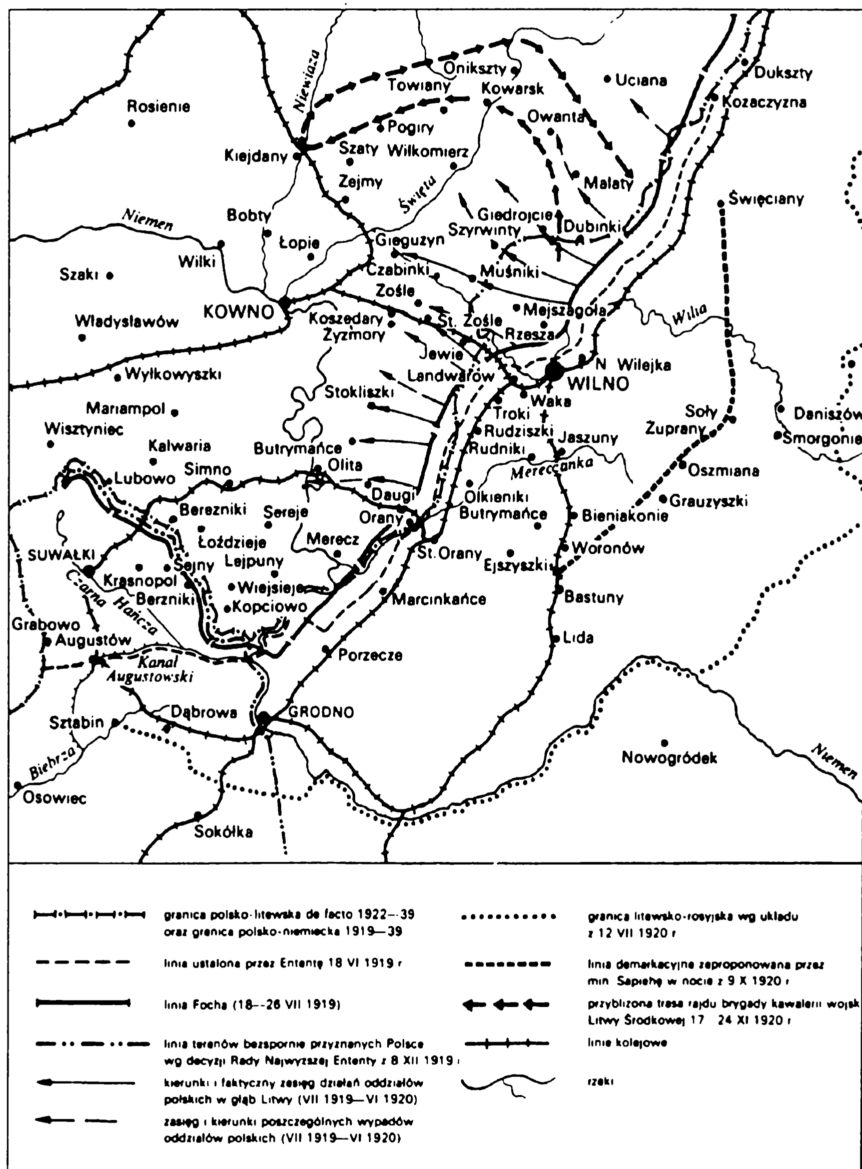
Советское правительство России пыталось также прямо подтолкнуть правительство Литвы к военным действиям против Польши. Так, 30 января 1921 года наркоминдел Г.В. Чичерин направил ноту правительства РСФСР правительству Литвы. В ней было сказано:

> «Российское Правительство не может смотреть без тревоги на продолжающееся неустройство в г. Вильно и его районе, переданном по Договору от 12 июля между Россией и Литвой во власть последней. В тот момент, когда генерал польской армии Желиговский при помощи некоторых польских войск занял Вильно, и в этот город и его район стали стекаться офицеры и солдаты враждебных Российской Республике белогвардейских отрядов, Российское Правительство обратилось с протестом по этому поводу к польскому правительству, возлагая на него ответственность за последствия действий польского генерала Желиговского и его отрядов...
>
> Российское Правительство, однако, не может не обратить также и внимание Литовского Правительства на лежащие на последнем международные обязанности, касающиеся города Вильно и его районов. На основании заключенного между Россией и Литвой Договора от 12 июля Российское Правительство имеет право требовать от Литовского Правительства, чтобы оно приняло все зависящие от него меры, для того чтобы положить конец в этой местности поло-

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 387.

жению дел, представляющему угрозу для безопасности Советских Республик.

Мы выражаем ввиду этого твердую надежду, что Литовское Правительство не допустит появления в Вильно подобных отрядов, которых присутствие там Российское Правительство принуждено рас-

Польско-литовский конфликт за Вильню

сматривать как недружелюбный по отношению к России акт, угрожающий безопасности Советских Республик»*.

Однако литовское правительство на военные меры не решилось.

Суть политики РСФСР в виленском вопросе кратко изложена в телеграмме Г.В. Чичерина полномочному представителю РСФСР в Литве А.Е. Аксельроду:

> «Ни на какие международные войска в Вильно мы не согласны, Лиги Наций не признаем, считаем, что все буржуазные правительства более или менее враждебно против нас настроенны, чему имеются доказательства.
>
> Основываемся на Прелиминарном договоре, по которому судьба Вильно разрешается исключительно Литвой и Польшей, то есть не допускаются другие державы. Повторяю, что это не означает нашей дезинтересации судьбой Вильно, а только то, что переданная нами Литве Виленщина может перейти к Польше только с согласия Литвы»**.

Белорусские политические деятели по-разному отнеслись к созданию Средней Литвы. Но в любом случае они учитывали, что на ее территории (около 10 тысяч кв. км, с населением 530 тысяч человек) 40% жителей составляли белорусы, почти все остальные — поляки и евреи, тогда как литовцы и русские вместе составляли не более 5%.

Те из них, которые вошли в состав Временной Правительственной Комиссии, увидели возможность оказать влияние на внутреннюю политику этого малого государства, исходя из белорусских национальных интересов, особенно в области просвещения. Весной 1921 года в Средней Литве работали 186 белорусских школ, Виленская белорусская гимназия и Борунская учительская семинария. Бронислав Тарашкевич основал Товарищество белорусской школы.

Местные польские политические деятели (краёвцы) были заинтересованы в поддержке правительства Желиговского белорусским населением на предстоящем плебисците и выборах в учредительный сейм. Поэтому они не препятствовали усилиям белорусов на ниве культуры и просвещения.

Однако белорусские деятели-практики вскоре увидели, что нет никакой надежды на возрождение в Средней Литве белорусской государственности, хотя бы в форме автономного белорусского района. Поняв это, они подали в отставку. Так, в конце декабря 1920 года в отставку ушел В. Ивановский, а в октябре 1921 и Б. Тарашкевич.

Изменился и состав правительственной комиссии. В первой половине января 1921 года ее возглавил уроженец Лидского уезда гене-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III. М., 1959. С. 496, 497.

** Там же, с. 546–547.

рал Стефан Мокжецкий (бывший российский генерал), служивший в 1918 году во 2-м Польском корпусе в России, человек лояльный по отношению к Польше.

Другая часть белорусских национальных деятелей пошла на сотрудничество с правительством Литвы. Ковенское правительство предложило правительству БНР в эмиграции союз против Польши. 30 октября 1920 года правительство БНР создало комиссию по переговорам с Литвой. В результате 11 ноября в Ковно было подписано соглашение между правительствами Литвы и БНР. Литовское правительство официально признало правительство БНР во главе с Вацлавом Ластовским, дало ему и президиуму Рады БНР экстерриториальное право находиться в Ковно (Каунасе). Правительство БНР обязалось поддерживать Литву в ее стараниях освободить Виленский край. Литовское правительство обязалось поддерживать издание на своей территории белорусских газет, создание школ, организацию вооруженных отрядов.

По этому соглашению территориальные споры между обеими сторонами откладывались до момента созыва белорусского учредительного сейма (парламента), который путем переговоров с литовским сеймом или переговоров правительства, назначенного белорусским сеймом, определит литовско-белорусскую границу. Во время плебисцита в Виленском крае о принадлежности этой территории Литве или Польше белорусское правительство обязалось призвать всех белорусов голосовать в пользу Литвы. В местностях Литвы с преобладанием белорусского населения (почти все они были в Виленском крае) предусматривалось создание национально-территориальной автономии*.

Однако это белорусско-литовское военно-политическое соглашение, заключенное перед угрозой нового наступления войск Средней Литвы вглубь литовской территории, играло некоторую роль только до определенного момента.

ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕЙ ЛИТВЫ К ПОЛЬШЕ

На дальнейшие события повлияли как международный фактор, так и внутренний — в самом Виленском крае. Польская часть населения в своем большинстве придерживалось позиции партии национал-демократов, стремившейся присоединить Среднюю Литву к Польше, вместо обретения автономии в составе Литвы, как это

* Грыцкевіч А. Беларуска-літоўскія дачыненьні: 1918—1922 гг. /«Спадчына», 1994, № 5, с. 62.

предложил бельгийский политик Камиль Гюисманс. Для поляков вопрос заключался лишь в том, сколько земли они смогут занять. Военные круги Средней Литвы хотели занять ту территорию, которую польские войска уже занимали в 1919–20 гг.

Инициатором нового наступления стал лихой кавалерист полковник Мстислав Буткевич. Большинство офицеров его новосозданной кавалерийской бригады происходило из местных польских помещичьих семей. Эти вояки были настроены по-боевому и всерьез планировали захват Ковно (Каунаса) вместе с прилегающими территориями. Как истинные шляхтичи, они глубоко презирали литовских государственных деятелей, поголовно вышедших из крестьян либо мещан, а потому переоценивали свои силы.

После обсуждения плана Буткевича генерал Желиговский в середине ноября 1920 года одобрил его и стал готовить войска к наступлению. Официально целью наступления был объявлен выход на демаркационную линию, определенную в июне. Несмотря на нехватку зимнего обмундирования и другие недостачи, Желиговский решил атаковать противника без промедления.

На рассвете 17 ноября пехотные части армии Средней Литвы перешли в наступление на 30-километровом участке фронта Ширвинты — Гедройце — Дубинки. Вечером того же дня прорвалась через фронт кавалерийская бригада полковника Буткевича в составе 11 эскадронов. Вместо поддержки пехоты она устремилась в рейд вглубь Литвы. Быстро продвигаясь на северо-запад, вечером 18 ноября бригада достигла местечка Коварск на реке Свента (Швентойи), притоке Вилии. Преодолев реку, 19 ноября бригада Буткевича прошла через Товяны (Тауенай) и Ланы. По дороге имели место небольшие столкновения с литовскими частями. На следующий день литовская авиация совершила налет на подразделения бригады, причинив некоторые потери, однако потеряла один самолет.

В ночь с 20 на 21 ноября бригада достигла реки Невяжи (Невежис), притока Немана, в районе города Кейданы (Кедайняй), географического центра Литвы. Технический эскадрон 13-го уланского полка разрушил пути на большом участке железной дороги Ковно — Шавли (Каунас — Шяуляй). Бригада находилась уже в 45 километрах от резиденции литовского правительства. Командование бригады получило сведения о том, что в Ковно началась паника в правительственных учреждениях.

Но поступали и другие известия. Наступление пехотных частей Средней Литвы после захвата Ширвинт и Гедройце было задержано литовскими войсками. А к самой кавалерийской бригаде с трех сторон — с юго-востока от Янова (Ионавы), востока от Вилкомира (Укмерге) и с севера от Поневежа (Паневежис) — приближаются лито-

вские подразделения. В таких условиях полковник Буткевич не решился продолжать рейд и приказал отступать*.

Новое вторжение вызвало резкие протесты литовского правительства и председателя контрольной комиссии Лиги Наций полковника Пьера Шардиньи. Впрочем, эти протесты оказались ненужными. Пилсудский и польское правительство были готовы к заключению перемирия, а что касается кавалерийского рейда бригады Буткевича, то польское правительство было настроено против этой инициативы местного офицерства. Вечером 19 ноября генерал Люциан Желиговский наконец согласился выполнить требование Шардиньи прекратить наступательные действия, если литовская сторона обязуется поступить так же. 20 ноября Шардиньи уведомил Временную Правительственную Комиссию, что литовское командование выразило согласие. Через Шардиньи договорились о том, что неформальное перемирие начнется с 9 часов утра 21 ноября. А поскольку время еще оставалось, в ночь на 21 ноября литовские части начали наступление на Гедройце. Бой продолжался утром и днем, и после полудня 21 ноября литовские части овладели местечком. Были также заняты и Ширвинты**.

Контрольная Комиссия Лиги Наций немедленно начала подготовку к заключению официального перемирия между воюющими сторонами. Дело затягивалось, так как Желиговский хотел распространить его и на кавалерийскую бригаду в глубине Литвы, а литовская сторона и контрольная комиссия соглашались только на перемирие по линии фронта. Но бригаде Буткевича помощь не требовалась. Она уже шла назад от Кейдан, не обращая внимания на литовских партизан. Вечером 22 ноября бригада взяла Андронишки и переправилась через Свенту. 23 ноября она разбила литовскую роту, преградившую ей путь под Сугинтами. Утром 24 ноября, после 250-километрового перехода, бригада достигла линии фронта, переходя который отпустила около 200 пленных литовских солдат***.

27 ноября контрольная комиссия Лиги Наций в сопровождении делегата польского правительства М. Коссаковского выехала в Ковно. Представители литовского правительства И. Йонинас и полковник К. Клещинскас 29 ноября в 14 часов подписали с ними протокол о перемирии. Польское правительство дало гарантию, что условия перемирия будет выполнять и генерал Желиговский. Военные действия между литовскими войсками и войсками Желиговского заканчиваются 30 ноября к 24 часам. Происходит немедленный обмен военнопленными. Контрольная комиссия Лиги Наций обязалась установить нейтральную полосу между обеими армиями.

---

* Łossowski P. Op. cit., s. 214–215.

** Там же, s. 216–217.

*** Там же, s. 218–219.

Так завершился конфликт из-за Вильни. Границы несколько изменились, но вся железная дорога от Двинска до Гродно (часть бывшей Петербургско-Варшавской железной дороги) теперь находилась на территории Средней Литвы.

Лига Наций в 1921 году предложила провести под ее контролем плебисцит о принадлежности Виленского края Литве или Польше. Для обеспечения свободного голосования Лига предолжила ввести международный контингент войск на эту территорию. Однако против такого варианта решительно выступили правительства России и Польши, каждое исходя из своих интересов.

Тогда бельгийский министр иностранных дел П. Гиманс предложил компромиссный вариант. Пусть Виленский край в качестве автономного войдет в состав Литвы, а Литва заключит с Польшей политический, экономический и военный союз. Литовские государственные деятели запротестовали, ибо такой союз означал фактическую утрату Литвой своей независимости. Тогда Гиманс предложил второй проект, более удобный для литовцев: сохранить только автономию Виленского края в Литве. Тут уже Польше запротестовала. Наконец, 21 сентября 1921 года Лига Наций прекратила свою посредническую миссию. Началась подготовка к выборам в учредительный сейм Средней Литвы.

Выборы состоялись 8 января 1922 года. Местные литовцы и часть еврейского населения бойкотировали выборы, так как их интересы представлены не были. В выборах приняли участие 64,5% избирателей. Большинство избранных депутатов сейма являлись сторонниками безоговорочного присоединения Средней Литвы к Польше.

20 февраля 1922 года сейм Средней Литвы принял решение о своем присоединении к Польше «без всяких условий и оговорок». 24 марта польский сейм принял соответственное решение и Виленский край в составе 4 бывших уездов присоединился к Польше на правах воеводства. Только после этого Пилсудский публично признал в Вильне, что Желиговский «действовал под моим командованием и по моему четкому поручению»*.

Польское правительство добилось международного признания присоединения Виленского края. Совет Лиги Наций 3 февраля принял решение о разделе между Польшей и Литвой нейтральной полосы в районе Вильни. Наконец, конференция послов Великобритании, Франции, Италии и Японии 15 марта 1923 года признала восточные границы Польши, включая польско-литовскую границу.

---

* Ochmański J. Historia Litwy. Wrocław, 1967, s. 256.

Литва не признала этого решения, претендуя на Вильню. СССР поддерживал позицию Литвы, так как ее претензии способствовали продолжению конфликта между двумя соседними государствами. А это вполне соответствовало одному из главных принципов внешней политики большевиков: разделять, чтобы властвовать.

ЛИТВА И БЕЛОРУССКИЕ ПАРТИЗАНЫ

Находясь в конфликте с Польшей из-за Вильни, литовское руководство использовало сформированный в Литве белорусский батальон как базу для развертывания антипольского партизанского движения в приграничных районах Западной Белоруссии.

План белорусского восстания против Польши поддерживало и правительство Германии, враждебно настроеное в отношении Польши из-за передачи ей части территории Пруссии по Версальскому миру. Поэтому партизаны получали финансовую помощь и оружие не только от литовцев, но и от немцев.

Национальное партизанское движение контролировали белорусские эсэры, действовавшие по согласованию с правительством БНР Вацлава Ластовского в Ковно. Белорусские повстанческие структуры в конспиративных целях маскировались под просветительские братства. Военная вертикаль эсэровской организации называлась «Братство белорусов». Некоторые командиры использовали название «Братство крестьян-белорусов». Кроме эсэровской организации, действовал и ориентированный на Минск (т.е. на большевиков) «Союз крестьянской самообороны»*.

В рассчете на войну с Польшей в Ковно (Каунасе) был учрежден Главный штаб восстания, который в 1922 году возглавлял полковник Успенский. Ему подчинялись штабы партизанских групп в местечках Варене, Меркине и Утене, вблизи границы с Польшей. Особенно активным был штаб партизанской группы в Меркине под руководством поручика Вячеслава Разумовича, известного как «атаман Хмара». Считается, что белорусскому партизанскому штабу в Литве подчинялись несколько тысяч партизан**.

Штабы партизанских групп вели организационную, политическую, разведывательную и оперативную деятельность. Готовились планы диверсионных акций — подрыва мостов, вокзалов, телеграфных и телефонных станций, а также нападений на подразделения польских войск. Издавалась газета «Беларускі партызан», разоблачавшая репрессивную политику польских властей по отношению к белорусам.

---

* Мірановіч Я. Найноўшая гісторыя Беларусі, с. 85.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923, s. 103.

С весны 1922 года по инициативе литовского правительства белорусские партизаны перешли к активным действиям на территории Белостокского воеводства, в районах Белостока, Гродно и Беловежской пущи.

Одним из организаторов партизанского движения была Вера Масловская (1896–1981), арестованная в марте 1922 года польскими властями и приговоренная к 6 годам тюремного заключения. В районе Белостока она действовала вместе с Германом Шиманюком (атаман Скоморох). Эта группа поддерживала связь с группой атамана Хмары (Разумовича). Несмотря на аресты, группа Скомороха с апреля 1922 года начала проводить диверсии. Так, в ночь с 28 на 29 апреля его отряд атаковал полицейский участок в местечке Клещели. Но в результате ответной операции польских войск и полиции 6 мая в Беловежской пуще отряд был разбит. Часть партизан попала в плен, по приговору суда 6 человек расстреляли. Позже был проведен «процесс 45-и» в Белостоке, где осудили ряд других участников партизанского движения*.

Партизанское движение не было подавлено, однако Литва так и не выступила на стороне белорусских партизан. Дело в том, что 15 марта 1923 года Лига Наций признала восточную границу Польши (включая Вильню) с СССР и Литвой. После этого литовское руководство уже не могло рассчитывать на то, что в войне против Польши оно получит иностранную помощь. Интересы литовских и белорусских политических деятелей разошлись. К тому же их разделяли политические ориентации: белорусские деятели в своем большинстве верили в социализм, тогда как литовские политики являлись сторонниками буржуазного либерализма. Белорусскому правительству в 1923 году пришлось уехать из Ковно (Каунаса) в Прагу, столицу Чехословакии, а Ластовский ушел в отставку.

Подпольные и партизанские структуры в Западной Белоруссии стали распадаться. Этому способствовала измена некоторых партизанских командиров. В 1923 году часть бывших эсэровских подпольных групп перешла под контроль большевистских эмиссаров, присланных из Минска. На основе «Братства белорусов» и «Союза крестьянской самообороны» была создана компартия Западной Белоруссии.

Численность белорусского батальона литовской армии значительно сократилась. К январю 1923 года в нем осталось 12 офицеров и одна рота. Батальон перевели в Мариямполь, а 25 апреля преобразовали в роту (6 офицеров, 203 солдата). К концу 1923 года была расформирована и эта рота.

---

* Kalina J. Bractwo Włościan Białorusow (1921–1922) /Białoruskie Zeszyty Historyczne. Białystok, 1994, № 1, s. 31–36.

Глава 14

ПЕРЕМИРИЕ И ПРЕЛИМИНАРНЫЙ ДОГОВОР

ПОДГОТОВКА К ПЕРЕГОВОРАМ В РИГЕ

Советско-польские переговоры о перемирии и мире начались еще в Минске 17 августа 1920 года. Состоялись пять пленарных заседаний мирной конференции (последнее — 2 сентября). За это время стороны не смогли найти общего решения вопросов не только мира, но и перемирия.

Первоначальный советский проект мирного договора фактически являлся ультиматумом Польше с условиями, характерными для капитуляции. При этом советская делегация не учла перелома, происшедшего в ходе военных действий на фронте. Естественно, что польская сторона советский ультиматум отвергла.

Польская делегация была ограничена в возможностях связываться со своим правительством через линию фронта. Поэтому было решено продолжить переговоры в нейтральном месте. По согласованию с правительством Латвии таким местом избрали Ригу.

К следующему туру переговоров обе стороны подготовились более основательно. Но советская делегация представляла не столько интересы России, сколько интересы большевистской партии, поэтому могла моментально менять предложения и даже идти на уступки, повинуясь указаниям своего партийного вождя Ленина. Соответственно, действия советской делегации в Риге отличались большей гибкостью, чем польской.

Совнаркому требовалось спешно заключить перемирие, чтобы выиграть время для разгрома белой армии барона Врангеля, которая вела наступление на юге Украины. Кроме того, Россию и Украину охватила волна крестьянских восстаний. Крестьяне резко выступили против политики «военного коммунизма». Колебания проявлялись и в армии, куда были мобилизованы сотни тысяч молодых крестьян, уже познакомившихся с продразверсткой, репрессиями органов ЧК и отрядов «продармии». Среди красноармейцев широко распространились дезертирство и сдача в плен. К числу прочих проблем добавился неурожай 1920 года в России, повлекший серьезные трудности в снабжении продовольствием вооруженных сил, партийно-советского аппарата и рабочих в городах.

Руководство партии большевиков понимало угрозу своему режиму, а потому стремилось к миру с Польшей. Ленин в заключительном слове на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполкомов Московской губернии 15 октября 1920 года отметил:

«Положение Советской республики чрезвычайно тяжелое, что нас и заставило торопиться с миром перед зимней кампанией. Нас заставило торопиться с миром желание избежать зимней кампании, сознание того, что лучше иметь худшую границу, т.е. получить меньшую территорию Белоруссии и иметь возможность меньшее количество белорусских крестьян вырвать из-под гнета буржуазии, чем подвергнуть новым тяжестям, новой зимней кампании крестьян России. Вот причины»*.

С целью более успешного ведения переговоров, чем в Минске, был полностью обновлен состав российско-украинской делегации на переговорах в Риге. Главой делегации 1 сентября стал Адольф Абрамович Иоффе, который являлся членом коллегии наркомата рабоче-крестьянской инспекции и членом ВЦИК. Он в 1920 году возглавлял советские делегации на переговорах с Эстонией, Литвой и Латвией и зарекомендовал себя успешным дипломатом. Иоффе отличался хорошим образованием и ораторскими способностями. Глава польской делегации Домбский ему проигрывал — не знал ни России (он вырос в Галиции), ни русского языка, а с Иоффе общался по-немецки.

Членами советской делегации были назначены нарком сельского хозяйства Украины Д.З. Мануильский (от УССР), член коллегии наркомата финансов РСФСР Л.Л. Оболенский, представитель РСФСР в Грузии С.М. Киров.

Разумеется, советская делегация была единой, а представительство УССР — фиктивным. Инструкции делегация получала только из Москвы. Из Харькова, тогдашней столицы УССР, никаких инструкций не поступало. ССРБ и вовсе представлена не была, а робкую попытку председателя Белорусского ревкома Червякова принять участие в переговорах решительно пресек Иоффе. Вопросы территориального раздела и самого существования Белоруссии обсуждались без участия этой фиктивно самостоятельной советской республики.

Против участия в переговорах представителей советской Белоруссии высказался нарком иностранных дел РСФСР Чичерин. Тем не менее, полномочия на ведение переговоров были затребованы от ССРБ и 10 сентября получены. Позже, 30 декабря 1920 года Чичерин в письме в политбюро ЦК РКП(б) писал, что белорусская делегация в Риге могла бы «опрокинуть» все наши дипломатические комбинации**.

---

* Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Изд. 5. Том 41, с. 363.

** См.: Снапкоўскі У. Знешнепалітычная дзейнасць Беларускай ССР (1919–1920 гг.) /Беларускі гістарычны часопіс, 2001, № 3, с. 31.

Советская делегация прибыла в Ригу 12 сентября 1920 года. Председатель Военревкома ССРБ А.Г. Червяков и секретарь ВРК П. Клишевский приехали туда 18 сентября, но никакого официального статуса не имели. Формально Червяков считался экспертом при советской делегации, но фактически лишь информировал руководство ССРБ о ходе переговоров. В письме в Минск от 29 сентября он так сообщил о своем неопределенном положении:

«Я принимаю участие в заседаниях, но не исполняю никакой роли — ни полномочного представителя, ни консультанта».

Червяков также написал, что раздел Белоруссии уже предрешен, а участие в переговорах навечно скомпрометирует его как белоруса. Иоффе в ответ на попытку Червякова объяснить, что жители Белоруссии настроены против раздела ее территории, решительно заявил: «мир заключает Россия с Польшей, а не Белоруссия»*.

Не признала полномочий Червякова и Клишевского и польская делегация. Она характеризовала их как «московских чиновников, а не действительных представителей белорусского народа». При этом польские делегаты указали советской стороне на нерешенность проблемы восточных границ Белоруссии, на отсутствие в ССРБ полноправных представительных органов, сформированных на основе свободных выборов, а также на то, что Белорусская советская республики не представлена на международной арене**.

Впрочем, сами белорусские большевики, как члены РКП(б), против такого отношения к их республике со стороны Москвы не возражали. В постановлении III съезда КП(б) Белоруссии (в ноябре 1920 г.) делегаты съезда записали:

«Белоруссия, будучи Социалистической Советской Республикой, одновременно является составной частью РСФСР, и все органы в области общих мероприятий должны быть подчиненными соответствующим комиссариатам РСФСР, но иметь определенную свободу в деле решения вопросов местной жизни»***.

В отличие от белорусских большевиков, правительство БНР, находившееся в эмиграции, выступало против территориального раз-

* Снапкоўскі У. Цит. Соч., с. 32.

** Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 265.

*** По воле народа: Из истории образования Белорусской ССР и создания Коммунистической партии Белоруссии. Документы и материалы. Минск, 1988, с. 187–188.

дела Белоруссии. Узнав о перенесении советско-польских переговоров в Ригу, правительство БНР в начале сентября 1920 года направило в Париж ноту представителям государств Антанты, в которой утверждало, что Россия не имеет права выступать от имени Белоруссии, народ которой имеет свое законное правительство. Не получив ответа, правительство БНР 15 сентября направило в Париж новую ноту. В ней оно призывало страны Антанты признать независимость БНР, защитить ее территорию от захвата Польшей, РСФСР и Литвой, способствовать созданию белорусской армии и содействовать борьбе с «большевистской оккупацией».

В это же время правительство БНР обратилось 7 сентября с нотой к правительству Польши. В ней напоминалось об обещании Пилсудского обеспечить свободу белорусского народа. Обращалось внимание польского правительства на то, что оно признало независимость Украины и Литвы, но не сделало того же в отношении к Белоруссии. В случае признания независимости Белоруссии руководство БНР обещало поддержать идею создания польско-белорусской федерации*.

Однако польское правительство на эти призывы не откликнулось, так как они мешали ему договориться с Россией об установлении мира за счет белорусского и украинского народов.

Наконец, 8 октября 1920 года правительство БНР направило Рижской мирной конференции свое заявление с требованием участия белорусской национальной делегации в российско-украинско-польских переговорах. Подписали заявление председатель полномочной делегации БНР на мирных переговорах в Риге В. Ластовский, член делегации А. Цвикевич и секретарь делегации В. Пигулевский. В заявлении было сказано, что РСФСР и Польша не имеют общих границ, поэтому должны договариваться с правительством БНР: Польша — о своих восточных границах, а РСФСР — о западных. Однако Польша отвергла участие в переговорах делегации правительства БНР. Таким образом, обе стороны договаривались о перемирии, мире и разделе территории без участия представителей белорусского народа.

Советская делегация на Рижской конференции руководствовалась не только инструкциями Леина и Чичерина, но и заявлением Всероссийского ЦИК от 23 сентября 1920 года по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей. Принято оно было после обсуждения доклада Ленина, прочитанного в тот же день. В заявлении ВЦИК говорилось:

---

* Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 278–279.

«Российское Советское Правительство и высший законодательный орган Республики — ВЦИК считают своим долгом принять все меры, принести даже тяжелые жертвы, лишь бы достигнуть мира, положить конец кровопролитию и избегнуть одинаково тяжелой для обеих сторон зимней кампании.

ВЦИК считает, что основой, на которой могло бы быть в самый короткий срок достигнуто желательное соглашение, должно быть осуществление принципа самоопределения для всех областей, территориальные границы которых оспаривались во время войны».

Далее речь шла об уступках польской стороне:

«Поэтому, не желая допускать никаких двусмысленностей и никаких оттяжек по важнейшему вопросу для трудящихся масс, именно по вопросу о зимней кампании, ВЦИК предписывает своей мирной делегации предложить мирной делегации Польской республики, если прийти сразу к соглашению о самоопределении нельзя, заключить немедленно на нижеследующих основах соглашение об основных принципах мира, оставляя в стороне те спорные вопросы и те разногласия в истолковании общих принципов, на почве которых быстрое достижение мира было бы невозможно.

Эти основы соглашения таковы:

Первое. Правительство РСФСР, принимая к сведению заявление польской делегации о неприемлемости для нее первоначальных условий русско-украинской делегации о сокращении численности польской армии, о демобилизации ее военной промышленности, о выдаче ею оружия и о переходе в полную собственность РСФСР железной дороги Волковыск — Граево, отказывается от этих условий и выражает готовность в этом смысле сделать предложение союзной Украинской республике.

Второе. РСФСР готова немедленно подписать перемирие и прелиминарные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее границы, установленной Верховным Союзным Советом 3-го декабря 1919 года, с тем, что Восточная Галиция остается на запад от этой границы»*.

Тем самым Россия отказывалась от линии Керзона и большей части Западной Украины. Но при этом в заявлении был ультимативно определен срок принятия предложения — «в течение 10-ти дней». То есть, советское руководство угрожало Польше продолжением войны в зимней кампании:

«Если до 5-го октября 1920 г. прелиминарные условия мира не будут подписаны, Совет Народных Комиссаров вправе изменить предложенные условия».

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 204–206.

Отметим, что данная угроза не соответствовала положению на фронте, где польские армии продолжали двигаться на восток. Правда, и в советских военных кругах имелись сторонники продолжения войны «до победы». В частности, к ним относились такие влиятельные лица, как председатель РВС республики, наркомвоенмор Троцкий и командующий Западным фронтом Тухачевский, жаждавшие реванша за поражение под Варшавой.

В эти же дни, выступая на митинге в Минске, Троцкий обвинил польское главное командование в том, что под прикрытием мирных переговоров оно готовится разгромить Красную Армию, и закончил свою речь лозунгом: «Дипломатия в Ригу! Красная Армия на Варшаву!» Но Ленин не поддержал Троцкого. А глава советской делегации Иоффе выполнял указания Ленина и Чичерина.

В Польше тоже были влиятельные сторонники продолжения войны, особенно среди офицерства и в объединениях помещиков из Белоруссии и Украины, стремившихся сохранить свои земельные владения на востоке.

Однако не только войска большевиков понесли большие потери. Польская армия в 1919–20 годах потеряла 216 тысяч солдат (в том числе 80% в 1920 году). Из них 17 тысяч погибли в боях, около 30 тысяч умерли от ран и болезней, до 114 тысяч были ранены, примерно 16 тысяч не вернулись из плена, более 39 тысяч дезертировали*.

Отступление из Белоруссии и Украины, Варшавская и Неманская битвы дорого обошлись армии и народу. Поэтому после изгнания врага с польской территории среди солдат широко распространилось желание закончить войну как можно скорее. Польские политические партии, учитывавшие настроение масс, тоже были готовы заключить мир.

Но у разных партий было разное отношение к территориальным условиям мира. Сторонники Пилсудского склонялись к его федералистской концепции, а противники, особенно национал-демократы, предлагали расширить территорию государства на восток значительно дальше этнической Польши.

Условия мирного договора обсуждались на заседаниях Совета обороны государства. Еще 11 августа 1920 года Пилсудский и Витос подписали протокол заседания этого совета, выработавшего инструкцию для польской делегации на мирных переговорах. Было решено, что в предварительных условиях мира не будут устанавли-

---

* Во время Варшавской битвы премьер-министр Винценты Витос, лидер крестьянской партии «Пяст», говорил о нескольких десятках тысяч дезертиров и призывал «сестер-крестьянок» выгонять их из деревень.

ваться границы, если у польских делегатов возникнут сомнения по этому вопросу. Кроме того, предусматривалось:

«Польша не признает права большевиков распоряжаться Вильно, виленской и гродненской землями, Польша по-прежнему придерживается той позиции, что определение границ между Литвой и Польшей может быть предметом переговоров только между Польшей и Литвой с учетом воли населения этих земель».

Был и особый пункт инструкции:

«Если представители Советов поднимут вопрос о Белоруссии, то принять принцип ее независимости»*.

Когда польские войска подошли к линии Керзона, Совет обороны государства 27 августа высказался за ее переход. В черновике протокола заседания записаны слова Пилсудского:

«Продвинуться так далеко вперед, как только можно будет удержаться, — к зиме вплоть до Щары».

На этом же заседании Совета министр иностранных дел Э. Сапега ознакомил собравшихся с позицией правительства:

«Правительство должно стремиться к заключению мира с Советами при условии сохранения границы между Польшей и ее восточными соседями, проходящей по идеальной линии бывших немецких окопов, а затем по линии Горыни и Збруча...

В случае, если удастся договориться о мире, мы порываем связи военного и политического характера с Петлюрой после того, как окажем ему помощь в продвижении на восток и выходе за пределы Восточной Галиции»**.

После дискуссии были приняты следующие пункты:

«1. Совет обороны государства высказывается за возможность перехода линии Керзона...

3. Территории, признанные большевиками за литовцами, могут быть заняты польскими войсками.

4. Директивы для делегации на мирной конференции в отношении линии перемирия: а) на севере — линия немецких окопов; б) на юге — линия по течению Горыни и Збруча»***.

Правительства стран Антанты, особенно французское правительство, внимательно следили за развитием событий. Их позиция существенно влияла на позицию Польши. 6 сентября 1920 года в Пари-

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том III, с . 286.

** Там же, с. 341, 344.

*** Там же, с. 344–345.

же состоялось заседание военного совета Антанты, рассмотревшего новый план совместных действий польской армии и белой армии генерала П.П. Врангеля. В меморандуме военного совета отмечалось:

«Возрождение России может быть осуществлено только русскими силами.

Оно может быть осуществлено только постепенно, путем создания на окраинах России антибольшевистских районов таким образом, чтобы восстановить в условиях порядка и экономической деятельности зародыш нормальной России...

Таким образом, путем создания врангелевской России и освобождения казачьих территорий, затем путем создания украинской России, Белоруссии и т.д., Россия подойдет к созданию федеративного устройства в условиях более или менее широкой автономии составляющих ее частей, причем это устройство будет, по-видимому, неизбежной стадией в реставрации великой России».

В данной связи военный совет Антанты ограничил продвижение польской армии на восток и возможности Польши перенести восточную границу слишком далеко:

«Однако польское сотрудничество в том виде, в каком оно намечено выше, по-видимому, следует ограничить, чтобы не оскорблять национального чувства русских, не бросить Польшу на путь авантюр, не нарушать согласия между союзниками. Вступление польской армии в Россию сразу же вызовет, как это было в период киевской экспедиции, рост национального чувства у русских в пользу Советов»*.

Учитывая мнение правительства стран Антанты, польский Совет обороны государства 11 сентября 1920 года принял решение о восточных границах Польши, которых следует добиваться на мирных переговорах. На юге — границы по Збручу и Горыни, а на севере — по предложению военных, указанных в памятной записке начальника генштаба генерала Розвадовского: установление границы в 30–50 километрах восточнее линии Лида — Лунинец — Сарны — Ровно — Проскуров — Каменец-Подольский**.

Через месяц, 10 октября, министр иностранных дел Сапега направил инструкцию польским дипломатическим представителям в других странах об основных направлениях восточной политики Польши. В ней он признал:

«Мы не верим в прочность большевистской системы в России...

Что касается генерала Врангеля, то необходимо решительно под-

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том III, с. 366–367.

** Там же, с. 385–386, 390.

черкнуть, что позиция, которую мы могли занять по отношению к широкой кампании и его борьбе за возврат утраченной собственности, зависит в первую очередь от признания им наших границ, утвержденных прелиминарными условиями мира, об умеренном характере которых может свидетельствовать тот факт, что мы имели возможность занять Минск, Житомир и Каменец, однако не сделали этого, учитывая интересы будущей России»*.

Иными словами, договариваясь в Риге о мире с советской делегацией, польские представители устанавливали восточную границу Польши с будущей белой Россией, а потому были относительно скромны в своих притязаниях.

Польская делегация была настроена на заключение мира. Однако вопрос стоял не только о границах, но и о важных железнодорожных линиях стратегического значения, которыми овладели польские войска в ходе осеннего наступления и от которых поляки отказаться не могли. Польские войска находились восточнее железнодорожной магистрали Броды — Ровно — Сарны — Лунинец — Барановичи — Лида. В начале октября, после похода Желиговского, эта линия продлилась до Вильни и Двинска. Кроме того, важное значение придавалось сохранению польской границы с Латвией, отрезавшей от РСФСР ее тогдашнюю союзницу Литву.

Среди членов польской делегации имелись разногласия по ряду вопросов. Так, делегаты от министерства иностранных дел во главе с Яном Домбским (членом крестьянской партии «Пяст») и Леоном Василевским придерживались федеративной концепции Пилсудского. В группе депутатов сейма победила концепция Ст. Грабского (национал-демократа), требовавшего перенести восточную границу за этнографическую польскую границу, но не настолько далеко, чтобы затруднить ассимиляцию местного населения. Домбский подчинялся решениям большинства делегации.

Для советской делегации самым важным вопросом при заключении мира являлось сохранение большей части Украины под контролем РСФСР. В условиях голода, вызванного неурожаем 1920 года, хозяйственной разрухи и расстройства снабжения большевистское руководство России категорически не хотело потерять Украину с ее черноземом и природными богатствами. Поэтому в вопросе об украинской территории советская делегация была неуступчивой. Что касается Белоруссии, то из-за ее бедности и менее важного страте-

* Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Том III, с. 426–427.

гического значения можно было и уступить часть территории ССРБ, а то и всю ее целиком.

Пилсудский как глава государства не имел таких полномочий, чтобы постоянно вмешиваться в ход переговоров, хотя своих представителей в Риге он имел. Польская делегация в Риге действовала достаточно самостоятельно и не очень считалась с мнением главы государства.

Перед выездом в Ригу состав польской делегации был несколько изменен. Ее председателем остался Ян Домбский, вице-министр иностранных дел и депутат сейма от крестьянской партии «Пяст». Взамен трех выбывших членов в состав делегации были включены видный деятель социалистической партии Леон Василевский, доктор права Витольд Каменецкий и генерал Мечислав Куклинский, первый заместитель начальника генштаба. Всего в польской делегации было 10 человек, а вместе с экспертами (13 человек), дипломатическим и техническим персоналом — около 80 человек. 14 сентября делегация со всем персоналом выехала из Варшавы в Гданьск (Данциг), оттуда на пароходе в Либаву, затем по железной дороге в Ригу. 19 сентября она прибыла в Ригу.

ПЕРЕГОВОРЫ В РИГЕ
(сентябрь — октябрь 1920 г.)

21 сентября 1920 года в центре Риги, в старинном здании «Дом черноголовых», при большом представительстве дипломатов и прессы, состоялось первое заседание советско-польской мирной конференции. Открыл ее приветственной речью премьер-министр Латвии З. Мееровиц. Затем выступили председатели делегаций Ян Домбский и Адольф Иоффе. Состоялась взаимная проверка полномочий, и на этом заседание завершилось.

25 сентября газета «Известия» опубликовала заявление ВЦИК по вопросу об основах соглашения между РСФСР и Польшей (цитированной выше). Глава Совнаркома Ленин в радиограмме Иоффе требовал срочно заключить перемирие, а в десятидневный срок еще и мир. В этой радиограмме, отправленной сразу же после публикации заявления ВЦИК, Ленин предлагал дать максимальные уступки польской стороне — до линии по реке Щара, каналу Огинского, рекам Ясельда и Стырь, далее до старой российско-австрийской границы*.

---

* Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 250.

На втором заседании 24 сентября Иоффе ознакомил польскую делегацию с заявлением ВЦИК от 23 сентября, в которой советская сторона впервые предложила «немедленное торжественное подтверждение как Польшей, так и Россией независимости Украины, Литвы, Белоруссии и признание независимости Восточной Галиции», соглашаясь на плебисцит в Восточной Галиции, где нет еще советского строя. Причем плебисцит в последней области провести «по обычному буржуазно-демократическому принципу»*.

Советская делегация предложила Польше принять за основу границы Польши с ССРБ и ССРУ линию от госграницы Литвы с Белоруссией возле впадения Свислочи в Неман (25 км юго-восточнее Гродно) — Беловежа — Каменец-Литовский — Любомль — Владимир-Волынский, далее по реке Збруч, а затем до Днестра.

Польская делегация отказалась обсуждать данный проект мирного соглашения. 27 сентября Ян Домбский в своем выступлении, во-первых, отверг принцип самоопределения наций на советской основе (сделав, однако, уступку в отношении УССР) а во-вторых, не согласился с предложенной границей.

На этом же заседании были созданы четыре совместные комиссии (главная, территориальная, юридическая и финансово-экономическая), которым было поручено выработать соответствующие статьи соглашения о перемирии и мирного договора**.

Переговоры в Риге происходили уже после начала Неманской операции польских войск. Поэтому аргументация советской стороны по территориальному вопросу устарела. Польские войска с каждым днем продвигались все дальше на восток от той линии, которую предлагала в качестве государственной границы советская сторона. А советское руководство из Москвы торопило Иоффе, чтобы он поскорее заключил перемирие.

Первое заседание главной комиссии мирной конференции состоялось 28 сентября. В ночь на 28 сентября Иоффе получил телеграмму из Москвы, предлагавшую изменить тактику ведения переговоров и пойти на уступки польской стороне, по-прежнему не уступая ей в вопросе о территории Украины. Утром 28 сентября Иоффе представил членам своей делегации новый проект соглашения, отличавшийся от заявления ВЦИК, озвученного 24 сентября. В связи с захватом польской армией Пинска, Слонима и Баранович советская делегация приняла более мягкий тон.

Для ускорения переговоров было решено встречаться по вечерам главам делегаций и секретарям. Такую инструкцию Иоффе получил из наркоминдела. Польская сторона согласилась. Помимо от-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 205.

** Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985, s. 43–44.

крытой дипломатии, которую советская сторона использовала для пропаганды, делегации обеих сторон воспользовались методами тайной дипломатии. В этих закрытых встречах принимали участие с советской стороны Адольф Иоффе и Иван Лоренц, с польской — Ян Домбский и Александр Ладось. Они происходили наряду с пленарными заседаниями и заседаниями комиссий*. Первая встреча состоялась вечером 1 октября (в 22.10) во дворце «черноголовых». Всего их было пять.

Ян Домбский в своей книге о Рижском мире писал, что на закрытых встречах глав делегаций обсуждались наиболее важные вопросы, и оба председателя говорили достаточно откровенно. Так, Иоффе уже при первой встрече сказал Домбскому, что Россия уступать Украину Польше ни в коем случае не намерена. Поэтому упорство польской делегации грозит лишь продолжением войны. Но в качестве компенсации за Украину советская сторона готова отдать Польше Белоруссию. Однако, как уже сказано выше, польская сторона отказалась принимать такой «подарок», чтобы не довести численность белорусов в своем государстве до критической массы**.

Особенно противился включению в состав Польши территории тогдашней восточной Белоруссии профессор Станислав Грабский, председатель коиссии сейма по иностранным делам, сподвижник лидера национал-демократов Романа Дмовского. Он первый стал убеждать остальных членов польской делегации отказаться от предложения Иоффе передать Польше Минск вместе со всей тогдашней территорией ССРБ, причем выступал против в том же духе и на пленарных заседаниях. На это с удивлением обратил внимание Иоффе, который заявил, что «пан Грабский очень уступчивый», он «отказался даже от восточной окраины Виленской губернии»***.

Официальные и неофициальные заседания проводились параллельно. Обычно договоренности, достигнутые на закрытых встречах, затем обсуждались в делегациях, чтобы потом зафиксировать их официально. Иоффе постоянно информировал наркома Чичерина о ходе явных и тайных переговоров.

Во время первой закрытой встречи обсуждался, в числе прочих, вопрос о представительстве Украинской ССР и об отношении к Белоруссии. Иоффе открыто заявил:

> «Польша, видимо, хочет создания буферных государств. Россия уже такие государства создала, но только такая форма их существования и приемлема для России... Россия может дать Украине незави-

* Kumaniecki J. Op. cit., s. 44–46.

** Dąbski J. Pokój Ryski. Warszawa, 1931, s. 78.

*** Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. 2-e wyd. Tom 2. Londyn, 1967, s. 552.

симость, но не может иметь на Украине враждебного для себя правительства. ...Украина является самостоятельным государством, но имеет правительство, состоящее из людей, симпатизирующих России. Это два государства, но с одной только армией, а собственно три государства, ибо существует еще Белоруссия»*.

Обсуждая вопрос представительства на переговорах, Иоффе отметил следующее:

«Свершившимися фактами являются Украина и Белоруссия, естественно, советские и в сфере влияния России. Если Польша хочет, то можно позаботиться о делегации белорусского правительства, которая дополнит нынешнюю российско-украинскую делегацию. Однако я считаю, что для Польши выгоднее, чтобы такой делегации не было и чтобы не было мандатов со стороны Белоруссии».

Иоффе заявлял при этом, что в Белорусси проживает в основном русское население. То есть, он отрицал существование белорусского народа, как это было присуще всем российским большевикам:

«Белоруссия должна остаться в российской сфере влияния, так как мы имеем обязательства по отношению к ее населению и должны защитить ее от возвращения польских панов. Это — социальный вопрос, потому что там крестьянин русский, а землевладелец — поляк»**.

Говоря о границах, Домбский высказался за проведение линии таковых восточнее железной дороги Барановичи — Лунинец — Сарны — Ровно. Иоффе же заявил, что по его инструкции, «не может быть и речи о дальнейших уступках со стороны России, кроме таких, при которых железнодорожная линия Лида — Барановичи — Лунинец — Ровно — Броды осталась бы в украинских руках и, соответственно, белорусских»***.

На это Домбский решительно не согласился. Иоффе настаивал на своем. В спор вмешался секретарь польской делегации А. Ладось:

«Взгляд на карту достаточно показывает, почему Польша должна требовать границ подальше. 30-миллионное государство не может согласиться с тем, чтобы армия 120-миллионного государства стояла в такой близости от его столицы. Линия Буга является последней линией обороны перед Варшавой. Для Польши возможна только альтернатива: или границы значительно дальше, или настоящая независимость Белоруссии. Тогда Польша должна была потребовать

* Dąbski J. Op. cit., s. 105.
** Там же, с. 107.
*** Там же, с. 107.

отхода российской армии на 25 верст не от восточной границы Польши, а от восточной границы Белоруссии»*.

После этой дискуссии ее содержание обсудила вся польской делегации и поручила Домбскому на второй закрытой встрече передать Иоффе общее решение относительно восточной границы Польши: река Збруч — Ровно — Сарны — Лунинец — западнее Минска — Вилейка — река Дисна до Двины. Граница должна пройти чуть восточнее этой линии.

На заседаниях территориальной комиссии польские и российские делегаты проводили линию границы через густо населенные районы, не обращая внимая на связь деревень между собой. Поэтому во многих случаях близкие родственники оказались по разные стороны государственной границы. Доходило до курьезов. Один из польских делегатов попросил советских оставить одну из деревень на польской стороне потому, что там живет любимая теща. Советские делегаты уважили просьбу и передали Польше тещу и ее усадьбу вместе со всей деревней.

На закрытой встрече председателей делегаций, состоявшейся 2 октября, Домбский сразу озвучил решение польской делегации о границе. Он также заявил, что Польша настаивает на «коридоре» до Латвии и «обеспечении железнодорожной линии» Лида — Лунинец — Броды. Граница под Минском будет в Койданове (ныне Дзержинск). В ответ Иоффе сослался на инструкции из Москвы и снова назвал рубежи в Гродненской губернии: река Щара — канал Огинского — Ясельда — Стырь и так далее. Он заявил, что для России принять ту границу, которую предлагает Польша, будет очень тяжело, однако он пошлет запрос в Москву**.

Во время этой встречи Домбский предложил и иной вариант решения территориального вопроса: установить восточную границу Беларуси по линии этнографического расселения белорусов, а ее западную границу — примерно по «линии Керзона». Но при этом вывести российские и польские войска из Белоруссии на 25 верст за установленные границы и под международным контролем опросить населения (т.е. устроить плебисцит) относительно формы государственнрого устройства. Тем самым создалось бы буферное государство между Польшей и Россией. Иоффе решительно отверг это предложение***.

Белорусский историк Ю. Туронок утверждает, что Иоффе предложил Домбскому передать Польше всю ССРБ взамен территори-

---

* Dąbski J. Op. cit., s. 107–108.

** Там же, с. 111.

*** Ладысеў У. Рыжскі мірны дагавор... /Беларускі гістарычны часопіс. 2001, № 3, с. 26–27.

альных уступок в Украине и официального признания Польшей УССР. Об этом предложении Иоффе пишут и польские историки.

Среди членов польской делегации возникла дискуссия по этому вопросу. За присоединение к Польше территории ССРБ выступили представители Польской социалистической партии Витольд Каменецкий и Леон Василевский (отец польско-советской писательницы Ванды Василевской). Но их аргументы не нашли поддержки у большинства польской делегации, и было решено добиваться включения в состав Польши только тех территорий, которые считались «бесспорно польскими», т.е. где в основном жили католики*.

Пока шли переговоры в Риге, положение Красной Армии на фронте все более ухудшалось. 2 октября пресловутая железнодорожная линия Лида — Барановичи — Лунинец — Сарны — Ровно уже полностью находилась в руках польских войск, а их дивизии продолжали движение на восток.

Дезертирство в войсках Западного фронта достигло массовых размеров. Только за сентябрь — октябрь комиссии по дезертирству вернули в войска более 120 тысяч дезертиров.

4 октября 1920 года политбюро ЦК РКП(б) рассмотрело польские предложения о мире. Часть членов политбюро, в том числе Н.И. Бухарин, выступили против них, но большинство высказалось «за». В тот же день Иоффе получил из Москвы инструкцию подписать перемирие и прелиминарный мирный договор в течение ближайших 3–4 дней**.

Последняя закрытая встреча председателей обеих делегаций состоялась днем 5 октября. На ней были приняты основные положение договора о перемирии и предварительных условиях мира. Оба председателя — Ян Домбский и Адольф Иоффе — подписали протокол о результатах своих переговоров и о согласии подписать соответствующий договор не позже пятницы 8 октября.

В тот же день, 5 октября было объявлено о достижении согласия по заключению договора о перемирии и предварительных условиях мира. Но 8 октября договор не был подписан. Причин было две. Первая — технические трудности, в том числе подготовка текста. Вторая — более серьезная. Представитель генерального штаба подполковник Игнаци Матушевский требовал от секретаря польской делегации Александра Ладося задержать на 2–3 дня составление

* Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 255.

** Ольшанский П.Н. Рижский мир. М., 1969, с. 145.

текста договора по черновикам. Время требовалось для операции по временному захвату Минска, где находились в тайнике архивы «двуйки» (2-го управления по разведке и контрразведке генерального штаба), еще не найденные большевиками, со сведениями об агентурной сети в России*. Архивы были оставлены при поспешном отступлении поляков в июле 1920 года.

Как известно, такую операцию группа подполковника Густава Пашкевича провела 15—17 октября, чему не помешало перемирие. Но подготовлена она была заранее.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ДОГОВОРА О ПЕРЕМИРИИ И ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ МИРА

12 октября 1920 года, в 19.30 по местному времени, в большом зале «Дома черноголовых», состоялось последнее заседание мирной конференции. На нем был подписан объемный документ под названием «Договор о прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР, с одной стороны, и Польшей, с другой». Свидетелями этого события стали несколько десятков журналистов из разных стран мира.

В качестве приложений к договору были добавлены: 1) карта с начертанием линии границы; 2) договор о перемирии, считавшийся частью договора о прелиминарных условиях мира; 3) добавочный протокол к договору о перемирии и прелиминарных условиях мира (который оглашению не подлежал). Договоры и этот протокол подписали все члены делегаций.

Все акты были составлены на русском, украинском и польском языках, каждый в двух экземплярах. Однако присланные из Москвы «представители» советской Украины не знали украинского языка (!), а потому по просьбе советской делегации перевод текста договора на украинский язык сделал член польской делегации Леон Василевский.

Договор о предварительных условиях мира состоял из 17 статей. Наиболее важная 1-я статья содержала признание независимости Украины и Белоруссии обеими сторонами и определяла линию восточной границы Польши с Белоруссией и Украиной, с точным описанием пунктов, через которые проходила государственная граница от Западной Двины до впадения реки Збруч в Днестр. Эта граница была определена на карте русского издания (масштаб 25 верст в одном английском дюйме). В случае разницы между текстом и картой

* Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921, s. 54.

решающее значение имел текст. Подробное установление и проведение границы на местности стороны возложили на смешанную пограничную комиссию, которую следовало создать после ратификации договора. Она же должна была установить пограничные знаки.

Важное значение имела следующая часть этой статьи:

> «Россия и Украина отказываются от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от этой границы. Со своей стороны, Польша отказывается в пользу Украины и Белоруссии от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к востоку от этой границы»*.

Россия отказалась от западной части Белоруссии — территории Гродненской и Виленской губерний, Пинского и Новогрудского уездов, частей Минского, Слуцкого, Борисовского и Мозырского уездов Минской губернии. А поскольку восточная граница ССРБ проходила в 40–45 километрах восточнее Березины, то в составе ССРБ осталось лишь 6 уездов (поветов) бывшей Минской губернии: Борисовский, Минский, Слуцкий, Бобруйский, Игуменский и Мозырский**.

Еще одним важным положением этой статьи являлось следующее:

> «Обе договаривающиеся стороны соглашаются, что, поскольку в состав земель, расположенных к западу от вышеустановленной границы, входят территории, спорные между Польшей и Литвой, вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой»***.

Таким образом, РСФСР официально отказалась от всяких прав на Западную Белоруссию и Западную Украину, что затем подтверждалось в последующих договорах СССР с Польшей. Однако, когда Сталин решил возвратить СССР бывшие границы Российской империи путем сговора с Гитлером, договор с Польшей был нарушен, несмотря на все торжественные обязательства.

Важной в международных отношениях была и 2-я статья договора:

> «Обе договаривающиеся стороны взаимно подтверждают полное уважение их государственного суверенитета и воздержание от како-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 247.

** Витебская, Гомельская и западная часть Смоленской губерний ранее отошли к РСФСР, а три уезда Витебской губернии РСФСР передала Латвии при заключении советско-латвийского мирного договора в 1920 г.

*** Документы внешней политики СССР. Том III, с. 247–248.

го-либо вмешательства во внутренние дела другой стороны, причем обе договаривающиеся стороны постановляют включить в мирный договор обязательство не создавать и не поддерживать организаций, ставящих себе целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны, покушающихся на территориальную целостность ее, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительства другой стороны. С момента ратификации настоящего договора обе договаривающиеся стороны обязуются не поддерживать чужих военных действий против другой стороны»*.

Эта статья фактически запрещала Польше оказывать помощь подразделениям украинской армии и российским воинским формированиям, находившимся на ее территории.

Остальные статьи договора имели юридический, социальный, культурный и финансово-экономический характер, включая обмен гражданских пленных, интернированных, а по мере возможности и военнопленных, беженцев и эмигрантов.

7-я статья договора гласила:

«Немедленно после подписания настоящего договора будут образованы смешанные комиссии в целях безотлагательной выдачи заложников и незамедлительного обмена гражданских пленных, лиц интернированных, а по мере возможности и военнопленных и организации возвращения беженцев и эмигрантов.

В целях урегулирования вопросов, связанных с немедленным возвращением заложников, гражданских пленных, лиц интернированных, беженцев и эмигрантов, а также военнопленных, обе стороны обязуются незамедлительно по подписании настоящего договора заключить особое соглашение на сей предмет»**.

Бросается в глаза полное игнорирование обеими сторонами интересов граждан белорусской национальности. Так, 3-я статья договора гласила:

«Обе договаривающиеся стороны обязуются включить в мирный договор постановления о свободном выборе (оптации) российского или украинского, равно как и польского, гражданства, с тем чтобы за оптантами были признаны все без исключения права, кои мирным договором будут предоставлены гражданам обеих сторон»***.

В том же духе была составлена и 4-я статья договора:

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 248.

** Там же, с. 249.

*** Там же, с. 248.

«Обе договаривающиеся стороны обязуются включить в мирный договор постановления, гарантирующие, с одной стороны, лицам польской национальности в России и Украине все те права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и исполнение религиозных обрядов, которыми будут пользоваться лица русской и украинской национальности в Польше, а с другой стороны, лицам русской и украинской национальности в Польше все те права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и исполнение религиозных обрядов, которыми будут пользоваться лица польской национальности в России и Украине»*.

В последней, 17-й статье договора оговаривалось, что договор вступает в силу с момента обмена ратификационными грамотами и составления соответственного протокола в Либаве (Лиепае). Обе стороны обязались ратифицировать договор в течение 15 дней после его подписания, а обмен ратификационными грамотами произвести не позже шести дней после ратификации.

В качестве приложения № 2 к договору о прелиминарных условиях мира был подписанный всеми делегатами договор о перемирии (от 12 октября 1920 г.) из 13 статей.

Стремясь скорее заключить перемирие, советская делегация в Риге по инструкциям из Москвы пошла на значительные уступки польской стороне в вопросах военного характера. Особенностью договора о перемирии явилось прекращение военных действий на фронте только через 144 часа (6 суток) после акта подписания, т.е. в 24 часа по среднеевропейскому времени 18 октября. Это позволило польским войскам продолжать наступательные операции местного значения в ряде районов с целью улучшения своих позиций.

Согласно 2-й статье договора о перемирии войска сторон оставались на своих позициях к моменту прекращения военных действий, но затем части Красной Армии должны были отступить на 15 километров от линии фронта. Образовавшаяся при этом полоса в 15 километров становилась нейтральной зоной. После ратификации прелиминарного договора то же самое должны были сделать и польские войска. Таким образом возникала уже 30-километровая нейтральная зона, сохранявшаяся до момента ратификации окончательного мирного договора.

Все передвижения войск поручалось осуществить командующим армиями и дивизиями, а офицерам связи гарантировалась дипломатическая неприкосновенность, ибо они высылались в дивизии и армии противной стороны.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 248.

При отходе войск воспрещалось брать заложников или эвакуировать гражданское население, а также забирать имущество, в том числе железнодорожные составы. Запрещалось всякое передвижение людей с одной стороны на другую, за исключением офицеров связи и их помощников.

Перемирие устанавливалось на 21 день, но каждая из сторон имела право отказаться от перемирия с предупреждением за 48 часов. Если до истечения этого срока перемирия ни одна из сторон не откажется от него (так и было), то перемирие автоматически продолжалось до ратификации окончательного мирного договора (на это ушло несколько месяцев), но и в этом случае каждая из сторон имела право отказаться от перемирия с предупреждением за 14 дней*.

Все передвижения войск для занятия указанных линий должны были начаться не позже, чем через 24 часа после прекращения военных действий, т.е. не позже 24 часов 19 октября. Передвижение войск должно было происходить со скоростью не менее 20 километров в сутки.

Добавочный протокол к договору о перемирии и прелиминарных условиях мира касался экономических вопросов в отношениях между Польшей и Россией.

В результате заключения договора о предварительных условиях мира и перемирии была установлена государственная граница между Польшей и ССРБ, Польшей и УССР. В Белоруссии остались на советской стороне такие крупные населенные пункты как Бегомль, Бобруйск, Борисов, Ельск, Игумен (Червень), Кличев, Копыль, Логойск, Минск, Мозырь, Осиповичи, Паричи, Слуцк, Туров, Холопеничи.

На востоке граница между ССРБ и РСФСР была определена правительством РСФСР после вторичного провозглашения советской Белоруссии 31 июля 1920 года. Она совпадала с границей бывшей Минской губернии на востоке, но не всей. За РСФСР остались Речица, Лоев, Наровля и железнодорожный узел Калинковичи (в 17 км севернее Мозыря).

Но и эта территория была частично занята польскими войсками. Так, 13 октября польские войска захватили Туров, а 16 октября — Житковичи и Домановичи, к 18 октября они были в Копцевичах (на реке Птичь). 11-й польская пехотная дивизия 11–12 октября заняла уездный город Слуцк, а к 18 октября российские войска в этом районе были оттеснены на 25 верст восточнее Слуцка, за деревни Омговичи, Дарасино и Закальное.

К моменту полного прекращения военных действий войска Западного фронта на северном его участке располагались в 15 кило-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 253–255.

метрах от границы. Севернее местечка Узда (55 км юго-западнее Минска) линия фронта отходила на юго-восток к Веркалам (12 км южнее Шацка), затем шла восточнее деревень Омговичи и Дарасино (Слуцкий район) — Закальное (Любанский район) — Комаровичи — Бобрик — Голубица на Припяти — Махновичи — Ельск. Здесь польские войска зашли на восток от границы с ССРБ на 50—100 километров.

На территории Украинской ССР к моменту прекращения военных действий польские войска занимали Олевск, Новоград-Волынский, Славуту, Изяслав, Старокостантинов, Проскуров (ныне Хмельницкий) и Каменец-Подольский*. Они находились восточнее линии новой границы на 30—90 километров. Но по условиям перемирия должны были начать отход назад.

Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира от 12 октября в короткие сроки ратифицировали обе сторонами. 21 октября его ратифицировал на чрезвычайной сессии Всеукраинский ЦИК, 23 октября — на чрезвычайной сессии и без дискуссии Всероссийский ЦИК, а сейм Польши — 22 октября. Для приличия 27 октября его одобрил и Военно-революционный комитет Белоруссии. Обмен ратификационными грамотами произошел в Либаве 2 ноября 1920 г.

Договором о предварительных условиях мира был недоволен Пилсудский. Выразил свое неудовлетворение условиями договора и министр иностранных дел Э. Сапега. Но сейм обладал высшей властью и договор ратифицировал.

Этот договор вызвал единогласное возмущение со стороны «Союза поляков белорусских крэсов». Эдвард Войнилович в своих мемуарах, в записи от 24 октября 1920 года отметил, что фактически произошел «четвертый раздел страны»:

> «Белорусы нас не поймут, поскольку мы сами, жалуясь на протяжении стольких лет на раздел государства между тремя соседями, теперь, не спросив белорусов, расчленили их страну»**.

На собрании «Союза поляков белорусских крэсов» в Варшаве, где присутствовали около 500 человек, был заслушан отчет Мирослава Обезерского, делегированного в Ригу как эксперта по белорусскому вопросу. Он доказывал, что Иоффе охотно уступал восточные земли до Днепра и Двины. Однако Грабский, который вел переговоры за плечами делегации, пришел к заключению, что Польше раз

---

* Pobóg-Malinowski W. Najnowsza historia polityczna Polski. 2-e wyd. Tom 2. Londyn, 1967, s. 553.

** Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007, с. 335—336.

и навсегда необходимо избавиться от этой «белорусской язвы», и удовлетворился линией сегодняшнего перемирия:

> «Эксперты и генерал Кулиньский не были приглашены, чтобы высказать свое мнение... Для сейма было важным, чтобы каждая партия была представлена в составе делегации, а будут ли это политически и дипломатически грамотные люди, никто не заботился. Зато сполна этими достоинствами могла похвастаться большевистская делегация во главе с Иоффе»*.

Собрание выразило возмущение поведением польской делегации на переговорах. Тем более, что как выяснилось, из числа лиц на выезд в Польшу, включенных в список, поданый новому начальнику «Восточных земель» Владиславу Рачкевичу, в Минске уже после заключения перемирия были расстреляны 140 человек. Большевики с польской стороной теперь уже не церемонились и упрочили свою «победу над третьим походом Антанты» посредством очередного избавления от «контрреволюционных элементов».

---

* Войнилович Э. Воспоминания, с. 336–337.

Глава 15

ПОХОД БУЛАК-БАЛАХОВИЧА В ПОЛЕСЬЕ

ПРОВАЛ НАСТУПЛЕНИЯ УНА (октябрь 1920 г.)

Статья 2-я договора о предварительных условиях мира запрещала пребывание на территории обеих сторон вооруженных сил и организаций, «ставящих себе целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной». А такие вооруженные силы имелись. В Белоруссии создавались подразделения Польской Красной Армии. Но их быстро вывели на Урал, а после ратификации договора и вовсе расформировали за ненадобностью.

Сложнее обстояло дело у польской стороны. В Украине вместе с польскими войсками сражалась союзная им украинская национальная армия С.В. Петлюры (УНА). Подписав договор о перемирии, польское правительство поставило своих украинских союзников перед выбором: либо сложить оружие и ликвидировать свою армию, либо вести борьбу с Красной Армией самостоятельно.

В таком же положении оказались российские воинские части, формировавшиеся в Польше из добровольцев и военнопленных красноармейцев. Еще в августе 1920 года руководитель Русского политического комитета в Польше Борис Викторович Савинков, сообщил в письме Пилсудскому, что на 23 августа сформирован штаб Российской армии, 3 стрелковых полка (по 200—460 человек), два полка казаков (оренбургских и кавказских), дивизион артиллерии и другие части — всего 2711 человек, в том числе 710 офицеров и военных чиновников.

Савинков сообщал, что есть еще две отдельные части казаков: бригада есаула М.И. Яковлева и бригада есаула А. Сальникова*. Это насильно мобилизованные большевиками донские и кубанские казаки, которые летом 1920 года перешли из 1-й Конной армии на польскую сторону. Они не пожелали присоединять к новой Российской армии, так как ее формировал генерал Петр Владимирович Глазенап, которого казаки считали сторонником Деникина и Врангеля, а, значит, противником автономии Дона и Кубани.

---

* В 1939—40 гг. М.И. Яковлев, находясь в Польше, участвовал в движении сопротивления немецким оккупантам, летом 1940 был арестован гитлеровцами и в апреле 1941 погиб в концлагере Освенцим.

Во время летней кампании 1920 года в Полесье действовал и Белорусский особый отряд под командованием генерала С.Н. Булак-Балаховича, который тоже считался чужеродным войском и после ратификации договора о перемирии подлежал разоружению, либо должен был перейти к самостоятельным действиям против большевиков на советской территории.

После заключения советско-польского перемирия Пилсудский вызвал Савинкова и предложил в 24 часа дать ответ, будут ли они воевать. Савинков собрал представителей русских и белорусских формирований, передал им требование Пилсудского. На совещании присутствовали генерал С.Н. Булак-Балахович, его брат, полковник И.Н. Булак-Балахович, русские генералы Б.С. Перемыкин и П. Махров (представитель Врангеля). Они единогласно решили воевать. Савинков определил общие силы в 27 тысяч солдат*.

Но при этом генерал Перемыкин, поддержанный Махровым, отказался подчиняться С.Н. Балаховичу и заявил, что его части будут действовать на правом фланге украинской армии, т.е. поближе к врангелевской армии. А Булак-Балахович заявил, что избирает другое направление для наступления: Лунинец — Мозырь.

Чтобы поддержать действия своих союзников, польское командование в последний момент (8–12 октября) провело рейд на Коростень. С той же целью, используя шестидневный срок для продолжения военных действий после подписания договора о перемирии, польские войска в Украине продолжили свое наступление. Польское командование хотело создать лучшие позиции своим украинским союзникам, а в Полесье — обеспечить фланг отряда Балаховича.

К 20 октября, на момент полного прекращения военных действий, линия Юго-Западного фронта проходила следующим образом: река Уборть (южнее Турова) — район Олевска — река Случь — район Новограда-Волынского — местечко Литин (35 км западнее Винницы) — река Мурафа до впадения ее в Днестр возле города Ямполь**.

На следующий день (21 октября) 30-тысячная украинская национальная армия устремилась вперед. В первые дни она продвигалась в районе Могилева-Подольского в полосе шириной 30 километров. Затем продвижение произошло и других участках фронта. Вместе с УНА двигались российские части генерала Бориса Перемыкина и казачья бригада есаула М.И. Яковлева. Кстати говоря, части гене-

* Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. М., 1924, с. 104–105.

** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 401.

рала Б.С. Перемыкина (8–9 тысяч человек) Врангель назвал 3-й русской армией.

Однако вступление украинских и белогвардейских подразделений на территорию, признанную договором от 12 октября принадлежащей УССР, облегчалось нахождением там польских войск. Вывод их начался с 8 ноября. Лишь тогда украинские войска вступили в боевой контакт с войсками ЮЗФ.

Этот поход в Украину был спланирован в рассчете на поддержку со стороны украинских повстанческих отрядов. Однако поздней осенью участники этих отрядов разошлись по домам, а многие активные участники антисоветского сопротивления к тому времени были уже казнены чекистами. Поэтому УНА сколько-нибудь значительной поддержки со стороны местного населения не получила. Между тем, войска Юго-Западного фронта РСФСР составляли 46% всех вооруженных сил, находившхся в конце октября 1920 года в Украине. Белая армия Врангеля составляла 19%, польские войска — 19%, войска УНА — 8%, повстанцы (больше всех у Махно) — тоже 8%*.

Украинским войскам удалось занять местечко Литин, продвинуться к Бердичеву и Виннице, выйти на линию Бар — Ялтушков — Замехов — Рудковцы (граница нынешних Винницкой и Хмельницкой областей).

Следующий этап наступления командование УНА планировало на 11 ноября. Но войска Юго-Западного фронта нанесли упреждающий удар на день раньше, а 14 ноября перешли в общее наступление. Несмотря на ряд контратак противника в районах Жмеринки и Бара, «красные» 16 ноября заняли Каменец-Подольский, а 18 ноября вышли на линию Каменец-Подольский — Деражня — Летичев. Красная конница нанесла мощный удар по войскам УНА, Перемыкина и Яковлева. 21 ноября им пришлось уйти за реку Збруч у Волочиска и Тарноруды. Там, за линией государственной границы, эти войска были интернированы.

Сам переход границы под сильным натиском Красной Армии происходил поспешно и хаотично (офицеры уходили с семьями). Из-за этого украинские войска потеряли много снаряжения, бронепоезда и значительную часть артиллерии. Много украинских солдат попало в плен. Всего границу перешли 17 тысяч украинских солдат и офицеров, 3 тысячи кубанских казаков есаула Яковлева и 7 тысяч солдат и офицеров 3-й армии генерала Перемыкина**.

После провала украинского похода на польской территории осталась еще одна группа войск — белорусские и российские части

---

* Hrycak J. Historia Ukrainy: 1772–1999. Lublin, 2000, s. 161.

** Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918–1924. Toruń, 1991, s. 74, 85.

генерала С. Булак-Балаховича, готовившиеся к походу в белорусское Полесье, а в случае удачи предприятия — и в Россию. Эта страница истории гражданской войны очень мало освещена в российской исторической литературе.

РУССКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМИТЕТ В ПОЛЬШЕ

Важную роль в антибольшевистской деятельности на территории Польши в 1920 году играл Русский политический комитет, служивший центром левого крыла российской эмиграции. Возглавлял его Борис Викторович Савинков (1879–1925), в прошлом — один из руководителей боевой (фактически террористической) организации российской партии социалистов-революционеров (эсэров). Прославился он и своими литературными произведениями на тему революции и революционного террора.

После октябрьского переворота 1917 года Б.В. Савинков участвовал в создании Добровольческой армии на Дону, был организатором подпольного офицерского «Союза защиты родины и свободы» в Москве, участвовал в подготовке антибольшевистского восстания в Ярославле, Рыбинске и Муроме летом 1918 года. Затем бежал за границу. В 1920 году он использовал эсэровскую теорию «третьей России», согласно которой революцию продолжит крестьянство, которое не поддерживает ни большевиков, ни монархистов-белогвардейцев. Главной задачей Савинкова являлось политическое объединение русских эмигрантов в Польше для борьбы против большевиков и создание боеспособных воинских частей из российских офицеров и солдат.

Пилсудский был заинтересован в том и другом, поскольку не мог договориться с белыми генералами, не желавшими делать политических и территориальных уступок Польше, а Украину и Белоруссию считавшими русскими территориями. В свой первый приезд Савинков и народоволец Н. Чайковский, бывший премьер Северного правительства России, в беседе с Пилсудским 16 января 1920 года нашли точки соприкосновения. В частности, они согласились с его предложением о проведении плебисцита на территории Литвы и Белоруссии*.

Второй раз Савинков приехал в Польшу в начале июня. Его снова принял Пилсудский. В результате переговоров он получил разрешение на создание российских воинских формирований в Польше.

---

* Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 159.

Политическую организацию и контроль за деятельностью таких формирований осуществлял созданный в начале июля 1920 года Русский Эвакуационный Комитет во главе с Савинковым. В августе этот комитет с разрешения польских властей был переименован в «Русский комитет по делам формирования русских частей на территории Польши» и получил возможность формировать их из добровольцев и пленных красноармейцев*. Но поскольку такое название было слишком громоздким (и неудобным в политическом плане), комитет вскоре назвали «Русский политический комитет в Польше» (РПК).

В него вошли генерал-лейтенант П.В. Глазенап, генерал-майор П. Симанский, деятели эмиграции В. Бадер, А. Лелюхин, Н. Племянников, Ф. Родичев, Ю. Соловьев, Д. Философов, Н. Штейнберг, князь Мещерский, а также известные российские литераторы, проживавшие в Варшаве, Дмитрий Мережковский и его жена Зинаида Гиппиус. Впрочем, других русских политических организаций в Польше не было.

РПК стал издавать в Варшаве с 17 июля 1920 года газету «Свобода» на четырех полосах. В первом же номере было опубликовано «Воззвание к русским людям», призывавшее к совместной борьбе русских людей и поляков против большевиков. Воззвание подписали все члены комитета.

Впрочем, ради обеспечения единства российских вооруженных сил Русский политический комитет в Польше признал верховенство правительства генерала Врангеля в Крыму. Савинков дипломатично направлял депеши генералу Врангелю точно так же, как премьер-министрам и военным министрам Англии и Франции.

14 июля Пилсудский сообщил Савинкову, что он желал бы соглашения между ним и Булак-Балаховичем и высказал пожелание, чтобы генерал С.Н. Булак-Балахович был назначен командующим российскими военными частями, формируемыми в Польше, несмотря на то, что Савинков уже назначил на эту должность генерала П.В. Глазенапа.

В сложившейся ситуации генерал Булак-Балахович 27 августа заключил соглашение с Савинковым, по которому признал политическое руководство Савинкова, но сохранил самостоятельность в военных делах:

> «На основе тайного соглашения Польского Главного Командования с Б.В. Савинковым все российские военные формирования на территории Польской республики политически подчиняются Б. Савинкову.

* Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. Londyn, 1990, s. 108.

...Учитывая вышеприведенные пункты, Б.В. Савинков и генерал Булак-Балахович пришли к следующему соглашению:

1) Отряд ген. Булак-Балаховича выступает под общими лозунгами российских частей на польской территории, во главе которых стоит Б.В. Савинков: а) Учредительное Собрание; б) Земля для народа; в) Демократия; г) Союз народов (федерация).

2) Отряд генерала Булак-Балаховича политически подчиняется Б.В. Савинкову, как особе, стоящей во главе российского политического центра, имеющего цель восстановить Россию на демократической основе.

3) Отряд ген. Балаховича находится под финансовым контролем не польских властей, а Б.В. Савинкова.

4) Отряд ген. Булак-Балаховича действует в оперативном отношении самостоятельно, поддерживая по мере возможности необходимую стратегическую связь с действиями других российских частей, сформированных на польской территории и политически подчиненных Б.В. Савинкову.

5) В случае возможного объединения всех отдельных российских войсковых групп под единым главным командованием, проблема дальнейшей стратегической зависимости ген. Балаховича и других отрядов будет выяснена дополнительно, причем политическое подчинение ген. Балаховича останется без изменений.

6) При отряде ген. Балаховича, в случае его продвижения вглубь российской территории, будет организовано местное самоуправление и административное управление, согласно плану, выработанному Б.В. Савинковым, стоящим во главе российского политического центра.

7) Б.В. Савинков принимает на себя обязательства:

а) политически представлять отряд ген. Балаховича как при польском правительстве, так и в отношении союзных держав.

б) По мере возможности всячески содействовать улучшению снабжения отряда ген. Балаховича.

в) Взять на себя заботы по культурно-просветительскому и санитарному обслуживанию отряда ген. Балаховича.

г) По соглашению с ген. Балаховичем организовывать антибольшевистскую пропаганду как в Красной Армии, так и в местностях России, занятых теперь большевиками.

Варшава, 27 августа 1920 г.

Б. Савинков; ген.-майор Булак-Балахович»*.

Вновь создаваемая армия получила название «народной добровольческой». В газете «Свобода» была опубликована общая программа ее действий. В программе привлекают внимание первые два пункта:

---

* Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku, s. 111–112.

«1. Мы будем вести непримиримую борьбу с большевизмом во имя народного начала, ибо идея большевизма, не говоря о ее нравственности и государственной несостоятельности, в корне противоречит делу народному... Поэтому мы отвергаем не только большевизм, царящий в советской России и являющийся новым самодержавием слева, но также всякие реакционные попытки монархистов, желающих восстановить самодержавие справа; большевистский монархизм и монархический большевизм неприемлемы в равной мере.

2. Мы станем бороться с большевизмом рука об руку со всеми другими народами, уже ведущими таковую борьбу, и с могущими вступить в нее... Мы предлагаем конфедеративное сотрудничество национальностям, вовлеченным в борьбу с большевиками, на началах полной свободы, самоопределения и широкого проявления национальной инициативы, зная, что братская терпимость лежит в основе русского народного духа»*.

Но этот документ, равно как и воззвание генерала к офицерам, солдатам и молодежи, имел в основном пропагандистское значение. Гораздо важнее было соглашение о сотрудничестве от 27 августа.

10 сентября Савинков направил секретные письма шефу канцелярии премьер-министра Франции и военным министрам Франции и Англии. В них он перечислил формирующиеся подразделения НДА и указал их численность. Отряд генерала Булак-Балаховича, находившийся на фронте в Полесье, имел в тот момент 5 тысяч человек, а еще 2 тысячи человек были откомандированы в распоряжение командующего 3-й польской армией. Эти 7 тысяч штыков и сабель находились в районе Влодавы, на Западном Буге.

Вторым крупным соединением был отряд генерала Бабошко в районе Калиша (ранее им командовал генерал Глазенап) — около 4500 человек.

Третий — отряд генерала Б.С. Перемыкина.

Четвертый — кавалерийский отряд генерала Трусова. Савинков рассчитывал, что к 1 ноября 1920 года общая численность всех четырех отрядах достигнет 25–30 тысяч человек**.

Так готовилась новая военно-политическая операция в Белоруссии.

КТО ТАКОЙ БУЛАК-БАЛАХОВИЧ

Отношение к Булак-Балаховичу со стороны большевистских деятелей всегда было крайне негативным. Так же негативно писали о нем советские историки. Даже белорусские национальные деятели 1920-х годов относились к нему отрицательно, так как он являлся политическим соперником партии белорусских эсэров.

---

* «Свобода», 29 июля 1920 г., № 11, с. 3.

** Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku, s. 115.

Между тем, в 1920 году генерал совершил немало патриотических поступков. В историю Булак-Балахович вошел как удачливый партизанский командир, убежденный противник большевиков, впоследствии участник антифашистского сопротивления, а также как публицист и поэт.

Станислав Никодимович Булак-Балахович (1883—1940) был родом из Браславского уезда Ковенской губернии (ныне в Литве, возле самой литовско-белорусской границы). Его отец происходил из мелкой белорусской шляхты, а мать была полькой. Он окончил агрономическую школу, работал администратором в имении Городец — Лужки в Дисненском уезде Виленской губернии. В 1905 году выступал на стороне крестьян в их конфликтах с помещиками, за что крестьяне называли его «батькой», хотя было этому «отцу» только 22 года*.

После начала мировой войны Станислав вместе с братом Юзефом добровольно вступил в российскую армию и с 20 августа 1914 года служил во 2-м Курляндском уланском полку 2-й кавалерийской дивизии, сначала рядовым, а затем унтер-офицером. С ноября он находился на Северо-Западном фронте, участвовал в боях с немцам в Польше и Литве. 9 июля 1915 года он получил офицерский чин прапорщика. С сентября 1915 года С. Балахович участвовал в разведывательных рейдах за линией фронта в тылах противника во главе отряда конных партизан (72 человека). В ноябре этот отряд вошел в состав армейского партизанского отряда Северного фронта (около 500 сабель) под командованием подполковника Леонида Пунина. В этом отряде С. Балахович был вначале командиром эскадрона, а после гибели Л. Пунина в бою под Ригой 1 сентября 1916 года — командиром отряда. За время боев в 1915—17 гг. на территории Латвии он был пять раз ранен, награжден за мужество Георгиевской медалью, Георгиевскими крестами 4-й, 3-й и 2-й степени. В постоянных боях молодой офицер получил богатый опыт молниеносных атак маневренной кавалерии и быстро рос в чинах: в 1917 году он уже был штаб-ротмистром (соответствует нынешнему капитану).

Последний бой с немцами отряд Балаховича провел 5 марта 1918 года у деревни Смолова (район Гдова) во время наступления немецких войск на восток. В этом бою Станислав был ранен в грудь (шестое ранение!) и некоторое время лечился в госпитале в Петрограде. В апреле, немного залечив рану, он записался в Красную Армию, а в 1918 году из своего армейского конного партизанского отряда сформировал в городе Луга 1-й Лужский конный партизанский полк

---

* Грыцкевіч А. Булак-Балаховіч /Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. Том 2. Мінск, 1994, с. 121.

(в составе 4-й Петроградской дивизии). В мае полк был переименован в 3-й Петроградский полк.

Его успешные рейды по немецким тылам привлекли внимание наркома по военным и морским делам, председателя Реввоенсовета РСФСР Л.Д. Троцкого, который вызвал Булак-Балаховича в Москву и предложил ему должность инспектора кавалерии Красной Армии (этот пост впоследствии долгое время занимал С.М. Буденный). Однако С. Балахович отказался от этого предложения, так как был настроен против антикрестьянской политики большевиков.

С. Балахович лично подбирал командиров и бойцов в свой полк и успешно противостоял попыткам большевистских властей направлять туда коммунистов. Полк насчитывал 1120 бойцов. В нем служили поляки (польский эскадрон), белорусы, украинцы, латыши, литовцы и русские. Постепенно конфликты С. Балаховича с представителями советской власти нарастали. Он старался спасать своих командиров (бывших офицеров) от арестов и репрессий со стороны ЧК. Тем не менее С. Балахович оставался в Красной Армии на «линии завесы», так как за ней — в Эстонии и Латвии — до конца 1918 года находились немецкие войска, а немецкую армию он считал своим главным врагом. В этом же полку служил младший брат командира — Юзеф*.

Наметившееся поражение Германии в войне и стремление балтийских стран добиться независимости изменило ситуацию в регионе. На территории Латвии и Эстонии была создана белая Северная российская армия. Она стремилась удержать губернский город Псков, когда его оставят немцы. В конце ноября 1918 года в ней было уже 4500 солдат.

Еще в октябре 1918 года С. Балахович послал в Псков своего представителя, поручика Видякина. Тот сообщил командованию Северной армии о намерении Балаховича перейти со своим полком на сторону белых.

В районе станции Струги Белые 28 октября 1918 года Балахович издал воззвание к «братьям крестьянам». В нем он объявил о начале партизанской войны против большевиков, за русский народ, православную церковь, за мир. Он призвал крестьян к борьбе против большевистской власти и подписался — «атаман крестьянских партизанских отрядов Батька Балахович».

В ночь с 5 на 6 ноября 1918 года Балахович вблизи станции Карамышево (20 км восточнее Пскова) перешел со своим полком на сторону Северой армии «белых». После ухода «белых» из Пскова

---

* Hryckiewicz A. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz jako wojskowy dowódca i działacz polityczny (lata 1918–1920) /Europa Orientalis. Toruń, 1996, s. 440–441.

в Эстонию 26 ноября ротмистр С. Булак-Балахович был назначен командиром особого конного отряда.

С 25 декабря 1918 года командование Северной армии подчинилось национальному правительству Эстонии, вступившему в вооруженную борьбу с большевиками. Армия была преобразована в Северо-Западный корпус (3500 человек), разделенный на две группы. Одна группа действовала в районе Нарвы, вторая — южнее Чудского озера. В южной группе сражался с красными отряд Булак-Балаховича. Часто его отряд прорывался через линию фронта и наносил удары в тылу красных войск. За участие в освобождении Дерпта (Тарту) от большевиков С. Балахович в январе 1919 года получил чин подполковника. А в феврале начальник южной группы генерал-майор А.П. Родзянко переименовал отряд в кавалерийский полк Булак-Балаховича*.

15 мая 1919 года полк и другие части, подчиненные в этой операции С. Балаховичу, заняли город Гдов; за что Станислав получил чин полковника. Затем полк принимал участие в псковской операции, в результате которой 25 мая Псков был занят эстонской армией и частями белых. Балахович был назначен командующим Псковским районом. За участие в этих боях командир корпуса генерал-лейтенант А.П. Родзянко присвоил С. Булак-Балаховичу чин генерал-майора, а части, подчиненные ему, преобразовал в особую сводную дивизию.

По инициативе Балаховича в Пскове и уезде были созданы народные суды, жестоко каравшие преступников и большевистских активистов. С. Балахович вел активную антибольшевистскую пропаганду. В частности, печатал и распространял среди населения и красноармейцев за линией фронта различные воззвания и листовки. Так, после своего производства в генерал-майоры, в призыве к красноармейцам он писал:

> «Вы знаете меня. Я — слуга народный. Я — меч народного правосудия... Я воюю не за царскую и не за барско-помещичью, а за новую, вольную, демократическую народную крестьянскую трудовую Россию. Я несу оружие моих героев к сердцу русской земли не за прежний, старый, проклятый «прижим», не за черную сотню и не за возвращение помещиков, а за землю и хлеб для всего народа, за право трудящихся, за новое всенародное Учредительное собрание»**.

Между тем, в руководстве белой Северо-Западной армии назревал конфликт. Ее возглавлял прибывший в конце июня 1919 года из

---

* Hryckiewicz A. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz jako wojskowy dowódca i działacz polityczny (lata 1918–1920) /Europa Orientalis. Toruń, 1996, s. 443.

** Корнатовский Н.А. Борьба за красный Петроград (1919). Л., 1929, с. 125–126.

Гельсингфорса (Хельсинки) генерал Н.Н. Юденич со своей свитой. Между монархической группой генералов и революционно-демократической группой во главе с Балаховичем возникли разногласия из-за эсэровской пропаганды, которую вел Балахович. Кроме того, старых генералов раздражала популярность Балаховича среди солдат и части офицеров. Вначале противоречия не были заметны. Еще в начале августа 1919 года генерал Юденич назначил С. Балаховича командующим 2-м корпусом (в составе 2-х дивизий). Но отношения между ними быстро ухудшались.

22 августа Н.Н. Юденич приказал полковнику Б.С. Перемыкину занять Псков, арестовать Станислава Булак-Балаховича и отдать под суд «за беззаконные действия» во время управления Псковом и уездом. 23 августа С. Балахович был снят с должности командующего корпусом. В тот же день Перемыкин во главе четырех полков прибыл в Псков и арестовал офицеров штаба корпуса. При аресте были убиты начальник штаба полковник Стоякин и городской голова Н.Н. Иванов.

Но Булак-Балаховичу с группой в 20 конников из его личной сотни удалось уйти в Гдов, где он завявил о формальном подчинении Юденичу и сразу выехал на фронт в район Острова (60 км южнее Пскова) к своей прежней конной группе (1200 человек). А красные войска, воспользовавшись этим переворотом в стане белых, через три дня (26 августа) отбили Псков. Балахович же продолжал совершать партизанские налеты в тылы Красной Армии. Действовал он самостоятельно, пользуясь покровительством эстонских властей. Во время осеннего наступления армии Юденича на Петроград отряд Балаховича перерезали железнодорожную линию Петроград — Полоцк*.

Как известно, белая Северо-Западная армия потерпела поражение под Петроградом в ноябре 1919 года и ушла на территорию Эстонии, где была интернирована. Но С. Балахович хотел продолжать борьбу с большевиками, поэтому вернулся на фронт.

Его отряд, состоявший главным образом из конницы, с осени 1919 года назывался Белорусским добровольческим народным отрядом. Командир назвал его белорусским, так как половину офицеров и 75% солдат составляли белорусы. Среди остальных (поляков, русских, латышей) тоже было немало выходцев из Белоруссии. Отряд имел свой штандарт — белорусский национальный и государственный бело-красно-белый стяг. Кокарды на фуражках были с национальным и государственным гербом Погоня (рыцарь с поднятым мечом на скачущем коне).

---

* Hryckiewicz A. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz jako wojskowy dowódca i działacz polityczny (lata 1918–1920) /Europa Orientalis. Toruń, 1996, s. 444–445.

Балахович получил разрешение от эстонских властей набирать в свою воинскую часть добровольцев из других подразделений бывшей Северо-Западной армии, в первую очередь белорусов и поляков. К моменту заключения мира между Эстонией и РСФСР (2 февраля 1920 г.), отряд Балаховича насчитывал уже 1700 человек. В связи с окончанием войны Балахович обратился к руководителю военно-дипломатической миссии БНР в Латвии и Эстонии полковнику К. Езовитову с просьбой о переподчинении отряда правительству БНР для борьбы за независимость Белоруссии.

Первые контакты с представителями БНР у Балаховича произошли еще в ноябре 1919 года, когда он участвовал в работе конференции балтийских стран в Тарту. 14 ноября 1919 года он подал белорусским дипломатам официальную декларацию о своем белорусском гражданстве и просьбу принять его на службу. 26 ноября 1919 года чрезвычайный уполномоченный БНР в Латвии и Эстонии К. Дуж-Душевский и полковник К. Езовитов обратились к эстонскому правительству с просьбой о временном размещении отряда Булак-Балаховича в Эстонии как «Отдельного отряда БНР в Балтии» до его окончательного формирования. Эстонское правительство согласилось даже нести расходы по содержанию отряда, оформив их как заём правительству БНР*.

Чтобы ускорить переход своего отряда в Белоруссию, Балахович по собственной инициативе обратился к польскому командованию с предложением продолжать свою борьбу против большевиков под оперативным руководством польского командования. 23 февраля 1920 года такое соглашение было подписано в Риге с польским военным атташе капитаном Александром Мышковским, 3 марта отряд Балаховича прибыл в Двинск, где его встретил с воинскими почестями и оркестром генерал Э. Рыдз-Сьмиглы, командир 1-й пехотной дивизии Легионов. 14 марта Белорусский отряд перешел через Западную Двину. Его направили в Брест на пополнение и довооружение**.

ДЕЙСТВИЯ БЕЛОРУССКОГО ОТРЯДА В КАМПАНИИ 1920 г.

С начала июня 1920 года Белорусский отряд генерал-майора С. Балаховича принимал активное участие в боевых действиях против войск Красной Армии, действуя в составе польской Полесской оперативной группы.

---

* Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 148.

** Hryckiewicz A. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz jako wojskowy dowódca i działacz polityczny (lata 1918–1920) /Europa Orientalis. Toruń, 1996, s. 446.

Отряд Балаховича и тут вел партизанскую войну, прорываясь в тылы красных войск, нарушая управление ими и перерезая коммуникации. Генерал С. Балахович посылал рейдовые группы, которыми командовали ротмистр Дарский и его брат, полковник Юзеф Булак-Балахович*. Так, 30 июня группа ротмистра Дарского захватила местечко и станцию Славечно (южнее Петрикова). Была уничтожена часть обозов, взяты в плен несколько десятков пленных. Через два дня та же группа напала на деревню Веледники, вытеснив оттуда пехотный полк красных. При этом был взят в плен штаб 2-й стрелковой бригады, а трофеями стали несколько пулеметов.

Полковник Юзеф Булак-Балахович со своей группой совершил налет на Малин, а 11 июля на Овруч. Он скрытно подвел эскадрон кавалерии и добровольцев из Подгалянской дивизии и на рассвете ворвался в это местечко. Застигнутые врасплох красные попытались обороняться в здании местной ЧК, но вскоре вынуждены были отступить. В Овруче группа захватила несколько пушек, 30 пулеметов и освободила арестованных из подвалов ЧК**.

В последующем отряд генерала Булак-Балаховича отступал вместе с соседними польскими частями. 24 июля он занял оборонительные позиции на левом берегу реки Стырь у деревни Млынок. Двое суток шел бой, красным частям удалось форсировать Стырь и занять Млынок, а понесшему потери отряду Балаховича пришлось отступить. К концу июля Белорусский отряд находился в районе города Любешов и подчинялся командующему 3-й польской армией генералу З. Зелинскому.

Балахович сам повел эскадрон (117 человек) на Любешов, уже занятый российскими войсками, отбросил их за реку Стоход, а его конники уничтожили наведенные противником переправы. Но удержаться в Любешове не смог и отступил до Камня-Каширского. 3 августа его отряд оставил и этот город и ушел на запад. 7 августа обоз отряда был переправлен на левый берег Западного Буга во Влодаве (в южной оконечности нынешней Брестской области) и ушел на Любартов. А основные силы отряда действовали между Бугом и Вепшем малыми боевыми группами в тылу противника.

В это время офицер штаба 3-й польской армии описал отряд:

> «Вся группа насчитывает не более 700 человек, в том числе 160 сабель, остальные — штыки, батарея орудий, пулеметы и т.д. Группа поделена на полки: 1) Семеновский, 2) Партизанский, 3) Вознесенский, 4) Псковский, 5) Островский, а также отряд саперов и перевя-

---

* Младший брат Юзеф (Иосиф) Балахович (1896–1923) являлся верным сподвижником старшего брата.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995. s. 153.

зочный пункт, который возглавляет студент медицины. Каждый полк насчитывает от 60 до 90 человек, за исключением Вознесенского, в котором 150 штыков. В группе — 35 процентов состава — офицеры. Офицерам дается звание в поле за мужество и отвагу, несмотря на отсутствие образовательного ценза. Также и старших офицеров переводят в рядовые, если они не соответствуют требованиям, предъявляемым к командиру... Солдаты набраны из старой российской армии, которые раньше служили со своими офицерами и теперь вместе с ними пришли. Этих — около 250, остальные, которые были в лагерях для пленных, люди без политической ориентации... Но когда им приказывают идти на фронт, приказы выполняют»*.

Пилсудский дал С. Булак-Балаховичу следующую характеристику:

«Не ищите в нем признаков штабного генерала и не будете иметь разочарования. Это типичный смутьян и партизан, но безупречный солдат, и скорее умный атаман, чем командующий в европейском стиле... Бьет большевиков во многих случаях лучше штабных генералов... Не жалеет чужой жизни и чужой крови, совершенно так же, как и своей собственной»**.

С. Балахович сохранял структуру своего отряда с 1919 года (отсюда «псковские» названия частей). Однако его полки сократились до величины рот. Впрочем, в случае пополнения отряда новыми силами они могли снова увеличиться. Фактически, Белорусский отряд являлся автономной воинской частью, где С. Балахович имел право самостоятельно производить своих солдат в офицеры, а офицеров — разжаловать в солдаты. Добавим, что в условиях войны, которая носила характер гражданской, право суда не только над своими солдатами и офицерами, но и над мирным населением тоже принадлежало командиру отряда. А суд тогда был короткий: пленного — расстрелять, шпиона — повесить, крестьянина — наказать плетью либо тоже повесить.

Поскольку отряд Балаховича понес существенные потери, министерство военных дел 27 августа предписало всем военным округам провести вербовку добровольцев к Балаховичу из числа пленных красноармейцев. Группе его офицеров было разрешено посещать лагеря пленных красноармейцев, а также интернированных солдат из российского корпуса генерала Н. Бредова и агитировать их.

По данным разведки Западного фронта, в конце августа 1920 года в отряде Булак-Балаховича, когда он находился в районе Влодавы, были 4 пехотных полка (Партизанский, Псковский, Остров-

* Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku, s. 125.
** Там же, с. 143–144.

ский и Вознесенский) общей численностью 1600 штыков с 16 пулеметами, а также партизанский кавалерийский полк (3 эскадрона) численностью 400 сабель*.

Польское же командование оценивало силы Булак-Балаховича в 2200 человек, ибо в это время генералу формально подчинялась бригада кубанских казаков есаула М.И. Яковлева, которая перешла к полякам из 1-й Конной армии еще 27 мая. Она насчитывала 1200 сабель и до 150 человек в штабе и тыловых службах.

22 августа красные войска атаковали подразделения отряда Балаховича в районе Влодавы и даже заняли временно станцию Влодаву и железнодорожный мост через Западный Буг, но были отброшены. На следующий день подразделения Балаховича продвинулись на восток до 30 километров, заняли населенные пункты Пулемец и Пища, захватив 2 орудия и много пленных**.

В сентябре 1920 года польские войска начали наступление на фронте от границы с Румынией до Бреста. В нем участвовала и группа Булак-Балаховича. После захвата Кобрина оперативной группой генерала Ф. Краевского 12 сентября, Белорусский отряд на следующий день занял город Камень-Коширский. Сводка генштаба сообщала:

> «Северо-восточнее Ковеля отряды генерала Балаховича заняли Камень-Коширский, взяв батарею, более 1000 пленных и около 500 обозных повозок, а также массу снарядов»***.

На следующий день коммюнике сообщало, что на Пинщине отряд генерала Балаховича вступил в контакт с местными повстанцами, действующими в тылу российских войск. Советские военные историки Н.Е. Какурин и В.А. Меликов отметили:

> «Появление в лесисто-болотистом углу между рр. Припятью и Стырью предприимчивого и дерзкого партизана Булака-Балаховича с его отрядом авантюристов, состоявшим из трех родов войск, общей численностью до 1000 человек с несколькими орудиями, могло сделать тылы и коммуникационные линии IV армии объектом покушений этого партизана»****.

В сводке генштаба от 22 сентября 1920 г. говорилось:

> «Возле Любешова генерал Балахович разбил 88-й полк красной пехоты и взял в плен целый батальон»*****.

---

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 488.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917—1923. Białystok, 1995, S. 155.

*** Pierwsza wojna polska (1918—1920), s. 295.

**** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 385.

***** Pierwsza wojna polska (1918—1920), s. 298.

Наиболее известным успехом отряда Булак-Балаховича был дерзкий захват Пинска.

Командующий 4-й польской армии генерал Сикорский, которому теперь подчинялся Балахович, поручил ему прорваться через фронт и овладеть Пинском. 26 сентября отряд генерала у Невельской переправы через Припять (в 25 км юго-западнее Пинска) прорвался к железной дороге Брест — Пинск и разрушил железнодорожный путь у станции Молотковичи (12 км западнее Пинска). Узнав об этом, Тухачевский приказал командующему 4-й армией разгромить части Балаховича и отбросить их за Припять.

Но в тот же день Балахович со своим отрядом подошел к Пинску. В городе были сосредоточены склады боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Подразделения отряда окружили город. После полудня конница Балаховича ворвалась на улицы Пинска, а к 16 часам Пинск был взят. После перестрелки сдались в плен большинство работников штаба 4-й армии. Командующему армией Шуваеву, начальнику штаба и члену РВС армии (комиссару) удалось верхом бежать на запад, к линии фронта. Часть командного состава армии успела уехать на бронепоезде в Лунинец. В плен сдался гарнизон Пинска — запасной полк и наскоро собранные тыловые отряды, не оказавшие сопротивления — 2000 бойцов и 400 командиров, были захвачены склады, денежная касса, 280 вагонов с различными грузами, 3 паровоза*.

Корреспондент газеты «Свобода» сообщил:

> «26-го сентября, после полудня, в Пинск, совершенно неожиданно и для населения, и для большевиков, ворвались передовые конные части ген. Балаховича. Большинство комиссаров, как сидели в различных, наскоро сорганизованных, в Пинске советских учреждениях, так тут же были расстреляны, так как комиссаров «балаховцы» принципиально в плен не берут.
>
> Удар был тем более неожиданный, что западнее, в направлении на Брест, в Янове и Дрогичине большевики держались еще крепко: части ген. Балаховича, по своему обыкновению, зашли большевикам в тыл. В полчаса все дело было кончено. Стрельба стихла. На улицах пусто, потому что население попряталось... Большевистские части, которые держались упорно в Дрогичине и Янове, узнав, что Балахович зашел им в тыл, бросились уходить в северо-восточном направлении»**.

Взятие Пинска Булак-Балаховичем рассекло 4-ю российскую армию на две части и на время расстроило управление ею. Победителям достались 30 тысяч пар сапог и несколько тысяч полушуб-

---

* Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г., с. 386–389.

** «Свобода», 6 ноября 1920 г., № 95, с. 3.

ков. Генерал тут же одел и обул свой отряд, так как уже наступали холода*.

В следующие дни его отряд вместе с 18-й польской пехотной дивизией вел бои с отступавшими частями 4-й российской армии западнее Пинска, в районах Дрогичина и Янова-Полесского. Лишь 30 октября группа Балаховича была отведена с линии фронта.

ПОДГОТОВКА ПОХОДА НА ПОЛЕСЬЕ

Формирование Народной Добровольческой армии (НДА) в сентябре 1920 года шло быстрыми темпами. Ход политических событий подталкивал к скорейшему началу похода против потерпевших поражение, уставших и в значительной степени деморализованных войск Красной Армии. Переговоры в Риге о заключении перемирия не оставляли сомнений в том, что всем иностранным вооруженным силам на территории Польши придется либо самораспуститься, либо самостоятельно воевать с большевиками. Поэтому штаб НДА, а также штабы УНА и генерала Б. Перемыкина срочно разрабатывали план похода. 12 октября на совещании генералов было принято решение о выступлении против советской России.

Направление похода Балахович и Савинков избрали заранее — Полесье. Этот лесисто-болотистый район был удобен для партизанских действий, и в то же время являлся кратчайшим путем для выхода на территорию России, охваченной крестьянскими восстаниями.

Савинков и Балахович договорились о создании единой армии, хотя их взгляды на дальнейшее развитие событий расходились. Савинкову пришлось согласиться с кандидатурой Булак-Балаховича на должность командующего, так как российские генералы в Польше были монархистами и не поддерживали его идею создания Российской демократической республики. Пилсудского тоже устраивал Балахович, ибо не был связан с Врангелем, да и по происхождению был местный, ему можно было доверять. Так что он оказался единственной приемлемой фигурой как для поляков, так и для Русского политического комитета.

17 октября в газете «Свобода» председатель РПК Савинков и командующий НДА Булак-Балахович опубликовали Программу действий НДА. Она содержала те же пункты, что были объявлены в августе:

---

* Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Zapomniany bohater. Warszawa, 1993, s. 40–41.

1) Борьба с большевизмом;

2) Борьба вместе с другими народами не за восстановление прежней России, а за признание тех государств, которые уже возникли. Военная коалиция против большевиков;

3) Борьба против понятия «Советская Россия», которое является гнездом самодержавия, группой захватчиков. Борьба не против Красной Армии, состоящей из насильно мобилизованного народа, а против тех, кто произвел эту мобилизацию, против комиссаров, коммунистов и их приспешников;

4) Уничтожение советской власти... исключительно на добровольном начале. Это подразумевает полную свободу выбора — идти с нами или нет;

5) Создание временного управления в очищенных от большевиков областях. Создание на местах учредительных собраний, которым вручается вся власть*.

Одновременно (12 октября) С. Булак-Балахович заключил соглашение с Белорусским Политическим Комитетом (БПК) польской ориентации, созданным в начале октября в Варшаве с ведома Пилсудского. В состав БПК входили Вячеслав Адамович, Павел Алексюк, Антон Левицкий, Евгений Миткевич, Радослав Островский, Юрий Сенкевич, полковник Беляев и другие лица.

БПК обязался помочь генералу сформировать белорусскую армию в составе его «Отдельной Союзной армии», как ее официально называло польское военное командование. Со своей стороны, С. Балахович обязался передать власть БПК на освобожденной его армией от большевиков территории Белоруссии. Отдельное соглашение БПК заключил с Б. Савинковым.

В своем письме к С. Балаховичу члены БПК выразили уверенность, что «армия пана Генерала, в составе которой значительное количество белорусов, действительно принесет нашему краю подлинную свободу и возможность создания своего государственного устройства».

Вскоре после захвата Пинска численность НДА резко увеличилась за счет пленных красноармейцев. На 29 сентября в ней насчитывалось 4600 штыков и 1150 сабель.

Пополнялась НДА также и за счет отрядов, сформированных в Калише, Люблине и Бресте из российских солдат и военнопленных.

Охотно вербовали в НДА уроженцев Пинского Полесья, особенно из числа «зеленых». Кроме того, крестьянские волостные сходы принимали постановления о мобилизации крестьянской молодежи

---

* Свобода, 17 октября 1920 г., № 79, с. 1.

в возрасте от 19 до 24 лет в распоряжение Балаховича. Крестьяне также обслуживали обозы армии Балаховича*.

За короткое время были созданы два белорусских пехотных батальона. Одним командовал капитан Николай Демидов, сформировавший батальон в районе Белостока. В начале ноября в НДА вошел белорусский партизанский отряд капитана Тимофея Хведощени. Затем присоединились еще два партизанских отряда — один из окрестностей Слуцка, другой — из-под Минска.

В середине октября 1920 года в НДА состояла 1-я пехотная дивизия (или «Дивизия Смерти») под командованием полковника (затем генерал-майора) Матвеева. В нее входили Партизанский, Псковский, Островский и Вознесенский полки. Каждый полк насчитывал около 800 штыков. Кавалерия армии состояла из Конного (400 сабель) и Уланского (250 сабель) полков, а также двух конных взводов (по 80 сабель) братьев Балаховичей — командующего армией и его заместителя. Имелась артиллерия из двух батарей**.

17 сентября из Люблина в Пинск прибыла 2-я Минская пехотная дивизия полковника Медарда Микоши. А 3-я Волжская дивизия генерал-майора Ярославцева еще 23 сентября закончила свое формирование в районе Дрогичин — Янов-Полесский. В конце сентября С. Балахович разместил 1-ю дивизию в нейтральной полосе в районе Турова и потребовал от командования 2-й и 3-й дивизий ускорить их движение к Турову. Дело в том, что между Балаховичем и командованием двух новых дивизий (2-й и 3-й) отсутствовала координация действий и даже наблюдалась определенная враждебность. Лишь категорический приказ командира 18-й польской пехотной дивизии и оперативной группы на Полесье генерала Ф. Краевского заставил командование этих дивизий выполнить приказ о выдвижении в нейтральную полосу***.

Формирование армии Булак-Балаховича продолжалось вплоть до начала наступления в Полесье.

Что касается национального состава НДА, то вопрос этот достаточно сложный из-за отсутствия документальных источников. Ясно лишь, что большинство солдат были русские из числа пленных красноармейцев. Наиболее белорусский характер имела 2-я Минская дивизия. Здесь и полки назывались соответственно: Минский, Смоленский, Витебский, Могилевский. Большинство солдат и офицеров этой дивизии происходили из Литвы и Белоруссии.

* «Свобода», 3 ноября 1920 г., № 92, с. 3.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, S. 167–168.

*** Там же, с. 168.

3-я Волжская дивизия, кроме офицеров, полностью состояла из русских военнопленных. Названия полков имели «волжский» характер — Казанский, Ярославский, Нижегородский и Самарский.

В Крестьянской бригаде атамана Искры (И. Лохвицкого) было много украинцев. Ее полки имели соответствующие названия: Киевский, Путивльский и Новоград-Владимиро-Волынский.

В НДА Балаховича было довольно много поляков; в основном — дезертиры из польской армии, искавшие «легкой жизни» в полупартизанских формированиях.

С учетом политической ситуации, уже в самом начале формирования «Особой Союзной армии» был намечен раздел ее в ближайшем будущем на Русскую и Белорусскую армии.

Поскольку НДА пополнялась за счет разнородных элементов, то немалую часть солдат составляли перебежчики, дезертиры, и даже криминальные элементы, привыкшие к разбою и легкой наживе за счет населения. Поэтому за балаховцами утвердилась недобрая слава грабителей, убийц и насильников, организаторов еврейских погромов. Обычно сами балаховцы объясняли свои погромы тем, что евреи почти все на стороне большевиков (что было правдой), но это не оправдывало убийств, грабежей и массовых изнасилований. Доставалось от этих партизан и крестьянам, у которых они отбирали скот, провиант, фураж, теплую одежду, а сопротивлявшихся вешали. Вместе с тем, значительная часть крестьянства поддерживала Балаховича, в деревнях имелась сеть осведомителей, постоянно связанных с его штабом.

Сам С. Балахович официально осуждал уголовные дела своих подчиненных, а под горячую руку мог и расстрелять виновных. Поэтому в его присутствии все было относительно тихо. Но если подразделения уходили далеко от штаба «батьки», то давали волю своим инстинктам. 20 октября 1920 года в Пинске командующий НДА генерал-майор С. Балахович издал любопытный приказ:

«После взятия города Пинска начали повторяться факты убийств и грабежей, как в самом городе Пинске, так и в окрестных местечках. От убийств этих, насилий и грабежей пострадало главным образом еврейское население...

Грабежи и погромы умаляют нашу боевую славу и порочат наше доброе имя. Я буду беспощадно бороться с лицами, подстрекающими к еврейским погромам, так как это зачастую дело рук провокаторов...

Приказываю начальников, части которых занимаются погромами, отрешать от должностей и предавать военному суду для суждения по законам военного времени, ибо начальник отвечает за свою часть.

Приказываю солдат, виновных в погромах и грабежах, тоже предавать военному суду для суждения по законам военного времени, а застигнутых на месте грабежа, как солдат, так и офицеров, расстреливать тут же. Погромы не должны быть и не будут более допускаться»*.

В тот же день Булак-Балахович отдал еще один приказ:

«Разрешаю прапорщику Цейтлину формировать при штабе Народной Добровольческой Армии, Отдельную еврейскую дружину»**.

Цейтлин, впоследствии поручик, сформировал еврейский эскадрон численностью до 300 человек. Кроме службы на фронте, этот эскадрон охранял порядок в городах и местечках с еврейским населением. Еврейский эскадрон вошел в состав 2-й дивизии НДА.

В случаях погромов Балахович расправлялся жестоко с пойманными грабителями. Под Кобрином на месте расстреляли взводного Савицкого и двух солдат, в Скородном — поручика Андреева, в Лучном — поручика Смирнова и т.д. В Камне-Коширском арестовали нескольких офицеров и отдали под суд (фон Дасселя, Павловского, Войнюнского и Бромберга) за учиненный погром***.

В связи с этим любопытно сообщение корреспондента газеты «Свобода» из Пинска от 31 октября:

«Приказ ген. Балаховича о беспощадной расправе с офицерами и солдатами, уличенными в грабеже, энергично проводится в жизнь. Вчера в Давидгородке комендант города лично застрелил солдата, который украл у еврея несколько тысяч марок и шубу, и был пойман на месте преступления...

Объехав ряд селений на восток от Пинска, наш корреспондент из личных разговоров с евреями вынес впечатление, что еврейское население в районе операций армии относится к ген. Балаховичу вполне доброжелательно»****.

ПОХОД БУЛАК-БАЛАХОВИЧА В ПОЛЕСЬЕ

После заключения предварительного мирного договора между Польшей и РСФСР польскому командованию пришлось прекратить официальные отношения со своими союзниками — Петлюрой, Перемыкиным и Балаховичем, и предложить им покинуть тер-

* «Свобода», 24 октября 1920 г., № 85, с. 1.

** Там же, с. 1.

*** Cabanowski M. Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Warszawa, 1993, s. 127.

**** «Свобода», 4 ноября 1920 г., № 93, с. 3.

риторию Польши до 2 ноября. Начальник польского генштаба Тадеуш Розвадовский направил телеграмму начальнику штаба 4-й армии полковнику Юзефу Рыбаку, в которой указал:

«Отряды Балаховича, Перемыкина и Петлюры нам не подчиняются, и со дня ратификации (перемирия, т.е. с 22 октября — *Авт.*) всякие отношения с ними прекращаются. До этого времени, имея моральные обязательства по отношению к этим отрядам, мы экипировали их, потому что предложение сложить оружие они не приняли. С момента же ратификации всякая наша помощь для них прекращается. Если будут отброшены на нашу территорию, то подлежат разоружению. Командование советских войск не может возлагать на нас ответственность за выполнение условий перемирия и мира отрядами, нам не подчиненными и в защиту которых выступать вооруженным путем или дипломатическим не будем»*.

15 октября генерал Т. Розвадовский послал для информации депешу и.о. военного атташе в Париже капитану Г. Морстину:

«Сообщаю, что части генерала Балаховича в количестве около 12 тысяч человек остаются перед польским фронтом, и они предпримут акцию на Мозырь, оттуда на Жлобин или Овруч в зависимости от обстоятельств**.

Еще в период подготовки к походу, Савинков и РПК в Польше уведомили об этом генерала Врангеля и подтвердили свое признание Врангеля в качестве главы всех антибольшевистских сил России. Врангель ответил Савинкову 21 сентября телеграммой из Севастополя (через Константинополь):

«Получил Вашу телеграмму о признании моей власти, приветствую Вашу работу по отношению к укреплению Русско-польских отношений. Считаю выступление на польском фронте русских частей, не могущих быть использованным здесь, вполне целесообразным»***.

Подписали телеграмму Врангель и председатель его совета министров П.Б. Струве.

Газета «Свобода» напечатала также Декларацию РПК от 4 октября 1920 года о признании национальных государств, созданных на территории бывшей Российской империи:

«Нижеподписавшиеся считают себя вправе заявить:

---

* Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku, s. 136.

** Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach, s. 249–250.

*** «Свобода», 5 октября 1920 г., № 68, с. 1.

1) Что залогом успешной борьбы с большевиками, а также водворения в России правового порядка является тесный союз Польши с демократической Россией. ...

2) Признавая право самоопределения народов, в частности, факт независимости самостоятельных образований, возникших на территории бывшей Российской Империи, они полагают, что дальнейшие взаимоотношения этих государственных образований и России могут быть определены не силою оружия, а свободно и правомочно проявленной волей самоопределившихся народов»*.

Как видим, эта декларация отличалась от прежней программы Колчака и Деникина, не признававших никаких национальных государств, чем ловко воспользовались большевики, до поры до времени признававшие такие государства. Отметим, что Врангель тоже был противником каких-либо национальных государств на территории Российской империи, но формально поход поддержал, так как его поддержали Франция и Англия, его союзники и покровители. Савинков относился к независимости Белоруссии безразлично, но поскольку Польша поддерживала Балаховича, то и он был вместе со своим теперешним союзником.

Находясь в нейтральной зоне, 25 октября Станислав Булак-Балахович, Борис Савинков и Вячеслав Адамович пересекли новую государственную границу, установленную договором о предварительных условиях мира. Этим символическим актом они возвестили о начале самостоятельной борьбы с большевизмом.

В тот же день 25 октября 1920 года Булак-Балахович направил телеграмму Пилсудскому:

«Сего 25 октября я, согласно выраженному ими желанию, объединил под своим командованием все белорусские отряды, поставившие себе целью свержение власти большевиков и освобождение самостоятельной Белоруссии. Как Командующий Русской Народной Добровольческой Армией, имеющий в своем составе Белорусские Добровольческие Части и как сын белорусского народ, я поднимаю сегодня знамя Самостоятельной Демократической Белоруссии»**.

Таким образом, начиная свой поход, Балахович открыто заявил о создании независимой Белоруссии. Эту идею поддержал Белорусский Политический Комитет, который в своей телеграмме Савинкову и Булак-Балаховичу заявил:

«Зная программу Русского Политического Комитета и Народной Добровольческой Армии и твердо веря в ее искренность, мы,

---

* «Свобода», 5 октября 1920 г., № 68, с. 1.

** «Свобода», 3 ноября 1920 г., № 92, с. 3.

представители Самостоятельной Белоруссии, обращаемся к Вам за помощью. Русская Народная Добровольческая Армия, которая имеет в своих рядах многочисленных сынов Белоруссии и сам вождь которой является сыном нашего народа — приветствуется нами. Страдая под игом захватчиков-большевиков, Белорусский Народ зовет ее помочь ему освободиться и тем осуществить заветную мечту многих поколений о самостоятельной демократической Белоруссии, связанной узами братского родства с двумя великими славянскими народами — Россией и Польшей»*.

Телеграмму Савинкову и Булак-Балаховичу подписали председатель БПК Вячеслав Адамович, члены комитета и члены Рады БНР И. Сенкевич, П. Алексюк, командир Крестьянской Добровольческой Белорусской бригады капитан Курьен, командир Минского партизанского отряда подпоручик Хведощеня, представители организации «Зеленый Дуб», руководившей крестьянским антибольшевистским движением в Минской, Могилевской, Витебской и Смоленской губерниях из своего штаба в Лунинце.

В начале наступления Савинков и Булак-Балахович направили официальную телеграмму маршалу Пилсудскому и генералу Врангелю:

«Русская Народная Добровольческая Армия, борющаяся против большевиков за свободу всех народов и за мир всему миру, призванная на помощь представителями Свободного Белорусского Народа перешла сегодня границу, установленную прелиминарным миром. Поддержанная восставшими белорусскими крестьянами и имея в своих рядах многочисленных белорусских добровольцев, она продвигается вперед для освобождения самостоятельной Белоруссии и для окончательного торжества над захватчиками власти большевиками.

...Да здравствует Союз Народов. Да здравствует Свободная Белоруссия. Да здравствует Русское Учредительное Собрание. Да здравствует Демократическая Россия»**.

Таким образом, была ясно указана цель похода — не только освобождение России от большевиков, но и создание свободной Белоруссии.

Народно-добровольческая армия собралась в начале ноября 1920 года на Припяти в районе Микашевичи — Туров. По сведениям российского генерала П. Симанского, изучавшего ноябрьский поход Балаховича, в это время в НДА было до 20 тысяч человек, из них

* «Свобода», 3 ноября 1920 г., № 92, с. 3.

** Там же.

в строю 14750 человек, в том числе штыков и сабель 11050, остальные — штабы, артиллерия, технические службы*.

К началу похода она состояла из следующих соединений:

1-я дивизия «смерти» полковника (позже генерал-майора) Матвеева:

4 полка (1-й Партизанский, 2-й Псковский, 3-й Островский, 4-й Вознесенский); дивизион конной артиллерии (8 орудий); инженерный батальон; штабы и мастерские. Всего около 4000 человек, в том числе 2600 штыков и сабель.

2-я дивизия полковника Микоши:

4 полка (Витебский, Георгиевский, Минский, Смоленский), 2 батареи (8 орудий); инженерная рота; штабы и мастерские. Всего около 4800 человек, из них 3200 штыков и сабель.

3-я Волжская дивизия генерал-майора Ярославцева:

4 полка (Казанский, Нижегородский, Самарский, Ярославский); одна батарея (5 орудий). Всего около 2200 человек, в том числе 1500 штыков.

Крестьянская бригада атамана Искры-Лохвицкого:

3 полка (Киевский, Новоградско-Владимиро-Волынский, Путивльский конный); сотня Меркулова. Всего 1200 штыков и сабель.

Кавалерийская дивизия полковника Павловского:

4 полка (1-й конный, гусарский, уланский, Тульский драгунский). Всего 1100 человек, в том числе 400 штыков и 700 сабель.

Полк донских казаков полковника Духопельникова (около 1200 сабель).

Отдельный полк туземной кавалерии полковника Мадатьяна (100 штыков и 30 сабель).

Личная сотня генерала Булак-Балаховича (до 120 сабель).

*Железнодорожный полк (в стадии формирования)***.

Кроме того, в составе НДА числились две эскадры самолетов (10 машин) с командирами эскадр и четырьмя пилотами-офицерами в каждой.

К моменту начала похода НДА польское командование отвело свои войска с занимаемой ими территории ССРБ назад за нейтральную зону, расчистив тем самым место для ее прорыва. Одновременно на протесты советской делегации в Риге по поводу поддержки отрядов Балаховича и Петлюры польское правительство заявило, что его войсками разоружена часть отряда, оставшаяся на польской территории — бригада тяжелой артиллерии и бронепоезд.

---

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 232.

** Там же.

6 ноября армия Булак-Балаховича перешла в наступление от Турова на восток по обоим берегам Припяти. Наступление вели три пехотные и одна кавалерийская дивизии. Крестьянская бригада и ее Путивльский конно-стрелковый полк произвели отвлекающий маневр, действуя на стыке белорусского и украинского Полесья в районе Ельск — Овруч.

В центре наступала ударная группа, продвигавшаяся вдоль Припяти по ее правому берегу на Мозырь. В состав этой группы входила 1-я пехотная дивизия с приданым ей Витебским пехотным полком 2-й дивизии и Кавалерийская дивизия (без Уланского полка) полковника Сергея Павловского. За ними шла 3-я пехотная дивизия генерала Ярославцева. Эта группа насчитывала около 6400 штыков, 800 сабель и 6 орудий.

По левому берегу Припяти в направлении на Калинковичи, а затем на Жлобин, наступала 2-я пехотная дивизия вместе с Уланским полком. Эта группа была меньше — 3000 штыков, 150 сабель и 8 орудий*.

В зоне прорыва, на некотором расстоянии от нейтральной полосы, армии Балаховича противостояли 22-я стрелковая бригада 8-й СД, 29-я стрелковая бригада и 10-й кавалерийский полк 10-й СД Западного фронта. Остальные бригады этих дивизий находились в районе Осипович (24-я бригада) и Мозыря (28-я и 30-я бригады). Резерв командования Западного фронта составляли 57-я и 48-я СД 16-й армии в районе Бобруйска и 4-я СД в районе Гомеля. Кроме того, 17-я СД являлась резервом главного командования Красной Армии**. Таким образом, общее численное превосходство было на стороне «красных», имевших 5 стрелковых дивизий.

Начиная свой поход, Булак-Балахович провел торжественную церемонию установления народной национальной власти на занимаемой территории. 7 ноября в Турове на рыночной площади в центре местечка были выстроены белорусские части. На торжество приехало много крестьян из окрестных деревень, присутствовали делегации от православной и еврейской общин (в Турове проживало много евреев). Присутствовал и Борис Савинков. В церкви во время службы священники и прихожане молились за Белорусскую Народную Республику и успех ее оружия. Генерал Булак-Балахович поднял белорусский национальный стяг и принял присягу, что «не сложит оружия, пока не освободит родной край от узурпаторов». Во время торжества генерал заявил о передаче власти Белорусскому Политическому Комитету «на освобожденной земле Белорусской

---

* Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання». Мінск, 1987, с. 28.

** Какурин Н.Е., Меликов В.А. Война с белополяками 1920 г. М., 1925, с. 403.

Народной Республики». Торжество закончилось парадом белорусских подразделений*.

Удар главных сил НДА пришелся по относительно слабым трем российским стрелковым бригадам и кавалерийскому полку. Они понесли большие потери и стали быстро отступать. 8 ноября в полдень войска Балаховича заняли Петриков.

9 ноября утром части НДА продолжили наступление и заняли в течение дня ряд деревень. Уланский полк, продвигаясь по лесным дорогам севернее Припяти, шел на Копаткевичи — Домановичи, чтобы перерезать железнодорожную линию из Жлобина на Калинковичи. К вечеру 9 ноября 1-я пехотная дивизия полковника Матвеева вошла в местечко Скрыгалов и пошла дальше на Скрыгалову Слободу, которую заняла после небольшого боя. Дивизии Балаховича приблизились к уездному центру Мозырю.

На 10 ноября группе полковника Жгуна (Островский пехотный полк и Туземный кавалерийский полк) было приказано переправиться через Припять с юга и занять железнодорожную станцию и местечко Калинковичи. 1-я пехотная дивизия полковника Матвеева и Кавалерийская дивизия полковника Павловского получили задание взять Мозырь**.

По мере продвижения армии Балаховича вперед отпор российских войск возрастал. Командование 16-й армии приказало перейти в наступление командиру 10-й СД Кангелари, которому оно передало обе бригады (28-ю и 30-ю) армейского резерва. Однако боевые группы НДА выбили части 10-й СД с занимаемых позиций, нанесли им значительные потери и заставили отступить. После штурма позиций противника Псковский полк 1-й дивизии полковника Матвеева 10 ноября в 16.40 вошел в Мозырь. Через два часа в город вступили полки кавалерийской дивизии полковника С. Павловского и Партизанский полк 1-й дивизии***.

В тот же день полковник Павловский сформировал из взятых в плен красноармейцев Мозырский пехотный полк. На сторону Балаховича перешли многие бойцы 83-го, 89-го и 90-го стрелковых полков.

В тот же день 10 ноября группа полковника Жгуна, переправившись утром через Припять, окружила местечко Калинковичи (17 км севернее Мозыря) и, оставив в местечке обоз и Туземный полк, силами Островского полка заняла станцию Калинковичи. Саперы

* Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917—1923. Białystok, 1995, s. 172.

** Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 203.

*** Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання». Мінск, 1987, с. 29.

этой группы, взорвав железнодорожные пути, блокировали на участке Калинковичи — Мозырь красный бронепоезд. Штабной вагон начдива 10-й СД оторвался от поезда, ушедшего на Василевичи. Однако начдиву и штабным работникам позже удалось выбраться в Василевичи. Все же на несколько часов управление дивизией было нарушено, и ее части сражались самостоятельно. В связи с ухудшившейся обстановкой командующий 16-й армией А.И. Кук приказал начдиву 8-й СД сосредоточить 24-ю бригаду в районе Глуска, а начдиву 10-й СД (которого нашли на станци Василевичи) прикрывать направление Мозырь — Жлобин, Мозырь — Речица, Юревичи — Хойники*.

Командование 16-й армии осуществляло перегруппировку войск для защиты основных путей, по которым могли бы продвигаться далее на восток части НДА. Но главной задачей являлось окружение и уничтожение армии Балаховича.

В тот же день 10 ноября отступавшая от Мозыря на север 29-я стрелковая бригада встретила свои подразделения, отступавшие от Калинкович, соединилась с ними и, повернув ряды, атаковала Туземный полк балаховцев в местечке Калинковичи. После нескольких атак красных бойцов Туземный полк (он состоял из кавказцев) отступил лесами к Мозырю, оставив противнику обоз, 6 пулеметов и понеся значительные потери (100 пленных, 150 дезертиров). Далее Островский полк на станции Калинковичи подвергся атаке 10-го запасного батальона, прибывшего из Речицы, и бронепоезда, вступившего в бой после устранения повреждений пути. Окруженный со всех сторон Островский полк рассыпался на мелкие группы, которые ушли лесами в западном направлении, а потом пробились в Мозырь**.

12 ноября в полдень в Мозырь прибыл генерал-майор Станислав Булак-Балахович. По приказу начальника гарнизона Мозыря генерал-майора Ярославцева все домовладельцы в городе вывесили в этой связи белорусские бело-красно-белые национальные флаги. В Мозыре С. Балахович издал ряд актов и приказов. 14 ноября был издан его приказ о создании белорусских вооруженных сил:

> «Сего 14-го ноября я принял главнокомандование над всеми белорусскими и русскими вооруженными силами, находящимися на территории Белоруссии.
>
> Моего заместителя полковника Булак-Балаховича за боевые подвиги произвожу в генерал-майоры и назначаю Командующим Русской Народной Добровольческой Армии.

---

* ИСО XVI, с. 154.

** Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 204.

Для создания Белорусской Народной Армии выделить из состава Русской Народной Добровольческой Армии кадр из уроженцев Белоруссии и приступить к формированию Белорусских частей временно при Штабе Русской Народной Добровольческой Армии. Командующий Белорусской Армией будет назначен особым приказом.

Главнокомандующий всеми вооруженными силами
на территории Белоруссии
Генерал-майор Батька Булак-Балахович»*.

Однако фактически С. Балахович по-прежнему командовал «союзной» армией, а его брат, свежеиспеченный генерал, командовал войсками на наиболее важных направлениях (впоследствии квалификационная комиссия военного министерства Польши утвердила Юзефа Булак-Балаховича в чине генерала).

Основой для формирования белорусской армии стал белорусский батальон, который начали комплектовать из местных крестьян еще 10 ноября. В течение трех дней он вырос до тысячи человек. Таким же образом пополнялся один из белорусских батальонов в составе 2-й дивизии.

Вслед за С. Балаховичем из Турова в Мозырь прибыли члены Белорусского Политического Комитета. Еще в Турове БПК издал воззвание к жителям Белоруссии, призывая к борьбе за независимость страны, а также отдельное воззвание к еврейскому народу, призывающее евреев сотрудничать на благо общей родины. БПК назначил гражданские власти Мозырского уезда, местечка Туров и Туровской волости. Были введены в обращение отпечатанные ранее почтовые марки БНР.

В Мозыре 14 ноября БПК вместе с С. Балаховичем издал новое воззвание к евреям, гарантирующее им равные права с белорусами в независимом Белорусском государстве и призывающее помочь в борьбе с большевизмом. На следующий день были назначены городские власти Мозыря, в большинстве из евреев. В суде, кроме государственного белорусского языка, разрешалось пользоваться польским языком и еврейским (идиш)**.

16 ноября председатель РПК Савинков и главнокомандующий вооруженными силами на территории Белоруссии Булак-Балахович, с одной стороны, председатель БПК В.А. Адамович и член БПК П.П. Алексюк с другой стороны, подписали новое соглашение о признании независимости Белорусского государства:

---

* «Свобода», 24 ноября 1920 г., № 110, с. 3.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 177–178.

«Окончательная форма взаимоотношений между Россией и Белоруссией будет определена соглашением между Учредительными Собраниями Русским и Белорусским или Правительствами, этими Учредительными собраниями установленными»*.

Этот акт стал немалым шагом вперед в политике хотя бы части русских политических деятелей антибольшевистской ориентации.

Булак-Балахович объявил, что не признает эмигрантского правительства Вацлава Ластовского в Ковно и большевистского ревкома А. Червяка (Червякова) в Минске, а Белорусский Политический Комитет был преобразован в правительство Белоруссии. Председатель БПК Вячеслав Адамович (старший) стал премьер-министром, его заместитель Павел Алексюк — вице-премьером и министром иностранных дел. Пост министра финансов, торговли и промышленности занял Юрий Сенкевич, просвещения — Радослав Островский, военного министра — полковник Беляев. Правительство Адамовича издало манифест к белорусскому народу, расклеенный на улицах Мозыря. В манифесте содержалась программа нового белорусского правительства:

1) борьба за независимость Белоруссии;

2) созыв в ближайшее время Учредительного Собрания;

3) проведение аграрной реформы с ликвидацией крупной земельной собственности;

4) строительство белорусской государственности в тесном союзе с Польшей и при поддержке государств Антанты.

Новое правительство БНР назначило С. Балаховича на должность главы государства с той же формулировкой, как у Пилсудского — Начальник Белорусского государства**.

А военные действия продолжались. К вечеру 11 ноября полковник Жгун, получив в подкрепление Вознесенский полк, снова занял местечко и станцию Калинковичи. Но российское командование придавало большое значение этому пункту. Поэтому оно направило сюда 29-ю стрелковую бригаду и два бронепоезда. В 22 часа 12 ноября после ожесточенного уличного боя красные бойцы опять взяли Калинковичи.

13 ноября российское командование выяснило, что главный удар армии Балаховича направлен не на север, а на восток, на Речицу. В тот день группа полковника С. Павловского (5 полков) двинулась в направлении Речицы. Туда же пошла и группа полковника Матве-

---

* «Свобода», 28 ноября 1920 г., № 114, с. 4.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 178.

ева, сконцентрировавшаяся в Гулевичах (восточнее Мозыря). Еще две группы наступали севернее Припяти, от станции Птичь: группа полковника Стрижевского (Минский и Уланский полки) на Михновичи, а группа полковника Таалат-Келпша (Смоленский и Георгиевский полки) севернее его на Якимовичи. Но, как оказалось, большинство командиров эскадронов Уланского полка были большевиками, которые специально записались в армию Балаховича. При первой же встрече с «красными» этот полк перешел на их сторону*.

14 ноября группа полковника Микоши, усиленная группой полковника Жгуна, атаковала Калинковичи (Минский и Островский полки) и Якимовичи (северо-западнее Калинкович). Красным войскам пришлось снова оставить эти населенные пункты. На следующий день группа полковника Микоши двинулась на север в сторону Жлобина.

15 ноября С. Балахович отдал приказ наступать на Речицу — Гомель. Он рассчитывал пополнить свои силы партизанскими отрядами в этом районе, а в Гомеле — 10 тысячами местных жителей, мобилизованными в Красную Армию (в подавляющем большинстве крестьян). Только после этого Балахович рассчитывал повернуть на северо-запад, как это предусматривал план кампании. Задачу по захвату Речицы получили группы полковников Матвеева и Павловского. Они шли двумя отдельными колоннами, не встречаясь и даже не имея связи друг с другом**.

На самом юге Крестьянская бригада атамана Искры продвигалась в самых глухих местах Полесья, на белорусско-украинском пограничье. Здесь красных войск не было, и движение бригады происходило без боев. 11 ноября она дошла до местечка Лельчицы, а 14 ноября двинулась оттуда на Овруч.

Начиная с 15 ноября, основные силы НДА двигались на восток, преодолевая 100-километровое расстояние от Мозыря на Припяти до Речицы на Днепре. Группа полковника Матвеева состояла из частей 1-й и 2-й дивизий (Вознесенский, Витебский полки, два батальона Псковского полка — 850 штыков и 30 сабель). Она выступила 15 ноября в 4 часа утра и около 7 часов взяла с боем деревню Большие Автюки, а в 16 часов после боя овладела селом Хабно, вытеснив оттуда запасной полк 10-й СД и отряд школы курсантов из Гомеля. 16 ноября группа Матвеева заняла Бабылево.

---

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 207.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 179.

Не хватало хлеба, и солдаты меняли у крестьян соль на хлеб. Патронов оставалось по 50–60 штук на солдата. Тем не менее, эта группа прошла через Короватичи и Капоровку. Далее в Молчанах в бою были взяты пленные, а также отбиты ранее попавшие в плен к большевикам солдаты Конного полка и хорунжий Лесюков, командир Мозырского полка. Вечером 17 ноября группа Матвеева разместилась на ночлег в деревне Корыстань, перед этим трижды отбив атаки красных войск*.

Группа полковника С. Павловского, состоявшая из конницы и пехоты, быстрым маршем шла на Речицу с юга. Здесь находился и полковник Юзеф Балахович.

По приказу командующего 16-й армией в Речицу стягивались силы для обороны города. В распоряжение начдива 10-й СД были переданы запасной батальон 55-го стрелкового полка и кавалерийский полк, а начдиву 4-й СД передан один из сильнейших стрелковых полков. В местечко Лоев на Днепре был переброшен кавалерийский полк. 48-я СД заканчивала сосредоточение в районе Шацилки (ныне Светлогорск) — Домановичи — Озаричи, нависая с севера над группировкой в Мозыре. Далее к западу подтягивалась 17-я СД. Командующий Западным фронтом Тухачевский срочно передал командующему 16-й армией 33 Кубанскую конную дивизию, которая перебрасывалась по железной дороге из Витебска на станцию Шацилки.

Командарм 16-й армии решил окружить и разбить армию Балаховича и отдал 15 ноября в 14 часов начдивам 8-й, 17-й, 48-й, 10-й, 4-й стрелковых и 33-й Кубанской конной дивизии соответствующий приказ.

Тем временем группа полковника Павловского 16 ноября подошла к Речице с юга. Город защищали 10-я СД, 36-й полк 4-й СД, 55-й запасной батальон, два отдельных отряда, инженерный батальон, особый отряд Уварова и два бронепоезда — сила внушительная. Действуя в окрестностях Речицы, полковник Павловский атаковал позиции «красных» в деревне Казазаевка, одновременно послав Мозырский полк на Волчую Гору. Казазаевка в течение дня 16 ноября переходила из рук в руки, но к концу дня вместе с железнодорожным мостом через Днепр оказалась в руках Партизанского полка. Сам этот полк потерял более трети своего состава и почти всех офицеров. И Мозырский полк, атаковавший позиции «красных» у Волчьей Горы, был почти целиком уничтожен в бою, а часть его солдат попала в плен. Спасая лошадей от постоянного артиллерийского

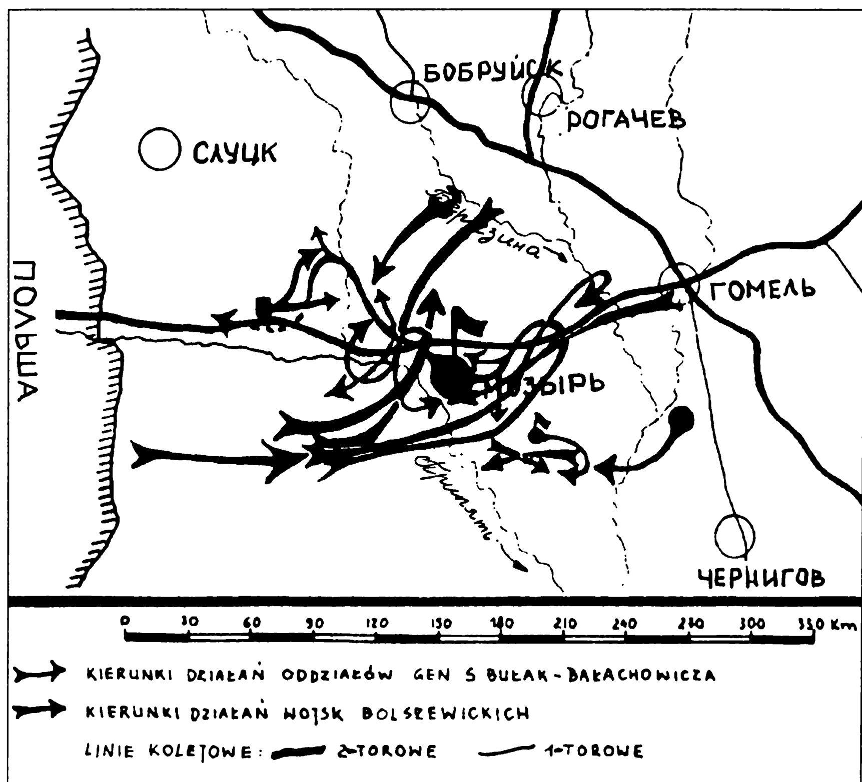
---

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bulak-Balachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 209.

обстрела, полковник Павловский отослал Конный полк и обоз южнее, в село Бронное на Днепре.

В ночь с 16 на 17 ноября застава балаховцев на железнодорожном мосту через Днепр была разбита, а Казазаевку взяла штурмом 29-я стрелковая бригада при помощи двух бронепоездов. Партизанский полк отошел от Бронного к югу, а Конный полк и обозы в Заспу (еще южнее). Утром 18 ноября красные части после уличного боя захватили Заспу. В это время с юга к Заспе подошли части 28-й стрелковой бригады и атаковали Конный полк. Уцелевшие подразделения группы Павловского отступили от Речицы на 25–30 километров и собрались в местечке Малодуша* (по дороге на Хойники).

Не имея сведений о местопребывании группы Павловского и решив, что она атакует Речицу (по отрывочным сведениям крестьян и освобожденных из плена солдат Мозырского полка), полковник

Поход Булак-Балаховича и контрнаступление войск 16-й армии

* Латышонак А. Штурм Рэчыцы войскамі генерала Станіслава Булак-Балаховіча ў лістападзе 1920 году /«Дзеяслоў», 2006, № 4, с. 297.

Матвеев с утра 17 ноября силами своей группы повел наступление на Речицу, идя примерно тем же путем с юга, что до него группа Павловского. 18 ноября, узнав от местных жителей, что Павловский отступил от Речицы, но и красные тоже эвакуируют Речицу (тогда как они стягивали сюда подкрепления), Матвеев с Вознесенским, Витебским и Псковским полками двинулся на Речицу.

Красные командиры не ожидали нового наступления с юга и перегруппировали свои войска на запад и север. Тем не менее, атака группы Матвеева с юга успеха не имела. У него было только 3 полевых орудия, 10 пулеметов и 300 солдат, поэтому преодолеть оборону «красных» он не смог. Его боевые порядки обстреливали три вражеские батареи и два бронепоезда. Группа Матвеева отступила к деревне Молчаны, на юго-запад. Назавтра, узнав об атаке группы Матвеева, на Речицу вновь двинулась группа Павловского, но была вынуждена отступить перед превосходящими силами красных.

Наконец, 20 ноября понесшие потери группы Матвеева и Павловского встретились в деревне Великий Бор (в 20 км севернее местечка Хойники и в 50 км восточнее Мозыря), в полесских лесах. На совещании командиров решили Речицу более не атаковать из-за нехватки артиллерии и личного состава. Сюда же 20 ноября из Мозыря прибыл сам Станислав Балахович, который привел с собой свою личную сотню и один батальон Псковского полка. Всего в Великом Боре собралось более тысячи солдат*.

По дороге в Хабне Булак-Балахович сформировал из пленных красноармейцев Хабненский полк.

В это же время активно действовала группа полковника Микоши (в основном, полки 2-й дивизии) в направлении на Жлобин. 15 ноября группа Микоши двинулась на Жлобин после взятия накануне Калинковичей и Якимовичей (северо-западнее Калинковичей). Минский полк занял Козловичи, а Георгиевский — Домановичи. Смоленский полк остался в Якимовичах, Островский полк охранял станцию и местечко Калинковичи. Восточнее, на правом крыле этой группы действовал Туземный полк. Дальнейшее наступление группы полковника Микоши остановила в 5 километрах северо-западнее Домановичей 143-я стрелковая бригада «красных».

А в это время находившийся в Козловичах 3-й батальон Минского полка (7 офицеров и более 100 солдат с тремя пулеметами) без боя перешел на сторону большевиков. Сюда же прибыли дополнительные силы красных войск. С утра 17 ноября под напором частей 17-й СД группа полковника Микоши начала отступление и в 15 часов

* Латышонак А. Штурм Рэчыцы войскамі генерала Станіслава Булак-Балаховіча ў лістападзе 1920 году /«Дзеяслоў», 2006, № 4, с. 298.

дня отошла в Мозырь, который занимала 3-я дивизия генерала Ярославцева*.

Убедившись в том, что главные силы Балаховича наступают на Речицу, начальник штаба Западного фронта Николай Соллогуб подготовил план окружения противника в двух «котлах» — возле Мозыря и между Мозырем и Речицей. Согласно этому плану 17-я СД получила приказ выйти из района Жлобина в тыл армии Балаховича западнее Мозыря и отрезать его части, которые вели бои под Речицей, повернув свой фронт на восток. Находившаяся в районе Бобруйска 48-я СД должна была разрезать группировку, которая вела бои между Мозырем и Речицей, взяв Калинковичи и Хойники.

К вечеру 17 ноября 143-я бригада 48-й СД заняла Калинковичи — Малые Автюки, а 142-я бригада той же дивизии — Макановичи. Были захвачены пленные из Витебского, Псковского и Вознесенского полков. Части 10-й СД подошли к Припяти и заняли позиции на противоположном от Мозыря берегу.

В ночь с 17 на 18 ноября группа Микоши начала отступление от Мозыря на запад. 2-я пехотная дивизия НДА упорно обороняла Мозырь, но вынуждена была отступить. 19 ноября 49-я бригада 17-й дивизии форсировала Припять. Мозырь был взят 51-й бригадой 17-й СД 20 ноября к двум часам ночи после многочисленных атак**.

В ночь с 20 на 21 ноября С. Балахович начал отход на запад из района деревни Великий Бор. Эта группа его войск разделилась на две колонны и шла лесными дорогами в обход Мозыря с севера и юга. При этом отступающие части несли большие потери, главным образом пленными. Сам С. Балахович шел с северной колонной, ему удалось пройти между Калинковичами и Мозырем через заслоны 17-й СД***.

Еще несколько дней его группа шла лесными дорогами на запад, вступая в стычки с частями 33-й Кубанской кавалерийской дивизии. 22 ноября в районе Капличи — Якимовичи (30—40 км северо-западнее Калинковичей) группе С. Балаховича удалось пробиться на запад, нанеся при этом поражение частям 33-й Кубанской казачьей дивизии. Красные казаки не выдержали удара Псковского и Партизанского полков. Утром 23 ноября группа прошла на север к деревне Колки (севернее Копаткевичей) по глухим лесным дорогам, а оттуда подошла к реке Птичь и днем вышла к деревне Копцевичи.

Утром следующего дня, преследуемые с севера бойцами 24-й стрелковой бригады, а с востока — 33-й Кубанской дивизии, части

---

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 214.

** ИСО XVI, с. 157.

*** Грыцкевіч А. Вакол «Слуцкага паўстання». Мінск, 1987, с. 33.

Балаховича переправились через Птичь, частично уничтожив свой обоз. 25 ноября группа Балаховича, отбив атаку красных казаков под Грабовом (20 км восточнее Князь-озера), продвинулась в сторону Житкович. 27 ноября на станции Люденевичи (западнее Житкович) С. Балахович получил сведения, что остальные группы его армии перешли на польскую территорию и отдал приказ частям своей группы отступить*.

С 18 ноября отступали на запад и другие группы НДА. Они шли от Мозыря и от Ельска южнее Припяти. Все эти части собрались 23 ноября в нейтральной зоне возле Турова. Таким образом, план окружения и уничтожения армии Балаховича не был выполнен.

27 ноября белорусские батальоны капитана Демидова и полковника Таалат-Келпша, задержавшиеся на демаркационной линии к югу от Припяти, получили сведения, что на противоположном берегу Припяти движется на запад группа С. Балаховича и ей угрожает окружение под Житковичами. Тогда оба батальона под командованием полковника Жгуна переправились на левый берег Припяти и пришли на помощь своему командующему, раненному в арьергардных боях. Эти батальоны отвлекли на себя часть преследовавших Балаховича красных отрядов и помогли ему выйти из окружения**.

29 ноября 1920 года в 10 часов утра эта группа перешла в деревню Синкевичи на польской стороне границы.

ИНТЕРНИРОВАНИЕ АРМИИ С. БУЛАК-БАЛАХОВИЧА

Итак, поход армии Булак-Балаховича в Восточное Полесье закончился неудачей. Причинами ее были несоразмерность сил НДА широкомасштабным целям похода, быстрая концентрация превосходящих сил Западного фронта, слабая пропаганда целей похода среди местного населения и, наоборот, хорошо поставленная социальная пропаганда большевиков.

Основная масса крестьянского населения приветствовала армию Балаховича, но рассматривала ее как освободительницу от диктатуры большевиков, а не как свою национальную армию.

Еще одна причина — наличие скрытых большевиков в рядах офицеров (бывших краскомов), которые в определенные моменты

---

* Simanskij P. Kampania białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920 /«Bellona», 1931, tom 37, zeszyt 2, s. 223–235.

** Латышонак А. Штурм Рэчыцы войскамі генерала Станіслава Булак-Балаховіча ў лістападзе 1920 году /«Дзеяслоў», 2006, № 4, с. 299.

вместе с солдатами переходили на сторону большевиков. В том же ряду — включение в состав его армии целых подразделений Красной Армии, что в трудные моменты заканчивалось массовым переходом к «красным» вместе с балаховцами в этих частях.

Немалую роль в провале похода Балаховича сыграло противодействие планам генерала со стороны Бориса Савинкова и его российских сторонников. Свою роль сыграли и белоруские эсэры, которых немало было в НДА. Балаховича они не любили как популярного среди крестьян политика, кроме того, являлись противниками союза с Польшей. На митингах в частях армии (особенно во 2-й дивизии), они дискредитировали действия С. Балаховича*.

Причиной поражения явилось и отсутствие непосредственной помощи со стороны польской армии. Польские власти оказывали косвенную помощь, но открытой поддержки не оказали. Как только армия Балаховича перешла на польскую территорию, польские власти разоружили ее и интернировали, так же, как и Украинскую Национальную Армию Петлюры.

Во время переговоров в Риге советская делегация неоднократно заявляла протесты против поддержки Польшей армии Балаховича. Протесты заявлял и наркомат иностранных дел РСФСР. Эти демарши свидетельствовали о том, что власти советской России опасались широкого распространения антибольшевистского крестьянского движения на территории РСФСР. Такие ноты передавались польской стороне 30 октября, 20 ноября и 1 декабря 1920 года. В дальнейшем советская делегация и наркоминдел требовали выдачи С. Балаховича советской стороне или, по меньшей мере, высылки его за пределы Польши.

Как отмечалось, отход частей НДА на польскую территорию происходил по частям. Вначале ушла основная группа, которую в нейтральной зоне возглавил Юзеф Балахович. И только через несколько дней из окружения прорвалась группа во главе со Станиславом.

Генерал Юзеф Булак-Балахович решил поначалу реорганизовать свои части (3000 штыков, 400 сабель, 8 орудий) и направить их в Слуцкий уезд для поддержки повстанцев. Однако польский офицер связи из 2-го отдела 4-й армии подпоручик С. Блоньский убедил генерала не оставаться в нейтральной зоне. 26 ноября отряды Ю. Балаховича перешли через демаркационную линию на польскую сторону и были направлены в Лунинец. Часть из этих отрядов переходила линию и в следующий день. До 30 ноября командование 4-й польской армии интернировало в Лунинце 500 офицеров и 3150 солдат из группы Ю. Балаховича, а также 58 офицеров и 800 донских казаков полка Духопельникова. Были приняты на склады 6 орудий,

---

* Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa, 1928, s. 102.

30 пулеметов, 3000 винтовок, 5 грузовиков, 500 верховых, артиллерийских и обозных лошадей, 6 полевых кухонь, 12 вагонов снаряжения и продовольствия.

Станислав Булак-Балахович перешел на польскую сторону границы позже, но оставил свой отряд в нейтральной полосе, а сам отправился с министрами своего правительства в Варшаву, чтобы договориться с польским правительством о дальнейших военных действиях против большевиков. Он хотел повести свои войска в Слуцкий уезд, где разгоралось восстание, среди руководства которого были и его сторонники. В его отряде началось формирование Слуцкого полка, восстанавливался разбитый под Речицей Витебский полк.

Но за время отсутствия С. Балаховича его брат Юзеф, не без влияния польского командования, принял решение о переходе на польскую сторону и всех оставшихся войск. 4 декабря границу перешли еще 1820 человек, в том числе 220 офицеров. Этот отряд сдал 490 лошадей и 6 орудий. За время пребывания в нейтральной полосе отряд увеличился вдвое (к нему присоединились офицеры и солдаты, которые еще надеялись продолжать войну с большевиками). Всего в Лунинце было интернировано 884 офицера и 6936 солдат армии С. Балаховича. Отсюда их разослали в несколько лагерей для интернированных в Польше.

А вместе с другими частями НДА, не принимавшими участия в походе, было интернировано около 12 тысяч солдат и офицеров армии С. Балаховича.

Большевики оценили потери балаховцев в 3540 солдат и 120 офицеров пленными. Были взяты трофеи: 4 орудия, 40 пулеметов, 1286 винтовок. Свои потери убитыми, ранеными и пленными командование 16-й армии оценило в 99 командиров и 2588 бойцов.

Часть подразделений армии С. Балаховича, особенно из местных жителей, осталась на территории Восточного Полесья, где продолжала вести борьбу с большевиками партизанскими методами.

После заключения мира между РСФСР и Польшей 18 марта 1921 года интернированные солдаты и офицеры армии С. Балаховича были освобождены из лагерей. Большая их часть поселилась в Беловежской пуще, где они работали в лесном хозяйстве и на лесопилках. Фактически сохранялась структура бывшей армии в виде рабочих команд.

Глава 16

СЛУЦКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ 1920 ГОДА

НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СЛУЦКОМ УЕЗДЕ

Слуцкий уезд Минской губернии был одним из наиболее развитых. От других уездов он отличался более урожайными почвами, хорошо развитой торговлей и давними историко-культурными традиции как города Слуцка, так и всего уезда. Большинство населения уезда составляли православные белорусы, католиков было до 12% населения, в Слуцке и местечках был высок процент еврейского населения. В уезде жило много мелкой белорусской шляхты. В Слуцке с сентября 1917 года работала белорусская гимназия.

Договор о перемирии и предварительных условиях мира от 12 октября 1920 года передавал около половины территории Слуцкого уезда в состав Польши. Но в период окончания военных действий (до 18 октября) польские войска успели занять весь уезд. Здесь разместились 11-я и 16-я пехотные дивизии.

После ратификации договора, обмена ратификационными грамотами и особого соглашения они должны были отойти за демаркационную линию в 15 километрах от границы на ее польской стороне (в южной части уезда — за реку Лань). Следовательно, пребывание польских войск на территории Слуцкого уезда было временным. Такое положение создало политическую неопределенность. Все партийные и советские работники выехали из Слуцка еще до 11 октября. Слуцкий ревком переехал в соседний Бобруйский уезд, в местечке Старые Дороги (50 километров от Слуцка).

Таким образом, в период «второй польской оккупации» («первая оккупация» уезда происходила с августа 1919 по июль 1920 года) в Слуцком уезде не было ни органов советской власти, ни подпольной большевистской организации, ни «красных» партизан. На несколько месяцев здешнее население избавилось и от продразверстки, и от репрессий, и от большевистской пропаганды.

В Слуцке и Слуцком уезде существовало довольно сильное белорусское национальное движение. На развитие политического сознания населения повлияли бурные события предыдущих лет: революция в России, немецкая оккупация в 1918 году, советская и польская оккупации в 1918–20 годах. Аграрная политика немецких

и польских оккупантов (за исключением отдельных эксцессов) была значительно мягче, чем большевистская, с ее конфискацией почти всего урожая и домашнего скота. Поэтому крестьянам было что сравнивать. А интеллигенция увидела принципиальные отличия национальной политики немцев и поляков от политики большевиков, прикрывавших лозунгом интернационализма традиционный колониализм.

Основной силой Слуцкого вооруженного выступления стало крестьянство. А активным элементом, поднявшим крестьян на борьбу против иноземного национального и социального угнетения явилась белорусская национальная интеллигенция.

Еще в ноябре 1919 года, во время первой польской оккупации, был создан Белорусский Национальный Комитет (БНК) Слуцкого уезда (5 человек), который возглавил член партии белорусских эсэров Владимир Прокулевич (1887–1938). Этот комитет вел культурную и кооперативную работу. После вступления в Слуцк частей Красной Армии в июле 1920 года БНК и его кооператив были закрыты большевиками. Но с лета 1920 года в городе легально работал комитет партии БПС-Р, ибо во время советско-польской войны эта партия была союзницей большевиков*.

В октябре 1920 года, после занятия Слуцка польскими войсками, БНК возобновил свою деятельность. Видную роль в нем играл слуцкий уроженец Павел Яковлевич Жаврид, бывший студент Варшавского университета, бывший поручик российской армии, участник Всебелорусского съезда в декабре 1917 года, член БПС-Р. Жаврид придерживался тактики сотрудничества с польскими властями. При этом он опирался на местных эсэров. Эсэры были настроены против Польши, но разочаровавшись в политике большевиков, обманувших их по всем принципиальным вопросам, теперь выступали и против большевиков. Поэтому они решили принять участие в деятельности БНК в Слуцке.

Приехали в Слуцк также деятели БПК, вступившего в соглашение с генералом С. Балаховичем — П. Алексюк, Р. Островский, А. Левицкий и В. Адамович. На их сторону перешла группа местных деятелей во главе с врачом Арсением Павлюкевичем (из русскоговорящей интеллигенции, объявившей себя белорусской). Местные уроженцы, бывшие офицеры российской армии, тоже высказались в поддержку Балаховича. Таким образом, среди белорусских национальных деятелей в Слуцке существовали группы разной политической ориентации.

---

* Грыцкевіч А. Слуцкае паўстаньне 1920 г. — збройны чын у барацьбе за незалежнасьць Беларусі /«Спадчына», 1993, № 2, с. 4–5.

Одна из таких групп, поддерживавшая связь с Балаховичем, начала вербовку добровольцев в отряды генерала. Часть конницы его армии в октябре 1920 года формировалась именно в Слуцке — гусарский, уланский и драгунский полки. Чтобы установить связь с Наивысшей Радой БНР, получить от нее помощь и инструкции, в Варшаву на переговоры выехал П. Жаврид. В это время группа А. Павлюкевича, при поддержке членов БПК в Слуцке, решала взять власть и ориентироваться на генерала С. Балаховича как единого руководителя антибольшевистского движения.

Пользуясь отсутствием в Слуцке Жаврида и еще двух членов «старого» БНК, сторонники Павлюкевича созвали собрание, чтобы узаконить свою власть. Один из активных деятелей национального движения в Слуцке Юрий Листопад (1897–1938) позже вспоминал:

> «Создалась новая инициативная группа белорусов, которая собрала общественное собрание, чтобы пополнить Комитет новыми членами. На этом собрании было 450 присутствующих лиц, и они к старому Комитету доизбрали еще 7 членов. Таким образом, в состав комитета вошло 12 человек, но старый Комитет не признал некоторых новых членов, считая их русификаторами (они не говорили по-белорусски. — *Авт.*). Значит, пошли споры, старый Комитет отказался работать до приезда посланного представителя /Жаврида/. Председателем нового Комитета стал доктор Павлюкевич, очень энергичный работник, но на ниве отечества человек новый. Довыборы Комитета состоялись 2 ноября 1920 г.»*.

Члены «старого» БНК (т.е. Прокулевич и его соратники) согласились признать полномочия только трех вновь избранных членов — Арсения Павлюкевича, Ивана Мацели и Т. Раковича. Председателем БНК был избран А. Павлюкевич. Новые члены комитета предложили немедленно приступить к созданию вооруженных сил, признать главнокомандующим генерала С. Балаховича и четко определить позицию комитета в отношении Польши. Но большинство прежнего состава БНК не согласилось с этим предложением и вышло из БНК.

Состав нового БНК оказался пестрым. Здесь были и эсэры, сторонники независимой Белоруссии, и сторонники Балаховича и БНК, выступавшие за Белорусское государство в союзе с Польшей. Были также люди, еще верившие советской России и выступавшие за переговоры с ней. Но преобладали сторонники Балаховича. Жаврид после возвращения из Варшавы, где он получил от Наивысшей Рады БНР полномочия ее комиссара в Слуцком уезде, вспоминал:

---

* Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2006. С. 160.

«Когда я вернулся в Слуцк, то застал балаховцев полными хозяевами. ... Хозяйничали Мацеля, Павлюкевич и приехавший брат Балаховича»*.

Польские военные власти передали теперь гражданскую власть в Слуцке и уезде БНК во главе с А. Павлюкевичем. Заведующий культурно-просветительским отделом Белорусской Войсковой Комиссии (БВК) в Лодзи Макар Косьцевич (Кравцов) 10 ноября следующим образом описал ситуацию в Слуцке:

«1) 1 ноября организовался Национальный Комитет из 11 человек (на самом деле 12 человек. — *Авт.*): 4 из бывшего Комитета и 7 избранных «собранием населения». Политика Национального комитета не имеет ничего общего с бывшим Комитетом.

2) В городе развевается белорусский бело-красно-белый штандарт, администрация и хозяйство в руках белорусов. Военная власть польская. Поляки относятся сочувственно и тихо помогают (неофициально).

3) Организована белорусская милиция (войска нельзя — благодаря Риге) в составе 5000 человек. Во главе ее офицер Мацеля из нашего Минского резерва»**.

Из этих 5 тысяч человек в городе и деревнях 500 были действующими, остальные считались в резерве. Сторонник С. Балаховича поручик Иван Мацеля стремился использовать милицию в качестве резерва для пополнения частей НДА, уже готовой выступить в поход на Полесье.

В волостях Слуцкого уезда назначенных польскими властями войтов сменили белорусские комитеты как органы местного самоуправления, избранные сельским населением. Затем такие же комитеты появились в деревнях. Они заменили солтысов, назначенных поляками. Таким образом, вместо польской и советской администрации в Слуцке и Слуцком уезде возникла демократическая форма местного управления. Во все эти комитеты входили представители партии эсэров, пользовавшейся поддержкой белорусского крестьянства***.

В условиях неопределенности политического положения, представители партии БПС-Р в Слуцке и Слуцком уезде решили созвать уездный съезд накануне ухода польских войск. Они хотели устано-

---

* Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2006, с. 220.

** Там же, с. 61

*** Грыцкевіч А. Слуцкае паўстаньне 1920 г. — збройны чын у барацьбе за незалежнасьць Беларусі /«Спадчына», 1993, № 2, с. 5.

вить на этой территории, еще свободной от большевиков, легальную белорусскую национальную власть. В уезде были проведены выборы на съезд по норме 5 делегатов от каждой волости, по одному делегату от белорусских культурно-просветительских кружков в уездном городе, местечках и крупных деревнях*.

Польские власти не возражали против созыва съезда Слуцкого уезда, потому что переговоры в Риге должны были возобновиться только в ноябре и до заключения мирного договора было еще далеко. Любое организованное выступление против власти большевиков в Белоруссии в таких условиях объективно было на руку польской делегации на переговорах в Риге.

По условиям прелиминарного договора, он вступал в силу после обмена ратификационными грамотами. К концу октября договор был ратифицирован обеими сторонами. 2 ноября 1920 года в Либаве (Лиепае) произошел обмен ратификационными грамотами. Таким образом, перемирие вступило в силу. Теперь войска сторон следовало отвести на свою территорию, на 15 километров от государственной границы. Этот пункт договора польская сторона не выдерживала. Отчасти потому, что имелись технические трудности. Но в основном, задержка отвода войск была связана с неофициальной помощью антибольшевистским выступлениям.

Вот в такой ситуации представители партии эсэров решили вернуть себе власть в уезде. В Слуцк вернулись члены «старого» состава БНК Василий Русак и Марк Осветимский. Приехал из Варшавы и Павел Жаврид, назначенный комиссаром Наивысшей Рады БНР по Слуцкому уезду. Они отрицали правомочность нового состава БНК и требовали избрания руководства на новом съезде Слуцкого уезда (хотя их самих ранее съезд не избирал).

«Новый» БНК согласился на это. Видимо, сыграло роль вошедшее в употребление правило прислушиваться к голосу «трудящихся масс». Началась подготовка, прошли выборы делегатов от населения и культурно-просветительских кружков. А время шло. Из-за противодействия эсэров Слуцкий уезд действия Булак-Балаховича не поддержал. Здесь создавался свой центр антибольшевистского сопротивления. Замедлялось и создание собственных вооруженных сил, хотя начало вывода польских войск неумолимо приближалось.

Белорусский съезд состоялся в Слуцке в большом зале дома помещика Эдварда Войниловича (1847–1928). На съезд прибыли 107 делегатов с правом решающего голоса– от Слуцка, 15 волостей уезда и культурно-просветительских кружков, еще 10 — с правом совещательного голоса. В качестве гостей присутствовали представите-

---

* Лістапад Ю. Узьбіліся на свой шлях /«Наша Думка», 11 сакавіка 1921 г., № 10.

ли профессиональных и кооперативных объединений, представители православной, католической и иудейской конфессий и командование 11-й пехотной дивизии, расквартированной в Слуцке.

Съезд открылся 14 ноября в 12 часов дня и продолжался до 10 часов вечера 15 ноября. Повсюду были развешаны бело-красно-белые флаги БНР. Царило праздничное, приподнятое настроение*.

Работой съезда руководили эсэры. Председателем съезда был избран Василий Русак, а вице-председателем Владимир Прокулевич. В первый день выступали делегаты из сельской местности. Более важные события разыгрались на второй день. Вначале выступил председатель БНК в Слуцке А. Павлюкевич, который отчитался о формировании вооруженных сил. Затем поручик И. Мацели выступил с призывом немедленно начать борьбу с большевизмом. В это время в зале появились делегаты, посланные ранее к генералу С. Балаховичу — капитан Антон Самусевич и Константин Крыжановский. Вместе с ними приехал Юзеф Балахович. Президиум съезда не хотел дать им слово. Но зал, встретивший овацией известие о прибытии гостей, решительно потребовал этого. Капитан Самусевич в своем выступлении подчеркнул, что генерал С. Балахович сражается под знаменем независимой Белоруссии и заявил, что генерал поручил ему сформировать в своей армии Слуцкий полк**.

Затем были зачитаны воззвания генерала С. Булак-Балаховича, Б. Савинкова и В. Адамовича (старшего). На вопросы делегатов съезда о действиях генерала ответил полковник Юзеф Булак-Балахович. Его ответы вызвали энтузиазм собравшихся.

После него выступил Павел Жаврид, который неожиданно для всех объявил, что является полномочным комиссаром, назначенным Наивысшей Радой БНР. Он критиковал Б. Савинкова и П. Алексюка и призвал создать в уезде войско БНР. Последнее предложение вызвало бурные аплодисменты.

Съезд отверг предложение Владимира Прокулевича, чтобы в случае прихода большевиков в Слуцк не вступать с ними в вооруженную борьбу, а ограничиться демонстрацией сил народной милиции. Съезд объявил Слуцкий уезд частью Белорусской Народной Республики. В своем постановлении съезд заявил:

> «Первый Белорусский Съезд Случчины, созванный в количестве 107 делегатов, приветствует Раду Белорусской Народной Республики и свидетельствует, что все свои силы отдаст на восстановление своего Отечества.

---

* Грыцкевіч А. Слуцкае паўстанне 1920 года. Гістарычны нарыс. Мінск, 2005, с. 12.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 198.

Съезд категорически протестует против оккупации родных земель чужеземным нападением и против самозванной Советской власти, как правительства Кнорина, так и других, что создавались в Белоруссии»*.

Съезд принял резолюцию о мобилизации для самообороны от большевиков и о начале вооруженной борьбы с ними**.

14 ноября съезд избрал уездную Раду БНР (иначе Белорусскую Раду) в составе 17 членов и 5 кандидатов в члены. Ей он доверил гражданскую власть в городе и уезде, поручил организацию национального войска. Председателем Рады был избран эсэр Владимир Прокулевич (судья по профессии), но избран большинством всего в один голос. Рада считалась полномочным временным органом власти БНР на территории Слуцкого уезда до выборов белорусского Учредительного Собрания. Она стала органом политического руководства Слуцким вооруженным выступлением.

В Раду вошли 8 эсэров и сочувствующих им. Второй сильной группой в Раде были сторонники Булак-Балаховича — А. Павлюкевич, поручик И. Мацели и другие. Имелись также нейтрально настроенные люди. Рада приступила к работе сразу же после закрытия съезда — 16 ноября. Был избран президиум (7 человек), созданы комиссии: юридическая, финансовая, земельная, продовольственная и административных органов.

Несмотря на колебания эсэров, в конечном итоге все члены Рады согласились восстать за независимость Белоруссии, за интересы крестьян. Рада направила протест правительству ССРБ:

«Белорусская Рада /Слуцкого уезда/, уведомленная о намерении советских войск, которые после выхода польских частей хотят занять Слуцк и уезд, пренебрегая тем самым волей народа, — энергично протестует против агрессивных намерений советского Правительства во главе с Кнориным, считая, что эта акция Советов противоречит также постановлениям мирной конференции» /в Риге/.

Протест против передачи половины Слуцкого уезда России Слуцкая Рада направила и польскому правительству. Рада объявила, что «свою власть передаст только Правительству, созданному Всебелорусским Конгрессом 1917 года»***.

21 ноября Слуцкая Рада издала Декларацию, обращенную к крестьянству:

---

* Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2006, с. 63.

** «Беларускае Слова» (Гродно) 30 ноября 1920 г., № 49.

*** Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2006, с. 64.

«Белорусская Рада /Слуцкого уезда/, выполняя волю крестьянства ... заявляет всему миру об основных требованиях белорусского крестьянства:

1. Белоруссия должна быть вольной, независимой республикой в ее этнографических границах.

2. Объявляя об этом и являясь выразительницей воли народа, Слуцкая Рада декларирует твердо стоять за независимость родной Белоруссии и защищать интересы крестьянства от насилия со стороны чужеземных захватчиков.

3. В случае необходимости Слуцкая Рада будет защищаться даже силой оружия, несмотря на количественный перевес врага»*.

Позже, в конце ноября, были добавлены пункты о демократических свободах и экономических правах населения, которые провозгласила 2-я Уставная грамота Рады БНР 9 марта 1918 года»**.

СЛУЦКАЯ СТРЕЛКОВАЯ БРИГАДА

При активной поддержке крестьян и горожан «войсковая тройка» в составе Павла Жаврида, капитана Анастаса Анциповича и поручика Ивана Мацели за три дня сформировала из добровольцев (на основе белорусской милиции) 1-ю Слуцкий полк стрелковой бригады войск БНР. В него вступали не только жители Слуцкого уезда, но также партизаны и дезертиры-красноармейцы из Бобруйского уезда.

Командиром 1-го полка Рада назначила бывшего капитана российской армии Павла Чайку, эсэра, который с 31 июля до 11 октября 1920 года (при большевиках) был помощником начальника Слуцкого уездного военкомата. Эту должность он получил благодаря поддержке группы эсэров в Раде. Сторонники же Балаховича хотели, чтобы полком командовал капитан Антон Самусевич, присланный Балаховичем.

Спешка объяснялась тем, что польские части через несколько дней должны были уйти за линию границы. Их вывод начался с 22 ноября. Поляки уходили медленно, не по 20 километров в сутки, как предусматривали условия перемирия, а по 10 километров.

23 ноября польское командование в Слуцке сообщило Слуцкой Раде, что на следующий день польские части покидают Слуцк. В тот же день несколько членов Рады, в основном члены ее президиума (В. Прокулевич, П. Жаврид, В. Русак, Ю. Сосновский, Ю. Радзюк), подписали протест против намерения правительства РСФСР занять Слуцкий уезд войсками Западного фронта и направили этот протест

* Грыцкевіч А. Цит. Соч., с. 15.

** Там же.

в Москву через российского представителя при командовании 11-й польской пехотной дивизии. В местечке Грозов (севернее Слуцка) началось формирование 2-го Грозовского полка.

Однако оборону Слуцка белорусское руководство не организовало. Поэтому Рада приняла решение покинуть город и отступить в западную часть уезда. Командование Слуцкой бригады издало приказ оставить Слуцк, отходить на запад и собираться в местечке Семежево, на шоссе Москва — Варшава. Слуцк был оставлен к вечеру 24 ноября. Перед этим Рада призвала население вступать добровольцами в стрелковую бригаду войск БНР.

Местечко Семежево (примерно в 8 км от новой границы) находилось в 15-километровой нейтральной зоне с советской стороны. Такая же 15-километровая нейтральная зона была и с польской стороны. В общей нейтральной зоне (30 километров), по условиям договора от 12 октября 1920 года, не должны были находиться ни войска Красной Армии, ни польские войска. Формально тут действовала местная милиция, организованная каждой из сторон на своей территории для поддержания порядка.

После того, как польские войска, а после них и части Слуцкой бригады покинули Слуцк, российские войска начали медленно продвигаться вперед. 26 ноября последние польские солдаты ушли за линию границы, а 29 ноября российские войска вышли на новую демаркационную линию: местечки Вызна (ныне Красная Слобода) — Ленино (название известно с XVI века и не имеет никакого отношения к В.И. Ленину.) и заняли Слуцк. До конца ноября они вышли на линию от Ленино до Турова, где и остановились.

В конце ноября дислокация частей 16-й российской армии в Слуцком уезде была такова: 22-я бригада 8-й СД стояла на линии Песочное — Копыль — Ванелевичи — Лядно — Живоглодовичи — Вызна, всего до 80 километров. 23-я бригада этой дивизии размещалась южнее, на линии Вызна — Копацевичи — Ясковичи — Залютичи (на реке Случь) — местечко Ленино, тоже до 80 километров. 24-я бригада 17-й СД стояла на линии Ленино — Туров*.

Для нейтральной зоны Слуцкого уезда были учреждены три ревкома, подчиненные Слуцкому уездному комитету, а при них отряды милиции. Так, для Семежевского ревкома был определен отряд из 150 пеших и 20 конных милиционеров*. Однако до Семежево ни ревком, ни милиционеры не добрались. Там находились части Слуцкой стрелковой бригады.

В Семежево завершилось формирование обоих полков бригады. Здесь же с 24 ноября началась запись добровольцев в белорусские воинские части. В местечке Семежево, где до мировой войны насчи-

---

* ИСО XVI, с. 161–162.

тывалось менее 3 тысяч жителей, скопилось около 15 тысяч человек. Некоторые беженцы, спасаясь от большевиков, сразу уходили в Польшу. Но большинство молодых людей записывалось в состав бригады. Почти все офицеры тоже были местного происхождения, обладали опытом мировой либо гражданской войны. Однако офицеров не хватало, тем более, что часть их уже ушла к Балаховичу.

В Семежево находился штаб бригады — капитаны А. Анципович (командир бригады), И. Мацеля, Кудзинский, Соколов и прапорщик Зариц. При нем были отделы разведки и контрразведки. Слуцким полком, как уже сказано, командовал капитан Павел Чайка, Грозовским полком — капитан Лукаш Семенюк. В 1-м полку было четыре батальона, во 2-м — три. Каждый батальон состоял из трех рот.

Был сформирован еще и конный отряд, созданы полковые обозы и оружейная мастерская. Имелся также отдельный отряд (две роты). Врач А. Павлюкевич организовал полевой госпиталь, а член Рады Иван Бирукович — военный суд. Открылась подофицерская школа. Несколько десятков молодых людей отправились в Лодзь, где БВК определила их в офицерскую школу. Одним словом, буквально за несколько дней было развернуто соединение войск БНР.

Впоследствии последний командир бригады штабс- капитан Антон Сокол-Кутыловский сообщил, что в начале выступления бригада насчитывала 4000 человек. Но вместе с двумя резервными полками в ней было до 10 тысяч человек.

К сожалению, не хватало оружия. Первые 500 винтовок принесли сами солдаты (оружие милиции), еще 300 передало польское командование (вместя с тремя полевыми кухнями). Но вскоре выявилось, что у 200 польских винтовок были неисправны прицелы.

БВК прислала из Лодзи в помощь Слуцкой бригаде стрелков БНР несколько офицеров, в том числе майора А. Якубецкого и капитана Антона Борика, ставшего начальником штаба бригады. БВК также приняла и разместила (по согласованию с польским командованием) курсантов в школы подхорунжих в Варшаве и Грудзёндзе.

Уже после начала боевых действий БВК через Лунинец передала бригаде партию винтовок и пулеметов. В декабре бригада имела уже 2 тысячи винтовок и 10 пулеметов, но артиллерии не было совсем, что значительно снижало возможности активных боевых действий. Обеспечение бригады продовольствием сначала было налажено хорошо, так как крестьяне охотно снабжали части, где служили их сыновья. Но по мере сокращения территории, находившейся под контролем повстанцев, снабжение ухудшалось.

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СЛУЦКОЙ БРИГАДЫ

Военные действия Слуцкой бригады против 16-й российской армии продолжались один месяц, с конца ноября до конца декабря 1920 года. В исторической литературе эти действия носят название «Слуцкое восстание», хотя это неправильно.

Конечно, с точки зрения руководства марионеточной Белорусской ССР всякое вооруженное выступление против него на территории, переданной ей польскими войсками — восстание. Но, с другой стороны, вооруженного восстания против советской власти на этой территории не было, ибо такая власть там отсутствовала. Кроме того, вооруженное выступление в Слуцком уезде в 1920 году под руководством Слуцкой Рады, как временного органа власти БНР на территории республики, являлось борьбой за восстановление независимости Белоруссии, провозглашенной в 1918 году. Поэтому многие белорусские историки называют эту акцию «Слуцкі збройны чын» (Слуцкое вооруженное выступление).

Вооруженное выступление Слуцкой бригады произошло в неблагоприятных военных и политических условиях. Она вступила в борьбу отдельно от НДА Балаховича, уже после поражения этой армии, когда уже действовало перемирие Польши с РСФСР, при недостатке людей и оружия, но при энтузиазме и поддержке местного населения.

В период формирования Слуцкой бригады усилилась политическая борьба между эсэрами и сторонниками С. Балаховича в руководстве Рады и в командовании бригады. Штаб бригады не приглашал на свои заседания представителей Слуцкой Рады, игнорировал комиссара Наивысшей Рады БНР Жаврида. Но в конце ноября в Семежево приехал представитель Наивысшей Рады БНР Кузьма Терещенко с четырьмя офицерами БВК: капитанами Андреем Якубецким, Антоном Бориком и Антоном Сокол-Кутыловским, поручиком Федором Янушенко. Все они были противниками С. Балаховича. Капитан Борик занял должность начальника штаба бригады. Это усилило позиции Жаврида и его сторонников.

Начала работать типография, которую польские власти разрешили открыть сначала в Слониме, а затем в Клецке. Под руководством Макара Кравцова она печатала листовки и газеты*.

---

* М. Кравцов (1891–1939) известен как автор белорусского военного марша, положенного на музыку композитором Владимиром Теравским — «Мы выйдзем шчыльнымі радамі» («Мы выйдем тесными рядами»), который стал гимном Слуцкой бригады, а затем и белорусским национальным гимном.

В конце ноября белорусское войско заняло позиции в 35—40 километрах западнее Слуцка. 1-й Слуцкий полк занял участок от Семежево до Вызны (около 20 километров). 2-й Грозовский полк занял позиции севернее, в районе Копыль — Тимковичи — севернее Семежево.

Боевые действия Слуцкая бригада начала 27 ноября, когда подразделения ее 1-го полка атаковали части 8-й СД 16-й армии — ее караулы и полевые заставы на демаркационной линии. В последующие дни к таким атакам из нейтральной зоны подключились роты 2-го Грозовского полка.

Вначале командование Западного фронта не знало, что против его войск действуют части Слуцкой бригады. Видимо, разведка действовала плохо. Российское командование приняло их за отряды Балаховича. Так, в оперативной сводке полевого штаба РККА от 2 декабря 1920 года сказано:

> «В Слуцком районе в 20 верстах северо-западнее Слуцка (район между Копылем и Грозовом — *Авт.*) и в 25 верстах юго-западнее Слуцка (район Вызны — *Авт.*) происходят стычки с мелкими бродячими отрядами балаховцев»*.

Командование 16-й армии решило очистить нейтральную зону от этих «бродячих отрядов». Получив согласие от польских властей, красные войска вошли 4 декабря в нейтральную зону на три дня. Однако эта карательная операция дала мизерный результат: были задержаны около 50 дезертиров и 15 перебежчиков. Командование Слуцкой бригады вывело основные силы из-под удара. Только в районе Семежево часть белорусских отрядов была разбита и 7 декабря ушла из нейтральной зоны на польскую сторону. Поляки разоружили 30 офицеров и 400 солдат**. Штаб Слуцкой бригады 9 декабря заявил об отступлении двух своих рот на польскую территорию и их разоружение. Сама бригада отошла на 8 км западнее Семежево, почти к самой границе.

Неудачи первых боев для Слуцкой бригады объясняются не только недостатком оружия, но и излишней растянутостью фронта (до 40 километров) при относительно небольших силах.

К этому добавился кризис в командовании Слуцкой бригадой. Начальник контрразведки штаба бригады перехватил письмо командира 1-го полка капитана П. Чайки с пакетом тайных документов, посланное через одного старика в Вызну советскому военному комиссару К. Кецко, эсэру, с которым Чайка работал в Слуцком военкомате. Чайку арестовали. При аресте он крикнул Жавриду, кото-

---

* «Известия ВЦИК», № 272, 3 декабря 1920 г.

** Беларускае Слова (Гродно), № 60, 12 снежня 1920 г.

рый добился назначения его командиром полка: «Жаврид! Спаси меня!» Но Жаврид не только не помог, но сам в тот же день уехал в Варшаву.

Прокулевич тайно собрал своих сторонников (эсэров), чтобы договориться об отстранении от командования «балаховцев». Пока они договаривались, П. Чайка с помощью своего друга поручика А. Мироновича бежал из-под ареста в Слуцк. Но там его схватили большевики. «Тройка» особого отдела 16-й армии «за измену советской власти» приговорила Чайку к смертной казни. 9 января 1921 года его расстреляли*.

Побег Чайки дал возможность эсэрам расправиться с «балаховцами». 3 декабря на собрании Рады под руководством Прокулевича было решено арестовать капитана А. Анциповича, а также поручика А. Мироновича и его заместителя Е. Реута под предлогом, что оба содействовали измене П. Чайки. Военный суд разжаловал Анциповича в рядовые, а Миронович и Реут были сняты с занимаемых должностей. Павлюкевичу и Мацели пришлось подчиниться Слуцкой Раде**.

После этого Рада назначила командиром бригады капитана А. Сокол-Кутыловского, командиром 1-го полка — подполковника А. Гавриловича, начальником отдела разведки и контрразведки — поручика Т. Янушенко. Командиру бригады Рада временно передала диктаторские полномочия.

Штаб Слуцкой бригады после отступления из Семежево находился в деревне Грицевичи, за два километра от реки Лани, в нейтральной зоне, но на территории, отошедшей к Польше.

После возвращения красных частей из нейтральной зоны на демаркационную линию подразделения Слуцкой бригады вновь начали атаковать их передовые посты. Так, в ночь на 10 декабря солдаты бригады совершили налет на деревни Кривоселки и Новоселки, в ночь на 12 декабря — на деревню Старынь. Потом была совершена попытка вытеснить передовые части «красных» с занятых ими позиций, начато наступление на местечки Семежево и Вызна.

В ночь на 13 декабря солдаты 1-го полка и кавалерийского отряда после ожесточенного боя заняли местечко Семежево. Противник, потеряв убитыми и ранеными около 50 человек, отступил. Здесь было взято много патронов на складе. Но, получив подкрепления, красноармейцы контратаковали и отбили Семежево.

---

* Грыцкевіч А. Слуцкае паўстанне 1920 года. Гістарычны нарыс. Мінск, 2005, с. 20.

** Łatyszonek O. Białoruskie formacje wojskowe 1917–1923. Białystok, 1995, s. 204.

Эдвард Войнилович в своих мемуарах писал, что после боев возле Вызны и Семежево красные войска, наступая на подразделения Слуцкой бригады, зашли далеко за линию государственной границы, под Ёдчицы, которые находились уже на польской территории. Он сообщает, что польские войска специально отступили, чтобы дать возможность российским войскам разгромить повстанцев*.

Штаб Слуцкой бригады, а с ним и Рада, 15 декабря переехали в деревню Морочь (20 км западнее Вызны), в одном километре от границы на советской стороне. В подразделениях бригады стал ощущаться недостаток продовольствия, что вынудило Раду распорядиться о реквизиции продуктов у населения. Среди солдат распространялся тиф. Лекарств было мало.

Несмотря на это, белорусские отряды продолжали активно действовать. В ночь с 17 на 18 декабря они снова заняли Семежево и несколько окрестных деревень, взяли в плен 25 красноармейцев, захватили пулемет, много винтовок, обоз с лошадьми. В ночь на 19 декабря была взята Вызна. Бригада продвинулась восточнее нее**.

Собрав значительные силы, утром 19 декабря части Красной Армии начали наступление, чтобы полностью подавить сопротивление своему режиму. В этот день их превосходящие силы овладели Вызной. Слуцкие солдаты отступили к деревне Смоличи (10 км западнее Вызны). 20 декабря они были оттеснены к реке Морочь. В тот же день «красные» выбили солдат Слуцкой бригады из Семежево.

Польская делегация на мирных переговорах в Риге снова дала согласие на введение российских войск в нейтральную зону и даже на польскую территорию для преследования Слуцкой бригады.

Штаб бригады вынужден был перебраться в деревню Заостровечье (ныне в Клецком районе), возле реки Лань, за которой стоял 41-й польский пехотный полк. В этой деревне после боев собирались солдаты разных подразделений бригады. Здесь состоялось собрание офицеров бригады, выразившее недоверие Раде, которая, по их мнению, неудачно руководила делами и мешала боевым действиям. Они также обвинили Раду в неспособности снабжать бригаду оружием, патронами и продовольствием. Опасаясь бунта, Рада разрешила бригаде перейти через реку Лань на польскую сторону.

28 декабря 1920 года основные силы Слуцкой бригады перешли Лань и сдались польским войскам. 31 декабря на польскую территорию перешел последний отряд Слуцкой бригады. Однако днем окончания борьбы считается 28 декабря.

---

* Войнилович Э. Воспоминания. Минск, 2007, с. 345.

** Грыцкевіч А. Слуцкае паўстаньне 1920 г. — збройны чын у барацьбе за незалежнасьць Беларусі /«Спадчына», 1993, № 2, с. 10.

Отдельный белорусский батальон капитана Николая Демидова (это тот Демидов, который в 1919 году был комендантом Гродно) совершил марш из Полесья в Слуцкий уезд по нейтральной полосе, но не успел присоединиться к Слуцкой бригаде (да и сама Слуцкая Рада побаивалась его прибытия).

Один батальон из Слуцкой бригады (400 человек) отказался уходить на польскую территорию и остался в уезде, разбившись на десяток групп. Они еще несколько лет скрывались в лесах и вели военные действия партизанского характера.

СУДЬБА СЛУЦКИХ ПОВСТАНЦЕВ

На польской территории офицеры и солдаты Слуцкой бригады были разоружены и интернированы до официального окончания советско-польской войны, сначала во временном лагере в местечке Синявка (ныне в Клецком районе), недалеко от границы. Затем их перевели в лагерь в Белостоке, а в начале марта 1921 года — в Дорогуск (на реке Западный Буг возле Хелма). Они были освобождены только в мае 1921 года, после ратификации РСФСР, УССР и Польшей мирного договора, подписанного в Риге 18 марта 1921 года. После освобождения из лагеря солдаты и офицеры Слуцкой бригады разъехались в разные места Западной Белоруссии.

Заодно был интернирован и белорусский батальон капитана Н. Демидова, но в лагере в польском Радоме. Не все солдаты Слуцкой бригады согласились интернироваться и пойти в польские лагеря. Около 2500 ее солдат остались в окрестностях Несвижа. К ним присоединилась часть солдат белорусского батальона из армии С. Балаховича, из отряда капитана Т. Хведощени, а также белорусы-дезертиры из Красной армии. В результате в начале 1921 года в окрестностях Несвижа скопилось до 4 тысяч человек. Эти солдаты должны были сдать оружие, но многие оставили при себе винтовки и патроны. Вся эта масса представляла резерв для быстрого развертывания белорусской армии в случае неудачи мирных переговоров в Риге. На то же самое надеялись и белорусские политические деятели, которые в конце декабря 1920 года на совместном совещании наконец-то признали С. Балаховича командующим белорусскими вооруженными силами.

Часть собравшихся возле Несвижа солдат организовывалась в партизанские отряды и во главе со своими командирами переходила на территорию ССРБ для борьбы против большевиков.

Оценку Слуцкому вооруженному выступлению дала Первая общенациональная политическая конференция представителей белорусских национальных организаций из шести стран, которая прошла в Праге 25–28 сентября 1921 года. Среди вопросов, обсуждавшихся на конференции, был и вопрос о Слуцком восстании. Резолюцию о Слуцком восстании опубликовал ряд белорусских газет Литвы, Западной Белоруссии, Чехословакии. В ней было отмечено:

> «Народ, стихийно восставший с оружием в руках за независимость и нераздельность своего Отечества, написал на своем штандарте: ни польских панов, ни московских коммунистов. Белорусское национально-политическое совещание констатирует, что это восстание было задушено превосходящими силами обеих сторон»*.

Слуцкое вооруженное выступление вошло в историю как одна из героических страниц белорусского национально-освободительного движения XX века. Ежегодно белорусские национальные организации в разных странах мира отмечают 27 ноября как День Героев. С 1992 года этот день празднуют и национально сознательные белорусы в своем Отечестве.

---

* Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакумэнтах і ўспамінах. Мінск, 2006, с. 150.

Глава 17

РИЖСКИЙ МИР (1921 г.)

СОВЕТСКО-ПОЛЬСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ В РИГЕ

Поскольку 12 октября 1920 года в Риге был подписан только договор о перемирии и предварительных условиях мира, то предстояло еще заключить и мирный договор, который подвел бы окончательную черту под советско-польской войной. Поэтому переговоры между советской и польской делегациями возобновились в Риге через месяц, 13 ноября.

Но состав делегаций изменился. К моменту завершения переговоров в марте 1921 года председателем российско-украинской делегации оставался Адольф Иоффе, а членами являлись Яков Ганецкий, Эммануил Квиринг, Юрий Коцюбинский и Леонид Оболенский. Квиринг и Коцюбинский представляли правительство УССР. Правительство Польши сократило состав своей делегации до пяти человек: глава делегации Ян Домбский, члены — Станислав Каузик, Эдуард Лехович, Генрик Страсбургер и Леон Василевский.

Белоруссия на переговорах представлена не была. Но, как отмечено выше, полномочия на ведение переговоров от ее имени правительство РСФСР получило еще 10 сентября 1920 года — от Белорусского военревкома. Второй Всебелорусский съезд советов в декабре 1920 года подтвердил решение ВРК о предоставлении делегации РСФСР на переговорах с Польшей права защиты интересов Белоруссии. Другой вопрос, что эта делегация меньше всего беспокоилась об интересах белорусского народа.

16 января 1921 года представители двух советских республик — РСФСР и ССРБ — заместитель наркома иностранных дел РСФСР Л.М. Карахан и заместитель председателя ЦИК ССРБ, нарком по военным делам И.А. Адамович подписали союзный договор. В его преамбуле содержались высокопарные заявления о самоопределении и суверенитете народов, но статьи весьма существенно ограничивали суверенные права Белоруссии, правительство которой уступало их правительству РСФСР. Фактически руководство партии белорусских большевиков, подчиненное ЦК РКП и Коминтерну, отказалось от суверенитета ССРБ в пользу РСФСР.

Наиболее важными пунктами союзного договора от 16 января 1921 года были следующие:

«1. Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика и Социалистическая Советская Республика Белоруссии вступают между собой в военный и хозяйственный союз.

3. Для лучшего осуществления указанной в п. 1 цели, оба правительства объявляют объединенными следующие комиссариаты: 1) военных дел, 2) Высший Совет Народного Хозяйства, 3) Внешней торговли, 4) Финансов, 5) Труда, 6) Путей Сообщения и 7) Почт и телеграфа.

4. Объединенные народные комиссариаты обеих Республик входят в состав СНК РСФСР и имеют в Совете Народных Комиссаров ССРБ своих уполномоченных, утверждаемых и контролируемых Белорусскими ЦИК и Съездом Советов.

6. Руководство и контроль объединенных комиссариатов осуществляется через Всероссийский Съезд Советов депутатов рабочих, крестьян и красноармейцев, а также Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет, в который ССРБ посылает своих представителей на основании постановления Всероссийского Съезда Советов»*.

Этот договор РСФСР с ССРБ повторял положения аналогичного договора между РСФСР и Украинской ССР от 28 декабря 1920 года о военном и хозяйственном союзе этих республик, об объединении тех же семи наркоматов (с пребыванием их в Москве), с теми же уполномоченными наркоматов в Украине и с тем же руководством наркоматами «через Всероссийские Съезды Советов ...и Всероссийский ЦИК». Вот таким образом, Украинская и Белорусская советские республики оказались в полном подчинении и распоряжении не только ЦК РКП(б), но и правительства РСФСР. Соответственно, советская (российско-украинская делегация) могла решать различные вопросы, имеющие отношение к Белоруссии (в том числе территориальные), даже не ставя в известность Совнарком и ЦИК советов ССРБ.

Переговоры в Риге шли медленно, поскольку там решались не только территориальные и политические, но также экономические и другие вопросы. Обе делегации не торопились, ведь военные действия закончились, действовало перемирие, а главное, менялась политическая ситуация в их странах.

Красная Армия разгромила армию Врангеля в Крыму, но внутреннее положение в разоренной и голодной России оставалось напряженным. Не утихали крестьянские восстания. Росло недовольство рабочих и матросов, что вылилось в восстание в Кронштадте, начавшееся в конце февраля 1921 года и продолжавшееся до 18 марта. Полыхала крестьянская война в Тамбовской губернии. Все это заставило советскую делегацию пойти на ряд уступок польской стороне.

Обе делегации поддерживали связь со смешанной военно-согласительной комиссией в Минске и ее председателем с польской сто-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 476–477.

роны полковником Юзефом Рыбаком. Нужно было согласовывать военно-технические вопросы. А в это время на территории Белоруссии действовала армия С. Булак-Балаховича, происходило Слуцкое вооруженное выступление. Затем пришлось заниматься вопросами о семи сахарных заводах на Волыни, принадлежность которых не была еще решена.

26 ноября 1920 года министр иностранных дел Польши Э. Сапега обвинил советскую делегацию в затягивании переговоров методом постоянных протестов (посредством нот Иоффе) и в использовании переговоров (а также протестов) в целях пропаганды. Категорически отвергнув все обвинения, выдвигавшиеся советской стороной, Сапега заявил, что польское правительство «возобновило переговоры с искренним желанием положить конец войне». В его ноте говорилось:

> «В противоположность тому, что происходит в России, Польское Правительство уже демобилизовало семь призывных возрастов и таким образом уменьшило свою вооруженную силу, полагая, что она ему не понадобится для того, чтобы поддержать выполнение и развитие прелиминарных условий, уже подписанных в Риге. Однако теперешняя тактика Советской делегации порождает сомнение в искренности Советского Правительства достигнуть окончательного прекращения состояния войны».

Польский министр от имени правительства предложил скорее начать реальные переговоры, во-первых, с установлением срока, когда должен быть заключен мир, и во-вторых, обсудить вопросы «о военных гарантиях, имеющих целью упрочить состояние мира»*.

В ответ нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин и заодно (формы ради) председатель Совнаркома и нарком иностранных дел УСР Х.А. Раковский 1 декабря направили по радио ноту Сапеге, а 3 декабря опубликовали ее в газете «Известия». В ноте Польша обвинялась (вполне справедливо) в поддержке «банд Петлюры и Балаховича» и в нарушениях договора в связи с выводом войск. Обвинения польского министра отвергались и предлагалось председателям обеих делегаций «указать заранее программу мирных переговоров», что ускорило бы ход конференции**.

Внимание участников конференции в Риге отвлекали и ноты Совнаркома РСФСР по поводу захвата Вильни войсками генерала Желиговского. Например, в одной из нот Иоффе (от 16 декабря) даже прозвучало обвинение в том, что «в так называемую 3-ю литовско-белорусскую дивизию Желиговского (такой дивизии вовсе не бы-

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 355–356.

** Там же, с. 353–355.

ло — *Авт.*) вступают беглецы из армии Балаховича и, по имеющимся точным сведениям, интернированные солдаты Балаховича польскими властями переправляются в ту же армию Желиговского»*. Это не соответствовало реальному положению вещей.

На фоне интенсивной переписки и взаимных обвинений происходили сами переговоры о мире. Первое пленарное заседание мирной конференции состоялось 17 ноября 1920 года. На этот раз в составе польской делегации депутатов сейма уже не было. Было принято решение о создании четырех комиссий: 1) территориальной, 2) юридическо-политической, 3) финансово-экономической, 4) по обмену пленных, заложников и беженцев.

Основные вопросы территориального характера и признания Польшей советских республик Украины и Белоруссии были решены в договоре о предварительных условиях мира, поэтому теперь главным образом решались вопросы экономического характера. Но это не исключало споров по политическим и военным вопросам, о чем свидетельствуют ноты и протесты.

Переговоры носили острый, а иногда и драматический характер. Были моменты, когда дело могло закончиться их полным разрывом. Но тактика негласных встреч руководителей делегаций позволила достигать компромиссов, которые затем оформлялись на заседаниях комиссий и на пленарных заседаниях. По-прежнему Иоффе и Домбский разговаривали между собой по-немецки.

На первом этапе работы мирной конференции польская сторона предложила внести поправки при точном определении пограничной линии, установленной договором о прелиминарных условиях мира. Иоффе не отверг этих предложений, так как они давали возможность советской делегации требовать уступок в финансовых и хозяйственных вопросах. Польская сторона стремилась исправить границу в Белоруссии в пределах бывшей Виленской губернии — в районе Радошковичей (северо-западнее Минска) и в обширной Туровской Пуще в Полесье, а также на небольших участках на Волыни. Всего требования польской стороны составляли до 10 тысяч квадратных километров**.

Эти требования подкреплялись ходатайствами жителей приграничной зоны к польским властям оставить их селения на польской стороне границы. Такие петиции были поданы от жителей западной части Лепельского уезда и части Минского уезда. В конце января 1921 года в Варшаву прибыла делегация Минского уезда с требованием при заключении мира учесть пожелания населения о включении этой территории в состав Польши. Иоффе даже отметил в сво-

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 386.

** Kumaniecki J. Pokój polsko-radziecki 1921. Warszawa, 1985, s. 59.

ей ноте от 16 декабря 1920 года, что правительство Польши «принимает представителей помещиков из Белоруссии под видом представителей белорусского народа».

Но главное место на конференции заняло обсуждение финансово-экономических вопросов. Стороны спорили из-за имущества, вывезенного во время мировой войны с территории Польши в Россию, о компенсации ущерба, причиненного военными действиями, а также о возвращения культурных ценностей, вывезенных в Россию после восстаний 1794 и 1830–31 годов. Советские делегаты отказывались от компенсаций полякам за войну 1919–20 годов, утверждая, что эту войну «развязал империализм». Словом, тем для споров хватало. Однако Белорусссию при этом никогда не вспоминали, как будто бы ее не существовало на свете.

Время шло, и нужно было решить вопрос о продлении перемирия. Поскольку и Россия, и Польша были истощены войной, обе делегации пошли на это. 24 февраля 1921 года они подписали соответствующий протокол. Суть протокола заключалась в одном абзаце:

> «Заключенное между сторонами перемирие автоматически продолжается до момента обмена ратификационными грамотами окончательного мирного договора, и каждая из сторон имеет право отказаться от перемирия с предупреждением за 42 дня»*.

24 февраля было подписано соглашение о репатриации на родину из РСФСР, УССР и Польши всех пленных, интернированных и эмигрантов.

В тот же день обе делегации в полном составе подписали дополнительный протокол об исполнении статьи 1 договора о прелиминарных условиях мира, т.е. о проведении линии границы на местности. Для этого была создана смешанная пограничная комиссия из представителей обеих сторон. На разные участки границы назначались подкомиссии, подчиненные смешанной пограничной комиссии. Местом пребывания последней был избран Минск. Дополнительный протокол указывал, какими документами нужно пользоваться для определения линии границы, а также разъяснениями старожилов. Рекомендовалось: «земли единоличных владельцев... включать в состав хозяйственных единиц ближайших селений». Протокол был составлен на русском, украинском и польском языках. Все три текста считались аутентичными.

На последнем этапе переговоров советская сторона по указанию Ленина пошла на уступки. Сам вождь большевиков сказал об этом в речи 28 февраля 1921 года на пленуме Московского совета рабочих и крестьянских депутатов:

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 531.

«Мы ни на минуту и ни на йоту своих военных сил не уменьшим и не ослабим, в то же время не боясь делать несколько больше уступок по отношению к буржуазной Польше, лишь бы оторвать рабочих и крестьян Польши от Антанты и доказать им, что рабоче-крестьянская власть национальной грызней не занимается»*.

Это называется «делать хорошее выражение лица при плохой игре». Наркоминдел Чичерин в своей телеграмме от 25 февраля уполномоченному наркомата в Германии В.Л. Коппу выразился более откровенно:

«ЦК принял решение всячески ускорять подписание договора с Польшей, ибо мы в первую очередь стремимся создать мирное положение на всех фронтах и желаем мира с Польшей возможно скорее»**.

ОТНОШЕНИЕ БЕЛОРУССКИХ НАЦИОНАЛЬНЫХ ДЕЯТЕЛЕЙ К РИЖСКОМУ ДОГОВОРУ

В то время как большевистские руководители ССРБ полностью доверили судьбу своей республики кремлевскому руководству, правительственные деятели БНР, находившиеся в Ковно (Каунасе), Вильне и Варшаве, выступали с патриотических позиций, протестуя против раздела Белоруссии между Польшей и Россией.

20 октября 1920 года в Риге состоялось политическое совещание с участием 15 человек. Среди них были Язэп Воронко, Клавдий Дуж-Душевский, Констанитн Езовитов, Василий Захарко, Петр Кречевский, Вацлав Ластовский, Язэп Мамонько, Александр Цвикевич и другие. Они представляли белорусские центры Литвы, Польши, Латвии, Западной Украины, Германии, Франции, Чехословакии, и представляли белорусские партии эсэров, социалистов-федералистов, социал-демократов. Они поддержали правительство БНР во главе с Ластовским. Акцию генерала Желиговского по захвату Вильни назвали «политической авантюрой и шантажом».

Главная резолюция совещания осудила договор от 12 октября 1920 года. В этой резолюции осуждался раздел белорусской территории между Польшей и РСФСР. Участники совещания заявили, «что договор не может считаться действительным для Белоруссии, поскольку ее представители отсутствовали на переговорах»***.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 549.

** Там же, с. 536.

*** Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 323–325.

На следующий день (21 октября) в Риге состоялась конференция белорусских левых партий, с участием указанных деятелей. Она назвала позорным польско-российско-украинский мир и приняла следующую резолюцию:

> «Требуем: 1. Пересмотра прелиминарного мира и установления государственной российско-белорусской и белорусско-польской границы по этнографическому принципу.
>
> 2. Допуска как равноправной стороны на мирные российско-польские переговоры Делегации Белорусской Народной Республики, как единственного правомочного представительства Белорусского Народа.
>
> 3. Очищения этнографической белорусской территории от оккупантских, как польских, так и российских войск.
>
> 4. Невмешательства и России, и Польши во внутренние белорусские дела...
>
> Если Польско-Российско-Украинский мир будет заключен на основах прелиминарного соглашения, мы — Белорусские Социалистические Партии — не признаем его и будем бороться со всеми узурпаторами прав Белорусского Народа»*.

Протестовала против заключения прелиминарного мира на таких условиях и Наивысшая Рада БНР. 21 октября 1920 года она приняла Декларацию, в которой протестовала против раздела «живого тела Белоруссии». Она также потребовала от Польши и России «реального признания независимости Белорусской Народной Республики и вывода за этнографические границы Белоруссии как польских, так и российских войск, чтобы на территории, очищенной от оккупации, мог состояться созванный правительством БНР ее законный суверенный Законодательный Сейм»**.

Выступления политических и партийных деятелей БНР поддержали местные политические организации. Так, 5 ноября 1920 года Белорусский национальный комитет в Гродно принял резолюцию с требованием «запретить польско-российским империалистам совершить бесправное рассечение живого тела многострадального белорусского народа, который непрестанно домогается свободной жизни в своей независимой, нераздельной Белорусской Народной Республике». Такую же позицию озвучила Рада белорусской колонии в Риге.

Правительство БНР (В. Ластовского) и в начале 1921 года продолжало выступать на международной арене против условий совет-

---

* Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 325–326.

** Там же, с. 326.

ско-польского договора о предварительных условиях мира. Однако попытки этого правительства добиться участия своего представителя в переговорах в Риге ни к чему не привели. Устранив от них даже марионеточное правительство ССРБ, и Совнарком РСФСР, и польский Совет министров меньше всего хотели допустить к переговорам реальных противников раздела территории Белоруссии.

26 января 1921 года правительство БНР выступило с заявлением, в котором указало на игнорирование со стороны РСФСР и Польши интересов белорусского народа, хотя оба эти государства признали независимость Белоаруссии. В заявлении отмечалось:

> «1. Советская Россия фактически уступила Польше важные в культурном отношении и населенные белорусами части Виленской и Гродненской губерний.
>
> 2. Белорусской Республике навязывается силой советская форма правления, хотя весь народ высказался еще на Всебелорусском съезде в Минске ... за Белорусскую Народную Республику...
>
> Крестьянские восстания, которые происходят все время в Советской Белоруссии, выдвигают и сегодня лозунг «За Белорусскую Народную Республику», что является лучшим доказательством того, насколько Народное Правительство популярно в стране.
>
> 3. Белорусской Республике навязывается вопреки ее воле федерация с Россией, хотя все народные симпатии целиком на стороне исторического союза с Литвой. Только федерация с Литвой, которая дает Белоруссии возможность экономического развития, будет пользоваться популярностью в стране»*.

Правительство БНР соответствующим образом характеризовало и условия мира между РСФСР и Польшей. Еще 17 марта 1921 года пресс-бюро БНР в Каунасе заявило, что план создания Белоруссии в границах шести уездов Минской губернии «является по существу... демонстрацией централистских намерений советского правительства».

25 марта 1921 года правительство БНР приняло обращение «Всему культурному миру» по случаю заключения Рижского мирного договора. В заявлении говорилось:

> «В Риге 18 марта 1921 г. совершено тяжкое преступление правительствами Польской и Советско-Российской Республик против 16-миллионного населения Белоруссии. Это позорное преступление носит название мирного договора между Польской Демократической Республикой и Российской Советской Республикой. Польша и Россия, не имея между собой совместных границ, три года воевали на территории Белорусской Республики, жгли, уничтожали, гра-

---

* Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 343.

били и мучили население, а в конце-концов, завершая бесконечный ряд своих бесправий, разодрали живое тело белорусского народа надвое. Польша захватила западные, а Россия — восточные белорусские земли. Рижский польско-большевистский мир — это кошмарная насмешка над демократией и ее идеалами. Имя ему насилие и грабеж.

Правительство БНР именем белорусского народа выносит самый горячий протест перед всеми культурными государствами и народами мира, ищет заступничества и справедливости, и заявляет:

1. Мир, разрывающий на части живой организм Белоруссии, никогда не будет признан белорусским народом.

2. Против насилия и подчинения белорусский народ боролся и будет бороться до конца за свою независимость и нераздельность»*.

Итак, белорусские национальные политические силы высказали решительный протест и выразили возмущение как разделом белорусской территории между двумя захватчиками, так и созданием маленькой марионеточной Белорусской советской республики, полностью подчиненной Москве.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ РИЖСКОГО ДОГОВОРА

В последние недели переговоров на очередной негласной встрече Иоффе заявил Домбскому, что Россия согласна уступить Польше еще три тысячи квадратных верст на Полесье и тогда польская граница будет подходить к самому Турову, оставляя его в российских границах (речь шла о территории Белоруссии, но вещи назывались своими названиями. — *Авт.*). Иоффе также заявил, что Россия готова отдать Польше Радошковичи, которые по предварительным условиям мира были на советской стороне, а также отодвинуть границу на восток в районе реки Вилии восточнее Молодечно (в районе Докшицы–Долгинов). В таком случае польско-советская граница на этом участке полностью совпала бы с восточной границей Виленской губернии. При этом Иоффе сказал, что «территориальные уступки — это мой личный подарок пану Домбскому и никакой другой председатель польской мирной делегации такого подарка не получит»**.

В самом конце переговоров советская делегация спохватилась, что нигде не говорится о непосредственной польско-российской

---

* Ціхаміраў А. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск, 2003, с. 343–344.

** Dąbski J. Pokój Ryski, s. 170–171.

границе: речь идет о советско-польской границе в Белоруссии. На заседании редакционной комиссии Иоффе поднял вопрос о включении в текст договора упоминания о российско-польской границе. Польский делегат Леон Василевский ответил ему, что устанавливается граница Польши с Украиной и Белоруссией, а вопрос о российской территории — это уже политическая сторона дела внутренних отношений в России, Польша не будет его рассматривать. Польская делегация не хотела связывать себе руки упоминанием о российско-польской границе, так как ожидала возможной ликвидации фиктивной белорусской советской республики. Впрочем, Иоффе не настаивал на своем предложении.

Глава польского государства Пилсудский был настроен более воинственно, чем правительство и политические группировки в сейме. Например, на встрече с офицерами штаба 2-й армии Рыдз-Смиглого на Виленщине 3 декабря 1920 года Пилсудский ответил на свой же вопрос, что нужно сделать теперь, пока польская армия не демобилизована, а перед нею разбитая советская армия:

> «Мы должны снова занять Киев и Минск, чтобы объединить в федерации или унии с Польшей всю Украину, Белоруссию и Литву. К сожалению, сделать сейчас мы этого не можем. Польша этого не хочет, ей чужды ягеллонские идеи, а, кроме того, Польша истощена длительной войной, наше войско очень устало... и бедное. Нет, мы не может выполнить эту задачу»*.

Его настроения разделял и министр иностранных дел Сапега. 18 марта 1921 года Ян Домбский сказал Иоффе:

> «Через два дня в Ригу приедет министр иностранных дел Сапега, наверное, с целью срыва переговоров, которые тянутся так долго. Если мы хотим иметь договор, следует подписать его сегодня»***.

Договор был подписан в тот же день. А министр Сапега от поездки отказался.

Поздно вечером 18 марта 1921 года, находившийся на спектакле в Национальном театре в Варшаве премьер-министр Винценты Витос получил телеграмму от Я. Домбского о подписании мира и объявил об этом публике. Известие вызвало энтузиазм и длительные аплодисменты собравшихся. Пилсудский сидел в ложе, не аплодируя.

Итак, 18 марта 1921 года на пленарном заседании во Дворце Черноголовых в Риге в 20 часов 30 минут по местному времени делегаты

---

* Прушиньский М. Драма Пілсудського. Війна 1920 (Документально-художне видання) /Пер. с польск. Київ, 1997, с. 318.

** Там же, с. 319.

обеих сторон подписали мирный договор. Вначале выступили с краткими речами главы делегаций и министр иностранных дел Латвии Мееровиц. А потом приложили руку члены делегаций, тексты скрепили печатями. Вся церемония продолжалась до 22 часов 10 минут.

Договор был составлен на русском, украинском и польском языках. Он состоял из преамбулы и 26 статей. К договору была приложена карта границы, имевшая официальный характер (приложение № 1), а также еще 9 приложений, в которых были зафиксированы договоренности сторон по отдельные важным вопросам*.

Первая статья кратко сформулировала главный вопрос:

> «Обе договаривающиеся стороны объявляют состояние войны между ними прекращенным».

2-я статья начиналась с официального заявления:

> «Обе договаривающиеся стороны, согласно принципа самоопределения народов, признают независимость Украины и Белоруссии, а также соглашаются и постановляют, что восточную границу Польши, т.е. границу между Россией, Белоруссией и Украиной, с одной стороны, и Польшей — с другой, составляет линия»...

Далее шло подробное описание линии границы с указанием деревень на той и другой стороне границы, дорог и рек. Граница была нанесена красной краской на русской карте (масштаб 10 верст в одном английском дюйме). В случае разницы между текстом и картой решающее значение имел текст. Государственную границу следовало установить на месте смешанной пограничной комиссии. Уточнялось, как проводить границу по рекам, между селениями, на дорогах, у железнодорожных станций («от полутора до трех верст от выходного семафора») и т.д.

По договору новая линия границы в ряде мест была передвинута на восток. Так, в нынешней Минской области новая граница («личный подарок Иоффе пану Яну Домбскому») южнее Клецка была перенесена на восток с реки Лань на реки Морочь и Случь до Припяти, а южнее Припяти — от реки Ствиги восточнее ее. Северо-восточнее Минска к Польше по договору отошло местечко Радошковичи и ряд населенных пунктов севернее его, но станция Радошковичи осталась на советской стороне.

На Волыни Польше были переданы местечко и станция Ракитно на железной дороге Киев — Коростень — Ковель. Была спрямлена в пользу Польши граница в районе Ямполя. Но в основном линия границы осталась прежней. То, что Ян Домбский отказался от Минска и центральной части Белоруссии, как предлагал ему вначале

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 618–658.

Иоффе, через десять лет ему припомнили правые элементы, сторонники Пилсудского. В 1931 году его сильно избила группа неизвестных — «за измену». Несколько месяцев Домбский болел, а затем умер.

Важное значение для международных отношений имела 3-я статья договора:

> «Россия и Украина отказываются от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к западу от границы, описанной в статье II настоящего Договора. Со своей стороны Польша отказывается в пользу Украины и Белоруссии от всяких прав и притязаний на земли, расположенные к востоку от этой границы.
>
> Обе договаривающиеся стороны соглашаются, что поскольку в состав земель, расположенных к западу от границы, описанной в статье II настоящего Договора, входят территории, спорные между Польшей и Литвой, — вопрос о принадлежности этих территорий к одному или другому из названных государств подлежит разрешению исключительно между Польшей и Литвой»*.

Речь, конечно, шла о Виленской области и Сувалковском округе. Россия и в этом вопросе пошла на уступку польской стороне.

Территория советской Белоруссии теперь составляла только две трети бывшей Минской губернии. На востоке ее граница с РСФСР соответствовала восточной границе бывшей Минской губернии. Белорусский народный поэт Якуб Колас горько иронизировал по этому поводу:

Далі шэсць паветаў
Дзякуй і за гэта.

В этой Белорусской советской республике проживало полтора миллиона жителей, меньше, чем теперь в Минске. Народный поэт Беларуси Янка Купала в стихотворении «Новый год» писал:

Ідзеш у край, які бязбожна
Жыўцом парэзалі на часьці,
А брат проць брата стаў варожна,
І памагае край раскрасьці.

Традиционной для договоров РСФСР и СССР со своими соседями стала 5-я статья договора:

> «Обе договаривающиеся стороны взаимно гарантируют полное уважение государственного суверенитета другой стороны и воздержание от всякого вмешательства в ее внутренние дела, в частности,

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 623.

от агитации, пропаганды и всякого рода интервенций, либо их поддержки.

Обе договаривающиеся стороны обязуются не создавать и не поддерживать организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной, либо покушающихся на ее территориальную целость, либо подготовляющих ниспровержение ее государственного или общественного строя путем насилия, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории»*.

Согласно ей, Россия отказывалась от Польревкома и Галревкома, виртуальных «революционных правительств» Западной Белоруссии и Западной Украины. А вот Польша отказывалась от вполне реальных и к тому же союзных ей украинских, белорусских и российских войск, а также от дружественных эмигрантских правительств и политических комитетов. Здесь был несомненный выигрыш советской дипломатии.

Не менее важной была и 7-я статья договора о гарантиях национальных прав:

«1. Польша предоставляет лицам русской, украинской и белорусской национальности, находящимся в Польше, на основе равноправия национальностей, все права, обеспечивающие свободное развитие культуры, языка и выполнения религиозных обрядов. Взаимно Россия и Украина обеспечивают лицам польской национальности, находящимся в России, Украине и Белоруссии, все те же права.

Лица русской, украинской и белорусской национальности в Польше имеют право, в пределах внутреннего законодательства, культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы. Этими же правами, в пределах внутреннего законодательства, будут пользоваться лица польской национальности, находящиеся в России, Украине и Белоруссии»**.

Действительно, благодаря этому условию, в 20-е годы в Польше выпускались газеты и книги, были созданы национальные культурные общества и общества содействия национальной школе — украинские, белорусские и русские. Открылись национальные школы и гимназии. Соответственно в Белоруссии и Украине были созданы польские национальные театры, выпускались газеты и книги на польском языке, работали средние школы. В Белорусской Академии наук был создан польский сектор, занимавшийся исследованиями польской истории, литературы и языка.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 623.

** Там же, с. 626–627

В договоре от 18 марта 1921 года стороны взаимно отказывались от требований вернуть расходы на ведение войны и компенсировать потери. Каждая из сторон предоставляла «гражданам противной стороны полную амнистию за всякие политические преступления и проступки» (10-я статья). Статья заканчивалась положением:

> «Приведение в исполнение смертных приговоров за вышеуказанные деяния приостанавливается с момента подписания настоящего Договора»*.

Обширная 11-я статья была посвящена возврату Польше исторических и культурных ценностей, вывезенных в Россию или Украину начиная с 1 января 1772 года, т.е. после первого раздела Речи Посполитой (в том числе боевые знамена и артиллерийские орудия), а также трофеи, начиная с войны 1792 года. Не подлежали возврату трофеи войны 1919–20 годов. Россия возвращала Польше библиотеки, архивы, произведения искусства и предметы, имеющие научную или культурную ценности. До сих пор в описях архивных документов в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге против названий некоторых архивных дел сохранились пометки «Дело выдано польской стороне» с подписью эксперта, известного историка профессора В.И. Пичеты.

По условиям договора Польша освобождалась от ответственности за долги и обязательства Российской империи. Россия обязалась выплатить Польше 30 миллионов рублей золотом за вклад Польши в российскую экономику (однако выплата была произведена не полностью).

Дипломатические и торговые отношения восстанавливались немедленно.

В договоре пространно были описаны процедуры выбора гражданства (оптации) лицами старше 18 лет и условия выезда в свою страну (репатриация).

Приложения к договору решали экономические и юридические вопросы.

Мирный договор между Польшей, с одной стороны, Россией и Украиной с другой, был ратифицирован в течение месяца. Президиум Всероссийского ЦИК ратифицировал его 14 апреля. ЦИК Украины ратифицировал договор 17 апреля. Начальник Польского государства Пилсудский ратифицировал договор 16 апреля на основании полномочия, данного ему Сеймом 15 апреля.

Обмен ратификационными грамотами состоялся 30 апреля 1921 года в Минске, и договор вступил в силу.

---

* Документы внешней политики СССР. Том III, с. 628–629.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рижский мирный договор завершил двухлетний период военных действий между Россией и Польшей. Он зафиксировал серьезные политические и стратегические изменения в этом регионе Восточной Европы. Получили официальное международное признание независимые государства Литва, Белоруссия и Украина (несмотря на то, что независимость советских республик была чисто формальной). Косвенным образом укрепился суверенитет Латвии и Эстонии.

Но граница, установленная Рижским договором, была не просто линией раздела территории между соседними государствами. Она стала рубежом между странами буржуазной демократии и тоталитарной Россией, провела водораздел между полярными общественно-политическими системами. И это было компромиссная, временная линия. Недаром большевики установили на пограничной станции Негорелое арку со зловещей надписью «Коммунизм сметет все границы!» Интернациональное сообщество левых экстремистов (Коминтерн) взяло тайм-аут, но не отказалось от плана мировой революции. Следующие 20 лет коммунисты неустанно готовились к великому «освободительному походу» в Европу. К счастью для европейцев, этот план им удалось осуществить лишь частично.

Тема революции, гражданской войны и военной интервенции в России остается актуальной и спустя восемь десятилетий. Именно те далекие события предопределили особенности дальнейшей истории России, Украины, Белоруссии, Литвы, Польши и других стран. Последствия действий правительств, государственных и национальных деятелей того времени ощущаются по сей день.

Взаимные обиды, споры, претензии — все это сегодня столь же актуально, как и в 1920 году. Сменились политические персонажи, но глубинная подоплека конфликта сохранилась. По прежнему политическая элита России стремится к восстановлению империи в границах 1914 года; по прежнему политическая элита Польши мечтает о границах Речи Посполитой 1772 года; по прежнему политическая элита Литвы считает «своими земли Гродненской области Белоруссии, Августовского и Сувалковского воеводств Польши. По прежнему украинские политические деятели заявляют о претензиях на белорусскую часть Полесья. По прежнему Белоруссия вынуждена балансировать между Россией и Польшей, Литвой и Украиной.

Именно поэтому события периода 1918–1920 годов, в первую очередь на территории Белоруссии, нуждаются в детальном рассмотрении.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПОЛЬСКАЯ АРМИЯ В 1920 ГОДУ

К началу 1920 года польская армия достигла уровня организации, необходимой для ведения полномасштабной войны.

На основе существовавших еще в 1918 году военных формирований в самой Польше (Легионы, Польские вооруженные силы при Регентском совете), в Белоруссии и Украине (3 польских корпуса) Польская военная организация создала армию (Войско Польское), генеральный штаб, военные округа. Длительная война на востоке вынудила главное польское командование совершенствовать структуру вооруженных сил, заботиться о кадрах генералов и офицеров, разрабатывать вопросы стратегии и тактики.

Комплектование польской армии в 1919—20 гг. производилось по территориальной системе, вся страна была разделена на 9 генеральных округов пополнения. Для обучения подофицеров (сержантов и каправлов) в каждом округе открыли подофицерские школы, а при воинских частях — учебные команды. Кроме того, в подофицеры производили солдат, которые хорошо проявили себя в боях и отлично знали службу.

Кандидатов в офицеры направляли в школы подхорунжих, готовивших командиров взводов (выпускники получали чин подхорунжего). После нескольких месяцев службы их при первой же возможности посылали на краткосрочные курсы усовершенствования офицерского состава.

К числу серьезных проблем польской армии в 1920 году относилось плохое снабжение войск обмундированием и обувью. Премьер-министр Витос, посетивший в августе фронт под Варшавой, отметил:

> «Мы встретили по дороге значительные военные отряды, которые шли прямо на фронт. Я пригляделся к ним. Только у небольшой части солдат было более или менее пристойное обмундирование. У некоторых были разодранные мундиры, а половина из них шла без обуви, ступая босыми, израненными ногами по острой ржаной стерне. Большинство из них совсем не имела плащей, а на некоторых были только остатки штанов и белья. Но все они несли винтовки и патроны, а разговоры свидетельствовали об уверенности в себе и вере в победу»*.

---

* Прушиньский М. Драма Пілсудського. Війна 1920 (Документально-художне видання) /Пер. с польск. Київ, 1997, с. 49.

Во время боев над Бугом в августе 1920 года около 15% солдат 7-й польской пехотной дивизии ходили босиком, а внешний вид их был ужасным. Когда полк уральских казаков при переходе на польскую сторону в районе Хелма и Дубенки выдвинул одним из условий получение нового обмундирования, это вызвало недоумение у командования 7-й дивизии. Пришлось объяснять казакам о проблемах с обмундированием в польской армии.

Вооружение польской армии было разного происхождения — австрийского, немецкого, французского, русского, американского. Весной 1920 года винтовок и пулеметов в польской армии было достаточно. Особенно помогли поставки оружия из-за границы. С конца 1919 и по август 1920 года Франция, отчасти Англия и США, поставили в Польшу 1494 орудия, 2800 пулеметов, 385 тысяч винтовок, 42 тысячи револьверов, около 700 самолетов, 200 бронеавтомобилей, 800 грузовиков, 576 млн патронов, 10 млн снарядов, 4,5 тысячи повозок, 300 тысяч комплектов обмундирования, 400 тысяч пар обуви, средства связи, медикаменты.

Правда, при этом сохранялся разнобой в системах оружия (винтовки Манлихера и Маузера, Лебеля и Мосина, пулеметы Максима, Гочкиса, Льюиса, Браунинга) и в образцах патронов. Постепенно увеличивался артиллерийский парк, тоже в основном за счет поставок из Франции.

Зато вполне хватало лошадей: на 1 мая 1920 года в армии насчитывалось более 73 тысяч лошадей. За счет конской мобилизации и зарубежных поставок (свыше 10 тысяч голов) число лошадей в кавалерии и обозах выросло за год до 181 тысячи*.

Главным средством связи на фронте в основном служил полевой телефон. Широко применялась и передача пакетов с приказами через штабных офицеров командирам частей, либо вышестоящими командирами низшим через вестовых.

В 1919–20 годах основной тактической единицей польской армии являлась дивизия. Она состояла из 4 пехотных полков, но в самом конце войны поляки начали переходить на трехполковую организацию. Каждый пехотный полк имел три батальона, по четыре роты в батальоне. Штат военного времени предусматривал 2100 человек в полку, но фактически их было от 1000 до 1500 человек.

Каждая дивизия, кроме артиллерийской бригады, имела 1–2 эскадрона конных стрелков, 1–2 саперные роты, а иногда авиационные и броневые отряды.

В начале 1919 года в «Голубой армии» (по цвету мундиров) генерала Юзефа Галлера во Франции был сформирован первый польский танковый полк. В июне 1919 года, когда этот полк прибыл

---

* Skaradziński B. Polskie lata 1919–1920. Tom 2, s. 33.

в Польшу, в нем было 120 легких французских танков «Рено» FT. Кроме того, Войско Польское имело четыре отдельных броневых дивизиона, вооруженных бронемашинами.

Специфика польской армии состояла в том, что ее солдаты и офицеры во время мировой войны служили в армиях трех держав — России, Германии и Австро-Венгрии. Поэтому польские офицеры и генералы получили разную теоретическую подготовку, имели разный оперативно-тактический опыт. Кроме того, в Польшу из Франции в середине 1919 года прибыла польская армия («голубая армия» Юзефа Галлера), сформированная во Франции в основном из поляков-добровольцев, граждан США.

К началу 1920 года польскому главному командованию удалось всю эту массу объединить в одну армию (правда, американцы, немного повоевав, уехали домой). Однако чувствовалась разница между бывшими генералами и офицерами, сражавшимися на стороне Антанты и Центрального блока. Но объективно борьба за независимость Отечества сплачивала эти группы военнослужащих.

Наиболее либеральное отношение к генералам и офицерам польской национальности было в австрийской армии. Каких-либо ограничений в их продвижении по службе не существовало. Довольно много генералов и офицеров польской национальности служило и в российской армии, хотя здесь имелись ограничения для католиков. Но в годы мировой войны эти ограничения значительно ослабли. В германской армии генеральские и офицерские звания поляки получали реже. Зато унтер-офицеры в германской армии были подготовлены на высоком уровне.

В 1918 году часть генералов Войска Польского называли на славянский манер: генерал-майор — это генерал-подпоручик, генерал-лейтенант — генерал-поручик. В то же время у генералов из разных армий сохранялись их прежние чины.

Для упорядочения разнообразия, 1 июня 1919 года квалификационная комиссия министерства военных дел присвоила всем генералам польской армии единые звания: генерал брони (оружия), генерал дивизии, генерал бригады. Были также установлены офицерские и подофицерские звания, сохранившиеся в польской армии до настоящего времени.

В 1920 году состав генералов (222 человека) различался следующим образом. Имелись 54 бывших генерала российской армии, 48 бывших российских полковников и 16 бывших подполковников на генеральских должностях. То есть, 118 польских генералов (53,2%) ранее служили в российской армии. В польской армии их называли «православными».

Среди польских генералов были 27 бывших австрийских генералов, 41 бывший австрийский полковник и 24 подполковника, а всего 92 генерала (41,4%). Эту группу называли «австрийцами».

Бывших немецких генералов не было. Польские дворяне, служившие в прусской армии, обзаводились приставками «фон» и становились немецкими офицерами и генералами.

Особую группу составили 12 генералов (5,4%), воевавшие в польских легионах. Они являлись наиболее доверенными людьми в окружении главнокомандующего Пилсудского.

Что касается флота, то 7 контр-адмиралов ранее служили в российском флоте, 4 контр-адмирала — в германском, 1 — в австрийском. Правда, сам флот в 1920 году еще не существовал.

Итак, численно преобладали генералы, ранее служившие в российской армии. Они превосходно знали русский язык, психологию и особенности профессиональной подготовки красных командиров (из числа бывших офицеров), психологию и моральный облик красноармейцев (в основном, выходцев из крестьян).

Генералы, служившие в австрийской армии, заняли главные штабные должности (например, начальник генштаба Тадеуш Розвадовский), высшие командные посты на фронтах и в армиях.

На командные должности уровня армий и дивизий в основном назначались бывшие генералы российской армии, к тому же имевшие опыт борьбы с большевиками в 1918 году в составе польских корпусов на Востоке. Многие бывшие полковники российской службы быстро стали генералами в польской армии.

Столь же разным был офицерский состав. Всего в 1918–20 гг. в польской армии было около 49 тысяч офицеров. Из них ранее служили в российской армии 25 тысяч (51%), в австрийской — до 15 тысяч (30,6%), в Легионах — 2,5 тысячи (5,1%), в армии Ю. Галлера (вместе с французскими офицерами) — 1,5 тысячи (3%), в германской армии — 1 тысяча (2%)*. Плюс 4 тысячи младших офицеров (8,3%), которых подготовили польские военные школы.

Таким образом, большинство польского офицерства высшего и среднего рангов ранее служило в российской армии. Они хорошо знали ее сильные и слабые стороны. Эти офицеры усвоили также некоторые российские традиции. Например, офицеры-кавалеристы (их было до трети в польской армии), ранее служившие под русскими знаменами, распекая своих подчиненных за непорядок, обычно использовали отборный мат.

---

* Часть офицеров французской военной миссии в Польше была направлена в армию, где не только занимала командные должности, но и участвовала в боях, как, например капитан Шарль де Голль (1890–1970), будущий генерал и президент Франции.

Численный состав польской армии быстро увеличивался. Если в марте 1919 года в ней было 200 тысяч человеке, то к концу года армия насчитывала 600 тысяч. В начале 1920 года, в связи с увольнением солдат старших возрастов и американских поляков-добровольцев, была проведена мобилизация призывников новых возрастов. В результате к началу кампании 1920 года армия достигла 700 тысяч человек*.

За первые четыре месяца 1920 года были призваны в войска молодые люди 1896–1901 гг. рождения (19–24 года) — около 290 тысяч человек. Кроме того, в армию добровольно вступили до 56 тысяч человек. А всего за период с 1 января по 20 августа 1920 года польская армия получила 573 тысячи призывников и 165 тысяч добровольцев. Несмотря на потери, после завершения военных действий она насчитывала в октябре 900 тысяч человек.

Пилсудский считал, что наличие в армии множества новобранцев и добровольцев, а также огромный небоевой состав (запасные полки, караульные отряды, команды выздоравливающих, интендантские и транспортные службы, госпитали и т.д.) снижало число боеспособных штыков и сабель до 15% (135 тысяч человек). Боеспособные части Западного фронта РСФСР он оценивал в 25% от общей численности имевшихся там войск, и то благодаря «железной дисциплине», которой у поляков не было.

По итогам войны 1919–20 гг. польские генералы признали плохую выучку своих войск. Так, генерал Тадеуш Кутшеба, который в 1920 году в чине полковника был начальником штаба 3-й армии, позже утверждал, что польские войска, как и российские, были плохо обучены. Солдаты плохо стреляли, так как не было времени готовить их на стрельбищах. Добровольцы, включенные в состав Сибирской бригады, учились прицельно стрелять уже во время боев. Отличные стрелки встречались только среди охотников.

В боевых частях не хватало офицеров, особенно после ожесточенных боев. Так, командир 25-го пехотного полка майор Юзеф Яклич (врач по образованию), ранее офицер Легионов, писал жене в письме с фронта, что в его полку хороших офицеров только 20–30%. В роте часто всего один офицер, хотя их должно быть четыре. В некоторых полках ротами командовали сержанты. В то же время в импровизированных школах и особенно в штабах многие офицеры находились без дела, а главное командование не могло заставить их пойти на фронт**.

---

* Kukiel M. Zarys historii wojskowósci w Polsce. Londyn, 1949, s. 305.

** Прушиньский М. Драма Пілсудського. Війна 1920 (Документально-художне видання) /Пер. с польск. Київ, 1997, с. 44.

Не все командующие армиями и дивизиями проявили себя с лучшей стороны. К числу лучших командующих следует отнести генерала Тадеуша Розвадовского (начальника генштаба), генерала Казимира Соснковского (министра военных дел), генерала Юзефа Галлера (командующего Северным фронтом), генерала Владислава Сикорского (командующего 5-й армией). Одним из лучших командиров пехотных дивизий показал себя Франтишек Краёвский из австрийской армии, разбивший конницу Буденного. Накануне решающей битвы под Варшавой его дивизия была перевезена по железной дороге из Бродов к Люблину и затем содействовала победе 5-й армии в битве над рекой Вкра.

К числу превосходных командиров следует отнести генералов Юзефа Довбур-Мусьницкого, Люциана Желиговского и Даниэля Конажевского (выходцев из российской армии), Владислава Юнга и Яна Ромера (из австрийской), Стефана Домб-Бернацкого и Леона Бербецкого (из Легионов). В то же время генералов Борущака (из австрийской армии) и Мокжецкого (из российской) тогдашний премьер-министр Владислав Грабский хотел в июле 1920 году отдать под суд за утрату Вильни и Гродно, но Пилсудский не согласился.

Между генералами, выходцами из разных армий, не всегда было согласие. Они усвоили разные военные доктрины, были воспитаны на разных принципах. Желиговский, например, отмечал, что победа польской армии на Немане и Щаре во многом была обусловлена тем, что все командиры дивизий были выходцами из российской армии и потому хорошо понимали друг друга.

Конфликты между командирами из разных армий возникали и по вопросам подготовки личного состава. Так, боевой полковник Эугениуш Шляский (родом из Витебской губернии), инспектор кавалерии генерального округа Лодзь, долго служил в российских казачьих частях. Он отстаивал принцип обучения кавалериста и коня в поле. А кавалеристы из австрийской армии обучались в манеже, где доводили искусство выездки чуть ли не до цирковых номеров. Когда Шляский проверял кавалерийскую школу в Грудзёндзе, известный наездник Франтишек Адамович показал ему свой «манежный цирк». Старый казачий офицер не выдержал и в обществе офицеров громко сказал по-русски: «Ну, а я бы его, раба Божьего, с коня и по морде, по морде». Чтобы замять скандал, Шляского перевели на должность командира 9-й кавалерийской бригады*.

Добровольцы составляли третью часть всего Войска Польского. 1 июля 1920 года Совет обороны государства принял решение о формировании Добровольческой армии (ДА) из добровольцев от 17 до

---

* Прушиньский М. Драма Пілсудського. Війна 1920 (Документально-художне видання) /Пер. с польск. Київ, 1997, с. 48.

42 лет (офицеров — до 50 лет). Инспектором ее был назначен генерал Юзеф Галлер. ДА не являлась отдельным формированием, она всего лишь создавала части для фронта. С 10 июля до 30 сентября 1920 года были сформированы 4 добровольческих полка пехоты, 8 полков кавалерии, 4 полка артиллерии, а также 28 маршевых батальонов и 114 рот для пополнения частей на фронте. В эти добровольческие части записались 105.714 человек. После окончания войны добровольческие части расформировали, кроме кавалерийских полков.

Отдельно скажем о воинском духе польских солдат и офицеров. Летом 1920 года он был необычайно высоким: нужно было спасать Польшу и ее независимость от новой угрозы со стороны России. Этот фактор не учло ни высшее партийное руководство в Москве, ни командование Западного и Юго-Западного фронтов, ни комиссары в соединениях и частях Красной Армии.

ДЕЙСТВИЯ РЕЧНЫХ ФЛОТИЛИЙ

В период 1919–20 годов обе стороны использовали речные флотилии для поддержки сухопутных сил и обороны важных стратегических пунктов на реках. Советское командование создало в 1919 году Днепровскую, Западно-Двинскую и Припятскую флотилии. Польское командование в апреле 1919 года сформировало Пинскую флотилию. Летом 1920 года в военных действиях участвовала польская Висленская флотилии.

Припятская флотилия

Создана для поддержки 16-й армии Западного фронта в июле 1919 года. Она действовала на стыке 16-й армии Запфронта (с севера) и 12-й армии ЮЗФ (с юга) — на Припяти и ее притоках.

Эту флотилию сформировали на основе Припятского отряда речных судов (командир Л. Осовский) и укомплектовали главным образом за счет экипажей расформированной Чудской военной флотилии (90 человек), Западнодвинского отряда Латвийской флотилии и частично из кораблей Днепровской военной флотилии. Личный состав флотилии был 170 человек.

Главной базой флотилии служил Мозырь, тыловой — Наровля (40 км южнее Мозыря), а оперативной базой — Багримовичи (при впадении Птичи в Припять, 40 км западнее Мозыря). В распоряжении флотилии были судоремонтные мастерские в Наровле и в Мозыре.

Вначале флотилия состояла из 12 судов, предназначенных для перевозки войск и грузов по Припяти, и Мозырского отряда (5 судов, вооруженных пулеметами). Затем часть судов вооружили мало-

калиберной артиллерией, вступили в строй два бронекатера. Личный состав увеличился до 273 человек. В июле–августе 1919 года командовал флотилией Н.А. Иокшин, с 10 августа и в сентябре П.И. Пашкин.

Припятская флотилия вместе с частями 16-й армии участвовали в боях против поляков на участке Туров — Петриков, а на участке Наровля — Чернобыль она действовала против антибольшевистских партизанских отрядов Струка и Терешки.

13 сентября 1919 года приказом РВС РСФСР Припятская флотилия была расформирована. 26 сентября ее суда прибыли в Гомель и вошли в состав Днепровской флотилии.

Западно-Двинская флотилия (ЗДФ)

Флотилия была создана 4 декабря 1919 года в составе 15-й армии Западного фронта из Западно-Двинского речного отряда советской Латвии. Ее главной базой был Витебск. К 25 марта 1920 года в ее состав входили 4 канонерки (вооруженные колесные пароходы), 2 плавбатареи (несамоходные баржи с одной 76-мм пушкой на каждой), сторожевое судно, 4 моторных катера (на каждом один пулемет), 2 грузовых парохода и 2 буксира. 13 июня того же года в состав флотилии вошли четыре бронекатера, захваченные на Каме у колчаковцев. Флотилия имела десантный отряд (250 человек при четырех полевых пушках).

Важную роль суда ЗДФ играли в перевозках войск и грузов, в обеспечении флангов и тыла соединений 15-й армии. ЗДФ активно участвовала и в боевых действиях в 1920 году, особенно в майской наступательной операции Западного фронта. Вначале при подготовке наступления суда флотилии обеспечивали перевозку грузов для 15-й армии. Затем они прикрывали переправу 164-й стрелковой бригады на левый берег Западной Двины в районе Дриссы. 22 мая бригада вместе с отрядом моряков, при поддержке огня с судов, нанесла поражение противнику возле деревни Узмены (6 км южнее Дриссы). Командовали флотилией В. Новак (до марта 1920 г.), затем Г.М. Тырышкин.

Она действовала достаточно активно. Однако специфика войны на реках состоит в том, что речные суда способны лишь оказывать поддержку своим сухопутным войскам. Стратегического значения действия Западно-Двинской флотилии не имели. Флотилия была расформирована в ноябре 1920 года.

Днепровская флотилия (ДФ)

Она активно действовала на Западном и Юго-Западном фронтах (Днепр в районе Киева и река Припять на Полесье).

Флотилию создали в марте 1919 года на базе отдельного отряда кораблей, входившего в состав Западного фронта — для борьбы с Добровольческой армией белых. В нее вошли 7 канонерок и 10 «бронепароходов» (те и другие — вооруженные колесные пароходы), 5 сторожевых судов, 6 бронекатеров, несколько тральщиков.

Командовали флотилией А.В. Полупанов (до сентября 1919 г.) и П.И. Смирнов (с сентября 1919 по декабрь 1920 г.).

В 1919 году часть судов ДФ вела бои с польской Пинской флотилией на Припяти и поддерживала части 12-й армии в районе Припяти. Весной 1920 года ДФ насчитывала до 40 единиц, в том числе 18 канонерок, 10 сторожевых кораблей, 4 бронекатера и другие. Большинство ее кораблей было вооружено двумя трехдюймовыми (76-мм) орудиями и четырьмя пулеметами. На некоторых были установлены 120-мм морские орудия.

Серьезной проблемой являлся недостаток личного состава и его недисциплинированность. Из старого состава флотилии, переданной командующему флотилией приказом от 8 сентября 1919 года, до 700 человек пришлось списать в штрафные батальоны за бандитизм и другие преступления. Командованию пришлось искать бывших моряков в армии, в гражданских учреждениях и среди населения Гомельской, Киевской и Черниговской губерний. Тем не менее, флотилия была укомплектована экипажами только к маю 1920 года. Десантный отряд должен был состоять из 500 штыков, 150 сабель и четырех 76-мм горных пушек, но имелось лишь 100 штыков и 10 сабель. Десантники якобы несли гарнизонную службу в Киеве, а на самом деле, как сообщали сотрудники особого отдела, «пьянствовали с проститутками».

Флотилия использовалась в боях против армии Деникина, участвовала в боях против антибольшевистских отрядов Богунского, Григорьева, Зеленого, Струка. Ее суда поддерживали сухопутные войска огнем, высаживали десанты. Моряки флотилии охраняли мосты, обеспечивали переправу войск.

С началом наступления поляков канонерки, бронепароходы, сторожевые суда и бронекатера действовали на Припяти и Березине. Они вели перестрелки с польскими батареями, перевозили войска, высаживали тактические десанты, поддерживали огнем свои части, действовавшие на берегу. Одним словом, вели будничную боевую работу, то добиваясь успехов, то терпя поражения. Стратегического значения действия флотилии не имели.

При подходе поляков к Киеву перед командованием флотилии встал вопрос: куда уводить корабли? Было два пути — на север и на юг. На север можно было уйти в Гомель на реке Сож или в Макошино на реке Десна. На юге хорошей базой был Екатеринослав (ныне

Днепропетровск). Но командование флотилии опасалось захвата его войсками Врангеля.

В конце концов, командир флотилией П.И. Смирнов приказал разделить флотилию на три отряда: 1-й (Березинский), 2-й (Сожский) и 3-й (Южный). На Березине остались 3 канонерки, 2 сторожевика, один бронекатер. В Гомеле базировались 7 канонерок и пароходов, 3 тральщика, 2 бронекатера, десантный отряд. На юге (в районе Екатеринослава) — 8 канонерок и пароходов, 2 бронекатера, тральщик, сторожевик.

В мае 1920 года Красная Армия ушла из Киева на левый берег Днепра. Флотилии 6 мая ушла вверх по Днепру, к Лоеву. Благодаря огневой поддержке флотилии все атаки поляков на Лоев были отбиты. Тем не менее, по приказу командования 12-й армии Лоев был оставлен, а мост взорван. При этом его центральная ферма обрушилась и загородила фарватер. После подрыва моста флотилия вошла в Сож.

Перед началом наступления Красной Армии в июне 1920 года на Киевском направлении Днепровской флотилии была приказано поддерживать группировки 12-й армии. Одна из них должна была форсировать Днепр у Припяти и наступать на Коростень, другая — наступать по правому берегу на Васильков — Фастов. Однако на пути флотилии находился Лоевский мост, неудачно взорванный своими же саперами. Перед началом прорыва была произведена проверка разрушенного моста разведчиками, которые ночью пробрались к мосту и произвели обмеры. Оказалось, что суда могли пройти «в притирку».

Лоевский прорыв отряда судов (5 канонерок, 2 тральщика, 2 посыльных судна) 2 июня 1920 года советские историки изображали как «выдающееся достижение». Однако в действительности этот местный успех, достигнутый ценой потери одной канонерки («Меткий») серьезного значения не имел. Прорвались 3 канонерки (еще одна села на мель до Лоева), 2 тральщика и 2 посыльных судна. Они всего лишь способствовал переправе частей 12-й армии в районе местечка Печки с левого берега реки на правый. В переправе войск приняли участие все суда, прорвавшиеся к Печкам. В соседних деревнях были мобилизованы крестьянские барженки и лодки, которые суда таскали на буксире. К тому моменту, когда прибыли саперы, занявшиеся наведением моста, основная масса войск уже переправилась.

В дальнейшем Днепровская флотилия участвовали в наступательных операциях Юго-Западного и Западного фронтов, в занятии Киева, Чернобыля, Наровли, Мозыря, Петрикова, Турова, в бою в устье реки Птичь. Это участие не ограничивалось обстрелом позиций противника и высадкой десантов. Суда флотилии занимались

также доставкой грузов, служили средством связи между командованием разных частей Красной Армии.

Днепровская флотилия была расформирована в декабре 1920 года в связи с окончанием советско-польской войны.

Польская Пинская флотилия

5 марта 1919 года войска генерала Листовского заняли Пинск, а уже в апреле польский Департмент по морским делам приступил к формированию флотилии с базой в Пинске. Инициатором в этом вопросе выступил поручик флота князь Ян Гедройц. Он же стал первым командиром флотилии.

К сентябрю 1919 года флотилия состояла из вооруженного колесного парохода «Буг» и 12 моторных лодок. Осенью по Королевскому (ныне Днепро-Бугскому) каналу с Вислы перешли 3 вооруженных парохода. Зимой 1919–20 гг. в состав флотилии вошел ряд реквизированных или захваченных речных судов. Для вооружения и ремонта мобилизованных судов использовались мастерские в Пинске, Мозыре, Наровле и Чернобыле.

Пинская флотилия патрулировала реки в Полесье, выходила в 1920 году в Днепр, участвовала в боевых действиях сухопутных войск. Весной 1920 года суда Пинской флотилии дошли, вместе с польскими войсками, до местечка Триполье на Днепре (ниже Киева).

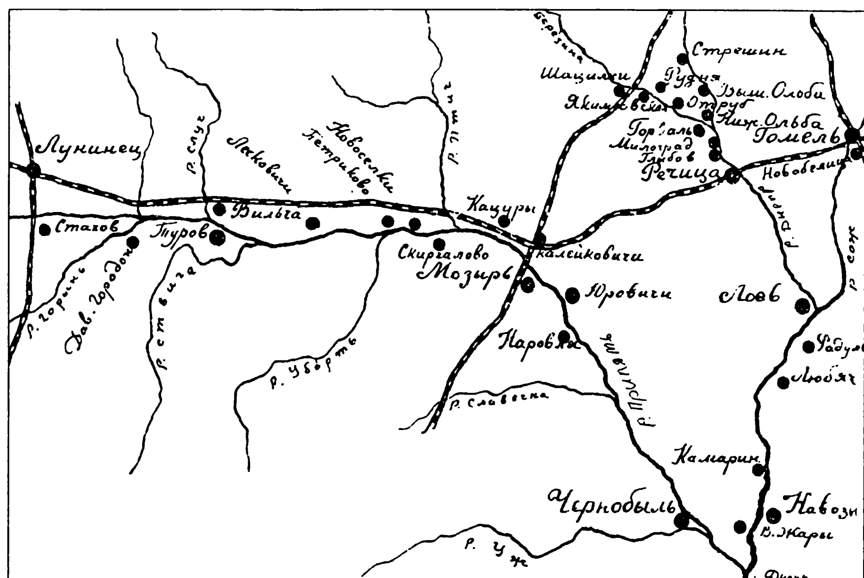
В Киеве в мае 1920 года польские войска значительно пополнили состав своей флотилии за счет трофеев: 17 пароходов, 26 моторных лодок, 10 барж. Частично эти суда были вооружены, частично использовались для перевозки войск. В конце мая флотилия имела 12 вооруженных пароходов и 26 транспортных, 10 буксиров, 10 вспомогательных судов, 40 вооруженных моторных лодок. Оперативно она подчинялась командованию 9-й пехотной дивизии (генералу В. Сикорскому).

Во время отступления польской армии в Белоруссии и Украине летом 1920 года суда флотилии пробились по реке Припяти к Пинску. Здесь их затопили, так как провести на запад через обмелевший Королевский канал не было возможности. Экипажи Пинской флотилии усилили Висленскую флотилию, готовившуюся к отражению наступления Красной Армии на Варшаву.

Пинская флотилия была восстановлена после оккупации польскими войсками Западной Белоруссии.

Висленская флотилия

Войскам Западного фронта в августе 1920 года противостояла и Висленская военная флотилия. Создана она была еще в декабре

Район действий Днепровской (советской)
и Пинской (польской) флотилий

1918 года из судов, плававших по Висле и оставшихся на территории Польши после эвакуации немецких войск. Но по-настоящему военной Висленская флотилия стала летом 1920 года. В спешном порядке в крепости Модлин более десятка речных судов обшили броней, вооружили пушками. Сюда же прибыли моряки затопленных судов Пинской флотилии.

Во время битвы за Варшаву в составе флотилии были 4 больших речных парохода с 75-мм орудиями и пулеметами, а также 5 меньших судов и 16 моторных лодок с пулеметами. Оперативно Висленская флотилия подчинялась командующему 5-й армией генералу В. Сикорскому. Командовал ею капитан флота Б. Яроцинский.

В августе 1920 года суда Висленской флотилии патрулировали Вислу от Гуры Кальварии (южнее Варшавы) до Торуня. Они участвовали в боях в районах Вышогрода, Плоцка и Влоцлавека, не позволяя частям Западного фронта переправиться через Вислу. Кроме того, суда флотилии использовались для доставки приказов, снабжения войск, перевозки раненых солдат и военнопленных.

Висленскую флотилию расформировали в 1926 году, а ее суда и личный состав передали Пинской флотилии.

ВОЙНА В ВОЗДУХЕ

20 декабря 1917 года народный комиссар РСФСР по военным и морским делам Л.Д. Троцкий издал приказ о создании частей авиации и воздухоплавания.

24 мая 1918 года было организовано Главное управление Красного Военно-Воздушного флота (Главвоздухофлот) РСФСР. 10 августа 1918 года при РВС республики было создано Полевое управление авиации и воздухоплавания действующей армии (Авиадарм). За Главвоздухофлотом остались вопросы формирования и снабжения авиации.

К ноябрю 1918 года в Красном Воздушном флоте было 38 авиаотрядов, к апрелю 1919 — 61, а к декабрю 1920 — 83 авиаотряда (в том числе 18 морских). На фронтах одновременно действовали до 350 самолетов КВФ, а всего КВФ имел около 2000 самолетов. При этом 50% самолетов являлись разведчиками, примерно 40% составляли истребители, остальные (10%) — бомбардировщики*.

Они относились к 19 различным типам (Анатра, Бреге, Вуазен, Григорович, Кодрон, Моран, Ньюпор, Сопвич, Спад, Фарман и другие), преимущественно французского производства. До 40% всех самолетов составляли разные модели французской фирмы «Ньюпор». Их купило во Франции российское правительство в годы мировой войны, а собирали машины уже в России.

Красные военлеты очень хвалили сравнительно тихоходные «Ньюпоры» («Ньюпор-XVII» развивал скорость 152 км/час, «Ньюпор-XXIV» — 168 км/час, тогда как «Спад-XIII» — 220 км/час). Дело в том, что они легко управлялись, отличались надежностью, простотой ремонта, могли садиться и взлетать где угодно.

Вооружение советских и польских самолетов было одинаково. Двухместные самолеты-разведчики обычно имели два пулемета: один стрелял через винт, а другой устанавливался на турели и предназначался для летчика-наблюдателя. У истребителей был только один пулемет — синхронный с винтом. Бомбовые прицелы отсутствовали. Вес бомб составлял от 4 до 16 кг, бомбовая нагрузка редко когда превышала 600 кг. Боевые действия обе стороны обычно вели на высотах от 600 до 1200 метров, иногда поднимаясь выше. Для пулеметного обстрела войск противника самолеты снижались на высоту 50—200 метров.

Ощущалась нехватка запасных частей и горючего. Из-за плохого состояния авиапарка часто происходили аварии. В 1919 году было 390 аварий самолетов, а в 1920 году — 421. Все авиационное хозяй-

* Борзов И.И. Авиация /Советская Военная Энциклопедия. Том 1. М., 1976, с. 47.

ство «красных» передвигалось в основном на конной тяге, реже — по железной дороге. Поэтому при стремительном передвижении войск авиачасти не поспевали за ними. Так, 18 самолетов, приданных 1-й Конной армии, во время наступления армии в Восточной Галиции не приняли участия в боевых действиях, так как обозы со снаряжением и запчастями остались далеко в тылу, а железные дороги были повреждены отступавшими польскими войсками.

Пять небольших авиационных заводов РСФСР производили сборку новых машин и авиамоторов из комплектов изделий, поставленных иностранными фирмами до декабря 1917 года. Темпы сборки самолетов во время гражданской войны резко снизились. Если в 1917 году заводы выпускали 115 самолетов и 54 авиамотора в месяц, то в 1918 — 21 самолет и 5 авиамоторов, а в 1920 году — 15 самолетов и 7 моторов.

Летных кадров не хватало, так как большинство офицеров ушло к белым. Пилотов готовили 1-я Московская, Егорьевская и Зарайская авиашколы, а также Военно-морская школа авиации (в Самаре). Кроме того, действовала Петроградская школа летчиков-наблюдателей.

Авиаотряды (эскадрильи) преимущественно состояли из 6 машин. В зависимости от обстановки на фронте, их придавали отдельным армиям, корпусам или дивизиям. Все авиаотряды выполняли боевые задачи самостоятельно. Лишь в исключительных случаях их объединяли для проведения военной операции большого масштаба.

К началу решающих боев (июль 1920 года) на Западном и Юго-Западном фронтах находился 51 авиаотряд (210 самолетов), то есть 73% действующей авиации РККА.

Однако больших успехов они не добились. Самым крупным достижением красных военлетов стало успешное отражение атак польской авиации на части 12-й армии, переправлявшиеся через Днепр к северу от Киева в первых днях июня 1920 г.

В 16-й армии использовались три четырехмоторных бомбардировщика «Илья Муромец». В начале июля 1920 года они несколько раз бомбили Минск. Но их техническое состояние было плохим. Вот пример:

> «В 8 часов утра 9 июля три «Ильи Муромца» поднялись с аэродрома, причем один из них, потеряв ориентировку, сейчас же сел обратно. Другой самолет вследствие неисправности моторов сел в болото в 3 км западнее аэродрома. Третий, севший у деревни Заболотье вследствие недостатка горючего, свернул с заданного маршрута и бомбардировал Бобруйск, сбросил 11 пудов (176 кг) бомб на железнодорожную станцию. На этой станции он обнаружил эшелон, груженый самолетами. Было произведено несколько удачных

попаданий в эшелон и железнодорожный мост. Взрывом одной из бомб, попавших в станцию, был вызван пожар»*.

В основном командование использовало авиацию для разведки и для связи штаба фронта с командованием армий и дивизий. Авиационные удары по польским войскам наносились редко, за исключением первых дней июльского наступления войск Западного фронта в 1920 году. Вот одно из таких исключений:

«Когда семь самолетов эскадрильи появились над Рованичами на высоте 300 м, из ржи неожиданно появились три ряда цепей красных бойцов, которые быстро, почти без выстрела, пошли в атаку. Наши самолеты снизились до 100 м и своим огнем заставили сняться с позиции батарею белополяков, которая вела огонь по наступающим цепям. Также был разогнан польский резерв, не выдержавший пулеметного огня самолетов. Летчики один за другим обстреливали и пикировали вдоль окопов и, развивая удар сверху и с фланга, совершенно дезорганизовали противника, сидевшего в окопах... Наша пехота быстро подошла к проволочным заграждениям и почти без потерь взяла опорный пункт, защищенный от флангового охвата с одной стороны болотистой речкой, а с другой — непроходимым болотом»**.

В последующие дни, в результате успешного наступления армий Западного фронта и значительного удлинения коммуникаций, воздушные атаки стали редкостью. Всего в кампанию 1920 года красные военлеты совершили 2100 боевых вылетов, сбросили около 6400 кг бомб.

Воздушные поединки происходили крайне редко. Тем не менее, красная авиация понесла большие потери в советско-польской войне. Погибли 40% имевшихся пилотов, в своем большинстве — из-за неисправного состояния самолетов.

Польская авиация

Польская авиация стала создаваться в декабре 1918 года. В первых числах марта 1919 года было создано командование воздушного флота при главном командовании польской армии, а 19 марта — инспекция воздушных сил министерства военных дел, переименованная 20 февраля 1920 года в 3-й департамент (авиационный). Начальник полевой авиации подчинялся начальнику генерального штаба. В апреле 1920 года были введены должности начальников управления авиации фронтов и армий.

С декабря 1918 по апрель 1920 года удалось сформировать 18 эскадрилий: 14 разведывательных, 3 истребительные, 1 бомбардиро-

* Березин П.Ф. Красная авиация в борьбе с белополяками, с. 56.

** Там же, с. 55

вочную. Кроме того, в 1919 году к ним добавились 4 эскадрильи, прибывшие из Франции с армией генерала Галлера (2 разведывательные и 2 истребительные).

Поскольку авиационная промышленность в Польше отсутствовала, при создании военной авиации использовались те самолеты, которые оказались на территории страны. Это были немецкие и австрийские машины. Правда, часть оставленных оккупантами самолетов из-за выработки ресурсов к боевым действиям пригодна не была.

В дальнейшем авиапарк пополнялся за счет иностранной помощи. Большую помощь в создании военной авиации Польши оказала Франция, которая на льготных условиях поставляла военную технику и инструкторов. Авиамастерские в Кракове и Львове собрали несколько десятков учебных самолетов немецкого типа «Бранденбург» из имевшихся деталей. Удалось наладить выпуск некоторых запасных частей к самолетам. Пять передвижных авиапарков в 1919–20 гг. отремонтировали несколько сот самолетов и авиамоторов.

За 1919–20 годы в составе польской авиации перебывало более 1800 самолетов примерно 100 типов и модификаций. Из них 968 машин (54%) достались от германской и австрийской армий. Остальные купили в других странах или получили от них в дар. От немцев полякам достались истребители и разведчики «Фоккер» и «Альбатрос», двухмоторные бомбардировщики «Гота»; от австрийцев — истребители «Феникс», двухмоторные бомбардировщики «Авиатик». Были распространены французские разведчики «Спад» и «Кодрон». Большое разнообразие моделей самолетов создавало трудности в обеспечении их запасными частями.

Не хватало квалифицированных пилотов и технического персонала. В феврале 1920 года были вакантны должности 45% наблюдателей, 40% механиков и 30% пилотов. Поэтому были срочно созданы 8 авиашкол. До ноября 1920 года они подготовили 285 пилотов, 61 наблюдателя и 502 механика*.

В целом, польская авиация на фронте уступала по количеству боевых машин красной авиации, особенно в 1920 году. Поэтому ее возможности были ограниченными. Но перевес красного воздушного флота не ощущался из-за плохого технического состояния основной массы его самолетов.

Для лучшего использования авиации в 1920 году польское командование стало создавать авиагруппы (дивизионы) из 2–3 эскадрилий (по 6–7 самолетов в каждой). В апреле были созданы 9 таких дивизионов: 4 разведывательных, 2 истребительных и 3 запасных. Для переброски авиагрупп использовались специальные железнодорожные составы, имевшие ремонтные мастерские, средства связи,

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919–1920, s. 235–236.

вагоны с жилыми купе для летчиков и обслуживающего персонала, кухни и т.д.

Самолеты-разведчики составляли более половины машин польской авиации. Помимо разведки, их использовали для связи, корректировки артиллерийского огня и как легкие бомбардировщики. По воспоминаниям польских военачальников, польские самолеты своевременно фиксировали все передвижения красных войск и снабжали штабы достоверной информацией. Так, во время боев под Варшавой воздушные разведчики помогали командованию точно определять передвижения и направления ударов российских войск.

Успешно действовал в августе 1920 года 2-й дивизион авиации (14 машин) против 1-й Конной армии Буденного. Только за один день 17 августа его самолеты сбросили под Львовом 4 тонны бомб на конармейцев (против 6,4 тонн бомб, сброшенных красной авиацией за всю кампанию 1920 года)*.

Особенно отличилась в этих боях 7-я истребительная эскадрилья имени Костюшко (в ней служили в основном американские пилоты- добровольцы, имевшие опыт мировой войны). Ее укомплектовали трофейными немецкими самолетами «Фоккер» и «Альбатрос».Во многом именно штурмовые налеты «Костюшковской эскадрильи» на полки 6-й конной дивизии армии Буденного сорвали ее наступление на Львов. Буденный даже назначил денежные награды за головы пилотов этой эскадрильи. О том, насколько эффективными были их действия, свидетельствуют отзывы командования Войска Польского:

> «С первого же момента прибытия 7-й авиаэскадрильи в Казатин передвижения конницы Буденного перестали быть тайной для командования дивизии... Боевая деятельность 7-й авиаэскадрильи наносила серьезный урон большевистским войскам: снижаясь на незначительную высоту — до 15 м, самолеты нападали и обстреливали длинные колонны неприятеля, поддерживая атаки нашей пехоты, развозили приказы».

Всего за период действий на фронте самолеты 7-й эскадрильи совершили 127 боевых вылетов и сбросили 7700 кг бомб. Не обошлось без потерь. Были сбиты две машины.

В 1918–20 гг. польская авиация потеряла погибшими 116 летчиков, но из-за неисправности самолетов — только десять человек. Бывали и исключительные случаи. Так, два молодых сержанта — пилот Блажыньский и наблюдатель Худзицкий — два раза попадали в плен к русским, но оба раза сумели бежать и в гражданской одежде пробирались через линию фронта в свою эскадрилью.

---

* Odziemkowski J. Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej, s. 236.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Анатолий Петрович Грицкевич (1929 г.р.) окончил в Минске медицинский институт (в 1950), институт иностранных языков (в 1955), исторический факультет Белорусского государственного университета (в 1958). Более 8 лет работал врачом.

В течение 16 лет (1959–75 гг.) являлся научным сотрудником Института истории АН БССР.

Далее 31 год (1975–2006 гг.) заведовал кафедрой в Белорусском институте культуры (ныне университет культуры и искусств). В настоящее время профессор кафедры истории Белоруссии и музееведения в этом университете.

В 1996–2000 гг., параллельно с преподавательской работой, возглавлял негосударственный научно-исследовательский Институт Центральной и Восточной Европы в Минске.

Доктор исторических наук (с 1986 г.), профессор (с 1987 г.), действительный член Международной Академии Наук Евразии (с 1999 г.).

В 1988 году А.П. Грицкевич был одним из создателей и руководителей Белорусского Народного Фронта (БНФ).

Автор более чем 1300 статей, в том числе в «Белорусской Советской Энциклопедии» и «Белорусской энциклопедии», «Энциклопедии истории Белоруссии», «Энциклопедии Великого княжества Литовского», в двухтомном сборнике «Знаменитые имена Отечества» (2000–2003 гг.), в журналах «Спадчына» (Наследие), «Беларуская мінуўшчына» (Белорусское прошлое), «Беларускі гістарычны часопіс» (Белорусский исторический журнал) и других, в том числе зарубежных.

А.П. Грицкевич автор семи монографий: «Слуцк: Историко-экономический очерк» (1970 г.), «Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVIII вв.» (1975 г.), «Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI–XVIII вв.)» (1979 г.), «Древний город на Случи» (1985 г.), «Вокруг Слуцкого восстания» (1987 г.), «Слуцкое восстание 1920 года» (2005), «Западный фронт РСФСР 1918—1920» (2008).

БИБЛИОГРАФИЯ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Сборники документов и коллективные работы

Белоруссия в борьбе против польских захватчиков в 1919–1920 годы (Сб. воспоминаний и документов). М.: Госполитиздат, 1940. — 192 с.

Гражданская война: Боевые действия на морях, речных и озерных системах. /Под ред. А.А. Соболева/. Л.: РИО УВМС РККА, 1925.

Гражданская война и военная интервенция в СССР. Энциклопедия. /Под ред. С.С. Хромова/. М.: «Советская энциклопедия», 1983. — 732 с.

Борис Савинков перед военной коллегией Верховного суда СССР. Полный отчет по стенограмме суда. М.: «Прибой», 1924. — 112 с.

Борьба за советскую власть в Литве в 1918–1920 гг. (Сб. документов). Вильнюс: «Минтис», 1967. — 476 с.

Год кризиса 1938–1939 (Документы и материалы Министерства иностранных дел СССР). Тома 1–2. М.: Политиздат, 1990. Том 1. **29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г.** (556 с.) Том 2. **2 июня 1939 г. — 4 сентября 1939 г.** (432 с.)

Документы внешней политики СССР. Тома I–IV.М.: Госполитиздат, 1958–1960. **Том I.** 1959 (772 с.). **Том II.** 1958 (804 с.). **Том III.** 1959 (724 с.). **Том IV.** 1960 (836 с.).

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. /Под ред. И.А. Хренова/ **Том III.** М.: «Наука», 1965. — 608 с.

Директивы командования фронтов Красной Армии 1917-1922. /Сост. Т.Ф. Каряева/ М.: Воениздат, 1974.

Историко-стратегический очерк XVI-ой армии. Могилев: Штаб XVI-ой армии, 1921. — 228 с.

История дипломатии. М.–Л.: ОГИЗ. **Том II.** 1945 (424 с.). **Том III.** 1945 (834 с.).

История Литовской ССР с древнейших времен до наших дней. Вильнюс: «Мокслас», 1978. — 676 с.

Красный террор в годы Гражданской войны (По материалам Особой следственной комиссии по расследованию злодеяний большевиков). /Под ред. Ю. Фельштинского, Г. Чернявского/ М.: «Терра — Книжный клуб», 2004. — 512 с.

Операции на Висле в польском освещении (Сб. статей и документов). /Пер. с польск. М., 1931.

Освобождение Белоруссии от белопольских оккупантов (11 июля 1920 г.). Минск: Госбелиздат, 1938. — 52 с.

По воле народа: Из истории образования Белорусской ССР и создания Коммунистической партии Белоруссии. (Документы и материалы). Минск: «Беларусь», 1988. — 254 с.

Польско-советская война 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы). /Подгот. И.И. Костюшко и др. М.: ИСБ РАН, 1994. **Часть 1** (216 с.); **Часть 2** (222 с.)

Революционное движение в Галиции, Буковине и Закарпатской Украине под влиянием идей Великого Октября (1917–1920). Киев, 1957.

Революционные комитеты БССР. Июль–декабрь 1920 г. Минск: АН БССР, 1957. — 523 с.

СССР — Германия: Документы и материалы. Тома 1–2. Вильнюс : «Мокслас», 1989. Том 1. **Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г.** (128 с.). Том 2. **Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июль 1941 г.** (192 с.).

У истоков политического противостояния (Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь). /Под ред. Э.М. Энтина/. Гомель: /б.и., 1993. — 228 с.

Юденич под Петроградом. Из белых мемуаров. /Под ред. П.Е. Щеголева/, Л.: «Красная звезда», 1927. — 257 с.

Монографические работы

Антонов А.Е. **Разгром Белопольского мятежа в Советской Белоруссии в 1918 году.** /Труды Военно-Политической Академии Красной Армии. Том IV. М., 1940, с. 39–74.

Антонов-Овсеенко В.А. **Записки о гражданской войне.** Том 1. М.–Л.: ГИЗ (высшая военная редакция), 1924. — 800 с.

Артишевский А. **Острог — Дубно — Броды.** /Пер. с польск. М.: ГИЗ (отд. воен. лит.), 1928. — 128 с.

Арутюнов А.А. **Ленин. Личностная и политическая биография**. М.: «Вече», 2002. Том 1 (478 с.), том 2 (480 с.).

Березин П.Ф. **Красная авиация в борьбе с белополяками**. М.: Воениздат, 1940. — 86 с.

Бонч-Бруевич М.Д. **Вся власть Советам.** М.: Воениздат, 1964. — 360 с.

Ваупшасов С.А. **На разгневанной земле (Борьба трудящихся Западной Белоруссии против белополяков. 1920–1925 гг.).** /2-е, доп. изд. Минск: «Беларусь», 1965. — 344 с.

Войнилович Э. **Воспоминания.** /Пер. с польск. Минская римско-католическая парафия, 2007. — 380 с.

Гай Г.Д. **На Варшаву! Действия 3-го конного корпуса на Западном фронте. Июль — август 1920.** М.–Л.; ГИЗ (отд. воен. лит.), 1928. — 252 с.

Грицкевич А.П. **Древний город на Случи.** Минск: «Полымя», 1985. — 158 с.

Грицкевич А. **Слуцк. Историко-экономический очерк.** /2-е изд. Минск: «Беларусь», 1970. — 112 с.

Егоров А.И. **Львов — Варшава, 1920 год. Взаимодействие фронтов**. М.–Л.: ГИЗ (отд. воен. лит.), 1929. — 195 с.

Езовитов К. **Белоруссы и Поляки. Документы и факты из истории оккупации Белоруссии поляками в 1918 и 1919 годах.** /Пер. с белорус. Ковна: изд. им. Ф. Скорины, 1919. — 124 с.

Зимионко А.Г. **Оккупация и интервенция в Белоруссии (1915–1923 гг.).** М.: Общество политкаторжан, 1932. — 46 с.

Иоффе Г.З. **Крах российской монархической контрреволюции.** М.: «Наука», 1977. — 320 с.

История имперских отношений: беларусы и русские. 1772–1991. /Ред.-сост. А.Е. Тарас/. Смоленск: «Посох», 2008. — 608 с.

Какурин Н.Е. **Как сражалась революция.** /2-е изд. М.: Политиздат, 1990. Том I. **1917–1918 гг.** (272 с.). Том II. **1919–1920 гг.** (432 с.).

Какурин Н.Е., Меликов В.А. **Гражданская война в России: Война с белополяками.** М.: «АСТ»/СПб: «Терра», 2002. — 732 с. /репринт книги «Война с белополяками, 1920», изд. 1925 г.

Кара-Мурза С.И. **Гражданская война (1918–1921) — урок для XXI века.** М.: «Алгоритм», 2003. — 256 с.

Клеберг. **Прорыв Буденным польского фронта в июне 1920 г.** /Пер. с фр. М.: «Военный вестник», 1924. — 32 с.

Клюев Л.Л. **Первая Конная Красная армия на польском фронте в 1920.** М.: Воениздат, 1932. — 132 с.

Корнатовский Н.А. **Борьба за красный Петроград (1919).** Л.: «Красная газета», 1929. — 535 с.

Круталевич В.А. **Рождение Белорусской советской республики.** Минск: «Наука и техника», 1979. — 336 с.

Кузьмин Н.Ф. **Крушение последнего похода Антанты.** М.: Госполитиздат, 1958. — 344 с.

Лелевич Г. **Октябрь в Ставке.** /Бюллетень/ Гомель: «Гомельский рабочий», 1992.

Меженинов С. **Начало борьбы с поляками на Украине в 1920**. М.: Воениздат, 1925. — 60 с.

Мельтюхов М.И. **Советско-польские войны (Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг.).** М.: «Вече», 2001. — 460 с.

Миско М.В. **Октябрьская революция и восстановление независимости Польши.** М.: АН СССР, 1957. — 226 с.

Михутина И.В. **Польско-советская война, 1919–1920.** М.: ИСБ РАН, 1994. — 324 с.

Михутина И.В. **Украинский Брестский мир: Путь выхода России из Первой мировой войны и анатомия конфликта между Совнаркомом РСФСР и Правительством Украинской Центральной рады.** М.: «Европа», 2007. — 280 с.

Ненахов Ю.Ю. **Кавалерия на полях сражений XX века. 1900–1920**. Минск: «Харвест», 2004. — 512 с.

Ольшанский П.Н. **Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.).** М.: «Наука», 1969. — 260 с.

Ольшанский П.Н. **Рижский договор и развитие советско-польских отношений, 1921–1924.** М.: «Международные отношения», 1974. — 286 с.

Перемытов А.М. **Майская операция Западного фронта (1920 г.).** М.: Воениздат, 1934.

Петров В.И. **Отражение страной Советов нашествия германского империализма в 1918 году.** М.: «Наука», 1980. — 416 с.

Пилсудский против Тухачевского (Два взгляда на советско-польскую войну 1920 г.). М.: Воениздат, 1991. — 252 с.

Полторак С.Н. **Победоносное поражение: Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия.** СПб: «Терция», 1994. — 268 с.

Почанин С.З. **В грозном восемнадцатом.** Минск: «Беларусь», 1969. — 352 с.

Почанин С.З. **Историей обреченные.** Минск: «Беларусь», 1977. — 286 с.

Путна В. **К Висле и обратно.** М.: Воениздат, 1927. — 244 с.

Пятницкий В.И. **Осип Пятницкий и Коминтерн на весах истории**. Минск: «Харвест», 2004. — 720 с.

Райский Н.С. **Польско-советская война 1919—1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев.** М.: ИРИ, 1999. — 89 с.

Сергеев Е.Н. **От Двины к Висле.** М.: /б.и., 1923. — 138 с.

Скворцов-Степанов И.И. **С Красной Армией на панскую Польшу (Впечатления и наблюдения).** М., 1920.

Соколов Б.С. **Михаил Тухачевский: Жизнь и смерть «красного маршала»**. Смоленск: «Русич», 1999. — 512 с.

Сташкевич Н.С. **Приговор революции: Крушение антисоветского движения в Белоруссии, 1917—1925.** Минск: «Университетское», 1985. — 304 с.

Тарас А.Е. **Анатомия ненависти: Русско-польские конфликты в XVIII—XX веках.** Минск: «Харвест», 2008. — 800 с.

Турук Ф. **Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белоруссов.** М.: ГИЗ, 1921. — 144 с.

Тухачевский М.Н. **Избранные произведения.** Том I. М.: Воениздат, 1964. — 320 с.

Фельштинский Ю. **Крушение мировой революции.** Очерк первый. /2-е изд. М.: «Терра», 1992. — 655 с.

Хацкевич А.Ф. **Польские интернационалисты в борьбе за власть Советов в Белоруссии.** Минск: «Наука и техника», 1967. — 152 с.

Хацкевич А.Ф. **Солдат великих боев. Жизнь и деятельность Ф.Э. Дзержинского.** /2-е изд. Минск: «Наука и техника», 1965. — 408 с.

Шапошников Б.М. **На Висле. К истории кампании 1920 года.** М.: Госвоениздат, 1924. — 207 с.

Шибеко З.В., Шибеко С.Ф. **Минск. Страницы жизни дореволюционного города.** Минск: «Полымя», 1990. — 352 с.

Шиловский Е.А. **Контрнаступление Красной Армии в Белоруссии (14 мая — 8 июня 1920 г.).** М.: Воениздат, 1940. — 175 с.

Широкорад А.Б. **Польша: Непримиримое соседство.** М.: «Вече», 2008. — 437 с.

Ширяев Е.Е. **Беларусь: Русь Белая, Русь Черная и Литва в картах.** Минск: «Навука і тэхніка», 1991. — 118 с.

Шкляр Е.Н. **Борьба трудящихся Литовско-Белорусской ССР с иностранными интервентами и внутренней контрреволюцией (1918—1920 гг.)** Минск: Госиздат, 1962. — 178 с.

Яжборовская И.С., Парсаданова В.С. **Россия и Польша: синдром войны 1920.** М.: «Academia», 2005. — 404 с.

НА БЕЛАРУСКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Брайчевський М. **Конспект історіі Украіни.** Київ: «Знання», 1993. — 206 с.

Віцьбіч Ю. **Антыбальшавіцкія паўстаньні і партызанская барацьба на Беларусі.** /Выд. 2-е/ Смаленск, 2007. — 308 с.

Вішнеўскі А. **Гісторыя дзяржавы і права Беларусі.** Мінск: «Экаперспектыва», 2000. — 320 с.

Гісторыя Беларускай ССР. Том 3. Мінск: «Навука і тэхніка», 1973. — 696 с.

Грыбоўскі Ю. **Беларусы ў польскіх регулярных вайсковых фарміраваннях 1918—1945.** СПб.: «Неўскі прасцяг», 2006. — 832 с.

Грыцкевіч А. **Вакол «Слуцкага паўстання».** Мінск, 1987. — 64 с.

Грыцкевіч А. **Слуцкае паўстанне 1920 года (Гістарычны нарыс).** Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2005. — 28 с.

Кушаль Ф. **Спробы стварэння беларускага войска.** Менск: «Беларускі Гістарычны Агляд», 1999. — 164 с.

Лаўрэш Л. **Генерал Кіпрыян Кандратовіч.** Ліда, 2007. — 44 с.

Луцкевіч А. **Да гісторыі беларускага руху. (Выбраныя творы).** Мінск: «Беларускі кнігазбор», 2003. — 288 с.

Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток: «Ніва», 1999. — 270 с.

Нарысы гісторыі Беларусі. Часткі 1—2. /М. Касцюк і інш. Мінск: «Беларусь», 1995. — 560 с.

Мірановіч Я. **Найноўшая гісторыя Беларусі.** СПб.: «Неўскі прасцяг», 2003. — 244 с.

Прушиньский М. **Драма Пілсудського. Війна 1920** (Документально-художне видання) /Пер. с польск. Киів: «Лібра», 1997. — 336 с. (+ 32 с. илл.).

Пушкін І. **Узброены супраціў ва Усходняй Беларусі (20—30-я гады XX ст.): Дакументы і матэрыялы.** Магілёў, 2003. — 140 с.

Рудовіч С. **Час выбару: Праблема самавызначэння Беларусі ў 1917 годзе.** Мінск: «Тэхналогія», 2001. — 202 с.

Слуцкі збройны чын 1920 г. у дакументах і ўспамінах. Мінск: «Медысонт», 2006. — 400 с.

Ціхаміраў А. **Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918—1921 гг.).** Мінск: «Экаперспектыва», 2003. — 400 с.

Шыбека З. **Нарыс гісторыі Беларусі (1795—2002).** Мінск: «Энцыклапедыкс», 2003. — 490 с.

НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Batowski H. **Pozpad Austro-Węgier. 1914—1918.** /Wyd. 2/ Kraków: Wyd. literackie, 1982. — 390 s.

Bułak-Bałachowicz St. **Precz z Hitlerem czy niech żyje Hitler!** Warszawa, 1933. — 48 s.

Bułak-Bałachowicz S. **Wojna będzie, czy nie będzie?** Warszawa, 1931. — 76 s.

Cabanowski M. **Generał Stanisław Bułak-Bałachowicz. Zapomniany bohater.** Warszawa: «Mikromax», 1993. — 204 s.

Dąbski J. **Pokój Ryski.** Warszawa, 1931. — 226 s.

Deruga A. **Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorisi i Ukrainy (1918—1919).** Warszawa: Książka i Wiedza, 1969. — 332 s.

Dowbór-Muśnicki J. **Moje wspomnienia.** Warszawa: (bez wyd.), 1935. — 376 s.

Eberhardt P. **Przemiany narodowościowe na Białorusi.** Warszawa: «Spotkania», [s.d.]. — 182 s.

Garlicki A. **Drugiej Rzeczypospolitej początki.** Wrocław: wyd. Dolnosląskie, 1996. — 232 s.

Goclon J.A. **W obronie Europy (Wojna z bolszewicką Rosją w 1920 roku).** Toruń: wyd. Adam Marszałek, 2006. — 330 s.

Hrycak J. **Historia Ukrainy: 1772—1999. Narodziny nowoczesnego narodu.** Lublin: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2000. — 355 s.

Kaminski S. **Lata walk i zamętu na Ukraine (1917—1921).** Warszawa, 1928.

Karpus Z. **Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy w Polsce w latach 1918—1924. Z dziejów militarno-politycznych wojny polsko-radzieckiej.** Toruń. Wyd. Adam Marszałek, 1991. — 160 s.

Kukiel M. **Zarys historii wojskowości w Polsce.** Londyn: «Orbis», 1949. — 334 s.

Kumaniecki J. **Pokój polsko-radziecki 1921.** Warszawa: «Biblioteka Narodowa», 1985. — 240 s.

Kutrzeba J. **Bitwa nas Niemnem.** Warszawa: Biuro historyczne Sztaba Generalnego, 1926. — 330 s.

Lewandowski J. **Federalizn. Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego.** Warszawa: PWN, 1962. — 272 s.

Łatyszonek O. **Białoruskie formacje wojskowe 1917—1923.** Białystok: Białostockie Towarzystwo Historyczne, 1995. — 273 s.

Łossowski P. **Konflikt Polsko-Litewski 1918—1920.** Warszawa: «Książka i wiedza», 1996. — 252 s.

Łossowski P. **Litwa a sprawy polskie 1939—1940.** Warszawa: PWN, 1985. — 347 s.

Łukomski G., Polak B., Wrzosek M. **Wojna polsko-bolszewicka 1919— 1920.** Tom 1. Koszalin, 1990. — 168 s.

Mackiewicz S. **Historja Polski od 11 listopada 1918 r. do 17 wrzesnia 1919 r.** Warszawa: Wydawnictwo Głos, 1990. — 327 s.

Ochmański J. **Historia Litwy.** Wrocław—Warszawa—Kraków: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1967. — 347 s.

Odziemkowski J. **Leksykon wojny Polsko-Rosyjskiej 1919—1920.** Warszawa: «Rytm», 2004. — 525 s.

Piłsudski J. **Pisma zbiorowe.** Tom V. Warszawa: Institut J. Pilsudskiego. 1937. — 207 s.

Pobóg-Malinowski W. **Nainowsza historia polityczna Polski.** Tom 2. /2-ie wyd. Londyn, 1967.

Przybylski A. **Wojna polska 1918—1921.** Warszawa, 1930. — 242 s.

Serczyk W.A. **Historia Ukrainy.** Wrocław-Warszawa-Kraków-Gdansk: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, 1979. — 500 s.

Sikorski W. **Nad Wislą i Wkrą. Studium z polsko-rosyjskiej wojny 1920 r.** Lwów — Warszawa, 1920.

Simanskij P. **Kampanja białoruska rosyjskiej armji ludowo-ochotniczej gen. Bułak-Bałachowicza w r. 1920.** /«Bellona». Tom 37. Zeszyt 2/ Warszawa, 1931. s. 196—232.

Skaradziński B. **Polskie lata 1919—1920.** Warszawa: «Volumen», 1993. **Tom I. Polski rok 1919** (345 s.). **Tom II. Sąd Bozy** (453 s.).

Szeptycki J. **Front Litewsko-Białoruski. 10 marca 1919 r. — 30 lipca 1920.** Kraków, 1925.

Terlecki O. **Z dziejów drugiej Rzeczypospolitej.** Kraków: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1985. — 402 s.

Turonek J. **Wacław Iwanowski i odrodzenie Białorusi.** Warszawa: «Gryf», 1992. — 158 s.
Wejtko W. **Samoobrona Litwy i Białorussi. Skic historyczny.** Wilno: Zwiazki organizacyj b. wojskowych. 1930. — 104 s.
Żeligowski L. **Wojna w roku 1920. Wspomnienia i rozważania.** Warszawa, 1990.
Żeligowski L. **Zapomniane prawdy.** Londyn: F. Mildner and Sons, 1943. — 44 s.

Baron S. **Zarys historii wojennej 77-go pułku piechoty.** Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1930. — 32 s.
Dąbrowski J. **Zarys historii wojennej 81-go pułku strzelców Grodzieńskich.** Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1928. — 52 s.
Dobrzyński B. **Zarys historii wojennej 3-go pułku ułanów.** Wojskowe biuro historyczne, 1929. — 48 s.
Jasionek S. **Zarys historii wojennej 55-go Poznańskiego pułku piechoty.** Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1930. — 59 s.
Różycki M., Dybkowski S. **Zarys historii wojennej 79-go pułku piechoty.** Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1929. — 30 s.
Szablowski J., Suchomel F. **Zarys historii wojennej 78-go Słuckiego pułku piechoty.** Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1929. — 19 s.
Waligóra B. **Dzieje 85-go pułku strzelców Wileńskich.** Warszawa: «Bellona», 1994. — 440 s.
Zarys historii wojennej 76-go Lidskiego pułku piechoty. Warszawa: Wojskowe biuro historyczne, 1930. — 46 s.

Krótki zarys zagadnienia białoruskiego. Warszawa: Sztab Generalny, 1928. — 410 s.
Pierwsza wojna polska (1918–1920). Zbiór wojennych komunikatów prasowych Sztabu Generalnego. /Zebrał kapitan Stefan Pomarański/ Warszawa: Biuro historyczne Sztabu Generalnego, 1920. — 355 s.
Rok 1920. Wojna polsko-radziecka we wspomnieniach i innych dokumentach. /Wybrał i opracowal Jan Borkowski/ Warszawa, 1990. — 532 s.
Sąsiedzi wobec wojny 1920 roku. Wybór dokumentów. /Opracował J. Gisek/ Londyn: Polska Fundacja Kulturalna, 1990. — 324 s.
Stosunki Rzeczypospolitej Polskiej z państwem radzieckim. 1918–1943. Wybór dokumentów. /Opracowanie i wybór Jerzy Kumaniecki/ Warszawa: PWN, 1991. — 350 s.

СОДЕРЖАНИЕ

Научно-популярное издание

ГРИЦКЕВИЧ Анатолий Петрович

ЗАПАДНЫЙ ФРОНТ РСФСР 1918–1920.
БОРЬБА МЕЖДУ РОССИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ ЗА БЕЛОРУССИЮ

Ответственный за выпуск А.Е. Тарас

Подписано в печать с готовых диапозитивов заказчика 03.09.2009.
Формат $60 \times 90^{1}/_{16}$. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 31,0. Тираж 3000 экз. Заказ 1584.

ООО «Харвест». ЛИ № 02330/0494377 от 16.03.2009.
Республика Беларусь, 220013, Минск, ул. Кульман,
д. 1, корп. 3, эт. 4, к. 42.
E-mail редакции: harvest@anitex.by

ОАО «Полиграфкомбинат им. Я. Коласа».
ЛП № 02330/0150496 от 11.03.2009.
Республика Беларусь, 220600, Минск, ул. Красная, 23.

В книге подробно рассмотрены события советско-польской войны 1919 — 1920 гг. В отличие от прежних публикаций коммунистических историков по этой теме, ограниченных рамками статей Ленина и мемуаров командиров РККА периода 1920-х годов, автор использовал в первую очередь исследования польских и белорусских ученых, неизвестные русскоязычной аудитории.

О многом читатели узнают впервые, например, о жестоких сражениях на рубеже рек Неман и Щара в сентябре 1920 года, о Полесском походе армии Булак-Балаховича, о Слуцком вооруженном выступлении. Помимо собственно боевых действий, автор достаточно подробно описал общественно-политическую ситуацию на территории Белоруссии и вокруг нее с конца 1917 по весну 1921 года. Значительное внимание он уделил советско-польским мирным переговорам.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-985-16-6650-4

НЕИЗВЕСТНЫЕ ВОЙНЫ